

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

XXI

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Москва
2021

УДК 811.16/811.17+39

ББК 81

Б 20

БСИ

Редакционная коллегия:

А. В. Андронов, П. М. Аркадьев, Б. Вимер, П. У. Дини, В. А. Дыбо
(*отв. редактор серии*), *М. В. Завьялова (секретарь), К. А. Кожанов,*
Б. Лаумане, Е. Л. Назарова, М. В. Ослон, С. И. Рыжакова,
Б. Стундзя, Т. М. Судник, А. Хольфут, Т. В. Цивьян, У. Шмальшитц,
при участии *С. Г. Болотова*

Утверждено к печати Учёным советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 1 заседания Учёного совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 28.IX.2021)

Оригинал-макет:

С. Г. Болотов

Б 207 Балто-славянские исследования – XXI: Сб. науч. трудов. —
М., 2021. — 464 с. DOI: 10.31168/2658-5766.2021.21 (выпуск)

ISSN-13: 977-2658-576-00-8

ISBN-13: 978-5-7576-0454-1

ISSN-8: 2658-576-6

ISBN-10: 5-7576-0454-9

В сборнике представлены статьи ведущих специалистов в области балто-славянских языковых и этноязыковых контактов из России, Белоруссии, Литвы, Латвии, Италии. Статьи посвящены сравнительно-историческому и историко-типологическому анализу фонетики, лексики и грамматики балтийских и славянских языков на индоевропейском фоне, языковым контактам балтов и славян, особенностям балтийских языков с синхронной точки зрения, проблемам социолингвистики и этнолингвистики, исторической текстологии, мифологии, фольклору и их преломлению в литературах славянских и балтийских народов, истории социума и культуры балтов и славян.

Темы, затронутые в сборнике, актуальны не только для славистов, балтистов, индоевропеистов, но и для лингвистов, фольклористов, этнологов, историков широкого профиля.

УДК 811.16/811.17+39

ББК 81

ISSN 2658-5766

ISBN 978-5-7576-0454-1

DOI: 10.31168/2658-5766 (серия)

© Авторы статей, 2021

© Институт славяноведения РАН, 2021

Рекомендуемое сокр.: БСИ-XXI

© С. Г. Болотов, оригинал-макет, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 6

Памяти Вячеслава Всеволодовича Иванова

Выступление Вяч. Вс. Иванова на открытии Центра балто-славянских исследований (16 июня 2009 г.) (*расшифровка видеозаписи*) 9

Выступление Вяч. Вс. Иванова на открытии конференции «О богах и людях. А. Ю. Греймас сегодня» (17 мая 2017 г.) (*расшифровка видеозаписи*) 12

Н. Н. Казанский.

Отражение трёхмерности пространства в праиндоевропейском языке 18

Я. Курсите.

Память культуры: Вяч. Вс. Иванов и И. Зиедонис о латышском Юмисе ... 28

В. А. Дыбо.

Влияние акцента на вокализм в западных индоевропейских языках 46

А. В. Дыбо. Тюркские и славянские языки: история взаимоотношений 174

А. В. Циммерлинг.

Откуда *вода пить* течёт: об одной циркумбалтийской изоглоссе 212

С. Г. Болотов. «*И латыши, и финны, / И шведы также есть*»:

ещё раз о происхождении латышского дебитива 242

P. U. Dini. Über die letzten Dinge im Falle des Altpreußischen.

Versuch einer Systematisierung 286

О. Буис. Латыши среди балтских народов и племён,

или язык латышей до общенационального языка 293

О. Буис. *Latvija* и *latvieši*: происхождение названий 319

М. В. Завьялова. Русизмы в литовском и латышском жаргонах 336

П. М. Аркадьев.

Опыт морфологической классификации литовских глаголов 352

М. М. Валенцова. Ещё раз о демонониме *юда* 377

Н. Лауринкене. Образ «повозки / колесницы Солнца» в балтийской мифологии как отголосок индоевропейской духовной культуры 396

О. И. Дзярнович. Восточная Литва XI–XIII веков: проблема этнокультурных и социокультурных характеристик поселений раннегородского типа 406

In memoriam

Тамара Михайловна Судник (17 января 1939 – 5 марта 2021) (<i>С. М. Толстая</i>)	427
Вильям Ригель Шмальштиг (Уильям Шмолстиг, William Riegel Schmalstieg) (3 октября 1929 – 22 января 2021) (<i>А. И. Даниленко</i>).....	436
Оярс Бушс (Ojārs Bušs) (28 апреля 1944 – 3 января 2017) (<i>А. В. Андронов</i>)	440
«Археология — это книга, которую надо уметь читать»: К 90-летию со дня рождения Эвалда Мугуревича (Ēvalds Mugarēvičs) (6 апреля 1931 – 23 ноября 2018) (<i>Е. Л. Назарова</i>)	446
Сведения об авторах	462

CONTENTS

Editorial note	6
-----------------------------	---

In memory of Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov

Vyach. Vs. Ivanov's presentation at the opening of The Centre for Baltic-Slavic Studies (16 June 2009) (<i>video-to-text transcription</i>)	9
---	---

Vyach. Vs. Ivanov's presentation at the opening of Conference "On gods and people. A. J. Greimas today" (17 May 2017) (<i>video-to-text transcription</i>)	12
--	----

N. N. Kazansky.

Reflexion of three-dimensionality of space in Proto-Indo-European.....	18
--	----

J. Kursīte.

Memory of culture: Vyach. Vs. Ivanov and I. Ziedonis on Latvian Jumis	28
---	----

V. A. Dybo. Influence of accent

on the vocalic system in Western Indo-European languages.....	46
---	----

<i>A. V. Dybo.</i> Turkic and Slavic languages: a history of their interrelations	174
---	-----

A. V. Zimmerling.

Where does <i>potable water</i> flow from: one Circum-Baltic isogloss.....	212
--	-----

S. G. Bolotov. "И латыши, и финны, / И шведы также есть"

("We have both Letts and Finns here, / And Swedes we have as well"):

The origins of the Latvian debitive revisited	242
---	-----

P. U. Dini. About the latest things in the case of Old Prussian.

Attempt at systematization	286
----------------------------------	-----

O. Bušs. Latvians among Baltic peoples and tribes,

or The language of Latvians before the national language	293
--	-----

<i>O. Bušs.</i> <i>Latvija</i> and <i>latvieši</i> : the names' origins	319
---	-----

<i>M. V. Zavjalova.</i> Russianisms in Lithuanian and Latvian slangs.....	336
---	-----

<i>P. M. Arkadiev.</i> An attempt at a morphological classification of Lithuanian verbs .	352
---	-----

<i>M. M. Valentsova.</i> Once more on the demononym <i>юда</i> (<i>iūda</i>).....	377
---	-----

N. Laurinkienė. The image of «Sun carriage / chariot» in Baltic mythology

as an aftersound of Indo-European spiritual culture	396
---	-----

<i>A. I. Dziarnovič.</i> Eastern Lithuania of 11 th –13 th centuries: the problem of ethno-cultural and socio-cultural characteristics of early-urban type settlements..	406
--	-----

In memoriam

Tamara Michajlovna Sudnik (17 January 1939 – 5 March 2021) <i>(S. M. Tolstaya)</i>	427
William Riegel Schmalstieg (3 October 1929 – 22 January 2021) <i>(A. I. Danylenko)</i>	436
Ojārs Bušs (28 April 1944 – 3 January 2017) <i>(A. V. Andronov)</i>	440
“Archaeology is a book one needs to know how to read”: On the occasion of the nonagenary of Ēvalds Mugurēvičs’ birthday (6 April 1931 – 23 November 2018) <i>(E. L. Nazarova)</i>	446
Information about the authors	462

От редколлегии

Уже четыре с лишним года с нами нет Вячеслава Всеволодовича Иванова, бессменного главного редактора нашей серии на протяжении почти сорока лет. С этой потерей невозможно смириться.

Вячеслав Всеволодович скончался, когда готовился к печати предыдущий, XX том «Балто-славянских исследований». Мы не могли посвятить его памяти уже практически готовый том. Мы делаем это сейчас: памяти Вячеслава Всеволодовича Иванова посвящается настоящий, XXI том. Он открывается текстами двух выступлений Вячеслава Всеволодовича, разделённых почти десятью годами: первое — в Институте славяноведения РАН в 2009 году на открытии Центра балто-славянских исследований, второе — в Посольстве Литовской Республики в Российской Федерации в 2017 году на открытии международной конференции, посвящённой А. Ю. Греймасу.

Оба эти события значимы в истории балто-славянских исследований в Москве. Открытие Центра балто-славянских исследований под руководством Вячеслава Всеволодовича стало итогом многолетней работы в этой области сотрудников Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН. Конференции, проводившиеся с 1998 года Институтом славяноведения РАН совместно с Посольством Литовской Республики в Российской Федерации, являются важным вкладом в сотрудничество ученых России, Литвы и других стран в изучение балто-славистики. Вячеслав Всеволодович был инициатором и активным участником и многих этих конференций. Конференция 2017 года стала для него последней и, по-видимому, выступление на ней стало последним публичным выступлением Вячеслава Всеволодовича перед широкой аудиторией в России. Для нас этот текст особенно ценен: обращаясь к литовскому мифологическому сюжету, Вячеслав Всеволодович раскрывает широкую перспективу, очерчивая актуальные задачи предмета истории и предмета лингвистики.

На открытии Центра балто-славянских исследований Вячеслав Всеволодович сказал, что в начале своих научных занятий он колебался между поэзией и лингвистикой. Они и остались главными занятиями его жизни. Об этом пишут Н. Н. Казанский и Я. Курсите.

На обороте:

Вячеслав Всеволодович Иванов.

Перedelкино. 21 августа 2007 г.

Фото Ю. Бударйтуса

Выступление Вячеслава Всеволодовича Иванова на открытии Центра балто-славянских исследований в Институте славяноведения РАН 16 июня 2009 года

Мне поручено ответственное дело — начать наше открытие Центра балто-славянских исследований, и поскольку в программе кроме докладов и сообщений обозначены также воспоминания, я позволю себе несколько минут отнять вашего внимания и вспомнить о первых наших совместных с Владимиром Николаевичем Топоровым месяцах, годах, потом и с другими, главным образом его, потом и моими учениками и сотрудниками, как это для нас всё начиналось. Приблизительно, я думаю, с 1947 года, когда нас нескольких, включая меня и Владимира Николаевича, Михаил Николаевич Петерсон обучал литовскому языку и каким-то основам балтийского и индоевропейского языкознания. Я в это время ещё как-то не решил для себя, буду ли я прежде всего учёным или в основном буду заниматься поэзией, стихами, стихотворными переводами, поэтому когда был в Латвии, довольно много изучал латышскую поэзию, и мне повезло, потому что я встретил, благодаря литературным знакомствам своего отца, Мирдзу Яновну Кемпе. Как потом я узнал, она сыграла большую роль в биографии, в творческом развитии многих людей младших поколений. Молодые сравнительно тогда латышские, отчасти литовские писатели и главным образом поэты потом много вспоминали о ней в этой связи. Кроме своих собственных стихов и большого внимания, которое она оказывала всем нам, начинавшим стихами, научными занятиями и так далее, эту область разного рода балтийских и балто-славянских исследований, Мирдза Яновна Кемпе также знакомила нас с творчеством тогда мало известного, почти преимущественно тогда самиздатского, позднее тамиздатского поэта, замечательного, как я до сих пор думаю, Эрика Адамсона, который в начале своей взрослой жизни был с ней связан, потом уже нет, но остался в её памяти. Он такое удивительное явление европейского романтизма, который как бы не в своём веке жил, он принадлежит веку больших европейских романтиков. Но так складываются судьбы отдельных молодых литератур Европы, что в них немножко сдвигается хронология исторического развития литературы, поэтому Адамсон в 30^е–40^е годы, когда он большинство своих вещей написал по-латышски, был уже на самом деле представителем того поэтического поколения, которое когда-то дало в других литературах Гейне, Китса и других романтиков, у нас Пушкина и Лермонтова прежде всего. Вот он был такого масштаба поэт, но писал на языке малоизвестном, поэтому до сих пор его размер, я думаю,

недостаточен. Меня когда-то совершенно потрясло его стихотворение «Сонет об истории», который мне всегда казался таким указанием, как понимать историю. Это начинается с древней истории, первые два куплета в основном о Древней Греции, потом он переходит к Французской Революции, а последняя строка — как бы цветовая символика:

Melns, sarkans, sudrabs — nāve, asins, ešafots

‘Чернь с красным, серебро — смерть, кровь и эшафот’¹.

Вот что такое история. И дальше в своей биографии он это подчеркнул, но вместе с тем такие завидные советы, которые остаются на всю жизнь всегда от великих поэтов. У него есть замечательная поэма «Баллада о трубке грёз», по поводу индейцев, которые научились курить трубку и так далее, но это символика вот этой романтической европейской культуры, в которую он, и с ним тогда замечательная молодая латышская поэзия после Райниса вступала. Там есть такие строки:

— *Man ir sapņi pīpe —
un man pieder viss! —*

‘Трубка грёз со мною — всё есть у меня!’²

Трубка грёз, она, конечно, от романтиков, в том числе от балтийских романтиков, латышских, литовских перешла к нам и много для нас значила. Потом, когда мы, скажем, оценили Райниса, то в нём понимали тоже именно это. Нам с Топоровым очень нравилось, у нас обоих где-то есть цитаты эти из одного замечательного стихотворения Райниса, где он говорит о своём восприятии мира:

Lai ledus cik stipris, cik skaisti mirdz,

Pēc brīva, pēc dzīva ilgojas³ sirds

‘Лёд так красив и ярко блестит, тем не менее сердце тоскует по живому и по свободному’⁴.

Вот с этим мы вошли в изучение латышской и литовской поэзии, особенно народной. Для нас много значили собрания латышских народных стихов Эндзелина и других, собрания литовских народных

¹ Стихотворение «Soneta par vēsturi» из сборника «Sudrabs ugunī», 1932. — *Red.*

² Стихотворение «Sapņi pīpe» из одноимённого сборника, 1942. — *Red.*

³ См. сноску 3 (на стр. 19) в статье Н. Н. Казанского об однокоренных с латышским глаголом *ilgôtiês* литовских существительных — о редкой лексеме *ilgastis* ‘тоска’ (обычно *ilgesjys*, *pasiilgimas*, *ilgėjimasis*, книжн. *ilgãtvė*) и о её уменьшительно-ласкательном производном, авторском (Балиса Сруоги) окказионализме *ilgastėlis*. — *Red.*

⁴ Стихотворение «Tã nepaliks (‘Так не останется’)), сб. «Wehtras sehja (‘Посевы бури’)), 1905. — *Red.*

стихов начиная с XIX века. Мы многое из этого знали наизусть и пытались понять, как эта древняя поэзия откликнулась в современности и как, уникальным образом, только в этой части индоевропейского языкового и поэтического мира, какие-то мифологические образы и темы, намеченные ещё в общеиндоевропейское время, как мы все теперь знаем, то есть примерно 5–7 тысяч лет назад, как они дошли до нашего времени. И до сих пор литовские и латышские крестьяне в своих песнях воспроизводят то, что мы теперь понимаем, относилось к столь далёкому времени. Когда мы, увлечённые поэзией и поэзией этих языков, стали глубже разбираться в том, что может дать новый подход к их исследованию, обнаружилось то, что мы попытались 51 год назад изложить в нашем докладе с Топоровым на съезде славистов в Москве. Оказывается, сходство балтийского и славянского глубже, чем многие думали. Можно думать не просто о реконструкции какого-то общего прошлого, но можно пытаться понять, как праславянский язык соотносится с прабалтославянским или прабалтийским. Это чрезвычайно увлекательная область занятий, и постепенно она слилась с исследованием балто-славянских отношений, языковых и культурных в более широком плане, как это понимается в современной науке в связи с понятием языковых союзов. Чем мы с Топоровым и группа к нам примыкавших ученых в этом институте главным образом, но и в некоторых других научных учреждениях России, занимались в течение последующего полувека. Поэтому то, что сегодня происходит, для меня в какой-то степени продолжение начатого тогда, очень давно, и я рад, что эта половина столетия не прошла даром, мы вступаем в новый период, и я благодарю всех, кто помог этому развитию.

**Приветствие-доклад Вячеслава Всеволодовича Иванова
на открытии международной научной конференции
«О богах и людях: А. Ю. Греймас сегодня».
«Дом Балтрушайтиса». 17 мая 2017 г.**

Я, как представитель Центра балто-славянских исследований в Институте славяноведения Российской академии наук, очень рад тому, что нам удастся внести свой вклад в продолжение того, что было начато учеными наших двух стран и продолжено во многих других странах многими нашими коллегами. Я хотел бы больше всего поблагодарить тех, кто участвовал в первоначальных работах с Греймасом, его знал лично. Греймас был очень заинтересован в продолжении именно этих одновременных исследований. Его поразило то, что почти одновременно я и Владимир Николаевич Топоров начали заниматься сравнительной балто-славянской мифологией примерно в то же время, когда к этому всерьез снова обращается Греймас. Но мы в какой-то степени исходили из похожих, хотя не совсем одинаковых источников. Греймас вдохновляли труды по сравнительной мифологии, созданные в основном в XIX веке, отчасти в самом начале XX века, я имею в виду замечательные лингвистические работы К. Буги, где рассматривались некоторые вопросы антропологии, и некоторые другие труды, созданные именно в то время, в самом начале XX века, то есть тогда, когда разъединение лингвистики и мифологии ещё не дало таких существенных результатов, которые были позже. А позже мы сейчас возвращаемся к соединению этих наук, но также и к большому их расширению.

Мне хотелось сегодня, помня об интересе Греймаса к общим нашим параллелям в исследованиях, помня обо всём, что сделал Греймас для приближения науки о богах к науке о людях, сравнительной мифологии и антропологии, обратиться к возможностям более новых современных продолжений этих же исследований. Их можно продолжать в разных направлениях. Прежде всего немного скажу о том, что мне кажется интересным, может быть не самым интересным, но одним из очень интересных вопросов в отношении очень ранней пред-пред-истории балтов. Я сегодня хочу снова коснуться вопроса этимологии имени Лиздейки. Вы помните, что существенная часть мифа состоит в том, что великий князь, в последующем переложении это Гедимин, но так или иначе, великий князь, связанный с Литвой и с Вильнюсом, во время охоты натывается на дерево, где находит гнездо, а в гнезде, в отличие от универсального, глобального мифа, не детёныш орла, не орлёнок, не маленькая птица, а маленькое живое существо — человек. И

у этого человека уже есть имя, и его имя образовано от того, что он находится в гнезде — это Лиздейка. Окончание понятно, я его не разбираю, а вот корень, фонетическая, консонантная сторона корня представляет огромный интерес. Тривиальным образом это объясняется как *l-*, которое в данных двух диалектах, а именно в литовском и, соответственно, в балтийском, и в тохарском, представлено [как] начальный элемент, который в индоевропейском был носовым, то есть это было производное от *ni-*, первоначально с долгим *ī*, то есть *i* с ларингальным: **nī-* как приставка, как преверб в сочетании с редуцированным корнем **sed-* ‘сидеть, садиться (о птицах)’, о полёте птиц, о том моменте, когда они садятся в своё гнездо. Значит, «вниз усаживающийся». Идея об основании в гнезде понималась как движение полёта, полёт птиц, матери птенцов вниз, к гнезду, где птенцы. Интересно, что некоторые изменения начального *n-*, по-видимому, объясняются прежде всего тем, что это начало слова. Поэтому здесь возникают такие рубежные явления, пограничные в фонологии, в частности, славянское развитие, откуда *gn-* в русском *гнездо* и в других славянских словах с этим значением. Вариации вокруг этого *n-* связаны с его положением в начале. Но такая вариация, при которой это *n-* представлено латеральным *l-*, необычна, это нестандартный вариант для начального индоевропейского *n-*, и хотя есть примеры, когда по фонетическим причинам возникает вторичное *l-* в разных диалектах, чаще оно возникает из других источников, то есть продолжение *n-* в виде начального *l-* в этом уникальном слове это вполне единственный в своем роде факт в истории и тохарских языков, и балто-славянских. Так что здесь приходится отметить безусловное сходство именно этих двух диалектов. Индоевропейцам ещё предстоит осмыслить другие балто-тохарские параллели (их довольно много, большинство из них скорее балто-славяно-тохарские, но то, что мы рассматриваем, чисто балтийское, без участия славян). Следует думать, что это какой-то факт, указывающий на единичные диалектные связи исключительно давнего времени. Поэтому это совпадение, вполне частное, тем не менее имеет большое общее значение для картины соотношения разных индоевропейских диалектов, внутри которых тохарский можно сопоставить с балто-славянским, в том плане, что тохарский, безусловно, отражает так называемый общеевропейский слой индоевропейской лексики. Вместе с тем в тохарском совсем нет элементов, которые бы указывали на сходство с восточноиндоевропейским. В этом смысле тохарский отличается от балто-славянского.

Я хочу перейти к двум интересным проблемам, которые открываются для будущего. Пока мы не знаем, что на эту тему сказать. Первая интересная проблема — это проблема древности такого использо-

вания названия гнезда для образования имени человека в гнезде, то есть это проблема того, как взаимодействие языкового и мифического складывается в истории этого мифа. Вторая проблема состоит в том, что самый миф, по-видимому, принадлежит к числу очень распространённых и даже почти универсальных, но «почти» в том смысле, что его окончательная форма нам известна больше в части традиций развитого типа. Под развитым типом я имею в виду донеолитические традиции, дожившие до неолита, его испытывавшие, отразившие это в соответствующем имени. Потому что *Lizdeika*- и соответствующее тохарское слово — это слова, которые отражают стадию языка, уже прошедшего развитие мифа в быль. То, что рассказывалось как мифологическая история о встрече чудесного существа в гнезде, трансформируется потом в представление о ребенке, который дальше имеет реальную биографию, даже придворную биографию. Но это ребенок, который существует сначала при своих родителях, и этим характеризуется его имя. Это очень важная черта, которая опять объединяет тохар и балтов и как будто не объединяет другие индоевропейские диалекты, которые, казалось бы, имели шансы быть среди тех, которые отражают самый миф, его балтийскую или балто-тохарскую форму.

Следующий вопрос касается уже более общих вещей. Это проблема дерева, гнездо находится на дереве, поэтому исследование Топорова, как и предыдущие работы Греймаса, касалось конкретного воплощения уникального универсального представления о мировом дереве, которое преобразуется в Литве в дерево—древо—мировое древо. Схема мира, предложенная в виде дерева, и в центре этой схемы находятся обитатели дерева — люди. То, что люди естественным образом входят в структуру мирового дерева, это, по-видимому, черта общеиндоевропейская, но относительно более поздняя. Это всё время соприкосновения неолита с преднеолитом, и к такой большой глубине нас приводит продолжение исследования Греймаса и других замечательных ученых, которые касались балтийской мифологии.

Следующий важный вопрос: если действительно речь идёт о полном погружении в мифологию для мифологического словоосознания, как далеко мы можем реконструировать. О чём идёт речь в абсолютном времени, то есть просто конкретно в тысячах лет, и в абстрактном времени, то есть во времени, которое мы скорее исчисляем в машинных единицах: сколько машина поработала над тем, чтобы это закрепление, эта фиксация каких-то событий, в том числе событий мифа, была соотнесена с некой временной шкалой. Для этого мы должны кроме абсолютной хронологии иметь дело с относительной хронологией. Я думаю, что самая интересная проблема поставлена совсем недавно

благодаря выходу книги американского антрополога Хейнса, которая совпадает во многом с идеями Владимира Николаевича Топорова. То есть это идея того, в какой степени длится, насколько покрывает часть современной и прошлой истории человечества эпоха мирового древа. Дело в том, что Гедимин или любой литовский деятель, который потом творцами мифологии вставлен в этот сюжет, продолжатель некоторых, гораздо более ранних исторических персонажей, которые имели дело с тем же историческим универсальным символом мирового древа. Само представление о мировом древе как общем для всех разных предцивилизаций предлюдей до неолита сейчас становится реальным благодаря открытиям сначала Топорова, потом Хейнца. К Хейнцу присоединяется в предисловии к его книге крупнейший современный специалист по сравнительной мифологии, которого мы знаем по работам индийским, дардским, нуристанским и японскому в связи с мифологией, это Витцель. Согласно Витцелю и Хейнцу, мы продолжаем жить в том времени, которое начинается некоторой доисторической цивилизацией, поклонявшейся мировому древу. Это открытие недавнего времени, оно стоит в ряду ряда открытий, таких, которые сделаны у нас Берёзкиным, создавшим свою замечательную компьютерную систему для мировой мифологии. Берёзкин уже собрал много материалов, которые указывают на то, как универсальные и неуниверсальные, локальные моменты возникают в мифологии и как они распространяются. Из этих вопросов один из самых интересных это вопрос о проникновении и развитии представлений о гнезде на дереве. Гнездо на мировом древе, которое связывается с начатками уже новой, неолитической культуры. Я в этой связи хотел бы напомнить, что мифы, почти совпадающие и вовлекающие в себя образ древа, мирового древа или какого-то другого подобного растения и некоторые мифологические мотивы, мифологемы, которые с ним связываются, касаются не только Вильнюса, а целого ряда древних городов, и для исследования в духе Хейнца очень важно сопоставление фактов мифологии нового и старого света. Вы знаете, что вопреки принятой недавней традиционной антропологической схеме развития цивилизаций, что мифологии нового и старого света развивались независимо друг от друга, исследования Топорова, Хейнца и других позволяют внести большое исправление. Сама идея мирового древа, по-видимому, является общей для культур старого и нового света. То есть древнейшая часть мифа об основании Вильнюса оказывается унаследованной, и в этой древнейшей части уже очень важную роль играет дерево само по себе. В таком случае надо поставить вопрос о том, как же птенец, потомок птицы превращается в человека, начало некоторой человеческой традиции. В этом смыс-

ле Лиздейка оказывается просто ключевой фигурой для понимания этого соотношения разных традиций — традиции более поздней европейской, где идея родового гнезда переносится в основном на людей, феодалов обычно, и другого рода понимания гнезда как начала родового продолжения. Родовое продолжение это когда наследуются черты целого рода, целой семьи, целого клана в отличие от более ранних эпох, для которых мифология мыслилась больше в терминах звериного эпоса. А здесь мы видим переход от одной возможности к следующей.

Я хотел бы в заключение сказать несколько слов об общем выводе, который напрашивается из современных исследований. Этот общий вывод заключается в том, что глобализацию мы должны понимать не как уникальное явление, которое происходит только в наше время. Глобализация происходит всё время, это основная черта развития человечества. Если XIX век выдвигал как общую схему для целого ряда линий исторического смещения картин эволюцию, то мы склонны сейчас предпочитать взгляд на эволюцию как связанную с глобализацией, то есть как связанную с распространением некоторых основных явлений. В число таких основных явлений для раннего человечества перед неолитом (как бы начинающегося неолита) [входит] введение института священного царя, который постепенно приобретает черты не только священства. Это показано Хофартом и многими другими современными антропологами преимущественно английской школы в большей степени на более современном африканском материале. Так или иначе в некоторых частях мира этот процесс распространения священной власти царя, становящегося постепенно не только священным, но и постепенно перенимающим часть орудий управления, связан с появлением соответствующих мифов и переосмыслением мифологических символов. Для самого раннего времени мы находим черты звериного эпоса, в котором человек действует как один из партнеров — участников диалога с животным, с матерью птенцов. Постепенно этот человек становится также покровителем людей, а не птенцов, маленьких детёнышей. За покровительство мать платит услугами, которые описаны в мифах части сибирских народов, например, кетов. Кеты в этом смысле очень интересны, они дают многое для понимания этого процесса передвижения того, что я называю преднеолитом, к неолиту. Таким образом сейчас мы можем постепенно начать намечать черты, которые социальную историю связывают с историей мифологической и с её трактовкой в мифах. И огромная роль при этом принадлежит Греймасу, который первый ввел соответствующие литовские материалы, изучив многие до него оставшиеся менее известными, менее заметными. И рядом с Греймасом и с Владимиром Николаевичем Топоровым мы

смело можем поставить сейчас имена целого ряда выдающихся литовских ученых, вместе с русской школой мифологии, включавшей таких ученых, как Афанасьев, вместе с украинско-русской школой, представленной Потебнёй и другими замечательными учеными, мы смело можем говорить о том, что существует восточноевропейская линия понимания этих древних мифологических символов. В их изучении виднейшая роль принадлежит Греймасу. Мне хочется пожелать развития его исследований, его учеников и учеников его учеников, чтобы это двигалось в таком направлении, о котором я сегодня говорил, то есть в сторону более нового понимания эволюции и глобализации и с периодизацией всей человеческой истории ещё до неолита.

Н. Н. КАЗАНСКИЙ

Отражение трехмерности пространства в праиндоевропейском языке

Исследования Вяч. Вс. Иванова и его наблюдения в настоящее время упоминаются далеко не так часто, как они того заслуживают. В частности, это касается его взглядов на реконструкцию абстрактных понятий, выраженных именами существительными, образованными от качественных прилагательных. Реконструкция имен существительных с абстрактным значением важна не только сама по себе, но и как свидетельство существования абстрактного мышления носителей праязыка. Так, для прагреческого языка восстанавливается основа $\gamma\nu-$ со значением 'искривлённое, углубление' ('creux, rond' — [DELG: 241]), давшая ряд производных, особенно в технической и юридической сферах, ср. $\gamma\acute{\upsilon}\lambda\omicron\nu$ 'выпуклость, выгнутая поверхность', но также 'впадина, долина', $\gamma\acute{\upsilon}\eta\varsigma$ 'сделанная их одного куска дерева и потому изогнутая грядиль рала'.

Для праиндоевропейского языка, как мне представляется, также можно реконструировать абстрактные значения и термины, их выражающие.

Проиллюстрирую это на примере уже неделимого сложного в своей основе суффикса (то, что обозначается удачным термином конглютинат)¹ *-osti-², для которого Вяч. Вс. Иванов принимал предложенное ещё Б. Грозным (Hrozný 1915: 28) сопоставление хеттского *dalugašti-* и славянского **dlgostь* (ст.-болг. **длъгость**, серб.-хорв. *gъȓocū* f. 'длина', словен. *dolgōst* f. 'длина', ст.-чеш. *dlouhost*, словацк. *dlhost'* f. 'длина, долгота', верх.-луж. *dolhosć* f., ниж.-луж. устар. *dlugosć* f. 'длина', польск. *dlugość* f. 'длина, длительность', др.-рус. *дългость*, *длъгость* f. 'длительность', украинск. *дóвгість*, G.sg. *-osti* f. 'длительность, длина')³.

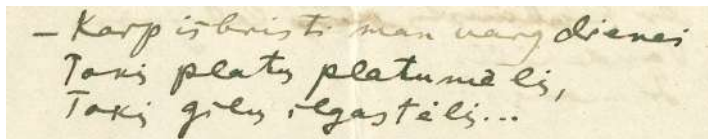
¹ Этот термин был распространен в лингвистике XIX века и продолжает употребляться для обозначения составных по своему происхождению суффиксов, которые на синхронном уровне уже не делимы и которые уже нельзя рассматривать как составной суффикс, части которого сохраняют семантические признаки. Упоминания о конглютинатах присутствуют в трудах, посвященных индоевропейскому языкознанию. На русском языке этим термином широко пользовался И. М. Тронский (Тронский 2001: 230; 260). Хорошим примером конглютинации является последовательность, выступающая как неделимый суффикс в греч. *βιβλαρίδιον* 'книжечка' — (Watt 2013: 29–30). При этом части конглютината мы можем отождествлять с известными суффиксами (-ar + -id + -ion). Все эти примеры хорошо известны уже давно, см. (Smyth 1984: 335).

² Этот суффикс среди нескольких других конглютинатов уже рассматривался автором (Kazansky 2020).

С точки зрения исторической фонетики такое сопоставление безусловно, а для славянского материала оно сохраняет прозрачность своей внутренней формы и воспринимается как производное от прилагательного *dblъ* с суффиксом *-ostь*. Сопоставление за пределами славянских языков, как это отмечает ЭССЯ (ЭССЯ 5: 207), позволяет дополнительно выделить в основе **dl̥H₁-gʰe/o-* суффикс **-gʰ-*, ср. греч. *δολιχός*, санскр. *dīrghá-*, авест. *darəga*, др.-перс. *darga*, хетт. *dalugaes* (N.pl.), обозначающей 'длинный'.

Рассматриваемое прилагательное не попало в число имен, разобранных в *Nomina im indogermanischen Lexikon* (NIL), более того, в недавней работе Шт. Хёфлер отвергает саму идею такого сопоставления: „Die <...> Identifikation von heth. *dalugašti-* ‚Länge‘ mit poln. *dlugość*, tschech. *dlouhost* ‚Länge‘ ist somit nur eine Scheingleichung“ (Höfler 2018: 125). Следует специально отметить, что целнолексемное сопоставление отвергал Э. Бенвенист, усматривая здесь простое совпадение результатов независимого развития, а не совпадение, обязанное общей истории слова в анатолийских и славянских языках («...la coïncidence assurément curieuse de hitt. *dalugašti-* et de sl. **dīlgostī* représentera non plus une identité historique, mais bien plutôt une convergence entre des développements distincts» [Benveniste 1962: 90])⁴. С этой интерпретацией не соглашался Вяч. Вс. Ива-

³ Вяч. Вс. Иванов поддержал эту точку зрения в статье (Иванов 1987: 150–156), причём добавил литовское слово *ilgastėlis* 'тоска', уменьшительно-ласкательное от существительного *ilgastis* 'тоска', используя текст Баліса Сруоги (письмо Валерии Чюрлёнйте от 24.V.1917 из Сочи): — *Kaip išbristi man vargdienei Tokį platų platumėlį, Tokį gilų ilgastėlį...* 'Как мне, бедолаге, пробрести по этой трясине <глагол обозначает передвижение по воде или по топкому месту>, бесконечной ширины и столь глубокой тоски' (LKŽ sub v. ²ilgastis; Sruoga 2018: 1r, li. 7–9):

Вяч. Вс. Иванов явно ощущал в литовском *ilgastėlis* внутреннюю форму слова, не утратившую связей с тоскливой бесконечностью. Литовский пример позволяет вспомнить о том, что санскритской, старославянской, греческой и хеттской формам противостоят образования от иной основы: латинское *longus*, готское *laggs* 'длинный', ирландское *long* 'длинный'. А. Мейе видел в этом изоглоссу, отделяющую восточный ареал от западноевропейского (Ernout, Meillet 2001: 366).

⁴ Дополнительным аргументом служило то, что славянские существительные на **-osti* всегда женского рода, в то время как в хеттском они относятся к среднему роду. Последнее не совсем точно, поскольку хеттское существительное *palhašti-* 'ширина' п./с. бывает и общего (*genus commune*), и среднего рода.

нов в рецензии (Иванов 1963: 154). И славянский, и хеттский примеры могут рассматриваться как производные от одного и того же корня с огласовкой *-o-*. Последнее вызывает сомнения у Ш. де Ламбертри, который, рассматривая дериваты на **-osti-* в сопоставлении с прилагательными на *-u*, обратил внимание на огласовку корня в формах положительной степени прилагательного и имен среднего рода на **-es/-os-* (de Lamberterie 1990: 631). Такое противопоставление основ исчезло во всех индоевропейских языках, за исключением греческого и индо-иранских.

Близость праслав. формы **dīlgostī* и хетт. *dalugašti-* де Ламбертри объясняет тем, что они обе восходят к сигматической именной основе на **-es/-os-*, которая затем независимо в разных группах языков была расширена суффиксом **-ti-*. При этом на более ранней стадии развития языка огласовка корня изменилась в соответствии с тем, что наблюдается и в именах прилагательных. Именно таким образом, согласно де Ламбертри, древняя форма βένθος 'пропасть' под влиянием прилагательного βαθύς 'глубокий' превратилась в βάθος. В поисках древней системы огласовки данного корня де Ламбертри обращает внимание на варианты огласовки корня δολιχός 'длинный продолжительный': ἐνδελεχής 'непрерывный', видит в этом замену древней огласовки **-e-*, подобную инновации βαθύς при более древнем πολυβενθής 'весьма глубокий', или санскр. *mṛdū-* 'нежный, мягкий' с нулевой огласовкой при огласовке **-e-*, сохранённой в *ūṛṇamradas-* 'мягкий как шерсть'.

На этом основании де Ламбертри считает, что огласовка *-o-* в греческом прилагательном не может восходить к праиндоевропейскому **-o-*: «Il est toujours tentant de faire remonter un *o* grec à un **o* indo-européen, mais une telle manière de voir ne peut conduire qu'à des anachronismes: l'interprétation d'une forme doit prendre en compte l'ensemble du système auquel elle appartient.» (de Lamberterie 1990: 632). Мне представляется такой вывод излишне ригористичным и требующим, чтобы результаты тройного совпадения словообразовательных моделей в **dolHu/i-g^h-os-ti* (хеттский и славянский) и **dolHi-g^h-os* (греческое развитие) оказались бы случайными⁵. Греческие и хеттские формы различаются вариантом *u/i-* в исходе основы **dolHu/i-*, ср. хеттские формы *daluki-* 'длинный': *dalugaes* (Nom.pl.), *dalugaus* (Acc.pl.).

⁵ Двойные совпадения могут объясняться и типологическим сходством, и случайностью. Тройное совпадение также бывает, но всякий раз не исключено и взаимодействие языков. Так, *ванька* (обозначение извозчика в России конца XVIII в.) отчетливо представляет собой уменьшительное от имени *Ваня*, в свою очередь уменьшительное от имени *Иван*. Английское *жокей* (*jockey*) представляет собой уменьшительное от имени *Jack*, в свою очередь уменьшительное от *John*. Фонетическое развитие в обоих языках свидетельствует

Джеремии Рай (Rau 2009: 130), анализируя суффикс **-osti* (“associative adjective suffix **-osti*”), который представлен в хеттском *pargašti* ‘высота’ ~ *parku* ‘высокий’, *dalugašti* ‘длина’ ~ *daluki-* ‘длинный’, *palhašti* ‘широта, ширина’ ~ *palhi* ‘широкий’, сравнил его с суффиксом в славянском слове **qzostī* < **H₂em^{gh}e/os-ti-* ‘уозь, узкий’ и сравнил далее с латинским прилагательным *angustus* < **H₂em^{gh}e/os-to-* ‘узкий’. Здесь необходимо, как мне кажется, подчеркнуть, что перед нами принципиально иной способ создания абстрактных имен существительных, таких как латинские *angustia* f., *angustitās* f. ‘теснота, уозь, теснины, стеснённость’. Э. Бенвенист рассматривал соответствия между хеттским и славянскими языками, выделяя суффикс **-sti*, представленный также в балтийских языках, армянском, и возможно, в санскрите. Шт. Хёфлер предложил не только делить этот суффикс на два, следуя Дж. Рай, но и рассматривать конечное **-ti* в **-osti* как вариант суффикса **-te/o-*, обнаружив единственное соответствие в греческом материале. Предложенное им сравнение славянского **-osti* с греческим *ἀχοστή* f. ‘ячмень’ не кажется убедительным ни с точки зрения формы, ни по семантике. В словаре Гезихия *ἀχοστή* f. имеет указание на кипрский диалект (παρὰ Κυπρίοις) и трактуется как ‘ячмень’ (Hesychius α 2502), в то время как в тексте Никандра (Nicandr. Alex. 106) и в гомеровских схолиях (schol. ad II. 6, 506) мы находим глоссу с отсылкой к фессалийскому диалектному слову, употреблявшемуся для обозначения зерновых вообще. Предложенное Хоффнером этимологическое решение предполагает семантическое развитие от **H₂ek-os* со значением ‘ость’ (‘Spitze, Granne’) к значению ‘зерно’ вообще, чтобы сделать семантически привлекательным переход ‘острое/колющее’ > ‘ость’ > ‘зерно ячменя’ > ‘ячмень’ > ‘зерновые’. Распространение значения острой ости даже на название ячменя уже неожиданно, а распространение на все злаковые культуры просто маловероятно. Кроме того обнаружить словообразовательную модель, в которой **-os* + **-ti* соответствовало бы **-os* + **-te/o-*, не удастся. Сам Хёфлер в качестве параллели готов видеть лат. *scelestus* ‘преступный’ (от *scelus*, *sceleris* < *sceles-* n. ‘преступление’). С моей точки зрения такая параллель не убедительна, поскольку речь идёт о преобразовании имени существительного в прилагательное, а не наоборот. Между тем превращение качественного прилагательного в абстрактное существительное — то, что наблюдается в использовании сложного суффикса **-osti*, не находит прямых параллелей за пределами хеттского и славянских языков.

о независимом развитии, но семантика, пока речь идет об уменьшительных именах, обычна для всех языков, а связь двойной уменьшительности от Ионанна с конским промыслом может и не быть полностью независимой: городские извозчики не были собственно русским изобретением.

Для Хоффнера важным аргументом является род абстрактного существительного, однако как уже указывалось, слово *palḥašti*- n.; с. 'ширина' засвидетельствовано не только как существительное среднего рода, но и как существительное общего рода. Более того, в хеттском наблюдается вариативность в способе образования абстрактных существительных: частотен суффикс *-tar* < **-tr* с помощью которого образуются абстрактные имена среднего рода гетероклитического склонения. Древний суффикс **-osti*, который следует рассматривать как составной в момент возникновения, включал древнее **-os-*, которое можно соотнести с суффиксом имен среднего рода на **-es-/os-*.

Словообразовательная модель, в соответствии с которой образовывались имена существительные, стала продуктивной в славянских языках, ср. деадъективные абстрактные имена на **-osti* широко представлены (*глубый* → *глубость*, *серый* → *серость*, etc.). В хеттском языке употребление суффикса **-osti* ограничено обозначением для каждого из трех измерений.

Дж. Рау (Rau 2009: 130) считает возможным разделять сложный суффикс **-osti* на части и даже заменять вторую часть сложного суффикса суффиксом **-to*. Тем самым деривация приобретает следующий вид: **H₂emḡ^he/os* 'узость' (вед. санскр. *ámhas-* 'близость, узость', мл.-ав. *qzah-* 'т. ж.') → **H₂emḡ^hos-to-* 'узкий, примыкающий' (ср. лат. *angustus* 'узкий') / **H₂emḡ^hos-ti* 'узость' (> ст.-слав. **жзость**). Мне представляется несомненным, что в латинском языке такой способ словообразования продуктивным не был. Кроме того не трудно видеть, такому сопоставлению, подхваченному Шт. Хоффнером, препятствует семантическая деривация, в латинском языке идущая от абстрактного существительного к прилагательному, а не от прилагательного к абстрактному существительному, как это наблюдается в славянском и хеттском материале⁶.

Важно отметить с точки зрения системного обозначения пространственных характеристик, что в хеттских текстах *dalugašti*- n. 'длина' часто соседствует с *palḥašti*- n./с. 'ширина', которое восходит к *palḥi-* 'широкий' и образована от прилагательного с помощью того же суффикса.

Чикагский словарь хеттского языка (CHD P: 65 sub v. *palḥašti*- b.) выделяет показательные контексты, включая указание на размеры

⁶ Обратный словарь (Delatte, Evrard, Govaerts, Denooz 1981) предоставляет всего несколько прилагательных на *-ustus*: *rōbustus* 'крепкий (как дуб)', ср. *rōbur* 'сила, крепость'; *augustus* 'высокий, возвышенный, священный', по поводу которого словарь А. Эрну и А. Мейе (Ernout, Meillet 2001: 56–58) отмечает родство как с *agur* 'авгур' (как предсказатель возрастания благоприятного), так и с абстрактным **augos* в основе которого лежала идея роста. Точно таким же образом *onustus* 'нагруженный' возводится к абстрактному существительному *onus*, *oneris* n. 'бремя, тяжесть' (Ernout, Meillet 2001: 462).

скалы, на которой был зачат Улликумми: *n=aš dalugašti* 3 DANNA *pal-ha-aš-ti*[*εma=aš* ... DANNA] ½ DANNA_{εya} ‘в длину она имела три мили, в ширину [... миль] с половиной’ KUB 33.98 + KUB 36.8 i 15–16 (Ullik.), ed. JCS 5:146f. В тексте представлено описание дочери моря Сертапсурухи (Šertapšuruḫi) с указанием её огромности: *dalugaštiya* [... *pal-h*] *a-aš-ti-ma-aš* 1 DANNA ‘в длину [... миль] и в мило ширинной’ KUB 33.109 i 7–8 (Hedammu, NS), ed. StBoT 14:38f.

Семантическое отражение представлений о *широте* отражено в русском слове *поле*, которое воспринимается как *широкое поле* (ввёл А. С. Пушкин в «Песнях западных славян» вместо *степь широкая*). Характерно, что ни *степь*, ни *поле* в русском языке не бывают *длинными*. Стоит подчеркнуть, что этимологические словари отмечают возможное родство с греческим обозначением моря *πέλαγος*, если в основе лежит **pelh₂-* + **-g-os*. Не исключено, что в этом случае перед нами идея широко раскинувшегося простора: не случайно в латинском языке греческое *πέλαγος* обычно передается как *aequor*, собственно ‘морская гладь’.

Вяч. Вс. Иванов рассматривал как однокоренные слова *palhi-* и русское *полюй* (Иванов 1955: 350)⁷. Мне представляется возможным родство рус. *поле* с латинским *plānus* ‘равнина’, *palam* ‘открыто’, что уже предлагал Пьер Шантрэн (DELG: 872). Роберт Беекес (Beekes 2010: 1164f.), обсуждая возможность этимологических связей между греч. *πέλαγος* и *πλάξ, -αρός* [f.] ‘равнина, морская гладь, etc.’, *πλάγιος*; ‘косой, находящийся сбоку’, субстантивированно прилагательное *πλάγιον* ‘бок, фланг’ и *πέλανος* или *πελανός* (варианты ударения), отмечает: “However, nothing confirms a connection of *πέλαγος* with the root **pelh₂-* ‘to spread out’, and the connection with *πλαγ/κ-* is phonetically impossible. Thus, the word rather seems to be Pre-Greek” (Beekes 2010: loc. cit.). Мне представляется резонным сблизить эти обозначения с рус. *поле* из **pol-i-om*, ср. д.-в.-н. *feld* n. ‘поле’ (Derksen 2008: 411), рус. *полоса* из **polsa* f. (тот же корень **pol-* может быть представлен в д.-в.-н. *falg* f. ‘вспаханное поле’, англосакс. *fealg* ‘поле, вспаханное под пар’). Беекес не упоминает и о возможных связях *πέλαγος* ‘морской простор’ с упомянутым греческим *πλάγιος*, лат. *plāga*, греч. *παλάμη* ‘ладонь’ и производное от него слово *παλαστή* ‘палеста (мера длины в 77 мм)’, связи между которыми Шантрэн считал вполне правдоподобными (DELG: loc. cit.).

Опираясь на данную словообразовательную модель, можно подключить к рассмотрению также хеттские абстрактные существительные *pargašti-* n. и *pargatar* n. ‘высота’, восходящие в конечном счете к прилагательному *parku-* ‘высокий’. Отметим, что во всех трех сло-

⁷ Предложенное там же сравнение хетт. *palhašti-* с рус. *полость* / *полсть* должно быть оставлено.

вах восстанавливается огласовка *-o- как в суффиксе *-osti, так и в корне слова. Прилагательные, от которых образованы перечисленные имена существительные, имеют исход на -u- и -i-, что специально в своем исследовании подчеркивал Дж.Рау (Rau 2009: 130), который интерпретировал соответствие *-u- и *-i- в исходе основы как следы системы Вильгельма Каланда. Следует упомянуть также интерпретацию Ж.-Ж. Пино (Pinault 2017: 643–658), который предложил рассматривать слово *d_lH_lg^hó- как композит: *delH_l- + *g^heH_l-.

В качестве начальной точки для анализа Пино использовал представленные в обоих тохарских языках тох.АВ tsälp- ‘пересекать, быть свободным’ (‘traverser, être libéré’), которое он интерпретировал как двусоставное слово, восходящее к *d_lH_l-b^hu(H₂)-ó- ‘то, что находится на расстоянии, является удалённым’ (‘qui est/devient distant, éloigné’). Первая часть композита *delH_l- представлена в русском *про-длѹти* ‘делать более долгим (в пространстве или во времени)’, *даль* ‘distance; expanse (esp. endless expanse)’. Подобным же образом *g^heH_l- в композите *delH_l- + *g^heH_l- интерпретируется как ‘достигать’ (‘atteindre’). В этом случае форма *d_lH_l-g^hH_l-ó- будет обозначать ‘достигающий удалённого на (значительное) расстояние’, откуда появляется и значение длинный (‘qui atteint la distance, l’éloignement’ > ‘long’).

Интерпретация Ж.-Ж. Пино открывает хорошие перспективы для анализа формы как с точки зрения морфологии, так и для интерпретации семантики прилагательного и далее абстрактного имени существительного. Одним из преимуществ такой интерпретации следует считать уменьшение числа суффиксов. Объяснив, как сформировано имя прилагательное, Пино, однако не ставит вопрос о том, как от прилагательного было образовано само имя существительное: хеттские имена на -asti в абстрактных словах, обозначающих трехмерность пространства, столь же системны, как и намного шире представленные русские абстрактные имена на -ость.

При этом я предпочел бы рассматривать как славянский, так и хеттский суффиксы не как составленные ad hoc, а как единый суффикс-конгломинат -asti < *-osti, унаследованный от праязыка, в котором он, вероятно, мог быть первоначально сложным. Попытки разделить этот единый суффикс могут быть оправданы только на уровне праязыковой реконструкции, в то время как для хеттского языка (как и для славянского) речь может идти только о едином суффиксе-конгломинате. В хеттском языке, как мы видели, этот суффикс оформляет обозначение трех измерений пространства: длина – ширина – высота. Едва ли можно думать, что оформление этих обозначений единым суффиксом, восходящим к *-osti, в хеттском языке может быть случайным.

Слова, образующие семантическое единство (*dalugašti* — *palhašti* — *pargašti*), могли быть созданы «хеттскими геометрами» специально, или же представлять собой словообразовательную модель, с раннего времени сохранившуюся для нескольких слов, являющих определенное семантическое единство.

В хеттском языке этот сложный суффикс не является продуктивным, в отличие от славянского суффикса, который способен оформлять любые абстрактные существительные, образованные от прилагательных, обозначающих качество. Это как будто говорит в пользу интерпретации Вяч. Вс. Иванова, основанной на сравнении славянских и анатолийских данных, и предполагает сходное значение сложного суффикса-конглютината **-osti*, сохранившегося в нескольких независимых традициях. В славянском ареале этот унаследованный от праиндоевропейского периода суффикс *-osti* даже несколько расширил сферу своего применения. Важно отметить, что в хеттском *dalugašti* содержится рефлекс древнего **-g^h-*, который я склонен рассматривать вслед за Ж.-Ж. Пино как второй корень в композите, ср. санскр. *dīrghá* 'длинный', иранское *darəga* 'тж.', греч. *δολχός* 'тж.', лит. *ilgas* 'тж.', ст.-слав. *длѣгъ* 'тж.', а также готское *tulgus* 'крепкий'.

Нет оснований говорить о специальной близости хеттской и балтославянской языковой системы, но мы должны либо признать абсолютно случайным соответствие между хеттскими и балтославянскими лексемами, обозначающими размеры объекта, либо предполагать, что перед нами архаизм праиндоевропейского времени, случайно сохранившийся именно как архаизм в независимых традициях, включая балтославянскую и анатолийскую языковые группы. Предполагать неизменное существование слов, обозначающих одно из трех измерений, на протяжении тысячелетий, представляется невозможным, однако А. А. Реформатский (Реформатский 1979) не случайно обращал внимание на периоды расцвета моделей, которые долгое время могли сохраняться только на периферии системы, но в какой-то момент становиться продуктивными.

Следует специально подчеркнуть, что в истории индоевропейских народов наблюдается неоднократное заимствование типов построек, их названий и приемов строительства. В ряде случаев прослеживается прямая связь между особенностями обозначения пространственных измерений и сменой архитектурных идей.

Напомню, что Вяч. Вс. Иванов датировал возникновение праславянского языка обширным периодом между распространением славянских языков в I тыс. н. э. и временем миграции носителей западноевропейских языков в III тыс. до н. э. (Иванов 1976: 46). Вопрос о возможности реконструировать для праиндоевропейской культуры азы геометриче-

ских представлений об окружающем их мире, остаётся открытым, при том что давно отмечена склонность индоевропейцев II тыс. до н. э. к геометрической упорядоченности орнамента. Такие понятия, как ширина и длина, в этом случае очень правдоподобны. То, что в хеттском языке рассматриваемые термины оформлены одинаковым способом, может говорить о вполне сложившейся системе.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов 1955 — *Вяч. Вс. Иванов*. Индоевропейские корни в клинописном хеттском языке и особенности их структуры. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. кандидата филол. наук. Москва, 1955.
- Иванов 1963 — *Вяч. Вс. Иванов*, E. Benveniste. Hittite et indo-européen. *Études comparatives* // Вопросы языкознания, 4, 1963.
- Иванов 1976 — *Вяч. Вс. Иванов*. Язык как источник при этногенетических исследованиях и проблематика древностей // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография / В. Д. Королюк (отв. ред). Москва, 1976.
- Иванов 1987 — *Вяч. Вс. Иванов*. О возможности этимологического отождествления слов, относящихся к одинаковым словообразовательным типам, в родственных языках (праслав. **dylg-ostь* = хет. *dalugaš-ti*) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. Москва, 1987.
- Реформатский 1979 — *А. А. Реформатский*. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. Москва, 1979.
- Тронский 2001 — *И. М. Тронский*. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции) / 2-е дополненное издание. Подготовили А. В. Грошева, М. Л. Кисилиер, Е. Р. Крючкова, Н. Н. Надель. Послесловие Н. Н. Казанского и А. И. Солопова. Отв. редактор Н. Н. Казанский. М., 2001.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Ред. О. Н. Трубачев и др. Москва. 1974—.
- Beekes 2010 — *R. S. P. Beekes*. Etymological dictionary of Greek. I–II / With the assistance of L. van Beek. (Leiden Indo-European Dictionary Series 10). Leiden – Boston, 2010.
- Benveniste 1962 — *É. Benveniste*. Hittite et indo-européen. Paris, 1962.
- CHD P — *T. P. J. van den Hout, H. G. Güterbock, H. A. Hoffner*. The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Volume P, fascicle 1 (pa- to para). Chicago, 1994.
- de Lamberterie 1990 — *Ch. de Lamberterie*. Les adjectifs grecs en -υς. Sémantique et comparaison. T. I–II. (Bibliothèque des Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain 54–55). Louvain-la-Neuve, 1990.

- Delatte, Evrard, Govaerts, Denooz 1981 — *L. Delatte, E. Evrard, S. Govaerts, J. Denooz*. Dictionnaire fréquentiel et Index inverse de la langue latine. L.A.S.L.A., 1981.
- DELG — *P. Chantraine*. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Histoire des mots. Paris, 1968–1980.
- Derksen 2008 — *R. Derksen*. Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon. (Leiden Indo-European Dictionary Series 4). Leiden–Boston, 2008.
- Ernout, Meillet 2001 — *A. Ernout, A. Meillet*. Dictionnaire etymologique de la langue latine. Histoire des mots. (4e ed.). Paris, 2001.
- Höfler 2018 — *S. Höfler*. Die anatolischen *s*-Stämme: flexivischer Archaismus oder Kategorie im Zerfall // E. Rieken (Hg. unter Mitwirkung von U. Geupel und T. M. Roth). 100 Jahre Entzifferung des Hethitischen. Morphosyntaktische Kategorien in Sprachgeschichte und Forschung. Akten der Arbeitstagung der Indogermanischen Gesellschaft vom 21. bis 23. September 2015 in Marburg. Wiesbaden, 2018.
- Hrozný 1915 — *Fr. Hrozný*. Die Lösung des hethitischen Problem // Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft in Berlin. 1915. Bd 56.
- Kazansky 2020 — *N. N. Kazansky*. Conglutinate suffixes in Indo-European languages and problems of PIE reconstruction // *Ljubilej – Ljubljäum – Ljubilee – Ljubljanniversaire: 100 Years of Comparative Linguistics at the University of Ljubljana & IG / SIES / SÉIE Arbeitstagung*. Ljubljana, 2020.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. I–XX. Vilnius, 1941–2002.
- NIL — *D. S. Wodtko, B. Irslinger, C. Schneider*. Nomina im indogermanischen Lexikon. (Indogermanische Bibliothek. Zweite Reihe: Wörterbücher). Heidelberg, 2008.
- Pinault 2017 — *G.-J. Pinault*. Tocharian *tsälp-* in Indo-European perspective // B. S. S. Hansen, A. Hyllested, A. R. Jørgensen, G. Kroonen (eds.). *Usque ad Radices*. Indo-European Studies in Honour of Brigit Anette Olsen. Copenhagen, 2017.
- Rau 2009 — *J. Rau*. Indo-European Nominal Morphology: The Decads and the Caland System. (Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft 132). Innsbruck, 2009.
- Smyth 1984 — *H. W. Smyth*. Greek Grammar / Revised by G. M. Messing. Harvard, 1984.
- Sruoga 2018 — *B. Sruogos* laiškai. 1917-05-24 / Leid., transkr., kor., apr., kom., kod.: N. Markevičienė / Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, Vilniaus universitetas. (<http://sites.juxtaeditions.com/sela/documents/4044.html>.)
- Watt 2013 — *J. M. Watt*. Diminutive Suffixes in the Greek New Testament: a Cross-linguistic Study // *Biblical and Ancient Greek Linguistics*. 2013. Vol. 2.

Я. КУРСИТЕ

Память культуры: Вяч. Вc. Иванов и И. Зиедонис о латышском Юмисе

Научный интерес Вяч. Вc. Иванова к латышскому богу/духу плодородия Юмису (лат. *Jumis*) и поэтическое воплощение этого образа поэтом Имантом Зиедонисом (Imants Ziedonis, 1933–2013) возникли и реализовались в ряде работ названных авторов в 1970–1980 гг. Подобной проблематике в тот же период было посвящено монографическое исследование Лиене Неуланд (Liene Neulande, 1921–2010), опубликованное в Швеции (Neuland 1977). Несколько позже, в статье эмигрантского эстонского фольклориста Феликса Ойнаса (Felix Johannes Oinas, 1911–2004) проблематика Юмиса рассмотрена уже в более широком (финно-угорском и балтийском) контексте (Oinas 1980). В указанных работах Вяч. Вc. Иванова, Л. Неуланд и Ф. Ойнаса имеется общая ссылка на исследование американского фольклориста Дональда Ворда (Donald J. Ward, 1930–2004) о близнечных мифах в индоевропейской традиции (Ward 1968). Возможно, что именно работа Д. Ворда и послужила импульсом к более углубленному анализу одного из вариантов индоевропейского близнечного мифа, представленного в латышской мифологии нарративом о Юмисе. Поэма Иманта Зиедониса «Колос-двойчатка» („Viddivvārpa”), в которой центральным образом является Юмис, была написана в 1981 г., издана годом позже (Ziedonis 1982). В переводе Людмилы Азаровой и с послесловием Вяч. Вc. Иванова (Иванов 1986а) поэма была опубликована на русском языке (Зиедонис 1986).

Поворот к мифологическому (1960–1980 гг.). Интерес к близнечным мифам и конкретно к мифу о Юмисе не мог появиться на пустом месте. Поэтому прежде чем приступить непосредственно к рассмотрению образа Юмиса в работах Вяч. Вc. Иванова и в творчестве И. Зиедониса, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать время возобновления научного интереса к мифологии в западном мире и в СССР. Катастрофические последствия Второй мировой войны почти на двадцать лет прервали исследования по индоевропейской мифологии. В западных странах заметный поворот к данной тематике наметился начиная с конца 1950-х гг. Это уже упомянутая книга Дональда Ворда об индоевропейских близнечных мифах (Ward 1968), но в первую очередь это ряд исследований Мирчи Элиаде о мире сакральном и мире профанном, о связи мифологического мышления и сновидений (Eliade, 1959; Eliade, 1960; Eliade, 1963), здесь же — исследования Клода Леви-Стросса о тотемизме, его четырехтомник о мифологическом (Lévi-Strauss 1964–1971).

Следует упомянуть о влиянии на К. Леви-Строса и на ряд других структуралистов, изучавших мифологические системы в 1960–1970 гг., идей лингвиста Романа Якобсона. Прежде всего это введенное Р. Якобсоном понятие о бинарных оппозициях, применяемых Леви-Стросом и другими структуралистами, в том числе и советскими, при анализе мифа. О влиянии идей Р. Якобсона, о его подходах к вопросам индоевропейской мифологии пишет и Вяч. Вс. Иванов: «С самого начала и я, и Топоров были под влиянием известных нам работ Якобсона о славянской мифологии» (Иванов 1999). Идеи, выраженные уже в начале XX в. Арнольдом ван Геннепом о роли инициации (Gennep 1909) нашли продолжение и развитие в книге антрополога Виктора Тёрнера о структуре ритуала (Turner 1969), которая в свою очередь обратила внимание ряда других ученых на тему связи мифа и ритуала. Мифология северной Европы ожила в ряде исследований британской фольклористки Хильды Эллис Давидсон (Davidson 1964; Davidson 1967; Davidson 1969). Жорж Дюмезиль уже в 1950-х гг. повернул интерес ученых к римской мифологии и к общей проблематике индоевропейского пантеона богов, а также к ритуальной стороне мифа (Dumézil 1952; Dumézil 1954; Dumézil 1966).

Перечень трудов западных исследователей, обратившихся к индоевропейской мифологии, этим далеко не исчерпывается. Здесь в основном упоминались имена тех, чьи книги официальным или неофициальным путем попадали в СССР и на которые ссылались советские ученые, изучавшие мифологию в 1960–1970-х гг. Перечисленный ряд имен западных фольклористов и религиоведов всё же следует дополнить научными трудами ученых латышского, литовского и эстонского происхождения, тех, кто в конце войны эмигрировал на Запад и продолжил там исследования по балтийскому фольклору. Интерес в сравнительном аспекте к литовской мифологии и на стыке археологии и мифологии начиная с конца 1950-х гг. в США поддерживала Мария Гимбутас (Marija Gimbutas, 1921–1994). Среди её работ следует особо выделить книгу, полностью посвященную балтийской мифологии и религии (Gimbutas 1963). Довоенный багаж исследований по латышской мифологии в Швеции пополнил Карлис Страубергс (Kārlis Straubergs, 1890–1962), публикуя работы о сакральном пространстве (Straubergs 1948; Straubergs 1960), загробных представлениях (Straubergs 1949) в латышском фольклоре и о древнем культе деревьев (Straubergs 1957). Под редакцией К. Страубергса в Копенгагене с 1952 по 1956 гг. выходило 12-томное собрание латышских народных песен (*Latviešu tautasdziesmas*). На это издание неоднократно в своих исследованиях по балтийской мифологии ссылались как Вяч. Вс. Иванов, так и В. Н. Топоров. В 1960-е гг. в Швеции историк культуры Андрей Йохансон (Andrejs Johansons, 1922–1983) издал работы о водяных и болотных духах в балтийском и славянском фольклоре (Johansons 1963; Johan-

sons 1968). Отдельное и весомое место в изучении латышской мифологии занимают исследования проживавшего в Швеции теолога Харальда Биезайса (Haralds Biezais, 1909–1995). Его основные работы опубликованы на немецком языке. К периоду второй половины пятидесятых и начала шестидесятых годов относятся монографии Биезайса о женских богинях (Biezais 1955) и об образе Бога в латышской народной религии (Biezais 1961). Х. Биезайс совместно с литовским этнологом и фольклористом Йонасом Балисом (Jonas Balys, 1909–2011) в середине 1960-х гг. представили обширную статью по балтийской мифологии в энциклопедическом издании «*Wörterbuch der Mythologie*» (Balys, Biezais 1965). В свою очередь Й. Балис является автором статей о латышском и литовском, а также эстонском фольклоре и мифологии в энциклопедии, выпущенной в США издательством Исаака Кауфмана Фанка и Адама Виллиса Вагналла (Balys 1972). Годом позже в США вышел сборник статей по балтийской литературе и мифологии. Два фольклориста эстонского происхождения — Яан Пухвел и Феликс Ойнас (Puhvel Jaan, 1932; Oinas Felix, 1911–2004) — опубликовали статьи по балтийской мифологии (Puhvel 1973: 99–109; Oinas 1980: 109–119). В тот же сборник включена статья Вайры Вике-Фрейберг о связи мифа и метафоры в латышских дайнах (Vīķe-Freiberga 1973). Исследования балтийских эмигрантских авторов нашли отклик в работах Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, посвященных вопросам балтийской или шире — индоевропейской — мифологии.

Начиная с середины 1960-х гг. набирал силу исследовательский интерес к мифологической тематике и в СССР. Основные и взаимосвязанные научные группы образовались в Москве и в Тарту (Московско-тартуская семиотическая школа). В сборниках, выходивших начиная с 1964 г. в Тарту, «Труды по знаковым системам» печатались статьи Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова об особенностях мифологического мировосприятия, в том числе о концепции мирового древа и мифа о мировом яйце. Наметки к исследуемым темам по мифологии были очерчены уже в докладах первой летней школы по вторичным моделирующим системам (Программа 1964). Среди участников был и индолог Борис Леонидович Огибенин, сделавший два доклада по семиотике мифа и обряда. Несколькими годами позже Б. Л. Огибенин опубликовал монографию, посвященную всецело древнеиндийской мифологии (Огибенин 1968). Уже из тезисов летней школы по вторичным моделирующим системам 1964 г. видно, что изучение мифологии предпринималось на основе разрабатываемого структурно-семиотического метода.

Для балтийских исследователей основополагающими стали работы Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова, касающийся балтийской мифологии как таковой, а также и рассматривающие её в сравнительном аспекте — со славянской, германской, скандинавской, древнеиндийской, хеттской

и другими. Разрабатываемая двумя учеными гипотеза об основном индоевропейском мифе — поединке Громовержца со Змеем («теория основного мифа») — нашла отклик в конкретной разработке на литовском материале (ряд работ Норбертаса Велюса), несколько позже появилась публикация и на латышском материале (Kursīte 1988). Совместная монография Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова (Иванов, Топоров 1974), включившая в том числе и материал по балтийской мифологии, стала источником неоднократных ссылок в исследованиях литовских и латышских фольклористов в 1970–1980 гг. В упомянутой книге нашли дальнейшее развитие идеи, выдвинутые как литовскими, так и латышскими исследователями довоенного периода (Й. Балис, Б. Бурачас, Г. Геруллис, Л. Берзиньш, П. Шмидт). В книге Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова чуть ли не впервые можно было найти ссылки на новейшие исследования по вопросам мифологии вышеупомянутых западных ученых Р. Якобсона, К. Леви-Стросса, М. Элиаде, Ж. Дюмезиля, Д. Ворда, М. Гимбутас, Х. Биезайса и др., в те годы почти неизвестных для более широкого круга фольклористов в СССР. Книга Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова не только оживила интерес к балтийской мифологии в Литве и Латвии, но и расширила круг собственно балтийских тем, выдвинув на первый план балто-славянский и ещё более широкий — индоевропейский — сравнительный аспект.

Балтийский аспект индоевропейской мифологии нашел свое место и применение в издаваемых в Москве сборниках «Балто-славянские исследования», первый из которых под редакцией В. Н. Топорова вышел в 1972 году (БСС). Хотя представленные в данном сборнике исследования посвящены в основном лингвистическим проблемам, в некоторых уже намечена линия перспективного развития балтийской мифологии (Иванов 1972 и Топоров 1972; Иванов, Топоров 1974а). Вопросы балто-славянских языковых контактов оставались в центре внимания и всех последующих «Балто-славянских исследований», но почти в каждом из них присутствуют и темы по мифологии.

В послевоенной Литве исследования по вопросам мифологии возобновились в 1960-х гг. Это в первую очередь статьи, а начиная с 1970-х гг. уже отдельные монографические исследования этнографа Пране Дундулене (Pranė Dundulienė, 1910–1991). Тематика исследований П. Дундулене охватывала природные объекты и стихии (символика огня, леса, птиц), а также общие космологические представления (Dundulienė 1979; Dundulienė 1982; Dundulienė 1985; Dundulienė 1988). Удивительно, что в её работах свободно сочетались обстоятельные ссылки на довоенные, послевоенные исследования ученых, в том числе и западных, с обязательной данью классикам марксизма-ленинизма. В качестве маленького примера книжка Дундулене «Язычество в Литве.

Женские божества» (Dundulienė 1989), вышедшая в самом преддверии больших социально-политических перемен в Литве. Во вводной части имеются несколько ссылок на работы «святой троицы» К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, к литовской мифологии никак не относящиеся. В самой же работе представлены неоднократные упоминания эмигрантского автора Марии Гимбутас, а также Ж. Дюмезиля, Р. Якобсона, Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, ссылки на статьи в энциклопедии «Мифы народов мира» (МНМ). Упомянутая энциклопедия по меньшей мере на десятилетие стала настольной книгой как фольклористов, этнографов, так и студентов-гуманитариев в Литве и Латвии. Представленные в «Мифах народов мира» статьи Вяч. Вс. Иванова, В. Н. Топорова, Е. М. Мелетинского, С. С. Аверинцева были взяты за основу и в латышской мифологической двухтомной энциклопедии, вышедшей десятью годами позже (ME 1993–1994).

Основное направление в изучении литовской мифологии в 1970–1980-х гг. в сторону структурального подхода прослеживается в работах Норбертаса Велюса (Norbertas Vėlius, 1938–1996). Так же, как и П. Дундулене, Н. Велюс получил основательную подготовку литовского фольклорного материала в экспедициях, предпринятых им и его коллегами по регионам Литвы, что нашло отражение в ряде сборников: «Zervynos» (1964), «Ignalinos kraštas» (1966), «Dieveniškės» (1969), «Merkinė» (1970), «Dubingiai» (1971), «Kernavė» (1972). Мифологические изыскания Н. Велюса нашли отражение в ряде его книг на литовском и в ряде публикаций на русском и английском языках (Vėlius 1977; Велюс 1981; Vėlius 1983; Vėlius 1987; Велюс 1988; Vėlius 1989). Работы по балтийской мифологии Велюса основаны не только на литовском, но и на латышском и прусском материале. Ссылки в его книгах свидетельствуют о хорошем знании не только работ литовских археологов и этнографов, но и работ западных фольклористов и религиоведов: Ж. Дюмезиля, М. Элиаде, Ф. Кейпера, Д. Ворда, Й. Балиса, М. Гимбутас, А.-Ю. Греймаса, Х. Биезайса, В. Яскевича, А. Йохансона. Впервые в балтийском научном пространстве Велюс подробно анализирует исследования В. Н. Топорова и Вяч. Вс. Иванова по тематике балтийской и славянской мифологии. Так, например, в библиографическом указателе книги о мировосприятии древних балтов (Vėlius 1989) имеются ссылки на 8 работ Вяч. Вс. Иванова и 14 работ В. Н. Топорова. Сама работа Велюса построена по наметченному в исследованиях В. Н. Топорова и Вяч. Вс. Иванова принципу бинарных оппозиций (верх – низ; вода – огонь; камень – дерево; черное – белое; день – ночь; луна – солнце; старый – молодой и т. п.). Тема латышского Юмиса у Велюса не затрагивается, автор ограничивается упоминанием важности балтийского близнечного культа на прусском и литовском материале в контексте бинарных оппозиций.

В послевоенной Латвии дела обстояли гораздо хуже, чем в Литве, если брать во внимание изучение мифологического пласта фольклора. Сама фольклористика, не говоря о мифологии, находилась под неустанным вниманием цензуры, поэтому основные исследования учёных были посвящены тематике социального неравенства или отображения природы в дайнах, а больше всего нейтральной теме фольклорных жанров. Исследовательница Иоланта Мацкова в письме 1973 г. к драматургу Гунару Приеде о состоянии фольклористики в Латвии писала: «Когда приходишь в фольклорное отделение Института Языкознания АН, не покидает ощущение, что находишься у могилы народного духовного наследия» (Mačkova 2015: 676).

Не только исследования по мифологии, но и мифологические дайны в послевоенной советской Латвии вплоть до середины 1980-х гг. были табуированной темой. Так, в 1979 г. стало выходить многотомное издание латышских дайн. Мифологические песни там присутствуют в скрытом виде, в подзаголовках типа: *Песни о работе; Природа и работа*. В издание не были включены песни с упоминанием языческого бога Диевса (*Dievs*). Песни о Юмисе разбросаны между разделами *Толочные песни; Лён; Молотба*, часть из них всё же имеет общий подзаголовок *Юмис*. Переломным моментом в отношении к мифологии стал 1985 год, когда на публикацию статьи поэта Мары Залите о латышской хтонической богине Маре (*Māra*) был наложен цензурный запрет. Латышский лингвист Константин Карулис обратился за помощью к московским коллегам. Позитивный отзыв на статью, полученный от В. Н. Топорова и Вяч. Вс. Иванова, дал возможность редколлегии сборника включить исследование о Маре в корпус предполагаемого к изданию сборника (Zālīte 1985). Ссылки на исследования Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова по балтийской мифологии стали опорным пунктом, дающим возможность обратиться к мифологическим темам и в Латвии. Следует отметить, что в отличие от московских ученых, у латвийских исследователей не было возможности ознакомиться с новейшими работами западных авторов. Исследования, появившийся на Западе, рижские научные библиотеки не выписывали, но была возможность ознакомления с новейшими работами в московских библиотеках, хотя ссылки на западные исследования по мифологии в Латвии вплоть до второй половины 1980-х гг. не поощрялись. Одним из первых, кто в Латвии ввел новейшие западные исследования в научный обиход, был именно Вяч. Вс. Иванов. В сборнике «Слово в нашей речи», вышедшем в Риге на русском языке, он опубликовал статью «Память языка и память культуры» (Иванов 1987) со сносками, среди прочего, на исследование Дональда Ворда о божественных близнецах. В том же сборнике была опубликована и статья Янины

Курсите о метрике латышских дайн (Курсите 1987), в которой мифологическое было завуалировано под изучение формы народного стиха. Посредством изучения формы дайн структурным методом появилась возможность незаметно для цензуры перейти и к мифологическому пласту латышских народных песен (Kursīte 1984; Курсите 1985; Kursīte 1988). Другой путь — изучение мифологического на основе лингвистических данных в конце 1980-х гг. был представлен Константином Карулисом (Konstantīns Karulis, 1915–1997) в его статьях о богине Маре, культе и божествах Солнца, а также о сезонном боге Янисе. Все статьи Карулиса опубликованы в латвийской литературной газете (*Literatūra un Māksla*), наиболее свободном издании в 1980-е гг. Собранные воедино данные статьи в сборнике, посвященном памяти ученого, появились в печати только спустя 30 лет (*Amor vincit omnia* 2017). Третий путь обойти диктат советской цензуры в публикациях по профилю мифологической проблематики в те же годы был реализован через астрономию: Янис Клетниецс (*Jānis Klētnieks*, 1929–2021) в середине 1980-х гг. опубликовал ряд статей о латышских небесных богах и их предполагаемых соответствиях на небосводе (*Klētnieks* 1984; *Klētnieks* 1985; *Klētnieks* 1985a).

Вяч. Вс. Иванов о Юмисе. Несмотря на то, что фокус статьи сосредоточен на трудах Вяч. Вс. Иванова по балтийской мифологии, а ещё конкретнее — на его исследованиях, посвященных Юмису, важно и расширение этой проблематики, раскрывшейся в его совместных исследованиях с В. Н. Топоровым. Их труды, образуя единое целое, стали бесценными для балтистов и явились не только опорной базой для углубленного исследования в СССР балтийской мифологии, но и были первыми, которые в 1970–1980-х гг. подняли на научный уровень вопрос о боге плодородия Юмисе. Несмотря на то, что в подзаголовке упоминается один Вяч. Вс. Иванов, речь далее пойдет о совместном вкладе двух ученых в изучении проблематики латышского Юмиса.

С самого начала образ Юмиса был включен в более широкий контекст близнечного культа, наблюдаемого в балтийской мифологии (Иванов 1972: 193–205). Основное внимание в данной статье Вяч. Вс. Иванов уделил верхнему — небесному уровню, который в литовской и в латышской мифологии представлен сыновьями Бога и дочерьми Солнца. Параллельно в данной работе рассматривался и земной уровень, на котором в латышском фольклоре главенствовал Юмис. В 1970-х гг. исследовательские усилия Иванова были во многом направлены на выявление общеиндоевропейской мифологической основы, так и применительно к Юмису Вяч. Вс. Иванов сопоставлял в лингво-функциональном аспекте латышского Юмиса с древнеиндийской парой близнецов: Яма и Ями, а также со скандинавским великаном Имиром: «Сопостав-

ление с другими индоевропейскими традициями позволяет прийти к выводу, что эти мотивы балтийского фольклора восходят к общеиндоевропейским. Поэтому к древнему словарю следует возвести и латышское *jumis*, хотя на позднейшее функционирование этого слова (в частности, в сочетаниях с *jumala* в дайнах) известное влияние оказали прибалтийско-финские языки» (Иванов 1972: 205).

Не совсем ясно очерчена здесь гипотеза Вяч. Вс. Иванова о возможном влиянии финно-угорских языков (ливского или эстонского) на производное от *Jumis* имя *Jumala* и на её образ. Действительно, близкое к латышскому по звучанию слово в финском (*Jumala*) и в эстонском (*Jumal*) обозначает бога небес. Но из сказанного непонятно, почему именно оно, относящееся в финно-угорских языках к божеству мужского рода, должно было оказать влияние на образование имени женского божества — латышской Юмалы. Отвлекаясь от причины возникновения фонетического созвучия, остановимся на самом сюжете, где в дайнах упоминаются как Юмис, так и его женская ипостась — Юмала. Юмис и Юмала, подобно древнеиндийским Яме и Ями, являются близнечной парой. Подобно Яме и Ями в дайнах проскальзывает упоминание о возможных инцестуальных отношениях Юмиса и Юмалы — брата и сестры:

<i>Jumeits meklej Jumaleņas,</i>	‘Юмис ищет Юмалу,
<i>Pa teirumu staigōdams;</i>	По полю расхаживая;
<i>Brōleits meklei līgaveņas,</i>	Брат ищет себе невесту
<i>Nu mōseņom vaicōdams</i>	Среди своих сестер’

(Tdz 50242).

О характере их возможных отношений находим завуалированные намеки и в ряде других дайн. Соединению Юмиса и Юмалы предшествует ритуальная погоня:

<i>Jumeits sovu Jumaleņu</i>	‘Юмис свою Юмалу
<i>Ap teirumu dancynōja;</i>	Гонял вокруг поля;
<i>Jumaleņa rikšņim skrēja,</i>	Юмала бежала бегом,
<i>Jumeits lēkšņim pakaļā</i>	Юмис догонял прыжками’

(Tdz 50246).

Другое действие, предшествующее сакральному соитию, представлено как зов (предложение) Юмиса, приглашающего Юмалу к себе:

<i>Jumīts saucja Jumaliņu,</i>	‘Юмис звал Юмалу,
<i>Pa teirumu staigōdams;</i>	По полю расхаживая;
<i>Jumaliņa atsasaucja</i>	Юмала отозвалась
<i>Orūdiņa dybynā</i>	На самом дне закрома’

(Tdz 50245).

Сама встреча в дайнах отображена как катание обоих с горки вниз. На интенсивный характер действия указывает полиптиотическая конструкция употребленного словосочетания *kūpēt kūp* ('дымом дымится'):

<i>Jumīts veda Jumaliņu</i>	‘Юмис вел Юмалу
<i>Rudzu ziedā viziņātū.</i>	Катать в васильках.
<i>No kalniņa lejiņā, —</i>	С горки вниз, —
<i>Kūpēt kūp kumeliņi</i>	Кони дымом дымились’

(LD 28536).

В эротических дайнах словосочетание «с горки вниз» или ассоциация мужского с верхом горы, а женского с низом или подножием горы, довольно привычна и слушателю/читателю обычно понятна:

<i>Vecīts dzied kalniņā,</i>	‘Старичок поёт на горке,
<i>Vecenīte lejiņā;</i>	Старушка внизу;
<i>Dod, Dieviņ, lielu vēju,</i>	Дай, Боженька, большого ветра,
<i>Lai krīt vecis pie vecās!</i>	Чтобы старый упал к старой’

(LD 35708, 2).

Старый в данном случае вовсе не означает «немошный», а указывает на опытность, на то, что за плечами у обоих уже довольно много лет. Кстати, Юмис в ряде дайн тоже именуется старым и тоже не в обыденном значении слова («немошный, негодный к активным действиям»), а скорее как «опытный, мудрый»:

<i>Es redzēju vecu vecu</i>	‘Я видел(а) старого старого,
<i>Pa vecaini staigājām.</i>	По залежному полю расхаживая.
<i>Vai tas bija miežu Jumīs</i>	Был ли это ячменный Юмис
<i>Dzelteniem zābakiem?</i>	В жёлтых сапогах?’

(LD 28525).

Жёлтый цвет сапог указывает на то, что в данном случае Юмис является покровителем готового к осенней уборке ячменного поля.

В целом Юмис в дайнах может быть представлен как в единственном числе, так и в паре с Юмалой. Ни формальный, ни семантический анализ не выявляет, что во втором случае имеется более новый пласт представлений, связанный с финно-угорским наслоением. Латышский Юмис сам по себе андрогинное божество, включающее как мужское, так и женское начало. В ряде случаев он представляется в двух ипостасях и как бы в двух лицах, символизируя мужское и женское по отдельности. Он два в одном и один в двух, в зависимости от ситуации и необходимости в аграрном культе плодородия.

Спустя десятилетие Вяч. Вс. Иванов, но уже совместно с В. Н. Топоровым, возвращается к проблематике Юмиса, посвятив ему обширную

статью в сборнике «Балто-славянские исследования» (Иванов, Топоров 1983: 140–175). Здесь уже вопрос о возможном финно-угорском влиянии на имя Юмалы не затрагивается, он снят. По сравнению с предшествующим исследованием здесь расширено само понятие двойничества, в балтийский круг включается не только Юмис, но и литовский бог плодородия Айтварас и латышский Пукис, в их облике и деятельности отмечаются примеры парности. В статью также был включен прусский материал, касающийся Видевута и Брутена — божественных близнецов, учредивших для пруссов светскую (Видевут) и сакральную (Брутен) власть. Примеры балтийского близнечного культа в статье дополнены также фактами материальной культуры, как то упоминанием о парных столбах пруссов с изображением Видевута и Брутена, а также о традиционных коньках на крышах строений (домов, клетей) и др. Подробно рассмотрен вопрос о связи мифологических близнецов — Юмиса (земной уровень) и Божьих сыновей (небесный уровень) — с конями: «Это сближение делает возможным связать последний мотив в цикле дайн о Юмисе с индоевропейским представлением о конях в связи с божественными близнецами — древнеиндийскими Ашвинами, названными по слову *aśva*- 'конь', греческими Диоскурами, древнегерманскими близнецами, чьи изображения в виде коньков на крыше тождественны балтийским, в частности латышским и литовским» (Иванов, Топоров 1983: 164).

В сборнике «Балто-славянские исследования», посвященном 150-летию собирателя латышских дайн Кришьяна Барона, Вяч. Вс. Иванов возвращается к теме латышских божественных близнецов (Иванов 1986: 3–29), подробно останавливаясь на анализе функций и характере отношений Божьих сыновей и дочерей Солнца (*Dieva dēli – Saules meitas*), Юмиса и Юмалы (*Jumis – Jumala*) в общеиндоевропейском контексте. Касательно Юмиса автор также рассматривает ранее выдвинутую им гипотезу о том, что образ Юмиса архаичнее образа Юмалы. Однако речь уже не идёт о якобы заимствованном характере Юмалы, а лишь о том, что изначально Юмис, по-видимому, был андрогинным существом:

«Юмис как персонаж, возводимый к андрогинному образу индоевропейской мифологии, значительно архаичнее, чем существенно более новая оппозиция мужского персонажа Юмиса и его женского соответствия типа *Jumala*. Но предлагаемая диахроническая типология относительна: уже в древнехеттском есть много братьев-близнецов и много их сестёр-близнецов, что напоминает множественность ипостасей» (Иванов 1986: 20–21).

Впрочем, как в заключении пишет сам автор, даже в древнехеттском, не говоря уже о древнеиндийском с парой Яма и Ями, божественные близнецы, в зависимости от выполняемых функций, могли появляться в виде как одной, так двух и даже большего количества существ.

То же самое можно сказать и о Юмисе-Юмале. В латышском фольклоре (дайнах, поверьях), несомненно, больше текстов, где Юмис фигурирует один, без упоминания Юмалы. Однако в кульминативном отрезке уборки урожая их двое, они символизируют акт божественного соития. Этим они гарантируют следующий урожай и плодородие как таковое.

В том же 1986 году в Риге на русском языке выходит уже упомянутая в начале статьи поэма Иманта Зиедониса «Колос-двойчатка» с послесловием Вяч. Вс. Иванова. Автором послесловия особенно подчеркнута бинарность как основополагающий принцип древнего индоевропейского близнечного мифа, часть которого — миф о Юмисе:

«Близнечные божества — древнеиндийский Яма, латышский Юмис — замечательны были тем, что они эти два полюса в себе объединяли. Поэтому в этих образах мифологии по праву можно видеть высокое достижение первобытной науки. Сквозь эти образы как бы предчувствуется понимание такой картины мира, где частице противостоит античастица, материи — антиматерия» (Иванов 1986а: 148).

Вяч. Вс. Иванов, так же, как и другие исследователи, описавшие образ и функции Юмиса, выделяет прежде всего его связь с временами года — гиперактивность весной и осенью, инертность зимой и отчасти летом. Юмис — сезонный бог, циклично умирающий и воскресающий, наподобие небесных близнецов — Божьих сыновей. Пространство деятельности Юмиса ограничивается земным уровнем, в то время как деятельность Божьего сына (*Dieva dēls*) или двух Божьих сыновей (*Dieva dēli*) разворачивается на небесном уровне. По мнению Вяч. Вс. Иванова поэма Зиедониса — отличный пример активизации древнего мифа о Юмисе: «Заслуга Иманта Зиедониса — и в том, что он проник в толщи этого сельскохозяйственного мифологического эпоса, до сих пор живущего в дайнах» (Иванов 1986а: 149).

Поэма И. Зиедониса «Колос-двойчатка» (1981). Привлекает внимание уже само название работы Иманта Зиедониса и определение им жанра — ненаписанная поэма (*neuzrakstīta poēma*). В русском переводе (Зиедонис 1986) жанр передан как «поэма о хлебе», что в общих чертах верно, но не в деталях и не в самом замысле поэта. В латышском варианте «ненаписанная поэма» кончается трехстрочием:

Poēma ir vaļā.

‘Поэма открыта.

Nav uzrakstīta.

Не написана.

Raksti tālāk no rīta!

Пиши дальше утром!’

В русском переводе конечная часть опущена, по-видимому, из-за трудности точной передачи заложенного в ней смысла. Понятнее, как по-латышски, так и в переводе было бы обозначить произведение как неоконченная поэма. Название «ненаписанная» отсылает к целому ря-

ду возможных синонимов, типа: не сказанная, не проявленная (как фотопленка), а только намеченная, открытая — без начала и без конца. По форме это — полиметрическое сочинение, где доминирует верлибр, с отдельными вкраплениями трехстопного и четырехстопного ямба, а также трех- и четырех-ударного дольника. Стих — белый, строфика — свободная, по большей части напоминающая астрофию. Каждую из тем предваряет фольклорная цитата — поверье или дайна. До этого Зиедонис предпочитал писать классическими метрами, в основном ямбом. Стихотворения его чаще всего и до и после поэмы имели строгую строфическую организацию, часто и рифму. Сама форма «ненаписанной поэмы» напоминает собрание фрагментов, не объединенных в единое целое — в написанное. И определение жанра как нельзя лучше подходит образу Юмиса, каким его представил поэт:

Jumis ir atvēriens. Tagadnes atvēriens. Tagadnes atvēriens starp pagātni un nākotni. Jumis šobrīdis. No pagātnes un nākotnes nāk laiks šurp uz Jumi. Tāpēc jau Jumis ir jumtiņš, Jumis Jumtiņš. Un Jumja bērns vienmēr sēž korē. Pagātne un nākotne ir tikai slīpnes. Tagadne ir korē. Un uz Jumi pūš vējš no abām pusēm

(Зиедонис 1986: 72)

‘Юмис распахнутый. Разворот — настоящее время. Распахнуто время между прошедшим и будущим. Юмис сиюминутный. Юмис приютившийся. Под крышей, кровлей, охлупнем. Два ската крыши — прошедшее, будущее. Настоящее время — конек. И Юмис-дитя сидит верхом на коньке, там ветер дует в левое ухо и в правое, в лицо и в затылок’

(Зиедонис 1986: 141).

Название поэмы (*Viddivvārpā*) — неологизм, составленный из частей трех слов: *vid-* ‘середина’; *div-* ‘два, двое’; *vārpa* ‘колос’ (в локативе: *-vārpā* ‘в колосе’). Новообразование не поддается точной трактовке даже на латышском. Словосочетание включает идею колоса как варианта мирового древа — источника жизни и плодородия, находящегося в самом центре пространства, соединяющего небо и землю, женское и мужское. Неологизм не называет Юмиса по имени, но подразумевает его.

В поэме обыграны и тема андрогинной сущности Юмиса, таящей возможность неограниченного плодородия. Женская половина Юмала отсутствует, Юмис гоняется сам за собой и заигрывает сам с собой:

Jumis ir vienīgais, kas pats ar sevi spēlējas. Viņš pastāv, un spēle nav beigusies. Jo Jumis ir vienīgais, kas viens pats ar sevi spēlējas. Un, kamēr viņš tavā mājā spēlējas, tu neesi paspēlējis

(Зиедонис 1986: 65)

‘Юмис, единственный, сам с собой затевает игры. Он существует — игра не окончена. Ибо Юмис, единственный, сам-один с собою-другим играет. Покуда играет он в доме твоём, твоя игра не проиграна’

(Зиедонис 1986: 134).

Латышская критика после выхода «Колоса-двойчатки» по инерции восхваляла произведение, акцентируя затронутую в нем тему сакральной ценности хлеба. Как читатели, так и литературные критики привыкли видеть в поэзии Зиедониса излюбленную им игру бинарными противопоставлениями образов, где плюс неожиданно в конце мог оказаться минусом и наоборот. Стиль, тяготеющий к парадоксам, сохранился и в «ненаписанной поэме». Бинарность не исчезла, но она, воплощенная в образе Юмиса, не является разделяющим, а скорее объединяющим началом. Фольклорный образ Юмиса как нельзя лучше здесь выразил идею «два в одном»:

*Tikai Jumis — kā Pidrīķis
danco baltās biksēs paradīzes
dārziņā un pēkšņi ir jau
šaiņusē. Bezrobežu Jumis.
Abpus Jumis. Šķiltiņmeistars.
Divžuburviens. Divgalvainais.
Abvienīgais. Viendivis
Jumis. Divkopkopis Jumis.
Divesis, abesis. Divjēģis. Vecais
Šaipustaipus.*

(Зиедонис 1986: 69)

‘Только Юмис — шут гороховый¹ в белых портках пляшет в райском саду, потусторонний, мгновение — и вот он по эту сторону. Оборотень Юмис. Выворотень Юмис. Юмис загадка-отгадка. Юмис двухплодка-двойчатка. Двусвечник. Двужубец. Сам-один-два. Два-один-два-голова. Юмис двухжильный. Двудюжий. Двурожий. Двухобраз. Двусмысл. Двуетидный, обоудный, древний, мудрый Тудыйсудый’

(Зиедонис 1986: 136).

В образе Юмиса поэт нашел так называемый третий уровень, о поисках которого он упоминает в разговоре с литературным критиком Рутой Вейдемане, опубликованном в 1985 году: «Между идеей и формой существует ещё третий — энергетический уровень. На нем всё время зреет (бродит), функционирует энергия <...> Как только вибрации даешь имя, она каменеет, образуется форма и... падает. Как снежинка, обратившись в красивую форму, падает» (Ziedonis 1985: 9).

На том же энергетическом уровне, по мнению поэта, существуют боги, не поделенные ещё на добрых и недобрых. Бог (*Dievs*) и богиня Мара (*Māra*) там ещё амбивалентны (добро-злые). Хотя Зиедонис в данном разговоре не упоминает имени Юмиса, кажется, что именно в этом образе он намеревался реализовать и реализовал идею

¹ Зиедонис упоминает Пидрикуса в белых штанах, танцующего в райском саду. Это полуироническая ссылка на популярную в XIX в. зинге (народная песня сентименталистского толка) о влюбленном в Доротею Пидрикусе. Это локализованный немецкий романс о Фридрихе и Доротее. Из-за несчастной, безответной любви к Доротее Пидрикус застрелился и, конечно, попал в рай. Л. Азарова перевела Пидрикуса как шута горохового, вероятно, чтобы избежать комментариев.

амбивалентности мира богов и мира людей. Противопоставления существуют, но они не самоценны, поскольку приобретают определённую окраску только в каждой конкретной ситуации.

Память культуры. Одну из своих статей, посвященную латышским дайнам, Вяч. Вс. Иванов в свое время озаглавил «Память языка и память фольклора» (Иванов 1987). Регулярно посещая Латвию (Юрмала – Дубулты) с 1948 г., своими исследованиями языка и дайн он актуализировал память латышской культуры. В этом ему способствовало знакомство с собирателем фольклора Эмилем Мелнгайлисом (Emilis Melngailis, 1874–1954), лингвистом Янисом Эндзелином (Jānis Endzeliņš, 1873–1961), поэтессой Мирдзой Кемпе (Mirdza Ķempe, 1907–1974), в более поздние годы и с другими писателями. По совету Кемпе Иванов познакомился с поэзией Эрика Адамсона (Eriks Adamsons, 1907–1946), которую высоко ценил. Хорошо ориентировался и в творчестве ряда других поэтов, но больше всего в латышских дайнах:

«Благодаря знакомству с Мирдзой Кемпе заинтересовался латышской поэзией, переводил ранние стихи поэтессы, увлекся творчеством замечательного и, к сожалению, до сих пор мало известного русскоязычному читателю поэта Эрика Адамсона, перечитал всего изданного тогда Райниса» (Иванов 1986б: 4).

В том же интервью Вяч. Вс. Иванов несколько раз касается вопросов сохранения и памяти традиционной культуры, значения как духовной, так и материальной её составляющей. Часть латышей, начиная примерно со второй половины XIX в., всеми силами старалась приобщиться к городской культуре, реформировать многие привычные устои, надеясь таким образом скорее приобщиться к уровню немецкой, французской, русской современной культуры. Процесс модернизации был неизбежен, но если в то время не было бы таких личностей, как Кришьянис Баронс, понимавших важность собирания и фиксации фольклорного слоя, латышская культура была бы намного беднее и однообразнее. Вяч. Вс. Иванов среди главных составляющих подчеркивает значение пласта деревенской культуры:

«— Что, на ваш взгляд, в первую очередь способствует сохранению языка?

— Первое и самое важное условие — наличие школы на данном языке. Второй фактор — высокий удельный вес деревни в жизни нации. Таким образом, «выживание» или гибель языка это результат не только языковой, но и экономической, и социальной политики» (Иванов 1986б: 4).

Касаясь других сторон балтийской культуры, Вяч. Вс. Иванов в интервью не забывает упомянуть о наличии близнечного мифа, со-

храненного балтийскими культурами как в дайнах, так и в материальной форме — в виде коньков на строениях:

«Побывав в Этнографическом музее, вы, несомненно, заметите на крестьянских домах две стилизованные лошадиные головы. Как ни удивительно, это сохранившиеся на протяжении тысячелетий следы мифа, общего для всех индоевропейских народов. Надо сказать, что за „близнечной“ мифологией стоят древнейшие представления людей о мироздании» (Иванов 1986б: 4).

Возобновление в 1960–1980-х гг. интереса к мифологии, по-видимому, было вызвано не в последнюю очередь попыткой ученых, писателей, художников понять современный мир путем углубления в мифологию. Мир стал восприниматься слишком плоским, однообразным. Память культуры подсказала темы для изучения. Близнечная тема как нельзя лучше проявляла основу основ как в её бинарных противопоставлениях, так и в единстве двух основополагающих начал, включающих понятие жизни и смерти, неба и земли, мужского и женского, мира богов и мира людей. Мысль о важности культурной памяти в исследованиях Вяч. Вс. Иванова и И. Зиедониса была значима в Советском Союзе в преддверии больших социальных, экономических и политических перемен. Мысль эта не потеряла, а наоборот, приобрела новую актуальность в современном глобализованном мире.

ЛИТЕРАТУРА

- БСС — Балто-славянский сборник. М., 1972.
- Велюс 1981 — *Н. Велюс*. Стадо Вяльняса = *Velnio banda* // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981.
- Велюс 1988 — *Н. Велюс*. Хтонический мир в литовской мифологии. Автореферат диссертации <...> доктора филологических наук. АН ГССР. Институт истории грузинской литературы имени Шота Руставели. Тбилиси, 1988.
- Зиедонис 1986 — *I. Ziedonis*. *Viddivvārpā*. Poēma par maizi = *И. Зиедонис*. Колос-двойчатка. Поэма о хлебе (паралл. текст на латыш. и рус.) / пер. с латыш. и сост. Л. [Т.] Азаровой. Рига, 1986.
- Иванов 1972 — *Вяч. Вс. Иванов*. Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в балтийских языках // Балто-славянский сборник. Москва, 1972.
- Иванов 1986 — *Вяч. Вс. Иванов*. О мифопоэтических основах латышских дайн // Балто-славянские исследования 1984. Москва, 1986.
- Иванов 1986а — *Вяч. Вс. Иванов*. О Юмисе и его истории (послел.) = „Par Jumi un viņa vēsturi” (рѣсв.) // *I. Ziedonis*. *Viddivvārpā*. Poēma par

- maizi = И. Зиедонис. Колос-двойчатка. Поэма о хлебе (паралл. текст на латыш. и рус.) / пер. с латыш. и сост. Л. [Т.] Азаровой. Рига, 1986.
- Иванов 1986б — Что клинопись поведала о балтах. Интервью Р. Виксиньша с Вяч. Вс. Ивановым // Ригас Балсс, Nr. 33, 1986.
- Иванов 1987 — Вяч. Вс. Иванов. Память языка и память фольклора // Слово в нашей речи. Рига, 1987.
- Иванов 1999 — Вяч. Вс. Иванов. О Романе Якобсоне. (Главы из воспоминаний) // Звезда, № 7, 1999. <http://magazines.gorky.media/zvezda/1999/7/o-romane-yakobsone-glav-iz-vozpominanij.html> (просмотрено 19.06.2021)
- Иванов, Топоров 1974 — Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. Москва, 1974.
- Иванов, Топоров 1974а — Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Балтийская мифология в свете сравнительно-исторических реконструкций индоевропейских древностей // Zeitschrift für Slawistik, no. 19, 1974.
- Иванов, Топоров 1983 — Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. К проблеме латышского Jumis и балтийского близнечного культа // Балто-славянские исследования 1982. Москва, 1983.
- Курсите 1985 — Я. Курсите. Латышский народный стих. Индоевропейские истоки // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985.
- Курсите 1987 — Я. Курсите. К истокам метрики латышского народного стиха // Слово в нашей речи. Рига, 1987.
- МНМ — Мифы народов мира. Т. 1–2. Москва, 1980–1982.
- Огибенин 1968 — Б. Л. Огибенин. Структура мифологических текстов «Ригведы». Москва, 1968.
- Программа 1964 — Программа и тезисы докладов в летней школе по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1964.
- Топоров 1972 — В. Н. Топоров. Заметки по балтийской мифологии // Балто-славянский сборник. Москва, 1972.
- Amor vincit omnia 2017 — Amor vincit omnia. Konstantīns Karulis dzīvē un darbos. Rīga, 2017.
- Balys 1972 — J. Balys. Estonian Folklore; Latvian Folklore and Mythology; Lithuanian Folklore, Folk Song and Mythology // Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend. New York, 1972.
- Balys, Biezais 1965 — J. Balys, H. Biezais. Baltische Mythologie // Wörterbuch der Mythologie. Bd. 1. Stuttgart, 1965.
- Biezais 1955 — H. Biezais. Die Hauptgöttinnen der alten Letten. Uppsala, 1955.
- Biezais 1961 — H. Biezais. Die Gottesgestalt der Lettischen Volksreligion. Uppsala, 1961.
- Eliade, 1963 — M. Eliade. Myth and Reality. New York, 1963.
- Eliade, 1960 — M. Eliade. Myths, Dreams and Mysteries. New York, 1960.
- Eliade, 1959 — M. Eliade. The Sacred and the Profane. New York, 1959.

- Gennep 1909 — *A. Van Gennep*. Les rites de passage : étude systématique des rites de la porte et du seuil, de l'hospitalité, de l'adoption, de la grossesse et de l'accouchement, de la naissance, de l'enfance, de la puberté, de l'initiation, de l'ordination, du couronnement, des fiançailles et du mariage, des funérailles, des saisons, etc. Paris, 1909.
- Gimbutas 1963 — *M. Gimbutas*. The Balts. London, 1963.
- Davidson 1964 — *H. R. E. Davidson*. Gods and Myths of Northern Europe. Baltimore, 1964.
- Davidson 1967 — *H. R. E. Davidson*. Pagan Scandinavia (Ancient Peoples and Places). London, 1967.
- Davidson 1969 — *H. R. E. Davidson*. Scandinavian Mythology. London, 1969.
- Dumézil 1952 — *G. Dumézil*. Les Dieux indo-européens. Paris, 1952.
- Dumézil 1954 — *G. Dumézil*. Rituels indo-européens à Rome. Klincksieck, 1954.
- Dumézil 1966 — *G. Dumézil*. La religion romaine archaïque, suivi d'un appendice sur la religion des Étrusques. Paris, 1966.
- Dundulienė 1979 — *P. Dundulienė*. Medžiai senovės lietuvių tikėjimuose. Vilnius, 1979.
- Dundulienė 1982 — *P. Dundulienė*. Paukščiai senuosiuose lietuvių tikėjimuose ir mene. Vilnius, 1982.
- Dundulienė 1985 — *P. Dundulienė*. Ugnis lietuvių liaudies pasaulėjautoje. Vilnius, 1985.
- Dundulienė 1988 — *P. Dundulienė*. Lietuvių liaudies kosmologija. Vilnius, 1988.
- Dundulienė 1989 — *P. Dundulienė*. Pagonybe Lietuvoje. Moteriškosios dievybes. Vilnius, 1989.
- Johansons 1963 — *A. Johansons*. Nemierīgi gari // Ceļi, Lunda: Ramave, 1963, Nr. 11.
- Johansons 1968 — *A. Johansons*. Der Wassergeist und der Sumpfgeist. Untersuchung volkstümlicher Glaubensvorstellungen bei den Völkern des ostbaltischen Raumes und bei den Ostslaven. Stockholm, 1968.
- Klētnieks 1984 — *J. Klētnieks*. Astronomiskie priekšstati latviešu tautasdziesmās // Astronomiskais kalendārs 1985. Rīga, 1984.
- Klētnieks 1985 — *J. Klētnieks*. Seno latviešu zvaigžņu dievības // Zvaigžņotā Debess, 1985. gada vasara.
- Klētnieks 1985a — *J. Klētnieks*. Tautasdziesmu kosmoloģija // Zvaigžņotā Debess, 1985. g. rudens.
- Kursīte 1984 — *J. Kursīte*. Mitoloģiskie priekšstati dainu formulās // Literatūra un Māksla, 1984.13.02.
- Kursīte 1988 — *J. Kursīte*. Iespējama latviešu variants indoeiropiešu mītam par mirstošo un atdzimstošo dievību // Varavīksne. Rīga, 1988.

- Latviešu tautasdziesmas — Latviešu tautasdziesmas. Kopenhāgena, 1952–1956, 1.–12. sēj.
- LD — Latvju dainas. *Kr. Barona un H. Wiffendorffa* iļdotas. I.–VI. sēj. Jelgavā, Rīgā, Pēterburgā, 1894–1915 [орфография цитат модернизирована].
- Lévi-Strauss 1964–1971 — *C. Lévi-Strauss*. Mythologiques. V. I–IV. Paris, 1964–1971.
- Mackova 2015 — *Gunāra Priedes* dzīve un darbi. III. 1969–1976 / Ieva Struka (sastādītāja). Rīga, 2015.
- ME 1993–1994 — Mitoloģijas enciklopēdija, 1.–2.sēj. Rīga, 1993–1994.
- Neuland 1977 — *L. Neuland*. Jumis, die Fruchtbarkeitsgottheit der alten Letten. Stockholm, 1977.
- Oinas 1980 — *F. J. Oinas*. Balto-Finnic and Baltic Fertility Spirit // Journal of Baltic Studies, vol. 11, no. 3, 1980.
- Puhvel 1973 — *O. Puhvel*. The Baltic Pantheon // Baltic Literature and Linguistics. Columbus, Ohio, 1973.
- Straubergs 1948 — *K. Straubergs*. Latvju sakrālā pasaule // Latvju kultūra: Rakstu krājums prof. Dr. Švābes redakcijā. Esslingen, 1948.
- Straubergs 1949 — *K. Straubergs*. Lettisk folketro om de döda. Stockholm, 1949.
- Straubergs 1957 — *K. Straubergs*. Svētie meži un svētie koki // Amerikas latviešu humanitāro zinātņu asociācija. Rakstu krājums. 1. sēj. Ņujorka, 1957.
- Straubergs 1960 — *K. Straubergs*. Latviešu kultavietu vārdi // E. Hauzenberga-Sturma (ed.). In honorem Endzelini. Chicago, 1960.
- Tdz — Tautas dziesmas. P. Šmita papildinājums *K. Barona* Latvju dainām / Latviešu Folkloras Krātuves izdevums, 1.–4. sēj. Rīga: 1936–1939.
- Turner 1969 — *V. Turner*. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure (Foundations of Human Behavior). Chicago, 1969.
- Vēlius 1977 — *N. Vēlius*. Mitinės lietuvių sakmių būtybės. Vilnius, 1977.
- Vēlius 1983 — *N. Vēlius*. Senovės baltų pasaulėžiūra. Vilnius, 1983.
- Vēlius 1987 — *N. Vēlius*. Chtoniškasis lietuvių mitologijos pasaulis. Vilnius, 1987.
- Vēlius 1989 — *N. Vēlius*. The world outlook of the ancient Balts. Vilnius, 1989.
- Vīķe-Freiberga 1973 — *V. Vīķis-Freibergs*. Myth and metaphor in Latvian dainas // A. Ziedonis, J. Puhvel, R. Šilbajoris & M. Valgemāe (Eds). Baltic Literature and Linguistics. Columbus, Ohio, 1973.
- Ward 1968 — *D. Ward*. The Divine Twins: An Indo-European Myth in Germanic Tradition. Berkeley, 1968.
- Zālīte 1985 — *M. Zālīte*. Pilna Māras istabiņa jeb tautasdziesmu Māras meklējumos // Varavīksne. Rīga, 1985.
- Ziedonis 1982 — *I. Ziedonis*. Viddivvārpā // L. Damianu, I. Ziedonis. Maize. Rīga, 1982.
- Ziedonis 1985 — *I. Ziedonis, R. Veidemane*. Vārddarbi // Literatūra un Māksla, 1985, Nr. 24.

В. А. ДЫБО

Влияние индоевропейского акцента на вокализм в западных индоевропейских языках

Вступление

В 1961 г. я опубликовал статью «Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии» (Дыбо 1961), в которой показал, что индоевропейские долготы, возникшие под влиянием сосюровского сонантного коэффициента (ларингала), в кельто-италийских языках сохранялись лишь под ударением, в безударном же положении (в предупредном) они сокращались. Таким образом обнаружился ещё источник, позволяющий установить место акцента в слове на раннем этапе истории индоевропейских языков. Подобный же источник обнаружился и в германских языках, но здесь он проявлялся, если морфема оканчивалась на нешумные: долгие гласные в этом случае сокращались, а нешумные геминировались. Само сокращение индоевропейских долгот в предупредном положении не принесло каких-либо новых проблем в сравнительно-историческую акцентологию: изменения гласных в этом положении довольно хорошо известны (например, в славянских языках). Неожиданным и повлёкшим ряд проблем для сравнительно-исторической индоевропейской акцентологии был другой результат: обнаружился ряд основ с несокращёнными слогами, заполненными долгими сонантами: $-\bar{i}-$, $-\bar{u}-$, $-\bar{l}-$, $-\bar{r}-$, $-\bar{m}-$, $-\bar{n}-$ < и.-е. $-\dot{i}-$, $-\dot{u}-$, $-\dot{l}-$, $-\dot{r}-$, $-\dot{m}-$, $-\dot{n}-$, место ударения было подтверждено балто-славянскими соответствиями. Этот результат явно противоречил принимаемой индоевропейцами теории индоевропейского аблаута: все эти долгие сонанты были результатом нулевой ступени и.-е. долгих дифтонгов или бецценбергеровских сочетаний (т. е. нулевой ступени «второй основы» Бенвениста или нулевой ступени «двуслоговой тяжёлой базы»), все эти случаи объясняются редукцией гласного под воздействием следующего за данным слогом индоевропейского акцента. Это означало, что тот акцент, который отмечают балто-славянские соответствия, не соответствует тому акценту, который восстанавливают индоевропейцы на основании нулевой ступени аблаута.

Исследования в области славянской, балтийской и балто-славянской сравнительно-исторической акцентологии привели в настоящее время к реконструкции балто-славянской акцентуационной системы. Эта система оказалась реконструированной с такими подробностями, какие не часто удается установить у ныне существующих живых языков. Типологическое сравнение этой системы с другими акцентуацион-

ными системами языков с разноместным ударением позволяет выделить тип акцентуационных систем, которым было дано название систем парадигматического акцента, и отнести балто-славянскую систему именно к системам парадигматического акцента. Типологическое сравнение систем парадигматического акцента с тоновыми системами обнаруживает явную близость первых к системам лексического тона. Кроме того, оказалось, что во всех случаях, когда относительно генезиса систем парадигматического акцента удастся построить достаточно убедительные сравнительно-исторические гипотезы, они возводятся к системам лексического тона.¹ Это заставило меня выдвинуть тоновую гипотезу генезиса балто-славянской акцентуационной системы.

При этом около 200 балто-славянских именных лексем были поставлены В. М. Иллич-Свитычем и последующими исследователями в достаточно убедительное соответствие с акцентовкой и.-е. языков, сохранивших реликты первичного акцента или его рефлексy: 104 балто-славянских имени неподвижного акцентного типа связываются с и.-е. баритонами, 70 имен подвижного типа — с и.-е. окситонами, и 21 балто-славянское имя неподвижного акцентного типа объясняется как результат преобразования и.-е. окситон по закону Хирта. Это явно свидетельствует об индоевропейском акцентном источнике балто-славянского ударения.

Но индоевропейское ударение, восстанавливаемое посредством сравнения систем древнеиндийского и греческого языков и прагерманской системы (отраженной рефлексацией согласных по закону Вернера), никогда не рассматривалось в этой типологической плоскости. Более того, ряд постулатов, из которых исходили индоевропейцы, занимавшиеся проблемами индоевропейского акцента, явно препятствуют такому рассмотрению. Перечислю здесь основные моменты.

1. Убежденность в непосредственной связи индоевропейского аблаута с индоевропейским акцентом (при этом почти всегда упускается из виду, что сама проблема разноместности акцента при таком подходе не устраняется).

2. Вытекающая из первого постулата убежденность в первичности силового характера индоевропейского акцента (тоновые феномены считались неспособными радикально воздействовать на вокализм).

¹ Правильнее было бы говорить о системе морфемного тона, но обычно при описании языков подобной тоновой системы (т. е. при наличии разных тоновых классов корневых морфем) говорят о лексическом тоне, с добавлением указания на наличие также грамматического тона, если наблюдается также различие в тонировании аффиксальных морфем; (см. например: Tucker and Bryan 1966: 30–31, 63–64, 86, 143, 170, 207, 263, 337, 408, 449).

3. Убежденность в первичности колонного характера акцентных типов в индоевропейском слове (по-видимому, связана с отсутствием представления о системах акцентных парадигм).

4. Разноместность акцента связывается исключительно с характером служебных формантов: с характером флексий, если речь идёт о разноместности акцента в слове, и с характером суффиксов, если речь идёт о разноместности акцента при словообразовании (при этом форманты, по-разному воздействующие на акцент, как правило, своим фонемным составом не различаются и приходится ограничиваться их грамматической характеристикой).

Основной проблемой индоевропейской сравнительно-исторической акцентологии является разноместность индоевропейского первичного ударения. В балто-славянском эта разноместность оказалась организованной как парадигматическая акцентная система. Была ли такая организация характерна уже для индоевропейского?

Под системами парадигматического акцента или парадигматическими акцентными системами понимаются в Московской акцентологической школе такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными (акцентуационными) парадигмами (а. п.), по которым распределяются все слова соответствующего языка следующим образом:

1. В корпусе непроемных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключённой в форме или в значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно.

2. В корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих основ (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип).

Глагольная акцентная система в этих языках обычно построена подобным же образом: различные глагольные категории при этом рассматриваются как производные по отношению к глагольной категории, положенной в начало описания.

Примечание. Архаический характер балто-славянской акцентной системы вытекает из самой её реконструкции, которая оказывается предельно просто организованной: описывается элементарным набором единиц и минимальным набором правил. В ней отсутствуют сколько-либо значительные противоречия, которые, как правило, характеризуют системы, подвергавшиеся многочисленным и разнонаправленным перестройкам. То, что эта система непосредственно отражает праиндоевропейскую просодическую систему, доказывают регулярные соответствия балто-славянских акцентовок непроемных имен акцентовкам непроемных имен древнеиндийского, греческого и прагерманского язы-

ков. Соответствие акцентных кривых балто-славянской подвижной акцентной парадигмы подвижному акцентному типу греко-арийских односложных атематических имен свидетельствует об индоевропейском характере контурного правила, которое создало этот тип. Этот вывод в определенной степени поддерживается бинарным разбиением акцентовок непроезженных тематических имен в древнеиндийском, греческом и прагерманском. Естественно, что окситонеза двусложных и многосложных имен в древнеиндийском, греческом и, возможно, прагерманском — явление вторичное, возникшее в результате элементарных тонологических или акцентологических процессов после падения первичного контурного правила (правила постановки акцента в словоформе). Мнюно было показано (Дыбо 2003: 153–156), что для возникновения балто-славянской подвижной акцентной парадигмы этих имен не требуется предположения о каких-то специальных процессах или аналогиях, для этого достаточно введения окончаний, характерных для подвижного акцентного типа греко-арийских односложных атематических имен, и простой контракции с ними в тематических именах с сохранением присущих им акцентуационных валентностей.

1. Германский: акцентно-зависимые различия в первичных глаголах с корнями на нешумные

Мои исследования по прагерманской акцентной системе выявили две группы первичных глаголов с двумя разными акцентными парадигмами:

I. *Immobilia-barytona*. Германские основы без сокращения индоевропейских долгот и без *Verschärfung*'а ~ балто-славянский неподвижный акцентный тип.

1. герм. **spīwa-* ~ **sp(i)ūja-* 'плевать' (< **spīuo-* ~ **sp(i)ūjo-*) [гот. *speiwan*; др.-англ. *spīwan*, др.-сакс. *spīwan*, др.-в.-нем. *spīwan*, *spīan* ~ др.-исл. *spýja*; вост.-фриз. *spüjen* 'spucken, sprühen', ср.-нидерл. *spuwen* 'spucken, speien'] ~ лтш. *spļāūt*, praes. 1.sg. *spļāūju*, praet. 1.sg. *spļāvu* (плавная интонация указывает на неподвижную а. п.); слав. praes.sg. 1. **pjū-jǫ*, 3. **pjūjetь* (< **pjāu-je-*); inf. **pjevǫti* (< **pjāu-ā-*) 'плевать' (а. п. а) || Seebold: 450–451; Feist: 444–445; De Vries: 539; Holthausen AEEW: 311; Orel: 365; Fraenk. II: 866–867; Дыбо 2000: 288–289, 489, 512.

К структуре корня: и.-е. корень **spīāu-/spīū-* (в ларингалистической интерпретации: **spīeh₂u-/spīh₂u-*): полная ступень в лит. *spiõva* 'плевака', 'Spucker(in)', *spiõvimas* 'плевание', 'Spucken, Speien'; лтш. *spļāviens* 'das einmalige Speien'; о-ступень, возможно, в авест. *spāma-* 'Speichel, Schleim' (< **spīōmo-* < **spīōumo-*, с потерей глайда в долгом дифтонге); нулевая ступень: др.-инд. *ṣṭhūyūtá-* 'gespuckt, gespien'; лат. *spūtum* н. 'плевок'; также в презентных основах: греч. *πτῦω* 'spucke'; лат. *spuō*; герм. **spūja-* (др.-исл. *spýja*; вост.-фриз. *spüjen* 'spucken, sprühen', ср.-нидерл. *spuwen* 'spucken, speien'); нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: др.-инд. *ṣṭhīvati* 'spuckt, speit aus'; герм. **spīwa-* (гот. *speiwan*; др.-англ. *spīwan*, др.-сакс. *spīwan*, др.-в.-нем. *spīwan*, *spīan*). Как показывают балто-

-славянские и приводимые в этом разделе германские данные, глагол имел неподвижную баритонированную а. п. и, следовательно, корневая морфема была доминантной. || Pok.: 999–1000 ($\sqrt{(s)p(h)j\ddot{e}u-} : (s)pi\ddot{u}- : (s)pi\ddot{u}-$ ‘speien, spucken’); LIV₂: 583–584 ($\sqrt{*sptj\ddot{e}uH-}$ ‘spucken, speien’); Rasmussen: 119.

2. герм. **sjuja-* ‘шить’ (< **sjuja-* < **sju-jo-*): [гот. *siujan*, др.-исл. *sýja*, др.-англ. *siowan*, *siowain*, др.-в.-нем. *siuwan*] ~ лтш. *šūt*, praes. 1.sg. *šūtu* (плавная интонация указывает на неподвижную а. п.); слав. praes. sg. 1. **šijō*, 3. **šijetъ* (< **sju-je-*); inf. **šiti²* (< **sju-tei-*) (а. п. а) || Feist: 425; De Vries: 572; Holthausen AEEW: 296; Orel: 329; Fraenk. II: 789–790; Дыбо 2000: 276, 489, 496, 509, 522–523.

К структуре корня: и.-е. корень **sǰāu-/sǰū-* (в ларингалистической интерпретации: **sǰeh₂u-/sǰh₂u-*); полная ступень первой основы: др.-инд. *sēvanam* ‘das Nähen, die Naht’, — полная ступень второй основы: др.-инд. *syōta-*, *syōna-* m. ‘Sack’ (Lex.); нов.-перс. *yūn* ‘Satteldecke’ (< **hyauma-*), — и, возможно, в герм. **sǰaumaz* (др.-исл. *saumr* m. ‘Saum, Naht’; др.-англ. *sēam*, др.-фриз. *sām*, ср.-н.-нем. *sōm*, др.-в.-нем. *soum*); нулевая ступень: др.-инд. *syūtá-* ‘genäht’; лат. *sūtus*; лит. *siūtas*, лтш. *šūts*, русск. *уи́м*, f. *уи́ма*, n. *уи́мо*; др.-инд. *sūtra-m* (AV.) ‘Faden’; лат. *sūbula* ‘Ahle’ (< **s(i)ū-dhlā-*); др.-в.-нем. *siula* ‘Ahle’ (< **sǰū-dhlā-*); слав. **šǰdlo²* (русск. *уи́ло*, укр. *уи́ло*; болг. *уи́ло*, схрв. *уи́ло*, словен. *šilo*; чеш. *šidlo*, словц. *šidlo*, польск. *szydło*, в.-луж. *šidlo*, н.-луж. *šydló*, полаб. *saidliū*); нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: др.-инд. *sīvana-m* ‘das Nähen, die Naht’, *sīvyati* ‘näht’, гот. *siujan*. Балто-славянские и германские данные указывают на доминантность корня. || WH: 631–632; Holthausen AEEW: 296; Orel: 329; Фасмер IV: 438; Mayrhofer III: 477–478; Pok.: 915–916 ($\sqrt{*sju-} : *sju-$ ‘nähen’); LIV₂: 545 ($\sqrt{*sǰeiuH-}$ ‘nähen’); Rasmussen: 115–116, 118.

3. герм. **sǰaja-* ‘сеять’ (< **sǰaja-* < **sǰajo-*): [гот. *saian*, др.-исл. *sā*, др.-сакс. *sāian*, др.-в.-нем. *sāen*, *sājan*, *sāwen*, др.-англ. *sāwan*] : лит. *sėti*, praes. 1.sg. *sėju*, praet. 1.sg. *sėjau*, лтш. *sēt*, praes. 1.sg. *sėju* (плавная интонация указывает на неподвижную а. п.); слав. praes. sg. 1. **sǰjō*, 3. **sǰjetъ* (< **sǰj-e-*); inf. **sǰjati* (< **sǰj-ā-*) (а. п. а) || Seebold: 386–387; Feist: 403–404; De Vries: 459; Holthausen AEEW: 270; Orel: 327; Fraenk. I: 378–379; Дыбо 2000: 290, 486, 487, 498, 512.

К структуре корня: и.-е. корень **sē(i)-/sǰ(i)-* (в ларингалистической интерпретации: **seh₁(i)-/sǰ₁(i)-*); полная ступень: лат. *sēmen* ‘Same’; герм. **sēmōn* (др.-сакс. *sāmo*, др.-в.-нем. *sāmo*); лит. *sėmenys* pl., диал. вост.-лит. *sėmen(e)s* ‘Leinsamen, Leinsaat’ (1 → 3); слав. **sǰmę* (др.-русск. **Ѡ сѣмени** gen.sg. Чуд. 67³, 104³, 139¹, **н Ѡ сѣмени** loc.sg. Чуд. 60³, **сѣмена** acc.pl. В 64 [ИАСИМ: 182]; ср.-болг. **Ѡ сѣмене** gen.sg. Зогр. Д13ба, **сѣмена** nom.-acc.pl. Зогр. Б51б, **н сѣменемъ** dat. pl. Б56а; схрв. *sǰeme*, словен. *sǰme*; чеш. *šimě*, словц. *semä* [KSSJ: 397], польск. диал. малопольск. *śęmę* [Kusała: 60]; др.-ирл. *síl* ‘Same’, валл. *hŷl* ‘Same, Nachkommen-

² Здесь и далее применяются следующие обозначения славянских палатализаций: *g, *k, (*s > *š) > *x > [I. *ž, *č, *š / III. *j (> *z), *c, *š / II. (*ǰ >) *j (> *z), (*k >) *č, (*x >) *š; (и.-е. *ǰ(h), *k >) *ž, *š; (и.-е. *ǰ(h)l, *kl, *sl >) *zj, *šj, *sj > *ž, *š, *š.

schaff'; лит. *pasėlis* 'Aussaat, Beisaat'; лтш. *sēja* 'das Säen, das besäte Feld, die Saat'; словен. *sēja* 'das Säen'; нулевая ступень: лат. *sātus* 'Gesät', *sata* n.pl. 'Saaten'; валл. *hād* 'Same' и лит. диал. *sajūs* 'leicht anzusäen, saatenreich, fruchtbar, ergiebig, reichlich' || Orel: 328; Fraenk. II: 774, 778–779, 756; WH II: 522; Pok.: 889–891 (√**sē(i)-*: **sāi-*: **sī-*; √**sē-*: **sā-* и √**sei-*: *si-* 'entsenden, werfen, fallen lassen, säen'); LIV₂: 517 (√**seh₁-* 'eindrücken, einsetzen' → 'säen').

4. герм. **wāja-* 'веять' (< **wāja-* < **uējo-*): [гот. *waijan*, др.-в.-нем. *wāen*, *wājen*, др.-фриз. *wāja*, ср.-нидерл. *wāien*, др.-англ. *wāwan*] ~ слав. praes.sg. 1. **vějō*, 3. **vějety* (< **uēi-e-*); inf. **vėjati* (< **uēi-ā-*) (а. п. а) || Seebold: 539; Feist: 541–542; Дыбо 2000: 290, 486, 498–499, 512.

К структуре корня: и.-е. корень **uē(i)-*/**uā(i)-* (в ларингалистической интерпретации: **h₂ueh₁(i)-*/**h₂uā₁(i)-*): полная ступень в др.-инд. *vāti*, авест. *vāti* 'weht'; греч. *ἄησι* 'weht'; др.-инд. *vāyati* 'weht'; авест. *fravāyēti* 'verlöscht'; герм. **wāja-*; слав. praes.sg. 1. **vějō*, 3. **vějety* (< **uēi-e-*); др.-инд. *vāyih* 'ветер', авест. *vāyuh* 'Wind, Luft'; лит. *vėjas* 'Wind', лтш. *vējš* 'Wind'; вост.-лит. *višulas* 'вихрь', лтш. *veišuōls*, *višuls*, *višulis* 'вихрь' (< **vēisul(i)o-*) Mühl.-Endz. IV 525, 671; слав. **vĭxъrь* 'вихрь' (< **vēisūr(i)o-*); нулевая ступень: слав. **vĭjati* 'веять' (русск. диал. *вьять* '(об огне) полыхать', *завьять* 'завеять, занести снегом, песком'; возможно, чеш. *váti* 'веять'), слав. **vĭjaličā*² 'буря' (русск. диал. *вьялица* 'метель, буран'; ст.-слав. **внгалница** 'буря'); лит. *výdra* 'Sturm(wind)', прусск. *wydra* 'Wind' (ср. др.-лтш. **vēdra* [в тексте: *whedra*] Ev. 'Sturm') || Feist: 541–542; Фасмер I: 306, 310, 324; Fraenk. II: 1237–1238, 1243–1244; Pok. 81–84 (√**au(e)-*, √**auē(i)-*, √**uē-* 'wehen, blasen, hauchen'); LIV₂: 287 (√**h₂ueh₁-* 'wehen').

5. герм. **spōja-* 'gelingen', 'удаваться' (< **spōja-* < **spōjo-*): [др.-англ. *spōwan*, *spēow*, *spēowon* 'Erfolg haben, gedeihen, glücken', др.-в.-нем. *spuoen*, *spuon* sw.V. 'vonstatten gehen, gelingen'] ~ лит. *spėti*, praes. 1.sg. *spėju*, praet.1.sg. *spėjau* 'Muße haben, schnell genug sein; zurechtkommen, noch zur Zeit kommen'; лтш. *spēt*, praes.1.sg. *spėju* 'vermögen, können' (плавная интонация указывает на неподвижную а. п.); слав. praes.sg.1. **spějō*, 3. **spějety* (< **spēi-e-*); inf. **spėti* (< **spē-tei-*) 'поспевать' (а. п. а) || Seebold: 455; Fraenk. II: 866; Дыбо 2000: 280, 291, 497, 511.

К структуре корня: и.-е. корень **spē(i)-*/**spā(i)-* (в ларингалистической интерпретации: **speh₁(i)-*/**sph₁(i)-*): полная -e-ступень: др.-инд. *sphāyatē* 'wird feist, nimmt zu'; ? герм. **spēdīaz* adj. (гот. *spēdiza* comp. 'späterer'; ср.-нидерл. *spade*, др.-в.-нем. *spāti* 'spät'); нулевая ступень: др.-инд. *sphirá-* 'feist'; герм. **sparaz* (др.-исл. *sparr* 'sparsam, karg'; др.-англ. *spær* 'sparsam'; др.-в.-нем. *spar* 'sparsam, knapp'; слав. **sporъ* (русск. *спорый*; схрв. *spòr* 'lang dauernd'; чеш. *spory* 'ergiebig, ausgiebig; sparsam, spärlich') || Orel: 364, 362; Holthausen AEEW: 307–308, 312; Feist: 444; Mayrhofer III: 541–542; Mayrhofer EWA II: 776–777; Pok.: 983–984 (√**sp(h)ē(i)-*: **spī-* и √**sphē-*: **sphā-* 'gedeihen, sich ausdehnen, sich dicken werden, vorwärtskommen, Erfolg haben, gelingen'); LIV₂: 584 (√**sp^heh₁-* 'wunschgemäß geraten, gelingen').

6. герм. **bōja-* (< **bōja-* < **bhājo-*): [др.-англ. *bōian* = *bōgan* 'to boast' Clark Hall: 53; praes. 3.sg. *he bōþ* 'he boasts' Bosworth–Toller: 116, sub v. *bōn*

et *bôgađ* Toller: 101; praet. *bôde* Toller: 101] ~ слав. praes.sg. 1. **bǎjǫ*, 3. **bǎ-jetъ* (русск. диал. praes.sg. 1. *бáю*, 2. *бáешъ*, укр. praes.sg. 1. *бáю*, 2. *бáеш*; болг. praes.sg. 1. *бáя*, 2. *бáеш*, схрв. praes.sg. 1. *бǎjēm*, ст.-хорв. XVII в. [Ю. Крижанич] praes.sg. 1. **Бáјем**, **Павáјем**, **звáјем** Гр. 199; словен. [Валявец] *bájem* Valj. Rad 67: 70, закономерный переход рефлекса акута в «новый циркумфлекс»; [SSKJ] *bájati*, praes.sg. 1. *bájam*; *bájiti*, praes.sg. 1. *bájim* — морфологически перестроенные формы, но сохраняющие рефлекс старого акцентного типа; ошибочно указание Plet. относительно акцентировки форм презенса: *bájati*, *-jam*, *-jem*) || Holthausen AEEW: 29; Orel: 51; Дыбо 2000: 292; Фасмер I: 140.

К структуре корня: и.-е. корень **bhā-/bhə-* (в ларингалистической интерпретации: **b^heh₂-/b^hh₂-*): полная ступень: др.-инд. *sa-bhā* f. 'Versammlung' ('colloquium' Edgerton 1914: 173 ff.); греч. *φημί*, дор. *φᾶμι* 'sage', *φημη* f., дор. *φᾶμι* 'Kunde, Ruf, Offenbarung'; лат. *for* < **fā-īō(r)*, *fātus sum*, *fāri* 'spreche', *fāma* f. 'Gerede, Gerücht, Überlieferung'; о-ступень: греч. *φωνή* 'Stimme'; нулевая ступень: греч. *φᾶτις* f. 'Gerücht', *φᾶσις* 'Sprache, Rede, Behauptung, Anzeige'; армян. *bay*, gen.sg. *bayi* 'Wort, Ausdruck' < **bhā-ti-s*; **bhə-to-s* в лат. *fāteor* 'öffentlich erklären, zugeben'; позиция расщепления корня -*n*-инфиксом (тест девятого класса): др.-инд. *bhānati* 'spricht, tönt', тематизация основы 9 класса **bhanāti* < **bhe-ne-ə-* (в ларингалистической интерпретации: < **b^he-ne-h₂-*); ожидание в этом случае в корне рефлекса и.-е. -*ə-* связано с непоследовательностью в принятии анализа де Соссюра || Orel: 51; Frisk II: 1009–1010, 1058–1059; Schwyzler KZ 57; WH I: 437–438, 450–451, 462–463, 525–526; Mayrhofer II: 469–470; Mayrhofer III: 433–434; Mayrhofer EWA II: 244, 701; Pok.: 105–106 (√**bhā-* 'sprechen'); LIV₂: 69–70 (√**b^heh₂-* 'sprechen, sagen').

7. герм. **knāja-* 'знать' (< **knāja-* < **ġnējo-*): [др.-исл. *kná* 'kann'; др.-англ. *cnāwan* 'wissen, erkennen', др.-в.-нем. *knājan* 'kennen'] ~ слав. praes.sg. 1. **znǎjǫ*, 3. **znǎjetъ* (< **ġnō-je-*); inf. **znǎti* (< **ġnō-tei-*) (а. п. а); при praes.sg. 1. **znǎjǫ*, 3. **znǎjetъ* (< **ġnō-je-*); inf. **znajati*² (< **ġnō-ī-ā-*) (а. п. с) (двойственность корня прослеживается и на другом материале) || De Vries: 319; Holthausen AEEW: 54; Orel: 224; Pok.: 376–378; LIV₂: 168–170 (√**ġneh₃-* 'erkennen').

К структуре корня: и.-е. корень **ġnē-/ġñ-* (в ларингалистической интерпретации: **ġneh₁-/ġñh₁-*): полная ступень в тох. А *kñā-* 'знать', 'kennen'; о-ступень: др.-перс. *xšnāsa-* в *xšnāsāhiy* 'du sollst merken', греч. эпидавр. *γνώσσω* 'erkennen, kennenlernen', лат. *nōscō* 'erkenne'; др.-инд. *jñātāh* 'bekannt'; греч. *γνοτός* 'bekannt'; лат. **gnōtus* (в *nōta*, *nōtāre* и в *cognitus*, *agnitus*; < **ġnōtō-*); нулевая ступень: галльск. *катов-γνάτος*, *Epo-so-gnātus*, др.-ирл. *gnāth* 'gewohnt, bekannt' < **ġñto-*; герм. **kunþaz* (гот. *kunþs* 'bekannt'; др.-исл. *kunnr*, *kuðr* 'bekannt, kundig'; др.-англ. *cūð* 'kund, bekannt, offenbar, sicher; ausgezeichnet; freundlich, verwandt', др.-фриз. *kūth* 'kund, bekannt', др.-сакс. *kūth* 'bekannt', др.-в.-нем. *kund* 'bekannt, kund; verwandt'), **un-kunþaz* (гот. *un-kunþs* 'unbekannt'; др.-исл. *ú-kúðr* 'unbe-

kannt'; др.-англ. *un-cūð* 'unknown, uncertain, strange, terrible', ср.-нидерл. *on-cont* 'onbekend aan, onbekend met', др.-в.-нем. *un-kund* 'unbekannt'); лит. *pažintas* 'bekannt', лтш. *pažīsts* 'знакомый' < **ǵh̥to-*; нулевая ступень с инфиксным рассечением (тест 9 класса): авест. *zanā-t, zanqn*, афг. *pē-zanī* 'unterscheidet, erkennt'; др.-ирл. *-gninim*; лит. *žinoti*, праес. 1.sg. *žinaū* 'kennen, wissen' < **ǵh̥-ne-ə-*. В связи со снятием долготы в латинском следует предполагать нисходящий тон в корневой морфеме. || Orel: 224; Pok.: 376–378 (**ǵen-* : **ǵenə-* : **ǵnē-* : **ǵnō-* 'erkennen, kennen'); LIV₂: 163–165 (**ǵenhi-* 'erzeugen'); LIV₂: 168–170 (**ǵnehz-* 'erkennen').

8. герм. **rūja-* (< **rūja-* < **rūjo-*): [др.-исл. *rýja* schw. V. 'to pluck the wool off sheep', 'Wolle abpflücken'] ~ слав. праес. 1.sg. **rýjjo*, 3.sg. **rýjjetь* [русск. диал. праес. 3.sg. *рѡйѡт* 'насыпает' (селигеро-торжокские говоры, Селижаровский р-н, д. Дубровка, запись С. Л. Николаева, диалект, сохраняющий а. п. с глагола **vyjjetь*); ср.-болг. вост. праес. 3.sg. *нѣръѣтсѧ* Пс. Кипр. 85б, *нѣръѣтсѧ* Нор.пс. 155б (тексты, относящиеся к диалектам, в которых сохраняется различие акцентных типов в глаголах с корнями на *-i-*), болг. диал. банат. *рѡйѧ* (северо-восточный болгарский говор, не входящий в зону нейтрализации акцентных противопоставлений у глаголов с корнями на *-i-* и сохраняющий а. п. с глагола **vyjjetь*), болг. диал. (Wysoka) *рѡѧ, рѡš*, (Suche) *рѡѧт* (Орешник, фракийские переселенцы), *рѡйѣ, рѡеи* (26) (юго-восточные болгарские говоры, не входящие в зону нейтрализации акцентных противопоставлений у глаголов с корнями на *-i-*); словен. *rījem* (Plet., Valj. Rad 67: 78 и др. источники)] || De Vries: 455; Дыбо 2000: 278; Dybo 2002: 321–322; Orel: 309; Pok.: 868.

К структуре корня: и.-е. корень **rāu-/rəu-/rū-* (в ларингалистической интерпретации: **reh₂-/r₂h₂-/r₂h₂-*): полная ступень в гетеросиллабической позиции в лит. *rovà* 'nach einer Überschwemmung auf einer Wiese zurückgelassenes Geschiebe'; лтш. *rāva* Līn., Selg., Wandsen, Dond., Kandau, Kurs., Arrasch, Ruj. *'Rückstand nach Überschwemmung auf Wiesen' ⇒ 'stinkendes, eisenhaltiges Wasser, eine solches Wasser enthaltende sumpfige Stelle'; нулевая ступень в таутосиллабической позиции в лат. *rūta* f. 'вырытое', *rūtrum* n. 'заступ, лопата', в современных романских языках отражается только краткостный вариант, см. Meyer-Lübke: 618; нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: слав. **rōvь*, gen.sg. **rōva* > **rovà* < **rəu-* (русск. диал. *ров*, gen.sg. *рѡва*, укр. галицк. сан. Черн. *rīw*, gen. *рѡвá, рѡва*, pl. *рѡвѣ*, покут. Печ. *rīw*, gen. *рѡвá, pl. рѡвѣ* — а. п. *d*; подольск. *piv*, gen.sg. *повá*; схрв. литер. *pōv*, gen.sg. *pōva* — а. п. *d* или *s*, диал. Ю. Бараня *rōv*, gen. **rōva* 382, 451, instr. **rovōm*, pl. **rovōvi* 382 — а. п. *b*; а. п. *b* и *d*, см. ОСА Словарь I: 267–269); лит. *rāvas* 'Straßengraben'. Этот корень не удаётся отделить от корня, представленного в лат. *rūtum* и подобных, поэтому приходится считать с его лабильностью по отношению к валентности и интерпретировать его как имевший нисходящий тон. || Pok.: 868 (**reu-*, **reue-* : **rū-* 'aufreißen, graben, aufwühlen; ausreißen; raffen'); LIV₂: 510 (**reuiH-* 'aufreißen'; ? **ruH-je-* : an. *rýja* 'Wolle abreißen'; aksl. *ryjjo* (*ryti*) 'graben').

9. герм. **mōja-* (< **mōja-* < **mōjo-* или < **mājo-*): [ср.-н.-нем. *mōien* ‘быть в тягость, мучить, раздражать’, ср.-нидерл. *toeuēn, тоуен* ‘отягощать, быть в тягость, мучить, причинять боль’, др.-в.-нем. *muoien, муоен* ‘Mühe machen, bemühen, beunruhigen, bedrängen’; Raven I: 132; **muoen* — praes. 1.sg. *muo* Gl II: 666,32; *m̄v* Gl IV: 232,25,26; 2.sg. *muest* Gl II: 487,11; *m̄ost* N I: 58,11; 3.sg. *muoit* Gl II: 204,15; 226,72; 444,4; 539,77; 657,31; *mvoit* Gl II: 444,4; *muīt* Gl IV: 15,51; *m̄iīt* Gl II: 212,64.] ~ слав. **mājati*, praes.sg. 1. **mājō*, 3. **mājety* ‘утомлять, доставлять страдания, отягощать’ [русск. просторечн. и диал. (Даль) *маять* ‘морить, мучить, изнурять, утомлять; истязать, томить, истомлять, *маяться* ‘заниматься утомительной, изнурительной работой; мучиться, испытывать тоску, томление, боль’; болг. *мая* ‘медлить, задерживать, отвлекать от занятий’, *мая се* ‘терять время; кружиться; маяться’; схрв. *mājaiūi*, praes. 1.sg. *mājēm* ‘выматывать, мучить, задерживать’, *mājaiūi се* ‘маяться, мучиться, задерживаться’] || Heidermanns: 414; Raven I: 132–133; Raven II: 244–245; Gl II; Gl IV; Pok.: 746; Orel: 274; Feist: 9; de Vries: 391, 400; Franck–van Wijk: 435–436.

К структуре корня: и.-е. корень **mō-/mā-* (в ларингалистической интерпретации: **meh₂-/mh₂-* или **meh₃-/mh₃-*): полная ступень в греч. *μῶλος* ‘Anstrengung, Mühe’, *μῶλος* adj. ‘ermattet, erschöpft’; лат. *mōlēs* f. ‘Masse; Last, Schwere; Mühe’; нулевая ступень: греч. *ἀμωτος* adj. ‘unermüdtlich’, гомер. *ἀμωτον* adv. ‘unaufhörlich, unermüdtlich’ || Подробный анализ корня и его ностратических соответствий дан мной в Илич-Свитыч 1984: 48–52; см. также: Orel: 274; WH II: 101–102; Frisk I: 95, II, 250, 282, 283; Pok.: 746 (√**mō-*, **mo-lo-* ‘sich mühen’); LIV₂: 425 (√**meh₃-* ‘Mühe bereiten, zur Last fallen’).

10. герм. **fūna-* ‘faulen’ (< **pūnā-*), part. **fūinn* ‘verfault, rott’ (последняя форма может указывать и на не засвидетельствованную презентную основу: **fūje-* < **pūje-*) ~ causativ **fauje-* ‘verfaulen lassen’ (< **rouja-*): [др.-исл. *fūna* ‘faulen’ ~ др.-исл. part. *fūinn* ‘verfault, rott’, ср. также др.-исл. *fejya* ‘verfaulen lassen’] ~ лтш. *pūt*, praes. 1.sg. *pūstu*, praet. 1.sg. *pūvi* intr. ‘faulen, modern’ (плавная интонация указывает на неподвижную а. п.); лит. *pūti*, praes. 1.sg. *pūvū* (т. е. *pūvū*), *pūnū* и *pūstu*, praet. 1.sg. *pūvai* ‘гниль; тлеть, разлагаться’ || de Vries: 119, 146; Orel: 121; Fraenk. II: 680–681.

К структуре корня: и.-е. корень **peuā-/pū-* (в ларингалистической интерпретации: **peu_h1-/pu_h1-*): полная ступень в авест. *paviti-* f. ‘Fäulnis, Verwesung’ (Bartholomae: 849) и в лит. *piāulas* ‘verfaultes, morsches Holz’, pl. *piāulai* ‘Sägespäne’; лтш. *praūls* ‘modernes, vermodertes Stück Holz’ (значение лит. pl. указывает на контаминацию с корнем **pīāu-* ‘толочь, резать, пилить’ [Pok.: 827: **pēu-*], лтш. *praūls* из **pīāuls* < **pīāulas* в результате диссимилиации); о-ступень: др.-исл. *fejya* ‘verfaulen lassen’ < **rouja-*; нулевая ступень: др.-инд. *pūyati* ‘wird faul, stinkt’, *pūyah* m., -am n. ‘Eiterung, Ausfluß, Eiter’, *pūtiḥ* ‘faul, stinkend’; авест. *pūti* f. ‘Fäulnis, Verwesung’ (Bartholomae: 909); греч. *πύθω* ‘mache faulen’; лат. *pūteō*, *pūtescō* ‘faule’; нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: греч. *πύον*, *πύος* n. ‘Eiter’ <

pl̥fo-*; лит. *pūvus* 'faulbar, verwestlich', *pūvenos* pl. 'перегной, гумус', лит. *pūti* 'faulen, modern'; лтш. *pūt*, praes. 1.sg. *pūstu* 'faulen, modern, lange schlafen', плавная интонация указывает на неподвижную а. п. и, следовательно, на доминантность корневой морфемы. || Mayrhofer II: 322, 321; Orel: 121; Fraenk. II: 680–681; Pok.: 848–849 (√pū-* : **peu-* 'faulen, stinken'), 827 (√**pēu-* : **pa-* : **pū-* 'schlagen; scharf, schneidend hauen'); LIV₂: 480–481 (√**peuH-* 'faulen, stinken'), 481–482 (√**pieh₂-* 'schlagen': aor. **pieh₂/*pih₂-*; praes. **pieh₂-u-/*pih₂-u-*: лит. *piāju*, лтш. *plāūt*).

II. ? герм. **bējanan* (др.-в.-нем. *bāen* 'to warm (with a compress)') : слав. **grēti* 'to warm', praes.sg. 1. **grějō*, 3. **grějety* || Kluge–Seebold: 73; Orel 44; Дыбо 2000: 290–291, 489, 499.

К структуре корня: и.-е. корень **g^hhr-ē-/*g^hhr-ə-* (в ларингалистической интерпретации: **g^hhr-eh₁-/*g^hhr-h₁-*): полная ступень в слав. **grēti* 'to warm', praes.sg. 1. **grějō*; греч. гомер. Конж. Aor. *θερέω* 'werde mich wärmen' || Kluge–Seebold: 73; Orel: 44; Pok.: 493–495 (√**g^hher-* : **g^hh₂r-* 'heiß, warm'); LIV₂: 220 (Fientiv: **g^hhr-eh₁/h₁-* 'werde mich wärmen').

12. герм. **rōja-* 'грести' (< **rōja-* < **rōjō-*): [др.-исл. *róa*, *rera* (-*ø*-), *rero* (-*ø*-), *róenn* 'rudern'; др.-англ. *rōwan*, *rēow*, *rēowon* (-*ō*-, *rēon*), *rōwen* 'rudern, schwimmen'; ср.-н.-нем. *roien* 'rudern', ср.-в.-нем. *rüezen* 'rudern' (Возможно раннее заимствование из кельтского.)] ~ др.-ирл. *raít* 'sie rudern', *roráiset* 'sie ruderten'; греч. микен. inf. *e-re-e /ereen/* 'rudern' (< **r̥je-* < **h₁r̥h₁-je-*); лит. *irti*, praes. 1.sg. *iriù*, praet. 1.sg. *yriu* 'rudern'; лтш. *iīt*, praes. 1.sg. *iju*, praet. 1.sg. *īru* 'rudern' (плавная интонация указывает на неподвижную а. п.) || Seebold: 381–382; Orel: 306; Fraenk. I: 187; Trautmann BSW: 105; LIV₂: 251–252.

К структуре корня: и.-е. корень **erē-/*r̥-* (в ларингалистической интерпретации: **hereh₁-/*h₁r̥h₁-*): полная ступень первой основы: др.-инд. *arítar-* 'Ruderer' (< **erāter-* < **herh₁ter*); греч. микен. *e-re-ta*, греч. *ἐρέτης* 'Ruderer'; полная огласовка второй основы: лат. *rēmus* 'Ruder'; -*o*-огласовка второй основы (?) или кельтский рефлекс нулевой ступени корня: др.-ирл. *rā-* 'rudern' (< **rō-*? или < **r̥-*); др.-исл. *rōa*; др.-англ. *rōwan*, ср.-н.-нем. *rüezen* 'rudern'; др.-исл. *rōþr* 'das Rudern'; др.-англ. *rōdor*, др.-в.-нем. *ruodar* n. 'Ruder'; нулевая огласовка корня: лит. *irti* 'rudern', praes. 1.sg. *iriù*; лит. *irklas* 'Ruder'; лтш. *iīkls* 'Ruder'. Доминантность корня показывают балтийские и германские данные. || Seebold: 381–382; Fraenk. I: 187; Trautmann BSW: 105; Pok.: 338 (√**erā-* : **rē-* : **er(e)-* 'rudern; Ruder'); LIV₂: 251–252 (√**hr̥eh₁-* 'rudern');

II. Mobilia-oxytone. Германские основы с сокращением индоевропейских долгот и с Verschärfung'ом ~ балто-славянский подвижный акцентный тип.

I. герм. **dājja-* 'кормить грудью' (< **dājja-* < **dājā-* < **dhōjō-*): [гот. *daddjan* (только dat. pl. f. part. praes. *daddjandeim* Mc 13:17), др.-швед. *dægga*] ~ слав. **dojiti*, praes. 1.sg. **dōjō*, 3.sg. **dojít* [русск. *доить*, praes. 3.sg. *доит*; ср.-болг. (ст.-тырн.) *доитъ* Зорг. A5⁷а, и *двѣитъ* сд Зорг.

A17^{17–18}a, (юг.-зап.) -*l*-part. **донл̀а̀ ѐс̀и** Сб. № 151: 215²⁴ъ, болг. *до́я* 'доить, кормить грудью', схрв. *gòjušuu*, praes. 1.sg. *gòjũm* 'кормить грудью; сосать грудь', словен. *dojíti*, praes. 1.sg. *dojĩm* 'säugen; milchen']; лтш. *dēt, dēju* 'сосать' (прерывистая интонация указывает на подвижную а. п.); (вариант без *Verschärfung*'а др.-в.-нем. *tāju*, inf. *tāan* 'кормить грудью', результат ошибочного прочтения и истолкования единичной глоссовой словоформы: др.-в.-нем. praes. 3.pl. *taant* в глоссе (Gl I: 541₂; *Cum te lactauerint ~ denne dhih taant*, где др.-в.-нем. форма *taant* глоссирована лат. 3.pl. perf. conjunct. *lactauerint*, см. Raven I: 221 и Gl I: 541₂). || Дыбо 2000: 450, 641; Фасмер I: 522; Mikkola: 267; Wiget: 10 ff.

К структуре корня: и.-е. корень **dhēj-/*dhī-* (в ларингалитической интерпретации: **d^heh₁-/*d^hh₁-*), полная ступень этого корня отражена в лтш. *dēt, dēju* 'сосать' и др.-инд. *dhātavē* 'zu trinken', (пачо)-*dhā-* '(Milch) saugend' (RV), *go-ā-** 'Kuhsaugerin'; греч. *θῆσθαι* 'saugen', *θη-λή* f. 'Mutterbrust'; лат. *fēlāre* 'saugen' (все с потерей глайда долгого дифтонга в таутосиллабической позиции); нулевая ступень: др.-инд. *dhūtā-* 'gesogen' (AV+); в гетеросиллабической позиции: др.-инд. *dháyati* 'saugt' (< **dhāje-*, -*a* — регулярный рефлекс -*a* перед -*i*-) (по-видимому, др.-швед. *dāa* 'saugen', датск. *die* 'saugen', vi. 'сосать (о ребенке)', vt. 'кормить грудью'; ср.-в.-нем. *dien* (*ten*) 'saugen, die Brust geben' < **dhāie-*); фонетически закономерное отражение *o*-ступени в таутосиллабической позиции: др.-инд. *dhēnúh* f. 'Milchkuh, Kuh', авест. *daēnu-* 'weiblich, säugend', др.-инд. *dhēnā* f. 'Weibchen, Milchkuh, Frauenbrust'; лтш. *af[ī]daïne* RKr. XV: 104 'eine Kuh, die schon im zweiten Jahre kalbt'; *o*-ступень в гетеросиллабической позиции отразилась, по-видимому, в сильно перестроенном др.-инд. каузативе *dhāpáyatē* (RV) и в герм. **dajja-* 'кормить грудью' (гот. *daddjan* 'säugen', др.-швед. *dægga* 'säugen') < **dājj-ēje-* < **dāj-ēje-* < **dhōj-ēje-*³. || Mayrhofer II: 93, 97–98, 101, 113–114; Mayrhofer EWA I: 776–777; Frisk I: 670–671, 673–674, 676–677, 701; WH II: 374–377; Holthausen AEEW: 71, 73; Fraenk. I: 87; Mühl.-Endz. I: 154; Pok.: 241–242 (*√*dhē(i)-* 'saugen, säugen'); LIV: 138–139 (*√*d^heh₁(i)-* '(Muttermilch) saugen').

2. герм. **dēwa-* 'sterben' (< **dēwà-* < **dēw^wà-* < **dēwà-* < **dhēw^o-*, с сокращением гласного в предударной позиции и с дальнейшей потерей геминатива, как в герм. **snēwa-*, **snāwa-* 'спешить' № 8): [зафиксирован только part. praet. **diwans*: гот. *þata diwanō* 'τό θνητόν' и производный от него substantiv: гот. *undiwanei* f. 'ἄθανασία, Unsterblichkeit', что позволяет восстановить прото-германскую презентную основу] ~ герм. **daujanan* 'sterben': [др.-исл. *deyja* 'sterben', praet. 3.sg. *dó*, 3.pl. *dóu*, part. praet. *dáenn*], -*to*-part. **dauþaz* 'tot' [гот. *dauþs* 'νεκρός', 'tot': acc. pl. m.

³ Краткость гласного в соответствующем славянском каузативе **dojiti* явно не первична, она является результатом, по-видимому, морфонологического процесса, приведшего к замене долготы на краткость в корнях с долгими дифтонгами на *i* (-*ēi-*, -*ōi-*) у каузативных глаголов и у deverбативных имен, ср. **pojiti* (**pōi-*), **krojiti* (**krēi-*), **lojb* (**lēi-*), **rojib* (**rēi-*).

dauþans Mt 8:22, bis; nom.pl. m. *dauþai* Mt 11:5; dat.pl. m. *us dauþaim* Mt 27:64 и др.; др.-англ. *dēad*- (Clark Hall: 83), др.-фриз. *dāth*; др.-сакс. *dođ*; при акцентологически нерелевантных и вторичных: др.-исл. *dauþr* 'tot' (Noreen: 68, 8; 540, anm. 1); др.-англ. *dēad*, др.-фриз. *dād*; др.-сакс. *dōd*, др.-в.-нем. *tōt*; первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: гот. *dauþjan* 'töten'; др.-англ. *dēadian* 'to kill' (DR 487); др.-в.-нем. *tōden* 'töten' (schw.V. I: inf. *tōden* N II: 133,9; 511,12; *irtōdin* N II: 469,18g; praes.3.sg. *tōdet* N I: 800,1; II: 615,7; part.praes. adv. *irtōdendo* N II: 45,17; Raven I: 226 (ошибка в № строки 12)); этой же метатонии подвергся слав. каузатив **dāviti*, praes. 1.sg. **daviŃ*, 3. sg. **dāvĩtŃ* — а. п. *b* [русск. *давить*, praes.1.sg. *давлѹ*, 3.sg. *давит*; болг. *дāvя* 'топить, душить, давить', ср.-болг. *Дāvиши се* О письм. 42а; схрв. *gāviiuu*, praes. 1.sg. *gāvĩm*, ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) *Дāvим*, *Вdāvим* Гр. 221; словен. *dāviti*, praes. 1.sg. *dāvim* и *dāvim* SSKJ I: 340 (по Plet. *dāvim*), эти и др. примеры см. в Дыбо 2000: 433, 593, 639] || Orel: 70; Фасмер I: 481.

К структуре корня: и.-е. корень **dhēu-/*dhəu-/*dhū-* (в ларингалистической интерпретации: **d^heh₁u-/*d^hh₁u-/*d^hh₁u-*): гот. **diwan* (< **dēwē-* < **dēwōwē-* < **dēwē-*) 'sterben', только part.praet. *þata diwano* 'τὸ θνήσκειν'; явно произведен от него глагол др.-исл. *deyja* 'sterben'; но эта основа, в отличие от производящего, — доминантна: в корне под влиянием йотированного суффикса презенса *-jo/e-* произошла метатония (замена первичной рецессивности на доминантность⁴); эта доминантность распространена и на формы претерита (отсутствие сокращения долгого гласного): praet. 3.sg. *dó* (< **dōe* < **dhōu-*; *-o-* ступень огласовки), 3.pl. *dou*; нулевая ступень огласовки в гетеросиллабической позиции с вторичным удлинением в part.praet. *dáem*⁵; нулевая ступень огласовки в таутосиллабической позиции: лат. *fūmus*, gen.sg. *-eris* n. 'Leichnam; Tod, Untergang'; ? авест. *dav-* 'давить, притеснять'; ? хетт. *tuhḫuṣzi* 'to end'. Расширение корня (**dhū-ēi-*): в герм. **đūina-*: [др.-исл. *đūina*, др.-англ. *dwīnan*]; др.-ирл. *đith* (< **dhūī-tū-*) 'Ende, Tod'. || Seebold: 147–149; Feist: 118, 122; Kroonen: 90 (**d^heu-* 'to run, rush'); WH I: 568; Pok.: 260–261 (**dheu-/*dhū-ēi-*); LIV2: 147–148 (**d^heu-* 'laufen, eilen' ⇒ '(weg)laufen' für 'sterben').

3. герм. **kūjja-* ~ **kūwwa-* 'жевать' (< **gūjūō-* ~ **gūjūō-*): [др.-исл. *tyggia* ~ др.-исл. *tyggva*, др.-в.-нем. *kiuvan*, др.-англ. *cēovan*] ~ слав. praes.sg. 1. **žijŃ*, 3. **žijětŃ* (< **žīau-je-*); inf. **ževāti* (< **žīau-ā-*) ~ praes.sg. 1. **živŃ*, 3. **živětŃ* (< **žīuu-e-*); inf. **žīiti* (< **žīau-tei-*)² 'жевать' (а. п. с) [русск. нормат. XIX в. *жyю*, *жyёшь* (Пушкин: *жyёт*, *жyют* СЯП I: 797), юго-западнорусск. XVI–XVII в. *жyѣ*, *жyѣш* (Гр.гр. 64г), укр. *жyю*, *жyєш*, блр.

⁴ Индоевропейский характер и возраст этой метатонии продемонстрирован мной в: Дыбо 2003: 150–151; Дыбо 2015: 36–37; специально о просодическом поведении презентного *-jo-*суффикса см.: Дыбо 2011: 200–210.

⁵ На рецессивность корневой морфемы указывают чередование количеств при сопоставлении с формами производного глагола *dau-ja-* 'sterben' и замеченный Seebold'ом параллелизм с глаголом *snewan*, см.: Seebold: 147.

жу́ю, жу́еш ~ русск. диал. (Ивонино) *žvú, žvéš* (Брок ГЗМ: 40), (Огорь) *жву, сажв'еш* (Бромлей–Булатова: 381); болг. диал. (Wysoka) *žòwa, žuvèš*, 3.sg. *krava žuvè* (Suche: *žuvètm, žuvèš*) || Дыбо 2000: 286, 293.

К структуре корня: и.-е. корень **ǵiāu-/ǵiū-* (в ларингалистической интерпретации: **ǵieh₂u-/ǵiḥ₂u-*), полная ступень этого корня отражена в иранской презентной основе **juāu-*: перс. *žāw-*, белудж. *ǰāu-*, афг. *žōw-*; о-ступень: балто-слав. **ǵiōunā* (лит. *žiauna* 'Kieme, Kinnbackenknochen', pl. *žiaunos* 'Kiemen der Fische, Kiefer'; лтш. *žaiņas* 'Fischkiefer, Fischkieme; Kiefer, Kinnlade' ~ болг. *жу́на* f. 'губа, рот'); лтш. *žuòkls* 'Kinnlade, Gaumen, Kiefer(n) der Fische' (< **ǵiōtlo-* < **ǵiōtlo-*, с потерей глайда в долгом дифтонге); нулевая ступень: иран. **jūi-* представлен в ср.-перс. манихейск. part. *ǰwwd* (*žūð*); слав. **žije-²* < **ǵiūje-* (> ст.-слав. **ЖИЖЪ**, сохранившееся в ср.-болг. списках Толковой псалтыри Исихия, цит. по Болонски псалтыр: 333 фототипического издания); для структуры корня ср. также лат. *gin-gīva* f. 'десна, дёсны' || Дыбо 2002: 379–380; Orel: 213; Henning Verb.: 186; Ghilain Ind.; Fraenk. II: 1302–1303; WH I: 601; Pok.: 400 (**ǵ(i)eu-*, *√ǵ(i)eu-* 'kaueu'); LIV₂: 168 (**ǵieḥ-* 'kaueu'); Rasmussen: 114.

4. герм. **hāwwa-* 'ковать' (< **kāuō-*): [др.-исл. *hoggva*, швед. *hugga*, датск. *hugge*, др.-в.-нем. *houwan*, др.-англ. *hēawan*] ~ лтш. *kaūt* 'бить, колотить' (перывивистая интонация указывает на подвижную а. п.); слав. praes.sg. 1. **kōvō*, 3. **kovèť* (< **kəu-e-*); inf. **kūti* (< **kāu-tei-*) ~ praes.sg. 1. **kūjō*, 3. **kujèť* (< **kāu-je-*); inf. **kovāti* (< **kəu-ā-*) 'ковать' (а. п. с) [болг. *ковá, ковéш*, диал. (банат.) *кувѝ, закувѝ*, 3.sg. *кувѝ*; 3.pl. *кувѝт*, (Wysoka) *kòwa*, 2.sg. *kuvèš*, 3.pl. *sā kuvàt*; схрв. диал. (косово-метох.) *ковѝм*, 2.sg. *ковѝш*, 3.sg. *ковѝ*; угор.-словен. *kovēm* (? *kovēm*) (Plet.) ~ русск. нормат. XIX в. *ку́ю, ку́ешь* (Булаховский РЛЯПП XIX в.: 219); сев.-чак. (Нови) *kūjén, kūjěš, kūjèḡ, kujetḡ, kūjú*, (Раб.) *kujèn* Valj. Rad 118: 44; ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) **КѠјем** (Гр. 85¹, 191), **КѠјемсе** (Гр. 72²) при неясном варианте **ОкѠјем** (Гр. 191); ст.-сев.-кайк. (XVI в., Пергошич) 3.pl. *kuiiū* (< **kujī* 226), сев.-кайк. (Бедня) **kēyūtm*, (Пригорье) *kūjem* Rad 118: 100, оттянутое ударение отличается в этом диалекте от сокращённого ударения группы глаголов этого типа а. п. а] || Дыбо 2000: 287, 293–294.

К структуре корня: и.-е. корень **kāu-/kū-* (в ларингалистической интерпретации: **keh₂u-/kḥ₂u-*), полная ступень в лит. диал. *kóva* (1) 'walka' (Šl. 182); лтш. *kāva* 'der Kampf, die Schlacht' (4 а. п. этого слова в нормат. лит. языке является, по-видимому, заменой 3 а. п., противоположный результат [устранение подвижности] в приведенном диал. примере⁶); лит. *kāuti*, praes. 1.sg. *kāuju* (< **kāuiō*), praet. 1.sg. *kóviau* 'schlagen, schmieden; kämpfen'; лтш. *kaūt*, praes. 1.sg. *kaūju*, praet. 1.sg.

⁶ Ср. подобное же развитие в следующих именах: 1. лит. *džiovà*, gen.sg. *džiovòš*, acc.sg. *džòvq* 'Dürre, Schwindsucht' ~ *džiauti* 'trocknen' || лтш. *žaiut* tr. 'trocknen, zum Trocknen aushängen'; 2. лит. *brandà*, gen.sg. *brandòš*, acc.sg. *brañdq* 'Reife (des Korns)' ~ *brėsti* 'quellen, reifen' || лтш. *briēst* 'quellen, schwellen, dichter werden, im Wachstum, an dicke, Fülle zunehmen, der Reife entgegen gehen'; 3. лит. *gėlà*, gen.sg.

kāvu 'schlagen, hauen; schlachten'; нулевая ступень лит. *kūjis* (I) 'молоток'; слав. **kŭjь* (русск. *куй*, gen.sg. *куя*; словен. *kij*, тональная рефлексация по *kijās*; схрв. чак. *kijac*) || Dybo 2002: 368–369; Fraenk. I: 232; Pok.: 535.

5. герм. **bŷjja-* ~ [*>***bŷwoja-*] (< **bhūjō*), с последующей контаминацией основ, 'жить, проживать, населять': [др.-исл. *byggja* ~ *byggva* 'besiedeln, bevölkern, bebauen, bewohnen, sich (an e. Ort) aufhalten; sich ansiedeln, sich niederlassen', ново-исл., фарер., норв., швед. *byggja*; швед. *byggga*, датск. *bygge*] ~ лтш. *būt* (прерывистая интонация указывает на подвижную а. п.); ср. также слав., который сохраняет подвижную а. п. в формах инфинитивной основы: supin **bŷtь* ~ inf. **bŷti*; аог. **bŷxь*, 2–3 р. *bŷstь*, -I-part. **bŷlь*, f. **bylā*, n. **bŷlo* [др.-серб. аог. 3.sg. **НЕ БЪИСТ'** Ев.-апр. 108б), **НЕ БЪИ** (Ев.-апр. 30а), **И БЪИ** (Апост. 39а, 39б, 52б), **СЪБЪИСТЬ СЕ** (Ев.-апр. 301б), pl. 1. **НЕ БЪИХУМЬ** (Ев.-апр. 105б, 298а, **НЕ БЪИХѠ** (Ев.-апр. 298а); 3. **БЪИШЕ** (Ев.-апр. 306а), **НЕ БЪИШЕ** (Ев.-апр. 106б); -I-part. русск. *был*, *не был*, f. *была*, *не была*, n. *было*, *не было*, pl. *были*, *не были*; ср.-болг. (ст.-тырн.) **БЪИЛ БИ** (Зогр. E361²²а), **БЪИЛ БИ** (Зогр. 361¹⁶б), f. **БЪИЛА** (Зогр. Г246¹⁴б), n. **БЪИЛО БИ** (Зогр. Б243²⁵б), **БЪИЛУ БИ** (Зогр. E165⁹а), (юг.-зап.) **БЪИЛЬ ЕСИ** (Сб. № 151: 217²а), **БЪИЛ БИ** (О письм. 26б), f. **БЪИЛА ЕСИ** (Сб. № 151: 151а, 180²⁷а), **И БЪИЛА** (О письм. 25б), **ПРѢБЪИЛА ЕСИ** (Сб. № 151: 279²⁶а), **БЪИЛА БИ** (О письм. 25б, 55б), n. **БЪИЛО** (О письм. 27б), **БЪИЛО БИ** (О письм. 48б), pl. **БЪИЛИ** (Сб. № 151: 106²б, 175²⁴б, 220⁶а), n.pl. **БЪИЛА СОУГТЬ** (О письм. 7а); схрв. шток. *bŷo*, f. *bila*, n. *bilo*; словен. *bil*, f. *bilā*, n. *bilō* и *bilō*; pl. *bili* и *bilī*, f. *bilē* и *bilē*, n. *bilā*; du. *bilā*, f. *bilī*, n. *bilī*; part.praet. act.: др.-русск. **ПРѢБЪИ** Хрон. 67, 127, **И ПРѢБЪИ** Хрон. 77, dat.sg. m. **БЪИВШЮ** Чуд. 9¹, 70², 165³, **БЪИВШЮ** Чуд. 19³, nom.pl. **И БЪИВШЕ** Чуд. 67¹; ст.-серб. XV в. **И БЪИВЬ** (Апост. 59а), **И ПРѢБИВЬ** (Апост. 106а); словен. диал. *bŷvši* (< **bŷuvšī*) Valj. Rad 118: 166]; формы презенса в славянском образуются от других основ; (вариант без Verschärfung'a: др.-исл. *būa* 'haushalten, wirtschaften, leben, wohnen; sich befinden, sich aufhalten; bewohnen', др.-англ. *būan*, nordh. *būa* 'bauen' sw.V. III cl. флектируется по I cl.: R²: praes. 2.sg. *bŷes*, part. *bŷend* и *būend* 'colonus'; Rit.: praes. 3.sg. *byaþ*, part. *bŷende* (др.-англ. *beo* 'bin'); др.-в.-нем. *būan* 'bauen, wohnen' sw.V. II cl. (red.), но большинство форм по I cl. и под.; отсутствие Verschärfung'a, возможно, свидетельствует о чередовании акцентных контуров в первичной парадигме) || Orel: 53, 52–53; Fraenk. I: 68; Дыбо 2000: 500, 513, 516–517.

К структуре корня: и.-е. корень **bheuh₂-*/**bhū-* (в ларингалистической интерпретации: **b^heu_{h₂}-*/**b^huh₂-*): полная ступень первой основы в др.-инд. praes. 3.sg. *bhāvati* 'wird, entsteht, ist' < **bheuh₂-eti*, inf. *bhāvítum* < **bheuh₂-tum*; авест. *bavāti* 'wird, ist'; др.-англ. *bēo* 'ich bin' ? < **bheuō* < **b^heu_{h₂}-oh₂*; полная ступень второй *gēlōs*, acc.sg. *gēlq* 'heftiger Schmerz' ~ *gēlti* 'heftig schmerzen' || лтш. *dzēlt* 'stechen, brennen, beisen'.

основы: др.-лат. praes. subiunct. *fiat* 'sei'; нулевая ступень: др.-инд. part. praet.pass. *bhūtāh* 'geworden, verwandelt', aor. 3.sg. *á-bhū-t* 'er wurde, war'; авест. part.praet.pass. *būta-*; греч. aor. *ἔφω* 'wurde'; др.-лат. *fūi* 'bin gewesen'; др.-лит. aor. *būi*, др.-лтш. *buvu* 'ich war'; ст.-слав. **ѡѡ** || Mayrhofer II: 485–487; Mayrhofer EWA II: 255–257; Frisk II: 1052–1054; WH I: 557–559; Pok.: 146–150; LIV₂: 98–101 ($\sqrt{*b^h_{ueh_2-}}$ 'wachsen, entstehen, werden').

6. герм. **flēwwa-* ~ **flāwwa-* 'мыть, стирать, полоскать' (< **plēwō-* ~ **plōwō-*): [др.-в.-нем. *fleuwen, flouwen* 'spülen, waschen'] ~ лтш. *plāūst* 'замачивать для стирки' (вторично вместо **plāūt*, ср. лит. *plāuti*, диал. *plāusti* 'полоскать') (прерывистая интонация указывает на подвижную а. п.); в славянском наблюдается контаминация двух глагольных корней, при этом оба образовывали основы а. п. с: слав. praes.sg. 1. **plōvŋ*, 3. **plověť* (< **plāu-e-*); inf. **pluti* (< **plōu-tei-*) 'плыть' [русск. *плыву́, плыве́шь*, диал. (Тотьма) *plōvii*, укр. *пливу́, пливе́ш*; схрв. (старый региональный) *plōvēm* (Skok); ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) **Пловѣм** Гр. 87², 212, **возпловѣм** Гр. 212; словен. *plóvet* (с оттянутым ударением, что доказывает открытый *-o-*); aor.: 3.sg. ст.-серб. XV в. **ѡплѡу** (Апост. 67^{20б}, 75^{12а}); *-l*-part.: русск. *плы́л, отплы́л, поплы́л*, f. *плы́ла, отплы́ла, поплы́ла*, п. *плы́ло, отплы́ло, поплы́ло*; др.-русск. **пѡплъѡ** (Авв. 93а), **прѡплъѡ** (Косм. 175а, 175б, 178а), **плъѡи** (Косм. 27б), **дѡплъѡ** (Авв. 54а), **пѡплъѡ** (Авв. 40а), **прѡплъѡи** (Косм. 181б), **прѡплъѡи** (Косм. 29б, 187б, Авв. 32а, 55б); ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) **Плѡл, Плѡл** (Гр. 87²), *róplul* (Пол. 222), *záplul* (Пол. 223); юж.-кайк. (Требареве) pl. *plūle* (Zb.3: 73), *dōphule* (Zb.3: 73), *ðdphule* (Zb.3: 232⁴); словен. *plūl*, f. *plūla*; part.praet. act.: ср.-болг. (ст.-тырн.) **дѡплъвъ** (Зогр. E402^{20а}); ст.-серб. XV в. **пѡплѡувъ** (Апост. 101a¹¹), но nom.pl. m. **прѡплѡуѡѡ** (Апост. 98a¹⁷⁻¹⁸); лучше сохранились количественные отношения и отражается первоначальная семантика ('затопить, залить') в слав. **plŋnŋ*, **plynět* (< **plū-ne-*); inf. **plynŋti* (< **plū-neu-tei-*) 'затопить' [а. п. с устанавливается по соответствию схрв. и ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) а. п. b чешскому сокращённому рефлексу праславянской долготы в корне этого глагола] || Дыбо 2000: 286, 496, 509, 515, 319, 329.

К структуре корня: и.-е. корень **plēw-/plū-* (в ларингалистической интерпретации: **pleh₂-/pl₂h₂-*): полная ступень в лит. *plāuti*, praes. 1.sg. *plāuji*, praet. 1.sg. *plōviau* 'waschen, spülen'; др.-исл. *flóa* 'fließen, strömen' (< герм. **flōwēn*), др.-англ. *flōwan* 'überfließen' (редуплицированный глагол: praet. *flēow*, pl. *flēowon*, part. praet. *flōwen*); нулевая ступень в лит. *plūti* (praes. 1.sg. *plūnū*, praet. 1.sg. *pluvaū*) 'übertoll sein, überfließen, auseinanderfließen', лит. *plūsti*, praes. 1.sg. *plūstu*, praet. 1.sg. *plūdau* 'strömen, fluten, in großer Menge fließen, sich in großer Menge verbreiten, sich ausbreiten'; лтш. *plūst* 'sich ergießen, überströmen, überschwemmen, sich ausbreiten, ruchbar werden'; слав. **plŋti* (русск. *плы́ть*; схрв. *plīti*), слав. **plynŋti*; корень является расширением и.-е. базы (второй основы) от корня **pelā-*: **plē-*: ср.-в.-нем. *vlājen* 'spülen'; *-o-* ступень: ср.-н.-нем. *vlōien*, ср.-нидерл. *vloeyen*,

vloeyen 'fliessen' || Fraenk. I: 609–610; EWD I: 449–450; Franck–van Wijk: 749, 750; de Vries: 132; Bosworth–Toller: 295; Pok.: 835–837 (**pleu-d-* к **pleu-*); LIV₂: 487 (√**pleu-* 'schwimmen, schweben').

7. герм. **þrēwwa-* ~ **þrāwwa-* 'угрожать' (< **trēwō-* ~ **trōwō-*): [др.-в.-нем. *dreuiuen, drouiuen*] ~ слав. praes.sg. 1. **trōvŏ*, 3. **trōvěť* (< **trəu-e-*); inf. **trūti* (< **trōu-tei-*) ~ praes.sg. 1. **trūjŏ*, 3. **trujěť* (< **trōu-je-*); inf. **trōvāti* (< **trəu-ā-*) [схрв. диал. *ūprovēm* (ce); ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) 1.sg. **трѡѡѡѡ** Гр. 81¹, аог. серб. шток. 1.sg. **ūpŏvax*, 2–3.sg. **ūpŏvā*, 1.sg. **oūpŏvax*, 2–3.sg. **ōūpŏvā* (Дан. 186–187)] (а. п. с.) || Дыбо 2000: 287, 294, 498; **К структуре корня:** и.-е. корень **trēu-/trū-* (в ларингалистической интерпретации: **trēh₁u-/trh₁u-*): полная ступень в герм. **þrēwa-* (др.-англ. *drāwan* 'drehen, quālen', др.-в.-нем. *drāwan* 'drehen'); ст.-слав. **трѣва** 'трава'; 0-ступень: греч. *τρώω* 'durchbohre, verwunde, verletze' (< **trōwō-*), дор., ион. *τρώμα* 'Wunde' (с потерей глайда в долгом дифтонге); герм. **þrōwja-* (др.-англ. *drōwian* 'dulden, erleiden, ertragen; büßen'; др.-в.-нем. *druoen* 'leiden' schw. V.1); слав. **trāviti*, praes.sg. 1. **trāvŏ*, 3. **trāvīt* (русск. *травить*, praes. sg. 1. *травлю́*, 3. *травит*, укр. *травіти*, praes.sg. 1. *травлю́*, 2. *травити* 'варить, переваривать (пищу); тратить, терять'; ст.-слав. (Супр.) **травити** 'поглощать, пожирать', схрв. *ūpŏvāiti*, praes.sg. 1. *ūpŏvāim* 'кормить травой'; чеш. *tráviti* 'переваривать, потреблять, отравлять', словц. *trávit'*, польск. диал. (малопольск.) *trávit* Kusała: 191), **travā*, acc.sg. **trāvŏ* > **travŏ* (русск. *травá*, асс.сг. *траву́*, укр. *травá*, асс.сг. *траву́*; схрв. *ūpŏvā*, асс.сг. *ūpŏvāy*; чеш. *tráva*, словц. *tráva*, польск. диал. (малопольск.) *tráva* Kusała: 55); нулевая ступень: греч. *τρώω* 'reibe auf, erschöpfe', *τρώμα*, *τρώμη* 'Loch'; слав. *tryti*, praes.sg. 1. *tryjŏ* (серб. ц.-слав. **трѡити**, praes.sg. 1. **трѡитѡ**, болг. *тρία* 'тру, вытираю'); корень является расширением и.-е. базы (второй основы) от корня **terə-* 'reiben, drehend reiben': *тѣре-тѣрон* (< **terə-tro-*) || Holthausen AEEW: 368, 370; Orel: 426, 425; Dybo 2002: 303, 379; Pok.: 1071–1073; LIV₂: 652 (√**treuH-* 'aufreiben, verbrauchen'), ?? LIV₂: 647 (√**trēh₁u-* 'aufziehen, nähren').

8. герм. **snēwa-*, **snāwa-* 'спешить' (< **snēwā-*, **snāwā-* < **snēwō-*, **snōwō-*, с сокращением *-ē- и *-ō- в тех же условиях предударности с последующим упрощением геминированного -ww-): [гот. *snīwan*, praes. 3.sg. *snīwiþ*, 1.pl. *bi-snīwam*; praet. 3.sg. *snau-h*, 3.pl. *du-at-snīwun*; др.-англ. *snéowan* 'eilen']; ~ слав. praes.sg. 1. **snŏvŏ*, 3. **snověť* (< **snəu-e-*); inf. **snūti* (< **snēu-tei-*) ~ praes.sg. 1. **snūjŏ*, 3. **snujěť* (< **snēu-je-*); inf. **sno-vāti* (< **snəu-ā-*) (а. п. с.) || см. Дыбо 1981: 238; Дыбо 2000: 294, 498, 512.

К структуре корня: и.-е. корень **snēu-/snū-* (в ларингалистической интерпретации: **snēh₁u-/snh₁u-*): полная ступень в др.-инд. *snāvan-* п. 'сухожилие, тетива', авест. *snāvarə* 'сухожилие, тетива'; арм. *neard* 'Sehne, Faser, Fiber' (< **snēurt*); греч. *νεῦρον* 'Sehne'; нулевая ступень: др.-исл. *snūðr* 'Schnelligkeit'; др.-англ. *snūd* 'Eile, eilig'; корень является расширением и.-е. базы **snē-* 'Fäden zusammendrehen; weben, spinnen': др.-инд. (unbel.) *snāyati* 'umwindet, bekleidet'; греч. *νή* 'spinnt' (< **snh₁ei*; на начальное **sn-* указывают: *ἐννη* 'nebat', *ἐννητος* 'gut gesponnen'), *νήμα* 'Gespinst, Faden', *νήσις* 'das Spinnen'; лат. *neō*, *nēre* 'spinnen' (**snē-ijō*), *nēmen*

'Gespinst, Gewebe' || см. Дыбо 1981: 238, Dybo 2002: 377–378; Pok.: 977 ($\sqrt{*snēu-}$ / $*snū-$ и вариант $\sqrt{*snēu-}$ 'drehen', особенно 'Fäden zusammendrehen, knüpfen', с другой стороны: 'sich drehen, schnelle Bewegung'); Pok.: 973 ($\sqrt{*snē-}$ или $\sqrt{*snēi-}$ 'Fäden zusammendrehen, mit dem Faden hantieren', отсюда 'weben, spinnen' и 'nähen'); LIV₂: 575 ($\sqrt{*sneuh-}$ 'drehen, winden'); LIV₂: 571 ($\sqrt{*sneh-}$ 'spinnen').

9. герм. $*brūjja-$ (< $*bhrūjō-$) и $*brēwwa-$ (< $*bhrēwō-$): [др.-исл. $*bruggja$ st. V., part. $brugginn$ 'brewed', $brugga$ schw. V., 'brew', 'brauen', др.-швед. $bruggja$ и др.-англ. $brēowan$ 'brew', 'brauen', др.-фриз. $briūwa$, др.-сакс. $breuwan$, др.-в.-нем. $briūwan$] ~ слав. $*brujāti$, $*brujīti$, praes. 1.sg. $*brūjō$, 3.sg. $*brujētь$, $*brujītь$: [русск. диал. $бру́ить$, praes. 3.sg. $бру́ит$ 'стремительно, быстро течь', 'гудеть, жужжать', $бру́ять$, praes. 3.sg. $бру́ёт$, 3.pl. $бру́ют$ 'издавать гудящий звук, жужжать' СРНГ 3: 201, 212; блр. $бру́іца$, praes. 3.sg. $бру́іца$ 'течь'; схрв. $бру́јајати$, praes. 1.sg. $бру́јам$ 'brummen, summen'] || Orel: 56 (герм. $*brewwanan$); Holthausen AEEW: 34; de Vries: 60; ЭССЯ 3: 45–46; Фасмер I, 221; Berneker I: 88–89; Pok.: 144–145, 132–133.

К структуре корня: и.-е. корень $*bhrēu-$ / $*bhrū-$ (в ларингалистической интерпретации: $*b^hrēu-$ / $*b^hrū-$): полная ступень в греч. $φοῦεαο$, gen.sg. $φοῦεατος$ 'Brunnen' (< $*φοῦεαο$, $*φοῦεατος$), гомер. pl. $φοῦεάτα$ (= $φοῦάτα$); лит. $br(i)áutis$; нулевая ступень: др.-в.-нем. $wintes prūit$ 'буря, ураган' (др.-ирл. $bruih$ 'кипение' < $*brūiti$ < $*bhrūiti$ -, см. Дыбо 1961: 11) и ср.-ирл. $bruth$ 'Glut', валл. $brwd$ 'das Brauen; so viel Bier, wie auf einmal gebraut wird' (< $*brūto$ < $*bhrūto-$); ср. греч. (догреч.) $βροεῖω$ 'изобилывать, бить струей'; корень является расширением и.-е. базы (второй основы) от корня $*bhera-$ 'aufwallen, sich heftig bewegen': др.-инд. $bhuráti$ 'bewegt sich rasch, zuckt, zappelt' (< $*bhṛ-e-ti$), $bhūrni-h$ 'heftig, zornig, wild, eifrig' (< $*bhṛni-$); полная ступень второй основы в герм. $*brēja-$ (крым. гот. $breen$ 'schmogen'; ср.-в.-нем. $bræjen$ 'riechen, duften', ср.-нидерл. $bræyen$ 'braten') и в герм. $*brēda-$ (др.-исл. $bráðr$ adj. 'горячий, вспльчивый, опрометчивый'; др.-англ. $bræð$) (лат. $frētum$ n. 'прибой, прилив; бушевание, волнение; жар, пыль' < $*bhrēto$ < $*bhrēto-$, см. Дыбо 1961: 14) || Orel: 56 (герм. $*brewwanan$); ЭССЯ 3: 45–46; Pok.: 144–145 ($\sqrt{*bhrēu-}$ / $*bhrū-$ и ?? $\sqrt{*bhrēu-}$ / $*bhrū-$), 132–133 ($\sqrt{*bhera-}$ / $*bhṛ-$ / $*bh(e)rē-$ 'sich heftig bewegen'); LIV₂: 96 (1. $\sqrt{*b^hrēuH-}$ 'sprudeln', 2. $\sqrt{*b^hrēuH-}$ 'aufbrechen'); LIV₂: 81 ($\sqrt{*b^herh-}$ 'sich schnell bewegen').

10. герм. $*fnūjja-$ (< $*knūjō-$) и $*fnēwwa-$ (< $*knēwō-$): [др.-исл. praes. $hnyggja$ и $hnøggva$ 'schlagen, stossen'; др.-исл. part. $hnygginn$ 'humbled'; др.-в.-нем. $hniūwan$ 'stossen, zerreiben'] ~ лтш. $knūdēl²$ 'ein wenig jucken' (Sackenhäuser) Endz.-Hauz. I: 634 (от ст.-лтш. $knūt$, $knūst$, praes. 1.sg. $-du$ или $-stu$, $-du$ 'jucken'; прерывистая интонация указывает на подвижную а. п.); слав. $*knūti$, praes. 1.sg. $*knōvō$ ~ $*knovāti$, praes. 1.sg. $*knūjō$ (отмечен только в лехитских языках; подвижный акцентный тип реконструируется на основании соотношения основ); ср. греч. $κνύω$ 'schabe', $κνύμα$ n. 'Kratzen'.

К структуре корня: и.-е. корень $*kn(i)āu-$ / $*kn(i)ū-$ (в ларингалистической интерпретации: $*kn(i)eh₂u-$ / $*kn(i)h₂u-$): полная ступень, по-видимому, в польск.

knić, praes. 1.sg. *knuję* 'затевать, замышлять; строить козни', первичное значение 'ciąć, rozcinać, rąbać, rozłupywać, szczeпаć drzewo'; кашуб. praes. 1.sg. *knějā*, prt. *knīd*, f. *knēla* (inf. *knovac*) 'schneiden, schnitzen' < **knāy-C-*; нулевая ступень: греч. *κνύω* 'schabe', *κνύμα* n. 'Kratzen'; лтш. *knūt, knūst*, praes. 1.sg. -*du* или -*stu, -du* 'jucken' (cp. *knudēt*, praes. 3. *knud* 'jucken'); нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: словинц. *knūřvāc*, praes. 1.sg. *knūřvq*, 2.sg. *knūřvōš* 'schnitzen, schnitzeln; schlecht schneiden, nicht die nötige Schärfe haben' < **knay-V-*; расширение и.-е. базы **kenā* (**kenə- ~ *knā-*) 'zusammendrücken, kneifen': нулевая ступень корня в греч. атт. *κνῦν*, полная ступень базы в греч. praes. 3.sg. *κνῆ* (Hdt.) *κνᾶν*, praes. 3.sg. *κνᾶ*, praes. 1.sg. *κνῆθω* 'schabe, kratze; jucke'; др.-в.-нем. *nuoen* 'durch Schaben glätten, genau zusammenfügen'; лит. *knóti*, praes. 1.sg. *knóju* 'драть, обдирать, лупить', *knótiš*, praes. 1.sg. *knójuos* 'отставать, отделиться, отлупляться', диал. жемайт. *knióties*, praes. 3. *kniójas* 'atšokti, kerti, knotis' Vitkauskas: 145 || Smoczyński: 303; Karulis: 412; Orel: 180; Frisk I: 880–881, 887; Pok.: 562 (558–563) (√**kenu-/ *kneu-* 'zerstoßen, zerquetschen'), 560 (√**kenə-/ *knē-* 'schaben, kratzen'); LIV: 365 (√**knehz-* 'schaben, reiben'), 366 (√**kneuH-* 'kratzen').

11. герм. **blēwwa-*, **blāwwa-* 'драть (бить человека)' (**blēwwā-*, **blāwwā-* < **bhlēwō-*, **bhlōwō-*): [гот. *bliggwan* 'драть (бить)': praes. 3.pl. *blig-gwand* Mc 10:34, part.praes. *bliggwands* Mc 5:5; praet. 3.sg. *usblaggw Joh 19:1*, 3.pl. *usbluggwun* Mc 12:3, part.praet. *usbluggwans* 2Kor 11:25; др.-исл. *blegð* m. 'Keil' (< **blawwiðan-*); cp.-англ. *blēwe*; др.-сакс. *ūt-bliuwid* 'schlägt heraus' ('excudit'), cp.-нидерл. *blouwen*; др.-в.-нем. *bliuwan*; praet. *blou, bliuwun*; part. *gibluwan* 'schlagen' «(besonders einen Menschen)» ~ лит. *bliāuti*, praes. 3. *bliāuna*, praet. 3. *blióvė* 'реветь, выть; бляеть'; лтш. *blāūt*, praes. 3. *blāuj*. praet. 3. *blāva* 'орать, кричать' (< *'драть горло'), прерывистая интонация указывает на подвижную а. п.; слав. praes. 1.sg. **bljūjo*, 3.sg. **bljuyět*, inf. **bljyvāti* 'рвать, блевать', а. п. с. || Feist: 100; Orel: 48; Fraenk. I: 49–50; Фасмер I: 173; Дыбо 2000: 247–251, 293, 330; Pok.: 125, 158–159, 159; **К структуре корня:** и.-е. корень **bhlēw-/ *bhlū-* (в ларингалистической интерпретации: **b^hleh₁w-/ *b^hl₁w-*); полная ступень, вероятно, в др.-англ. *un-blēoh* 'furchtlos' (Pok.: 159; источник?) (< *'недранный' ?); нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: греч. *φλαῦρος, φαῦλος* (оба в результате диссимилиации из **φλαῦλος*) 'geringfügig, schlecht'; нулевая ступень в таутосиллабической позиции: др.-в.-нем. *blūgo* 'zaghaft, schüchtern, verlegen, unentschlossen'. Возможно, этот корень является расширением индоевропейской базы **bhlē-* 'heulen, laut weinen, blöken' || Pok.: 159, 125, 154–155; LIV: 90 (1. √**b^hleuH-* 'überströmen', 2. √**b^hleuH-* 'schlagen').

12. герм. **frīja-* (< **frīja-* < **frījā-*): [с сокращением долгого гласного и с потерей геминативной *-j-* после прагерм. *-ī-*: гот. *frijōn* 'lieben'; др.-исл. *frīa*, *frjā*; др.-англ. *frēoƷan, frīoƷan, frīƷan, frēon* 'befreien; lieben, ehren'; др.-сакс. *frīohon, frīohan, frīehan*, др.-франк. *frīa, frīaia*, др.-в.-нем. *vrīen* 'freien, lieben'] || геминативная *-j-* сохранялась в имени герм. **frījjō-* < **frījō-* < **prāj-īā-* [др.-исл. *Frigg* (*Friggjar-*), *Fræigja-* [а также *Frjā-*, *Freyja* (*Freyju-*), из др.-сакс. или (и?) др.-франк.], имя богини (в т. ч. в составе названий

пятницы); др.-англ. *Frīȝ(-)* (*Frīȝe-*), *Frīan-*, а также *Fricg*, *Frycg*, *Frigg* (*Friggan(-)*) из сканд.; др.-сакс. *Frī*, *Freā*; др.-в.-нем. *Frīja*, *Frīa(-)* (*Frīje-*).
К структуре корня: и.-е. корень **prēi-/*prī-* (в ларингалистической интерпретации: **preh_{ij}-/*prh_{ij}-*), полная ступень этого корня в гетеросиллабической позиции отражена в презенсе ц.-слав. **прѣати**, praes. I.sg. **прѣѣж**, 2.sg. **прѣѣжи** (Miklosich Lex.: 689: raro; ср. [Zubatý Li. Fil. 28: 29 Anm.]); др.-чеш. praes. I.sg. *přěju* (inf. *přěti*); греч. att. *πρῶϋς*, ep., ion., lyr., hell. *πρῶϋς* 'sanft, gelinde, zahm'; полная ступень этого корня в таутосиллабической позиции в др.-инд. superl. *prāis̥tha-*, *prēs̥tha-* 'liebst, teuerst' и, вероятно, в лтш. *priēks* 'die Freude' (Mühl.-Endz. III: 393); ступень редукции корня в таутосиллабической позиции: др.-инд. *prīñāti*, *prīñīē* 'erfreut, ergötzt, ermuntert, findet Gefallen an etwas, genießt'; ступень редукции корня в гетеросиллабической позиции: др.-инд. *priyá-* adj. 'lieb, erwünscht, eigen, zu Eigenen gehörig' || Orel: 114; Cleasby: 174; Fritzner I: 486, 490; de Vries: 142, 143; Bosworth-Toller: 334, 335, 337, Bosworth-Toller Supplement: 267, 764; Clark Hall: 139; Holthausen AEEW: 116, 117; Holthausen ASEb: 34, 75, 234; Trautmann BSW: 231; Фасмер III: 369–370; Mayrhofer II: 380; Mayrhofer EWA II: 181–182, 189–190; Frisk II: 588; Pok.: 844 (*√*prāi-/*prāi-/*prī-/*(*pri-*) 'gem haben, schonen, friedlich-frohe Gesinnung'); LIV₂: 490 (*√*preiH-* 'vertraut, lieb sein/ werden').

Страдательные причастия прошедшего времени

I. Immobilia-barytona

1. герм. **spīwen-* (< и.-е. **spīzen-*): [part. др.-англ. *spiwen*, др.-фриз. *spien*; др.-в.-нем. *gispīwan* (*-spīran*)] ~ герм. **spīwa-* ~ **sp(i)ūja-* 'плевать' (< и.-е. **spīuo-* ~ **spīūjo-*): [гот. *speiwan* 'speien'; др.-англ. *spīwan* 'speien', др.-фриз. *spīa* 'speien'].

2. герм. **sājen-* (< и.-е. **sējen-*): [part. гот. *saians*; др.-исл. *sáenn* (Cleasby: *sáinn*); др.-англ. *sāwen*] ~ герм. **sāja-* (< и.-е. **sējo-*) 'сеять': [гот. *saiān* 'säen'; др.-исл. *sā*; др.-сакс. *sāian*, др.-в.-нем. *sāen*, *sājan*, *sāwen*; др.-англ. *sāwan* (*-ā-*)].

3. герм. **fījen-* (< и.-е. **pūjen-*): [part. др.-исл. *fūinn* 'verfault, rott'] ~ герм. (каузатив?) **fauje-* ~ **fūje* (< и.-е. **pōuāje-* ~ **pūje-/pūne-*) 'гноить; гнить': [др.-исл. *feuja* 'verfaulen lassen', *fūna* 'faulen'].

4. герм. **daujen-* (< и.-е. **dhāujen-*): [part. др.-исл. *dáenn*] ~ герм. **dauja-* (< и.-е. **dhāujā-*): [др.-исл. *deuja*, др.-сакс. *dōjan*, др.-в.-нем. *touwen* 'sterben'].

II. Mobilia-oxytona

1. герм. **kījjen-* (< и.-е. **ġiūjēn-*): [part. др.-исл. *tuggenn*] ~ герм. **kījja-* (< и.-е. **ġiūjē-*): [др.-исл. *tyggia* (Cleasby: *tyggja*); др.-в.-нем. *kiuvan*; др.-англ. *cēovan* 'kaufen'].

2. герм. **hāwwen-* (< и.-е. **kōwēn-*): [part. др.-исл. *hōggvenn* (Cleasby: *hōggvinn*); др.-в.-нем. *gihouwan*] ~ герм. **hāwwa-* (< и.-е. **kōwē-*) 'ковать': [др.-исл. *hōggva* (Cleasby: *hōggva*), швед. *hugga*, датск. *hug-*

ge; др.-в.-нем. *houuan*; др.-англ. *hēawan* 'hauen, zerhauen; zuhauen, zu-richten; niederhauen, erschlagen'].

3. герм. **brūjjen-* (< и.-е. **bhrūjēn-*): [part. др.-исл. *brugginn* 'brewed'; др.-сакс. *gebreuan*] ~ герм. **brūjja-* (< и.-е. **bhrūjē-*): [др.-швед. *bryggja*; др.-англ. *brēowan*, др.-фриз. *brouwa* 'brauen'].

4. герм. **hnyjjen-* (< и.-е. **knūjēn-*): [part. др.-исл. *hnuggenn* (Cleasby: *hnugginn*) 'humbled; niedergeschlagen'] ~ герм. **hnyjja-* (< и.-е. **knūjē-*): [др.-исл. *hnyggja* 'stossen, zerreiben'; др.-в.-нем. *hniuwan*].

Эта демонстрация того, что от глаголов с накоренным ударением в презенсе и в инфинитиве образовывались претеритные страдательные причастия тоже с ударением на корне, а от окситонированных в презенсе и инфинитиве глаголов — окситонированные претеритные причастия, имеет один существенный недостаток. Определение характера приписываемого акцентного типа в обеих сопоставляемых частях построено посредством одной и той же процедуры — установления связи наличия или отсутствия геминации сонорных в германском с определенными акцентными типами в балто-славянском. Эта процедура заведомо отвлекается от различия между конечноударностью и подвижностью акцента, что приводит к естественному допущению отвлечения от характера акцентной кривой в глагольном слове. Иначе говоря, приводит к допустимости неакцентологических интерпретаций данного явления. Например, если исследователь принимает тонологическую гипотезу происхождения разноместности индоевропейского акцента, он может связывать *Verschärfung* с низкотональностью корня, а отсутствие такового с высокотональностью, при более консервативной позиции можно просто утверждать, что геминация возникла, по-видимому, довольно рано в одной из категорий глагола, но затем была распространена на остальные категории по аналогии.

Понимая этот недостаток данного сопоставления, я уже в работе (Дыбо 1961) предпринял попытку показать бинарность распределения deverбативных *-to*-имен в германском, опираясь на закон Вернера. Страдательные причастия на *-to*- сохранились как таковые в германском в основном лишь в системе «слабых» глаголов, лишь небольшое количество их образовывалось от претерито-презентных глаголов и очень небольшое количество от первичных *-j-* и *-w-* глаголов. То, что среди этих *-to*-причастий в германском обнаруживаются не только «нормальные» окситонированные формы, но и «ненормальные» баритонированные, бросалось в глаза не только мне. Собственно, ударение *-to*-причастий, по-видимому, никого серьёзно не волновало (уверенность в окситонезе и.-е. *-to*-причастий была незыблема), но то, что рефлексация *-to*-причастий, совпадая с рефлексацией соответствующих формантов слабого претерита, вносила дополнительные осложнения в

запутанный и до сих пор не распутанный вопрос о происхождении этой категории германского глагола, имело определенное значение, и работы, посвященные проблеме претерита, иногда касались вопроса о баритонезе, по крайней мере, одной из этих форм, не решаясь, конечно, отнести её к индоевропейскому наследию.

Так как тогда я мог опираться при определении акцентного типа соответствующих балто-славянских глаголов в основном лишь на латышское отражение балто-славянской акутовой интонации, я смог представить в работе (Дыбо 1961) 11 германских отглагольных *-to*-имен, 6 баритонированных, соответствующих латышским глаголам с плавной интонацией, и 5 окситонированных, соответствующих латышским глаголам с прерывистой интонацией. Три из этих (баритонированных) соответствий были оспорены В. М. Иллич-Свитычем (Иллич-Свитыч 1962: 68), эта его критика отражала неуверенность в жёсткости тонологического правила Эндзелина: он считал возможным наличие в латышском ряда метатоний, перекрывших первичное соотношение между латышскими прерывистой и плавной интонациями и (древне-)литовскими акцентными парадигмами. При этом характер германских соответствий не был, конечно, оспорен, и проблема их распределения по разным акцентным типам осталась. Дальнейшие исследования подтвердили жесткость тонологического правила Эндзелина: отклонения от него оказались в основном результатом акцентологических процессов в литовском: переходы определенных групп лексики в ту или иную акцентную парадигму, — и устраняются литовской исторической акцентологией. Однако дальнейшие исследования распределения акцентных типов в индоевропейском С. А. Старостина (Николаев—Старостин 1982: 283–290) и в балто-славянском С. Л. Николаева (Николаев 1989b: 75–90) выявили ряд сложностей при акцентологическом сравнении девербативов-существительных и отглагольных *-to*-имен-прилагательных, с другой стороны, в связи с продвижением в реконструкции акцентологической системы балто-славянского глагола и установлением системы первичной акцентовки ряда германских глаголов с корнями на нешумные значительно увеличилось возможности определения просодического характера глаголов, которыми порождены те или иные *-to*-причастия и прилагательные.

Поэтому в настоящей работе сравнению подвергаются исключительно отглагольные прилагательные на *-to*- и *-to*-причастия. Так как подавляющее большинство *-to*-причастий — это образования, у которых суффикс *-to-* (герм. *-fa-*) вынесен за пределы запретительного действия закона Вернера (причастия от «слабых» глаголов), то следует ожидать довольно значительного влияния этих причастий на нашу группу, особенно в тех случаях, когда причастия и отглагольные прилагательные, входящие в эту группу, не потеряли непосредственной связи

с глаголами, от которых они образованы. Это влияние должно отразиться в наличии случаев и вариантов, в которых рефлексация суффикса *-to-* выровнена по рефлексации его в *-to-*причастиях от «слабых» глаголов.

Страдательные причастия на *-to-* и отглагольные *-to-*прилагательные.

Immobilia-barytona

1. герм. **dauþa-z* part. 'умерший' (< и.-е. **dhauto-*): [гот. *dauþs* 'νεκρός', 'tot': acc. pl. m. *dauþans* Mt 8:22, bis; nom.pl. m. *dauþai* Mt 11:5; dat.pl. m. *us dauþaim* Mt 27:64 и др.; др.-англ. *dēad-* (Clark Hall: 83), др.-фриз. *dāth*; др.-сакс. *dođ*, при акцентологически нерелевантных и вторичных: др.-исл. *dauþr* 'tot' (Noreen: 68, 8; 540, anm. 1); др.-англ. *dēad*, др.-фриз. *dād*; др.-сакс. *dōd*, др.-в.-нем. *tōt*; первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: гот. *dauþjan* 'töten'; др.-англ. *-dēadian* 'to kill' (*gi-diaða* 'mortifica' DR: 487); др.-в.-нем. *tōden* 'töten' (schw.V. I: inf. *tōden* N II: 133,9; 511,12; *irtōdin* N II: 469,18g; praes.3.sg. *tōdet* N I: 800,1; II: 615,7; part.praes. adv. *irtōdendo* N II: 45,17; Raven I: 226 (ошибка в № строки 12)) ~ герм. **dauja-* (< **dhauj-*): [др.-исл. *deyja* (praet. 3.sg. *dó*, 3.pl. *dou*, part.praet. *dáenn*) 'sterben'; др.-сакс. *dōjan* sch.V. 'sterben', др.-в.-нем. *touwen* 'sterben' (schw.V. I: inf. *touuan* S 66,1; *dōuuēn* ²[*douuēn*] O IV, 23,24 (но: *dōuēn* ²[*dōuēn*] O V, 12,23); *gatauuen* MF 28,22; praes.conj. 3.sg. *dōuue* ²[*dōuue*] (*thouue* F) O III, 25,26; *theuue* Gl II: 238,36; praet. 3.sg. *touuita* Gl I: 726,7; 727,45; II: 665,3; Raven I: 325–326), с древневерхненемецкой геминацией сонорного, вызванной йотацией; гот. inf. **af-dōjan* может быть восстановлен по part.praet.pass. nom.pl. m. *af-dauīdai* Mt 9:36 'ἐσχυμένοι', 'изнуренные, лишённые сил' (уже перестроенный по модели I класса слабых глаголов), формально тождественный предшествующим, но семантически могущий быть каузативом к ним || слав. каузатив **давѣти*, praes. 1.sg. **daviŕo*, 3. sg. **dāvīt* — а. п. *b* [русск. *давѣть*, praes.1.sg. *давѣю*, 3.sg. *давѣтъ*; болг. *дѣвя* 'топить; душить, давить', ср.-болг. **Дѣвѣвши се** О письм. 42а; схрв. *гавѣиуи*, praes. 1.sg. *гавѣм*, ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) **Дѣвим**, **Дѣвим** Гр. 221; словен. *dāviti*, praes. 1.sg. *dāvim* и *dāvim* SSKJ I: 340 (по Plet. *dāvim*), эти и др. примеры см. в Дыбо 2000: 433, 593, 639] || Barber: 118, 130; Heidermanns: 149; Raven I: 226 (ошибка в № строки), 325–326; Seebold: 147–149; Feist: 118, 122; Orel: 69, 70, 72, 73; Pok.: 235, 260–261; Фасмер I: 481.

К структуре корня: см. стр. 57, под 2. герм. **dēwa-* 'sterben'; вторичная доминантность, происшедшая вследствие метатонии, отражена и в баритонезе *-to-*причастия.

2. герм. **kunþa-z* part. 'известный' (< и.-е. **g̃h̃to-*): [гот. *kunþs* 'bekannt'; др.-исл. *kunnr*, *kuþr*; др.-англ. *cūð*; др.-сакс. *kūđ*, др.-в.-нем. *chund*, *kund* 'kund'] ~ герм. **kunna-* (< и.-е. **g̃h̃nō-*, с тематизацией): [гот. *kunnan*

(*praes. kann ~ pl. kunnun*; *praet. kunþa*) ‘kennen’; др.-исл. *kunna* (*praes. kann ~ pl. kunnom*; *praet. kunna*); др.-англ. *cunnan* (*praes. cann, conn ~ pl. cunnon*; *praet. cūde*), др.-фриз. *kunna* (*praes. kan ~ pl. kunnun*; *praet. kūthe, kūde*); др.-сакс. *kunnan* (*praes. kan ~ pl. kunnun*; *praet. consta*), др.-в.-нем. *kunnan* (*praes. kan ~ pl. kunnun*; *praet. konda, kunda, konsta*) ‘wissen, können’ ~ лтш. *pazīt* ‘kennen’, *zīt* (*praes. 1.sg. zīstu, praet. 1.sg. zīmu*) ‘kennen, wissen, wahrnehmen, vermuten’; прусс. *erfin̄nimai* III: 65_{18–19} [‘wir erkennen’] (**erzinimai*), *Pofinnimai* III: 29₅ (< **pozīnimai*, с передвижением ударения по закону Кортландта < **pozīnimai*) || Barber: 117, 121; Heidermanns: 347; Orel: 210, 224; Feist: 316–317; Holthausen AEEW: 63, 64; Seebold: 289; Дыбо 2009a; Дыбо 2009b; Pok.: 376–378; LIV₂: 168–170 (√**ǵneh₃*- ‘erkennen’). **К структуре корня:** см. стр. 52, под 7. герм. **knǣja-* ‘знать’.

3. герм. **mōþa-z* part. ‘утомленный’ (< и.-е. **mōto-*): [др.-исл. *módr* ‘müde, ermüdet’ E C (M); др.-в.-нем. part.praet. nom.pl. m. *irmoade* Gl I: 157₁₁; *armoade* Gl I: 156₁₁ (Raven I: 133 <ошибка в №о строк>); первичная -а-основа по др.-исл., рефлексация суффикса партиципа по древневерхненемецкому и по перестроенным основам: др.-сакс. *mōthi* ‘müde’ H, др.-в.-нем. *tuodi* ‘müde, ermüdet, ermattet, unglücklich, armselig’ (Heidermanns: 414); первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: др.-исл. *mæða* ‘утомлять’; др.-в.-нем. *tuoden* ‘утомлять’] ~ герм. **mōja-* (< и.-е. **mōjo-*): [ср.-н.-нем. *mōien* ‘быть в тягость, мучить, раздражать’, ср.-нидерл. *toeyen, moyen* ‘отягощать, быть в тягость, мучить, причинять боль’; др.-в.-нем. *tuojan, tuoan* ‘beschweren, beunruhigen, quälen’; гот. inf. **af-mōjan* может быть восстановлен по part.praet.pass. nom.pl. m. *af-mauidai* ‘ослабевшие, лишённые сил’ (уже перестроенный по модели I класса слабых глаголов)] || слав. **mājati*, *praes. 1.sg. *mājō*, 3.sg. **mājety* а. п. а [русск. просторечн. и диал. (Даль) *маять* ‘морить, мучить, изнурять, утомлять; истязать, томить, истомлять’, *praes. 3.sg. má-utъ*; болг. *мая* ‘медлить, задерживать, отвлекать от занятий’, *мая се* ‘терять время; кружиться’ (*главата ми се мае* ‘у меня голова кружится’); ‘маяться’; схрв. *mājajiti*, *praes. 1.sg. mājēm* ‘выматывать, мучить; задерживать’, *mājajiti се* ‘маяться, мучиться; задерживаться’] || Heidermanns: 414; Raven I: 132–133 <ошибка в №о строк>; Raven II: 244–245; Иллич-Свитыч 1984: 48–49 (подробный анализ корня и источники, ностратические соответствия далее); Pok.: 746; Orel: 274; Feist: 9; de Vries: 391, 400; Franck–van Wijk: 435–436.

К структуре корня: см. стр. 54, под 9. герм. **mōja-*.

4. герм. **kūnþa-z* part. ‘рожденный’ (< и.-е. **ǵñto-*): [др.-исл. *-kunnr* в др.-исл. *alf-kunnr* adj. ‘af alve-herkomst’, *ás-kunnr* adj. ‘oprunden af aserne, af gude-herkomst; богорожденный’, *regin-kunnr* adj. ‘fra guderne stammende, om runerne’; др.-в.-нем. *gomman-kund* ‘männlich’, *man-kund* ‘männlich’, *got-kund* ‘göttlich’; и гот. *ga-kunþs* ‘Geburt’ (только в *uf gakuþai* Lc 3:23

греч. ἀρχόμενος] ~ герм. **kanja-* (< и.-е. **ǵonǵeǵo-*): [др.-англ. *cennan* 'erzeugen, schaffen, hervorbringen; empfangen, gebären'] ~ лат. *nātus* 'рожденный', гал. *Cintu-gnātus* 'Erstgeborener', ср.-валл. *gnawt* 'Verwandter' (< и.-е. **ǵn̄itos*) ~ лат. *nā-scor* (< и.-е. **ǵn̄-skōr*) 'werde geboren' (ср. Дыбо 1961b: 22); др.-лат. *genō* 'erzeuge, bringe hervor'; др.-инд. *jānati* 'erzeugt, gebiert'; греч. аог. *γενέσθαι* (έγένετο др.-инд. impf. *ājanata*); Относительно доминантности корня ср. также лит. *žentas* 1 'зять' и лтш. *znuōts* 'Schwiegersohn; Schwager, Schwestermann' || Barber: 118, 130; Heidermanns: 347; De Vries: 334; Egilsson: 350, 7, 31, 460; Pok.: 373–375; Orel: 223; Frisk I: 306–308; WH I: 597–600; Дыбо 1961b: 9–34; Дыбо 2007.

К структуре корня: и.-е. корень **ǵenā-/ǵnē-/ǵn̄-* 'erzeugen' (в ларингалистической интерпретации: **ǵen̄h₁-/ǵneh₁-/ǵnh₁-*); нулевая ступень корня, отразившаяся в латинском пассивном партиципе претерита, хорошо представлена в германском. Др.-инд. *jānati* 'erzeugt, gebiert', *janima* n. 'Geburt, Ursprung', *janitā* (-ār-) m. 'Vater, Erzeuger' также *jānitar-*, *jātāh* 'geboren', *janitram* n. 'Geburtsort, Heimat, Ursprung'; греч. аог. *γενέσθαι* (έγένετο; др.-инд. impf. *ājanata*), *γενετήρ*, *γενετώρ*; др.-лат. *genō* 'erzeuge, bringe hervor', лат. *genitor* 'родитель, отец; творец, виновник', *nātus* 'рождённый'; кельт. **gn̄to-* 'порожденный, сотворённый': [др.-ирл. *ro-gnith* (< **gn̄eto-*) praet. pass. conj. от др.-ирл. praes. sg. I. *gniu* 'ich mache, tue']; герм. **kunþa-z* part. 'рожденный'. Таким образом на доминантность корневой морфемы указывают др.-инд. *janima* и германское, латинское, кельтское *-to-*причастия, относительно доминантности корня ср. также лит. *žentas* 1 'зять' и лтш. *znuōts* 'Schwiegersohn; Schwager, Schwestermann'. || Mayrhofer I: 415, 416, 427; Дыбо 1961b: 9–34; Дыбо 2007; WH I: 597–600; Pok.: 373–375 (√**ǵen-/ǵenā-/ǵnē-/ǵnō-* 'erzeugen'); LIV₂: 163–165 (√**ǵen̄h₁-* 'erzeugen').

5. герм. **bālþa-z* adj. 'смелый, отважный' (< и.-е. **bh̄olto-*): [гот. **balþs* adj. 'kühn' в гот. *balþaba* adv. 'kühn'; др.-исл. *ballr* 'furchtbar, gefährlich'; др.-в.-нем. *pald, bald* 'kühn, dreist; schnell', но также др.-исл. *baldr* (не релевантны: др.-англ. *beald* 'kühn, dreist'; др.-сакс. *bald*); первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: гот. *balþjan* 'kühn sein, wagen'; др.-исл. *bella* schw. v. 'kräftig machen, aufmuntern, ausführen' (< urgerm. **balþjan*); др.-в.-нем. *balden* 'ermutigен') ~ герм. **bl̄ēja-* (< и.-е. **bl̄ēja-*): [др.-в.-нем. *blājan, blāen* 'blasen, blähen'; др.-англ. *blāwan* 'blasen, atmen, tönen; entflammen, speien' (-w- из perf. ?)] || лат. *flō, flāvī, flātum, flāre* 'дуть, веять; раздувать' (< и.-е. **bh̄l̄-je-*, **bh̄l̄-tu-*) || при традиционной этимологии акцентологические отношения сохраняются: лит. *báltas* 'weiss'; лтш. *balts* 'weiß, sauber, rein' ~ лит. *bálti*, praes. I. sg. *baļu* и *bálstu*, praet. I. sg. *balaiū* 'белеть, становиться белым; бледнеть'; ст.-лтш. **bālt*, praes. I. sg. *bālstu*, praet. I. sg. *balu* 'bleich, blaß werden', то, что в латышском глаголе была плавная интонация, поддерживается тонированием производного глагола: лтш. *bālēt* 'бледнеть' Андронов 2002: 37 (выбор этимологической версии определяется предпочтением семантического перехода: 'kräftig' < 'glänzend' или 'geschwollen', 'опухший, вздутый'⁷) || Bar-

ber: 118, 130; Heidermanns: 115–116; Pok.: 121; Orel: 34; Feist: 78–79; Holthausen AEEW: 17, 26; de Vries: 32; WH I: 517; Fraenk. I: 32; Дыбо 1961b: 9–34.

К структуре корня: и.-е. корень **bhlē-/*bhelə-/*bhļə-* (в ларингалистической интерпретации: **b^hleh₁-/*b^helh₁-/*b^hlh₁-*): герм. **blāja-* (< и.-е. **blēja-*): [др.-в.-нем. *blājan, blāen* 'blasen, blāhen'; др.-англ. *blāwan* 'blasen, atmen, tōnen; entflammen, spreien' (-w- из perf. ?)] ~ лат. *flō, flāvī, flātum, flāre* 'дуть, веять; раздувать' (< и.-е. **bhl^h-ie-, *bhl^h-tu-*); др.-ирл. *ball* m. 'Glied, Körperteil'. На доминантность корня указывает рефлекс **-ī-* в латинском || Orel: 48–49; WH I: 517; Pok.: 120;

6. герм. **þēuþa-z* adj. 'gut' (< и.-е. **tēuto-*): [гот. *þiuþ* n. 'das Gute', *unþiuþ* 'das Böse'; др.-исл. *þýðr* adj. 'mild, freundlich' (но др.-англ. *ge-þýde* adj. 'good' Bosworth–Toller: 458); первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: гот. (*ga*)*þiuþjan* 'segnen', *unþiuþjan* 'verfluchen'; др.-исл. *þýða* 'freulich machen' ~ герм. **þawa-* 'custom' (< **toyo-*): [др.-англ. *ðeaw* m. 'Sitte, Gebrauch, Gewohnheit; Betragen', pl. 'Tugenden, Sittlichkeit', ср.-англ. *thew* 'habit, practice'; др.-фриз. *thāw* m. 'custom'; др.-сакс. *thau* m. 'custom', 'Satzung, Brauch, Sitte', ср.-н.-нем. *dūw* 'conduct', др.-в.-нем. *dou* m. 'instruction'] ~ лат. *tūtus* 'geschützt, gesichert; sicher, gefahrlos; vorsichtig' (< и.-е. **tūto-s* < **tūto-to-s*) ~ лат. *tueor*, арх. *tuor* 'betrachte; beobachte; beschütze; bewahre; unterhalte, pflege' || др.-инд. (RV) *tavīti* 'он силен, он в состоянии'; слав. **tyti*, praes. 1.sg. **tyjō*, 3.sg. **tyjety* а. п. а [укр. *múmu*, praes. 1.sg. *múno* 'жиреть, становиться жирным'; схрв. *ūūūūū*, praes. 1.sg. *ūūūjēm* 'тучнеть, полнеть, толстеть; жиреть; буйно разрастаться'; чеш. *tyti*, praes. 1.sg. *tyji* 'толстеть, полнеть; жиреть', словц. *tyt'*; в.-луж. *tyc*, praes. 3.sg. *tyje* (*někomu*) 'приносить пользу, идти впрок, быть полезным; быть по вкусу кому-л.', н.-луж. *tyś* 'gedeihen, bekömmlich sein, bekommen']; возражения А. Вальде против объединения этих двух направлений этимологизации могут быть актуальными лишь при принятии латинской семантики корня как заведомо первоначальной, см. Walde 1906: 640, ср. WH II: 713–714.⁸ || Barber: 117, 122; Heidermanns: 621–623; Pok.: 1079–1080; Feist: 498; WH II: 713–714, 721; Orel: 423; Kroonen: 535; Johansson 1891: 238; Mayrhofer I: 490–491; Mayrhofer EWA I: 638–639;

К структуре корня: и.-е. корень **teuə-/*tue-/*tū-* (в ларингалистической интерпретации: **teuh₁-/*tueh₁-/*tuh₁-*): полная ступень первой основы — др.-инд. *tavīti*

⁷ Имеется ещё попытка этимологизации этой основы Н. Osthoff'a (Beitr.: 18, 255 f.): *b-alþs* к *aljan*. Этот редуцированный вариант приставки *bi-* встречается в гот. part. praes. nom.pl. m. *b-nauandans* 'растирающие' (Lc 6:1); однако герм. **alþáz* относился к «подвижно-окситонированной акцентной парадигме» (см. соответствующий раздел №9), тогда как разбираемая основа к «баритонированной», что, по-видимому, отклоняет этимологизацию Н. Osthoff'a.

⁸ Естественно, что, если мы следуем указанию А. Вальде и отказываемся от этимологизации Ваничка и Фика, мы сохраняем мотивацию акцентовки прагерманской формы акцентом пралатинской формы (см. Дыбо 1961).

'ist stark, hat Macht', *taviṣāh* 'stark'; и.-е. **teutā* 'Menge Volkes': [оск. *touto* 'civitās'; др.-ирл. *tuath* 'Volk', валл. *tūd* 'Land'; гот. *þiuda* 'Volk'; лит. *tautà* 4 'народ, нация', лтш. *tàuta* 'Volk, Nation'; прус. *tauto* 'Land']; нулевая ступень — др.-инд. *tūyah* 'stark'; хетт. *tuzzi-* 'Heer(lager), Truppenmacht'; лат. *tūtus* 'geschützt, gesichert; sicher, gefahrlos; vorsichtig' (< и.-е. **tūto-s* < **tūa-to-s*); тест девятого класса (?): др.-перс. *tunvant-* 'mächtig', если старый part. praes от переделанного **tunautiy* ← **tunāti* (LIV₂: 640), может быть ← **tu-ŋ-h^h-nt-* ? || WH II: 713–714; Fraenk. II: 1069–1070; Mayrhofer I: 490–491; Pok.: 1079–1080, 1080; LIV₂: 639 (? √**teuH-* ('freundlich) beachten, betrachten; schützen': praes. ? **téuH-e-*, Essiv ? **tuH-h^hé-*), 639–640 (√**teuH₂-* 'schwellen, stark werden' [Peters: 290²⁴³]).

7. герм. **grünþa-z* adj. 'seicht', 'мелководный' (< и.-е. **ghr^h-to-*): [др.-исл. *grunnr* adj. 'flach, seicht, nicht tief'; первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: др.-исл. *grynna* schw.V. 'seichter machen'; ср. также др.-исл. *grunnr* m. 'Meeresboden', *grunn* n. 'seichte Stelle'; но гот. *grundu-waddjus* m. 'Grundmauer', 'фундаментная стена'⁹; предложено два направления этимологизации, приводящие к обозначению водной катастрофы на мелководном месте (при каботажном плавании?) || 1) герм. *grünþa-* 'gesunken': лтш. *grīmt*, praes.I.sg. *grīmtu*, praet.I.sg. *grīmu* PS., Salis, Wolm., Serbigal 'опускаться, идти ко дну'; слав. **grěžnōti*, praes.sg.I. **grěžnō*, 3. **grěžnet²* — а. п. а [русск. *грязнуть*, praes. sg.I. *грязну*, 3. *грязнет*; схрв. *грěзнујиши*, praes.I.sg. *грěзнѐм*; ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) praes. I.sg. **Грěзнѐм** Гр. 93¹, аор. I.sg. **ꙋгрěзнѐх** Гр. 93¹; словен. *grězniti*, praes.I.sg. *grězнем*]; лит. *grīmti*, praes.I.sg. *grīmu*, praet. I.sg. *nugrimau* 'zapaść się, ugrzeżnać, zanurzyć się, pogrążyć się, utonąć'; имеется и вариант этого корня с циркумфлексовой интонацией: лит. *grīmzti*, praes. I.sg. *grimztù*, praet. I.sg. *grimzdaù* 'погружаться, тонуть, идти ко дну'; лтш. *grīmt²* (< **grīmt*) Kandau, Bl., Ruj., Pl., Dond., Selg., Līn. 'sinken, untergehen, zu Grunde gehen'; слав. **grěžnōti*, praes. sg.I. **grěžnō*, 3. **grěžnet²* — а. п. б [слвц. *hriaznut'*, praes. 3.sg. *hriazne*, др.-чеш. praes. 3.sg. *whrziezne* при inf. *-hraznūti* и *-hráznūti* Geb. I: 247; польск. диал. *grzqznąć* Sławski I: 372]; однако оба тональных варианта указывают на баритонный акцентный тип. || 2) герм. *grünþa-* 'zerriebene', 'растёртый': греч. *χαίλω* 'задевать, касаться, мазать, пачкать, марасть'; лит. *grėmžti*, praes. I.sg. *grėmžu* 'schaben', 'тереть, скоблить'; лтш. *grėmzt*, praes.I.sg. *grėmžu*, praet.I.sg. *grėmžu* 'nagen, beissen', 'грызть, кусать'; плавная интонация указывает на баритонезу и в данном случае || Orel: 144; Feist: 222–223; Frisk II: 1115; Falk–Torp: 146; Pok.: 459, 458, 405; Karulis: 317; de Vries: 191; Fraenk. I: 169; Smoczyński: 201; Trautmann BSW: 97–98; Фасмер I: 467–468.

⁹ В этой и в группе других субстантивных основ с кажущимся озвончением по закону Вернера можно предполагать контаминацию с девербативами от глагола с и.-е. корнем **ghrendh-*: др.-англ. *grindan* st.V. 'reiben, kratzen, knirschen; mahlen, schärfen, scheifen'; лит. *grėsti*, praes. I.sg. *grėndžiu* 'скрести, скоблить'.

К структуре корня: и.-е. корень **ghremə(ǵ)-/ *ghr̥mə(ǵ)-* или **ghrem(ǵ)-/ *ghr̥m(ǵ)-* (в ларингалистической интерпретации: **g^hremH(ǵ)-/ *g^hr̥mH(ǵ)-* или **g^hrem(ǵ)-/ *g^hr̥m(ǵ)-*; при втором выборе акутированный вариант основы следует объяснять законом Винтера): греч. *χαίνω* ‘задевать, касаться, мазать, пачкать, мараить’ (< **χαίνω* < **ghr̥m̥iō*); лит. *grimti*, praes. 1.sg. *grimù*, praet. 1.sg. *nigrimau̯* ‘провалиться, увязнуть, погрузиться, утонуть’; герм. **gr̥n̥þa-z* adj. ‘seicht’, ‘мелководный’; герм. *gr̥n̥þa-* ‘zeriebene’, ‘растёртый’. || Orel: 144; Pok.: 405, 458, 459 (√**ghrem-/ *ghren-* ‘scharf worüber streifen, zerreiben’); LIV₂: 204 (√**g(u)rend-* ‘(zer)reiben’).

8. герм. **sōþa-z* adj. ‘сытый’ (< и.-е. **sāto-* < **sāuto-*): [гот. *sōþ* (только dat.sg. *sōþa* Col 2:23) n. (?) ‘Sättigung’; подтверждается производным деноминативным *i*-глаголом: гот. *ga-sōþjan* ‘sättigen’; др.-англ. *sæðan*]; || слав. **sŭtь*, f. **sŭta*, n. **sŭto* < и.-е. **sauto-* [схрв. *cŭti*, f. *cŭtiа*, n. *cŭtio*; словен. *sit*, f. *sita*]; балт. **sātus* [вост.-лит. *sótus* 1 ‘satt, gesättigt, leicht sättigend, nahrhaft, reichlich’; лтш. *sāts* ‘sättigend, mächtig, genügend, mäßig’] ~ лат. *satis* ‘genug, hinreichend; ziemlich’; *satiō* ‘sättige’; греч. praes.med. 3.sg. (Hes.Sc.) *ἄεται* ‘sättigt sich’ || Orel: 310–311; Mayrhofer I: 64; Fraenk. II: 857; Heidermanns: 458–459; Frisk I: 159, 161; Solmsen Unt.: 93f; Solmsen Wortforsch.: 242 ff.; Krahe IF: 59: 166 ff.; Бурлак: 91–92, 150; Meillet, BSL: 22, Nr. 68, 20; Feist: 411–412; WH II: 481–482; Pok.: 876, 880; LIV₂: 520–521.

К структуре корня: и.-е. корень **sāu-/ *səu-/ *sū-/ *sā-* (в ларингалистической интерпретации: **seh₂u-/ *sh₂u-/ *sh₂u-/ *seh₂-*): полная ступень огласовки: армян. *y-ag* (< **sāu-*); с отсутствием или потерей глайда *-u-*: греч. гом. *ἄητος* ‘ненасытный’ (< **ḡ-sā-to-*) в *θάρσος ἄητος* Ф 395 (*θ. ἄητος* Q.S. 1,217), ср. также гом. *ἄητοι ἀκόρεστοι, ἄπληστοι...* Hdn. Gr. 1, 220; герм. **sōþa-z* adj. ‘сытый’; балт. **sātus*: [вост.-лит. *sótus* 1 ‘satt, gesättigt, leicht sättigend, nahrhaft, reichlich’; лтш. *sāts* ‘sättigend, mächtig, genügend, mäßig’]; нулевая ступень огласовки в таутосиллабической позиции: слав. **sŭtь*, f. **sŭta*, n. **sŭto* (< и.-е. **sauto-* < **sh₂u-to-*); рассечение корня инфиксом в V классе: др.-инд. *ásinvan* ‘unersättlich’ (предполагает praes. **sə-n-u-ō* из и.-е. **sə-ne-u-mi* < **sh₂-ne-u-mi*); тохар. A 3.pl. *simseñc* ‘sättigen’, 3.pl. med. *simcantär* ‘satt werden’; тохар. B /*sinəsk*^o/ act. ‘sättigen’, med. ‘satt werden’; нулевая ступень корня в гетеросиллабической позиции: греч. praes.med. 3.sg. (Hesiod Scutus) *ἄεται* ‘sättigt sich’ (так в Codex Laurentianus; в других рукописях *ἄεται* и *ἄται*) (< **sāfeta* < **sāue-*), conjct.aor. 1.pl. *ἔαμεν* (< **ḡ-o-μεν* < **ḡ-o-μεν* < **sāu-o-men* или < **ḡ-ω-μεν*, если в основе тематический вариант спряжения) ‘мы насытились бы’; inf. (Hom.) *ἄμεναι* ‘sich sättigen’, inf.aor. *ἄσαι* ‘sättigen’; нулевая ступень корня с потерей глайда (по-видимому, образования от тематизированных форм глагола, с потерей доминантности корня): греч. *ἄατος* (< **ḡ-sə-tos*) ‘unersättlich’; герм. **sadaz* (< **saþā-*) ‘satt’: [гот. **saþs* (*sads* Phlp 4:12); др.-исл. *sadr*; др.-англ. *sæd*; др.-сакс. *sad*; др.-в.-нем. *sat* ‘satt’]; лат. *satis* ‘genug, hinreichend; ziemlich’; др.-ирл. *saiih* ‘Sattheit’. || Orel: 310–311; Mayrhofer I: 64; Fraenk. II: 857; Heidermanns: 458–459; Frisk I: 159, 161; Solmsen Unt.: 93f; Solmsen Wortforsch.: 242 ff.; Krahe IF: 59: 166 ff.; Бурлак: 91–92, 150; Meillet, BSL: 22, Nr. 68,

20; Feist: 411–412: ($\sqrt{*sāu-}$); WH II: 481–482; Pok.: 876, 880: ($\sqrt{*sā-/*sə-}$ ‘satt; sättigen’); LIV₂: 520–521: (ошибочно: $\sqrt{*seh_2(i)-}$ ‘satt werden’).

9. герм. **blīþa-z* adj. ‘мягкий, кроткий’ (< **[b]līto-* < **mlīto*): [гот. *bleiþs* adj. ‘barmherzig’; др.-исл. *blīðr* adj. ‘mild (vom Wetter), freundlich, angenehm’; первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: гот. *bleiþjan* (только part.praes. nom.pl.m. *bleiþjandans* Lc 6:36), *ga-bleiþjan* ‘sich erbarmen’; др.-в.-нем. *blīden* ‘sich freuen’ (inf. *blīden* O V, 24,2,18; praes. 3.sg. *blīdit* O V, 23,216,217; Raven I: 10)] || и.-е. **mlīto-*, **mlīno-*: валл. *blīn* ‘müde’ < **blīno-*; лтш. *blīnis* ‘ein müder, matter Mensch, der sich nicht bewegen kann’, лтш. *blīnēt* Doblen, Siuxt ‘sehen, lauern, glupen, gaffen, faulenzten’; схрв. *млiуiаv* ‘вялый, апатичный, дряблый; немощный, слабый’, *mlītati* ‘lijeniti se’, ‘faul werden’ RJA VI: 814 ~ др.-инд. *mlāyati* ‘welkt’, part.praet.pass. *mlātā-* ‘weich gemacht, gegerbt’ (RV+), *mlāna-* (Br.+); также **mūrṇa-* ‘schlaff geworden, verwelkt’ в ŚB (Kāṇv.) *parimūrṇā* || Barber: 117, 121; Heidermanns: 132–133; Raven I: 10; Pok.: 155–156, 716–718; Feist: 99; Orel: 49; Mayrhofer II: 698–699; Mayrhofer EWA II: 319–320, 387–388, 388–389.

К структуре корня: и.-е. корень **melə-/mlē-* ~ **mlēi-/mlī-* (в ларингалистической интерпретации: **melh₁-/*mleh₁-* ~ **mleh₁i-/*mlh₁i-*): др.-инд. *mlāyati* ‘welkt’, ‘вянет’, part.praet.pass. *mlātā-* ‘weich gemacht, gegerbt’, ‘сделанный мягким, дублённый’ (RV+), *mlāna-* (Br.+); также **mūrṇa-* (< **mūrṇa-* < **m₁no-* < **m₁h₁no-*) ‘schlaff geworden, verwelkt’, ‘стать вялым, слабым; увянуть’ в ŚB (Kāṇv.) *parimūrṇā*; валл. *blīn* ‘müde’, ‘усталый’ (< **blīna-* < и.-е. **mlīno-*); герм. **blīþa-z* adj. ‘мягкий, кроткий’ (< **[b]līto-* < **mlīto*): [гот. *bleiþs* adj. ‘barmherzig’; др.-исл. *blīðr* adj. ‘mild (vom Wetter), freundlich, angenehm’; первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: гот. *bleiþjan* (только part.praes. nom.pl.m. *bleiþjandans* Lc 6:36), *ga-bleiþjan* ‘sich erbarmen’; др.-в.-нем. *blīden* ‘sich freuen’] || Pok.: 155–156, 716–718; Feist: 99; Orel: 49; Mayrhofer II: 698–699; Mayrhofer EWA II: 319–320, 387–388, 388–389; Pok.: 716–718 ($\sqrt{*mel-/*melə-/*mle-}$ ‘zermalmen, schlagen, mahlen’); LIV₂: 432: ($\sqrt{*melh_2-/*m₁h_2-}$ ‘zerreiben, mahlen’), 440: ($\sqrt{*merh_2-}$ ‘gewaltsam packen, zerdrücken’).

10. герм. **blauþa-z* adj. ‘слабый, боязливый’ [др.-англ. *blēað* adj. ‘blöde, scheu’; др.-исл. *blauðr* adj. ‘schwach, zaghaft’; первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: гот. *blauþjan* (только part.praes. nom.pl. m. *blauþjandans* ‘abschaffen’ (eig. ‘schwach machen’), *ga-blauþjan* (только part.praes. *ga-blauþjands* Col 2:15) ‘triumphieren’; др.-исл. *bleuða* schw.V. ‘weich machen, demütigen’; др.-в.-нем. *blōden* ‘schwach machen’ (‘fürchten, verzagen’; praes. conj. 2.sg. *plodes* Gl I: 368,9 (4); *plodest* Gl I: 368,10; и conj.3.pl.), *ir-ploden* (‘sich beunruhigen od. fürchten, in Angst geraten, verzagen’; praes.3.sg. *arplōdit* Gl II: 426,39; остальные формы praet.)] || надежная этимология отсутствует, имеется попытка связать это прилагательное с тем же корнем, что и предшествующее, т.

е. с доминантной базой **mlH-* || др.-инд. *mlāyati* 'welkt', part. praet. pass. *mlātā-* 'weich gemacht, gegerbt' (RV+), *mlāna-* (Br.+); также **mūr̥ṇa-* 'schlaff geworden, verwelkt' в ŚB (Kāṇv.) *parimūr̥ṇā* Wood MLN XV 326 || Barber: 117, 120; Heidermanns: 131–132; Pok.: 159; Raven II: 246; Feist: 99; Orel: 48; Holthausen AEEW: 26; Mayrhofer II: 698–699; Mayrhofer EWA II: 319–320, 387–388, 388–389.

К структуре корня: и.-е. корень **melə-/mle-* ~ **mlēu-/mlū-* (в ларингалистической интерпретации: **melh₁-/mleh₁-* ~ **mleh₁u-/mlh₁u-*): др.-инд. *mlāyati* 'welkt', 'вянет', part. praet. pass. *mlātā-* 'weich gemacht, gegerbt', 'сделанный мягким, дублённый' (RV+), *mlāna-* (Br.+); также **mūr̥ṇa-* (< **mṛ̥ṇa-* < **mṛ̥-no-* < **mḷh₁-no-*) 'schlaff geworden, verwelkt', 'стать вялым, слабым; увянуть' в ŚB (Kāṇv.) *parimūr̥ṇā*; гот. *ga-malwjan* 'bedrücken', др.-исл. *mølva* 'zermalmen'; тохар. А 2.sg. *maly-wät*, тохар. В 3.pl. *melyem* '(zer)drücken' || Feist: 99; Orel: 48; Holthausen AEEW: 26; Mayrhofer II: 698–699; Mayrhofer EWA II: 319–320, 387–388, 388–389; Pok.: 159, 716–717: (√**mleu-* ~ **mlū-* 'zermalmen, schlagen, mahlen'); LIV₂: 433: (√**melh₁u-* 'zerreiben, mahlen'); Hackstein 26.

II. герм. **hālpa-* z adj. 'sich neigend, vorwärts geneigt' (< и.-е. **kolto-*): [др.-исл. *hallr* adj. 'schief, schräg, geneigt', *af-hallr* 'abwärts geneigt' (Fr), *inn-hallr* 'einwärts' (Fr), *til-hallr* '(zu einer Tat) geneigt (Person)' (Fr), *út-hallr* 'nach außen gerichtet' (EJ); др.-в.-нем. *hald* 'geneigt, schräg', + *zi* '(zu einer Tat) geneigt', *fram-hald* 'nach vorn gerichtet, vornüber' (O, BR, aD [GI]), *nidar-hald* 'niedergelegt, waagerecht' (O), *ūf-hald* 'aufgerichtet, senkrecht' (O), *zuo-hald* '(zu)künftig' (I, MF), *uo-hald* 'geneigt, schräg', (но др.-англ. *heald*, др.-фриз. *-hald* не релевантны); первичность баритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: др.-исл. *hella* 'ausgießen'; др.-в.-нем. *helden* 'neigen' (T, N [GI]) ('neigen, beugen, zum Sinken oder zu Falle bringen, abbiegen, abwenden, ablenken, ausweichen' G 4, 895; praet. 3. pl. *helditun* T 8 218, 3 (329,26); part. praet. *Gehaldit* Gl II: 714,35; *intheldit* T 8 228, 2 (334,42) — Raven I: 68); II Kl.: др.-исл. *halla* 'neigen, sinken lassen'; др.-в.-нем. *haldōn* 'sich neigen' (но др.-англ. *hieldan*; др.-сакс. *afheldian*) не релевантны] ~ др.-исл. *hala* schw.V. 'ziehen'; др.-англ. *zēholian* 'adipisci, erhalten'; ср.-н.-нем. *halen* 'ziehen', ср.-нидерл. *hālen*; это наиболее близкая глагольная основа в германских языках, с которой можно связать это явно отглагольное прилагательное || за пределами германских напрашивается связь с лит. *kāl̃ti* 'anlehnen', praes. 1.sg. *kaliù*; но первичная акцентная парадигма этим сближением не устанавливается || Barber: 117, 121; Heidermanns: 276–277; Wissmann: 82; Raven I: 68; Pok.: 552; de Vries: 205; EWD II: 634–635, 993; Fraenk. I: 210–211.

К структуре корня: и.-е. корень **kal-/k̥l-* 'neigen': для наличия этого варианта корня в и.-е. ср. др.-инд. *kāṭaka-* 'Bergabhang' (с *-t-* < **lt-*, см. Fortunatov BB: 6, 218); лит. *kāl̃ti*, praes. 1.sg. *kaliù*, praet. 1.sg. *kaliaũ* 'anlehnen', 'прислоняться (спиной), откидываться'; *kāl̃tis*, *kaliuos*, *koliaũs* 'opierać się plecami'; вероятно, реликтом непо-

движного акцентного типа этой основы является *atsikōļes* ‘oparšzy się w tył plecami’; || Barber: 117, 121; Heidermanns: 276–277; Wissmann: 82; Raven I: 68; de Vries: 205; EWD II: 634–635, 993; Fraenk. I: 210–211; Smoczyński: 250–251; Trautmann BSW: 114; ЭССЯ 10: 66–68; Bezlaj II: 46: (√*(s)kel- ‘sloneti, nagniti, skriviti’); Pok.: 552: (√*kel- ‘neigen’), 600–602: (√*klei- ‘neigen, lehnen’), 928: (√*(s)kel-, с расширениями: *klā-, *klō- ‘biegen; anlehnen; krumm, verkrümmt’); LIV₂: 332: (√*klej-/ *kli- ‘sich anlehnen’), 386: (√*k^uelh₁- ‘eine Drehung machen, sich umdrehen, sich (um-, zu-)wenden’).

12. герм. **hūlþa*- adj. ‘hold, geneigt, zugetan’ (< и.-е. **k₁to-*): [гот. *hulþs* adj. ‘geneigten Sinnes, gnädig’; др.-исл. *hollr* adj. ‘hold, treu’; др.-в.-нем. *hold* ‘geneigt, zugetan, liebevoll’, ‘ergeben, treu’ (O, N, Sam [GI]) (но др.-англ. *hold*, др.-фриз. *hold*; др.-сакс. *hold* не релевантны); первичность ба-ритонезы поддерживается рефлексацией производного глагола: др.-исл. *hyllask* ‘sich beliebt machen’, ON *hylla* ‘gnädig stimmen’ (VG); др.-в.-нем. *hulden* ‘geneigt machen, versöhnen’ (O, N [GI]); др.-исл. *holla* (но не релевантно др.-англ. *hyldan*)] || данное прилагательное относится к тому же глагольному корню, что и предшествующее, но, видимо, к другой глагольной основе; тождество его акцентовки акцентовке предшествующего подтверждает парадигматический выбор акцентного типа в прагерманском глаголе || Barber: 117, 121; Heidermanns: 311–312; Raven I: 76; Pok.: 552; de Vries: 247–248; EWD II: 701–702, 993; Fraenk. II: 1004, 1006.

К структуре корня: тот же и.-е. корень **kal-/ *k₁l-* ‘neigen’, см. предыдущее слово.

Mobilia-oxytona

1. герм. **munda*-z part. ‘считавшийся’ (< **munþā-* < и.-е. **m₁tō-*): [гот. *munds* ‘ὄς ἐνομιζέτο’ (Лс 3:23); др.-исл. *munapr* (Cleasby: *munad*) ~ герм. **mana-* ~ **muna-* (< и.-е. **mona-* ~ **m₁l-*): [гот. *munan* (praes. 1.sg. *man* nicht belegt; praes. 3.sg. opt. *muni*, praet. 1.sg. *munda* Phlp 2:25) ‘δοχεῖν, meinen, glauben’; *ga-munan* (inf. Лс 1:72; 1Кор 15:2; 2.pl. *ga-munþ* Mc 8:18) ‘gedenken’; др.-исл. *tuna* (praes. *tan* ~ pl. *munom*; praet. *munþa* (?), позднее *munda*); др.-англ. *ge-munan* ‘sich erinnern’ (1.sg. *man* ‘gedenke’ ~ 1.pl. *munon*; praet. 1.sg. *munde*); др.-сакс. *far-munan* ‘verleugnen, verachten’ (praes. 3.sg. *farman*, praet. *formonsta*) || лит. *miñti*, praes. 1.sg. *menù* ‘gedenke, rate’, part. praet. pass. *prà-mintas* ‘benannt’; лит. *minėti* ‘вспоминать’: др.-лит. praes. 1.sg. **miniù*; praes. 3. **mini* ~ **nè mini*: *pàmini* DP 80³⁹, 81³; слав. **тънѣти*, praes. 1.sg. **тънѣю*, 3.sg. **тънѣтъ* [part. praes. act. nom.sg. f. **мнѣщїи** Сб. № 151, 47^{8а} (Дыбо 2000: 573), **мнѣщїим же** Зогр. Б54^{18б} (Дыбо 2000: 573), **оумни сѧ** Толк.пс. 34а (Дыбо 2000: 605); **пѣмнїи** Косм. 1 18а]; слав. **po-menoti*, praes. 1.sg. **pò-menò*, 3.sg. **po-menetb*; [praes. 1.sg. **пѣмѣнж** Пс. № 309, 46а, **нѣ помѣнж** Сб. № 758, 11б (Дыбо 2000: 325), 3.sg. **пѣмѣнѣ** Пс. Кипр., 3б (Дыбо 2000: 325), **нѣ не помѣнѣтсѧ** ib., 75а; аор. 1.sg. **помѣнѣ** Сб. № 151: 93^{26а}, 176^{1а}, 3.sg. **пѣмѣнж** Зогр., А13^{24б}, А13^{26б}, part. praet. pl. **помѣнжвше** Соф. сл. 32^{3б}; *-l*-part. **пѣмѣнжаль** Пс. № 309, 100б

(эти и др. примеры см. Дыбо 2000: 325–326, 573, 605, 646, 647) || Pok.: 726–728; Orel: 259; Seebold: 345–347; Feist: 366–367; Holthausen AEEW: 227; Fraenk. I: 455–456.

К структуре корня: и.-е. корень **men-/menə-/mnā-/mnē-* (?) ‘denken, geistig erregt sein’: (в ларингалистической интерпретации: **men-/menH-/mneh₂-/mneh₁-*?): полная ступень огласовки: др.-инд. *mānati* ‘erwähnt’, ‘упоминает’; лит. *meniū* (inf. *miūti*) ‘gedenken, erdenken, erinnern’; польск. *-mione*, чеш. *-menu*; нулевая ступень огласовки в таутосиллабической позиции: др.-инд. *manuté* ‘denkt, meint, hält für’ (< **mṛ-nu-toi*), part. perf. *matá-* ‘gedacht’ (< **mṛ-to-*); *-o*-ступень огласовки: др.-инд. *mānáyati* ‘ehrt’, ‘уважает, чествует’ (< **mon-eye-*); ($\sqrt{*menə-}$): и.-е. **mē-jo-*: др.-инд. *mānyatē* ‘denkt’, ‘думает’; греч. *μαίνομαι* ‘rase’, ‘неистовствую’ (аор. ион.-атт. *ἐμαίνην* ‘wurde rasend’); др.-ирл. *do-moiniur* ‘glaube, meine’, лит. *miniū* (inf. *mi-nēti*) ‘gedenken, sich erinnern’; слав. *тѣнѣти* (inf. *тѣнѣти*) ‘glauben, meinen’; вторая основа: др.-инд. *mātā-* ‘erwähnt’, ‘упомянутый’; *mnāyātē* ‘wird erwähnt’, ‘упомянут’; греч. *μνάομαι* ‘erinnere mich’; praes. *μνῆσθω* (äol. *μνῆσθω*) ‘erinnere’, med. ‘erinnere mich’, fut. *μνήσο*; perf. *μείνυμι* (дор. *-ā-*) ‘bin eingedenk’, ‘помню’ || Mayrhofer II: 583–584; Seebold: 345–347; Feist: 366–367; Holthausen AEEW: 227; Orel: 259; Fraenk. I: 455–456; Pok.: 726–728 ($\sqrt{*men-}$ ‘denken, geistig erregt sein’ ~ $\sqrt{*menə-}$ / $*mnā-/mnē-$ ~ $\sqrt{*menēi-}$ / $*mēnē-$); LIV₂: 435–436 ($\sqrt{*men-}$ ‘einen Gedanken fassen’).

2. герм. **skulda-z* part. ‘виновный, должный’ (< **skulþā-* < и.-е. **skl-tō-*): [гот. *skuld*’s (~ *im* ‘ich muß’, ~ *ist* ‘es ziemt sich, man muß’)]; др.-исл. *skuldr*; др.-в.-нем. *scult* ‘schuldig’; др.-исл. *skuld*, *skyld*; др.-англ. *scyld*, др.-фриз. *skelde*; др.-сакс. *skuld*; но др.-в.-нем. *skuld*, *skulda* f. ‘Schuld’] ~ герм. **skal-* ~ **skul-* [гот. *skulan* (1.sg. *skal*, 1.pl. *skulum*; praet. 1.sg. *skulda*); др.-исл. *skulu* (praes. *skal*, *skolom*, *skalom*; praet. *skulda*) ‘sollen’; др.-англ. *sculan*, др.-фриз. *skela*; др.-сакс. *skolan*, др.-в.-нем. *skolan*, *sulan*] ~ лит. inf. *skelėti* ‘быть должным’, praes. 3.sg. *skėli*: др.-лит. part.praes. act. *skelqs* у Н. Даукши: *skelqs* nom.sg. m. DP 359³⁹, *skelqs* nom.sg. m. DP 481³⁴; прусск. part. praes. *skellānts* ‘schuldig’ [*chkel*]lānts nom.sg. m. III, 41_{16–17} ‘schuldig’; *skellants* nom.sg. m. III, 67₁₉ ‘schuldig’; *skellāntei* nom.pl. m. III, 37₇ ‘schuldig’, *skellāntai* nom.pl. m. III, 87₁₆ ‘schuldig’] || Barber: 118, 128; Pok.: 927; Orel: 332; Seebold: 405–406; Feist: 435–436; Holthausen AEEW: 284; Fraenk. II: 799–800.

К структуре корня: и.-е. корень **(s)kel-* ‘schuldig sein, werden; schulden, sollen’ (отмечен только в германском и балтийском); *s*-mobile подтверждается литовскими образованиями: *kaltas* ‘schuldig’ и *kaltė* f. ‘Schuld’; *-e*-ступень надёжно фиксируется в литовском и прусском фактически во всех глагольных первичных формах: лит. inf. *skelėti*, praes. 3.sg. *skėli* и *skėlia*, др.-лит. part.praes. act. *skelqs*; прусск. part. praes. *skellānts* ‘schuldig’; *-o*-ступень в гетеросиллабической позиции в герм. praes. sg. *skal*, в прусск. *skallīsnan* и с неясным удлинением в лит. *skolā* 4 ‘Schuld, entlehnte Sache; Anleihe, Darlehn’; корень при *-o*-ступени в таутосиллабической позиции в лит. *kaltas* ‘schuldig’ и *kaltė* f. ‘Schuld’ и в лит. *skalnas* ‘schuldig’; нулевая ступень огласовки в гетеросиллабической позиции представ-

лена в герм. praes. pl. и inf. и в таких именных образованиях как гот. *skula* m. 'Schuldner', а также, возможно, в прусск. *poskulīt* 'ermahnen', praes. 1.sg. *paskollē* 'vermahne' (< **skul-ja*- < **skl-jo*-), но в praes. позиция таутосиллабическая; кроме того в таутосиллабической позиции нулевая огласовка представлена в герм. -to-part. **skuldā*-z, в praet. **skuldā*- и -ti-основе: др.-англ. *scyld* f. 'Schuld' и в лит. диал. *skilti* 'in Schulden geraten', в praes. этого глагола 1.sg. *skyļu* (< **skļi* < **ski-n-l-a*- < **skil-n-a*-) вторичная вставка инфикса -n-, как замена первичного -n-суффикса. || Kroonen: 450; Fraenk. II: 794, 799–800, 812; Smoczyński: 557; Mažiulis: 747–749, 856; Seebold: 405; Pok.: 927 (√*(s)kel- 'schuldig sein, schulden, sollen'); LIV₂: 552 (√*(s)kel- 'schuldig werden').

3. герм. *snūda*-z part. 'schnell' (< **snūþā*- < и.-е. **snautō*-): [др.-англ. *snūd* 'eilig; Eile'; др.-исл. *snūðr* 'Schnelligkeit'] ~ герм. **snau*, **snēwa*- 'спешить' (< **snowā*-, **snewā*-, с сокращением **-ō*- и **-ē*- в предударном положении, с последующим упрощением геминированного **-wiv*-, < **snōwvā*-, **snēwvā*- < и.-е. **snōwā*-, **snēwā*-): [гот. *snīwan*, praet. *snau*, *snīwun*; др.-англ. *snéowan* 'eilen'] || слав. **snŭti*, praes. 1.sg. **snŏvŏ*, 3.sg. **snověť* ~ **snováti*, praes. 1.sg. **snŭjŏ*, 3.sg. **snujěť* [ср.-болг. **ОСНОВЕ́Т СЕ** О письм. 44а, болг. диал. (Wysoka) *snòwa*, 2.sg. *snivěš*; схрв. диал. (косо-во-метох.) *сновѐм*, 3.sg. *сновѐ*; русск. нормат. XIX в. *снужу*, *снужьш*; сев.-чак. (Нови) 1.sg. *snŭjén*, 1.pl. *snŭjjetò*; сев.-кайк. (Бедня) **snějžam*; схрв. aor. 1.sg. *snòvah*, 2–3.sg. *snòvā*; -l-part. **ѢСНОВА́** Сим.лет. 515б; сев.-кайк. (Бедня) **snevâol*, f. **snevôlo*, n. **snevâole*; словен. *snovâl*, f. *snovála*, n. *snovâlo*] || Heidermanns: 527; Barber: 87; Holthausen AEEW: 304, 305; Дыбо 2000: 287, 294, 498, 512; Дыбо 2008: 579.

К структуре корня: см. стр. 61, под 8. герм. **snēwa*-, **snāwa*- 'спешить'.

4. герм. **frīda*-z part. 'geschont; lieblich, schön' (< **frīþā*-): [в др.-англ. *frīd-hengest* 'stattliches Pferd'; в др.-в.-нем. *frīt-hof* m. 'gehegter Platz' (др.-исл. *frīðr* акцентологически нерелевантно); гот. **freids* подтверждается отыменным глаголом гот. *freidjan* 'φείδεσθαι, schonen'] ~ герм. **frīja*- (< **frījā*-): [с сокращением долгого гласного и с потерей геминии -j- || Barber: 118, 126; Heidermanns: 214–215; Дыбо 2008: 558–574 (специально 565–566, № 18); Pok.: 844; Orel: 114; Feist: 168.

К структуре корня: см. стр. 64, под II. 12. герм. **frīja*-.

5. герм. **kaldā*-z adj. 'kalt' (< **kalfā*- < и.-е. **gōl-tō*-): [гот. *kalds* 'kalt'; др.-исл. *kaldr*; др.-англ. *ceald*, др.-фриз. *kald*; др.-сакс. *cald*, др.-в.-нем. *chalt*, *calt* 'kalt'] ~ герм. **kala*- [др.-исл. *kala* (praes. *kól*; part. *kalenn* [kalinn Hón 3, 2]); др.-англ. *calan* (praes. *cōl*; part. *-calen*) 'frieren'] || непосредственно сближается лишь производный отыменной глагол: лат. *gelō*, *-āvī*, *-ātum*, *gelāre* 'frieren'; имеется вариант корня с начальным глухим, акцентологически согласующийся с германскими данными: лит. *šalėti*, praes. 1.sg. *šaliù* 'frieren', лтш. *salīt*, praes. 1.sg. *salīstu*, *saļu*, praet. 1.sg. *salu* 'frieren' || Barber: 118, 127; Pok.: 355–356; Orel: 208–209, 209; Feist: 306; Heidermanns: 328; Seebold: 288–289.

К структуре корня: и.-е. корень **gel(ə)-* 'kalt sein, frieren' (в ларингалистической интерпретации: **gel(H)-*): корень надёжно отмечен только в италийском и германском; *-e*-ступень в лат. *gelō, -āvī, -ātum, gelāre* 'gefrieren', *gelū* n. 'Kälte, Frost', 'мороз, стужа' (также *gelus, -ūs* и *gelum, -ī*), *gelidus* 'kalt'; оск. *γελαν* 'πάχυνη', 'иней' (Steph. Byz.)¹⁰; *-o*-ступень в герм. **kala*, с *a* из-за перестройки каузатива **kaljan = *golejō* 'kalt machen', praes. sg. **kōl*, (pl. **kōlo*), part. **kalen-*, по-видимому, заменил первичную нулевую огласовку в **kulen-*, которая восстанавливается по др.-швед. *kolin* 'fröstelnd'; и *-to*-основа **kalda-z*; отсюда также именные конструкции: др.-англ. *ciele* m. (совр. англ. *chill*) из **kali* 'Kälte'; сюда же др.-исл. *kelda* из **kaltiön-* 'Quelle', финн. заим. *kaltio*; auf Grund der älteren Form **kul-da-* des Partiz., anord. *kuldi* m. = mnd. *külde* f. 'Kälte'); dehnstufig ags. *cōl*, ahd. *kuoli*, nhd. *kühl*, wovon ags. *cēlan*, ahd. *kuolen*, nhd. *kühlen*, anord. *kōla* ds., schwachstufig др.-исл. *kul* (*kol*) n. 'kühle Brise', *kylr* m. 'Kälte'; лат. *glacies* 'Eis' рассматривается в сравнении с др.-исл. *klaki* m. 'gefrorene Erdrinde', mit gebrochener Redupl. idg. **gla-g-* (die Basis scheint also **gela-* gewesen zu sein), и предполагается, что соответствующее ему первоначальное лат. **glagiēs* было перестроено по *aciēs* (и другим словам на *-aciēs*). || Seebold: 288–289; Orel: 208–209, 209; Pok.: 365–366 (√**gel(ə)-* 'kalt, frieren'), 551 (√**kel-* 'frieren, kalt'); LIV₂: 185 (√**gel-* 'frieren, kalt sein'), 323 (√**kelH-* 'kalt werden, frieren').

6. герм. **hlūda-z* adj. (< **hlūþā-* < и.-е. **klū-tō-*): [др.-англ. *hlūd* 'laut, tönend', др.-фриз. *hlūd* 'laut'; др.-сакс. *hlūd*, др.-в.-нем. *hlūt, lūt* 'vernehmlich, dröhnend, schallend, bekannt'] || слав. **slŭti wu* **sluti*, praes. 1.sg. *slŭvoŭ*, 3.sg. **slŭvetŭ*² [ст.-русск. XVII в. **СЛОВѢТЪ** Ратн. 32б, **СЛОВѢТ'** ib., 24а, 3.pl. **ни СЛОВѢТЪ** ib., 13б, 14а, совр. русск. *слыву́*, 3.sg. *слывѣт* (с выравниванием вокализма по вокализму основы причастий прошедшего времени); ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) **СЛОВѢМ** Гр. 87², 212, **ПрословѢМ** Гр. 212; словен. *slóvet* (оттянутое ударение, устанавливается по открытому *-o-*), см. Дыбо 2000: 286, 495, 319–320, 509 || Barber: 116, 127; Дыбо 1961b: 33; Дыбо 1981: 235; Orel: 178.

К структуре корня: и.-е. корень **kleu-*, **kleuə-/ *klū-* 'hören', также 'wovon man viel hört, berühmt, Ruhm' (в ларингалистической интерпретации: **kleu-*, **kleuH-/ *kluH-*): др.-инд. *śṛṇōi* (**k̑̌-neu-*) 'hört', *śrudhī* 'höre' (= **kl̑̌θi*), part. *śrutā-* (= *κλυτός*), *śrīvati* 'wird gehört'; авест. *surunaōiti* (**klū-n-*) 'hört, steht im Rufe, heißt' usw., part. *srūta-* 'gehört, berühmt', *srūti* 'das zu Gehörbringen, Vortragen', *śravayati* 'läßt hören'; греч. *κλέ(φ)ω, -ομαι*, эп. *κλείω* 'rühme' sind sekundär; *ἐκλυον* 'hörte' (= др.-инд. *śruvam*), *κλυθι, κέλκλυθι* 'höre!', *κλυτός* 'berühmt', *κλειτός* 'berühmt' (< **κλεφετος*,

¹⁰ Греч. *γελανδρόν· ψυχρόν* Hes., вероятно, ошибочно переданное (WH. I 867) галлором. **gelandron* 'Frost' (Hubschmied: 3, 130) лучше вместе с Bertoldi (ZgPh.: 56, 187) и с Wartburg'ом (s. v. **gelandron*) объяснять влиянием лат. *gelū* на галлором. **calandron* ds. (с mediterr. окончанием), к др.-ирл. *caile* '(weißer) Fleck'; иначе Specht Dekl. 130; о галлором. **gelabria* 'Frost' см. Wartburg sub v. **calabra* и *gelabria*; Hubschmid 18 ff.

wie *γενετή*, lat. *genitus*; т. е. согласно процедуре С. Л. Николаева, последний part. указывает на доминантность корня, что противоречит германским и славянским показаниям; это расхождение, вероятно, следует объяснять специфической рефлексацией нисходящего тона корневой морфемы), др.-в.-нем. *hlūt*, др.-англ. *hlūd*, др.-сакс. *hlūd*, ново-в.-нем. *laut*; лат. *inclutus* 'berühmt'; др.-ирл. *cloth* n. 'Ruhm', валл. *clōd* 'laus'; germ. **hluða-* в др.-в.-нем. *Hluderīch*, *Hlothari*, др.-англ. *Hloþ-wīg*, *-here* и т. д.; <mit *ū* (wie ahd. *hlūt*, s. oben): ahd. *lūstrēn*, nhd. (schwäb.-bair.) *laustern* 'zuhören, horchen', nhd. *lauschen* (**hlūs-skōn*); abg. *slyšati* 'hören', *sluchb* 'Gehör', *slušati* (serb. *slūšati*, also schwere Basis wie *slyšati*) 'hören'; lit. *klau-saiū*, *-yti* 'hören', lett. *klāusīt* 'hören, gehorchen', apr. *klausīton* 'erhören', lit. *paklusmūs* 'gehorsam' (dagegen lit. *klāusiu* 'frage' = **will hören* aus **kleuə-s-iō* hat futurisches s)». || Pok.: 605–607 (*√*kleu-*, **kleuə-/*klū-* 'hören'); LIV: 334–335 (*√*kleu-* 'hören').

7. germ. **trūða-z* adj. 'geliebt, traut' (< **trūþā-* < и.-е. **drū-tō-*): [др.-в.-нем. *trūt*, *drūt* (9 Jh.) 'geliebt, traut'] ~ germ. **trūēn-* 'to trust' [гот. *trauan* (praet. 3.sg. *trauaida* Mt 27:43), *ga-trauan* 'trauen'; др.-исл. *trúa*; др.-англ. *truwian*; др.-сакс. *trūōn*, др.-в.-нем. *trū(w)ēm* 'trauen'] ~ о рецессивном характере основы свидетельствует Verschärfung в germ. **trēwaz* (< **trē-wá-*): [гот. *triggws* adj. 'treu, zuverlässig', *triggwaba* adv. 'treu, zuverlässig', *untriggws* 'ungerecht'; др.-исл. *tryggr* adj. 'treu, vertrauensvoll'; др.-англ. *trie-we*, др.-вост.-фриз. *triūwe*, др.-зап.-фриз. *trouwe*; др.-сакс. *treuwa*, др.-в.-нем. *triuwa* f. 'Treue'] || лит. *drūtas* (3), диал. *drūktas* (3) 'крепкий, сильный'; лтш. *drūks* 'resns, stiprs, za'uoksnis, plecīgst' (U s. v. *gedrungen*, *stammhaft*) [Būga RR III: 206] ~ прусск. *druwīt* 'glauben', praes.sg. 1. *as dru-wē*, 2. *tou druwēse*, 3. *kas druwē*; pl. 1. *mes druwēmai*, 2. *iou druwētei*, 3. *dru-wē* (*drūwien* acc.sg. от *druwis* 'вера', свидетельствует, вероятно, о долготе *-u-* в этой основе, что препятствует объяснению реликтов подвижности ударения в этом глаголе законом Кортландта) || Barber: 118, 126; Heidermanns: 296–297; Feist: 479–480, 480; EWD III: 1831–1832, 1833, 1639–1840; Orel: 410, 411; Kroonen: 523; Fraenk. I: 107; Топоров 1975: 380–385.

К структуре корня: и.-е. корень **drēu-/drū-* 'sein treu, zuverlässig' (в ларингалистической интерпретации: **drehu-/drhu-*), зафиксирован только в балтийском, германском и кельтском: лит. *drūtas* (3), диал. *drūktas* (3) 'крепкий, сильный'; лтш. *drūks* 'resns, stiprs, za'uoksnis, plecīgst' (U s. v. *gedrungen*, *stammhaft*); прусск. inf. *druwīt* 'glauben', praes.sg. 1. *as dru-wē*, 2. *tou druwēse*, 3. *kas druwē*; pl. 1. *mes dru-wēmai*, 2. *iou druwētei*, 3. *dru-wē*, с переносом инфинитивного оформления основы и её акцентовки на формы презенса (вместо первичных pl. 1. *mes *druwemai*, 2. *iou *druwetēi*, 3. **drūwe*); germ. **trūða-z* adj. 'geliebt, traut' (< **trūþā-* < и.-е. **drū-tō-*), *trēwaz* adj. 'treu, zuverlässig', 'loyal, trustworthy' (< и.-е. **drēuō-*), **trūēn-* 'to trust', 'доверять(ся), полагаться'; кельт. **drū-na-* 'fest' (< **drū-nō-*): др.-ирл. *dron* 'fest'; валл. *drūd* 'fortis'; из славянских обычно приводят **sūdōrnъ* (< **sū-dorəuō-*), связывая с **deru-* 'Baum', что, по-видимому, ошибка. Возможно, этот корень является расширением базы, зафиксированной в древнеиндийском корне **dreh-*

'schlafen' ('покоиться, быть спокойным'): др.-инд. ведийск. (Br.) opt. *ni-drāyāt* 'möge schlafen', (AV) *-no-part. -drāñá-* 'schlafend' || Feist: 479–480; Kroonen: 523; Orel: 410, 411; Pok.: 226 ($\sqrt{*drē-/*drə-}$ 'schlafen'); LIV₂: 126–127 ($\sqrt{*dreh_1-}$ 'schlafen').

8. герм. **sīda-z* adj. 'herabhängend' (< **sīþā-*) [др.-англ. *sīd* 'weit, breit; geräumig, ausgedehnt, lang', др.-фриз. *sīde* 'niedrig, weit'; др.-в.-нем. adv. *sīto* 'laxe'] ~ швед., норв. диал. *sīna* 'aufhören, versiegen', 'прекращать, иссякнуть'; ср.-в.-нем. *senen* 'sich sehnen', 'стремиться к чему-л.' || лат. part. *situs*, *-a*, *-um* 'gelegen', 'положенный, поставленный'; ср.-ирл. *sith-* 'lang', валл. *hit*, *hŷd* 'Länge, Weile' (< **sīto-* < и.-е. **sītō-*; ср. Дыбо 1961b: 11, № 4) ~ лат. *sinō*, *sīvī*, *situm*, *sinere* 'lasse zu, gestatte', 'допускаю, разрешаю'; др.-ирл. *sīnim* 'recke, strecke aus', 'вытягиваю, протягиваю'; лит. *ne seĩnyti* 'nicht gleichkommen' || Barber: 127; Heidermanns: 475–476; Pok.: 889–891; Orel: 329; WH II: 526–527, 545–546; Holthausen AEEW: 292; EWD III: 1605–1606; Feist: 405, 415–416; Fraenk. II: 771, 783–784.

К структуре корня: и.-е. корень **sēi-/səi-/sī-* 'entsenden, werfen, fallen lassen (spät, langsam, langdauernd)' (в ларингалистической интерпретации: **seh₁i-/sh₁i-/sh₁i-*): *-e*-ступень: др.-инд. вед. *sāyaka-* м., п. 'Wurfgeschöß', 'метательное орудие; метательное копье; дротик'; *-o*-ступень: др.-инд. вед. *ava-sāyāyati* 'läßt ausspannen'; нулевая ступень в гетеросиллабической позиции: др.-инд. вед. (*áva*, *vi*) *syāti* 'macht los, spannt aus', греч. ἵημι 'werfe, sende'; хетт. *šēzzi* 'schießt'; нулевая ступень в таутосиллабической позиции: герм. **sīda-z* adj. 'herabhängend'; лат. *situs* 'gelegen', ср.-ирл. *sith-* 'lang' (< **sīto-* < **sītō-*), перед первично доминантным суффиксом: лат. *saeculum* 'Geschlecht, Menschenalter, Jahrhundert'; валл. *hoedl* 'Lebensdauer', др.-брет. *hoetl*, ср.-брет. *hoazl* 'Lebensdauer' (< **səitlom*) || WH II: 460–461; Pok.: 889–891 ($\sqrt{*sē(i)-/*səi-sī-}$; $\sqrt{*sē-/*sə-}$ и $\sqrt{*sei-/*si-}$ 'entsenden, werfen, fallen lassen, säen'); LIV₂: 518 ($\sqrt{*seh_1(i)-}$ 'loslassen').

9. герм. **aldā-z* adj. 'alt' (< **alþā-* < и.-е. **altō-*): [крым.-гот. *alt* 'senex, alt'; др.-англ. *eald* 'alt', др.-фриз. *ald* 'alt'; др.-сакс. *ald* 'alt', др.-в.-нем. *alt*, ср.-в.-нем. *alt*, н.-в.-нем. *alt*] ~ герм. **ala-* [гот. *alan* (только part. praes. nom.sg. *alands* 'sich nährend' 1Tim 4:6); др.-исл. *ala* (praet. *ól*, *ólo*, part. *alenn*) 'hervorbringen'; др.-англ. *alan* (praet. sg. *ól*) 'nähren, hervorbringen'] || лат. *altus* 'hoch'; греч. ἄν-αλτο-ς 'unersättlich'; др.-ирл. *alt* 'Höhe, Ufer' ~ лат. *alere* 'nähren'; др.-ирл. *alim* || Barber: 118, 126; Heidermanns: 97–98; Pok.: 26–27; Orel: 12, 13; Feist: 34, 35, 40; WH I: 31–32; Seebold: 75–77; Holthausen AEEW: 3, 83–84.

К структуре корня: и.-е. корень **al-* 'wachsen; wachsen machen, nähren' (в ларингалистической интерпретации: **h₂el-* 'nähren, aufziehen'): *-e*-ступень: лат. *alō*, *-ere* 'nähren, aufziehen'; сюда же германская презентная основа **ala-* 'nähren, hervorbringen'; *-o*-ступень: лат. *ad-oleō*, *-olēre* 'verbrennen', сюда же гот. **aljan* 'mästen, откармливать'; нулевая ступень в таутосиллабической позиции: греч. ἄν-αλτο-ς 'unersättlich'. Долготы в формах претерита германской основы являются поздним результатом стяжения первично редуцированных основ. || Seebold:

75–77; Kroonen: 19; Orel: 12, 13, 15; WH I: 31–32; II: 206; Pok.: 26–27 (√**al-* ‘wachsen; wachsen machen, nähren’); LIV₂: 262 (√**h₂el-* ‘nähren, aufziehen’).

10. герм. **skandā-z* part. ‘beschämt’ (< **skanþā-*): [др.-англ. *scand* m. ‘Possenreißer, schamloser Mensch’, фигляр, бесстыдный человек’, f. ‘schamloses Weib’; др.-в.-нем. *scant* ‘beschämt’ (9. Jh.)] ~ гот. *sik skaman* ‘sich schämen’ || Barber: 118, 127; Heidermanns: 483–484; EWD III: 1493, 1493–1494.

К структуре корня: надёжная этимология отсутствует; герм. корень **skam-* извлечён из герм. *skamā* ‘Scham, Schande’, ‘shame; disgrace’, ‘срам; стыд, позор; бесчестие’; Pok.: 557: **skem-* недостоверно к √**kem-* ‘bedecken, verhüllen’; Guus Kroonen предлагает следующую этимологию: < и.-е. **skh₃-m-eh₂-* или **skoh₃-m-eh₂-* ‘darkness’. || Feist: 428–429; Kroonen: 439–440; Orel: 333; Pok.: 556–557 (√**kem-* ‘bedecken, verhüllen’ ~ √**skem-*, исключительно, для герм. **skam-*); 917–918 (√**skāi-/skai-/skī-* ‘gedämpft schimmern; Schatten (Abglanz)’); LIV₂: 546 (√**skeH(i)-* ‘schimmern, scheinen’).

11. герм. **wundā-z* adj. ‘wund’, ‘раненый’ (< **wunþā-* < и.-е. **u₁ṅ-tō-*): [гот. *wunds* ‘verwundet’; др.-англ. *wund*; др.-сакс. *wund*, др.-в.-нем. *wunt*, ср.-в.-нем. *wunt*; но также др.-в.-нем. *wund*, ср.-в.-нем. *wund*, н.-в.-нем. *wund*] ~ герм. **wanja-z* ‘Geschwulst’, ‘опухоль’ [др.-англ. *wenn*, англ. *wen* ‘жировая шишка, жировик; стеатома’; ср.-н.-нем. *wene*; датск. диал. *vann, væne*] ~ ср. валл. *ym-wān* ‘kämpfen’, praet. 3.sg. *gwant* ‘er schlug’ || Barber: 118, 128; Heidermanns: 696–697; Pok.: 1108; Orel: 474; Holthausen AEEW: 410; Falk–Torp: 261 [388:7; 388:8, 389:1].

К структуре корня: и.-е. корень **uen-* ‘überwältigen, gewinnen’, **uenH-* ‘liebge winnen’: -o-степень огласовки: др.-инд. каузатив: (AV) *vānayanu* ‘sollen gewinnen lassen’; нулевая ступень огласовки: др.-инд. *vanōti* ‘gewinnt, überwältigt’ (< **u₁ṅ-neu-ti*); || Pok.: 1108 (√**uen-* ‘schlagen, verwunden’), 1146–1147 (√**uen-*, **uenə-* ursprünglich ‘streben’, woraus ‘wünschen, lieben, befriedigt sein’ und ‘erarbeiten, Mühe haben’, perfektiv ‘erreichen, gewinnen, siegen’); LIV₂: 680–681 (√**uen-* ‘überwältigen, gewinnen’).

12. герм. **sada-z* adj. ‘satt’ (< **sapā-* < и.-е. **sə-tō-*): [гот. *sap̃s*; др.-англ. *sæd* ‘satt, überdrüssig’; др.-сакс. *sad*, др.-в.-нем. *sat (-t-)*] || ~ греч. praes. med. 3.sg. (Hes.Sc.) *ἄται* (так в cod. Laur.; в других рукописях *ἄται* и *ἄται*), conjct. aor. 1.pl. *ἔομεν* (< **ǵ-o-mev*. Почему не из **ǵ-o-mev*?) ‘мы насытились бы’; inf. (Hom.) *ἄμεναι* ‘sich sättigen’, inf.aor. *ἄσαι* ‘sättigen’; др.-инд. *ásimvan* ‘unersättlich’ (предполагает praes. **sə-n-u-ō* из и.-е. **sə-ne-u-mi*) || Barber: 118, 127; Heidermanns: 458–459; Orel: 310–311; Pok.: 876, 880; Mayrhofer I: 64; Fraenk. II: 857; Frisk I: 159, 161; Solmsen Unt.: 93 f.; Solmsen Wortforsch.: 242 ff.; Krahe IF: 59: 166 ff.

К структуре корня: см. стр. 72, под: 8. герм. **sōþa-z* adj. ‘сытый’.

Итак, достаточно тщательное обследование германских отглагольных прилагательных с индоевропейским суффиксом **-to-* обнаруживает порядка двадцати четырех – двадцати пяти основ. Двенадцать из них показывают прагерманское накоренное ударение, а другие двенадцать имели

ударение на суффиксе. У девяти основ с накоренным ударением удается установить связь с соответствующими балто-славянскими глагольными и отглагольными основами с доминантными корнями и с соответствующей неподвижной (баритонированной) акцентной парадигмой, а также связь с соответствующим акцентом прото-кельто-италийского. У восьми основ с насуффиксальным ударением обнаруживается связь с соответствующими балто-славянскими глагольными и отглагольными основами с рецессивными корнями и с соответствующей подвижной акцентной парадигмой, а также связь с соответствующим акцентом прото-кельто-италийского. Остальные основы просто или не имеют балто-славянских или кельто-италийских соответствий или не имеют данных, необходимых для определения их акцентного типа в этих языковых группах.

При одном возможном отклонении: герм. **skarða-z* part. (< **skarþá-*): [др.-исл. *skarþr* 'beschnitten, vermindert' (Noreen: 168, anm., 540, anm. 1) — не релевантно; но др.-англ. *sceard*; др.-сакс. *skard*, др.-в.-нем. *scart* 'verletzt'] ~ связывают с герм. **skera-* [др.-исл. *skera* 'schneiden, scheren, schlachten, schnitzen' (praes. *skar*, *skóro*; part. *skorenn*); др.-англ. *scieran* (praes. *scear*, *scæron*; part. *scoren*) 'zerhauen, zerschneiden', др.-фриз. *skere* (praes. *sker*; part. *skeren*) 'scheren, mähen'; др.-в.-нем. *scëran* (praes. *skārun*; part. *giskoran*) 'schneiden, abschneiden'] || лтш. *šķīrti*, praes.1.sg. *šķīru*, praet. 1.sg. *šķīru* 'scheiden, trennen, sondern, teilen'; лит. *skirti* || однако имеется другая этимология: и.-е. **skerdh-*: др.-ирл. *sceird-* 'kratzen, abschaben', praet. *ro'scaird*, Verbalnomen *scerdiud*; лит. *skeĩsti*, praes. 1.sg. *skerdžiù* 'schlachten, stechen', *skardỹti* || в этом случае мы имеем обычный девербатив с *o*-огласовкой, которая вызывает сомнения при первой этимологии || Heidermanns: 485–486; Orel: 335, 338–339; Pok.: 938–940; EWD III: 1510; Seebold: 413–414.

Слабый претерит

Это проверка размещения первичного акцента в формах слабого претерита, сохранившегося и зафиксированного у первичных германских глаголов. Более или менее строгое установление места первичного ударения в германском слове на основе закона Вернера возможно сейчас лишь в первично двусложных формах, и этим в основном обусловлен выбор материала. Проведенная выше проверка акцентовки отглагольных прилагательных с суффиксом *-to-* показала, что ударение в них регулировалось акцентуационной валентностью корня, устанавливаемой в результате изучения акцентуационного поведения его соответствий в балто-славянских языках. Соответствие акцентовки слабого претерита и *-to-*причастий отмечали при изучении проблемы происхождения слабого претерита — поэтому следует отметить, что этой проблемы мы не касаемся. Ясно, что формант претерита восходит к индоевропейскому **-t-*

и его рефлексация определяется законом Вернера, но является ли этот *-t- частью суффикса *-to- отглагольного прилагательного, или это остаток западно-индоевропейского суффикса дентального претерита, реликты которого сохранялись в кельтских и балто-славянских языках, этой проблемы наша проверка не решает: согласованность акцентовки в данном случае является лишь результатом парадигматического выбора акцентного типа, характерного для парадигматических акцентных систем.

Immobilia-Barytona (накоренное ударение)

1. герм. praet. 1.sg. **kunþa* (< и.-е. **ǵn̥-to-*): [гот. praet. ind. 1.sg. *kunþa* Mt 7:23; Joh 17:25; 2.sg. *kunþēs* 2Tim 3:15, *uf-kunþēs* Joh 14:9; 3.sg. *uf-kunþa* Mc 5:29; 1.pl. *kunþēdum* Joh 6:42; 2.pl. *fra-kunþēduþ* Gal 4:14; 3.pl. *kunþēdum* Mc 1:34; Joh 12:16; opt. praet. *kunþēdjau* Rom 7:7; 2.sg. *uf-kunþēdi* Lc 7:39; 2.pl. *kunþēdeiþ* Joh 8:19, 14:7; др.-исл. praet. 1.sg. *kunna*; др.-англ. *cūde* (Vesp.Ps.: *cūþe*, nordh. R²: *cūde*, L: *cūde*), др.-фриз. *kūthe*, *kūde*; др.-в.-нем. (бавар.) *konda* (inf. *kunnan*) || лтш. *pažīt* 'kennen', *žīt* (praes. 1.sg. *žīstu*, praet. 1.sg. *žīnu*) 'kennen, wissen, wahrnehmen, vermuten'; прусс. *erſin̄nimai* III, 65¹⁸⁻¹⁹ ['wir] erkennen' (**eržinimai*), *Poſinnimai* III, 29⁵ (< **požinimai*) с передвижением ударения по закону Кортландта < **požinimai*) || Noreen: 351; Sievers-Brunner: 386; Braune: 332; Steller: 68; Seebold: 289-290. **К структуре корня:** см. стр. 52, под 7. герм. **kn̄jaja-* 'знать'.

2. герм. praet. 1.sg. **wūlf̄a* (< и.-е. **u^{l̄}-to-*): [др.-исл. praet. 1.sg. *olla* 'herrschte' (< **wolþa*); inf. *valda*] || среднеболгарские и древнесербские тексты дают материалы, позволяющие думать о доминантности глагольного корня **vold-* в праславянском: ср.-болг. (ст.-тырн.) **ВЛАДЕТЬ** Зогр. Б49^{30a}; др.-серб. **НЕ ВЛАДЕТЬ** Апост. 183^{18-19a}, **НЕ ВЛАДЕТЬ** Апост. 183^{20-21a}. В литовском аналогичные свидетельства мы наблюдаем у глагола *veldėti*, praes. 1.sg. *vėldu* и *vėldžiu* 'besitzen, regieren, an sich bringen, in Besitz nehmen' и '(er)erben'; в древнелитовском у этого глагола по DP обнаруживаются реликты неподвижного акцентного типа в страдательном причастии настоящего времени: part. praes. pass. gen. pl. *wėldamy* DP: 484⁴³, *wėldamy* DP: 4₉ 'подданных', acc. pl. *wėldamus* DP: 85⁴²; в прусском корень также сохраняет свою доминантную валентность: прусс. производное **wėldniks* (в сочетании *sendraugi wėldnikai* nom. pl. m., III 93⁸ „Miterben, bendraveldėtojai“) при рецессивном корне должно было иметь ударение ~ на суффиксе *-nik-*, как это обнаруживается в словах с соответствующими корнями; так же ведёт себя и вариант этого корня с *-o-*огласовкой: прусс. *Wėldnikans* acc. pl. m., III 91⁵ „Könige, valdovus“ (у германского и балто-славянского корней наблюдается только то отличие, что в прагерманском формант *-dh-* сохраняет свой презентный характер, а в балто-славянском распространяется на всю глагольную пара-

дигму) || лат. *valeō* 'bin bei Kräften, stark, körperlich zu etwas tüchtig, gesund', 'обладать силами, иметь силы, быть сильным, быть в силах, быть в состоянии; иметь значение, значить что-либо, иметь решающее значение' || Noreen: 352; Feist: 548; de Vries: 640; Seebold: 536–537; WH II: 727–728.

К структуре корня: и.-е. корень **uelā-/ *uļ-/ *ulā-* 'stark sein, Gewalt haben' (в ларингалистической интерпретации: **uelH-/ *uļH-/ *ulH-*): -e-степень огласовки: лит. praes. I.sg. *vėldu* (inf. *vėldėti*) 'besitzen, regieren' (< **uelā-dh-e-*, где *-dh-* «расширитель» презентной основы, в балто-славянском он распространяется на все основы с этим корнем и становится «расширителем» корня); герм. praes. **waldā-*, praet. **wūl-þa-*: [гот. Opt. Präs. 2.pl. *waldaiþ* Lc 3:14; ind. praes. 3.pl. *ga-waldand* Mc 10:42; др.-исл. praes. *veld*; др.-англ. sg. *weold*, pl. *weoldon*; др.-фриз. sg. *weld* (-i), pl. *weldon* (-i-); др.-сакс. sg. *weld*, pl. *weldun*; др.-в.-нем. sg. *wialt*, pl. *wialtun* (< **uoldh-*); part. др.-исл. *valdenn*; др.-англ. *wealden* (< **uoldh-*); praet. др.-исл. sg. *olla*, pl. *ullum* (< sg. **wolþa*, pl. **wulþum* < sg. *uļ-ta-*, pl. *uļ-tamj*)] || Pok.: III-III2 (**uāl-*, **uāl-d(h)-* 'stark sein'); LIV₂: 676 (**uelH-* 'stark sein, Gewalt haben').

3. герм. praet.I.sg. **þe-gūn-þa* (< **þe-ĥūn-þa* < и.-е. **bhe-kū-to-*): [ср.-англ. *begūde* (в написаниях: *begouth*, *beguith*, *beguth*, *begud*, *begooth*, *begowthe*, *begowt*, и с -c-: *becuth*, *becwthe*, *couth*, — со 2-ой половины XIV века, Collitz: 50); др.-в.-нем. praet.I.sg. *pigunda*, *bigunda*, *begunda* (Wien. Notk., Wm.), *bigonda* (Tat., Otrf.), *begonda* (Notk.), pl. *bigondun* (Tat., Otrf.), *begondon* (Notk.); др.-фриз. *-gunde*, форма явно перестроенная, заимствование из нижнефранкского?] || слав. praes.sg. 1. **сьно*, 2. **сьнеши*, 3. **сьнеть*; антск. praes.sg. 1. **насьно*, 2. **насьнеши*, 3. **насьнеть* > склав. 1. praes. sg. **насьно*, 2. **насьнеши*, 3. **насьнеть* — а. п. b [ср.-болг. (вост.) *зачьнѣ* Зогр. А6¹⁹а, *зачь|неши* Зогр. Б33¹⁴⁻¹⁵а, *Начьнем же* Зогр. А68²³б; (зап.: Ис.Сир.) *начьнѣ* 27а, 149б, *начьнѣ* 94б, *начьнѣ* 161а, 162а, *и начьнѣ* 120б, *и начьнѣ* 127а, *и начьнѣ|тсѣ* 127а, но 2.sg. *начьнеши* 149а; ст.-хорв. XVII в. (Ю. Крижанич) *Начнем* Гр. 215, *ne nácznem* Пол. 106, *nácznut* Пол. 78, *i nácznut* Пол. 78, *Ѣчнем* Гр. 91¹, *úcznem* Пол. 79] || Braune: 305; Collitz: 49–56; Kroonen: 178; Seebold: 224–225; Дыбо 2000: 253–262; Bugge, Beitr.: 12: 405 f.; Zubatý, Arch. f. slav. Phil. 16: 386 f.; Зализняк 2019: 326–327; Zupitza, Germ. Gutt.: 116; Brugmann–Delbrück I²: 335, II¹: 1007.

К структуре корня: и.-е. корень **ken-/ *kñ-* 'entspringen, beginnen': -e-степень огласовки — гот. praes. I.sg. *du-gimma* Phlp 1:18 (< **gen-u-ō*); -o-степень огласовки — гот. praet. 3.sg. *du-gann* Mt 11:7 (< **gán-u-a*); нулевая ступень огласовки — гот. praet. 3.pl. *du-gimmin* Mc 2:23 (< **gñ-u-ñt*); слабый претерит: sg. **þe-gūn-þa*, pl. **þe-gūn-þun* [ср.-англ. *begūde*; др.-в.-нем. I.sg. *pigunda*, *bigunda*, *begunda*; pl. *bigondun*, *begondon*] || Kroonen: 178; Seebold: 224–225; Feist: 128; Bugge, Beitr. 12: 405 f.; Zubatý, Arch. f. slav. Phil. 16: 386 f.; Зализняк 2019: 326–327; Pok.: 563–564 (**ken-* 'frisch hervorkommen (vielleicht eigentlich: sprießen), entspringen, anfangen; auch von Tierjungen und Kindern'); LIV₂: 351 (**ken-* 'entspringen, beginnen').

4. герм. praet.I.sg. **unþa* (< и.-е. **ñ-to-*): [др.-исл. praet. I.sg. *unna* (< **unþa*); др.-англ. *ūde* (L: *zūide*, inf. *zīwunna*); др.-в.-нем. praet. *onda*] || греч.

ónínni ‘nütze, helfe, erfreue jemandem’, *med. ónínnaici* ‘habe Nutzen, Vorteil, erfreue mich’. || балто-славянское сближение отсутствует; прагерманское ударение накоренное, таким же оно, по-видимому, было у первичного *-t*-причастия от данного глагола, так как зафиксированная форма др.-исл. *unnat* так же относится к ожидаемому **unnr*, как перестроенная форма *kunnat* к первичному *kunnr* || Noreen: 351; Sievers–Brunner: 385; Braune: 332; de Vries: 635; Seebold: 79–80; Orel: 435; Pok.: 47; Дыбо 1961: 32.

К структуре корня: и.-е. корень **onə-/ *ənā-* ‘genießen’ (в ларингалистической интерпретации: **h₃en_h₂-/ *h₃neh₂-*): *-o*-ступень — герм. praet. sg. **anna*: [praet. sg. др.-исл. *ann*; др.-англ. *an*; др.-в.-нем. *an*]; нулевая ступень — герм. praet. pl. **unni* ~ part. **-unnen*: [praet. pl. др.-исл. *unno*; др.-англ. *unnen*; др.-в.-нем. *unnen*; part. др.-исл. *unna*; др.-англ. *(ge)-unnen*; др.-в.-нем. *-unnen*] ‘gewähren; lieben’; слабый претерит: герм. **unþa*: [др.-англ. *ūde*; др.-в.-нем. *onda*] || Seebold: 79–80; Pok.: 47 (*√*ans-* ‘wohlgeneigt, günstig sein’); LIV₂: 302 (*√*h₃neh₂-* ‘genießen’).

Mobilia-oxuytona (насуффиксальное ударение)

1. герм. praet.1.sg. **munda* (< **mun-þá* < и.-е. **m_ṛ-tò-*): [гот. praet. 1.sg. *munda* Phlp 2:25; ind. 3.sg. *ga-munda* Mt 26:75, Mc 14:72; 1.pl. *ga-mundēdum* Joh 12:16; 3.pl. *mundēdun* Joh 13:29; др.-исл. praet. *munda*; др.-англ. *munde* (inf. исл. *tunu* ‘sich erinnern’)] || лит. *miñti*, praes. 1.sg. *menù* ‘gedenke, rate’, part. praet.pass. *prà-mintas* ‘benannt’; лит. *minėti* ‘вспоминать’: др.-лит. praes. 1.sg. **miniù*; praes.3. **mini* ~ **nè mini*; *ràmini* DP 80³⁹, 81³; слав. **mъñiti*, praes. 1.sg. **mъñiŕ*, 3.sg. **mъñiŕb* [part.praes.act. nom. sg.f. мнѣщй Сб. № 151, 47^{8a} (Дыбо 2000: 573)], мнѣщйм же Зогр. Б54^{18b} (Дыбо 2000: 573), оумни сѣ Толк.пс. 34а (Дыбо 2000: 605); помнй Косм. 1 18а]; слав. **po-męnŕti*, praes. 1.sg. **pò-męnŕ*, 3.sg. **po-męnŕeb*; [praes. 1.sg. помѣнж Пс. № 309, 46а, нѣ помѣнж Сб. № 758, 11б (Дыбо 2000: 325), 3.sg. помѣнж Пс. Кипр., 103б (Дыбо 2000: 325), й нѣ помѣнѣтсѣ ib., 75а; aor. 1.sg. помѣнж Сб. № 151: 93^{26a}, 176^{11a}, 3.sg. помѣнж Зогр., А13^{24b}, А13^{26b}, part. praet. pl. помѣнжвше Соф.сл. 32^{3b}; *-l*-part. помѣнжаль Пс. № 309, 100б (эти и др. примеры см. Дыбо 2000: 325–326, 573, 605, 646, 647)] || Feist 343, 366; Noreen: 351; Sievers–Brunner: 387; Seebold: 345–347.

К структуре корня: см. стр. 76, под 1. герм. **munda*-z part. ‘считавшийся’. Германское распределение огласовок: *-o*-ступень огласовки — praet.-praes.sg. герм. **mana-* [гот. *man* (nicht belegt), др.-исл. *man*; др.-англ. *man*; др.-сакс. *far-man*]; нулевая ступень огласовки — praet.-praes.pl. герм. **muni-*: [гот. 2.pl. *ga-muniþ*; др.-исл. *mu-no*]; part.praet. герм. [гот. *ga-munan*; др.-англ. *ge-munon*; др.-сакс. *far-munan*]; слабый претерит — герм. **munda-*: [гот. *munda*; др.-исл. *munda*; др.-англ. *munde*].

1а. герм. praet.1.sg. **munda* < **mun-þá* < и.-е. **m-ṛ-tò-* [др.-исл. praet. ind. 3.pl. *mundu* Hárbarðsljóð: 27, 1, opt. 1.sg. *munda*, *mynda* Hávamál: 99, 3 [inf. *tunu* ‘werden’]; но это, по-видимому, та же основа, которая разо-

брана в первом пункте данного раздела, лишь получившая специфическое значение || Noreen: 351.

2. герм. praet.1.sg. **skuldā* (< **skul-þā* < и.-е. **skl-tō-*): [гот. praet. 3.sg. *skulda* Mt 11:14; 1.pl. *skuldēdum* Lc 17:10; 3.pl. *skuldēdun* Joh 7:39; opt.praet. 3.sg. *skuldēdi* Skeir. 3:6; 2.pl. *skuldēdeiþ* 1Kor 5:10; др.-исл. *skulda, skilda*; др.-англ. *sceolde, scolde*; *sculdon*; др.-фриз. *skolde*; др.-сакс. *scolda*, др.-в.-нем. praet. *scolta*, с конца X в. *solta*] || лит. inf. *skelėti* 'быть должным', praes. 3.sg. *skėli*: др.-лит. part.praes. act. *skelqs* у Н. Даукши: *škelqs* nom.sg. m. DP 359³⁹, *škelqs* nom.sg. m. DP: 481₃₄; прусск. part. praes. *skel-lānts* 'schuldig' [*schkel*]/*lānts* nom.sg. m. III, 41₁₆₋₁₇ 'schuldig'; *škelants* nom.sg. m. III, 67₁₉ 'schuldig'; *škelāntei* nom.pl. m. III, 37₇ 'schuldig', *škel-lāntai* nom.pl. m. III, 87₁₆ 'schuldig'] || Noreen: 351–352; Sievers–Brunner: 386; Braune: 333; Vries 663; Seebold: 405–406.

К структуре корня: см. стр. 76, под 2. герм. **skuldā-z*. Германское распределение огласовок: -о-степень огласовки — praet.-praes. sg. герм. **skala-*: [гот. *skal*; др.-исл. *skal*; др.-англ. *sceal*; др.-фриз. *skel*; др.-сакс. *scal*; др.-в.-нем. *scal*]; нулевая степень огласовки — praet.-praes. pl. герм. **skulu-*: [гот. *skulun*; др.-исл. *skolo*; др.-англ. *sculon*; др.-фриз. *skelen*; др.-сакс. *sculun*; др.-в.-нем. *sculum*]; слабый претерит — герм. **skuldā-*: [гот. *skulda*; др.-исл. *skylda*; др.-англ. *sceolde*; др.-фриз. *skolde*; др.-сакс. *scolda*; др.-в.-нем. *scolda*].

3. герм. praet.1.sg. **wuldā* (< **wul-þā* < и.-е. **wul-tō-*): [гот. ind. 3.sg. *wilda* Mc 6:19, 1.pl. *wildēdum* 1Th 2:8; 2.pl. *wildēduþ* Skeir. 6:5, 3.pl. *wildēdun* Mc 9:13, conj. 2.pl. *bildēdeiþ* Mt 11:14; др.-исл. praet. ind.1.sg. *vilda, vildo, vildak* Helgakviða Hundingsbana II: 15:2; др.-англ. *wolde*; др.-фриз. (вост.) *welde*, (зап.) *wolde*; др.-сакс. *wolda* и *welda*, др.-в.-нем. praet. *wolta* (реже *welta*), opt. *wolti*] || слав. **velěti*, praes. 1.sg. **vèljo*, 3.sg. **velitъ* [др.-русск. (Чуд.) praes.sg.1. **вѣлю** 21¹, 2. **вѣлиши** 75³; совр. русск. *велѣть*, praes.sg.1. *велю́*, 3. *велѣ́т*; укр. *велі́ти*, praes.sg.1. *велю́*, 2. *велі́ш*; схрв. praes.sg.1. *вѣљу*, *вѣлѣм*; схрв. диал. черногор. praes.sg.1. *vèlju* 'говорю', 3. *vèlī* 'говорит' [Vermeer 1984: 347, сноска 15] словен. *velěti*, praes. 1.sg. *velim*] || Noreen: 360–361; Sievers–Brunner: 392–394; Seebold: 551–552; Фасмер I: 288.

К структуре корня: и.-е. корень **uelā-*, **ulē(i)-* 'wollen, (aus)wählen' (в ларингалистической интерпретации: **uelh₁-/ uleh₁(i)-*): -e-степень огласовки: др.-инд. ved. conj. akt. aor. *varat*; авест. aor. *-varətā* 'wählt'; лат. *volō, voluī, velle* 'хотеть, желать', praes. 3.sg. *vult*, 2.pl. *vultis*; conj. *uelim*; др.-лит. *vėlmi*; слав. **velěti*, praes. 1.sg. **vèljo*, 3.sg. **velitъ* || Seebold: 551–552; WH II: 828–829; Pok.: 1137 (√**uel-/ *ulei-/ *ulē(i)-* 'wollen, wählen'); LIV: 677–678 (√**uelh₁-* '(aus)wählen').

4. герм. praet.1.sg. **būdā* (< **bū-þā* < и.-е. **bhua-tō-*): [др.-англ. praet. *būde*; др.-в.-нем. praet. *būta* (inf. *būan* 'bauen, wohnen')] || лтш. *būt* (прерывистая интонация указывает на подвижную акцентную парадигму или, что то же, на рецессивную акцентную валентность корня); ср. положение в славянском, в котором подвижная а. п. охватывала все формы ин-

финитивной основы: supin *bŷt̥ ~ inf. *bŷti; aor. *bŷx̥ ~ 2–3 p. bŷst̥; -l-part. *bŷl̥, f. *bŷl̥ā, n. *bŷlo [др.-серб. aor. 3.sg. **нѣ выстѣ** Ев.-апр. 108б, **нѣ бѣ** Ев.-апр. 30а, **ѣ бѣ** Апост. 39а, 39б, 52б, **събысть сѣ** Ев.-апр. 301б; -l-part. русск. *был, нѣ был*, f. *была, не была*, n. *было, нѣ было*, pl. *были, нѣ были*; ср.-болг. **был вѣ** Зогр. E361²²а; др.-русск. **прѣвѣ** Хрон. 67, 127, **вѣвшѣ** Чуд. 9¹, 70², 165³, nom.pl. **нѣ вѣвшѣ** Чуд. 67¹] || Sievers–Brunner: 339; Braune: 316; Seebold: 124–125; Дыбо 2008: 577–578.

К структуре корня: см. стр. 59, под 5. герм. *bŷja-.

Итак, рассмотрено 4 претерита с первичным накоренным ударением и 4 с ударением на суффиксе, чем исчерпываются претериты из данной группы, у которых можно установить место акцента или, точнее, акцентный тип. О месте акцента мы говорим лишь потому, что закон Вернера был установлен сравнением с древнеиндийским. Три баритонированных имеют надежные баритонированные соответствия в балто-славянском (все возражения против третьего не могу принять как серьёзные¹¹). Четвертый пример не имеет этимологии. Все четыре окситонированных претерита соответствуют балто-славянским глаголам подвижной акцентной парадигмы.

Таким образом, рефлексы старого акцентного распределения, сохранившегося в раннем прагерманском в первичных глаголах с корнями на нешумные, сохранились в глагольной системе в позднем прагерманском, по-видимому, в основном лишь у претерито-презентных глаголов, что и отражается в рефлексации их слабого претерита. Можно, однако, надеяться, что это же распределение акцентных парадигм отразилось в какой-то степени и у первичных *j*-praesentia, что отмечается в ряде древневерхненемецких форм слабого претерита, в основном глоссовых и относительно редких: 1. др.-в.-нем. *ir-sjū(i)da [ind.praet. 1.sg. *ersuoda* Gl II: 712,16; conj. praet. 3.pl. *siunidin* Gl II: 763,6 (Raven I: 320–321 (ошибка в № стран. 763))], ср. др.-исл. praet. 1.sg. *séþa* (inf. *sýia ‘nähen’, part.praet. *sóþr*, *séþr*); 2. др.-в.-нем. *sæ(i)da [ind. praet. 1.pl. *gesaidun* Gl II: 698,3Fп (Raven I: 167)]; 3. др.-в.-нем. *knada [conj. praet. 3.sg. *bichnadi* I 20,2 (Raven I: 93)].

Итак, получен следующий список германских основ с выявленной акцентной характеристикой.

I. Германские глагольные основы «баритонированной» а. п.

1. герм. *spŷwa- ~ *sp(i)ŷja- ‘плевать’ (< и.-е. *spŷo- ~ *sp(i)ŷ-jo-), part. *spŷwen- (< и.-е. *spŷ-en-) || лтш. *spļaiūt*, praes. 1.sg. *spļaiju*, praet. 1.sg.

¹¹ Наиболее серьезное из них возражение Штрайтберга (Streitberg 1943: 125–126), но оно не учитывает то, что речь идёт о глаголе, который в бесприставочном употреблении не зафиксирован, и основано на устаревшей акцентологической концепции, которая должна быть, естественно, изменена с учетом балто-славянской акцентологической реконструкции.

spļāvu (плавная интонация указывает на неподвижную а. п.); слав. praes. sg. 1. **pjūjō*, 3. **pjūjety* (< **pīāu-je-*); inf. **pjevāti* (< **pīāu-ā-*) 'плевать' (а. п. а).

2. герм. **siūja* 'шить' (< и.-е. **siū-jo-*) ~ др.-в.-нем. praet. **ir-siū(i)da* (< и.-е. **siū-to-*) || лтш. *šūt*, praes. 1.sg. *šūnu* (плавная интонация указывает на неподвижную а. п.); слав. praes.sg. 1. **šjō*, 3. **šjety* (< **siū-je-*); inf. **šīt²* (< **siū-tei-*) (а. п. а).

3. герм. **sāja* 'сеять' (< и.-е. **sē-ē-*) ~ part. **sājen-* (< и.-е. **sē-en-*), др.-в.-нем. praet. **sā(i)da* (< и.-е. **sē-to-*) || лит. *sėti*, praes. 1.sg. *sėju*, praet. 1.sg. *sėjau*, лтш. *sēt*, praes. 1.sg. *sėju* (плавная интонация указывает на неподвижную а. п.); слав. praes.sg. 1. **sějō*, 3. **sějety* (< **sē-ē-*); inf. **sējati* (< **sē-ā-*) (а. п. а).

4. герм. **wāja* 'веять' (< и.-е. **wē-ē-*) || слав. praes.sg. 1. **vějō*, 3. **vějety* (< и.-е. **wē-ē-*); inf. **vējati* (< и.-е. **wē-ā-*) (а. п. а).

5. герм. **spōja* 'удаваться' (< и.-е. **spō-jo-*) || лтш. *spēt*, praes.sg. 1. *spēju* 'vermōgen, können' (плавная интонация указывает на неподвижную а. п.); слав. praes.sg. 1. **spějō*, 3. **spějety* (< и.-е. **spē-je-*); inf. **spēti* (< и.-е. **spē-tei-*) 'поспевать' (а. п. а).

6. герм. **bōja* 'хвастать(ся)' || слав. praes.sg. 1. **bājō*, 3. **bājety*.

7. герм. **knāja* 'знать' (< и.-е. **gnē-ja-*) ~ др.-в.-нем. praet. **knada* || слав. praes.sg. 1. **znājō*, 3. **znājety* (< **gnō-je-*); inf. **znāt²* (< **gnō-tei-*) (а. п. а).

8. герм. **rūja* 'выщипывать шерсть' || слав. praes. 1.sg. **rŷjō*, 3.sg. **rŷjety*.

9. герм. **mōja* 'мучить, отягощать' (< **mā-jo-*) ~ старый part. praet. **mōþa* 'утомленный' (< и.-е. **mā-to-*) || слав. **mājati*, praes.sg. 1. **mājō*, 3. **mājety* 'утомлять, доставлять страдания, отягощать'.

10. герм. **fauja* (< и.-е. **rouəjo-*) ~ **fūje-/fū-na-* 'гноить; гнить' (< и.-е. **pū-jo-/pū-nā-*) ~ part. *fūjen-* (< и.-е. **pū-je-en-*) 'гноить; гнить' || лтш. *pūt*, praes. 1.sg. *pūstu*, praet. 1.sg. *puvu* intr. 'faulen, modern' (плавная интонация указывает на неподвижную а. п.); лит. *pūti*, praes. 1.sg. *pūvù* (т. е. *pūvù*), *pūnù* и *pūstu*, praet. 1.sg. *pūvai* 'гноить; тлеть, разлагаться'.

11. (?) герм. **bāja* 'согреть компрессом' (если < **gthhr-ē-je-*). || слав. **grēti* 'to warm', praes.sg. 1. **grějō*, 3. **grějety*.

12. герм. **rōja* 'грести' (< и.-е. **rō-jo-*) ~ part. praet. *rōjen-* (< и.-е. **rō-je-en-*) || лтш. *ir̃t*, praes. 1.sg. *iŗu*, praet. 1.sg. *iŗu* 'грести' (плавная интонация указывает на неподвижную а. п.).

13. герм. **dāuja* < **dhāu-ja-* ~ part. praet. **dāujen-* (< и.-е. **dhāu-je-en-*), старый part. praet. **dāuþa* 'умерший' (< и.-е. **dhāuto-*) || слав. каузатив **davīti*, praes. 1.sg. **davjō*, 3. sg. **dāvīt̃* — а. п. б.

14. герм. **kun-na-* (< и.-е. **g^hn-na-*) ~ praet. 1.sg. **kunþa* (< и.-е. **g^hn-to-*) ~ старый part. praet. **kunþa* 'известный' < и.-е. **g^hn-to-* || лтш. *pažīt* 'kennen', *zīt* (praes. 1.sg. *zīstu*, praet. 1.sg. *zīnu*) 'kennen, wissen, wahrnehmen, ver-

muten'; прусс. *erfin̄nimai* III, 65₁₈₋₁₉ '[wir] erkennen' (= **erz̄nimai*), *Pofin̄nimai* III, 29₅ (< **poz̄nimai*, с передвижением ударения по закону Кортландта < **poz̄inimai*).

15. герм. **kanja-* (< **g̃onæjo-*), старый part.praet. **kun̄þa-* 'рожденный' (< и.-е. **g̃h̄to-*) || лат. *nātus* 'рожденный', гал. *Cintu-gnātus* 'Erstgeborener', ср.-валл. *gnawi* 'Verwandter' (< и.-е. **g̃h̄tos*) ~ лат. *nā-scor* (< и.-е. **g̃h̄-skōr*) 'werde geboren' (ср. [Дыбо 1961b: 22]); др.-лат. *genō* 'erzeuge, bringe hervor'.

16. герм. **blāja-* < **blēja-* ~ adj. **bālþa-* 'смелый, отважный' (< и.-е. **bh̄olto-*) || лат. *flō, flāvī, flātum, flāre* 'дуть, веять; раздувать' (< и.-е. **bh̄l̄-je-, *bh̄l̄-tu-*) || при традиционной этимологии акцентологические отношения сохраняются: лит. *báltas* 'weiss'; лтш. *bal̄ts* 'weiß, sauber, rein' ~ лит. *bálti*, praes.1.sg. *baliù* и *bálstu*, praet.1.sg. *balaī* 'белеть, становиться белым; бледнеть'; ст.-лтш. **bālt*, praes.1.sg. *bālstu*, praet.1.sg. *balu* 'bleich, blaß werden', то, что в латышском глаголе была плавная интонация, поддерживается тонированием производного глагола: лтш. *bālēt* 'бледнеть'.

17. герм. **hala-* (< **kola-*) ~ **hālþa-* adj. 'sich neigend, vorwärts geneigt' (< и.-е. **kolto-*), **hūlþa-* adj. 'hold, geneigt, zugetan' (< и.-е. **k̄l̄to-*) || лит. *kalti* 'anlehnen', praes. 1.sg. *kaliù*; но первичная акцентная парадигма этим сближением не устанавливается.

18. герм. **welda-* (< и.-е. **uel(ə)-dh-o-*) ~ praet. 1.sg. **wūlþa* (< и.-е. **ūl̄-to-*) || доминантность глагольного корня **vold-* в праслав.: ср.-болг. (ст.-тырн.) **ВЛАДЕТЪ** Зогр. Б49^{30а}; др.-серб. **НЕ ВЛАДЕТЬ** Апост. 183^{18-19а}, **НЕ ВЛАДЕТЬ** Апост. 183^{20-21а}, доминантность глагольного корня в древнелитовском: part.praes. pass. gen.pl. *wēldamy* DP 484⁴³, *wēldamy* DP 4⁹ 'поданных', доминантность глагольного корня в прусском: ср. прусс. производное **wēldniks* (в сочетании *sendraugi wēldnikai* nom.pl. m., III 93₈ „Miterben, bendraveldėtojai“) при рецессивном корне должно было иметь ударение ~ на суффиксе *-nik-*, так же ведёт себя и вариант этого корня с *-o-*огласовкой: прусс. *Wāldnikans* acc.pl. m., III 91₅ „Könige, valdovus“.

19. герм. **genna-* (< **h̄én-n-*) 'начать' ~ praet. 1.sg. **be-h̄un-þa* (< и.-е. **bhe-k̄h̄-to-*) || слав. praes.sg. 1. **čьnò*, 2. **čьneši*, 3. **čьnetь* (антск. praes.sg. 1. **наčьnò*, 2. **наčьneši*, 3. **наčьnetь* > склав. 1. praes.sg. **наčьnò*, 2. **наčьneši*, 3. **наčьnetь*) — а. п. б. || Зализняк 2019: 326–327.

20. герм. **unna-* ~ praet.1.sg. **inþa* (< и.-е. **h̄-to-*): др.-исл. *unna* 'liebte', др.-англ. *ūþe*, др.-в.-нем. *onda* || греч. praes. *ὀνίνημι* 'nützte', *ὀνίνησαι* 'genieße', 'приносить пользу, быть полезным, оказывать услугу или помощь, помогать'; мед. 'извлекать пользу, получать выгоду или помощь, испытывать удовольствие', аог.мед. *ἀλ-ὀνητο* 'genoß', *s-аог. ὀνησα* 'nützte'. || Дыбо 1961: 32.

21. (?) герм. **lēwjan-* 'to deliver, betray': [гот. *lēwjan, fra-lēwjan* 'verraten', *ga-lēwjan* 'überliefern, verraten'; др.-англ. *lāwan* 'verraten'; др.-в.-нем.

gi-lāwen, fir-lāen ‘verraten’]; герм. **līja-*: [др.-исл. *līja* ‘schlagen, (mürbe) klopfen, entkräften’, ‘разбивать, размягчать; ослаблять’, норв. диал. *lua* ‘ab-rinden’, ‘отдирать кору, ослабляя её лёгким постукиванием’]. лит. *liautis*¹, praes. 3. *liāunasi*, praet. 3. *liōvėsi* ‘переставать; прекращаться’; лтш. *ļaiūt*, praes. 3. *ļaiļ*, praet. 3. *ļāva* ‘позволять; отдаваться’; прусск. *au-lāut* ‘умереть’; слав. **lūnōti* ‘пропадать, гибнуть, умирать’, **lėvīti* ‘ослаблять’ [укр. диал. угор. *полівіти*, praes. -*влю*, -*віши* ‘облегчиться кому, сделаться лучше кому’. *Йому полівіло* (Гринченко); *лівіти* ‘nachgeben, nachlassen’, *полівіти кому* ‘Erleichterung, Linderung verschaffen, nachgeben, nachlassen’ (Желеховский)]; || Гринченко III: 284; Желеховский I: 407; II, 689; Kroonen: 335; Stang Lex.: 32; Trautmann BSW: 161; ЭССЯ 15: 28; 16: 176; Pok.: 666 (√**lē(i)-* ‘nachlassen’); 681–682 (√**leu-/leuə-* и √**lēu-/ləu-* ‘abschneiden, trennen, loslösen’), 962 (√*(*s*)*leu-* ‘schlaff’); LIV₂: 399 (√**leh₁-/leh₁(u)-* ‘nachlassen, (zu)lassen’), (√*(*s*)*lēu-*), 565 (√**sleh₁b-* ‘schlaff sein’)].

II. Германские глагольные основы «окситонированной» а. п.

1. герм. **đajja-* ‘кормить грудью’ || слав. **dojīti*, praes. 1.sg. **dōjǫ*, 3.sg. **dojītъ*; лтш. *dēt, dēju* ‘сосать’.

2. герм. **kīūjja-* ~ **k(i)ēwawa-* ‘жевать’ [др.-исл. praes. sg. *tygg*, pl. *tyggjum*; praet. *togg*, pl. *tuggo*] ~ part. **kīūjjen-* (<и.-е. **gīūjēn-*) || слав. praes.sg. 1. **žūjǫ*, 3. **žujětъ* (<**žīēu-je-*); inf. **ževāti* (<**žīēu-ā-*) ~ praes.sg. 1. **žьvǫ*, 3. **žьvětъ* (<**žīūu-e-*); inf. **žūiti* (<**žīēu-tei-*)² ‘жевать’ (а. п. с).

3. герм. **hāwawa-* ‘ковать’ ~ part. **hāwwen-* (<и.-е. **kōwēn-*) || лтш. *kaūt* ‘бить, колотить’ (прерывистая интонация указывает на подвижную а. п.); слав. praes.sg. 1. **kōvǫ*, 3. **kovětъ* (<**kəu-e-*); inf. **kūiti* (<**kāu-tei-*) ~ praes.sg. 1. **kūjǫ*, 3. **kujětъ* (<**kāu-je-*); inf. **kovāti* (<**kəu-ā-*) ‘ковать’ (а. п. с).

4. герм. **būjja-* ‘жить, прожить’ ~ praet.1.sg. **būdā* <**bū-ǰā* (<и.-е. **bhuə-tó-*) || лтш. *būt* (прерывистая интонация указывает на подвижную а. п.); ср. также слав., который сохраняет подвижную а. п. в формах инфинитивной основы: supin **býtъ* ~ inf. **býti*; aor. **býxъ*, 2–3 р. *býstъ*, -l-part. **býlъ*, f. **býlā*, n. **býlo*; формы презенса в славянском образуются от других основ.

5. герм. **flēwawa-* ~ **flāwawa-* ‘мыть, стирать, полоскать’ || лтш. *plāūst* ‘замачивать для стирки’ (вторично вместо **plāūt*, ср. лит. *plāuti*, диал. *plāusti* ‘полоскать’) (прерывистая интонация указывает на подвижную а. п.); в славянском наблюдается контаминация двух глагольных корней, при этом оба образовывали основы а. п. с: слав. praes.sg. 1. **plōvǫ*, 3. **plovětъ* (<**pləu-e-*); inf. **pluti* (<**plōu-tei-*) ‘плыть’; лучше сохранились количественные отношения и отражается первоначальная семантика (‘затопить, залить’) в слав. **plýnǫ*, **plynětъ* (<**plū-ne-*); inf. **plynōti* (<**plū-neu-tei-*) ‘затопить’) (а. п. с).

6. герм. **þrēwwa-* ~ **þrāwwa-* ‘угрожать’ || слав. praes.sg. 1. **trǫvǫ*, 3. **trǫvětь* (< **trǫy-e-*); inf. **trǫiti* (< **trōu-tei-*) ~ praes.sg. 1. **trūjǫ*, 3. **trujětь* (< **trōu-je-*); inf. **trǫvāti* (< **trǫy-ā-*) (а. п. с).

7. герм. **snēwwa-* ‘спешить’ ~ старый part.praet. **snūđā-* ‘schnell’ < **snūþā-* (< и.-е. **snautó-*) || слав. praes.sg. 1. **snǫvǫ*, 3. **snovětь* (< **snǫy-e-*); inf. **snūti* (< **snēu-tei-*) ~ praes.sg. 1. **snūjǫ*, 3. **snujětь* (< **snēu-je-*); inf. **snovāti* (< **snǫy-ā-*) (а. п. с).

8. герм. **brūjja-* ~ **brēwwa-* ‘кипеть, клубиться; варить (пиво)’ ~ part.praet. **brūjjen-* (< и.-е. **bhrūjēn-*) || слав. **brujāti*, **brujīti*, praes. 1.sg. **brūjǫ*, 3.sg. **brujětь*, **brujītь*.

9. герм. **hñijja-* ~ **hñēwwa-* ‘бить, толкать; толочь’ ~ part.praet. **hñijjen-* (< и.-е. **knūjēn-*) || лтш. *knūdēt²* ‘ein wenig jucken’ (Sackenhäusen) Endz.–Haus. I, 634 (от ст.-лтш. *knūt*, *knūst*, praes. 1.sg. *-du* или *-stu*, *-du* ‘jucken’; прерывистая интонация указывает на подвижную а. п.); слав. **knūti*, praes. 1.sg. **knǫvǫ* ~ **knovāti*, praes. 1.sg. **knūjǫ* (отмечен только в лехитских языках; подвижный акцентный тип реконструируется на основании соотношения основ).

10. герм. **blēwwa-* ‘драть (бить человека)’ ~ part.praet. **blūwwen-* [гот. part.praet. *usbluggwans*] (< и.-е. **bhlūjēn-*) || лтш. лтш. *blāūt*, praes. 3. *blāuj*. praet. 3. *blāva* ‘орать, кричать’ (< *‘драть горло’), прерывистая интонация указывает на подвижную а. п.; слав. praes. 1.sg. **bljǫjǫ*, 3.sg. **bljujětь*, inf. **bljǫvāti* ‘рвать, блевать’, а. п. с.

11. герм. **man* ~ **muna* ~ praet.1.sg. **mundā* < **mun-þā* (< и.-е. **mŋ-tó-*) ~ старый part.praet. **mundā-z* ‘считавшийся’ < **munþā-* (< и.-е. **mŋtó-*) || др.-лит. praes. 1.sg. **miniù*; praes.3. **mini* ~ **nè mini* (*pāmini* DP 80³⁹, 81³); слав. **mnīti*, praes.1.sg. **mñjǫ*, 3.sg. **mñitь*.

12. герм. **skulan*, 1.sg. *skal*, 1.pl. *skulum* ~ praet.1.sg. **skulđā* < **skul-þā* (< и.-е. **skl-tó-*) ~ part.praet. **skulđā-z* ‘виновный, должный’ < **skulþā-* (< и.-е. **skl-tó-*) || лит. inf. *skelēti* ‘быть должным’, praes. 3.sg. *skēli*: др.-лит. part.praes. act. *skelq̄s* у Н. Даукши: *skelq̄s* nom.sg. m. DP 359³⁹, *skelq̄s* nom.sg. m. DP 481³⁴; прусск. part. praes. *skellānts* ‘schuldig’ [*schkel*]*lānts* nom.sg. m. III, 41₁₆₋₁₇ ‘schuldig’; *skellants* nom.sg. m. III, 67₁₉ ‘schuldig’; *skellāntei* nom.pl. m. III, 37₇ ‘schuldig’, *skellāntai* nom.pl. m. III, 87₁₆ ‘schuldig’].

13. герм. **frījā-* < **frījā-* [с сокращением долгого гласного и с потерей геминии *-j-* после прагерм. *-ī-*], part. **frīdā-z* ‘geschont; lieblich, schön’ < **frīþā-*.

14. герм. **kala-* ~ старый part.>adj. **kaldā-z* ‘kalt’ < **kalfā-* < и.-е. **ǵol-tó-*.

15. герм. [гот. *trauan* ~ praet. 3.sg. *trauaida* ~ *ga-trauan* ‘trauen’ ~] старый part. > adj. **trūdā-z* ‘geliebt, traut’ < **trūþā-* (< и.-е. **drū-tó-*) || лит. *drūtas* (3), диал. *drūktas* (3) ‘крепкий, сильный’; лтш. *drūkts* ‘resns, stiprs, za’uoksnis, plecīgst’ (U s. v. *gedrungen, stammhaft*) Būga RR III: 206 ~ прусск.

druwīt 'glauben', praes.sg. 1. *as druwē*, 2. *tou druwēse*, 3. *kas druwē*; pl. 1. *mes druwēmai*, 2. *iouš druwētei*, 3. *druwē (drūwien acc.sg. от druwis 'вера')*.

16. герм. **sī-na-* 'sich sehnen' (и.-е. **sī-nā-*) ~ старый part. > adj. **sī-đā-z* 'herabhängend' (< и.-е. **sī-tō-*) || лат. part. *situs, -a, -um* 'gelegен'; ср.-ирл. *sith-* 'lang', валл. *hit, hŷd* 'Länge, Weile' (< **sīto-* < и.-е. **sītō-*; ср. Дыбо 1961b: 11, № 4) ~ лат. *sinō, sīvī, situm, sinere* 'lasse zu, gestatte' (и.-е. $\sqrt{*sē(i)}$ - 'ablassen, nachlassen, loslassen').

17. герм. **ala-* ~ старый part. > adj. **aldā-z* 'alt' < **alpā-* (< и.-е. **altō-*).

18. герм. **skama-* 'schämen' ~ part.praet. **skandā-z* 'beschämt' < **skanpā-*.

19. герм. **wēlja-* (< **uēljā-*?) ~ praet.1.sg. **wuldā* < **wul-pā* (< и.-е. **uļ-tō-*) || слав. **velĕti*, praes. 1.sg. **vĕlĭq*, 3.sg. **velĭtŭ* (а. п. с).

20. герм. **būjja-* ~ **būwwa-* (или **bēwwa-*) ~ praet.1.sg. **būdā* < **bū-pā* (< и.-е. **bhū-tō-*) || лтш. *būt* (прерывистая интонация указывает на подвижную акцентную парадигму или, что то же, на рецессивную акцентную валентность корня); ср. положение в славянском, в котором подвижная а. п. охватывала все формы инфинитивной основы: supin **bŭtŭ* ~ inf. **bŭti*; аог. **bŭxъ* ~ 2–3 п. *bŭstŭ*; -l-part. **bŭlŭ*, f. **bŭlā*, n. **bŭlo*.

Очевидно, что вся эта группа глаголов (40 основ) — это глаголы с корнями на нешумные (т. е. оканчивающиеся на гласные [-ĕ, -ō, -ū, -ī] и сонорные [-i, -u, -l, -n, -m]), поскольку в пересекающихся частях множеств основы показывают один тип акцента, можно заключить, что все глаголы, входящие в соответствующее подмножество, имели одну акцентную парадигму. Это подтверждается также тем, что оба подмножества объединяются балто-славянскими соответствиями, имеющими одинаковые акцентные парадигмы. Баритонированная группа имеет 16 балто-славянских акцентологических соответствий, окситонированная — 14 балто-славянских соответствий. Это количественно согласуется с балто-славянской реконструкцией акцентовки этого типа глаголов, где баритонеза устанавливается сближением 12 славянских и латышских основ, а подвижность — 16 славянских и латышских основ (см. Дыбо 2000: 330).

Итак, эта группа глаголов сохраняет основные черты парадигматической акцентной системы. Это очевидно из парадигматического выбора акцентных типов в пересекающихся частях множеств финитных форм и причастий (отглагольных прилагательных) и жесткого соответствия с балто-славянской акцентной системой. Такого соответствия не могло бы обнаружиться, если бы германская и балто-славянская системы были устроены различным образом.

Наиболее вероятная интерпретация просодического состояния прагерманского в этой группе глаголов — наличие акцентной системы из двух колонных акцентных парадигм: баритонной и окситонной. Естественно думать, что окситонная — результат развития подвижной, как это произошло, например, в русском языке.

2. Германский: акцентно-зависимые различия в первичных глаголах с корнями на шумные

Сложнее показать наличие парадигматического выбора акцентных типов у прагерманских глаголов с корнями на шумные. Конечно, наличие правила Клуге и исключений из него уже указывает направление поиска. Все сомнения относительно этого правила основывались на неустановленности позиции, в которой оно действовало, и если эти позиции будут установлены, подобные сомнения естественно отпадают.

Теория Ф. Клуге (см. Kluge) по формулировке К. Бругмана заключается в следующем: «В прагерманском в эпоху индоевропейского ударения перед ударным гласным группы согласных в интервокальной позиции: *bn, dn, gn*, возникшие из и.-е. *pn, phn, bhn, tn, thn, dhn, kn, khn, ghn*, перешли в *b̄b, d̄d, ḡg*, а затем в *bb, dd, gg*; в той же позиции также группы *bn, dn, gn* (пра-и.-е. *bn, dn, gn*) перешли в *bb, dd, gg*. Эти удвоенные звонкие смычные затем одновременно с праиндоевропейскими простыми звонкими перешли в *pp, tt, kk*. После согласных и долгих гласных геминаты упрощались» (Brugmann: 383–384).

Ниже я привожу лишь примеры, в которых акцентный тип устанавливается на основании балто-славянских соответствий.

А. п. с производных *-n*-глаголов с ассимилированными суффиксами.

1. герм. **bakka-* < **bagnl-* [др.-сакс. *bachan* (= *bakkan*) 'backen' (Tiefenbach 2010: 18), др.-в.-нем. *backan*, ср.-н.-нем. *backen* ~ др.-англ. *bacan* (*bocon, bacen*) 'backen'; др.-в.-нем. *bahhan, bacchan* (*bachu; buoh, buochum; gibachan*) 'backen'] ~ слав. **bagnoti*, praes. 1.sg. **bāgnō*, 3.sg. **bagnět* [укр. *прибагну́ти* 'иметь, возыметь странное желание' (Желеховский), *забагну́ти* 'пожелать, захотеть' (Гринченко) (*бага́* 'жажда'), *збагну́ти*, praes. 1.sg. *-ну́*, 2.sg. *-не́ш* 'постичь, проникнуть, догадаться, вспомнить' (Гринченко); 'осягти, зрозуміти', чеш. *bahnouti* 'жаждать, вожделеть' (Kott I: 42), (*bagnul*: *bagl*), словц. диал. *bahnút* 'pragnąć, pożądać, tęsknić'; польск. диал. *zabagnąć* (*się*) 'zachcieć (*się*)'] ~ слав. **bažēti*/**bažati*, praes. 1.sg. **bāžīo*, 3.sg. **bažīt* [русск. диал. *бажéть*, *-жэ́*, *-жэ́ишь* 'очень хотеть, сильно желать чего-нибудь (иногда из прихоти); просить' Вят., Яросл., Костр. (СРНГ 2: 46); ?укр. *бажéти* (~ *бажéти* ~ *багтí* ~ *багчí*), praes. sg. 1. *бажéу*, 2. *бажéи* (Гринченко, Желеховский); польск. диал. малопольск. praes. 3.sg. *zabazy še*, praet. (-l-part. n.) *še ... zabaz'iuo, zabazyuo mi še* (Kucała: 238)]; греч. *φάγω* 'rösten, braten', *φωγνύω*; герм. **bakan*, **bōka*, **bōkun*, **bakenn* || Seebold: 87–88; Frisk II: 1057; Фасмер I: 104–105; ЕСУМ I: 111 s. v. [*багтí*]; Pok.: 113.

К структуре корня: и.-е. корень **bhōg-/ *bhæg-* 'rösten, braten; wünschen (heißer Wunsch)' (в ларингалистической интерпретации: **b^hoh₁g-/ *b^hh₁g-*): греч. *φάγω* 'rösten, braten', *φωγνύω*; герм. **bakan*, **bōka*, **bōkun*, **bakenn* (др.-англ.

bacan, –, *bōcon*, *bacen* ‘backen’; др.-в.-нем. *bachan*, –, *buochun*, *gibachan*). Обычно рассматривается как расширение корня **bhē-/ *bhō-* ‘wärmen, rösten’. || Seebold: 87–88; Frisk II: 1057; Фасмер I: 104–105; ЕСУМ I: III s. v. [*басми*]; Pok.: 113 ($\sqrt{*bhē-/ *bhō-}$ ‘wärmen, rösten’); LIV₂: 70 ($\sqrt{*b^hegh-}$ ‘braten, rösten’).

2. герм. **hikka-* < **hignl-* [др.-исл. *hikka* ‘schluchzen, stark nach Luft schnappen, unsicher und ruckweise treten, wie mit einem kranken Fuß, stotternd und mit Wiederholungen sprechen’, норв. диал. *hikka*, швед. *hicka* ‘schlucken haben’, датск. *hikke* ‘einen Schlucken haben’; н.-нем. *hikken*, нидерл. *hikken* ‘einen Schluckauf haben, schluchzen’ ~ ср.-н.-нем. *hīgen* ‘schwer atmen’; др.-англ. *hīgian* ‘спешить, напрягаться, стремиться’] ~ слав. **sīgnoti*, praes. 1.sg. **sīgno*, 3.sg. **sīgněť* [русск. *сигнуть*, praes. 1.sg. *сигну́*, 3.sg. *сигне́т* ‘прыгнуть’; блр. *сігануць, -ну́, -не́ш, -не́, -не́м, -няце́, -нуць*]; др.-инд. *sīghrás* ‘скорый, быстрый’ || Фасмер III: 618; Mayrhofer III: 349; Wissmann: 174; Pok.: 542–543.

К структуре корня: и.-е. корень **kēi-gh-* ‘schnell, heftig’, ср. **kēi-bh-* ‘schnell, heftig’ (в ларингалистической интерпретации: **keh₁i-g^h-/ *k₁h₁i-g^h-*): др.-инд. *sīghrás* ‘скорый, быстрый’; ср.-н.-нем. *hīgen* ‘schwer atmen’; др.-англ. *hīgian* ‘спешить, напрягаться, стремиться’ || Фасмер III: 618; Mayrhofer III: 349; Wissmann: 174; Pok.: 542–543 ($\sqrt{*kēi-gh-}$ ‘schnell, heftig’).

3. герм. **likka-* < **lignl-* [др.-англ. *liccian* ‘лизать’, др.-сакс. *likkōn*, др.-в.-нем. *leckōn* ‘лизать’ ~ гот. *bilaigōn* ‘облизывать’; др.-в.-нем. *lehhōn* ‘лизать’] ~ слав. **lьznōti*, praes. 1.sg. **lьznō*, 3.sg. **lьzněť*² [русск. *лизнуть*, praes. 1.sg. *лизну́*, 3.sg. *лизне́т*; для первичной ступени вокализма ср. схрв. *lāznu₁iti*, praes. 1.sg. *lāznēm* ‘лизнуть’; словц. *liznút* ‘лизнуть, -ēt’ ~ словц. *lizat* ‘лизать’]; лит. *liēžti*, praes. 1.sg. *liežū* ‘лизать’, интенсив: *laižyti*, praes. 1.sg. *laižai* ‘лизать’; лтш. *lāzīt* ‘лизать’; лат. *lingō*, *līnxi*, *līnctum*, *lingere* ‘lecke’; греч. *λείχω* ‘лижу’, *λχνεύω* ‘лакомлюсь, облизываю’, ‘belecke’; армян. *lizem*, *lizanem* ‘лижу, пожираю’ || Pok.: 668.

К структуре корня: и.-е. корень **leiğh-/ *liğh-*, **sleiğh-* [только в др.-исл. *sleikja* ‘lecken’ и ср.-в.-нем. *slecken* ‘schlecken, naschen’, ‘лизать, лакать; лакомиться’]: полная *-e-* ступень: др.-инд. praes. 3.sg. *rēdhi* ‘leckt’, греч. *λείχω* ‘lecke’; лит. praes. 1.sg. *liežū*; нулевая ступень: др.-инд. praes. 3.sg. *lihati* ‘leckt’, *-to*-part. *á-rīdha-* (RV 314 [= IV, 18], 10c) ‘ungeleckt’ || Grassmann: 107; Mayrhofer III: 72–73; Frisk II: 102; Pok.: 668 ($\sqrt{*leiğh-/ *sleiğh-}$ ‘lecken’); LIV₂: 404 ($\sqrt{*leiğh-}$ ‘lecken’).

4. герм. **lukka-* < **lugnl-* [др.-исл. *lokka* ‘locken’; др.-англ. *loccian* ‘locken, besänftigen’, ср.-н.-нем. *locken*, др.-в.-нем. *locchōn*, ср.-в.-нем. *locken* (swv.) ‘locken, anlocken, verlocken mit ap.; mit dat. durch Lockspeise, Lockruf anlocken’ ~ гот. *liugan* ‘лгать’; др.-исл. *ljūga*; др.-англ. *lēogan*, др.-фриз. *liāga*; др.-сакс. *liogan*, др.-в.-нем. *liugan*, *leogan* ‘lügen’] ~ слав. **lьgnōti*, praes. 1.sg. **lьgnō*, 3.sg. **lьgněť* [русск. *прилгнуть*, praes. 3.sg. *прилгне́т*; болг. диал. *облъгна* ‘излъжа се’ (Долновардарско), *лѡгнувам* ‘лъжа по малко, поизлъгвам; измамвам някого да падне’ (Широколышки район); схрв. (XVI в.) *lāgnuti*, *-ēm* (в народной песне: *Lagneš mi, lagneš*

kako huda glava, ja ti sam hrabra i od prijē znala RJA V, 873); словен. *leg-nūti* (*kedar megne, tedaj legne* С. (Pl. I, 506)) ~ болг. praes. 1.sg. *лѣжа*, диал. *лѣга* 'лѣжа', 2.sg. *лѣжеш* (Бургаско); схрв. *lāgati*, 1.sg. *lāžem* (Vuk); словен. *lāgāti*, 1.sg. *lāžem* 'lügen'; лит. *lūgōti* 'bitten', лтш. *lūgt*, praes. 3. *lūdž*, praet. 3. *lūdža* 'просить; приглашать' Андронов 2002: 104; *lūgt*, praes. 1.sg. *lūdžu* 'bitten, flehen, beten' Mühl.–Endz. II: 517–518 || Orel: 250; Fraenk. I: 389; Feist: 334 и 333; БЕР 3: 537, 542; Skok II: 260.

К структуре корня: и.-е. корень **leugh-/lough-/lugh-* 'lügen': все три ступени аблаута в герм.: praes. **leug-a-*, praet. sg. **laug-a-*, praet. pl. **lug-um*, part. praet. **lug-en-*: [гот. praes. 1.sg. *liuga* и 2.pl. opt. *liugaif*; др.-исл. *liuga*, *ló* (*loug*), *lugo*, *logenn* 'lügen, и belügen'; др.-англ. *lēoƷan*, *lēaƷ*, *luƷon*, *loƷen* 'lügen, täuschen'; др.-фриз. *liaga*, –, *legon*, – 'lügen'; др.-в.-нем. *liogan*, *loug*, *lugun*, *gilogan* 'lügen, belügen'], -i-основа: герм. **lug-i-z* m. 'Lug, Trug': [др.-англ. *lyge*; др.-в.-нем. *lug*]; слав. **lǫžь*, gen.sg. **lǫži*: [схрв. *lāж*, gen.sg. *lāжи*; словен. *lāž*, gen.sg. *lāži*] — а. п. с; вариант а. п. *b*, по-видимому, результат контаминации со слав. **lǫžja*, где вторичная доминантность закономерна. || Seebold: 336–337; Feist: 334; Orel: 242; Фасмер II, 512; Plet. I: 503; Pok.: 686–687 (*√*leugh-* 'lügen'); LIV₂: 417 (*√*leugh-* 'lügen').

5. герм. **skurpa-* < **skubnā* [др.-исл. *skoppa* 'zum Narren halten', норв. *skurpa* 'schütteln, stoßen', др.-швед. *skoppa*, *skurpa* 'springen, laufen' ~ гот. *af-skiuban* 'отвергать'; др.-в.-нем. *scioban* 'двигать'; др.-исл. *skūfa* 'двигать, толкать'] ~ слав. **skubnōti*, praes. 1.sg. **skūbnō*, 3.sg. **skubnětъ* [русск. диал. *субнуть* СРНГ 38: 172, 171; укр. *субнўти*, *бнў*, *нєш* (однокр.) 'дернуть, рвануть' (Гринченко); чеш. *škubnouti* 'дернуть'; схрв. *skūbnuti*, praes. 1.sg. *skūbnēm* и аналогичные варианты в других славянских языках объясняются законом Хирта при специфической позиции действия закона Винтера¹² ~ русск. диал. *субтїи*, *субстїи*, *суксть*, praes. 1.sg. *субь*, 3.sg. *субѣт*, укр. *субстїи*, praes. 1.sg. *субу*, 2.sg. *субєш*, (угор.) *субтїи*, praes. 1.sg. *субу*, 2.sg. *субєш* (Гринченко); болг. диал. praes. 1.sg. *субъ*, 3.sg. *субє* (Банат), praes. 1.sg. *субѣм* (Ново Село Видинско); схрв. *сукїстїи*, praes. 1.sg. *сукїбѣм* 'рвать, дергать, щипать'; словен. *skūbsti*, praes. 1.sg. *skūbem* 'rupfen'; др.-чеш. *skūsti*, praes. 1.sg. *skubu*; ст.-польск. (XVI–XVII в.) *skuść*, praes. 1.sg. *skubę*; итеративная основа с «метатонией»: укр. praes. 1.sg. *сублїо*, 3.sg. **сублє*; болг. *субя*; польск. *skubać*, praes. 1.sg. *skubię*; лит. *skūbti*, praes. 1.sg. *skumbū*, praet. 1.sg. *skubaĩ*; *skubėti*, praes. 1.sg. *skubū* 'спешить, торопиться'; др.-инд. *ksubhnōti*, *ksubhnāti* 'качается, дрожит' || Wissmann: 177–178; Orel: 339, 346; Mühl.–Endz. II, 556; Fraenk. II: 820; Фасмер III: 660; Skok III: 274; RJA XV: 359, 379–380; Bezlaj III: 250–251; Pok.: 625; LIV₂: 372.

К структуре корня: и.-е. корень **k^(u)seubh-* (только индоиран.) или **skeubh-* (только герм.-балтослав.): гот. *af-skiuban*, *af-skauf*, –, – 'verstoßen'; др.-англ. *scūfan* (*scēofan*), *scēaf*, *scufon*, *scofen* 'schieben, verschieben, fördern'; др.-фриз. *skūva*

¹² См. Dybo 2002: 394–395.

'schieben'; др.-в.-нем. *skioban, skaub*, —, *giskoban* 'schieben'; лит. *skūbti*, praes. I.sg. *skumbū*, praet. I.sg. *skubaū*; *skubėti*, praes. I.sg. *skubū* 'спешить, торопиться' (таким образом, балто-слав. показывает подвижный акц. тип, т. е. рецессивность корневой морфемы); др.-инд. ved. (ŚB) *vi kṣōbhantē* 'schwanken', др.-инд. ved. (AV) *vi cukṣubhē* 'ist ins Schwanken geraten'; авест. jav. *xšufsqn* 'werden zittern'; слав.: [польск. *chybać* 'schwankeln, hin- und herbewegen'] ~ др.-инд. *kṣubhnōti, kṣubhnāti* 'качается, дрожит'; || Seebold: 416–417; Fraenk. II: 820; Фасмер III, 660; Pok.: 625 (*kseubh-*); 955 (*skeub-, skeubh-, skeug-*); LIV: 372 ($\sqrt{*k^{2s}seub^h}$ - 'ins Schwanken geraten'), 560 ($\sqrt{*skeub^h}$ - 'stoßen, schieben').

6. герм. **strukka-* < **strugn-* [др.-англ. *stroccian* 'streichen', ср.-в.-нем. *strocken* 'straucheln' ~ др.-исл. *strúka* 'streichen, abwischen, schnell gehen, sich formachen'; др.-в.-нем. *strūchon*] ~ слав. **strugnōti*, praes. I.sg. **strūgnō*, 3.sg. **strugnětъ* [русск. *стрѹгнѹть, сострѹгнѹть*, укр. *стрѹгнѹти, -гнѹ*, *-нѹш* 'стругнуть, убежать, умчаться; ударить; отпалить, выкинуть, отколоть шутку, коленец'; схрв. *strūgnuti*, praes. I.sg. *strūgnēm*; словц. *struhnúť* k *strúhat'* (význ.: *hovor. expr. 'robit', vytvárat'*); *hovor. expr. 'udriet', seknúť, f'asnúť*]; *hovor. expr. 'hodit', šmarit'* ~ др.-русск. **СТРЪГАТИ**, praes. I.sg. **СТРЪЖЮ** [praes. 3.pl. **СТРЪЖЖѢ** Ион. 68, **да построѹгнѹтѹ** Биб. 77; praes. I.pl. **СТРЪЖЕМЪ** Трав. 245], совр. русск. *стрѹгать, стрѹгать, -аю*; схрв. *stīrjgati*, praes. I.sg. *stīrjgēm*, словен. *strūgati*, praes. I.sg. *strūžem*; чеш. *strouhati*, словц. *strúhat'*; греч. *στρεύουσαι* 'изнуряюсь, обессилеваю, чахну, худею' || Wissmann: 185; de Vries: 554; Orel: 381; Фасмер III: 779; Зализняк 2014: 264; Зализняк 2019: 305; Frisk II: 807–808; Pok.: 1028–1029; LIV₂: 605 ($\sqrt{*streug-}$ 'streichen, abwischen').

К структуре корня: и.-е. корень **streug-* 'streichen, abwischen': все три ступени аблаута представлены в герм. *streuk-a-* [др.-исл. *strúka* (-*va*, -*ja*), praet. sg. *strauk*, praet. pl. *struko*, part. praet. *strokkenn* 'streichen, abwischen, dahineilen', 'entkommen']; греч. *στρεύουσαι* 'обессилеваю, чахну'; лтш. *strūgāns* Bauske 'streifig', *strūglāns* Dunika 'streifig' (удлинение *-u-* по закону Винтера, при доминантной валентности корневой морфемы?); слав. **strugnōti*, praes. I.sg. **strūgnō*, 3.sg. **strugnětъ* [схрв. *strūgnuti*, praes. I.sg. *strūgnēm* при словц. *struhnúť*, praes. 3.sg. *struhne*] при слав. *strъgati*, praes. 3.sg. **strūžetъ* [схрв. *stīrjgati*, praes. I.sg. *stīrjgēm*, словен. *strūgati*, praes. I.sg. *strūžem*; чеш. *strouhati*, словц. *strúhat'*] с метатонией: $\acute{>} \tilde{}$, последнее показывает, что производящий глагол имел подвижную а. п. при акутированном корне по закону Винтера, т. е. корневая морфема была рецессивной || Seebold: 478–479; Mühl.–Endz. III, 1097; KSSJ: 429; Дыбо 2000: 386–387; Pok.: 1028–1029 ($\sqrt{*streug-}$); LIV₂: 605 ($\sqrt{*streug-}$ 'streichen, abwischen').

А. п. с производящих глаголов (по славянским и латышским показаниям акцентуационных валентностей глагольных корней)

7. герм. **brukka-* < **brgn-* [ср.-н.-нем. *brocken* 'brocken, zerbröckeln, einbrocken', ср.-в.-нем. *brocken* 'brocken, zerbröckeln' ~ гот. *brikan*, praes.

3.sg. *brikiþ* 2Тим 2:5, praet.3.sg. *brak* Gal 1:23, —, *brukans* (в part.praet. sg.n. *ga-brukanō* 1Кор 11:24) ‘κλάω, brechen, πορθεῖν, zerstören’; др.-англ. *bre-can*, *bræc*, *bræcon*, *brocen* ‘brechen, zerbrechen, zerreißen, zerstören, unterdrücken; einbrechen, erobern; bersten’, др.-фриз. *breka*, *brek*, *brēkon*, *bretsen*; др.-сакс. *brekan*, *brak*, *brākun*, *-brokan*; др.-в.-нем. *brehhan*, *brah*, *brāhun*, *gibrohhan* ~ лтш. *brāzt*, praes. 1.sg. *brāžu*, praet. 1.sg. *brāzu* Кт., Кл., Салисб., Эрмес, Муремоис, Стокм., С., ПС., Варкхоф (но также *brāzt* Вл., Бэххоф, Грүнвальд); лит. *brōžti* ‘wischen, streifen, hingleiten, kratzen, schrammen, ritzen’, ‘царапать’; интенсив: *brōžyti*; *brėžti*, praes. 1.sg. *brėžiu* ‘чертить; царапать; чиркать’ (в балтийских языках удлинение по закону Винтера); лат. *frangō*, *frēgī*, *frāctum*, *frangere* ‘breche, zerbreche; beuge, erschüttere’; др.-инд. (RV X: 68, 1c) *giri-bhrāj-* ‘aus Bergen hervorbrechend’ || Wissmann: 181; Feist: 105–106; Orel: 55; WH I: 541; Holthausen AEEW: 33, 35; Mühl.–Endz. I: 329; Karulis: 143; Fraenk. I: 60, 56–57; Pok.: 165.

К структуре корня: и.-е. корень **bhreg-* ‘brechen, krachen’: все три ступени аблаута представлены в герм. praes. **brek-a-*, praet. sg. **brak-*, praet. pl. **brēk-un*, part. praet. **bruk-en-* ‘brechen’: [гот. *brikan*, praet. sg. *brak*, —, part. praet. *brukans* ‘kämpfen’, ‘brechen’ (Brot), ‘zerstören’; др.-англ. *bre-can*, praet. sg. *bræc*, praet. pl. *bræcon*, part. praet. *brocen* ‘hvorbrechen’; ‘brechen, stürmen’; др.-фриз. *breka*, praet. sg. *brek*, praet. pl. *brēkon*, part. praet. *bretsen* ‘brechen, verwirren, reißen’; др.-сакс. *brekan*, praet. sg. *brak*, praet. pl. *brākun*, part. praet. *-brokan* ‘brechen, zer-, zerreißen’; др.-в.-нем. *brehhan*, praet. sg. *brah*, praet. pl. *brāhun*, part. praet. *gibrohhan* ‘brechen, zer-, teilen, öffnen’]; лит. *brėžti*, praes. 1.sg. *brėžiu* ‘чертить; царапать’; лтш. *brāzt*, praes. 1.sg. *brāžu*, praet. 1.sg. *brāzu* ‘brausen, toben, lärmnen’; а также лтш. *bežt*, *bežtu*, *bežtu* ‘reiben, scheuern, wund reiben’; прерывистая интонация свидетельствует о рецессивности корневой морфемы || Seebold: 132–135; Mühl.–Endz. I: 329, 280; Karulis: 143, 123; Pok.: 133 (135) (**bher-* ‘ritzen, schneiden, reiben, spalten’; балт. **bherg-*), 165 (**bhreg-* ‘brechen, krachen’); LIV₂: 91 (**b^hreg-* ‘brechen’), 80 (**b^herH-* ‘mit scharfem Werkzeug bearbeiten’).

8. герм. **bukka-* < **bugnā-* или **bugnā-* [др.-фриз. *buckia* ‘sich bücken’; ср.-нидерл. *bocken*, *bucken* ‘sich bücken, unterwerfen’, нидерл. *bukken*; ср.-н.-нем. *bucken* ‘sich neigen, sich bücken’; ново-нем. *bucken* ‘bücken, sich beugen, sich krümmen, sich schmiegen’, ср.-в.-нем. *bocken* ‘niedersinken, (tr. und refl.) niederlegen’ ~ гот. *biugan* ‘κόμπτειν’, ‘beugen’; др.-в.-нем. *biogan* ~ др.-сакс. *būgan* ‘sich beugen’, ср.-н.-нем. *būgen* ‘beugen, verbiegen, sich biegen, ausweichen’; др.-англ. *būzan*] ~ лит. *būgti*; лтш. *būgnums* Мар. ‘Angst, Furcht’ (Endz.–Hauz. I, 257); др.-инд. *bhujāti* ‘biegt’; греч. *φεύγειν*; лат. *fugere* ‘fliehen’ || Wissmann: 1932: 171, 181; Feist: III; Holthausen AEEW: 39; Orel: 61; Fraenk. I: 62, 37; Pok.: 153.

К структуре корня: и.-е. корень **bheugh-* ‘biegen’: все три ступени аблаута представлены в герм. **beug-a-* ‘biegen’: [гот. *biugan*, —, —, *bugans* ‘beugen’, refl. ‘sich biegen’; др.-исл. —, —, *bugo*, *bugenn* refl. ‘sich biegen’; др.-англ. *būzan*, *bēaz*, *buzon*, *bozen* ‘sich biegen, sich neigen, sich unterwerfen’; ‘nachgeben, zurückwei-

chen, fliehen'; 'sich wenden, sich abwenden'; др.-сакс. —, *bōg*, —, *-bogan* 'sich neigen'; др.-в.-нем. *biogan*, —, —, *gibogan* 'biegen, beugen']; лтш. *būgnums* (специфические условия действия закона Винтера): прерывистая интонация в латышском свидетельствует о рецессивности корневой морфемы. || Seebold: 110–111; Pok.: 152–153 ($\sqrt{*bheug-}$, $*bheugh-$ 'biegen'); LIV₂: 85–86 ($\sqrt{*b^h eug^h}$ 'sich biegen').

9. герм. $*\text{h}\eta\text{p}\text{p}\text{r}\text{a}$ < $*\text{h}\eta\text{p}\text{b}\text{n}\text{l}$ [др.-исл. *hnippa* 'stoßen, stechen', швед. *nippa* 'coire'; ср.-англ. *nippen* 'kneifen, klemmen'; нем. диал. (бав.) *nipfen* 'nippen' (нем. *nippen* 'пить маленькими глотками' из н.-нем.); нидерл. *nippen* 'nippen'] ~ лит. *knibti*, praes. 1.sg. *knimbù*, praet. 1.sg. *knibaũ* (praes. < $*\text{knibn}\text{l}$); лтш. *kniēbt*, praes. 1.sg. *kniēbju*, praet. 1.sg. *kniēbu* 'kneifen, zwicken'; лтш. *knaibīt* 'wiederholt kneifen, zukneifen'; греч. *κνίπτω*, *σχνίπτω* 'schaben, schneiden, kneifen' || Wissmann: 174; Orel: 180; Mühl.–Endz. II: 248; Karulis: 409–410; Pok.: 559, 561, 562.

К структуре корня: и.-е. корень $*\text{knēibh-}/*\text{knībh-}/*\text{knōibh-}$ 'kneifen, zwicken' (в ларингалистической интерпретации: $*\text{kne}_{\text{h}}\text{ib}^{\text{h-}}/*\text{kn}_{\text{h}}\text{ib}^{\text{h-}}/*\text{kno}_{\text{h}}\text{ib}^{\text{h-}}$): -e-степень аблаута в лтш. *kniēbt*, praes. 1.sg. *kniēbju*, praet. 1.sg. *kniēbu* 'kneifen, zwicken'; -o-степень в лтш. *knaibīt* 'wiederholt kneifen, zukneifen'; прерывистая интонация в латышском свидетельствует о рецессивности корневой морфемы; нулевую ступень демонстрирует греч. *κνίπτω*, *σχνίπτω* 'schaben, schneiden, kneifen' || Orel: 180; Mühl.–Endz. II: 248; Karulis: 409–410; Pok.: 559, 561, 562 ($\sqrt{*ken-}$ ~ $\sqrt{*ken\bar{a-}}$ $*keni-/$ $*kenu-$ 'kratzen, schaben, reiben' ~ $\sqrt{*ken\bar{e}-bh-}$ $*ken\bar{a}-bh-$); LIV₂: 365 (? $\sqrt{*kneh-}$ 'schaben, reiben'), 366 (? $\sqrt{*knejd-}$ 'kratzen, stoßen (?)); отклоняются: Pok.: 608 ($\sqrt{*knei-g^{\text{h}}h-}$ ~ $\sqrt{*knei-b-}$ 'neigen, sich biegen'); LIV₂: 365 ($\sqrt{*knejb^{\text{h-}}}$ 'hängen lassen, sinken lassen').

10. герм. $*\text{wippa}$ < $*\text{wibn}\text{l}$ [поздне-др.-исл. *vippa* 'schwingen', исл. *vippa* 'wippen, schwingen', норв. *vippa* 'hin und her laufen, schlingen, flechten', швед. *vippa*, датск. *vippe* 'schaukeln'; ср.-англ. *wippen* 'zittern, mit den Flügeln schlagen'; ср.-н.-нем., ср.-нидерл. *wippen* 'schaukeln'; др.-в.-нем. *wipphōn* 'hin und her laufen' ~ гот. *weipan* 'bekränzen'; ср.-н.-нем. *wīpen* 'schleudern'] ~ лтш. *viēbt* 'sich drehen'; лат. *vibrō*, *-āvī*, *-ātum*, *vibrāre* 'setze in zitternde Bewegung; bewege mich zitternd' || Wissmann: 180–181; Orel: 462; Mühl.–Endz. IV: 433, 652; Karulis: 1156; WH II: 780; Pok.: 1132.

К структуре корня: и.-е. корень $*\text{ueib-}$ 'drehen; sich drehend, schwingend bewegen': герм. $*\text{weip-a-}$ 'winden': [гот. *weipan* 'bekränzen' (только praes. pass. 3.sg. *weipada*); praet. sg. ср.-в.-нем. *weif ir sin* 'wendete sich hin'; part. praet. pass. др.-в.-нем. *be-wifen* 'unglücklich, verdammt' (= gewunden)]; лтш. *viēbt*, praes. 1.sg. *viēbju* 'sich drehen'; удлинение дифтонга в латышском по закону Винтера; прерывистая интонация свидетельствует о рецессивности корневой морфемы. || Seebold: 546–547; Feist: 559–560; Orel: 462; Pok.: 1131–1132 ($\sqrt{*ueip-}$, *ueib-* 'drehen; sich drehend, schwingend bewegen'), 1132 ($\sqrt{*ueib-}$, *ui-m-b-*); LIV₂: 671 ($\sqrt{*ueip-}$ 'in schwingende/zitternde Bewegung geraten').

11. герм. $*(\text{h})\text{nappa}$ < $*(\text{h})\text{n\bar{a}bn}\text{l}$ [норв. *nappa* 'pflücken, zapfen, schnarpen', др.-швед. *nappa* 'klemmen, kneifen, erhaschen, hastig greifen, pflücken, sammeln, zerpflücken'] ~ герм. $*\text{h}\eta\text{nab-a-}$, praet. sg. $*\text{h}\eta\text{n\bar{o}b-}$ 'abschnei-

den': [др.-исл. *hnafa* 'schneiden', praet. sg. только гапакс: *hnóf* 'schnitt ab' (den Kopf)] ~ лит. *knóbtì* 'клевать', диал. *knabėti*, praes. 3. *knāba* 'lupti bulves'; лтш. *knābt*, ~j, ~a 3 pers. 'клевать', *kniēbt*, ~bj, ~ba 'щипать' Андронов 2002: 92; *knābt*, ~bju, ~bu Schujen, *knābt*² Warkl., *knābt*² Dunika, Wandsen, *knāpt* С. 'picken, hacken' Mühl.–Endz. II, 244; греч. *κνάπτω* 'kratze, kratze auf, walke; zerreiße, zerfleische', '(о шерсти, сукне) чесать или валять; сечь, истязать' || Wissmann: 1932: 187; Seebold: 265; LKŽ VI: 190; Mühl.–Endz. II: 244; Fraenk. II: 277; Karulis: 408–410; Pok.: 558, 561.

К структуре корня: и.-е. корень **knēbh-/ *knabh-* 'отрезать, отрывать' (в ларингалистической интерпретации: **kneh_hb^h-/ *kn_hb^h-*): -e-степень аблаута: греч. *κνήφη* f. 'чесотка, парша'; -o-степень в герм. praet. sg. **h₁nōb-*, по-видимому, та же -o-степень в лит. *knóbtì* 'клевать' и лтш. *knābt*, ~bju, ~bu, с потерей лабиальности гласного в восточно-балтийском перед лабиальным согласным. Нулевая степень в лит. диал. *knabėti*, praes. 3. *knāba* 'lupti bulves'; греч. *κνάπτω* < **κνάφω* 'kratze, kratze auf, walke; zerreiße, zerfleische' и в незафиксированном др.-исл. **hnafa* 'schneiden'. Из латышских просодических данных *knābt*² может быть непосредственно связано с лит. *knóbtì* и отражать, таким образом, пралатышскую прерывистую интонацию (и, следовательно, рецессивность корневой морфемы); лтш. *knābju*, *knābt*, вероятно, вместо старого **knabju* (так Mühl.–Endz. II: 244). || Seebold: 265; LKŽ VI: 190; Mühl.–Endz. II: 244; Fraenk. II: 277; Karulis: 408–409; Pok.: 560 (*√*kenē-bh-/ *kenō-bh-*); LIV₂: 365 (только *√*kneh₂-* 'schaben, reiben' и *√*knejb^h-*).

12. герм. **h₁urpa-* < **h₁ubn₁l* [др.-исл. *hoppa* 'прыгать', 'hüpfen, springen, tanzen', швед. *hoppa*; др.-англ. *hoppian* (2.cl.); ср.-н.-нем. *hoppen*, ср.-в.-нем. *hopfen*, *hupfen*] ~ лтш. *kūpēt*, *kvēpt* || Wissmann: 174–175; Feist: 7; Orel: 198; WH I: 312; Fraenk. I: 325–326; Фасмер II: 235–236.

К структуре корня: и.-е. корень **k₁ēp-/ *k₁ūp-/ *k₁u₁p-* 'sieden': -e-степень первой основы: др.-инд. *sópati* 'bewegt sich, rührt sich', 'двигается, шевелится'; -o-степень первой основы: др.-инд. *kōpáyati* 'erschüttert, erzürnt', 'колеблет, сёрдит'; -e-степень второй основы: лтш. *kvēpt*, praes. 1.sg. *kvēpstu*, praet. 1.sg. *kvēpu* 'qualmen, rauchen, duften, verkommen'; нулевая степень: лтш. *kūpēt*, praes. 1.sg. *kūpu*, praet. 1.sg. *kūpēju* 'rauchen, dampfen, qualmen, stäuben'; прерывистая интонация свидетельствует о рецессивности корневой морфемы. || Feist: 7; Orel: 198; WH I: 312; Mühl.–Endz. II: 337; Fraenk. I: 325–326; Фасмер II: 235–236; Pok.: 596–597 (*√*keu₁p-/ *k₁u₁p-/ *k₁ūp-* ~ *√*keu(e)p-/ *k(e)u₁p-* 'rauchen, wallen, kochen; auch seelisch in Aufruhr, in heftiger Bewegung sein'); LIV₂: 359 (*√*keu₁p-* '(innerlich) beben'), 374 (*√*k₁eh₁p-* 'sieden').

13. герм. **d₁urpa-* < **d₁ubn₁l-* [норв. *durpa* 'tauchen, untertauchen, nicken', др.-швед. *doppa* 'tauchen, untertauchen'; др.-в.-нем. *tupfen* 'lavare', 'waschen, baden, befeuchten' (9. Jh.) ~ гот. *daupjan*; др.-исл. *deypa* 'tauchen'; др.-англ. *dēpan*; др.-сакс. *dōpian*, др.-в.-нем. *toufen* 'taufen'] ~ лит. *dūbtì*, praes. 1.sg. *dumbù* 'hohl werden, einsinken', лтш. *dubt*, praes. 1.sg. *dubu*, praet. 1.sg. *dubu* 'hohl werden, einsinken'; лит. *dūobti* 'aushöhlen', лтш. *dūobt*

Schujen, *duōbt*² Bauske 'aushöhlen, schrapen Daiben; vertieft werden [?] || Wissmann: 186; Karulis: 222–223; Фасмер I: 554; Pok.: 267.

К структуре корня: и.-е. корень **dheup-/ *dhuep-/ *dheup-/ *dhup- ~ *dheueb-/ *dhueb-/ *dheub-/ *dhub-* 'untertauchen': в германском с морфонологической перестройкой представлены все три ступени аблаута первой основы: *-e*-ступень — **dūf-a-* 'tauchen', *-o*-ступень — праet. sg. **dāuf-*, нулевая ступень — праet. pl. **dūf-un-*, part.praet. **dūf-en-*: [др.-исл. *dúfa*, —, —, — + prǫp. '(ins Wasser) drücken'; др.-англ. *dūfan*, праet. sg. *dēaf*, праet. pl. *dufon*, part.praet. *-dofen* 'tauchen'], *-o*-ступень первой основы отражена также в каузативе: герм. **dāupij-an-* [гот. *daupjan*; др.-исл. *deupa* 'tauchen'; др.-англ. *dēapan*; др.-сакс. *dōpian*, др.-в.-нем. *toufen* 'taufen']; в первоначальном виде *-e*-ступень отразилась в adj. герм. **dīupaz* 'глубокий': [гот. *dīups*, др.-исл. *djūpr*, др.-англ. *dēop*, др.-фриз. *dīār*, др.-сакс. *diop*, др.-в.-нем. *tiof*]; *-o*-ступень второй основы отражена в лтш. *duōbs* 'tief, dumpf', лит. *dūobti* 'aushöhlen', лтш. *duōbt*² Bauske 'aushöhlen, schrapen Daiben; vertieft werden', удлинение гласного по закону Винтера; прерывистая интонация указывает на рецессивность корневой морфемы. Нулевая ступень аблаута отражена в балто-слав. **dūbno-*: [лит. *dūgnas* (4); слав. **dъbno*], где отсутствие удлинения из-за специфической позиции запрета действия закона Винтера, подобная позиция и в балт.: лит. *dūbti*, praes. I.sg. *dumbū* (< **dhub-ne-*), случаи отсутствия подобной позиции объясняются морфонологически. || Seebold: 155–156; Feist: 117, 121; Karulis: 222–223; Фасмер I: 554; Pok.: 267–268 (**dheub-* = **dheup-* 'tief, hohl').

14. герм. *wakka-* < **wagnā-* [др.-исл. *wakka* schw.V. 'umhertreiben', 'разгонять'; норв. диал. *wakka*; при норв. *vanka*, швед. *vanka*, нов.-дат. *vanke*; др.-сакс. *wankōn*, ср.-н.-нем. *wanken*, ср.-нидерл. *wanken*, др.-в.-нем. *wankōn* 'wanken, schwanken' ~ др.-англ. *wincian* 'winken'] ~ лит. *vėngti*, praes. I.sg. *vėngiu*, праet. I.sg. *vėngiau* 'избегать (кого-чего), уклоняться, увиливать (от чего)', *vingiūs* 'gekrümmt'; лтш. *vaīgs* 'Wange, Backe, Gesicht, Vorderteil eines Dinges; vorstehende Fläche des Balkens' ~ др.-инд. *vāṅgati* [?] 'hinkt', 'хромает'; лат. *vagus* 'umherschweifend', др.-ирл. *fān* (< **uagno-*) 'schief' || Wissmann: 197; de Vries: 639; Fraenk. II: 1223, 1195 (s. v. *-vanga* 2), 1256–1257 (s. v. *vīngis*), cf. 1271 (s. v. *vōgti*); Karulis 1102; Mayrhofer III: 124.

К структуре корня: и.-е. корень (1)**uā-*/(2)**ue-n-k-*/(3)**ue-n-g-*/(4)**ue-n-gh-* 'biegen, sich krümmen' (1. вариант в ларингалистической интерпретации = **ueh₂-* 'sich wenden' [Pok.: 'auseinander biegen, drehen']): 1. вариант не мог участвовать в порождении герм. *wakka-*; к нему относится хет. *wēhzi*, *wahḫuweni* 'sich wenden' и ряд производных с «расширением» корня: лат. *vārus* 'auseinander gebogen, auswärts gebogen' и производные от последнего; 2. вариант отвергается, так как он противоречит положению, доказываемому всеми предшествующими примерами, ведийские данные свидетельствуют о доминантности этой корневой морфемы: др.-инд. вед. *vāñcati* 'wankt dahin, geht wankend' (< **uēnk₂-e-*), *vacyāte* 'springt, galoppiert'; авест. *vašūietē* 'springt hervor' (< **uṅk₂-i₂-*); др.-инд. вед. *vakrá-* 'krumm, gebogen' (< **uṅk₂-r₂-*); др.-сакс. *wāh* 'Böses'; др.-англ. *wōh* 'krumm, verkehrt' (< **uōnk₂-o-*); 4. вариант зафиксирован в именных образованиях и в этимологиче-

ской литературе часто рассматривается как корень **uenk-*, дающий герм. **-g-* по закону Вернера, что сомнительно (**uenk-*, по приведённым выше данным, доминантная морфема) или должно быть поздним образованием; остаётся 3. вариант, который достаточно документирован и имеет балтийские соответствия: для **ue-n-g-* в германском прослеживаются три ступени аблаута: *-e-* ступень — др.-в.-нем. *winken* 'sich seitwärts bewegen, wanken, schwanken, nicken', *-o-* ступень — praet.sg. *wanc*, и нулевая ступень — в.-нем. диал. part.praet. *gewunken* ~ лит. *vėngti*, praes. 1.sg. *vėngiu*, praet. 1.sg. *vėngiau* 'уклоняться, увиливать', подвижность ударения сохранялась в др.-лит. cnd. 3. *nuwegtū DP 130*¹³⁻¹⁴, cnd. 1.pl. *nuwegtūmbime DP 31*¹⁰ 'избежать, уберечься'; лит. *vingūs* 'gekrümmt'; др.-инд. *vāṅgati* [?] 'hinkt', 'хромает'; лат. *vagus* 'umherschweifend', др.-ирл. *fān* (< **uagno-*) 'schief'; литовский акурт может объясняться законом Винтера, но для объяснения латинского и кельтского рефлексов может понадобиться предположение о первоначальном долгом дифтонге. || Lexers: 323; EWD III: 1937–1938, 1979; Fraenk. II: 1223, 1195 (s. v. *-vanga* 2), 1256–1257 (s. v. *vingis*), cf. 1271 (s. v. *vōgti*); Mayrhofer III: 124; Pok.: 1108–1109 (*√*uā-* 'auseinander', bes. 'auseinander biegen, drehen'); 1134–1135 (*√*uek-/ *ue-n-k-* 'biegen' ~ **uonko-* 'krumm'), 1148–1149 (*√*ue-n-g-* 'gebogen sein'), 1149 (*√*ue-n-gh-* 'gebogen sein?'); LIV₂: 663 (*√*ueh₂-* 'sich wenden'), 682 (*√*ueng-* '(sich) krümmen'), 683 (*√*uenk-* 'sich krümmen, sich biegen').

Здесь не приводятся шесть германских глагольных основ, окситонность которых устанавливается сравнением с латинским сигматическим претеритом.

Глаголы с сохранившимся назальным суффиксом (-n-).

К сожалению, очень мало глагольных основ с суффиксом *-n-*, которые не входят в группу инхоативов. К таковым, по-видимому, относятся следующие основы:

Варьтона.

А. п. а и в производных -n-глаголов.

1. герм. **blēndn-* < **blēndn-* [гот. *af-blindnan* 'erblinden' (только Randglosse *afblindnōdēdun* в Cod.A к *af-daubnōdēdun* 'ἐλωρόθη' 2Кор 3:14) 'erblinden'] ~ [гот. *blinds* adj. 'blind'; др.-исл. *blindr* adj. 'blind'] ~ схрв. *blēnuti*, praes. 1.sg. *blēnēm* 'бессмысленно смотреть; таращить глаза, глазеть', 'starre, staune' (Feist: 98), схрв. *blēnuti*, praes. 1.sg. *blēnēm* 1. intr. Imprf. 'regarder avec stupéfaction; être stupéfait, ahuri', 2. tr. 'stupéfier' HFR: 27; ? лтш. *bleñst* Karls. 'schwach sehen'; акцентологически вторичны: лит. *blēs-tis*, praes. 3. *bleñdžiasi*, praet. 3. *bleñdėsi* 'хмуриться, покрываться тучами'; лтш. *bliēzt*, praes. 1.sg. *bliēžu*, praet. 1.sg. *bliēzu* 'Unsinn reden' (для значения ср. также лтш. диал. из курш. *blēnzt*, *-žu*, *-zu* Bächh., Lös., *blēnst* PS., *bleñst²*, *-žu*, *-du* Dond., Wandsen, Selg., *bleñst* Karls. 'schwach sehen, [kurzsichtig sein U.], kaum wahrnehmen, schauen, lauern, glotzen, gaffen, spähen') || Feist: 4, 176; Orel: 48; Heidermanns: 133–134.

К структуре корня: и.-е. корень **bhlehdh-* 'trübe werden': герм. **blandā-a-* '(hinein-)mischen': [гот. *blandan*, —, —, — (praes. opt. 2.pl. *blandaiþ*) 'sich abgeben mit jemandem; sich vermischen'; др.-исл. *blanda*, *blett*, *blendo*, *blandenn* 'etwas in etwas hineinmischen'; др.-англ. *blandan*, —, —, *blanden* 'mischen; hineinmischen'; др.-сакс. только *giblandan* 'mit etwas (Bösem) vermischt'; др.-в.-нем. *blantan*, *bliant*, —, *giblantān* 'anstiften, zusammenbrauen'; др.-в.-нем. praet.sg. *bliant* может быть результатом развития редуцированной формы, такую форму приводит Бругманн: *baibland* Brugmann–Delbrück II, 3²: 122, 481¹³, приписывая её к гот. *blandan*; но этой формы в готском нет, ни в словаре Feist¹⁴, ни в словаре Streitberg¹⁴; правда, рядом он приводит **gaigagg* к гот. *gaggan*, так что, вероятно, в предшествующем случае он просто забыл поставить звёздочку (и затем на с. 481 добавил ещё одну мнимую форму: *baiblandum*)¹⁴.] ~ схрв. *blēnuti*, praes. 1.sg. *blēnēm* 'starre, staune' (акут в специфической позиции действия закона Винтера); доминантность корневой морфемы **bhlehdh-* подтверждается а. п. *d* девербатива слав. **blōdъ*, gen.sg. **blōdā* (< **blōda*) и а. п. *b* глагола **blōditi*, praes. 1.sg. **blōdī*, 3.sg. **blōdītь*. || Seebold: 115–117; Feist: 4, 98–99, 176; EWD I: 187, 188; Brugmann–Delbrück II, 3²: 122, 481¹³; Fraenk. I: 47–48; Фасмер I: 177, 180; Зализняк 2014: 464, 293; Зализняк 2019: 453, 341; Pok.: 157–158 (√**bhlehdh-* 'fahl, rötlich', 'undeutlich schimmern'; 'trübe sein oder machen', 'irren, schlecht sehen'; 'Dämmerung'); LIV₂: 89 (√**b^hlend^h-* 'trübe werden').

2. герм. **lifna-* < **lifna-* [гот. *af-lifnan* 'übrig bleiben', 'оставаться'; др.-исл. *lifna* 'leben bleiben', 'оставаться'] ~ слав. **lьpnōti*, praes. 1.sg. **lьpnō*, **lьpnetь* [схрв. *lьpnōnūiti*, praes. 1.sg. *lьpnōnēm*; чеш. *lьpnouti* 'присоединять; шлепать; (экспр.) втираться в доверие', *l* и *l. se* 'прилипать, липнуть', чеш. (стар.) *lьpnouti* 'лгнуть', *lьpnouti* и *lьpnouti* 'лгнуть; хвататься (за что-л.)' (Jungmann II: 296); словц. (старое) *lьpnūt'* (при современном *lьpnūt'* 'липнуть; следовать, придерживаться (кого-л., чего-л.), ждать (кого-л., чего-л.)' (SSJ II: 53, 48)] : балт. *li-n-p-a-* (< **lip-n-l-*) 'kleben (bleiben), klebrig sein': [лит. *lьpti*, praes. 3. *lьp̃pa*, praet. 3. *lьpo* 'przylepiac się; zarażać, być zaraźliwym'; лтш. *lьpt*, praes. 1.sg. *lьpu*, praet. 1.sg. *lьpu*] || Feist: 8; Holthausen AEEW: 202; Orel: 245, 247; Mayrhofer III: 60–61, 104; Fraenk. I: 375; Дыбо 2000: 410; Pok.: 670–671.

¹³ Ссылка на эту стр. отсутствует в указателе (Brugmann–Delbrück II, 3²: 1038¹).

¹⁴ Этот казус заставил меня вспомнить другой случай высокой компаративистической профессиональности и текстологической небрежности: в известном и очень полезном словаре E. Seebold'a «Vergl. und etymol. Wörterbuch der germanischen starken Verben» на стр. 195, приводя формы герм. **fet-a-* 'fallen', автор пишет: ае.: Nur Prät. Sg. *gefæt* 'fiel' (vom Samen) im Matthäus-Evangelium 13,7/8 R¹. Конечно, этой формы в данной рукописи нет и на этом месте стоит praet. pl. *gefetum* (= **gefetum*) 'упали (о семенах)'. Если бы указание Seebold'a было правдой, это бы текстологически означало открытие древнеанглийского перевода Евангелия, сделанного непосредственно с греческого текста. Интересно, сколько ещё таких форм без звёздочек блуждает в лингвистической литературе?

К структуре корня: и.-е. корень **leip-* 'kleben bleiben': герм. praes. **-leif-a-*, praet.sg. **-laif-a*, praet.pl. **-lif-un*, part.praet. **-lif-en-*: [гот. **bi-leiban*, praet.sg. *bi-laif*, -, -, др.-исл. *blifa*, -, -, part.praet. *lifinn* 'lebend'; др.-англ. *-lifan*, praet.sg. *-lāf*, praet.pl. *-lifon*, part.praet. *-lifen*; др.-фриз. *-līva*, praet.sg. *-lēf*, -, -, др.-сакс. *-līban* (только praes.); др.-в.-нем. *-līban*, praet.sg. *-leib*, praet. pl. *-libun*, part.praet. *-liban*], таким образом, согласно закону Вернера все формы этого глагола в прагерманском имели накоренное ударение, т. е. корневая морфема была доминантной; славянский подтверждает этот вывод выбором тематического аориста: слав. **lьpnŏti*, praes. 1.sg. **lьpnŏ*, **lьpnety*, aor. 3.sg. **pri-lьpě*: ст.-слав. **прильпе**; др.-рус. **прилпѣ** Т.пс. 66, 10б, 126б, **прилпѣ** Г.пс. 118 (под влиянием ударения презенса также: **прилпѣ** Т.пс. 46б, 110, Г.пс. 187б); тохар. В *lipa* 'blieb übrig'; др.-инд. вед. (AV) *limpāti* 'beschmiert, klebt an, betruget'; лит. *lipiti*, praes. 1.sg. *limpù* 'kleben bleiben' (< балт. **li-n-p-a-* < **lip-n-a-*). || Seebold: 326–327; Feist: 91–92; Gallée: 253 (§ 388); Дыбо 1961 а: 33–38; Зализняк 2011, II: 138, 139; Зализняк 2014: 330, 333; Зализняк 2019: 384, 387; Николаев–Старостин 1982: Pok.: 670–671 (**leip-* 'mit Fett beschmieren, kleben'); LIV₂: 408 (**leip-* 'kleben bleiben').

3. герм. **sufna-* < **sufna-* [др.-исл. *sofna* (*sofnaða*) 'in Schlaf fallen, einschlafen'; ? др.-англ. *swefnian* 'to dream'] ~ слав. **сьрпŏти*, praes. 1.sg. **сьрпŏ*, 3.sg. **сьрпety* [схрв. *ўснуўи*, praes. 1.sg. *ўснѣм*; *заснуўи*, praes. 1.sg. *заснѣм*] || Orel: 385, 392–393; WH II: 561; de Vries: 528; Mayrhofer III: 561; Pok.: 1048.

К структуре корня: и.-е. корень **suep-/sup-* 'einschlafen': герм. **swef-a-* 'schlafen': герм. praes. **swef-a-*, praet.sg. **swaf-a-*, praet.pl. **swēf-un*, part.praet. **suf-en* [др.-исл. *sofa*, praet.sg. *svaf*, praet.pl. *svófo* (*sófo*), part.praet. *sofenn* 'schlafen', 'entschlafen, einschlafen'; 'verschlafen'; др.-англ. *swefan*, praet.sg. *swaf*, praet.pl. *swāefon*, — 'schlafen, tot sein'; ср. ср.-в.-нем. *entsweben* 'einschlafen'], таким образом, согласно закону Вернера все формы этого глагола в прагерманском имели накоренное ударение, т. е. корневая морфема была доминантной; славянский подтверждает этот вывод выбором тематического аориста: aor. 3.sg. **u-сьрě*: ст.-слав. **оуцзпѣ**, др.-серб. **оуспѣ** Апост. 46б⁹, 61б¹⁹; др.-инд. *svāpiti*, *svāpati* 'schlafen', part. *svapānt-* 'ingeschlafen'; pass. *supyatē*, part. *suptá-* 'ingeschlafen' || Seebold: 482–483; de Vries: 528; Pok.: 1048–1049 (**suep-/sup-* 'schlafen'); LIV₂: 612 (**suep-* 'einschlafen').

4. герм. **blikna-* (< и.-е. **bhligna-*): [др.-исл. *blikna* schw. V. 'bleich werden', швед. диал. *blikna*, *blekna*; ср.-англ. *bliknen* 'bleich werden'] ~ герм. **bleik-a-* 'schimmern': [др.-исл. *blikja* 'glänzen, funkeln'; др.-англ. *blican* 'leuchten, schimmern'; др.-фриз. *blīka* 'sichtbar sein'; др.-сакс. *blikan* 'glänzen'; др.-в.-нем. *-blīhan*]: слав. **blьknŏti*, praes. 1.sg. **blьknŏ*, 3.sg. **blьknety* [кашуб. *vablěknŏc*, *zblěknŏc* 'spelznać'; русск. *блѣкнуть*, *-ну*, *-нешь*; укр. (диал.) *блѣкнути*, *-ну*, *-неш*] ~ лит. (LKŽ I: 913) *nu-bliēkti*, praes. 3. *nu-bliēka*, praet. 3. *nu-bliēko* 'plowieć, tracić barwę'; *blỹkšti*, praes. 3. *blỹkšta*, praet. 3. *blỹško* 'бледнеть'; лит. *blukti*, praes. 3. *bluŭka*, praet. 3. *blūko* 'выцветать, линять, блѣкнуть'. || de Vries: 44; Seebold: 118–120; Holthausen

АЕЕВ: 27; Orel: 49; Fraenk. I: 46; Berneker: 63; Фасмер I: 173; ЕСУМ: 207; ЭСБМ I: 365; ЭССЯ 2: 112–113; Sl.prasł.: 274–275; Pok.: 156–157.

К структуре корня: и.-е. корень **bhlei-g-/ *bhli-g-, *bhlei-k-/ *bhli-k-* ‘glänzen’: все три ступени аблаута представлены в герм. **bleik-a-*, praet.sg. **blaik-a*, praet.pl. **blik-un-*, part.praet. **blik-en-* ‘schimmern’: [др.-исл. *blikja*, –, praet.pl. *bliko*, – ‘glänzen, funkeln’; др.-англ. *blican*, praet.sg. *blāc*, praet.pl. *blicon*, part.praet. *blicen* ‘leuchten, schimmern’; др.-фриз. *blika*, –, –, – ‘sichtbar sein’; др.-сакс. *blikan*, –, –, – ‘glänzen’; др.-в.-нем. *-blīhan*, все формы с *er-*, *ver-blichen* ‘erbleichen’] ~ лит. (LKŽ I: 913) *nu-bliēkti*, praes. 3. *nu-bliēka*, praet. 3. *nu-bliēko* ‘блѣкнуть’, ‘plowiec, tracić barwę’; *blykšti*, praes. 3. *blykšta*, praet. 3. *blyško* ‘бледнеть’ (таким образом, вариант корня **bhlei-k-/ *bhli-k-* ‘glänzen’, представленный в балто-славянском оказывается результатом оглушения перед суффиксом **-sto-*, этим же объясняется отсутствие действия закона Винтера в данной корневой морфеме); лит. *blūkti*, praes. 3. *bluñka*, praet. 3. *bluñko* ‘выцветать, линять, блѣкнуть’ (? < **bliunk-a-* < **blinuk-a-* < **blik-nu-*), эту основу, в связи с отсутствием приемлемого внешнего сближения и и.-е. корня, приходится рассматривать как результат специфической перестройки суффиксальной основы в инфиксальную. || Seebold: 118–120; Holthausen АЕЕВ: 27; Фасмер I: 173; ЕСУМ: I: 207, 215; ЭСБМ I: 365; ЭССЯ 2: 112–113; Sl. prasł. I: 274–275; Fraenk. I: 46; Pok.: 156–157, 157 (*/*bhliēg-/ *bhliēg-*, *√*bhleiq-* ‘glänzen’); LIV: 89 (*√*b^hleig-* ‘glänzen’).

5. герм. **blaikna-* (< и.-е. **bhlōigna-*) ‘blass werden’: [др.-исл. *bleikna* schw.V. ‘blass werden’, > нов.-англ. диал. *blaken* (Flom, Infl. 18)] : слав. **blēknōti*, praes. 1.sg. **blēknō*, 3.sg. **blēknetь* [польск. *blaknąć* ‘выцветать, блѣкнуть’; блр. *блякнуць* и укр. *блякнути* ‘линять’, по-видимому, из польского]; лит. *blaikti*, praes. 3. *blaiksta*, praet. 3. *blaikno* ‘blaß, bleich werden, verblassen, Farbe verlieren’ ~ герм. **blaikjan-* ‘to bleach linen’: [др.-исл. *bleikja* ‘to bleach linen’; др.-англ. *blæcan* ‘id.’; ср.-н.-нем. *blēken* ‘to bleached’; др.-в.-нем. *bleihhen* ‘to bleach, to make pale’] ~ герм. **blaika-* adj. ‘pale’ [др.-исл. *bleikr* adj. ‘bleich’; др.-англ. *blāc* adj. ‘id.’; др.-сакс. *blēk* adj. ‘id.’; нидерл. *bleek* adj. ‘id.’; др.-в.-нем. *bleih* adj. ‘id.’, нем. *bleich* adj. ‘id.’] : лит. *blaikštýtis*, praes. 3. *blaikštosi*, praet. 3. *blaikštėsi* ‘sich aufklären, leuchten, von Regenwolken gereinigt werden, ernüchtern’. || de Vries: 44; Seebold: 118–120; Orel: 47; Fraenk. I: 46; Фасмер I: 173; Miklosich Lex.: 14; ЭССЯ 2: 112–113; Pok.: 156–157, 157.

К структуре корня: тот же и.-е. корень **bhlei-g-/ *bhli-g-, *bhlei-k-/ *bhli-k-* ‘glänzen’: в данной группе словоформ он представлен в *о*-ступени аблаута: герм. **blaikna-* ‘blass werden’: слав. **blēknōti* ~ герм. **blaikjan-* ‘to bleach linen’: лит. *blaikštýtis* ‘sich aufklären, leuchten’. Лит. *blaikti*, praes. 3. *blaiksta* ‘blaß, bleich werden, verblassen, Farbe verlieren’, в связи с отсутствием приемлемого внешнего сближения, приходится рассматривать (подобно предшествующему случаю) как результат специфической перестройки суффиксальной основы в инфиксальную. || Seebold: 118–120; Holthausen АЕЕВ: 27; Фасмер I: 173; ЕСУМ I: 207,

215; ЭСБМ I: 365; ЭССЯ 2: 112–113; Sl. prast. I: 274–275; Fraenk. I: 46; Pok.: 156–157, 157 (√*bhlēig-/√*bhlīg-, √*bhleiq- ‘glänzen’); LIV₂: 89 (√*b^hleig- ‘glänzen’).

6. герм. *frehna- < *frehna- ‘спрашивать’: [гот. *fraihnan* ‘fragen’ (praes. 1.sg. *fraihna* Lc 6:9; praet. 3.sg. *frah* Mt 27:11; 3.pl. *frēhun* Mt 7:5; part.praet. *fraihans* Lc 17:20), *ga-fraihnan* ‘erfragen’]; др.-исл. *fregna* [< *frehna, озвончение в сочетании -h̄n- ?; ср. spätwests. *frīnan*, praet. sg. *frān*, praet. pl. *frūnon*, part.praet. *frūnen*], (др.-исл.) praet.sg. *frá*, praet.pl. *frógo*, part.praet. *fregenn*; др.-англ. *friznan* ‘fragen’ [др.-англ. *freznan*, praet.sg. *fræzn*, praet.pl. *fruznon*, part.praet. *fruznen*], др.-сакс. praet.sg. *fragn* ‘frug’, praet.pl. *frugnun* ‘frugen’, part.praet. *gi-fregnan* ‘erfahren’; др.-в.-нем. только part. sg. *gafregin*] || слав. *prošiti, praes. 1.sg. *prošijō, 3.sg. *prošitb² || Seebold: 208–210; Feist: 161–162; Orel: 110–111; Fraenk. I: 647; Pok.: 821–822.

К структуре корня: и.-е. корень *prek- ‘fragen’: основа с суффиксом *-n- первично только презентная, в дальнейшем этот суффикс в западногерманском распространяется в остальные формы и становится суффиксом почти всей глагольной основы. Герм.: север.-вост. — praes. *freh̄n-a-, praet.sg. *frāh̄-a-, praet.pl. *freh̄-un-, part.praet. *freh̄-en-; запад. — praes. *freh̄-n-a-, praet.sg. *frāh̄-(n)-a-, praet.pl. *frūh̄-(n)-un-, part.praet. *freh̄-en- [гот. praes. 1.sg. *fraihna* Lc 6:9; praet. 3.sg. *frah* Mt 27:11; 3.pl. *frēhun* Mt 7:5; part.praet. *fraihans* Lc 17:20; др.-исл. *fregna*, praet.sg. *frá*, praet.pl. *frógo*, part.praet. *fregenn*; др.-англ. *freznan*, praet.sg. *fræzn*, praet.pl. *fruznon*, part.praet. *fruznen*; др.-сакс. praes. —, praet.sg. *fragn* ‘frug’, praet.pl. *frugnun* ‘frugen’, part.praet. *gi-fregnan* ‘erfahren’; др.-в.-нем. —, —, —, только part.praet. sg. *gafregin*]; -o-степень абляута появляется также в итеративе с этой корневой морфемой: слав. *prošiti, praes. 1.sg. *prošijō, 3.sg. *prošitb² а. п. b, демонстрирующем доминантность данной корневой морфемы. || Seebold: 208–210; Feist: 161–162; Orel: 110–111; Fraenk. I: 647; Pok.: 821–822 (√*perk-/√*prek-/√*prk- ‘fragen, biten’); LIV₂: 490–491 (√*prek- ‘fragen’).

Инхоативы, по-видимому, имели неподвижный (баритонный) акцентный тип, независимо от валентности глагольного корня, о чём свидетельствуют случаи образования инхоативов на -nā- от рецессивных глаголов:

1. герм. *brukna- (< и.-е. *bh̄gna-) ‘gebrochen werden’: [гот. *us-bruknan* ‘abgebrochen werden’ ~ гот. *brikan* ‘brechen, zerstören, kämpfen’; др.-англ. *brecan*, др.-фриз. *breka*; др.-сакс. *brekan*, др.-в.-нем. *brechan* ‘brechen’] ~ др.-инд. *giri-bhrāj-* (RV X, 68, 1c) ‘aus den Bergen hervorbrechend’; лат. *frangō*, pf. *frēgī*, *frāctum* ~ лтш. *brāzt*, praes. 1.sg. *brāžu*, praet. 1.sg. *brāzu* Kr., Kl., Salisb., Ermes, Muremois, Stockm., C., PS., Warkhof (но также *brāzt* Bl., Bächhof, Grünwald); лит. *brōžti* ‘wischen, streifen, hingleiten, kratzen, schrammen, ritzen’, ‘оцарапать’; интенсив: *brōžyti*; *brėžti*, praes. 1.sg. *brėžiu* ‘чертить; царапать; чиркать’ (в балтийских языках удлинение по закону Винтера). || Feist: 105–106, 529; Orel: 55; Fraenk. I: 56–57.

К структуре корня: см. стр. 97, под 7. герм. *brukka-.

2. герм. **h̥nīpnl-* < **h̥nībnl-* [гот. **ga-hnīpan* (конъектура вместо *ga-nīpan*, см. Feist: 195) 'sich betrüben', 'печалиться' (только part. praes. *ga-nīpanands* Mc 10:22 'betrübt geworden', 'скорбя'); др.-исл. *hnīpna* 'missmutig sein']: лит. inf. *kni̇bti* 'zusammensinken', 'оседать, обрушиваться', praes. 1.sg. *kni̇mbù*, 'sinke zusammen', praet. 1.sg. *kni̇baũ* ~ др.-исл. *hnīpa* 'mißmutig sein; den Kopf hängen lassen', слаб. глагол с сильным part. *hnīpen* 'herabhängend'; др.-англ. *hnīpian* 'den Kopf hängen lassen'; ср.-нидерл. *nīpen* 'kneifen']: лит. *kneĩbti*, praes. 1.sg. *kneibù* 'клонить, опускать', *kneĩbtis* 'sich beugen, sich versenken, sich vertiefen'; предлагаемое Френкелем сближение с лтш. *kni̇ebt*, *-bju*, *-bu* 'kneifen, zwicken', *kni̇ebtīs* 'zukneifen (die Lippen)', *knaibūt* 'wiederholt kneifen, zukneifen' сомнительно из-за семантики и отклоняется фонетически (просодически). || Feist: 195, 183; Orel: 180; Fraenk. I: 277–278; Mühl.–Endz. II, 248.

К структуре корня: и.-е. корень **kneibh-/kni̇bh-/knoibh-* 'hängen lassen, sinken lassen': *-e*-ступень аблаута в лит. *kneĩbti*, praes. 1.sg. *kneibù* 'клонить, опускать; ковырять' (на рецессивность корневой морфемы могут указывать приставочные формы презенса: *ṅikneibia* 'наклоняет, опускает', *prisikneibia* 'пригибается' LKŽ VI: 214); *-o*-ступень в лит. *knaibyti* 'ковырять'; нулевую ступень демонстрирует: лит. inf. *kni̇bti* 'zusammensinken', 'оседать, обрушиваться', praes. 1.sg. *kni̇mbù*, 'sinke zusammen', praet. 1.sg. *kni̇baũ*. || Kroonen: 235 (**h̥nīpan*); Orel: 180; Mühl.–Endz. II: 248; Pok.: 608 (√**knei-gʰh-* ~ √**knei-b-* 'neigen, sich biegen'); LIV₂: 365 (√**kneibʰ-* 'hängen lassen, sinken lassen'); отклоняется: Karulis: 409–410; Pok.: 559, 561, 562 (√**ken-/kenə-/keni-/kenu-* 'kratzen, schaben, reiben').

3. герм. **h̥warpn-* < **h̥ʷabnl-* ? < **h̥ʷabnl-* [гот. *af-hwarpnan* (intr.) 'ersticken, erlöschen', 'дохнуть, гаснуть' || слав. **кырѣти*, praes. 1.sg. **кърпѣ*, 3.sg. **кърпѣ*; лтш. *kūpēt* 'rauchen, dampfen, qualmen, stäuben', *kvēpt* 'qualmen, rauchen, duften, verkommen'. || Feist: 7; WH II: 312; Orel: 198; Fraenk. I: 325–326; Фасмер II: 235–236.

К структуре корня: см. стр. 99, под 12. герм. **h̥wipra-*.

4. герм. **h̥nīpnl-* < **h̥nīpnl-* [гот. *dis-hnīpan* (только praet. 3.pl. *dis-hnīpnōdēdun* Lc 5:6) 'zerreißen', 'to break apart, tear' (intrans.)]: балт. praes. **kṅju-m-b-a-* (< **kṅju-n-b-a-* < и.-е. **kṅjub-n-a-*): [лит. *kni̇ubti*, praes. 1.sg. *kni̇umbù*, praet. 1.sg. *khi̇ubaũ* 'auf die Knie fallen und mit dem Gesicht die Erde berühren, den Kopf zwischen die Hände nehmend, sich in etw. vertiefen', 'оступаться, спотыкаться, падать на колени; склоняться, поникать, сгибаться', лит. *knubu* 'hingebückt'; ср. др.-лит. *kni̇ūpsti* 'na twarz', 'нищ': *kni̇ūpsti* DP 62^{ll}, *kṅūpsti* DP 266⁵⁰, *kṅupscia* DP 48215; лтш. *k̇nubt*, *k̇nūbu*, *k̇nubu* U. 'einbiegen; sich krümmen'] ~ герм. praes. **-h̥ṅjeup-a-*, praet. sg. **-h̥ṅjaup-a-* [гот. *dis-hniupan* (только part. praes. *dis-hniupands* Lc 8:29) 'zerreißen' (trans.); др.-швед. *niupa*, швед. *nyra* 'kneifen'; др.-англ. *ā-hṅeoran* 'abpflücken' (только praet. sg. *a-hneop* 'pflückte ab')]: балт. *kṅiaub-ja-* (<): [лит. *kni̇aubtis*, praes. 3. *kni̇aubiasi*, praet. 3. *kni̇aubësi* 'закрывать лицо руками; припадать к чему-н. закрыв лицо руками; зары-

ваться уткнувшись во что-л.】 || Seebold: 269; Feist: 119–120; Kroonen: 235; Orel: 180; Mühl.–Endz. II: 253; Fraenk. I: 278; Berneker I, 531.

К структуре корня: и.-е. корень **kneub-/*knub-*: лит. *kniáubtis*, praes. 3. *kniáu-biasi*, praet. 3. *kniáuβēsi* (при варианте *kniáuβtis*) свидетельствует, вероятно, об и.-е. **-b-*, как и соответствующие германские формы. Попытка Kroonen'a устранить это «индоевропейское» объяснение германских форм ссылкой на возможное извлечение germ. **-p-* из глагольной основы с геминацией согласных: норв. диал. *nuppa*; др.-англ. *hnorppian* 'pflücken'; нидерл. *nopen* 'zwingen', по-видимому, оказывается излишней из-за явного рефлекса закона Винтера в литовском. Правило Клюге в данном случае является свидетельством рессивности корневой морфемы. || Feist: 119–120; Kroonen: 235; Kroonen 2011: 279; Orel: 180; Mühl.–Endz. II: 253; Fraenk. I: 278; Berneker I: 531.

5. germ. **weihŋa-* < **wēihŋa-* [гот. *weihnan* 'heilig gehalten werden' (только 3.sg. opt. praes. *weihnai* Mt 6:9)] ~ гот. *weihan* sw 'weihen, heiligen'; др.-фриз. *wīa*; др.-сакс. *wīhian*, др.-в.-нем. *wīhen* 'weihen' ~ грамматическое чередование: др.-исл. *vīgja*; др.-фриз. *wīga* 'weihen']. || Feist: 557; Kroonen: 585; Orel: 465–466; Pok.: 1128.

К структуре корня: и.-е. корень **ueik-* 'aussondern', 'отбирать': др.-инд. *vinákti*, *vivēkti*, *vēvēkti* 'sondert, siebt, sichtet', part. *viktá-*, каузатив *vecáyati*; авест. *ava-vaēk-* 'ausscheiden, aussuchen'; лат. *victima* f. 'Opfertier, Opfer'; germ. **weihŋan-* (< **uēikeje-*): [др.-фриз. *wīa*; др.-сакс. *wīhian*, др.-в.-нем. *wīhen* 'weihen' (др.-исл. *vīgja*; др.-фриз. *wīga* 'weihen' отражают позднее озвончение спирантов и рассматриваться как грамматическое чередование не могут)] ~ germ. **wīhja-* adj. 'holy' (< и.-е. **uēiko-*) [гот. *weihs* adj. 'heilig', adv. *weihaba* (1Th 2:10); др.-в.-нем. *wīh* adj. 'heilig']; в прилагательном и в образованном от него глаголе первичное ударение стояло на корневой морфеме, что свидетельствует о её доминантности. || Feist: 557; Raven I: 261–262; Kroonen: 585; Orel: 465–466; WH II: 782; Pok.: 1128 (*√*ueik-* 'aussondern'); LIV₂: 670 (*√*ueik-* 'aussieben').

6. germ. **letn-* (< и.-е. **lédn-*): [гот. *and-lētnan* 'abscheiden'] ~ germ. praes. **lēt-a-*, praet.sg. **lelōt-*, praet.pl. **lelōt-un*, part.praet. **let-en-* [гот. *lētan*, praet.sg. *lailōt*, praet.pl. *lailōtun*, part.praet. *lētans* 'lassen'; др.-англ. *lāetan*, praet.sg. *lēt*, praet.pl. *lēton*, part.praet. *lāetan* 'lassen, zulassen'; др.-фриз. *lēta*, praet.sg. *lēt*, praet.pl. *lēton*, part.praet. *lēten* 'lassen, erlassen'; др.-сакс. *lātan*, praet.sg. *lēt (-ie)*, praet.pl. *lēton (-ie-)*, part.praet. *-lātan* 'lassen, zurücklassen, niederlassen, erlauben'; др.-в.-нем. *lāzan*, praet.sg. *liaz*, praet.pl. *liazun*, part.praet. *gilāzan* 'lassen, loslassen, erlassen, erlauben']; || греч. *ληδεῖν κοπιᾶν* 'ermüden', ср. лит. *léisti*, praes. 1.sg. *lėidžiu* 'lassen, loslassen, freilassen'; лтш. *laist* 'lassen' || Feist: 50, 329–330; Seebold: 333–335; Orel: 244–245; Fraenk. I: 351–352; Pok.: 666 (*√*lē[i]d-* 'träge, müde sein; lassen'); LIV₂: 400 (*√*leh₁d-* 'lassen'), 402–403 (*√*lejd-* '(los)lassen').

К структуре корня: и.-е. корень **lēid-/*lēd-/*lād-* 'lassen' (в ларингалистической интерпретации: **leh₁id-/*leh₁d-/*lh₁d-*): греч. *ληδεῖν* 'träge, müde sein', 'быть уста-

лым, инертным'; алб. *lodh* 'macht müde' (< **lēd-e*); лат. *lassus* 'müde' (< **lād-to*); герм. praes. **lēt-a*-, praet.sg. **lelōt*-, praet.pl. **lelōt-un*, part.praet. **lēt-en*- 'lassen'; лит. *lėisti*, praes. 1.sg. *lėidžiu* 'lassen, loslassen, freilassen', диал. *lāisti*; лтш. *laist* 'lassen'. В балтийских примерах акутовая рефлексация может объясняться законом Винтера, но их невозможно отделить от соответствующих германских, поэтому приходится восстанавливать индоевропейский «долгий дифтонг». Прерывистая интонация в латышском свидетельствует о рецессивности корневой морфемы || Feist: 50, 329–330; Seebold: 333–335; Orel: 244–245; Fraenk. I: 351–352; Pok.: 666 (√**lēfj*)- 'träge, müde sein; lassen'); LIV₂: 400 (√**leh₁d*- 'lassen'), 402–403 (√**lejd*- '(los)lassen').

7. герм. **lukn*- < **lūgn*- [гот. *ga-luknan* 'sich verschliessen'; др.-исл. *lykna* 'sich beugen' ~ герм. **lūk-a*-, praet.sg. **-lauk*-, praet.pl. **-luk-un*, part.praet. **luk-en*- 'schließen': [(гот. *ga-lūkan*, praet.3.sg. *galauk* Lc 3:20; praet.3.pl. *ga-lukan* Mt 27:66); гот. *-lūkan*, praet.sg. *-lauk*, praet.pl. *-lukun*, part.praet. *-lukans* 'verschließen'; др.-исл. *lūka*, praet.sg. *lauk*, praet.pl. *huko*, part.praet. *lokenn* (-u-) 'schließen, beendigen, bezahlen', 'aufschließen', 'einschließen, umgeben'; др.-англ. *lūcan*, praet.sg. *lēac*, praet.pl. *lucon*, part.praet. *locen* 'schließen, ineinander verknüpfen'; др.-фриз. *lūka*, —, —, part.praet. *leken* 'schließen'; др.-сакс. *-lūkan*, praet.sg. *-lōk*, praet.pl. *-lukun*, part.praet. *-lokan*; др.-в.-нем. *-lūhhan*, praet.sg. *-louh*, praet.pl. *-luhhun*, part.praet. *-lohhan* 'schließen']; ср. др.-исл. *lokkr*; др.-англ. *locc*, др.-в.-нем. *loch*, ср.-в.-нем. *lock(e)* m 'Locke'; || лит. *laužti* 'brechen'; лтш. *laužt* 'brechen'. || Seebold: 338–339; Feist: 189–190; Orel: 252; Fraenk. I: 347; Dybo 2002: 426–427; Pok.: 686; LIV₂: 415–416, 416.

К структуре корня: и.-е. корень **leuǵ*-/**leug*- 'brechen': др.-инд. *rujāti* 'zerbricht, peingit', *rugná*- 'zerbrochen'; герм. praes. **lūk-a*-, praet.sg. **-lauk*-, praet.pl. **-luk-un*, part.praet. **luk-en*- 'schließen'; лит. *laužti* 'brechen'; лтш. *laužt* 'brechen'. Прерывистая интонация в латышском свидетельствует о рецессивности корневой морфемы. || Seebold: 338–339; Feist: 189–190; Orel: 252; Fraenk. I: 347; Pok.: 686; LIV₂: 415–416 (√**leug*- 'lösen, brechen'), 416 (√**leuǵ*²- 'biegen').

8. др.-исл. *flagna* 'abgeschält werden', 'шелушиться, облупливаться' ~ герм. **flaḥanan* 'to flay, to strip of the skin': praes. **flaḥ-a*-, praet.sg. **flōḥ*-, praet.pl. *flōg-un*, part.praet. **flag-en*- 'schinden': [др.-исл. *flá*, praet.sg. *fló*, praet.pl. *flógo*, part.praet. *flegenn* 'die Haut abziehen, schinden'; др.-англ. *fléan*, praet.sg. *flōǧ*, —, part.praet. *flagen* (-æ-) 'schinden'; ср.-нидерл. *vlaen*; др.-в.-нем. *flahan* 'schinden, die Haut abziehen']; || лит. *plėšti*, praes. 1.sg. *plėšiu*, praet. 1.sg. *plėšiau* 'reißen, zerren, abrufen'; лтш. *plėst*, praes. 1.sg. *plėšu*, praet. 1.sg. *plėšiu* 'reißen, raufen, spleißen, schinden' || Seebold: 198; de Vries: 128, 127; Holthausen AEW: 107; Orel: 104; Fraenk. I: 619.

К структуре корня: и.-е. корень **plēk*- 'abreißen' (в ларингалистической интерпретации: **pleh₁k*-): герм. praes. **flaḥ-a*-, praet.sg. **flōḥ*-, praet.pl. *flōg-un*, part.praet. **flag-en*- 'schinden'; лит. *plėšti*, praes. 1.sg. *plėšiu*, praet. 1.sg. *plėšiau* 'reißen, zerren, abrufen'; лтш. *plėst*, praes. 1.sg. *plėšu*, praet. 1.sg. *plėšiu* 'reißen, raufen, splei-

ben, schinden'. Прерывистая интонация в латышском свидетельствует о речесивности корневой морфемы. || Seebold: 198; de Vries: 128, 127; Holthausen AEW: 107; Orel: 104; Fraenk. I: 619; Pok.: 835 ($\sqrt{*plēk-/*plāk-}$ и $\sqrt{*plēik-/*plīk-}$ 'reißen, abreißen (abschälen)'); LIV₂: 483–484 ($\sqrt{*pleh₁k-}$ 'abreißen').

Так как согласно закону Вернера готский показывает накоренное ударение инхотативов с суффиксом $*-nā-$, что характерно и для славянского, можно предполагать в германском у этих глаголов ту же метатонию и иммобилизацию акцента на корне, что и в славянском.

Какое же значение имеет этот результат для сравнительно-исторической грамматики германских, балто-славянских и индоевропейских языков?

М. М. Гухман так характеризовала особенности германской глагольной системы: «В отличие от индо-иранских и греческого языков, германские языки эпохи ранних письменных памятников принадлежат к тому языковому типу, для которого характерно более или менее четкое отграничение глагольных словообразовательных и словоизменительных моделей. Данная типологическая черта объединяет германские языки с латынью, славянскими, балтийскими языками и хеттским. Она соотносена с особенностями построения парадигматических рядов в тех же языковых группах. Для индоиранских языков и греческого характерны разная емкость парадигм у разных глагольных корней; пестрота и рыхлость парадигматических рядов, объединяющих относительно независимые глагольные основы. В связи с этим структура одного компонента ряда далеко не всегда определяет структуру другого компонента, а позиция глагольных основ в парадигматическом ряду приближается к соотношению членов словообразовательного гнезда; поэтому процессы глагольного словообразования и словоизменения здесь перекрещиваются. Для германских языков, напротив (так же как и для латинского, балтийских, славянских языков и хеттского), характерны известная стандартность парадигматических рядов; одинаковая емкость парадигм у разных корней; взаимозависимость структуры отдельных компонентов, образующих словоизменительный ряд. В связи с этим наблюдается более или менее четкое отграничение словообразовательных и словоизменительных процессов. Думается, что то соотношение данных процессов, которое представлено материалом древних индоиранских языков, характеризует более древнее состояние индоевропейской глагольной системы, чем морфологический тип германского глагола». (Гухман 1966: 131–132).

Мира Моисеевна, действительно, заметила очень яркое отличие глагольных систем греко-арийских языков от глагольных систем западных индоевропейских языков. Однако истолкование его кажется странным. В сущности серьезного различия между словоизменением и словообразованием нет; оно проявляется в результате процесса лексикали-

зации и особенно тогда, когда словообразовательная модель теряет свою продуктивность. Поэтому и с её исторической оценкой этих систем (первичность-вторичность) трудно согласиться. Здесь Мира Моисеевна осталась в плену «принципа выведения» морфологических систем любых индоевропейских языков из греко-арийских систем (о котором я писал в Дыбо 1987). Первичная система глагольных категорий была построена как вполне прозрачная деривационная система (подобно балто-славянской), в дальнейшем регулирующие мотивировки теряются и общая глагольная система разваливается на автономные системы презенса, аориста, перфекта и т. п. Это то состояние, которое мы наблюдаем в древнеиндийском и греческом. Ясно, что такое состояние не могло быть первичным. Попытка установить какие-то моменты первичной организации глагола греко-арийских языков была предпринята С. А. Старостиным в работе Николаев–Старостин 1982. Сейчас мы можем добавить для решения этой проблемы материалы германских языков.

3. Акцентно-зависимое сокращение долгот в кельто-италийском

В связи с установлением рефлексов двух акцентных парадигм германских глаголов с корнями на нешумные мы возвращаемся к реконструированным мной в 1961 году двум кельто-италийским акцентным парадигмам отглагольных имен с основами на *-tu-* и *-to-* (в латинском они выступают в качестве супинов и причастий), а также подобных отглагольных имён с суффиксом *-no-*. Ввиду некоторого улучшения состояния дел в кельтской этимологии и определённого завершения реконструкции балто-славянской акцентной системы мы представим здесь наши сближения этих форм в несколько обновлённом виде:

А. Кельто-италийские окситона.

*-to-*основы

1. лат. *frētum*, *-ī* n. (< **frē-tó-* < **bhrē-tò-*) 'Brandung, Wallung des Meeres', 'прибой, прилив, волнение; жар, пыл' (ср. лат. *frētus*, *-ūs* m. (< **frē-tí-*) 'Brandung, Wallung des Meeres' ~ др.-инд. *bhūrṇi-h* 'heftig, zornig, wild, eifrig', *bhurāti* 'bewegt sich, zuckt, zappelt'; герм. **brējanan* (?; долготы корневого гласного восстановлена в Orel: 57, по-видимому, под влиянием долготы, отраженной в отглагольном прилагательном, позиционно [в предупредительном положении перед *-j-*] она должна была сократиться; глагольные соответствия её не подтверждают): гот. (крым.) *breen* 'to roast', 'assare, schmoren', 'тушить, жарить'; ср.-нидерл. *bræyen* 'braten, to roast', ср.-в.-нем. *bræjen* 'to smell', 'riechen, duften', с закономерным сохранением долготы в отглагольных именах с дентальными суффиксами: герм. **brēdaz* adj. (< **brēþá-*): др.-исл. *bráðr* adj. 'hasty, sudden', др.-англ. *bræð* f. 'Dunst', ср.-н.-нем. *brādem* m. 'Dampf', — и с подтвержде-

нием первичной окситонезы производящего в отыменном глаголе: герм. **brēdjanan*. || WH I: 546–547; Feist: 104–105; Orel: 57; Pok.: 132–133 (√**bherə-/bhrə-*), 137; LIV₂: 81 (√**b^hrh₂-* ‘sich schnell bewegen’).

К структуре корня: и.-е. корень **bhrē-/bhra-* ‘sieden, wallen; sich schnell bewegen’ (в ларингалистической интерпретации: **b^hreh₁-/b^hrh₁-*): герм. **brējan-*: [гот. (крым.) *breen* ‘to roast’, ‘assare, schmoren’, ‘тушить, жарить’; ср.-нидерл. *bræyen* ‘braten, to roast’, ср.-в.-нем. *bræjen* ‘to smell’], герм. **brēdaz* adj. (< **brēþā-*): [др.-исл. *bráðr* adj. ‘schnell, hurtig’, ‘hasty, sudden’]; др.-инд. *bhuráti* ‘bewegt sich, zuckt, zappelt’, *bhúrñih* ‘heftig, zornig, wild, eifrig’; -o-ступень в германском: др.-англ. *brōd* f. ‘Brut, Zucht’; ср.-в.-нем. *bruot* f. ‘Hitze, Brut’; рецессивная валентность корневой морфемы устанавливается по конечному ударению германских отглагольных имён с дентальными суффиксами. || Дыбо 1961: 28; WH I: 546–547; de Vries: 52; Orel: 57; Pok.: 132–133 (√**bherə-/bhṛ-* ‘aufwallen’), 137; LIV₂: 81 (√**b^herh₂-* ‘sich schnell bewegen’), 96 (расширенный √**b^hreuH-* ‘sprudeln’, но отмечается Rasmussen 97: √**b^hreh_u-*).

2. лат. *dē-frutum* ‘boiled wine’ (ср. кельт. **brūtu-* ‘fermentation, (boiling) heat’ [Noun]: см. ниже -*tu*-основы №2) ~ др.-исл. *brugga*, part.praet. *bruggen* ‘brauen’; др.-в.-нем. *brüwan* ‘brew’; слав. **brujǫti*, **brujǫti*, praes. 1.sg. **brū-jō*, 3.sg. **brujěť*, **brujítъ* (а. п. с; русск. диал. *бруйтъ*, praes. 3.sg. *бруйт* ‘стремительно, быстро течь’, ‘гудеть, жужжать’, *бруятъ*, praes.3.sg. *бруёт*, 3.pl. *бруют* ‘издавать гудящий звук, жужжать’ СРНГ 3: 201, 212; блр. *бруіцца*, praes.3.sg. *бруіцца* ‘течь’; схрв. *brújajūi*, praes.1.sg. *brújūm* ‘brummen, summen’) || Matasović: 81–82; WH I: 333–334; Orel: 56–57; Pok.: 143–145.

К структуре корня: см. стр. 62, под 9. герм. **brūja-*.

3. кельт. **būto-* [part.praet.pass.] (др.-ирл. -*both* [praet.pass.]), кельт. **būtā-* ‘place, dwelling, hut’ [*ā* f.] (др.-ирл. *both* [*ā* f.] ‘hut’; ср.-валл. *bod* [f.] ‘dwelling, place’; др.-брет. *Bot-* (in place-names), совр. брет. *bod* [f.]); лат. **fūto-* (< **bhūtó-*, в *fūtāre*), ср. лат. *fūtu-* (< **bhūtū-* в *fūturus*) ~ лтш. *būt*, буд. *būšu*, супин *būtu*, part.praet. *būts*, gen.sg. *nuo būtu dienu* Endz. Gr.: 798; слав. **bŭti*, аог. 1.sg. **bŭхъ*, 2.–3.sg. **bŭстъ*; -l-part. *bŭль*, f. **bylā*, n. **bŭlo*; || Matasović: 85, 84–85; Дыбо 1961: 12, 30, 31 Дыбо 2000: 500, 516, 517; WH I: 557–559; Pok.: 146–150.

К структуре корня: см. стр. 59, под 5. герм. **būja-*.

4. др.-лат. **gnōtus* ‘известный’ (< **gnō-tō-*): лат. *nōta* f. ‘знак, отметка’, *nōtare* ‘обозначать, отмечать’, *cognitus* ‘известный, знакомый’, *agnitus* ‘признанный’ предполагают др.-лат. **gnōtus* ‘известный’; ср. др.-инд. *jñātāh*, греч. *γνωτός* ‘известный’ (что в отношении акцента, по-видимому, нерелевантно, в связи с обобщением окситонезы -*t*-причастий в греко-арийских диалектах) ~ греч. *γ-γνώ-αω*, лат. (*gnōscō* ‘erkenne’ ~ др.-инд. *jānāti*, *jānītē* ‘kennt, weiß, versteht’, *jijñāsate* ‘verlangt kennenzulernen, wünscht zu erfahren’). || Дыбо 1961: 13; WH II: 177–178; Mayrhofer I: 429, 433; Frisk I: 308–309; Pok.: 376–378.

К структуре корня: см. стр. 52, под I. 7, герм. **knāja* ‘знать’. В связи с снятием долготы в латинском, свидетельствующим о рецессивности корневой морфемы, следует предполагать нисходящий тон в корневой морфеме.

5. кельт. *-*balto*- (< *-*g^hl̥-tó*-) (др.-ирл. *at-ru-balt* ‘mortuus est’ от др.-ирл. *at-baill* ‘stirbt’; ср.-валл. *aballu* (**ad-ballu*) ‘umkommen’, *ballu* ‘sterben’) ~ лит. *gėlti*, praes. 3. *gėlia* ‘жалить, кусать; болеть, ныть, ломить’; лтш. *dzēlt* ‘stechen, brennen, beissen’; др.-англ. *swelan* ‘sterben’; др.-в.-нем. *quelan* ‘schmerzen, leiden’ || Дыбо 1961: 22; Льюис–Педерсен: 400; Matasović: 53; Fraenk. I: 145–146; Holthausen AEW: 64; Pok.: 470–471.

К структуре корня: и.-е. корень **g^hel-/ *g^hl̥-* ‘stechen, schmerzen, sterben’ (в ларингалистической интерпретации: **g^heh₁l-/ *g^hl̥₁-*): лат. *vallessit* ‘perierit’ (< **g^hl̥-nl-*); др.-ирл. *at-baill* ‘stirbt’; ср.-валл. *aballu* (**ad-ballu*) ‘umkommen’, *ballu* ‘sterben’); герм. **k^uelanan*: [др.-англ. *swelan* ‘sterben’, др.-в.-нем. *quelan* ‘schmerzen, leiden’, по-видимому, сокращение долгого **ē*- в предупредном положении]; лит. *gilti*, *gėlti*, praes. 3. *gėlia* ‘жалить, кусать; болеть, ныть, ломить’; лтш. *dzēlt* ‘stechen, brennen, beissen’; полная ступень в гетеросиллабической позиции: др.-сакс. *quāla* ‘Qual, Marter’, др.-в.-нем. *quāla* ‘мука’; лит. *gėlà* (4 < *3) ‘heftiger Schmerz’; слав. *žālb*, gen.sg. *žālī* (< **žēl-*; а. п. *a*) [ст.-слав. **жаль**, gen.sg. **жали** ‘гробница’, *μνημεῖον*]; схрв. *жа̑o* ‘жаль, жалко’; словен. *žal*, gen.sg. *žali* f. ‘das Leid, der Schmerz’, словен. *žal*, f. *žala* adj. ‘leid’ с новым циркумфлексом в род. падеже; ср. также ударение в отыменном глаголе: слав. **žāliti*, praes. 3.sg. **žālītī*; ст.-слав. **жалити**, praes. 1.sg. **жалиж**, 2.sg. **жалиши** ‘сетовать, скорбеть’; схрв. *жа̑лити*, praes. 1.sg. *жа̑лим* ‘жалеть; скорбеть; оплакивать’; словен. *žaliti*, praes. 1.sg. *žalim* ‘kränken, beleidigen, verletzen’; др.-русск. *жа̑лити*(са, -су) ‘жалеть’, ‘жаловаться’ — Зализняк 2014: 298, Зализняк 2019: 346]; ? лтш. *žēl* adv. ‘leid’ (Aus der Vorstufe von r. *жаль* “leid”. ?) || Matasović: 53; Дыбо 1961: 22; Дыбо 2007: 22; Plet. II, 952; WH II: 729–730; Mühl.–Endz. I: 541; IV, 805; Fraenk. I: 145–146; Фасмер II: 34, 35; Orel: 227; Pok.: 470–471 (√**g^hel-* ‘stechen’, ‘(stechender) Schmerz, Qual, Tod’); LIV₂: 207 (√**g^helH-* ‘quālen, stechen’).

6. лат. *cītus*, f. *cīta*, n. *cītum* ‘schnell’, ‘быстрый, проворный’ (< **kīlō-*), part. praet. pass. от глагола *cieō*, *cīere* ‘приводить в движение’, sekundär (Sommer Hdb.² 509, KE. 140) *ciō*, *cīre*, Perf. *cīvī*, Sup. *cītum* ‘setze in Bewegung, errege, rufe herbei, rufe auf, bringe hervor’ (ср. лат. *cītum* — супин от того же глагола) ~ греч. *κίνωμι* ‘двигаюсь, трогаюсь, отправляюсь’; аор. *κίατο* *ἐκινεῖτο* Hes. ‘bewegte sich’, ср. также гом. *μετ-ἐκίαδον* ‘folgte nach’; *κίνω* ‘setze in Bewegung, bewege’ (но это, по-видимому, результат перестройки и переосмысления из **κινέω*); аор. *ἐκίνησα* ‘setzte in Bewegung’; *κίω* ‘gehe weg, fahre’ — позднее образование от аор. *ἐκίω*. || Дыбо 1961: 30; Fraenk. I: 251; WH I: 213–214; Frisk I: 855, 862–863; Pok.: 538–539 (√**kēi-*).

К структуре корня: и.-е. корень **kīē-/ *kīa-/ *kī-* ‘in Bewegung setzen, in Bewegung sein’ (в ларингалистической интерпретации: **kīeh₁-/ *kīh₁-/ *kīh₁-*): полная ступень, по-видимому в лит. *kielė* (l) ‘Bachstelze’, ‘трясогузка’; лтш. *ciēlava* ‘тря-

согызка' (вероятно, с доминантностью суффиксов) от и.-е. **kiēlos* (> прабалт. **kielas*) 'подвижный' >? лтш. диал. *ciēls* 'gross', 'обширный'; слав. **člъ*, f. **člla*, n. **čllo* 'бодрый, живой, крепкий' [схрв. *čll*, -a, -o 'крепкий, сильный', словен. *čil*, *čila* 'отдохнувший, бодрый', ст.-чеш. *čilý* 'свежий, живой, бодрый', в.-луж. *čily* 'невредимый; бодрый, крепкий']; нулевая ступень в греч. *kivŋca* 'двигаюсь, трогаюсь, отправляюсь'; аог. *kiato: ēkiveito* Hes. 'bewege dich', ср. также гом. *μετ-εχιάθον* 'folgte nach'; *kivéo* 'setze in Bewegung, bewege' (но это, по-видимому, результат перестройки и переосмысления из **kivézō*); аог. *ἐκίνησα* 'setzte in Bewegung'; относительно валентности корневой морфемы ср. ещё слав. **člъ* 'целый, здоровый, крепкий', но лит. *kietas* (3) 'твёрдый, жесткий, крепкий', лтш. *ciēts* 'твёрдый, жёсткий' (однако с колебанием а. п. в древнелитовском: f. gen.sg. *kiētós* DP 476³⁷, и *kiētós* DP 312²⁰, при отражении рецессивности в словообразовании: gen.sg. m. *kiētūmo* DP 293²⁸, 477⁴³). Доминантность корневой морфемы в нулевой ступени и появление рецессивности в полной ступени второй основы может указывать на нисходящий тон корневой морфемы. || Дыбо 1961: 30; Fraenk. I: 251, 252; Karulis: 170–171, 173; ЭССЯ 4: 112, 124–125; WH I: 213–214; Frisk I: 855, 862–863; Pok.: 538–539 (√**kēi-* 'in Bewegung setzen, in Bewegung sein'); LIV₂: 346 (√**kēih₂-* 'sich in Bewegung setzen').

7. лат. *litus* adj. (< **litō-*) 'намазанный'; -to-причастие от глагола *linō*, *lēvī*, *litum*, -ere 'schmiere, beschmiere, bestreiche, überziehe' (ср. лат. *litum* < **litū-*, супин от того же глагола); кельт. **li-na-* 'stick' [Vb]: др.-ирл. *lenaid* 'folgen' (собственно 'klebt an einem'); валл. *can-lyn* 'folgen'; др.-ирл. *lenom-naib* 'lituris'; др.-брет. *linom* 'litura'; др.-ирл. *as-lenaim* 'besudle, oblinō' ~ др.-инд. *lināti* (Dhātur.), а также *layatē*, *līyatē*, *līyati* 'schmiegt sich an, liegt an, bleibt stecken, verschwindet', *līnah* 'sich anschmiegend, anliegend'; греч. *λίτός* 'гладкий' || WH I: 807–808; Matasović: 239; Mayrhofer III: 102–103; Pok.: 662–663.

К структуре корня: и.-е. корень **leiə-/ālī-* 'sich anschmiegen, beschmieren, bestreichen, salben' (в ларингалистической интерпретации: **h₂leiH-/h₂liH-* 'sich anschmiegen, beschmieren, bestreichen, salben'): др.-инд. *lināti* (gramm.), *layatē*, *līyatē*, *līyati* 'schmiegt sich an, liegt an, bleibt stecken, verschwindet', *līnah* 'sich anschmiegend, anliegend'; греч. *ἀλίνω* (-iv- из -iv-) 'bestreiche, salbe', *λίτός* 'гладкий' || WH I: 807–808; Mayrhofer III: 102–103; Pok.: 662–663 (√**lei-* 'schleimig; hinstreichen'); LIV₂: 277–278 (√**h₂leiH-* 'beschmieren'), 405 (√**leiH-* 'sich anschmiegen').

8. кельт. **muto-* 'penis' [Noun] (< **mūto-* < **mūtó-*): ср.-ирл. *moth* [o m] 'penis, male being, masculine gender (in grammar)'. Pok.: "als 'Stummel'." Но скорее к лат. *moveō*, ~ др.-инд. *mīvati* 'schiebt, drängt, bewegt', *kāma-mūta-* 'von Liebe bewegt, von Begierde getrieben', *mūrā-* 'drängend, eilend'; авест. *ava-mīvāmahī* 'wir beseitigen, nehmen weg', авест. *a-muyamnō* 'unbeweglich, wovon nicht abzubringen'; греч. *ἀμείψασθαι* 'vorankommen, übertreffen' (вероятно, из 'sich vorschieben'), горт. *ἀμεψασσθαι* 'Handel treiben'; *ἀμῖνω* 'wehre ab', Med. 'verteidige mich (*schiebe weg)', лат. *mo-*

veō, mōvī, mōtum (**movitum*), *-ēre* 'setze in Bewegung, bewege hin und her, rühre, schüttele; bewege fort, entferne'; лит. *máuti*, praes. 1.sg. *máuju* и *máuni*, praet. 1.sg. *móviau* 'надевать, напяливать; быстро (энергично) двигать(ся)', лтш. *maût*, praes. 1.sg. *mauju* и *mauni*, praet. *māvu* 'an-, aufziehen; zäumen; hindurchzudringen versuchen' || Matasović: 282; WH II: 116, ср. 137–138, 138 (2.); Pok.: 743 (√**meu-*/**meuə-*, арисч auch √**mjeuə-/mīu-*); LIV₂: 445–446 (√**mjeu_h-/*mih_u-*).

К структуре корня: и.-е. корень **mīāu-/mīu-* (в ларингалистической интерпретации: **mīeh₂u-/mīh₂u-*), *e*-ступень: лит. *ūžtona* (1) 'насадка', *ūžtomimas* (2) 'насадка, надевание'; нулевая ступень при гетеросиллабической позиции закрывающего корневую морфему сонанта: др.-инд. *mīvati* 'schiebt, drängt, bewegt'; нулевая ступень при таутосиллабической позиции корневой морфемы: *kāma-mūta* 'von Liebe bewegt, von Begierde getrieben', *mūrā-* 'drängend, eilend'; авест. *ava-mī-vāmahī* 'wir beseitigen, nehmen weg', авест. *a-muyamō* 'unbeweglich, wovon nicht abzubringen'; греч. *ἀνεύσασθαι* 'vorankommen, übertreffen' (вероятно, из 'sich vorschieben'), горт. *ἀνεύσασθαι* 'Handel treiben'; *ἀνών* 'wehre ab', Мед. 'verteidige mich (*schiebe weg)', лат. *moveō, mōvī, mōtum* (**movitum*), *-ēre* 'setze in Bewegung, bewege hin und her, rühre, schüttele; bewege fort, entferne'; лит. *máuti*, praes. 1.sg. *máuju* и *máuni*, praet. 1.sg. *móviau* 'надевать, напяливать; быстро (энергично) двигать(ся)', лтш. *maût*, praes. 1.sg. *mauju* и *mauni*, praet. *māvu* 'an-, aufziehen; zäumen; hindurchzudringen versuchen'. Если к этому корню относится и слав. **mýti*, praes. 1.sg. **mýjo*, 3.sg. **mýjetь*, то мы должны принять двойственность выбора акцентуационной валентности, т. е. нисходящий тон корневой морфемы. Это поддерживает и др.-инд. *mūtram* n. 'Harn, urine', при высоком тоне ударение должно было стоять на втором слоге. || Matasović: 282; WH II: 116, ср. 137–138, 138 (2.); Pok.: 743 (√**meu-*/**meuə-*, арисч auch √**mjeuə-/mīu-*); LIV₂: 445–446 (√**mjeu_h-/*mih_u-*).

9. кельт. **falto-* 'joint', 'место соединения; сустав; сочленение' [Noun]: др.-ирл. *alt* [o n] 'joint, articulation, state' (< **p_l^h-tō-* < **p_l^hH-tō-*) ~ др.-инд. *puta-* m., n. 'Falte, Tüte, Tasche' (< **pūlta-* < **p_l^htō-*); герм. **falþanan* (гот. только praet. 3.sg. *faiþalþ* Lc 4:20 πτῦσσειν, 'falten, zusammenrollen'; др.-исл. *falda*, praet. *felt*, part. praet. *faldenn* 'den Kopf bedecken, auch schw. '); балт.: лит. *plėnė* (4), *plėnis* (4) 'Häutchen', 'перепонка'; лтш. *plēne* 'eine dünne Schicht bzw. ein Häutchen auf einer Flüssigkeit'; слав. **plěna* и **plěva* [русск. *пленá*, укр. диал. *пліна́* ~ русск. *плевá* и *плéва*; укр. *плівá* 'плева, мездра'; блр. *плéва*; словен. *pléva* 'глазное веко'; болг. *пльва*] || Matasović: 121; Seebold: 183–185; Feist: 141–142; Orel: 91; WH II: 276–277; Frisk II: 536, 494–495; Pok.: 802–803 (√**pel-* 'falten'), 803–804 (√**pel-/pelə-/p_lē-* 'verdecken, verhüllen; Haut, Fell; Tuch, Kleid'); LIV₂: 471 (√**pelk-* 'ein-hüllen, verbergen', как германское образование от √**pel-* в греч. *πέλας*, лат. *pellis* 'Haut').

К структуре корня: и.-е. корень **pelə-/p_lē-/p_l^h-* 'falten; verdecken, verhüllen' (в ларингалистической интерпретации: **pel_h-/*p_leh₁-/*p_l^h₁-*): др.-ирл. *alt* [o n] 'joint, articulation, state' (< **p_l^h-tō-* < **p_l^hH-tō-*) ~ др.-инд. *puta-* m., n. 'Falte, Tüte, Та-

sche' (< **pūlta* < **pīto*); герм. **falþanam* (гот. только praet. 3.sg. *faifalþ* Lc 4:20 'πτύσσειν', 'falten, zusammenrollen'; др.-исл. *falda*, praet. *felt*, part.praet. *faldenn* 'den Kopf bedecken'. || Matasović: 121; Seebold: 183–185; Feist: 141–142; Orel: 91; WH II: 276–277; Frisk II: 536, 494–495; Pok.: 802–803 (√**pel-* 'falten'), 803–804 (√**pel-/pelə-*/**plē-* 'verdecken, verhüllen'); LIV₂: 471 (√**pelk-* 'ein-hüllen, verbergen', как германское образование от √**pel-* в греч. *πέλας*, лат. *pellis* 'Haut').

10. лат. *pūtus* adj. 'rein', 'чистый' (< **pūtō*¹⁵), *pūrus*, -a, -um 'rein; lauter; reinigend; unbefleckt; schlicht; ohne Vorbehalt'; кельт. **fūro-* 'fresh' [Adj.] (< **pū-ro-*): ср.-ирл. *úr* [o] 'fresh, fair, bright, green'; ср.-валл. *ir* 'verdant, green, sappy' ~ др.-инд. *pávātē*, *punāti* 'reinigt, läutert, hellt auf', *pūtáḥ* 'rein, geläutert', 'очищенный'; др.-в.-нем. *fouwen* (Pok.: *fowen*) 'to sieve, sift', ср.-в.-нем. *wæwen* 'sieben, Getreide reinigen' || Дыбо 1961: 12; Matasović: 143; WH II: 393–394, 390–391; Mayrhofer II: 306; Pok.: 827; LIV₂: 480 (√**peuH-* 'reinigen, läutern').

К структуре корня: и.-е. корень **peu-/pū-* 'reinigen, läutern, sieben' (в ларингалистической интерпретации: **peuH-/puH-*): др.-инд. *punāti* 'läutert, macht rein', *pávati* 'wird rein, läutert sich', inf. *pávítum*, part. *pūtá-* 'rein', *pūti-* f. 'Reinigung', *pavítár-* 'Reiniger, Läuterer'; лат. *pūrus* 'rein'; ср.-ирл. *úr* 'neu, frisch, edel', валл. *ir* 'frisch, grün' || WH II: 393–394, 390–391; Mayrhofer II: 306; Pok.: 827 (√**peu-/peuə-/pū-* 'reinigen, läutern, sieben'); LIV₂: 480 (√**peuH-* 'reinigen, läutern').

11. лат. *rūtum* n. 'das Aufschlagen' (< **rūtō-*); лат. *ruō*, *ruī*, *ruiūrus*, -ere 'stürze, eile' ~ др.-инд. *rāviṣam* 'ich mag zerschlagen'; лит. *ráuti*, praes.1.sg. *ráuju*, диал. *ráumi*, praet. 1.sg. *róviau* 'raufen, mit der Wurzel ausreißen, rupfen, abreißen, aushacken, hinwegraffen'; лтш. *raūt*, praes. 1.sg. *raūju* и диал. *raūmu*, praet. 1.sg. *rāvu* 'reißen, raufen, ziehen, raffén, stehlen'; слав. **rvāti*, praes. 1.sg. **rvōq*, 3.sg. **rvěťb*; aor. 1.sg. **rvāxъ*, 2.–3.sg. **rvā*, -l-part. **rvāľb*, f. *rvāľā*, n. **rvāľo* и **rūti* (< **ruti*); praes. 1.sg. **rūjo*, 3.sg. **rujěťb*; -l-part. **rūľb*, f. **rulā*, n. **rūľo* || WH II: 453, 453–454; Fraenk. II: 708–709; Дыбо 2000: 286, 498, 511; Mayrhofer III: 63; Pok.: 868.

К структуре корня: и.-е. корень **rāu-/rū-* 'aufreißen' (в ларингалистической интерпретации: **reh₂u-/r_hu-* 'aufreißen'): др.-инд. *rāviṣam* 'ich mag zerschlagen'; герм. **rawwa-* (< и.-е. **rāuō-*): [др.-исл. *rogg* f., *roggr* m. 'langes Haar, lange Wolle', швед. *rugg* 'zottiges Haar']; лит. *ráuti*, praes.1.sg. *ráuju*, диал. *ráumi*, praet. 1.sg. *róviau* 'raufen, mit der Wurzel ausreißen, rupfen, abreißen, aushacken, hinwegraffen'; лтш. *raūt*, praes. 1.sg. *raūju* и диал. *raūmu*, praet. 1.sg. *rāvu* 'reißen, raufen, ziehen, raffén, stehlen'; слав. **rvāti*, praes. 1.sg. **rvōq*, 3.sg. **rvěťb*; aor. 1.sg. **rvāxъ*, 2.–3.sg. **rvā*, -l-part. **rvāľb*, f. *rvāľā*, n. **rvāľo* и **rūti* (< **ruti*); praes. 1.sg. **rūjo*, 3.sg. **rujěťb*; -l-part. **rūľb*, f. **rulā*, n. **rūľo* || WH II: 453, 453–454; Fraenk. II: 708–709; Дыбо 2000: 286, 498, 511; Mayrhofer III: 63; Pok.: 868 (√**reu-/reuə-/rū-* 'aufreißen, graben, aufwühlen; ausreißen; raffén', LIV₂: 510 **reuH-*].

12. кельт. **siti-* 'length' [Noun]: др.-ирл. *sith-* prefix 'long, lasting', 'долгий, длинный; длительный', валл. *hŷd* 'length', 'длина, продолжитель-

¹⁵ Ср. др.-инд. *pūtáḥ* 'очищенный'.

ность, некоторое время'; корн. *hes*, брет. *hed, het* м. 'длина' ~ герм. **sī-dāz* < **sīþás* adj. 'herabhängend' (др.-англ. *sīd* 'долгий, далёкий, широкий', др.-фриз. *sīde* adv. 'deep'; ср.-н.-нем. *sīt, sīde* 'low, quiet', др.-в.-нем. *sīto* adv. 'laxe') || Matasović: 338, 337; Feist: 415–416; Orel: 329; Pok.: 890–891; Isaac: 28: (< **seh-ti*).

К структуре корня: см. стр. 80, под 8. герм. **sīda-z* adj.

13. ? кельт. **skanto-* 'Schuppen', 'перхоть' (< *(s)k \ddot{a} tō-, Matasović: < **sk η -to*-): брет. *skant* 'Schuppen', 'dandruff', 'перхоть'; др.-брет. **scanto-* в *anscantocion* pl. 'in-squamōsos', 'sans écale' (Loth), 'без чешуи'; валл. *ysgyhru* 'Schnitzen' (< **sk η -tr*-); ср. также др.-ирл. *ceinn* 'Schuppe, Schale'; валл. *cenn* (< **kend-n*-); др.-корн. *cenn-en* 'Häutchen, Haut', *ysgenn* 'Schinnen'; ср.-брет. *quenn* 'Haut', брет. *kenn* м. 'Schinnen', 'skin', *-ken* 'Haut' в *bu-gen* 'Rindshaut' и т. д.; брет. (Vannes) *skignan* 'Frosch' (< **skennjano*-); др.-исл. *skinn* п. 'Haut, Fell' (< **skén-to*-; герм. **skinþa-*) и др.-исл. *skán* f. 'Borke' (< **skēnā* < **skéh η -eh η* -); ср.-в.-нем. *schint* f. 'Obstschale', нов.-в.-нем. *Schind-mähre, -aas*; нидерл. диал. *schinde* 'Haut, Fell; Bast, Rinde' || Loth: 41, 405f; Matasović: 201 (< **sk η -to*-); de Vries: 493, 482; Pok.: 929.

К структуре корня: и.-е. корень **skēn-/sk η -* 'schinnen, sich häuten', '(?) schinden' (в ларингалистической интерпретации: **skeh η -/sk η -*): брет. *skant* 'Schuppen', 'dandruff', 'перхоть'; др.-брет. **scanto-* в *anscantocion* pl. 'in-squamōsos', 'sans écale' (Loth), 'без чешуи'; валл. *ysgyhru* 'Schnitzen' (< **sk η -tr*-); др.-исл. *skinn* п. 'Haut, Fell' (< **skén-to*-; герм. **skinþa-*) и др.-исл. *skán* f. 'Borke' (< **skēnā* < **skéh η -eh η* -); ср.-в.-нем. *schint* f. 'Obstschale', нов.-в.-нем. *Schind-mähre, -aas*; нидерл. диал. *schinde* 'Haut, Fell; Bast, Rinde' || Loth: 41, 405f; Matasović: 201 (< **sk η -to*-); de Vries: 493, 482; Pok.: 929.

14. кельт. **tantā-* (< **t \ddot{a} tā-*) 'cord, cable' [Noun]: др.-ирл. *tét* [ā f] 'Saite', 'rope, cord, stringed instrument'; др.-валл. *tantou* [pl.] (gl. *fides*), валл. *tant* [m.] 'Saite'; др.-брет. *tanntou*, нов.-брет. *tant* [m.] ~ лит. *tinti*, praes. 1.sg. *tinstu* и *tjstu*, praet. 1.sg. *tinai* '(auf)schwellen, schwer atmen'; лтш. *tīt*, praes. 1.sg. *tinu* и *ti η u*, praet. 1.sg. *tinu* 'winden, wickeln, flechten'; др.-инд. *tanōti*, *tanutē* 'dehnt, spannt, erstreckt sich, dauert', pass. *tāyāte*, Dhātup. *tāyate* 'breitet sich aus, geht vorwärts', *uttānāḥ* 'ausgestreckt' (< **-t η -nó-*), *tani-man-* п. 'Dünne' || Matasović: 369–370; Fraenk. II: 1099; Mayrhofer I: 475, 496; Pok.: 1065–1066.

К структуре корня: и.-е. корень **tenə-/t η -* 'dehnen, ziehen, spannen' (в ларингалистической интерпретации: **tenH-/t η H-*): др.-инд. *tanōti*, *tanutē* 'dehnt, spannt, erstreckt sich, dauert', pass. *tāyāte*, Dhātup. *tāyate* 'breitet sich aus, geht vorwärts', *uttānāḥ* 'ausgestreckt' (< **-t η -nó-*), *tani-man-* п. 'Dünne'; лит. *tinti*, praes. 1.sg. *tinstu* и *tjstu*, praet. 1.sg. *tinai* '(auf)schwellen, schwer atmen'; лтш. *tīt*, praes. 1.sg. *tinu* и *ti η u*, praet. 1.sg. *tinu* 'winden, wickeln, flechten'; || Matasović: 369–370; Fraenk. II: 1099; Mayrhofer I: 475, 496; Pok.: 1065–1066.

15. лат. *vītus* 'Radfelge' ~ др.-инд. *vītás* 'запутанный, витой' ~ лит. *vūtas*, лтш. *vīts* 'gewunden' ~ слав. part. **vītъ*, f. **vitǎ*, п. **vīto* (др.-русск. **пѣвѣга** асс.сг. Чуд. 26⁴, **пѣвѣи** Амф. 185^б, **нѣзвѣты** Новг. 4^б, **повилáса** Ик. 71,

вилі́са Ик. 70, **прівнлз вѣ** Трав. 506б) || Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 515, 523 (Дыбо 1981: 221); Зализняк 2011, II: 109, 136; Зализняк 2014: 289, 328–329; Зализняк 2019: 335–336, 381 (все s. v. вѣти resp. s. vv. из-винутися, обинутися, по-винутися).

К структуре корня: и.-е. корень **ueiǵ-/*uīē-/*uī-* 'drehen, biegen' (в ларингалистической интерпретации: **ueih₁-/*uīeh₁-/*uīh₁-*): -e-степень первой основы — лит. *vejū* (*vyti*) 'winden'; -e-степень второй основы — лат. *uieō*, *uiēre* 'binden, flechten'; просодические отношения — лтш. inf. *vīt* 'winden, flechten'; слав. praes. 1.sg. **-vьjǫ*, 3.sg. **-vьjětь*, inf. ~ sup. **vīti* ~ **vītь*, aor. 1.sg. **vīxь*, 2–3.sg. **vītь*, -l-part. **vītь*, f. **vilā*; а. п. с (подвижная а. п. и, следовательно, рецессивная валентность корневой морфемы) || Fraenk. II: 1267; Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 515, 523 (Дыбо 1981: 221); Зализняк 2011, II: 109, 136; Зализняк 2014: 289, 328–329; Зализняк 2019: 335–336, 381 (все s. v. вѣти resp. s. vv. из-винутися, обинутися, по-винутися); Pok.: 1120–1121 (*√*uei-/√*ueiǵ-/√*uī-* 'drehen, biegen'); LIV₂: 695 (*√*uīeh₁-* 'umwickeln, umhüllen').

16. Отглагольное имя на -to-: кельт. **-kluto-* (< **klu-to-* < **klūtō-*) 'heard' ~ герм. **hlūdaz* < **hlūþāz*; лтш. *slūt* 'слыть'; слав. **slŷti*, praes. 1.sg. **slǫvǫ*, 3.sg. **slověть*; -l-part. *slŷlь*, f. **slŷlā*, n. **slŷlo*². Вероятно, ранний переход в подвижный акцентный тип; первичная доминантность корня отражена лишь в греч. *κλειτός* 'berühmt' (< **κλεφετος*). || Николаев — БСИ 1982, 1984; McCone 1991: 13; Matasović: 208; Дыбо 2000: 286.

К структуре корня: см. стр. 78, под б. герм. **hlūda-z* adj.

-tu-ОСНОВЫ

1. лат. *frētus*, -ūs m. 'Brandung, Wallung des Meeres', 'прибой, прилив, волнение; жар, пыль' (< **frē-tu-*) ~ др.-инд. *bhūr̥ṇi-h* 'heftig, zornig, wild, eifrig', *bhurāti* 'bewegt sich, zuckt, zappelt'; герм. **brējanan*: гот. (крым.) *breen* 'assare, schmoren', 'тушить, жарить'; ср.-нидерл. *brayen* 'braten, to roast', ср.-в.-нем. *bræjen* 'riechen, duften' || WH I: 546–547; Feist: 104–105; Orel: 57; Pok.: 132–133 (*√*bherǵ-/√*bhǵǵ-*), 137.

К структуре корня: см. стр. 111, под: 1. лат. *frētum*.

2. кельт. **brūtu-* 'fermentation, (boiling) heat' [Noun]: др.-ирл. *bruth* [u n.] 'raging, boiling heat, vehemence'; др.-валл. *brut* (gl. animus), ср.-валл. *brwd* 'heat'; др.-брет. *brot* 'heat'; др.-корн. *bredion* (gl. coctio) ~ лат. *dē-frutum* 'boiled wine' ~ др.-исл. *brugga*, part.praet. *bruggen* 'brauen'; др.-в.-нем. *briuwan* 'brew'; слав. **brujāti*, **brujīti*, praes. 1.sg. **brūjǫ*, 3.sg. **brujětь*, **brujītь* (а. п. с; русск. диал. *бруить*, praes. 3.sg. *бруит* 'стремительно, быстро течь', 'гудеть, жужжать', *бруять*, praes. 3.sg. *бруёт*, 3.pl. *бруют* 'издавать гудящий звук, жужжать' СРНГ 3: 201, 212; блр. *бруіцца*, praes. 3.sg. *бруіцца* 'течь'; схрв. *brújajiti*, praes. 1.sg. *brújjam* 'brummen, summen') || Matasović: 81–82; WH I: 333–334; Orel: 56–57; Pok.: 143–145.

К структуре корня: см. стр. 62, под 9. герм. **brūja-* (< **bhrūjō-*).

3. лат. *fūtu-* (< **bhūtū-* в *fūturus*) ~ лтш. *būt*, буд. *būšu*, супин *bātu*, part. praet. *būts*, gen.sg. *niō būtu dienu* Endz. Gr.: 798; слав. **bŷti*, aor. 1.sg. **bŷxъ*, 2.-3.sg. **bŷstь*; -l-part. *bŷlь*, f. **bŷlǎ*, n. **bŷlo*; || Matasović: 85, 84–85; Дыбо 1961: 12, 30, 31; Дыбо 2000: 500, 516, 517; WH I: 557–559; Pok.: 146–150.

К структуре корня: см. стр. 59, под 5. germ. **bŷja-*.

4. кельт. **gūtu-* ‘voice’ [Noun]: др.-ирл. *guth* [u m.] ‘Stimme, Klang, Wort’ (< **g̃hu-tu-* < **g̃hū-tū-* < **g̃huH-tū-*); галльск. *gutu-ater* ‘name of a priest’, возможно, ‘father of invocations’ ~ др.-инд. *hāvate* ‘ruft, ruft an’, ‘calls, invokes’, pass. *hūvāte*, part. praet. pass. *hūtá-* ‘angerufen, herbeigerufen’, *havīman-* (m. или n.) ‘Anrufung’; слав. praes. 1.sg. **zōvǫ*, 3.sg. **zověť*; inf.~sup. **zōvǎti*, **zōvatъ*; aor. 1.sg. **zōvǎxъ*, 2–3.sg. **zōvǎ*; -l-part. **zōvalь*, f. **zōvalǎ*, n. **zōvalo*; part. praet. act. **zōvanь*, f. **zōvanьšǐ* || Irslinger 2002: 26; Matasović: 169–170; Дыбо 1961: 30, 31; Дыбо 2000: 273, 485, 505–506, 514–515; Фасмер I: 85; Mayrhofer III: 585–587; Fraenk. II: 1293; Feist: 207–208 и 227–226; Pok.: 413–414.

К структуре корня: и.-е. корень **g̃heu-* / **g̃hū-* ‘rufen’ (в ларингалистической интерпретации: **g̃heuH-* / **g̃huH-* ‘rufen’): др.-инд. *hāvate* ‘ruft, ruft an’, ‘calls, invokes’, pass. *hūvāte*, part. praet. pass. *hūtá-* ‘angerufen, herbeigerufen’, *havīman-* (m. или n.) ‘Anrufung’; слав. praes. 1.sg. **zōvǫ*, 3.sg. **zověť*; inf.~sup. **zōvǎti*, **zōvatъ*; aor. 1.sg. **zōvǎxъ*, 2–3.sg. **zōvǎ*; -l-part. **zōvalь*, f. **zōvalǎ*, n. **zōvalo*; part. praet. act. **zōvanь*, f. **zōvanьšǐ* || Дыбо 1961: 30, 31; Дыбо 2000: 273, 485, 505–506, 514–515; Фасмер I, 85; Mayrhofer III: 585–587; Fraenk. II: 1293; Feist: 207–208 и 227–226; Pok.: 413–414; LIV₂: 180–181 (√**g̃ʰueH-* ‘rufen’).

5. кельт. **bītu-* ‘Welt’, ‘world’ [Noun] (< **g̃tū-*): др.-ирл. *bith* [u m.] ‘Welt, Leben; Zeitalter’; др.-валл. *bid* [m.], ср.-валл. *byd* [m.]; др.-брет. *bit*, *bet*; др.-корн. *bit* (gl. mundus), *bys*; галльск. *Bitu-riges* [Ethnonym] ~ лтш. *dzītu* — супин от глагола *dzīt*, прерывистая интонация указывает на подвижную прабалтийскую акцентную парадигму, которой в кельтском может соответствовать окситонеза соответствующих форм; слав. *žīti*, praes. 1.sg. **živǫ*, 3.sg. **živěť*; aor. **žixъ*, 2.-3.sg. **žitъ* и **žive*, -l-part. **žilь*, f. **žilǎ*, n. **žilo*; part. praet. act. *živь*, f. **živьšǐ*, t-part. **žitъ*, f. **žitǎ*, n. **žito* (a. п. c); др.-инд. *jīvati* ‘lebt’, ‘живёт’, греч. атт. ζῶ, ζῆς, ζῆ (< **ζῆει* < и.-е. **g̃ʰiē-*); 0-ступень второй основы: греч. ζῶός adj. ‘живой’ (< **g̃ʰiō-* < **g̃ʰiōh₁-*) || Matasović: 67; Irslinger 2002: 84–85; Дыбо 1961: 11; Дыбо 2000: 287–288, 496, 509, 515; Mayrhofer I: 439; Frisk I: 237–239; Pok.: 467–469; LIV₂: 215–216 (√**g̃ʰiēh₃-* ‘leben’).

К структуре корня: и.-е. корень **g̃ʰiē-* / **g̃ʰi-* / **g̃ʰiō-* ‘leben’ (в ларингалистической интерпретации: **g̃ʰiēh₁-* / **g̃ʰi₁-* / **g̃ʰiōh₁-*): e-ступень второй основы: греч. атт. ζῶ, ζῆς, ζῆ (< **ζῆει* < и.-е. **g̃ʰiē-*); 0-ступень второй основы: греч. ζῶός adj. ‘живой’ (< **g̃ʰiō-* < **g̃ʰiōh₁-*); нулевая ступень второй основы: др.-инд. *jīvati* ‘lebt’, ‘живёт’, слав. *žīti*, praes. 1.sg. **živǫ*, 3.sg. **živěť*; aor. **žixъ*, 2.-3.sg. **žitъ* и **žive*, -l-part. **žilь*, f. **žilǎ*, n. **žilo*; part. praet. act. *živь*, f. **živьšǐ*, t-part. **žitъ*, f. **žitǎ*, n.

**žito* (а. п. с); || Дыбо 1961: 11; Дыбо 2000: 287–288, 496, 509, 515; Mayrhofer I: 439; Frisk I: 237–239; Pok.: 467–469 ($\sqrt{*g^{h}ei-}$ / $*g^{h}ejə-$ / $*g^{h}(i)jē-$ / $*g^{h}(i)jō-$ / $*g^{h}e-$ ‘leben’); LIV₂: 215–216 ($\sqrt{*g^{h}ejh_3-}$ ‘leben’).

6. лат. *cītum* — сущин от глагола *ciēō, ciēre* ‘приводить в движение’, sekundär (Sommer Hdb.² 509, KE. 140) *ciō, cīre*, Perf. *cīvī*, Sup. *cītum* ‘setze in Bewegung, errege, rufe herbei, rufe auf, bringe hervor’ ~ греч. *κίνῶμαι* ‘двигаюсь, трогаюсь, отправляюсь’; аор. *κίατο: ἐμνεῖτο* Hes. ‘bewegte sich’, ср. также гом. *μετ-εχίαδον* ‘folgte nach’; *κίνέω* ‘setze in Bewegung, bewege’ (но это, по-видимому, результат перестройки и переосмысления из $*κίνέφω$); аор. *ἐκίνῆσα* ‘setze in Bewegung, treibe’; *κίω* ‘gehe weg, fahre’ — позднее образование от аор. *ἐκίον*. || Дыбо 1961: 30; Fraenk. I: 251; WH I: 213–214; Frisk I: 855, 862–863; Pok.: 538–539 ($\sqrt{*kēi-}$); LIV₂: 346.

К структуре корня: см. стр. 112 под 6. лат. *cītum*.

7. лат. *litum* (< $*lītū-$), сущин от глагола *linō, lēvī, litum, -ere* ‘schmiere, beschmiere, bestreiche, überziehe’; лат. *litus* adj. (< $*lītō-$) ‘намазанный’; кельт. $*li-na-$ ‘stick’ [Vb]: др.-ирл. *lenaid* ‘folgen’ (собственно ‘klebt an einem’); валл. *can-lyn* ‘folgen’; др.-ирл. *lenom-naib* ‘lituris’; др.-брет. *linom* ‘litura’; др.-ирл. *as-lenaim* ‘besudle, oblinō’ ~ др.-инд. *lināti* (Dhātup.) , а также *layatē, līyatē, līyati* ‘schmiegt sich an, liegt an, bleibt stecken, verschwindet’, *līnah* ‘sich anschmiegend, anliegend’; греч. *λίτος* ‘гладкий’ || WH I: 807–808; Matasović: 239; Mayrhofer III: 102–103; Pok.: 662–663.

К структуре корня: см. стр. 113, под 7. лат. *litum*.

8. кельт. *ruth* ‘Umstürzen, Vernichten’, лат. *rūtus, -ūs* ‘das Aufschlagen’ (< $*rūtū-$ < $*r̥h_2u-tū-$); лат. *ruō, ruī, ruitūrus, -ere* ‘stürze, eile’ ~ др.-инд. *rāviṣam* ‘ich mag zerschlagen’; лит. *rāuti*, praes. 1.sg. *rāuju*, диал. *rāumi*, praet. 1.sg. *rōviau* ‘raufen, mit der Wurzel ausreißen, rupfen, abreißen, aushacken, hinwegraffen’; лтш. *raūt*, praes. 1.sg. *rauju* и диал. *raūmu*, praet. 1.sg. *rāvu* ‘reißen, raufen, ziehen, raffen, stehlen’; слав. $*r̥vāti$, praes. 1.sg. $*r̥vō$, 3.sg. $*r̥věť$; аор. 1.sg. $*r̥vāхь$, 2.–3.sg. $*r̥va, -l-part. *r̥valь$, f. *r̥valǎ*, n. $*r̥valo$ и $*r̥rūti$ (< $*ruti$); praes. 1.sg. $*rūjo$, 3.sg. $*rujěť$; -l-part. $*rūľ$, f. $*rulǎ$, n. $*rūlo$ || Irslinger 2002: 26; WH II: 453, 453–454; Fraenk. II: 708–709; Дыбо 2000: 286, 498, 511; Mayrhofer III: 63; Pok.: 868.

К структуре корня: см. стр. 115, под 11. лат. *rūtum*.

9. лат. *vītus* ‘Radfelge’ (< $*vītū-$ или $*vītū-$) ~ др.-инд. *vītás* ‘запутанный, витой’ ~ лит. *vítas*, лтш. *vīts*[±] ‘gewunden[±]’ ~ слав. part. $*vītъ$, f. $*vitǎ$, n. $*vīto$ (др.-русск. **пѡвѣга** acc.sg. Чуд. 26⁴, **пѡвѣ** Амф. 185б, **нзвигты** Новг. 4б, **повнлѣса** Ик. 71, **внлѣса** Ик. 70, **прѣвнлзъ** Трав. 506б) || Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 515, 523 (Дыбо 1981: 221); Зализняк 2011, II: 109, 136; Зализняк 2014: 289, 328–329; Зализняк 2019: 335–336, 381 (все s. v. **вѣти** resp. s. vv. из-винѣтися, обинѣтися, по-винѣтися).

К структуре корня: см. стр. 117, под 15. лат. *vītus*.

-но-основы

1. кельт. *bar-no-* 'Richter', 'Urteil', 'judgement': [ирл. *barn* 'Richter'; валл. *barn*; брет. *barn* 'Urteil', 'judgement'] (< **bh̥r̥nó-*); др.-инд. *bharīman-* m. 'Erhaltung, Ernährung, Nahrung', *bharītra-* n. 'Arm', als 'der tragende'; лит. *bir̃ti*, praes. 3. *bir̃sta* intr. 'streuen, ausfallen, verstreut, zerstückelt werden, zerbröckeln'; лтш. *bērt* [*bẽrt* Ruj., Salis] tr., 'schütten, streuen (vom Getreide, Sand, Asche, Salz u. Ähnlichem)', *bĩrt* intr. 'streuen, aus-, abfallen, rieseln, fließen (von Tränen)' || McCone 1991: 12; Pedersen KG. I: 51; Grassmann: 929; Fraenk. I: 40; Pok.: 128–132.

К структуре корня: и.-е. корень **bhera-/bhrē-/bh̥r̥-* 'tragen, bringen, nehmen' (в ларингалистической интерпретации: **b^herh₁-/b^hreh₁-/b^hr̥h₁-* 'брать, нести'): др.-инд. *bhárīman* m. 'Erhaltung, Ernährung, Nahrung', *bharītra-* n. 'Arm', als 'der tragende' (структура корня по греч. *ὑπερ-φερέτης* Dion. H., *φαρέτρα* Hom.+), см. Николаев 2015: 191–192. Полная ступень второй основы: греч. praes. *εἰσ-πίφορμι* 'впускать, допускать' (-i-редупликация); лит. *bir̃ti*, praes. 3. *bir̃sta* intr. 'streuen, ausfallen, verstreut, zerstückelt werden, zerbröckeln'; лтш. *bērt* [*bẽrt* Ruj., Salis] tr., 'schütten, streuen (vom Getreide, Sand, Asche, Salz u. Ähnlichem)', лтш. *bĩrt*, praes. 1.sg. *bĩrstu*, praet. 1.sg. *biru* intr. 'streuen, aus-, abfallen, rieseln, fließen (von Tränen)', супин *bĩr̃tu* (< **bh̥r̃tum*). Двойственность валентности корневой морфемы, отражённая в кельт. *bar-no-* 'Richter' и **brāthu-* 'judgement', достаточно надёжно отражается и в балто-славянском. || Irslinger 2002: 86–87; Stokes 1894: 168f.; Pedersen KG I: 115; Mühl.–Endz.: 291–292; Karulis: 122; Pok.: 130; LIV: 61f.

2. кельт. **darno-* 'piece, part' (< **d̥r̥nó-*): ср.-валл. *darn* [m], валл. *darn*, ср.-брет. *darn*, брет. *darn* 'кусок', корн. *darn* 'Stück, Teil', 'кусок' (< **d̥r̥nó-* < **d̥r̥h₁-no-*) ~ др.-инд. *d̥r̥nāh* 'доля добычи', др.-инд. *d̥r̥nāti* 'berst, macht bersten, sprengt, zerreißt', part. *d̥r̥nā-*, *dārīman-* n. 'Zerstörung'; лит. диал. *dėrti* 'драть, обдирать, обирать кого, лупить, брать непомерно много' || Дыбо 1961: 14 (№ 39); Pok.: 206–208; ср. Matasović: 90.

К структуре корня: и.-е. корень **derā-/drē-/d̥r̥-* 'schinden, die Haut abziehen, abspalten, spalten' (в ларингалистической интерпретации: **derh₁-/dreh₁-/d̥r̥h₁-*): др.-инд. *d̥r̥nāti* 'berst, macht bersten, sprengt, zerreißt', part. *d̥r̥nā-*, *dārīman-* n. 'Zerstörung'; лит. *dir̃ti*, praes. 1.sg. *dir̃tiū*, praet. 1.sg. *d̥r̃riau* (zer)reißen, prügeln, schinden, Haut abziehen', диал. *dėrti* 'драть, обдирать, обирать кого, лупить, брать непомерно много'. || Дыбо 1961: 14 (№ 39); Pok.: 206–208 (√**der-/d̥r̥-*(?)**drē-* 'schinden, die Haut abziehen, abspalten, spalten'); LIV₂: 119–120 (√**der-* 'zerreißen (intr.), zerspringen').

3. кельт. **drū-na-* 'fest' (< **drūnó-*): [др.-ирл. *dron* 'fest'; ср. gallorom. *drūtos* 'kräftig, üppig', 'сильный']; герм. **trūēnan* 'trauen', 'верить, доверять(ся); вверять': [гот. *trauen*; др.-исл. *trūa*; др.-англ. *trūwian*; др.-фриз. *trūwa*, *trōwa*; др.-сакс. *trūōn*; др.-в.-нем. *trū(w)ēn* 'trauen'], герм. **trewiwi-* 'trew': [гот. *triggws* adj. 'trew, zuverlässig'; др.-исл. *tryggr*; др.-англ. *ze-trūwe*, *ze-trēowe*; др.-вост.-фриз. *trūwe*, др.-зап.-фриз. *trouwe*; др.-сакс. *triuwi*; др.-в.-нем. *gi-triuwi* 'trew']; лит. *drūtas* (3), диал. *drūktas* (3) 'dick,

fest, stark', 'толстый, крепкий, сильный', *drūtai* 'крепко, сильно'; лтш. *drūkts* прус. *drūktai* 'крепко'.

К структуре корня: и.-е. корень **drēu-/ *drū-* 'быть крепким, надёжным' (в ларингалистической интерпретации: **drehu-/ *drhu-*): лит. *drūtas* (3), диал. *drūktas* (3) 'dick, fest, stark', 'толстый, крепкий, сильный', *drūtai* 'крепко, сильно'; лтш. *drūkts* прус. *drūktai* 'крепко'; акцентовка литовских основ и латышская прерывистая интонация свидетельствуют о рецессивной валентности корневой морфемы, об отклонении в прусском см. БСИ XVIII: 153. || Irslinger 2002; Feist: 479–480, 480; Orel: 411, 410; Fraenk. I: 107; Pok.: 214–217 (фактически лишь 216–217).

4. кельт. **lono-* 'Hammel, Schöps', 'баран (холощённый)' (< **lūnó-*): ср.-ирл. *lon* 'Hammel, Schöps' ~ др.-инд. *lūná-* 'abgeschnitten, geschnitten' [так Pok.; Mayrhofer: *lūna-* 'abgeschnitten' (seit Br.)], part. praet. pass. от *lunāti*, *lunōti* 'schneidet, schneidet ab', *lavitra-* n. 'Sichel', 'сепп' ($\sqrt{*leuā}$); греч. *λύω* 'löse, befreie; vertilge', *λύτρον* n. 'Lösegeld', *βου-λύτος* m. 'Zeit des Ausspannens der Rinder, Abend'; лат. *luō*, *-ere* 'büßen, zahlen', *solvō* (< **se-luō*), *so-lūtus*, *solūtum*, *-ere* 'löse, binde auf', 'развязываю'; 'löse ab, bezahle'; 'löse auf', 'развязываю'; 'befreie, hebe auf' ($\sqrt{*lēu-}$); герм. **lūnaz* 'Lösegeld' (< **lūná-* < **lūnó-*): [гот. *lun* acc.sg. 'Lösegeld', *us-luneins* 'Erlösung'; др.-англ. *ā-lynnan* 'erlösen']; лит. диал. (Dusetos, Linkmenes, vgl. Būga RFV: 66, 225) *liūtis*² 'abgeschnitten, verstümmelt werden'; -o-степень первой основы: др.-инд. *lāva-* m. 'Abschnitt'; ступень удлинения -o-огласовки: герм. **lāuwō* (< **lāuā*) [др.-исл. *lōgg* f. 'Boden eines Fasses, Kimme', 'дно обрубной посуды, упор' (< прасев. **laggwō* < прагерм. **lauwō*); др.-в.-нем. *lō*, gen.sg. *lōwes*]; греч. *ἀλωή* 'Tenne', 'гумно, ток, вообще, всякая площадка выровненная и возделанная' (< **āλωφή*) ~ лтш. *lāva* f. 'полók (в бане); полати, нары; лежанка; стоговище, подстожье, подстожник'; прерывистая интонация указывает на рецессивность корневой морфемы.¹⁶ || Mayrhofer III: 106–107; Frisk I: 82–83; Feist: 338; De Vries:

¹⁶ Сюда, по-видимому, не относятся: лит. *liūtis*¹, praes. 3. *liūnasi*, praet. 3. *liōvėsi* 'переставать, прекращаться'; лтш. *ļaut*, praes. 3. *ļauj*, praet. 3. *ļāva* 'позволять, отдаваться'; прусск. *au-lāut* 'умереть'; слав. **lūnōti* 'пропадать, гибнуть, умирать', **lėviti* 'ослаблять' [укр. диал. угор. *poliviti*, praes. -*влó*, -*виú* 'облегчиться кому, сделаться лучше кому'. *Йому поливіло* (Гринченко); *lėviti* 'nachgeben, nachlassen', *poliviti komu* 'Erleichterung, Linderung verschaffen, nachgeben, nachlassen' (Желеховский)]; герм. **lėwjan-* 'to deliver, betray': [гот. *lewjan*, *fra-lewjan* 'verraten', *ga-lewjan* 'überliefern, verraten'; др.-англ. *lāwan* 'verraten'; др.-в.-нем. *gi-lāwen*, *fir-lāen* 'verraten']; герм. **lūja-*: [др.-исл. *lūja* 'schlagen, (mürbe) klopfen, entkräften', 'разбивать, размягчать; ослаблять', норв. диал. *lua* 'abrinden', 'отдирать кору, ослабляя её лёгким постукиванием']. || Гринченко III: 284; Желеховский I: 407; II, 689; Kroonen: 335; Stang Lex.: 32; Trautmann BSW: 161; ЭССЯ 15: 28; 16: 176; Pok.: 666 ($\sqrt{*lē(i)-}$ 'nachlassen'); 681–682 ($\sqrt{*leu-/ *leuā-}$ и $\sqrt{*lēu-/ *lėu-}$ 'abschneiden,

373; Orel: 251; Дыбо 1961b: 24; Дыбо 2008: 562, 566; Fraenk.: 363a; Karulis: 552; Pok.: 681–682, 962.

К структуре корня: и.-е. корень **l̥eǵa-/ *l̥i-* ‘abschneiden, trennen, loslösen; geschnitten’ (в ларингалистической интерпретации: **leh₁uH-/ *lh₁uH-*): позиция расчленения (тест 9-го класса): др.-инд. *lunāti*, *lunōti* ‘schneidet, schneidet ab’; нулевая ступень в таутосиллабической позиции: part. *lūnā-* ‘abgeschnitten, geschnitten’; полная ступень первой основы: *lavitra-* н. ‘Sichel’, ‘серп’ (*√*leǵa-*); греч. *λύω* ‘löse, befreie; vertilge’, *λύτρον* н. ‘Lösegeld’, *λαῖον* ‘Pflugschar’ (< **λαζιον*); алб. *laj*, гер. *lāj* ‘zahle eine Schuld’ (< **l̥auǵō*); -o-ступень первой основы: др.-инд. *lāva-* м. ‘Abschnitt’; ступень удлинения -o-огласовки: герм. **lāuwō* (< **l̥auā*): [др.-исл. *logg f.* ‘Boden eines Fasses, Kimm’, ‘дно обрубной посуды, упор’ (< прасев. **laggwō* < прагерм. **lawwō*)]; греч. *ἀλωή* ‘Tenne’, ‘гумно, ток, вообще, всякая площадка выровненная и возделанная’ (< **ἀλωφῆ*) ~ лтш. *lāva f.* ‘полок (в бане); полати, нары; лежанка; стоговище, подстожье, подстожник’; прерывистая интонация указывает на рецессивность корневой морфемы. || Mayrhofer III: 106–107; Feist: 338; Orel: 251; Дыбо 1961b: 24; Дыбо 2008: 562, 566; Fraenk.: 363a; Karulis: 552; Pok.: 666 (*√*lē(i)-* ‘nachlassen’); 681–682 (*√*leu-/ *leǵa-* и *√*l̥eu-/ *l̥au-* ‘abschneiden, trennen, loslösen’), 962 (*√*(s)leu-* ‘schlaff’); LIV₂: 417 (*√*leuH-* ‘abschneiden, lösen’).

5. кельт. **starno-* ‘pavement’ (< **st̥r̥nó-*): валл. *sarn* ‘pavement’, ‘настил, носилки’, *ystarn* ‘вьючное седло’ ~ др.-инд. part. *stīrṇá-* ‘ausgebreitet, hingestreut’, *stīrṇāti* ‘breitet aus, streut’, *stārī-man-* ‘Ausbreitung, Ausstreuung’; греч. *στροτώς* ‘ausgebreitet’, *στροῶμα* н. ‘Ausgebreitetes, Teppich, Lager’; др.-ирл. *sernim* ‘breite aus’. || Matasović: 354; Mayrhofer III: 517–518; Pok.: 1029–1030.

К структуре корня: и.-е. корень **sterǵ-/ *st̥r̥-/ *st̥r̥e-* ‘ausbreiten, ausstreuen’ (в ларингалистической интерпретации: **sterh₁-/ *st̥r̥h₁-/ *st̥r̥eh₁-* ‘ausbreiten, ausstreuen’): др.-инд. (позиция расчленения: тест 9 класса): *stīrṇāti* ‘breitet aus, streut’, полная ступень первой основы: *stārī-man-* ‘Ausbreitung, Ausstreuung’; нулевая ступень в таутосиллабической позиции: др.-инд. part. *stīrṇá-* ‘ausgebreitet, hingestreut’, кельт. **starno-* ‘pavement’ (< **st̥r̥nó-*) и лат. *strātus*, f. *strāta* ‘расстеленный’ (< **st̥r̥to-*); сунпин *strātum* (< **st̥r̥tu-m*) от глагола *sternō* ‘breite aus, breite hin, streue hin, lege nieder, lagere; ebne, glätte; bedecke, bestreue’; при подобной же двойственности акцентуационной валентности в балто-славянском: др.-русск. sg. f. **простѣрта** [Цв. 72б], pl. **простѣрты** [Цв. 57б]; -l-part. f. **не простѣрласа** [Увар. 534б], м. **простѣрлз** [Цв. III-43]; при редких следах а. п. *b* в презенсе: 3 sg. **прѣстреть** [Сенн. 194г] ([Зализняк 2011, II: 106; Зализняк 2014: 285; Зализняк 2019: 331]); совр. русск. *простѣрт*, *простѣрта*, ср. также лит. *stirta* (I), лтш. *stīrta* ‘скирда’¹⁷; но др.-инд.

trennen, loslösen’), 962 (*√*(s)leu-* ‘schlaff’); LIV₂: 399 (*√*leh₁-/ *leh₁(u)-* ‘nachlassen, (zu)lassen’), (*√*(s)lēu-*), 565 (*√*sleh₁b-* ‘schlaff sein’)]. См. стр. 89.

¹⁷ Таким образом, приводимые мной южнославянские материалы ([Дыбо 2000: 490, 501]), равно как и др.-русск. part. praet. act. nom. sg. **прѣстрѣ** [Чуд. 17¹] ([Дыбо 2000: 514; Зализняк 2011, II: 106]) и вариант а. п. *c* у А. А. Зализняка, — эта генеративизация а. п. *c* является, по-видимому, результатом победы диалектной ин-

sīrnāh и приводившиеся мной ещё раньше южнославянские материалы: серб. XV в.: аог. 2 pl. **нѣ прострѣтъѣ** [Ев.-апр. 240a], 3 sg. **прѣстрѣтъъ** [Ев.-апр. 76a], **прѣстрѣтъъ** [Апост. 79^Б20], **прѣстрѣтъ се** [Ев.-апр. 193^Б]; ср.-болг. XV в. *-l-part.* **прѣстрѣтъль ѣси** [Сб. №151: 250^{4Б}], *part.praet.act.* **Прѣстрѣтъль ѣси** [Сб. №151: 290^{25Б}]; хорват. XVII в. аог. 2–3 sg. *obztre nyé* [Petr. 165] ([Дыбо 2000: 490, 501]), равно как и др.-русск. *part.praet.act. nom. sg.* **прѣстрѣ** [Чуд. 17¹] ([Дыбо 2000: 514; Зализняк 2011, II: 106; Зализняк 2014: 285; Зализняк 2019: 331]) и вариант а. п. с у А. А. Зализняка: *praes. 1 sg.* **прѣстрѣ** [Тар. 82], 3 sg. **прострѣтъ** [Новг. 227 etc.], 2. pl. **прострѣтъѣ** [Постн. 97]; *-l-part.* **распрострѣтъльса** [Хлуд. 129], **распрострѣтъльса** [Хлуд. 129^Б] ([Зализняк 2011: 106; Зализняк 2014: 285; Зализняк 2019: 331]). || [WH II: 590–591; Mayrhofer III: 517–518; Pok. 1953: 1029–1030]; эта двойственность, согласно выдвинутой мной тональной гипотезе, связана с нисходящим тоном корневой морфемы в тональной системе с регистровыми тонами (см. соответствующие материалы в моих работах по акцентологии сахарских языков).

В. Кельто-италийские баритона.

-to-основы

1. кельт. **bīto-* (< **bhīto-*): ирл. *bith* (в *praet.pass.* *ro-bith*, от Vг. др.-ирл. *benaid* ‘schlägt’, ‘strikes’) ~ слав. *part.praet.pass.* **bītъ*, f. **bīta*, n. **bīto*, *praes. 1.sg.* **bījō*, 3.sg. **bījetъ*; *part. act. praes.* **bījē*, **bījōtji*; *inf.~sup.* **bīti* ~ **bītъ*; аог. 1.sg. **bīxъ*, 3.sg. **bī*; *-l-part.* **bīлъ*, f. **bīla*; *part. act. praet.* **bīвъ*, f. **bīвъši* ~ авест. *byente* ‘sie bekämpfen, schlagen’; греч. *φίτρος* m. ‘Baumstamm, Holzscheit’, *φίμος* m. ‘Knebel, Maulkorb’; армян. *bir* ‘großer Stock, Keule’. || Matasović: 65–66; De Bernardo Stempel 1999: 442; Irslinger 2002: 431; Isaac 27: (ударение ошибочно: < **b^hi_h-tō-*).

К структуре корня: и.-е. корень **bheiə-/ *bhī-* ‘schlagen’ (в ларингалистической интерпретации: **b^heiH-/ *b^hiH-*): русск. *от-бѣм*, *за-бѣм*, n. *от-бѣмо*, *за-бѣмо*, f. *бѣма*, *от-бѣма*, *за-бѣма*; ср. слав. *praes. 1.sg.* **bījō*, 3.sg. **bījetъ*; *part. act. praes.* **bījē*, **bījōtji*; *inf.~sup.* **bīti* ~ **bītъ*; аог. 1.sg. **bīxъ*, 3.sg. **bī*; *-l-part.* **bīлъ*, f. **bīla*; *part. act. praet.* **bīвъ*, f. **bīвъši* ~ авест. *byente* ‘sie bekämpfen, schlagen’; греч. *φίτρος* m. ‘Baumstamm, Holzscheit’, *φίμος* m. ‘Knebel, Maulkorb’; LIV₂: 72 предлагает ещё греч. *φίτν* ‘Keim, Sproß’ и алб. *(m-)bin* ‘keimt, sproßt’; армян. *bir* ‘großer Stock, Keule’; др.-ирл. *ben(a)id* ‘schlägt’, *ro-bith* ‘wurde geschlagen’, *bīthe* ‘geschlagen’ || Льюис-Педерсен: § 505; Дыбо 1961: 15, 19, 31–32; Pok.: 117–118 (**bhei(ə)-/ *bhī-*); LIV₂: 72 (**b^heiH-* ‘schlagen’). Славянский материал указывает на доминантную валентность этого глагольного корня.

2. кельт. **gnāto-* ‘known, usual’ [Adj] (< **g^hñto-* < **g^hñ_hto-*): др.-ирл. *gnāth* ‘gewohnt, bekannt’, ср.-валл. *gnawt* ‘usual, customary’, ‘обычный,

новации, связанной со спецификой отображения нисходящего индоевропейского тона в акцентной системе. Для рецессивности второй основы ср.: прагерм. **strōdū-* < **strōþū-* (< **strō-tō-s* < **strō-to-s*) ~ греч. *στροτός* *part. praet. pass.* (< **strō-tō-s* < **strō-tō-s* < **strō-to-s*).

привычный'; др.-брет. *gnot* 'usual' ~ лтш. *pazīts* 'знакомый', др.-в.-нем. *kund*, гот. *kunþs* 'знакомый, известный' || Matasović: 162; WH I: 614, Isaac 27: (ступень аблаута и ударение ошибочны: < **ġnoh₃-tó-*).

К структуре корня: см. стр. 52, под I. 7. герм. **knāja-* 'знать'.

3. др.-лат. *gnātus*, -a, -um 'geboren', 'рожденный' (< **ġñto-*) > лат. *nātus* ~ герм. **kunþa-z* part. 'рожденный' [др.-исл. -*kunnr* в др.-исл. *alf-kunnr* adj. 'af alve-herkomst', *ás-kunnr* adj. 'oprunden af aserne, af gude-herkomst; богорожденный', *regin-kunnr* adj. 'fra guderne stammende, om runerne'; др.-в.-нем. aD *gomman-kund* 'männlich', MF *man-kund* 'männlich', T, BR, aD, Ab *got-kund* 'göttlich'; и в гот. *ga-kunþs* 'Geburt' (только в *uf gakuþai* Lc 3:23, греч. ἀρχόμενος)]. Относительно доминантности корня ср. также лит. *žentas* I 'зять' и лтш. *znuōts* 'Schwiegersohn; Schwager, Schwesternmann' || Barber: 118, 130; Heidermanns: 347; Egilsson: 350, 7, 31, 460; Pok.: 373–375; Orel: 223; Frisk I: 306–308; WH I: 597–600; Дыбо 1961b: 9–34; Дыбо 2007.

К структуре корня: и.-е. корень **ġenā-/ġnē-/ġñ-* 'erzeugen' (в ларингалистической интерпретации: **ġenh₁-/ġneh₁-/ġñh₁-*): нулевая ступень корня, отразившаяся в латинском пассивном партиципе претерита, хорошо представлена в германском: герм. **kunþa-z* part. 'рожденный' [др.-исл. -*kunnr* в др.-исл. *alf-kunnr* adj. 'af alve-herkomst', *ás-kunnr* adj. 'oprunden af aserne, af gude-herkomst; богорожденный', *regin-kunnr* adj. 'fra guderne stammende, om runerne'; др.-в.-нем. aD *gomman-kund* 'männlich', MF *man-kund* 'männlich', T, BR, aD, Ab *got-kund* 'göttlich'; и в гот. *ga-kunþs* 'Geburt' (только в *uf gakuþai* Lc 3:23, греч. ἀρχόμενος)]. Относительно доминантности корня ср. также лит. *žentas* I 'зять' и лтш. *znuōts* 'Schwiegersohn; Schwager, Schwesternmann' || WH I: 597–600; Дыбо 1961b: 9–34; Дыбо 2007; Pok.: 373–375.

4. кельт. **gnīto-* 'порожденный, сотворенный': др.-ирл. *ro-gnith* (< **gnéto-*) praet.pass. conj. от др.-ирл. praes. sg. I. *gnīu* 'ich mache, tue', 3. *gnīud* 'makes, does' ~ лит. *žentas* (I) 'зять'; лтш. *znuōts* 'Schwiegersohn; Schwager, Schwesternmann' || Thurneysen: 438; Matasović: 163–164; Fraenk.: 130I; Mayrhofer I: 415, 416; Pok.: 373 (√*ġen-*, *ġenā-*, *ġnē-*, *ġnō-* 'erzeugen'); Isaac 27: (ошибочно: < **ġneh₁-tó-*).

К структуре корня: и.-е. корень **ġenā-/ġnē-/ġnō-* 'erzeugen' (в ларингалистической интерпретации: **ġenh₁-/ġneh₁-/ġnoh₁-*): тот же корень, но представлен в кельтском в полной ступени второй основы. В отличие от корня **ġenā-/ġnē-/ġnō-* 'erkennen, kennen', этот корень показывает доминантность во всех формах (ступенях аблаута) и, следовательно, имеет высокий тон, о чём свидетельствуют балтийские примеры: лит. *žentas* (I) 'зять'; лтш. *znuōts* 'Schwiegersohn; Schwager, Schwesternmann' (√**ġenā-/ġnē-/ġnō-* 'erkennen, kennen', как показано выше, имел, вероятно, нисходящий тон) || Thurneysen: 438; Matasović: 163–164; Fraenk.: 130I; Mayrhofer I: 415, 416; Pok.: 373 (√*ġen-*, *ġenā-*, *ġnē-*, *ġnō-* 'erzeugen'); LIV₂: 163 (√**ġenh₁-* 'erzeugen').

5. лат. *grātus*, -a, -um 'erwünscht, willkommen', 'gefällig, anmutig; dankbar', 'приятный, милый' (< *g^hīto-); лтш. *to*-прич. *dziīrts* 'прославленный' (< *g^hītos) от глагола *dziīrt*, praes. 1.sg. *dziīru*, praet. 1.sg. *dzīru* 'rühmen'; но др.-инд. *gūrtāh* 'приятный, желанный' || WH I: 619; Mühl.-Endz. I: 555; Karulis: 257.

К структуре корня: и.-е. корень *g^herǝ-/g^hī- 'loben, preisen, willkommen heißen' (в ларингалистической интерпретации: *g^herH-/g^hīH-): др.-инд. ved. *gṛātī* 'beglückt, rühmt', part. praet. pass. *gūrtāh* 'приятный, желанный'; доминантную валентность корневой морфемы показывает латышский: лтш. *to*-прич. *dziīrts* 'прославленный' (< *g^hītos) от глагола *dziīrt*, praes. 1.sg. *dziīru*, praet. 1.sg. *dzīru* 'rühmen', плавная интонация свидетельствует о неподвижной акцентной парадигме с накоренным ударением (доминантная валентность корневой морфемы); показание латышского подтверждает и старославянский: страдательное причастие **пожърен** и Супр. 460¹² является закономерной заменой баритонированного *-to*-part. с накоренным ударением. Процесс замены баритонированных *-to*-part. на *-en*-part. происходил, по-видимому, во всех южнославянских языках, но следы старого состояния иногда обнаруживаются в среднеболгарских рукописях юго-восточной локализации написания (точнее, конечно, говора писца). Основы баритонированных *-to*-part. сохраняются в именных образованиях (существительных): **жрътѣна** Супр. 148³⁰. Латинский рефлекс хорошо согласуется с балто-славянским акцентным типом. || WH I: 619; Mühl.-Endz. I: 555; Karulis: 257; Karl H. Meyer: 178–179, 78; Pok.: 478 (√*g^herǝ-/g^hī- 'die Stimme erheben', 'loben, preisen, willkommen heißen'); LIV2: 210–211 (√*g^herH- 'Zustimmung bekunden').

6. кельт. *k^wī-to- 'куплен' (< *k^wrih₂-to-): др.-ирл. *críth* praet. pass. conj. от ирл. *crenaid* 'buys', 'покупает', валл. *prid* 'expensive', 'дорогой'; др.-русск. *крьнути* 'купить', praes. 3.sg. *крьнетъ*, part. praet. pass. *укриенъ* 'купленный', который свидетельствует о баритонезе восстанавливаемой праславянской формы *krītos (в ст.-слав. языке баритонированные причастия на *-tos* были заменены причастиями на *-enos*; о существовании ранее в славянском причастия на *-tos* от этого глагола свидетельствует производное от этого причастия существительное: *no|kriuii* 'по искуплении' Усп. сб. 207_{V14–15}) и, соответственно, о неподвижной баритонированной акцентной парадигме данного праславянского глагола. || Matasović: 182; Льюис–Педерсен: 335; Исаак: 27–28; (ударение ошибочно: < *k^wrih₂-tó-).

К структуре корня: и.-е. корень *k^wreiǝ-/k^wī- 'kaufen' (в ларингалистической интерпретации: *k^wreih₂-/k^wīh₂-): др.-инд. *krīnāti* 'kauft' (-ī- восстановлено по *krītā*-part.); первичное состояние сохранено в др.-русск. **крьнѣти** 'купить, взять': praes. 3.sg. **крьнетъ** || Matasović: 182; Льюис–Педерсен: 335; Фасмер II: 371–372; Pok.: 648 (√*k^wrei- 'kaufen'); LIV2: 395–396 (√*k^wreih₂- 'eintausch, durch Tausch erwerben').

7. кельт. *mlāto*- m. 'flour', 'мука' (< *ml̥tos < *ml̥H-tos): [валл. *blawd* m. 'flour', 'мука', ср.-валл. *blawt* m., др.-корн. *blot*, ср.-брет. *bleud* m. 'мука' (< *ml̥tos < *ml̥tos)] ~ лит. *miltai* (мн.) (I) 'мука', лтш. *milti* (мн.) 'мука'; др.-

-инд. *mṛṇāti* 'zermalmt, mahlt', part. praet. pass. *mṛṇá-* 'размолотый'; слав. praes. 1.sg. **meljǫ*, 3.sg. **mèljety* (а. п. *b*) ~ лтш. *maīt* 'mahlen' || Matasović: 273–274; Дыбо 1961: 18; Mayrhofer II: 698–699; Pok.: 716–717; De Bernardo Stempel 1987: 130 (ударение ошибочно: < **mḷH-tó-* 'gemahlen').

К структуре корня: и.-е. корень **melə-/*mlē-/*mḷ-* 'zermalmen, schlagen, mahlen' (в ларингалистической интерпретации: **melh₁-/*mleh₁-/*mḷh₁-*): др.-инд. *mṛṇāti* 'zermalmt, mahlt', part. praet. pass. *mṛṇá-* 'размолотый'; слав. praes. 1.sg. **meljǫ*, 3.sg. **mèljety* (а. п. *b*) ~ лтш. *maīt* 'mahlen'; лит. *milta* (мн.) (1) 'мука́', лтш. *milti* (мн.) 'мука́' || Matasović: 273–274; Дыбо 1961: 18; Mayrhofer II: 698–699; Pok.: 716–717; De Bernardo Stempel 1987: 130 (ударение ошибочно: < **mḷH-tó-* 'gemahlen'); Pok.: 716–718 (√**melə-/*mlē-/*mḷ-* 'zermalmen, schlagen, mahlen'); LIV₂: 432 (√**melh₂-* 'zerreiben, mahlen').

8. лат. *pūto-* (< **pūto-* в *pūtēre* 'гнить') ~ лит. *pūti*, praes. 1.sg. *pīvù* и *pūnù* или *pūstu* 'faulen, modern, verwesen, vereitern, verfallen, faul im Bett liegen'; лтш. *pūt*, praes. 1.sg. *pūstu*, praet. 1.sg. *puvu* 'faulen, modern, faulenz, lange schlafen'; др.-инд. *pūyati* 'wird faul, stinkt', || WH II: 393; Mayrhofer II: 322; Fraenk. II: 680–681; Дыбо 1961: 31.

К структуре корня: см. стр. 54, под I. 10. герм. **fūna-* 'faulen'.

9. кельт. **-rē-to-* или **-rī-to-* 'wurde verkauft' (< **h₂rē(i)-to-* или < **arəi-to-* < **h₂r_hi-to-*): др.-ирл. *-rith* praet. pass. conj. от *renaid* 'sells', 'продаёт' (< кельт. **ri-na-* < **h₂r_hi-nā-* < **h₂r_h-neh₁-*) ~ || McCone 1991: 37–40; Irslinger 2002: 27–28; Matasović: 122; Isaac: 28: (ударение ошибочно: < **h₂r_hiH-tó-*).

К структуре корня: и.-е. корень **arē(i)-* 'geben, schenken', 'zählen, rechnen' (в ларингалистической интерпретации: **h₂reh₁(i)-* 'geben, schenken', 'zählen, rechnen'): лат. *reor*, *ratus sum*, *rēri* 'berechnen, meinen, dafürhalten', 'думать, полагать, считать', *rītus* 'religious observances', 'религиозный обряд'; греч. ἀριθμός 'Zahl', ῥῆιτος 'ungezählt'. || McCone 1991: 37–40; Irslinger 2002: 27–28; Matasović: 122, 313; Pok.: 59–61 (√**rē-/rə-*), 860 (√**rei-/rēi-* 'Besitz, Sache'); LIV₂: 499 (√**reh₁-* 'zählen, rechnen'); Isaac 28: (ударение ошибочно: < **h₂r_hiH-tó-*).

10. лат. *rūto-* (< **rūto-* в *rūta* pl. от **rūtum*), part. praet. pass. от *ruō*, *rūi*, *rūtus*, *-ere* 'wühle, scharre', 'копаю, рою; скребу'; др.-исл. *rýja* 'den Schafen die Wolle ausreißen' ~ слав. praes. 1.sg. **rǫjǫ*, 3.sg. **rǫjety*; inf. **rǫti*, aor. 1.sg. **rǫxъ*, 2–3.sg. **rǫjъ*; *-l*-part. **rǫlъ*, f. **rǫla*, n. **rǫlo*; *-to*-part. *rǫtъ*, f. *rǫta*, n. *rǫto* [русск. *рыть*, praes. *рою*, 3.sg. *роет*; болг. диал. 1.sg. *rǫja*, 2.sg. *rǫš*; словен. 1.sg. *rǫjet*; русск. *-l*-part. *рыл*, *зарыл*, f. *рыла*, *зарыла*; схрв. шток. *rǫo*, f. *rǫla*, n. *rǫlo*; словен. *rǫl*, f. *rǫla*, n. *rǫlo*; русск. *-to*-part. *зарыт*, f. *зарыта*, n. *зарыто*]. || WH II: 453–454; Дыбо 2000: 228, 278, 497, 510, 522, 542;

К структуре корня: см. стр. 53, под 8. герм. **rūja-*.

11. лат. *spūtus*, *-a*, *-um* 'выплюнутый' (< **spūto-*), supin *spūtum* (< **spūtu-m*), от глагола *spuō*, *spuī*, *spūtum*, *-ere* 'spucke', 'плевать'; др.-инд. *ṣthīvatī* 'spuckt, speit aus', 'плюёт, выплёвывает; извергает'; греч. πτύω 'spucke' ~ лтш. *splaūt*, praes. 1.sg. *splaūju*, supin *splaūttu*, *-to*-part. *splaūts* 'вы-

плонутый'; русск. нормат. XIX в. *плевать*, praes. 1.sg. *плюю*, 3.sg. *плюет*; но др.-инд. *ṣṭhyūtāh* 'ausgespuckt' || WH II: 580–581;

К структуре корня: см. стр. 49, под I. 1. герм. **spīwa-* ~ **sp(i)ūja-* 'плевать'.

12. лат. *lātus*, -a, -um 'breit, breitspuring, gespreizt; weitläufig' (< др.-лат. *stlātus* 'широкий, обширный, растянутый', < **stl̥to-* < **stl̥h₂-to-* или скорее¹⁸ < **stlā-to-* < **stléh₂-to-*): лтш. *slāt* AP., Vasuke '(iz)klāt, kṛaut' (< **stlā-*); слав. praes. 1.sg. **steljō*, 3.sg. **stèljetь*, -l-part. **stblālь*, f. **stblāla* (русск. *стелю*, *стелешь*, *стлал*, *стлала*, укр. *стелю*, *стелеш*, *слав*, *слала* (< **стлā-*); словен. *stèljem* (é < è), *stlāl*, *stlāla*, *stlālo*; болг. *стеля*, *стелуи*, с переходом в *i*-спряжение); лит. ? *tiltas* (I), лтш. *tīlts* 'мост'; || WH I: 772; Дыбо 2000: 270; Karulis: 850–851, 852, 1040–1041; Mühl.–Endz. III: 924;

К структуре корня: и.-е. корень **stelā-/stlā-* 'ausbreiten, flach hinbreiten' (в ларингалистической интерпретации: **stelh₂-/stl̥h₂-*): лтш. *slāt* AP., Vasuke '(iz)klāt, kṛaut', '(разо)стлать, нагрузить' (< **stlā-*); слав. praes. 1.sg. **steljō*, 3.sg. **stèljetь*, -l-part. **stblālь*, f. **stblāla* (русск. *стелю*, *стелешь*, *стлал*, *стлала*, укр. *стелю*, *стелеш*, *слав*, *слала*; словен. *stèljem*, *stlāl*, *stlāla*, *stlālo*; болг. *стеля*, *стелуи*, с переходом в *i*-спряжение; ст.-слав. **СТЕЛѢЖ**, **СТЕЛѢШИН**, **СТЪЛААЖ**, **СТЪЛААЛ**); ? лит. *tiltas* (I), лтш. *tīlts* 'мост' ~ др.-инд. *tīrtā-* 'Steig zum Wasser, Furt, Badeplatz'. Балто-славянские соответствия указывают на доминантную валентность корневой морфемы. || WH I: 772; Дыбо 2000: 270; Karulis: 850–851, 852, 1040–1041; Mühl.–Endz. III: 924; Fraenk.: 1094; Pok.: 1018–1019 (√**stel-/stela-/stlā-* 'ausbreiten, flach hinbreiten'); LIV₂: 594 (√**stel-* 'hinstellen, bereit machen').

13. лат. *strātus*, f. *strāta* 'расстеленный' (< **stl̥to-*); и супин *strātum* (< **stl̥tu-m*) от глагола *sternō*, *strāvī*, *strātum*, -ere 'breite aus, breite hin, streue hin, lege nieder, lagere; ebne, glätte; bedecke, bestreue'; др.-ирл. *sernim* 'breite aus'; др.-инд. *stṛnāti* 'breitet aus, streut', part. praet. pass. *stīrnāh* 'ausgebreitet, hingestreut', *stārīman-* n. 'Ausbreitung, Ausstreuung'; эту основу следует отделить от др.-инд. *stṛnōti*, *stārati* 'streckt nieder, unterwirft, besiegt', 'сыплет, бросает' (ср. Mayrhofer III, 518) ~ др.-русск. sg. f. **простѣрта** Цв. 72б, pl. **простѣрты** Цв. 57б; -l-part. f. **не простѣрлася** Увар. 534б, m. **простѣрлз** Цв. III-43; при редких следах а. п. *b* в презенсе: 3.sg. **прбстреть** Сенн. 194г (Зализняк 2011, II: 106; Зализняк 2014: 285; Зализняк 2019: 331); совр. русск. *простѣрт*, *простѣрма*, ср. также лит. *stīrta* (I), лтш. *stiřta* 'скирда'; но др.-инд. *stīrnāh* и *stṛtāh*. || WH II: 590–591; Mayrhofer III: 517–518; Pok.: 1029–1030;

К структуре корня: см. стр. 122, под 5. кельт. **starno-*.

14. лат. *sūtus* 'шитый' (< **sūtō-*) ~ лтш. *šūts* 'шитый'; слав. praes. 1.sg. **šijō*, 3.sg. **šijetь*, -to-part. **šitь*² (юго-западнорусск. XVI–XVII в. **шюю** Гр. Зиз. 56б, Гр. См. Ү3б; укр. *шюю*, *шюеш*, блр. *шыюю*, *шыеш* Івашуціч 84;

¹⁸ Если прав С. Г. Болотов (2012: 95), то в лат. **Réh₂ > Rā*, а **ṛh₂ > Rē* (аналогично: **Réh₁ > Rē*, а **ṛh₁ > Rī*, **Réh₃ > Rō*, а **ṛh₃ > Rā*).

болг. диал. банат. *ишйѧ, заишйѧ*, Wysoka *šija, šiš*; сев.-чак. Нови *šjēn*; ст.-хорв. XVII в. Ю. Крижанич **Шјѧем** Гр. 90^l, 214; **Зашијѧем** Гр. 214; сев.-кайк. Бедня **šējiam*, Пригорье **zešjētem* Valj. Rad 118: 67; словен. *šjētem*, угор.-словен. praes. 3.sg. *šjje*, 3.pl. *šjjejo* Valj. Rad 67: 83 [в северно-чакавском, кайкавском и словенском переход рефлекса акута в «новый циркумфлекс»], *-to-part.* русск. *зашиѧт*, f. *зашиѧта*, n. *зашиѧто*, pl. *зашиѧты*, чл. ф. *зашиѧтѧй*; но др.-инд. *syūtāh* ‘шитый’ не релевантно из-за генерализации в ведийском конечного ударения в отглагольных *-to-*прилагательных || WH II: 631–632; Дыбо 1961: 18; Дыбо 2000: 276, 489, 496, 509, 518–519, 522, 523 (= Дыбо 1981: 221), 542.

К структуре корня: см. стр. 50, под I. 2. герм. **sīja-* ‘шить’.

15. лат. *trītus, -a, -um* ‘abgerieben, geübt’, ‘тёртый’ (< **trī-to-*), лат. *terō, trīvī, trītum, terere* ‘reibe (ab), zerreibe, dresche’ ~ лит. *trintas, inf. trinti*, praes. 1.sg. *trinù*, praet. 1.sg. *trýniau* ‘(durch)reiben, feilen’; лтш. *trīts* ‘тёртый’; слав. **tǫrtь*, но греч. *τρητός* ‘durchbohrt, durchlöchert’; *τείρω* ‘reibe (auf), bedränge, quäle, betrübe’, *τίτρημι, τιτρώω* ‘zerreibe, durchbohre’, fut. *τηήσω* || WH II: 672–673; Дыбо 1961: 19; Fraenk.: 1124–1125, ... 1102; Дыбо 2000: 263, 330, 481–482, 488, 491, 503, 523; Pok.: 1071–1073.

К структуре корня: и.-е. корень **terə-/trē-/tǫr̥-//trēi-/trī-* ‘reiben; drehend reiben; durchbohren’ (в ларингалистической интерпретации: **terh₁-/treh₁-/tǫh₁-//trēh₁-/trīh₁-*): греч. *τείρω* ‘reibe (auf), bedränge, quäle, betrübe’, *τίτρημι, τιτρώω* ‘zerreibe, durchbohre’, aor. *ἐτρησα* ‘durchbohre’, fut. *τηήσω*; лат. *terō, trīvī, trītum, terere* ‘reibe, reibe ab, zerreibe’ ~ лит. *trintas, inf. trinti*, praes. 1.sg. *trinù*, praet. 1.sg. *trýniau* ‘(durch-)reiben, feilen’; лтш. *trīts* ‘тёртый’, inf. *trīt*; слав. praes. sg. 1. **tǫr(j)ǫ*, 3. **tǫr(j)etь*; inf. ~ sup. **tǫrti ~ *tǫrtь*; aor. sg. 1. **tǫrxь*, 2–3. **tǫr-, -l-part.* **tǫrь*, f. **tǫrla*; part. praet. act. **tǫrь*, f. **tǫrьsī*. Таким образом, и балтийские, и славянские формы показывают доминантность корневой морфемы. || WH II: 672–673; Дыбо 1961: 19; Fraenk.: 1124–1125, ... 1102; Дыбо 2000: 263, 330, 481–482, 488, 491, 503, 523; Pok.: 1071–1073.

-tu-ОСНОВЫ

1. кельт. **bīthu-* ‘Schlagen; Wunde’ (< **bh₁th₁-* < **b^hiH-tu-*): др.-ирл. *bith* ‘Schlagen; Wunde’ от Vr. др.-ирл. *benaid* ‘schlägt’, ‘strikes’ ~ слав. praes. sg. 1. **bījǫ*, 3. **bījety*; part. praes. act. **bīje*, f. **bījotji*; inf. ~ sup. **bīti ~ *bītь*; aor. sg. 1. **bīxь*, 3. **bī*; *-l-part.* **bīlь*, f. **bīla*; part. praet. act. **bīvь*, f. **bīvьsī*; part. praet. pass. **bītь*, f. **bīta*, n. **bīto*, ~ авест. *byente* ‘sie bekämpfen, schlagen’; греч. *φίτρος* m. ‘Baumstamm, Holzscheit’, *φίμος* m. ‘Knebel, Maulkorb’; армян. *bir* ‘großer Stock, Keule’. || Matasović: 65–66; De Bernardo Stempel 1999: 442; Irslinger 2002: 29, 431; Isaacs: 27: (ударение ошибочно: < **b^hiH₂-tó-*).

К структуре корня: см. стр. 123, под I. кельт. **bīto-*.

(?) 2. кельт. **brāthu-* ‘judgement’, ‘приговор, решение суда; суждение’ (< **bh₁th₁-*): др.-ирл. *bráth*, gen. *-o* (m. u) ‘judgement’, ‘(Jüngstes) Gericht, Jüngster Tag’, ‘приговор, решение суда; суждение’; др.-валл. *braut* ‘суд’.

ср.-валл. *brawd* (f.) 'Urteil', 'judgement', 'приговор; кара; суждение'; корн. *bres* 'Urteil'; ср.-брет. *breut* (m.) 'Debatte, Plädoyer'; галльск. *βρωτου* из формулы *βρωτου|δεχαντεν* (z.B. RIG I, G-64, -65, -203, соответственно *βρωτου|δεχαντεμ* G-27) и у Цезаря (Bellum Gall. 2.13.2) зафиксирован топоним *Brätuspantium* (Pedersen: I 52; Pok.: 130). ~ лит. *birti*, praes. 3. *birsta* intr. 'streuen, ausfallen, verstreut, zerstückelt werden, zerbröckeln'; лтш. *bērt* [*beřt* Ruj., Salis] tr., 'schütten, streuen (vom Getreide, Sand, Asche, Salz u. Ähnlichem)', лтш. *biřt*, praes. 1.sg. *biřstu*, praet. 1.sg. *biru* intr. 'streuen, aus-, abfallen, rieseln, fließen (von Tränen)', супин *biřtu* (< **bhřtum*) || Irslinger 2002: 86–87; Stokes 1894: 168f.; Pedersen KG I: 115; Mühl.–Endz.: 291–292; Karulis: 122; Pok.: 130; LIV: 61f.

(?) **К структуре корня:** см. стр. 120, под 1. кельт. *bar-no-*.

3. лат. *nātus*, -ūs 'Geburt' (< **gnātu-* < и.-е. **ǵn̥tu-* < **ǵn̥h₁tu-*) || WH I: 597–600; Дыбо 1961b: 9–34; Дыбо 2007; Pok.: 373–375.

К структуре корня: см. стр. 124, под 3. др.-лат. *gnātus*.

4. кельт. **kʷr̥īthu-* 'Kauf' (< **kʷr̥īthu-* < **kʷr̥ih₂tu-*): др.-ирл. *críth* 'Kauf' ~ др.-русск. *крънути* 'купить', praes. 3.sg. *крънетъ*, part. praet. pass. *укриенъ* 'купленный', который свидетельствует о баритонезе восстанавливаемой праславянской формы **kr̥ītos* (в ст.-слав. языке баритонированные причастия на *-tos* были заменены причастиями на *-enos*); о существовании ранее в славянском причастия на *-tos* от этого глагола свидетельствует производное от этого причастия существительное: *но|критиш* 'по искуплении' Усп. сб. 207_{В14–15} || Irslinger 2002: 29; Matasović: 182; Льюис–Педерсен: 335; Исаак: 27–28; (ошибочно: < **kʷr̥ih₂tó-*).

К структуре корня: см. стр. 125, под 6. кельт. **kʷr̥ī-to-*.

5. лат. *spūtum* (< **sp̥ūtū-m*), супин от глагола *spuō*, *spuī*, *spūtum*, -ere 'spucke', 'плевать'; др.-инд. *ṣṭhīvati* 'spuckt, speit aus', 'плюёт, выплёвывает; извергает'; греч. *πτύω* 'spucke' ~ лтш. *splāūt*, praes. 1.sg. *splāūju*, supin *splāūttu*, -to-part. *splāūts* 'выплюнутый'; русск. *плевать*, praes. 1.sg. *плюю*, 3.sg. *плюёт*; но др.-инд. *ṣṭhyūtáh* 'ausgespuckt' || WH II: 580–581.

К структуре корня: см. стр. 49, под I. 1. герм. **sp̥wa-* ~ **sp(i)ūja-* 'плевать'.

6. лат. *strātum* (< **st̥r̥tū-m*), супин от глагола *sternō*, *strāvī*, *strātum*, -ere 'breite aus, breite hin, streue hin, lege nieder, lagere; ebne, glätte; bedecke, bestreue'; др.-ирл. *sernim* 'breite aus'; др.-инд. *st̥r̥nāti* 'breitet aus, streut', part. praet. pass. *st̥r̥nāh* 'ausgebreitet, hingestreut', *stárīman-* n. 'Ausbreitung, Ausstreuung'; эту основу следует отделить от др.-инд. *st̥r̥nōti*, *stárati* 'streckt nieder, unterwirft, besiegt', 'сыплет, бросает' (ср. Mayrhofer III, 518) ~ др.-русск. sg. f. **простёрта** Цв.: 72б, pl. **простёрты** Цв.: 57б; -l-part. f. **не простёртасл** Увар. 534б, m. **простёрлз** Цв.: III-43; при редких следах а. п. *b* в презенсе: 3.sg. **прбстреть** Сенн.: 194г (Зализняк 2011, II: 106; Зализняк 2014: 285; Зализняк 2019: 331); совр. русск. *простёрт*, *простёрта*,

ср. также лит. *stirta* (1), лтш. *stīrta* 'скирда'; но др.-инд. *stīrnāh* и *stīrtāh*. || WH II: 590–591; Mayrhofer III: 517–518; Pok.: 1029–1030.

К структуре корня: см. стр. 122, под 5. кельт. **starno-*.

7. лат. *sūtum* (< **sūtū-m* < **sīh₂-tu-*), супин от лат. *suō*, *suī*, *sūtum*, *-ere* 'nähe, nähe zusammen' ~ лтш. *šūts* 'шитый'; слав. praes. 1.sg. **šijō*, 3.sg. **šijetъ*, *-to-part.* **šitъ*² (юго-западнорусск. XVI–XVII в. **шю** Гр.Зиз.: 56б, Гр.См.: YЗБ; укр. *шю*, *шисш*, блр. *шю*, *шбеш* Івашуціч: 84; болг. диал. банат. *шійа*, *зашійа*, Wysoka *šija*, *šiš*; сев.-чак. Нови *šijēn*; ст.-хорв. XVII в. Ю. Крижанич **Шіјем** Гр. 90¹, 214; **Зашіјем** Гр. 214; сев.-кайк. Бедня **šēijam*, Пригорье **zešijem* Valj. Rad 118: 67; словен. *šijem*, угор.-словен. praes. 3.sg. *šije*, 3.pl. *šijejo* Valj. Rad 67: 83 [в северночакавском, кайкавском и словенском переход рефлекса акута в «новый циркумфлекс»], *-to-part.* русск. *зашііт*, f. *зашііта*, n. *зашііто*, pl. *зашііты*, чл. ф. *зашіітый*; но др.-инд. *syūtāh* 'шитый' не релевантно из-за генерализации в ведийском конечного ударения в отглагольных *-to*-прилагательных || WH II: 631–632; Дыбо 1961: 18; Дыбо 2000: 276, 489, 496, 509, 518–519, 522, 523 (= Дыбо 1981: 221), 542.

К структуре корня: см. стр. 50, под 2. герм. **sijja-* 'шить'.

8. лат. *trītum*, супин от лат. *terō*, *trīvī*, *trītum*, *teree* 'reibe (ab), zerreibe, dresche' ~ лит. *trintas*, inf. *trinti*, praes. 1.sg. *trinū*, praet. 1.sg. *trýnicau* '(durch-)reiben, feilen'; лтш. *trīts* 'тёртый'; слав. **tǫrtъ*, но греч. *τοητός* 'durchbohrt, durchlöchert'; *τερόω* 'reibe (auf), bedränge, quäle, betrübe', *τίτοημι*, *τιρόω* 'zerreibe, durchbohre', fut. *τοήσω* || WH II: 672–673; Дыбо 1961: 19; Fraenk.: 1124–1125, ... 1102; Дыбо 2000: 263, 330, 481–482, 488, 491, 503, 523; Pok.: 1071–1073.

К структуре корня: см. стр. 128, под 15. лат. *trītus*.

-но-ОСНОВЫ

1. кельт. **grāno-* n. 'grain' (< **gr̥no-*): [ирл. *grán*, валл. *grawn* 'зерно']; лат *grānum* n. 'Korn', 'зерно' (< **grānom* < **gr̥no-m*) ~ слав. **zǫrno* n. 'Korn', pl. **zǫrna*² (др.-русск. **зѣрно** Чуд. 10², 36³, 48²; укр. *зѣрно*, болг. *зѣрно*, серб. *зѣрно*, словен. *zǫno*) || Matasović: 166–167; WH I: 618–619; Зализняк 2014: 444; Зализняк 2019: 519; Дыбо 1961: 18.

К структуре корня: и.-е. корень **gerə-/grē-/gr̥-* 'morsch, reif werden, altern' (в ларингалистической интерпретации: **gerh₁-/grēh₁-/gr̥h₁-*): др.-инд. *jāراتи* 'macht gebrechlich, läßt altern', *jīryati*, *jūryati* 'wird gebrechlich, morsch, altert', part. *jūrṇá-*, *jīrṇá-* 'gebrechlich, abgelebt, abgenutzt, zerfallen, morsch, alt'; слав. **zǫrno* n. 'Korn', pl. **zǫrna*² || Дыбо 1961: 18; Дыбо 1974: 76; Pok.: 390–391 (√**ger-/grē-/gr̥-* 'morsch, reif werden, altern'); LIV₂: 165 (√**gerh₂-* 'alt machen').

2. кельт. **krē-no-* 'welk, decrepit': др.-ирл. *crín* (W. *crin*) 'welk', 'вялый, дряблый', 'decrepit', 'дряхлый' (Льюис–Педерсен: 'увядший', приводит также ирл. *crínaim* 'вяну'; валл. *crino* 'вянуть') от др.-ирл. *ara'chrin* Intr.

(§ 423) ‘zerfällt’, ‘decays’, ‘гниёт, разлагается’, pl. *ara chrinat*, *ar-a:chrin* ‘perishes’, ‘гибнет’ (Pok.: < **kṛ-mu-t*), *do-cer* ‘er fiel’; валл. *go-gryn-u* ‘sift, cleanse, riddle’, ‘просеивать, очищать’; ср. др.-ирл. *crin* (W. *crin*) ‘welk’, ‘вялый, дряблый’, ‘decrepit’, ‘дряхлый’ (Льюис–Педерсен: ‘увядший’, приводит также ирл. *crínaim* ‘вяну’; валл. *crino* ‘вянуть’) ~ др.-инд. *śṛṇāti* tr. ‘zerschmettert, zermalmt, zerbricht’, ‘destroys’, ‘уничтожает, разрушает’, aor. *ásarīt* (AV, TB); part. *śīrṇá-* ‘zerbrochen, zersprungen’ (AV, Br. u.a.), *a-śīrta-(tanu-)* ‘unversehrt(en Leibes)’, *śūrtá-* ‘zerschmettert’ (RV); Gk. *κρίνει* ‘separates, determines’, ‘отделяет, разделяет; определяет’ (< **krin-ye-*), *κεραῖζω* ‘verwüste, plündere’ (< **κεραφ-ιζω*, на основе *κεραφό-ς* (*κεραῖ-* = др.-инд. *śari-*)); лат. *cernit* ‘sifts, separates, discerns’, ‘просеивает; отделяет, разделяет; различает’ (< **krineti*) || McCone 1991: 13, 17; Matasović: 224; Льюис–Педерсен: 414; Mayrhofer III: 371–372; Frisk I: 822, II: 20–21; Pok.: 578 (√ *ker-* und *kerə-*: *krē-*).

К структуре корня: и.-е. корень **kerə-/ *krē-* ‘versehren’; intr. ‘zerfallen, vermorschen’ (в ларингалистической интерпретации: **kerh₁-/ *kreh₁-*): др.-инд. *śṛṇāti* tr. ‘zerschmettert, zermalmt, zerbricht’, ‘destroys’, ‘уничтожает, разрушает’, aor. *ásarīt* (AV, TB); part. *śīrṇá-* ‘zerbrochen, zersprungen’ (AV, Br. u.a.), *a-śīrta-(tanu-)* ‘unversehrt(en Leibes)’, *śūrtá-* ‘zerschmettert’ (RV); Gk. *κρίνει* ‘separates, determines’, ‘отделяет, разделяет; определяет’ (< **krin-ye-*), *κεραῖζω* ‘verwüste, plündere’ (< **κεραφ-ιζω*, на основе *κεραφό-ς* (*κεραῖ-* = др.-инд. *śari-*)); Lat. *cernit* ‘sifts, separates, discerns’, ‘просеивает; отделяет, разделяет; различает’ (< **krineti*). В данном случае, по-видимому, кельтский рефлекс причастия является единственным свидетельством акцентуационной валентности (доминантной) корневой морфемы. || McCone 1991: 13, 17; Matasović: 224; Льюис–Педерсен: 414; Mayrhofer III: 371–372; Frisk I: 822, II: 20–21; Pok.: 578 (√ **ker-* / **kerə-* / **krē-* ‘versehren’, intr. ‘zerfallen, vermorschen’); LIV2: 327–328 (√ **kerh₁-* ‘brechen, zerbrechen (intr.)’).

3. кельт. **mlīno-* ‘усталый, инертный’: [валл. *blin* ‘müde’ (< **mlīno-*), др.-брет. pl. *blinion* ‘inertes’. Pok.: 717]; лтш. *blīnis* ‘ein müder, matter Mensch, der sich nicht bewegen kann’, лтш. *blīnēt* Doblén, Siuxt ‘sehen, lauern, glupen, gaffen, faulenzен’; схрв. *млiуiав* ‘вялый, апатичный, дряблый; нeмощный, слабый’, *mlītati* ‘lijeniti se’, ‘faul werden’ RJA VI: 814 ~ др.-инд. *mlāyati* ‘welkt’, part. praet. pass. *mlātá-* ‘weich gemacht, gegerbt’ (RV+), *mlāna-* (Br.+); также **mūrṇa-* ‘schlaff geworden, verwelkt’ в ŚB (Kāṇv.) *parimūrṇā* || Mayrhofer II: 698–699, 672–673; Mayrhofer EWA II: 319–320, 388–389; Pok.: 717–718.

К структуре корня: и.-е. корень **melə-* / **mlē-* / **m̄-* // **mlēi-* / **m̄i-* ‘zermalmen, schlagen, mahlen’ (в ларингалистической интерпретации: **melh₁-* / **mleh₁-* / **m̄h₁-* // **mleh₁i-* / **m̄h₁i-*): др.-инд. *mṛṇāti*, *mṛṇati* ‘zermalmt, mahlt’, part. praet. pass. *mūrṇá-* ‘размягченный’ и ‘размолотый’; *m̄ā-* ‘weich, welk, schlaff werden’: др.-инд. *mlāyati* ‘welkt’, part. praet. pass. *mlātá-* ‘weich gemacht, gegerbt’ (RV+), *mlāna-* (Br.+); также **mūrṇa-* ‘schlaff geworden, verwelkt’ в ŚB (Kāṇv.) *parimūrṇā*; лтш. *blīnēt* Doblén,

Siuxt 'sehen, lauern, glupen, gaffen, faulenzен'; схрв. *mlīiivav* 'вялый, апатичный, дряблый; нѣмощный, слабый', *mlītati* 'lījeniti se', 'faul werden'. Латышский (плавной интонацией) и схрв. местом ударения и интонацией указывают на доминантность корневой морфемы. || Mayrhofer II: 698–699, 672–673; Mayrhofer EWA II: 319–320, 387–388, 388–389; Pok.: 717–718; LIV₂: 432 (√**melh₂*- 'zerreiben, mahlen').

4. кельт. **mūno*- 'urine' (< **mūno*-), ср. кельт. **muto*- 'penis' [Noun] (< **mūto*- < **mūtó*-), по-видимому, обе основы относятся к одному корню: слав. **mŭti*, praes. 1.sg. **mŭjō*, 3.sg. **mŭjĕtŭ*; inf.-sup. **mŭti*-*mŭtŭ*; aor. 1.sg. **mŭxъ*, 2.-3.sg. **mŭ*; -l-part. **mŭlъ*, f. **mŭla*, n. **mŭlo*; part. praet. act. **mŭvъ*, f. **mŭvъšĭ*. || Matasović: 281; Mayrhofer II, 663–664; Дыбо 2000: 277–278, 307, 310, 330–331, 489, 496, 510, 517; Pok.: 741–742;

К структуре корня: см. стр. 114, под 8. кельт. **muto*- 'penis'.

5. кельт. **flāno*- 'full' (< **pl̥no*-): [др.-ирл. *lán* (-o); ср.-валл. *llawn*] ~ лит. *pilnas*, лтш. *pilns* 'полный'; слав. **pьlnъ*, f. **pьlna*, n. **pьlno*; афг. *pə́n*, f. *pə́na* 'полный, наполненный'. || Matasović: 132; Дыбо 1961: 18; Дыбо 1974: 76;

К структуре корня: и.-е. корень **pelə*-/**p̥l̥e*-/**p̥l̥*- 'gießen, fließen, aufschütten, füllen, einfüllen' (в ларингалистической интерпретации: **pelh₁*-/**pleh₁*-/**plh₁*-): др.-инд. *pr̥nāti* (*pr̥nāti*) 'füllt, sättigt, nährt, spendet reichlich, beschenkt', также *pr̥nōti* 'т.ж.', *p̥r̥uyatiē* 'füllt sich', aor. *áprāt* (: *пл̥ṛto*), perf. *paprāu* (: лат. *plēvī*), part. *prātá*- (= лат. *plētus*), *p̥rātá*- 'voll', *pr̥āna*- 'voll' (= лат. *plēnus*), *p̥r̥nā*- 'voll', др.-лит. *pilnas* (1, следы первоначальной баритонезы обнаруживаются у Донелайтиса и у Даукши), лтш. *pilns* (плавная интонация указывает на первоначальную баритонезу); но др.-инд. *p̥r̥āntan*- 'Fülle' долготой *-ī* указывает на рецессивную валентность корневой морфемы, на это же указывает и лтш. *pil̥t* 'tröpfeln' [auch Salis, Endz.-Hauz. II: 233]. Такая двойственность выбора морфемой валентности, свидетельствует, как показано выше, о нисходящем тоне морфемы. || Matasović: 132; Дыбо 1961: 18; Дыбо 1974: 76; Pok.: 798–800 (√**pel*-/**pelə*-/**p̥l̥e*- 'gießen, fließen, aufschütten, füllen, einfüllen'); LIV₂: 482 (√**pleh₁*- 'sich füllen, voll werden').

6. лат. **lāna* f. 'Wolle', 'шерсть' (< **vlānā*- < **u̯l̥nā*-) ~ др.-инд. *úr̥nā*- f. 'Wolle', 'шерсть'; авест. *varnā* f. 'Wolle'; герм. **wullō* f. [гот. *wulla*; др.-исл. *ull*; др.-англ. *wull*; др.-фриз. *wolle*; ср.-н.-нем. *wulle*; др.-в.-нем. *wolla* 'Wolle']; лит. *vilna* 'Wollhärchen', лтш. *vilna* 'Wolle'; слав. **vьlna* f. 'Wolle' [русск. *во́лна*, укр. *во́вна*, блр. f. *воўна*; болг. *вълна*, схрв. *вўна*; словен. *voľna*; чеш. *vlna*, слвц. *vlna*; польск. *welna*] || WH I: 756–757; Fraenk.: 1253–1254; Фасмер I: 339–340; Orel: 474.

К структуре корня: и.-е. корень **uelə*-/**u̯l̥*- в словах для 'волос' и 'шерсть', возможно, от √**uel*- 'drehen' или от √**uel*- 'reißen, rupfen' (в ларингалистической интерпретации: **uelH*-/**u̯l̥H*-): др.-инд. *úr̥nā*- f. 'Wolle', 'шерсть'; авест. *varnā* f. 'Wolle'; герм. **wullō* f. [гот. *wulla*; др.-исл. *ull*; др.-англ. *wull*; др.-фриз. *wolle*; ср.-н.-нем. *wulle*; др.-в.-нем. *wolla* 'Wolle']; лит. *vilna* 'Wollhärchen', лтш. *vilna* 'Wolle'; слав. **vьlna* f. 'Wolle' [русск. *во́лна*, укр. *во́вна*, блр. f. *воўна*; болг. *вълна*, схрв. *вўна*; словен. *voľna*; чеш. *vlna*, слвц. *vlna*; польск. *welna*].

Балто-славянские соответствия показывают накоренное ударение и следовательно доминантную валентность корневой морфемы. || WH I: 756–757; Fraenk.: 1253–1254; Фасмер I: 339–340; Orel: 474; Pok.: 1139–1145; LIV₂: 675 (√*uel- ‘drehen, rollen’), 677 (√*uelH- ‘(sich) wälzen, wallen’).

7. кельт. *k^wēno- ‘long’ [Adj]: [др.-ирл. *cían* (o) ‘long, enduring, far’; др.-инд. *cirā-m* ‘Zögern, Verzögerung’, *cirā-* ‘langdauernd, lang’; др.-перс. *šiyāti-š* ‘Wohlbehagen’, авест. *šāiti-š* ‘Freude’ (ср. gathav. *šyeitibyō*), авест. *šyāta-*, *šāta-* ‘erfreut’ (= лат. *quiētus*), *a-šāta-* ‘unfroh’ (= лат. *inquiētus*); лат. *quiēs*, *-ētis* ‘Ruhe’, *quiē-sco*, *-scere*, *-vī*, *-tum* ‘ruhen’, балт. **kīetas* ‘твердый, крепкий, жёсткий’: [лит. *kietas* ‘твердый, крепкий, жёсткий’]; лат. *tranquīlus* ‘ruhig’; лтш. диал. *ciēls* ‘gross’, ‘обширный’; слав. **čīlъ*, f. **čīlā*, n. **čīlo* ‘отдохнувший, бодрый, крепкий’: [схрв. *čīl*, *-a*, *-o* ‘крепкий, сильный’; словен. *čil*, *čila* ‘отдохнувший, бодрый; здоровый, крепкий’; ст.-чеш. *čilý* ‘свежий, живой, бодрый’; в.-луж. *čily* ‘невредимый; бодрый, крепкий’]. || Matasović: 177–178; de Bernardo Stempel 1999: 252; ЭССЯ 4: 112; Pok.: 638 (√*k^wejə-/√*k^wijē- ‘behaglich ruhen’, **k^wijē-t-s* ‘Behagen’, **k^wijē-to-s* ‘froh’, **k^wl-lo-* ‘ruhig’).

К структуре корня: см. стр. 112, под 6. лат. *cītus*.

-to-ОСНОВЫ

<p>А. Подвижно-окситонированная а. п.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. лат. <i>rūtus</i> (< *<i>rūtō-</i>) 2. лат. <i>lītus</i> (< *<i>lītō-</i>) 3. лат. <i>fūto-</i> (< *<i>bhūtō-</i> в <i>fūtāre</i>) 4. лат. <i>cītus</i> (< *<i>kītō-</i>¹⁹) 5. лат. <i>pūtus</i> (< *<i>pūtō-</i>²⁰) 6. лат. *<i>gnōto-</i> (< *<i>gnōtō-</i>²¹) 7. лат. <i>pūto-</i> (< *<i>pūtō-</i> в <i>pūtāre</i>) 8. лат. <i>in-clūtus</i> (< *<i>klūtō-</i>) 9. лат. <i>de-frūtum</i> (< *<i>bhrūtō-</i>) 10. ирл. *<i>both</i> (< *<i>bhūtō-</i> в <i>ro-both</i>) 11. ирл. <i>cloth</i> n. ‘Ruhm’ (< *<i>klūtōm</i>) 12. валл. <i>brwd</i> ‘heiß’ (< *<i>bhrūtō-</i>) 13. брет. <i>skant</i> ‘Schuppen’ (< *(s)<i>kḗtō-</i>) 14. кельт. *<i>-balto-</i> (< *<i>-g^hl̥-tō-</i>) 15. кельт. *<i>tantā-</i> (< *<i>tḡ-tā-</i>) 	<p>Б. Баритонированная а. п.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. лат. <i>sūtus</i> (< *<i>sūtō-</i>) 2. лат. <i>spūtus</i> (< *<i>spūtō-</i>) 3. лат. <i>pūto-</i> (< *<i>pūtō-</i> в <i>pūtēre</i>) 4. лат. <i>rūto-</i> (< *<i>rūtō-</i> в <i>rūta</i>) 5. лат. <i>trītus</i> (< *<i>trītō-</i>) 6. лат. <i>grātus</i> (< *<i>g^hrtō-</i>) 7. лат. <i>strātus</i> (< *<i>st^hrtō-</i>) 8. лат. <i>stlātus</i> (< *<i>stlītō-</i>) 9. лат. <i>nātus</i> (< *<i>g^hntō-</i>) 10. ирл. <i>bíth</i> (< *<i>bhītō-</i> в <i>ro-bíth</i>) 11. валл. <i>prid</i> (< *<i>k^wrtō-</i>) 12. кельт. *<i>mlāto-</i> ‘flour’ (< *<i>m^hlto-</i>) 13. ирл. <i>gnáth</i> (< *<i>g^hntō-</i>) 14. кельт. *<i>-gnītō-</i> (< *<i>gnētō-</i>) 15. кельт. *<i>-rē-to-</i> или *<i>-rī-to-</i> ‘verkauft’
---	--

¹⁹ Ср. греч. *κίβησις* ‘двигаюсь, трогаюсь, отправляюсь’.

²⁰ Ср. др.-инд. *pūtáh* ‘очищенный’.

²¹ Лат. *nōta* f. ‘знак, отметка’, *nōtāre* ‘обозначать, отмечать’, *cognītus* ‘известный, знакомый’, *agnītus* ‘признанный’ предполагают др.-лат. **gnōtus* ‘известный’; ср. др.-инд. *jñātáh*, греч. *γνωτός* ‘известный’.

-tu-ОСНОВЫ

А. Подвижно-окситонированная а. п. 1. лат. <i>rūtum</i> (< *rūtū-) 2. лат. <i>lītum</i> (< *lītū-) 3. лат. <i>fūtū-</i> (< *bhūtū- в <i>fūturus</i>) 4. лат. <i>cītum</i> (< *kītū-²²) 5. ирл. <i>gūth</i> (< *ǵhūtū-) 6. ирл. <i>brúth</i> (< *bhrūtū-) 7. ирл. <i>bíth</i> (< *ǵtū-)	Б. Баритонированная а. п. 1. лат. <i>sūtum</i> (< *sūtū-) 2. лат. <i>spūtum</i> (< *spūtū-) 3. лат. <i>trītum</i> (< *trītū-) 4. лат. <i>strātum</i> (< *stītū-) 5. лат. <i>nātū-</i> (< *ǵñtū- в <i>nātūra</i>) 6. ирл. <i>bíth</i> (< *bhītū- в <i>fo-bíth</i>) 7. ирл. <i>bráth</i> (< *bhītū-)

-no-ОСНОВЫ

А. Подвижно-окситонированная а. п. 1. кельт. *<i>darno-</i> ‘piece, part’ (< *d̥r̥nó-) 2. кельт. *<i>starno-</i> ‘pavement’ (< *st̥r̥nó-) 3. кельт. *<i>barno-</i> ‘Richter’, ‘Urteil’, ‘judgement’ 4. кельт. *<i>drūna-</i> ‘fest’ (< *drū-nó-): др.-ирл. <i>dron</i> ‘fest’ 5. кельт. *<i>lono-</i> ‘баран (холощёный)’ (< *lūnó-)	Б. Баритонированная а. п. 1. кельт. *<i>flāno-</i> ‘full’ (< *p̥l̥no-) 2. кельт. *<i>grāno-</i> ‘grain’ (< *ǵr̥nó-) 3. лат. <i>lāna</i> ‘Wolle’ (< *vlānā- < *u̯l̥nā-) 4. кельт. *<i>mūno-</i> ‘urine’ (< *m̥ūno-) 5. валл. <i>blin</i> ‘müde’ (< *bl̥no-)

4. Акцентно-зависимые рефлексy слоговых плавных в кельто-италийском

После того, как Фредерик Кортландт познакомил англоязычного читателя с выводами и материалом моей работы «Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для для балто-славянской и индоевропейской акцентологии» (Дыбо 1961) в статье “More Evidence for Italo-Celtic” (Kortland 1981), изложенные в моей работе данные по сокращению индоевропейских долгот в германских языках в предударном положении перед сонорными были приняты, по-видимому, без возражений, в кельтологии же предложенные материалы и их объяснение вызвали определённую дискуссию, приведшую к ряду результатов фактографического и теоретического характера. С фактографической стороны значительно увеличилось количество материала, требующего и получающего объяснение в рамках предложенной теории.

Исследователи разделились на не принимающих предложенное мной правило и принимающих это правило (по-видимому, в основном, как спорадическое сокращение в предударном положении). Но в ходе дискуссии материал увеличивается. Не принимающие правило собирают материал, фактически подтверждающий парадигматический выбор.

²² Ср. греч. *κινῶμαι* ‘двигаюсь, трогаюсь, отправляюсь’.

Так, 30 примеров, приводимых Isaac'ом, по его мнению, отрицающие правило сокращения, достаточно точно соответствуют «второму правилу» (так назвал его В. М. Иллич-Свитыч в статье «О втором правиле Дыбо») (см. Иллич-Свитыч 1962). Отбросив мои (и Педерсена!) рефлекс-ы сокращённых $*\text{-}\bar{r}\text{-}$, $*\text{-}\bar{l}\text{-}$, $*\text{-}\bar{n}\text{-}$ > $-\text{ar-}$, $-\text{al-}$, $-\text{an-}$, исследователи заменили их на $-\text{r}\bar{a}\text{-}$, $-\text{l}\bar{a}\text{-}$, $-\text{n}\bar{a}\text{-}$. В этой группе наблюдается ряд любопытных примеров. Из них наиболее интересны:

1. кельт. $*\text{gn}\bar{a}\text{t}\bar{o}$ (< $*\text{gna-t}\bar{o}$ - < $*\text{gn}\bar{o}\text{-t}\bar{o}$ - < $*\text{gn}\bar{o}\text{-t}\bar{o}$ - < $*\text{g}\bar{n}\bar{e}\text{h}_3\text{-t}\bar{o}$ -) 'знаток': [ср.-валл. *ugnat* 'judge, magistrat', 'знаток, судья'; др.-ирл. *at-na-bot*, ср.-валл. *az-na-voud* 'knowing', 'знание, понимание; знающий, понимающий?']; др.-лат. $*\text{gn}\bar{o}\text{t}\bar{u}\text{s}$ 'известный' (< $*\text{g}\bar{n}\bar{o}\text{-t}\bar{o}$ -): лат. *nōta* f. 'знак, отметка', *nōtare* 'обозначать, отмечать', *cognītus* 'известный, знакомый', *agnītus* 'признанный' предполагают др.-лат. $*\text{gn}\bar{o}\text{t}\bar{u}\text{s}$ 'известный'; ср. др.-инд. *jñātáh*, греч. $\gamma\nu\omega\tau\acute{o}\varsigma$ 'известный' (что в отношении акцента, по-видимому, нерелевантно, в связи с обобщением окситонезы $-t$ -причастий в греко-арийских диалектах) ~ греч. $\gamma\text{-}\gamma\nu\acute{o}\text{-}\sigma\kappa\omega$, лат. (*g*)*nōscō* 'erkenne' ~ др.-инд. *jānāti*, *jānīte* 'kennt, weiß, versteht', *jijñāsate* 'verlangt kennenzulernen, wünscht zu erfahren' || Irslinger 2002: Дыбо 1961: 13; WH II: 177–178; Mayrhofer I: 429, 433; Frisk I: 308–309; Pok.: 376–378; LIV: ($\sqrt{*}\text{g}\bar{n}\bar{e}\text{h}_3\text{-}$ 'erkenne'); Isaac: 28: (по-видимому, ошибочно: < $*\text{g}\bar{n}\bar{h}_3\text{-t}\bar{o}$ -).

2. кельт. $*\text{mr}\bar{a}\text{t}\bar{o}$ - (н. *o*) 'deceit', 'обман; измена, предательство' (< $*\text{mr}\bar{a}\text{-t}\bar{o}$ - < $*\text{mr}\bar{a}\text{-t}\bar{o}$ - < $*\text{mr}\bar{e}\text{h}_3\text{-t}\bar{o}$ - или < $*\text{mr}\bar{a}\text{-t}\bar{o}$ - < $*\text{mr}\bar{e}\text{-t}\bar{o}$ - < $*\text{mr}\bar{h}_2\text{-t}\bar{o}$ -): др.-ирл. *mrath* n. 'Betrug, Verrat(en)', ср.-ирл. *brath*; ср.-валл. *brad* m./f. 'betrayal', 'предательство, измена'; ср.-корн. *bras* 'Betrug, Verrat': др.-брет. *brat* gl. 'seditione', брет. *barat*, *barad* m. 'Betrug' ~ др.-ирл. *marnaid* 'betrügt', 'обманывает'; др.-инд. $\text{m}\bar{r}\bar{n}\bar{a}\text{t}\bar{i}$ ¹ 'zermalmt', 'дробит, крошит'; $\text{m}\bar{r}\bar{n}\bar{a}\text{t}\bar{i}$ ² 'raubt, packt': слав. $*\text{m}\bar{r}\bar{v}\bar{a}$ - f. 'крошка' (схрв. *m̃va* f. 'kleiner Brocken'; *m̃viti*, $-\bar{i}\bar{m}$ impf. 'drobiti') || Irslinger 2002: 271; Isaac: 28 (< $*\text{mr}\bar{h}_2\text{-t}\bar{o}$ -); Matasović: 279–280; Mayrhofer II: 672–673, 673; Frisk II: 177–178; Skok II: 472; Pok.: 735–736; LIV₂: 440.

3. кельт. $*\text{frat}\bar{o}$ - m., n. 'grace, virtue, good fortune' (< $*\text{fra-t}\bar{o}$ - < $*\text{pr}\bar{a}\text{-t}\bar{o}$ - < $*\text{p}\bar{r}\bar{e}\text{-t}\bar{o}$ - < $*\text{p}\bar{r}\bar{e}\text{-t}\bar{o}$ - < $*\text{pr}\bar{h}_3\text{-t}\bar{o}$ -) или кельт. $*\text{rat}\bar{o}$ - n. 'grace, virtue, good fortune': др.-ирл. *rath* m., n. 'Gnade, Gunst, Tugend, Geschenk', валл. *rhad* 'grace', 'благодарность, милость'; ср.-корн. *ras* m. 'Gnade, Gunst' — Verbalnomen zu *ernaid* 'gewährt; verleiht', 'предоставляет; даёт займы, напрокат; награждает' || Irslinger 2002: 272; Isaac: 28: (< $*\text{pr}\bar{h}_3\text{-t}\bar{o}$ -); Matasović: 140, 122 ($*\text{far-na-}$ 'bestow'); Pok.: 816 f.; LIV: 427.

4. кельт. $*\text{strat}\bar{o}$ - 'valley', 'долина' ($*\text{str}\bar{o}\text{-t}\bar{o}$ - < $*\text{str}\bar{o}\text{-t}\bar{o}$ - < $*\text{str}\bar{e}\text{h}_3\text{-t}\bar{o}$ -): др.-ирл. *srath* m. 'Gras, Rasen, Tal, Grund', 'дно долины'; валл. *ystrad* 'valley'; прагерм. $*\text{str}\bar{o}\bar{d}\bar{u}$ - < $*\text{str}\bar{o}\bar{p}\bar{u}$ - (др.-англ. *strōd* n. 'bewachsenes Sumpfland', н.-англ. *strood*; др.-в.-нем. *struot* 'болото, болотистое место; кустар-

ник', ср.-в.-нем. *struot, strūt* stf. 'Sumpf; Gewoge, Flut; Gebüsch, Buschwald, Dickicht') (< **strōþū-*); греч. *στροτός* 'ausgebildet' part. praet. pass. от греч. *στόρνυμι* 'breite aus, streue' || Irslinger 2002: 275; Isaac 28: (< **strh₃-tō-*); WH II: 590–591; Holthausen AEEW: 327; Lexers: 215a.

5. кельт. **frasnā* 'part', 'часть, доля' (< **fra-snā-* < **fr̥₃-snā-* < **p̥₃-s-nā-*): [др.-ирл. *rann* f. [*ā*] 'часть'; др.-валл. *rann* 'share', 'часть, доля', ср.-валл. *ran, rann* f. < PCelt. **frasnā* 'part', 'часть, доля' — √**perh₃-* 'bear, provide'] || Matasović: 138–139 (< **prh₃-snéh₂-* 'gift, share'); Pok.: 817.

6. кельт. **foſto-* 'drink, act of drinking': [др.-ирл. *ól, óol* n. — √**peh₃(i)-* 'trinken'] || (**pōtlo-* < **pōtlō-* < **peh₃-tlō-* >> **potlo-*); Matasović: 137–138; LIV₂: 462; Pok.: 839–840²³.

Все три суффикса, представленные в данных производных (субстантивирующий *-to*⁻²³, *-snā-*, *-tlo-*) — доминантные, все корни рецессивны или могут быть таковыми: 1. корень √**ġneh₃-* 'erkennen' — обычно доминантный, но встречается и рецессивное употребление (что по принимаемой мною тонологической интерпретации свидетельствует о нисходящем тоне); 2. корень √**perh₃-* 'verschaffen' (в двух основах) — рецессивный; 3. √**sterh₃-* 'hinbreiten, ausbreiten' — рецессивный и доминантный (т. е. тоже с нисходящим тоном); 4. √**peh₃(i)-* 'trinken' — рецессивный; 5. для установления акцентуационной валентности корня √**merh₂-* 'gewaltsam packen, zerdrücken' нет материала. В основах с акутированными рецессивными корнями при доминантных суффиксах в балто-славянском происходила метатония (корни становились доминантными, а «рецессивный» акут заменялся «доминантным» циркумфлексом). Ударение при этом ставилось на вторично доминантном корневом слоге. До метатонии ударение, конечно, при рецессивном корне стояло на доминантном суффиксе. Но вся проблема в том, когда произошла эта метатония. В ведийском в словах с рецессивными корнями и с доминантным суффиксом *-tlo-* ударение стоит на корне. Это значит, что метатония в индоевропейском произошла раньше, чем из него выделился индоиранский. Следовательно, в кельтском ударение в этих основах могло стоять на суффиксе лишь в том случае, если он выделился из индоевропейского значительно раньше индоиранского, да и, по-видимому, раньше всей греко-арийской группы. Нисходящий тон перешёл в низкий перед высоким слогом, вероятно, ещё раньше. Так как тоновый характер доминантного суффикса (высокий) должен отличаться от суффикса, получившего свою доминантность из-за стяжения с ним доминантных окончаний, (восходящий), то позиции двух типов рефлексов рецессивных

²³ Суффикс отглагольных прилагательных *-to-* рецессивный и подвижность их акцентной парадигмы и, соответственно, окситонеза в греко-арийском, кельто-италийском (?) и германском (?) возникла из-за доминантных окончаний.

долгих слоговых плавных и носовых (-*ar-*, -*al-*, -*an-*, -*am-* и -*rǎ-*, -*lǎ-*, -*nǎ-*, -*mǎ-*) будут разными и мы можем обойтись без предположения о метатонии в соответствующем слоге. Имеется, однако, один момент, делающий предположение о метатонии весьма заманчивым: это поствокалический рефлекс слоговых сонантов и носовых в ударном слоге и предвокалический в предударном (см. ниже). Если мы примем, что метатония в подобных основах уже произошла, то можно думать, что резко восходящий акцент на метатонизированном корневом слоге вызвал метатезу сочетаний -*ar-*, -*an-* > -*rǎ-*, -*nǎ-* и сокращение -*ō-* > -*ǒ-*.

Таким образом, предложенную Р. Матасовичем рефлексацию **-rǎ-*, **-lǎ-*, **-nǎ-*, **-mǎ-* долгих слоговых плавных и носовых в пракеельтском в предударной позиции следует, по-видимому, считать не сокращением первичных рефлексов доминантных долгих плавных и носовых (**-rā-*, **-lā-*, **-nā-*, **-mā-*), а метатезой первичных рефлексов рецессивных долгих плавных и носовых (**-ar-*, **-al-*, **-an-*, **-am-*) в позиции перед доминантным суффиксом. Такое решение позволяет легко объяснить и часто появляющуюся рефлексацию **-rǎ-*, **-lǎ-*, **-nǎ-*, вместо или наряду с рефлексацией **-ar-*, **-al-*, **-an-* в формах -*to-part.* и пассивного претерита: доминантность, первоначально свойственная лишь определённым окончаниям, при стяжении с суффиксальным слогом передаётся суффиксу, что затем распространяется на всю основу.

5. Ударение в пракеельтских глагольных парадигмах

Теперь следует рассмотреть рефлексацию двух акцентных парадигм личных форм пракеельтского глагола. Так как этим парадигмам соответствуют две парадигмы балто-славянского, которым в корпусе «долготных» глагольных корней соответствуют славянские а. п. *a* и а. п. *c*, обозначим так же и пракеельтские акцентные парадигмы. Ниже под латинской цифрой приводятся реконструкция пракеельтской презентной основы и соответствующие материалы кельтских языков. Для подтверждения первичного акцентного типа и проверки сохранения парадигматического выбора акцентных типов глагольных категорий и отглагольного словообразования ниже под той же цифрой с добавлением соответствующей буквы латинского алфавита приводятся именные формы глагола и определённые отглагольные именные производные.

1) Глаголы с баритонированной акцентной парадигмой (а. п. *a*).

I. Рефлексы долгих монофтонгов в а. п. *a*.

1. Презентная основа: кельт. **bā-* (< **g^hā-ti* ?), **ba-yo-* 'die', 'умирать' [Vb] (< и.-е. **g^wǒ-jo-* < **g^wǒ₂-jē-* McCone): [др.-ирл. *baid* 'stirbt' (< **bā-a-ti*, Pok.), -*bá*; *bebaid* (fut.); *bebais* (praet.); -*bath* (praet. pass.), *at-bath* 'starb'];

др.-инд. *jīgāti* 'geht', 'steps, goes', aor. *á-gā-m* 'ich kam hin, ging weg'; греч. *βίβησι, aor. *ἔβην*, дор. *ěbān*; лит. диал. *góju*, (inf. *góti* 'go'); лтш. praet. 1.sg. *gāju* 'ging' || Matasović: 52; Льюис–Педерсен: § 500; McCone 1991: 109; Stang Gr.: 391; Fraenk.: 161; Smoczyński: 193; Pok.: 463–464 ($\sqrt{*g^hā-}$ 'gehen'); LIV₂: 205 ($\sqrt{*g^heh_2-}$ 'den Fuß aufsetzen, treten').

К структуре корня: и.-е. корень $*g^hā-/*g^h_2-$ 'den Fuß aufsetzen, treten, gehen' (в ларингалистической интерпретации: $*g^heh_2-/*g^hh_2-$): лит. *góju* (*góti*) 'gehen', лтш. *gāju* (praet. к *iēt*), доминантность корня достаточно надёжно подтверждается латышской плавной интонацией. || Matasović: 52; Льюис–Педерсен: § 500; McCone 1991: 109; Stang Gr.: 391; Fraenk.: 161; Pok.: 463–464 ($\sqrt{*g^hā-}$ 'gehen'); LIV₂: 205 ($\sqrt{*g^heh_2-}$ 'den Fuß aufsetzen, treten').

1a. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: кельт. $*bāto-/*bato-$ 'мёртвый': [др.-ирл. *bath* (*o* n.) 'death', также *baath*, *báth*;] (das [aktive] Prät. *-bath* beruht auf dem Adj. $*g^hh_2-tó-$), вопреки этому замечанию LIV₂: 205, скорей < $*g^hh_2-to-$. || Matasović: 59; LIV₂: 205.

1b. Отглагольное имя (subst.) на *-to-*: ирл. *bath* 'Tod' валл. *bad* f. 'Pest', 'pest, plague'; брет. *bad* 'Betäubung', корн. *bad-us* 'wahnsinnig' (< $*g^hh_2-to-$) || Matasović: 59; LIV₂: 205.

1c. Отглагольное имя (subst.) на *-to-*: кельт. $*bāsto-$ 'death' [Noun]: [др.-ирл. *bás* (*o* n.)] || Matasović: 59; LIV₂: 205.

2. Презентная основа: кельт. $*brē-/*brī-$ 'cut, crumble', 'резать; то-лочь, крошить' [Vb]: [др.-ирл. *bria* (3.sg. subj.) (suppletive to *broinnid*); др.-инд. ved. *bhrīṇānti* RV II, 28, 7b 'sie verletzen', авест. jav. Inj. *pairi.brīnaṇha* 'hast dir (die Haare) geschnitten' ~ лат. *frio*, *friāre* 'pulverize, crumble'; слав. praes. 1.sg. $*brījō$, 3.sg. $*brījetь$ (inf. $*brīti$) и praes.1.sg. $*brějō$, 3.sg. $*brějеть$ (inf. $*brījati$): [ст.-слав. *бриѣти* 'shave'; др.-русск. *брѣеме* Бук. 135, *брѣютъ* Колм.: 221, *брѣю* Полик.: 33б] || Matasović: 76; Дыбо 2000: 276–277; Зализняк 2014: 308; Зализняк 2019: 358; Pok.: 166–167 ($\sqrt{*bhrēi-/*bhrī-}$ 'schneiden'); LIV₂: 92–93 ($\sqrt{*b^hrēiH-}$ 'schneiden').

К структуре корня: и.-е. корень $*bhrēi-/*bhrī-$ 'schneiden' (в ларингалистической интерпретации: $*b^hrēi_1-/*b^hrī_1-$): полная *-e*-огласовка: praes. 1.sg. $*brějō$, 3.sg. $*brějеть$, вероятно, inf. $*brīti$; нулевая огласовка: praes. 1.sg. $*brījō$, 3.sg. $*brījetь$, inf. $*brījati$. А. п. *a* в славянском свидетельствует о доминантности корневой морфемы. || Matasović: 76; Дыбо 2000: 276–277; Зализняк 2014: 308; Зализняк 2019: 358; Pok.: 166–167 ($\sqrt{*bhrēi-/*bhrī-}$ 'schneiden'); LIV₂: 92–93 ($\sqrt{*b^hrēiH-}$ 'schneiden').

3. Презентная основа: кельт. $*wēd-o-$ 'tell, relate' [Vb]: [др.-ирл. *ad-fét* 'tells', *ad-fé* [subj.]; *ad-fí* [fut.]; *ad-fíad* [praet.]; *ad-fess* [praet.pass.]; ср. ср.-валл. *gwydd* m. 'sight, presence'; лат. *uidī* 'sah'; др.-инд. ved. aor. *ávidat* 'hat gefunden', praes. *vindāti* 'findet (heraus)'; авест. aav. aor. *vīdat* 'findet', praes. *vīnastī*, jav. *vīnasti* 'findet (heraus)'; perf. др.-инд. ved. *vēda*, *vidūr* 'weiß, wissen', авест. aav. *vaēdā* 'weiß', jav. *vīdarə* 'wissen'; греч. *οἶδα*, *ἴδμεν*

‘weiß, wissen’; армян. *gitem* ‘ich weiß’; др.-ирл. *ro-fetar* ‘ich weiß’, *-fitir* ‘er weiß’; ср.-валл. *gwyr*, ср.-брет. *goar* ‘er weiß’; гот. *wait*, *witum* ‘weiß, wissen’; др.-прусс. *waisei* ‘du weißt’, *waidimai* ‘wir wissen’; ст.-слав. **вѣдѣ** → **вѣмь** ‘ich weiß’; др.-русск. **вѣдѣ** (1.sg.) Чуд. 73³, bis, 78², bis, 80², и т. д., inf. **вѣдѣти** Чуд. 128¹, 133⁴, 140⁴, 162⁴ (прош. а. п. а), переход в а. п. с (в атематическом спряжении) вторичен. || Matasović: 407; Зализняк 2014: 336; Зализняк 2019: 390–391; Pok.: 1125–1127 ($\sqrt{*u(e)di-}$ ‘erblicken, sehen’); LIV₂: 665–667 ($\sqrt{*ueid-}$ ‘erblicken’).

К структуре корня: и.-е. корень $*uēid-/uīd-$ ‘erblicken, sehen’ (в ларингалитической интерпретации: $*ueh_{i}id-/u_{h}i_{i}id-$): долгий дифтонг устанавливается лишь по авестийским и древнеирландским рефлексам: авест. aav. aog. *vīdaṭ* ‘findet’ (< $*uāide-$ < $*u_{h}i_{i}ide-$), praes. *vīnastī*, jav. *vīnasti* ‘findet (heraus)’ (< $*uāi-ne-d-t-$ < $*u_{h}i_{i}-ne-d-t-$); др.-ирл. *ad-fét* ‘tells’, *ad-fé* [subj.] (< $*uēd-$ < $*uēid-$, в результате потери глайда, < $*ueh_{i}id-$); *ad-fí* [fut.]. || Matasović: 407; Pok.: 1125–1127 ($\sqrt{*u(e)di-}$ ‘erblicken, sehen’); LIV₂: 665–667 ($\sqrt{*ueid-}$ ‘erblicken’).

4. Презентная основа: кельт. $*flēd-o-$ ‘succeed’, ‘достигать цели, преуспевать, иметь успех’ [Vb] (< $*plēdh-o-$ < $*plēh_{1}-d^{h}e-$): [ср.-валл. *llwyddaw*]; авест. *frādaṭ* ‘fördert’, ‘способствует, содействует’, *frādantē* ‘gedeihen’, ‘преуспевать, иметь успех’; греч. *πλήθω* ‘fülle mich, werde voll’; ? герм. $*flūtan$ ‘attempt, try hard’ [др.-англ. *flitan* ‘streiten, handeln, zanken’, ‘спорить, торговаться, ссориться’; ср.-н.-нем. *vlīten* ‘sich befeißēn’, др.-в.-нем. *flīzan* ‘streben, sich befeißēn’, ‘стремиться (к чему-л.), добиваться (чего-л.)’, ‘attempt, try hard’] || Matasović: 133; Schumacher 2004: 521–522; Holthausen AEEW: 108; Kroonen: 147; WP. II, 684; Pok.: 798–800; LIV₂: 482–483.

К структуре корня: и.-е. корень $*pleh_{1}-$ (‘sich füllen, voll werden’) + $-d^{h}e-$ ‘gedeihen’, ‘преуспевать, иметь успех; расти’: авест. *frādaṭ* ‘fördert’, ‘способствует, содействует’, *frādantē* ‘gedeihen’, ‘преуспевать, иметь успех’; греч. *πλήθω* ‘fülle mich, werde voll’; кельт. $*flēd-o-$ ‘succeed’, ‘достигать цели, преуспевать, иметь успех’: [ср.-валл. *llwyddaw*]; герм. $*flūtan$ ‘attempt, try hard’ [др.-англ. *flitan* ‘streiten, zanken’; MDu. *vlīten* s./w.v. ‘to be enthusiastic; to strive for’, др.-в.-нем. *flīzan* ‘streben, sich befeißēn’, ‘attempt, try hard’ (< и.-е. $*pleyd-$ ‘attempt’, ‘пытаться, пробовать, делать попытку’)] || Matasović: 133; Schumacher 2004: 521–522; Holthausen AEEW: 108; Kroonen: 147 (= $*plēid-e-$ (WEUR) — MW *llwdaw* ‘to succeed’ < $*pleid-$. A Germanic-Celtic isogloss (Schumacher 2004: 521–522)); WP. II: 684; Pok.: 798–800 ($\sqrt{*pel-}$ $*pel_{1}-$ $*plē-$ ‘gießen, fließen, aufschütten, füllen, einfüllen’); LIV₂: 482–483 ($\sqrt{*pleh_{1}-}$ ‘sich füllen, voll werden’).

5. Презентная основа: кельт. $*knā-yo-$ ‘bite, chew’, ‘грызть, поглощать’ [Vb] (< $*knā-yo-$ < $*knéh_{2}iō-$): [др.-ирл. *imm-cná*, *-cná*, ср.-ирл. 1.sg. *cnáim* ‘verzehre, nage’; ср.-валл. *cnoi*; *cny* [praes. 3.sg.]; греч. *κνάω* ‘skrobać; łaskotać’, att. sg.1. *κνώ* (*κνώω*), 3. *κνῆ*, inf. *κνάω*, att. *κνήω*; герм. $*h_{1}nōjan$ (др.-в.-нем. *muoen* ‘to groove’, ср.-в.-нем. *nūejen* ‘id.’) ~ лит. *knóti*, praes. 1.sg.

knóju, praet. 1.sg. *knójau* 'zdzierać (koreę), łupić, odłupywać', 'драть, обдирать, лупить' || Matasović: 211; Smoczyński: 303; Frisk I: 880–881; Kroonen: 237; Orel: 181.

К структуре корня: и.-е. корень **kenə-/ *knā-* или **kenjə-/ *knjā-* (в ларингалистической интерпретации: **kenh₂- ~ *kneh₂-* или **kenj₂h₂- ~ *knjeh₂-*, см. жемайт.) 'zusammendrücken, kneifen': полная ступень корня в греч. praes. 3.sg. *κνῆῖ* (Hdt.), *κνῆν*, praes. 3.sg. *κνῆ*, praes. 1.sg. *κνῆθω* 'schabe, kratze; jucke'; др.-в.-нем. *tuoen* 'durch Schaben glätten, genau zusammenfügen'; лит. *knóti*, praes. 1.sg. *knóju* 'драть', диал. жемайт. *kníoti*, *-jas*, *-jos* 'atšokti, kerti, knotis' Vitkauskas: 145 || Orel: 180; Frisk I: 880–881, 887; Pok.: 562 (558–563).

6. Презентная основа: кельт. **dā-yo-* 'ail, trouble', 'болеть, беспокоить; чувствовать страдание' (< **dō-jo-*): [др.-ирл. *dáthair*, *daas* (Relative); ср.-валл. *-dawr* (praes. 3.sg.); ср.-брет. *-deur* 'is important' (praes. 3.sg.); корн. *-duer* (praes. 3.sg.); др.-инд. 3.sg. *dy-áti* 'bindet', 3.pl. *dyánti*, part. *dítá-* 'gebunden'; греч. *δέω* 'binde', part. *δετός* 'gebunden', греч. гомер. *δίδημι* 'binde'; алб. *dell* (< и.-е. **dō-lo-*) 'Sehne, Flechse, Ader', 'сухожилие; жила, вена' (< 'Band'); др.-инд. ved. *abhi-dāsati* 'feindet an, befiehlt', 'враждует, нападает', ved. conj. *abhi-dāti* SV 1,336 'stellt jmdm. (feindlich) nach' || Matasović: 93; Pok.: 183 (√**dē-/ *dā-* и √**dēi-/ *dī-* 'binden'); LIV₂: 102 (√**deh₁-* 'binden'), LIV₂: 103 (√**deh₁-* 'aufspüren, (an)treffen').

К структуре корня: в и.-е. обнаруживается два корня, достаточно близких семантически и тождественных по форме: 1. корень **deh₁-* 'binden' и 2. корень **deh₁-* 'aufspüren, (an)treffen'. Материалы, указывающие на акцентуационную валентность отсутствуют (не обнаружены), кроме кельтского, который указывает на доминантность корневой морфемы. || Matasović: 93; Pok.: 183 (√**dē-/ *dā-* и √**dēi-/ *dī-* 'binden'); LIV₂: 102 (√**deh₁-* 'binden'), LIV₂: 103 (√**deh₁-* 'aufspüren, (an)treffen'). По-видимому, предложенное Матасовичем кельтское сближение является единственным свидетельством доминантности корневой морфемы. || Matasović: 93; Pok.: 183 (√**dē-/ *dā-* и √**dēi-/ *dī-* 'binden'); LIV₂: 102 (√**deh₁-* 'binden'), LIV₂: 103 (√**deh₁-* 'aufspüren, (an)treffen').

7. Презентная основа: кельт. **rā-yo-* 'row', 'гresti' (др.-ирл. *rá-íd*) (< **r̥-jo-*, как лтш., или < **rō-jo-*, как герм.) ~ герм. **rōja-* 'гresti'; лтш. *ĩrt*, praes. 1.sg. *ĩru*, praet. 1.sg. *ĩru* 'rudern'; греч. *ῥέεσσω*, атт. *ῥέεττω* (< **ῥέεττω*) 'rudere', *ῥετιμός* 'Ruder'; лат. *rēmus* 'Ruder'; др.-ирл. *rāte* 'Ruder' || Matasović: 306; Льюис–Педресен: § 602 (447); Orel: 306; Mühl.–Endz. I: 710; Mayrhofer I: 49.

К структуре корня: см. стр. 55, под I. 12. герм. **rōja-* 'гresti'.

7а. Отглагольное имя на *-tro-*: др.-инд. *áritram*, *arítram* n. "Steuerruder"; *aritraḥ* m. "Ruder" ~ герм. **rōþraz ~ *rōþran* m./n. (др.-исл. *rōþr* "Ruder"; др.-англ. *rōðer*; др.-фриз. *rōðer*; ср.-н.-нем. *rōder*; др.-в.-нем. *ruodar*) || Orel: 307; Pok.: 338 (√**erə-* : **rē-* : **er(e)-* 'rudern; Ruder'); LIV₂: 251–252 (√**h₁reh₁-* 'rudern').

8. Презентная основа: кельт. **gnīy-o-* 'beget, create, do', 'делать' [Vb] (< **gnēy-o/e-*): [др.-ирл. praes. 1.sg. *gnū* 'ich mache, tue', 3.sg. *gnīd* 'makes, does', формы презенса сохраняют баритонезу, парадигматический выбор акцентных типов подтверждается кельт. **-gnīto-* 'порожденный, сотворённый' в др.-ирл. *ro-gnīth* (< **-gnēto-*) praet.pass.conj.] ~ др.-инд. *jānati* 'erzeugt, gebiert', *jānima, jānma (-an-)* n. 'Geburt, Ursprung' || Thurneysen: 438; Matasović: 163–164; Льюис Педерсен: § 563; Mayrhofer I: 415, 416; Pok.: 373–374 (√*ġen-*, *ġenə*, *ġnē*, *ġnō* 'erzeugen'); Isaac: 27: (ударение ошибочно: < **ġneh₁-tó-*).

К структуре корня: и.-е. корень **ġenə-/ġnē-/ġnō-* 'erzeugen' (в ларингалистической интерпретации: **ġenh₁-/ġneh₁-/ġnoh₁-*): тот же корень, но представлен в кельтском в полной ступени второй основы. Балтийские примеры: лит. *žentas* I 'зять' и лтш. *zuiōts* 'Schwiegersohn; Schwager, Schwesternmann' не могут свидетельствовать о доминантности корня **ġenə-/ġnē-/ġnō-* 'erzeugen' (в этих примерах корень показывает доминантность во всех формах (ступенях аблаута), в отличие от корня **ġenə-/ġnē-/ġnō-* 'erkennen, kennen'), так как оба примера оформлены доминантным суффиксом **-to-*, это видно, когда мы привлекаем к сравнению явно родственные основы из других языков и диалектов: слав. *žětb*, gen.sg. *žěti*,² др.-инд. *jñātiḥ* 'родственник', при лтш. диал. *znuōtis* и dat.-instr. pl. *znuōtiem*, естественно, что подобные *-i*-основы (субстантивы) должны были перестроиться с привлечением доминантного (субстантивного) суффикса *-to-*, поэтому вполне допустимо просодическое тождество его с √**ġneh₁-/ġnh₁-* 'erkennen, kennen' (√**ġenə-/ġnē-/ġnō-* 'erkennen, kennen', как показано выше, имел, вероятно, нисходящий тон). || Thurneysen: 438; Matasović: 163–164; Fraenk.: 1301; Mayrhofer I: 415, 416; Pok.: 373 (√*ġen-*, *ġenə*, *ġnē*, *ġnō* 'erzeugen'); LIV₂: 163 (√**ġenh₁-* 'erzeugen').

8a. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: кельт. **-gnīto-* 'порожденный, сотворенный': др.-ирл. *ro-gnīth* (< **gnēto-*) praet.pass.conj. of др.-ирл. praes. sg. 1. *gnū* 'ich mache, tue', 3. *gnīd* 'makes, does' || Thurneysen: 438; Matasović: 163–164; Mayrhofer I, 415, 416; Pok.: 373 (√*ġen-*, *ġenə*, *ġnē*, *ġnō* 'erzeugen'); Isaac: 27: (ударение ошибочно: < **ġneh₁-tó-*);

8b. Отглагольное имя на *-tro-*: др.-инд. *janītram* n. 'Geburtsort, Heimat, Ursprung' || Mayrhofer I: 415, 416; Pok.: 373 (√*ġen-*, *ġenə*, *ġnē*, *ġnō* 'erzeugen'); LIV₂: 163 (√**ġenh₁-* 'erzeugen').

9. Презентная основа: кельт. **āg-V-* 'fear', 'бояться' [Vb]: [др.-ирл. *ad-āgor*, *-āgur* 'ich fürchte']; germ. **-aganan* 'fürchten', 'бояться': [гот. **-agan* [гот. part. praes. *un-agads* 'furchtlos'; praet.sg. *ōg* — претерито-презентный глагол; слабый претерит *ōhta*]; germ. **-agjanan* 'erschrecken' [гот. *af-agjan* (только nom. pl. m. part. praet. *af-agidai* πτυροόμενοι Phlp 1:28; σαίνόμενοι 1Th 3:3) 'sich ängstigen'; *in-agjan* (только praet. 3.sg. *in-agida* Mt 9:30) ἐμβροιάσθαι, 'anfahren'; *us-agjan* (только nom.pl. m. part. praet. *us-agidai* ἐκφοβού) 'erschrecken']; греч. гомер. *ἀχομισι* 'bin betrübt',

греч. *ἄχθυσις* 'bin betrübt' || Matasović: 26; Feist: 3, 13, 292, 380–381, 528–529; Pok.: 7–8 ($\sqrt{*agh-}$ 'seelisch bedrückt sein, sich fürchten'); LIV₂: 257 ($\sqrt{*h_2egh^h-}$ 'in Furcht geraten, betrübt werden').

К структуре корня: и.-е. корень $*āgh-/ *agh-$ 'fürchten' (в ларингалистической интерпретации: $*Heh_2g^h-/ *Hh_2g^h-$): полная *-e*-ступень в кельт. $*āg-V-$ ($*āg-e-$ или $*āg-je-$, ср. подобную факультативность в оформлении презенса глаголов этого типа в балто-славянском). Это традиционное рассмотрение было отклонено Matasović'ем и LIV₂ на основании сближения греч. *ἄχος* n. 'Leid, Schmerz' : др.-инд. ved. *aghá-* n. 'Leid, Gefahr' : гот. *agis* 'Furcht, Angst', что указывало на первичность краткого гласного в этом корне ($\sqrt{*ag^h-} = *h_2egh^h-$). В этом случае долгота в кельтском презенсе этого глагола должна рассматриваться так же как долгота в гот. *ōg*, т. е. как результат стяжения основы формы перфекта ($< *h_2eh_2og^h$). Однако это не исключает того, что данная «вторичная» долгота свидетельствует о доминантности корневой морфемы, так как при её рецессивности эта долгота должна была сократиться, как сократились подобные долготы в претеритах германских глаголов с *Verschärfung*'ом. || Matasović: 26; Seebold: 362;

10. Презентная основа: кельт. $*rēd-o-$ 'ride' [Vb] ($< *rēidh-o-$, с потерей однородного глайда): [др.-ирл. *réidid*, *-rēid*; *re-raid* [praet.]]; др.-англ. *rīdan*; лит. *riedėti*, praes. 3. *rieda* (*riēda* Jž) LKŽ XI: 549 ('herunter)rollen, dahinrollen, sich bewegen, (aus dem Brutei) ausschlüpfen', Šl. *riedėti*, praes. 1.sg. *riedu* 'toczyć; płynąć (o łzach)'; *ráidyti* 'aufladen, beladen', диал. (юго-вост.) *raidyti* 'adować', 'грузить, нагружать'; лтш. *raīdīt* 'eilig senden', *raīdītiēs* 'eilen, zappeln' (плавная интонация корневой морфемы в латышских примерах свидетельствует о её доминантности). || Matasović: 307; LKŽ XI: 49–50; Šl.: 400; Fraenk.: 729, 687; Pok.: 861 (и.-е. $*(H)reyd^h-$ 'ride'); LIV₂: 502 ($\sqrt{*rejd^h-}$ 'sich schwankend bewegen').

К структуре корня: и.-е. корень $*rēid^h-/ *rōid^h-$ 'двигать(ся) стремительно' (в ларингалистической интерпретации: $*rehid^h-/ *rohid^h-$). По-видимому, является результатом расширения и.-е. корня $*rēi-/ *rəi-/ *rī-$ (в ларингалистической интерпретации: $*reh_i-/ *rh_i-/ *rh_i-$) презентным суффиксом $*-d^h-$. Доминантностью этого производного корня подтверждается латышской плавной интонацией корневой морфемы. Доминантность производящего корня хорошо документируется славянскими данными: слав. $*rějati$, praes. 1.sg. $*rějō$, 3.sg. $*rějety$ ~ $*rīnō-ti$, praes. 1.sg. $*rīnō$, 3.sg. $*rīnety$; отглагольный субстантив с нулевой огласовкой корня: слав. $*rōjb$, gen.sg. $*rōja > *rojā$ а. п. *b/d* ($< *rəjō-$). || LKŽ XI: 49–50; Šl. 400; Fraenk.: 729, 687; Pok.: 861 (и.-е. $*(H)reyd^h-$ 'ride'); LIV₂: 502 ($\sqrt{*rejd^h-}$ 'sich schwankend bewegen').

II. Рефлексы кратких ~ долгих монофтонгов в а. п. а.

II. Презентная основа: кельт. $*be-na-$ ($< *bi-na-$ 'strike, hit', 'ударять') [Vb]: [др.-ирл. 1.sg. *benim* 'schneide, schlage' ($< *bhinamī$), 3.sg. *benaid* 'schlägt', 'strikes' ($< *binati$), praet.pass. 3.sg. *ro-bith*; др.-валл. *etbinam* 'a-

niō, др.-брет. *et-binam* gl. 'lanio', 'раздираю, разрываю', ср.-брет. *benaff* 'schneide']; лат. *per-fines* 'du sollst zerschlagen', 'perfringas', к лат. *finis*, *-is* m. 'предел, граница', als "Schlag" oder "(Ab)schnitt"; краткость корневого гласного объясняется вставкой *-ne-/n-*инфикса между *i-* и ларингалом; долгота сохраняется в *bith* в praet.pass. *ro-bith* 'wurde geschlagen' и в пасс. прич. прош. вр. *bithe* 'geschlagen'; без *-n-*Inflix: др.-брет. *bitat* 'resecāret', валл. *bidio* "Bäume beschneiden" ~ слав. praes. sg.1. **bījō*, 3. **bījety*; part.act.praes. **bīje*, **bījotji*; inf.~sup. **bīti* ~ **bītъ*; aor. sg.1. **bīxъ*, 2-3. **bī*; *-l*-part. **bīlvъ*, f. **bīla*; part.act.praet. **bīlvъ*, f. **bīlvъši* || Matasović: 65-66; McCone 1991: 11; Льюис-Педерсен: § 505; Дыбо 1961: 15, 19, 31-32; Pedersen II: 461 ff., WH I: 502-504; Pok.: 117-118 (√*bhei(ə)*-/bhi-); LIV: 72 (√**b^heiH-* 'schlagen').

К структуре корня: см. стр. 123, под 1. кельт. **bīto-*.

1а. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: кельт. **bī-to-* 'geschlagen' (< **bih₂-to-*); др.-ирл. *bith* в praet.pass. *ro-bith* 'wurde geschlagen' — praet.pass. conj. от др.-ирл. *benaid* 'schlägt', 'strikes' [кельт. **bi-na-* 'strike, hit'] ~ слав. part.praet.pass. **bītъ*, f. **bīta*, n. **bīto*, praes. 1.sg. **bījō*, 3.sg. **bījety*, part.act.praes. **bīje*, **bījotji*; inf.~sup. **bīti* ~ **bītъ*; aor. 1.sg. **bīxъ*, 3.sg. **bī*; *l*-part. **bīlvъ*, f. **bīla*; part.act.praet. **bīlvъ*, f. **bīlvъši* ~ авест. *byente* 'sie bekämpfen, schlagen'; греч. *φίτρος* m. 'Baumstamm, Holzscheid', *φίμος* m. 'Knebel, Maulkorb'; армян. *bir* 'großer Stock, Keule'; || Matasović: 65-66; Льюис-Педерсен: § 505; De Bernardo Stempel 1999: 442; Irslinger 2002: 431; Isaacs: 27: (ударение ошибочно: < **bhih₂-tó-*); Pok.: 117-118 (√**bhei(ə)*-/bhi-); LIV: 72 (√**b^heiH-* 'schlagen').

1б. Отглагольное имя (subst.) на *-tu-*: кельт. **bīthu-* 'Schlagen; Wunde' (< **bhīthu-* < **b^hiH-tu-*); др.-ирл. *bith* 'Schlagen; Wunde' от Vr. др.-ирл. *benaid* 'schlägt', 'strikes' ~ слав. praes. 1.sg. **bījō*, 3.sg. **bījety*; part.praes.act. **bīje*, f. **bījotji*; inf.~sup. **bīti* ~ **bītъ*; aor. 1.sg. **bīxъ*, 3.sg. **bī*; *-l*-part. **bīlvъ*, f. **bīla*; part.praet.act. **bīlvъ*, f. **bīlvъši*; part.praet.pass. **bītъ*, f. **bīta*, n. **bīto*, ~ авест. *byente* 'sie bekämpfen, schlagen'; греч. *φίτρος* m. 'Baumstamm, Holzscheid', *φίμος* m. 'Knebel, Maulkorb'; армян. *bir* 'großer Stock, Keule'. || Matasović: 65-66; De Bernardo Stempel 1999: 442; Irslinger 2002: 29, 431.

12. Презентная основа: кельт. **gli-na-* 'glue', 'крепко пристать', 'клеить, приклеивать; липнуть' (< **gli-ne-h₂*, краткость корневого гласного объясняется вставкой *-ne-/n-*инфикса между *i-* и ларингалом): [др.-ирл. *glenaid*, *-glen*; *glicid*, *-glia* (subj.); *gulaid*, *-gulai* (fut.); *giuil* (praet.); ср.-валл. *glynu*; ср.-брет. *englenaff* 'stick'; корн. *glena*]; др.-в.-нем. *klenan* 'bestreichen', 'smear', 'мазать, пачкать'; лит. диал. (вост.-лит.) *glejù* 'bestreichen', 'smear', 'мазать, пачкать'; слав. **glīnā* f. 'Lehm, Ton' и **glīnъ* m. [словен. *glin* m. 'глина', чеш. *hlin* m. 'ил'] || Matasović: 160-161; Льюис-Педерсен: § 561; Pok.: 362-363 (√**glei-*, с поправкой Матасовича: √**gleiH-*); LIV: 190 (√**gleiH-* 'bestreichen; kleben bleiben'); Dybo 2002: 324-327.

К структуре корня: и.-е. корень *glejǝ-/*glī- ‘мазать, пачкать’ (в ларингалистической интерпретации: *gleiH-/*gliH-): полная -е-степень первой основы: лит. *glėivos* pl. ‘слизь’; слав. *glīva [др.-русс. ГЛИВА ‘слизь, ил’ (Хрон. И. Мала-лы, II: 478, XV в.; русск. диал. *glīva* f. ‘род груши, дули’, укр. *glīva* f. ‘род груши, бергамота; гриб на дереве, губка’; болг. диал. *glīve* pl. ‘древесные губки’; схрв. *zlivā* f. ‘губка’, *zlivā* f. ‘гладна, железа’, диал. *glīva* ‘гриб’ (Skok); словен. *glīva* f. ‘гриб, губка (древесная); железа, гладна’ (Pl. I: 218); ст.-чеш. *hlīvu* pl. ‘pus-tea’]; слав. *glīnā f. ‘Lehm, Ton’ и *glīm m. [словен. *glin* m. ‘глина’, чеш. *hlín* m. ‘ил’]; лтш. диал. *glīts* līn., Nigr., Rutzau, Ruj., ‘glatt, nett, zierlich’ U. и лтш. *glīts* Serbigal, Preili, Nerft, AP., Wolm., Kl., ‘sauber, hübsch, sauber und sorgfältig ge-macht, fein, passend’; ср. др.-англ. *clīdan* ‘anhangen, kleben’ [только др.-англ. *æt-clīdēnde* Gl. к *aderentem* Thts.: 181, 64; = лат. *adhaereo, haesi, haesum, -ēre* ‘липнуть, крепко держаться, висеть, не отставать и под.’] || Matasović: 160–161; Holt-hausen AEEW: 52; Toller: 21; Mühl.–Endz. I: 627; Фасмер I: 411–412, 412, 413; Fraenk.: 156, 157; ЭССЯ 6: 120–121, 121, 125–126, 128–131; Pok.: 362–363; LIV: 190.

13. Презентная основа: кельт. **k^wri-na-* ‘buy’, ‘покупать’ [Vb] (< **k^wri-ne-h₂-*): [ирл. *crenaid* ‘buys’, ‘покупает’, др.-валл. *prinit* ‘покупает’; ср.-валл. praes. 1.sg. *prynu*; валл. *prid* ‘expensive’, краткость корневого гласного объясняется вставкой -ne/-n-инфикса между *i-* и ларингалом]; ~ др.-инд. *krīṅāti*, с вторичным восстановлением долготы *-ī- по неличным формам глагола; ср. др.-русс. *крънѹти* ‘купить’, praes. 3.sg. *крънеть*, где рефлекс говорит о сохранении первичной краткости; баритонеза подтверждается и славянским материалом: др.-русс. part.praet.pass. *укриенъ* ‘купленный’, ср. ст.-слав. ОУКРИКНЪ ‘куплен’, который свидетельствует о баритонезе восстанавливаемой праславянской формы **krī-tos* (в ст.-слав. языке баритонированные причастия на -tos были заменены причастиями на -enos); о существовании ранее в славянском причастия на -tos от этого глагола свидетельствует производное от этого причастия существительное: *no|криѹи* ‘по искуплении’ Усп. сб. 207В_{14–15} || Matasović: 182; Льюис–Педерсен: § 527 (335); Isaac: 27–28: (ударение ошибочно < **k^wrih₂-tō-*).

К структуре корня: см. стр. 125, под 6. кельт. **k^wri-tō-*.

13а. Отглагольное имя (adj.) на -to-: кельт. **k^wri-tō-* ‘куплен’ (< **k^wrih₂-to-*): др.-ирл. *crith* praet.pass.conj. от ирл. *crenaid* ‘buys’, ‘покупает’, валл. *prid* ‘expensive’, ‘дорогой’; др.-валл. *prinit* ‘покупает’; др.-русс. *крънѹти* ‘купить’, praes.3.sg. *крънеть*, part.praet.pass. *укриенъ* ‘купленный’, ст.-слав. ОУКРИКНЪ ‘куплен’, который свидетельствует о баритонезе восстанавливаемой праславянской формы **krī-tos* (в ст.-слав. языке баритонированные причастия на -tos были заменены причастиями на -enos); о существовании ранее в славянском причастия на -tos от этого глагола свидетельствует производное от этого причастия существительное: *no|криѹи* ‘по искуплении’ Усп. сб. 207В_{14–15} || Matasović: 182; Льюис–Педерсен: 335; Дыбо 1961: 18, 32 (< **k^wrih₂-to-*); Isaac: 27–28: (ударение ошибочно: < **k^wrih₂-tō-*).

13b. Отглагольное имя (subst.) на *-tu-*: кельт. **kʷrī-tu-* (< **kʷrīh₂-tu-*): др.-ирл. *críth* 'Kauf' от ирл. *crenaid* 'buys', 'покупает'; др.-валл. *prinit* 'покупает' ~ др.-русск. *крънѹти* 'купить', praes. 3.sg. *крънетъ*, part.praet.pass. *укриенъ* 'купленный', который свидетельствует о баритонезе этого праславянского глагола, доминантности его корневой морфемы и соответствующей баритонезе его категорий. || Irslinger 2002: 29; Matasović: 182; Льюис–Педерсен: § 529; (335); Дыбо 1961: 18, 32.

14. Презентная основа: кельт. **re-na-* < **ri-na-* 'count, sell, exchange', 'продавать': др.-ирл. *renaid* 'sells', 'продает' (< кельт. **ri-na-* < **h₂r̥-nā-* < **h₂r̥-néh₂-*), краткостный рефлекс корневого *-r-* объясняется вставкой *-ne-/n-* инфикса между *-r-* и ларингалом; долготный рефлекс сохраняется в кельт. **-rē-to-* или **-rī-to-* 'wurde verkauft' (< **h₂r̥é(i)-to-* или < **h₂r̥á(i)-to-* < **h₂r̥h₁(i)-to-*): др.-ирл. *-rith* praet. pass. conj. of *renaid* 'sells', 'продает'; ср. кельт. **rīmā* 'number, count' (Noun): [др.-ирл. *rím* [ā f.]; ср.-валл. *rif* [m.]; ср.-брет. *ri(m)* gl. summa] ~ лат. *reor, ratus sum, rēri* 'berechnen, meinen, dafürhalten', 'думать, полагать, считать', *rītus* 'religious observances', 'религиозный обряд'; греч. *ἀριθμός* 'Zahl', *νήπιος* 'ungezählt'; || McCone 1991: 37–40; Irslinger 2002: 27–28; Matasović: 313; Льюис–Педерсен: § 605;

К структуре корня: см. стр. 126, под 9. кельт. **-rē-to-*.

14a. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: кельт. **-rē-to-* или **-rī-to-* 'wurde verkauft' (< **h₂r̥é(i)-to-* или < **ar̥á-to-* < **h₂r̥h₁(i)-to-*): др.-ирл. *-rith* praet. pass. conj. of *renaid* 'sells', 'продает' (< кельт. **ri-na-* < **h₂r̥-nā-* < **h₂r̥-néh₂-*) ~ || McCone 1991: 37–40; Irslinger 2002: 27–28; Matasović: 122; Isaac: 28; (ударение ошибочно: < **h₂riH-tó-*).

III. Рефлексы кратких ~ долгих слоговых сонантов в а. п. а.

15. Презентная основа: кельт. **gni-na-* 'recognize', 'знать' [Vb] (< **ĝn̥-néh-*): др.-ирл. *ad-gnin* < **ati-gni-na-* (< **ĝn̥-ne-h₃-*), краткостный рефлекс корневого *-ŋ-* объясняется вставкой *-ne-/n-* инфикса между *-ŋ-* и ларингалом; долготный рефлекс *-ñ-* (< *-ŋH-*) или долгота второй основы сохраняется в кельт. **gnāto-* 'known, usual' [Adj] (< **ĝñto-* < **ĝñh₃-to-*): др.-ирл. *gnáth* 'gewohnt, bekannt', ср.-валл. *gnawt* 'usual, customary', 'обычный, привычный'; др.-брет. *gnot* 'usual' ~ др.-инд. *jānāti, jānītē* 'kennt, weiß, versteht' || Matasović: 162; Льюис–Педерсен: § 564; Mayrhofer I: 446, 446–447; Fraenk.: 1300–1301; Pok.: 377; Дыбо 1961: 19.

К структуре корня: см. стр. 52, под I. 7. герм. **knāja-* 'знать'.

15a. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: кельт. **gnāto-* 'known, usual' [Adj] (< **ĝñto-* < **ĝñh₃-to-* или < **ĝnōto-* < **ĝnōh₃-to-*): др.-ирл. *gnáth* 'gewohnt, bekannt', ср.-валл. *gnawt* 'usual, customary', 'обычный, привычный'; др.-брет. *gnot* 'usual' ~ лтш. *pazīts* 'знакомый', др.-в.-нем. *kund*, гот. *kunþs* 'знакомый, известный' || Matasović: 162; Isaac: 27: (< **ĝnoh₃-tó-*).

15b. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: лат. *gnōto-* [в лат. *nōta* f., gen.sg. *nōtae* ‘знак, отметка’, *nōtāre* ‘обозначать, отмечать’ и в лат. *cognītus* ‘известный, знакомый’, *agnītus* ‘признанный’ ~ др.-инд. *jñā-tāh*, греч. *γνωτός* ‘известный’] < **gnōtō-* < **gnoh₃-tō-*.

15c. Отглагольное имя на *-tro-*: др.-инд. *jñātram* n. ‘Erkenntnisfähigkeit, Einsicht’ ~ прагерм. **knōþla-* [в др.-в.-нем. *be-cnuodelen* ‘ein Erkenntniszeichen geben’] (< **gnōtro-* < **gnōtró-* < **gnōtrō-*) и др.-лит. *žénklas* m. (I) ‘Zeichen’, ‘знак’ (DP: nom.pl. *žéklai* 13₁₄, 13₃₀, *žéklai* 14₉, 19₄₆, 225₃₀, 318₁₀, 347₃₄, 355₁₂, 373₅₃, 374₁₇; *žéklai* 254₃₄; gen.pl. *žékly* 86₇, 201₃₉, 251₃₇, 254₃₃, 254₄₃, 356₁₂, 436₅₀, 457₃₆, 531₃₃ *žé|kly* 7₁₃₋₁₄), *žékly* 68₁₆, 228₁₁, 254₃₇, *žékly* 155₃₀, *žé|kly* 398₄₇₋₄₈, *žékl[u?] 228₄; dat.pl. *žéklamus* 51₁₂; instr.pl. *žéklais* 17₂₅, 204₅₀, 380₁₄, 481₃₄, *žéklais* 19₂₃; loc.pl. *žéklyfe* 161₄₈; позиции закона де Соссюра: instr.sg. *žékly* 51₇, 51₁₄, 51₂₀, 51₃₂, 54₉, 54₁₂, 54₂₁, 69₃₃, 119₅₀, 152₃₇, 174₄, 294₄₆, 455₂₃, 455₄₃, 455₄₈, 456₃, 456₉, 458₄₃, *žékly* 51₁₁, 51₂₇, 51₂₇, 51₃₄, *žékly* 54₁₈, *žékly* 142₅₄, *žékly* 455₁₆, *žékly* 51₂₄; acc.pl. *žéklus* 12₃₁, *žéklus* 19₄₉, 77₃₅, 123₁₈, 181₃₄, 225₃₇, 245₃₃, 265₁, 347₂₉, 375₆, 455₁₅, 481₃, *žé|klus* 327₂₇₋₂₈; ещё можно прибавить два примера из DK: instr.sg. *žékly* 18₂, *žé|kly* 19₇)²⁴ (< **genh₃-tlo-*) || Fraenk.: 1300–1301; Pok.: 377; Дыбо 1961: 19.*

16. Презентная основа: кельт. **kri-na-* ‘погибнуть’: [др.-ирл. *ar-a:ch-rin* intr. (§ 423) ‘zerfällt’, ‘decays’, ‘гниёт, разлагается’, pl. *ara:ch-rinat*; *ar-a:ch-rin* “perishes”, ‘гибнет’] ~ др.-инд. *śṛṇāti* tr. ‘zerschmettert, zermalmt, zerbricht’, ‘destroys’, ‘уничтожает, разрушает’, aor. *ásarīt* (AV, TB); part. *śīrṇá-* ‘zerbrochen, zersprungen’ (AV, Br. u.a.), *a-śīrta-(tanu-)* ‘unversehrt(en Leibes)’, *śūrtá-* ‘zerschmettert’ (RV); ср. др.-ирл. *crín* (W. *crin*) ‘welk’, ‘вялый, дряблый’, “decrepit”, ‘дряхлый’ (Льюис–Педерсен: ‘увядший’, приводит также ирл. *crínaim* ‘вяну’; валл. *crino* ‘вянуть’) || Льюис–Педерсен: § 528: (стр. 414); Pok.: 578 (√**ker-/kera-/krē-* ‘versehren’, intr. ‘zerfallen, vermorschen’); LIV₂: 327–328 (√**kerh₂-* ‘brechen, zerbrechen’).

К структуре корня: см. стр. 131, под 2. кельт. **kré-no-*.

16a. Отглагольное имя (adj.) на *-no-*: кельт. **kré-no-* (> **krīno-*) ‘welk, decrepit’: [др.-ирл. *crín* (-o-) ‘welk, decrepit’, ‘вялый, дряблый, дряхлый’ (Льюис–Педерсен: ‘увядший’, приводит также ирл. *crínaim* ‘вяну’; валл. *crino* ‘вянуть’); др.-валл. *crin* gl. ar(i)dum, ср.-валл. *crin*; ср.-брет. *krin*; корн. *crin*]; др.-инд. *śīrṇá-* ‘zerbrochen, zersprungen’ (AV, Br. u.a.); тохар. В **kārna-* в part.praet. *kārnau* ‘versehrt’. || Matasović: 225; Pok.: 945f; LIV₂: 328.

²⁴ Кроме этих примеров и примеров, нерелевантных по отношению к грамматической подвижности и к закону де Соссюра, в DP отмечены: nom.sg. *žéklás* 54₂₂, *žéklás* 444₃₂; gen.sg. *žékló* 300₉; acc.sg. *žéklá* 335₁₁; instr.sg. *žékly* 585₂₃; nom.pl. *žéklai* 6₆; gen.pl. *žékly* 354₄₇, 399₄₃, *žékly* 254₄₈; acc.pl. *žékly* s 372₁₅; instr.du. *žéklais* 204₄₇. В DK отмечен nom.sg. *žéklás* DK 15¹⁵. Эти данные явно не влияют на определение а. п. этого слова.

17. Презентная основа: кельт. **fli-nu-* 'flow' [Vb] (< **p_l-nā-* < **p_l-ne-H-*): [др.-ирл. *do-lin* 'fließt (über)']; др.-инд. *pṛnāti* 'fill' (Возможна другая этимология: √**lēj-*, тогда *oxitona-mobile*) || Matasović: 134–135; Pok.: 798f. (√**pel-/ *pelə-/ *plē-* 'gießen, fließen, aufschütten, füllen, einfüllen'); LIV₂: 482–483 (√**pleh₁-* 'sich füllen, voll werden').

К структуре корня: см. стр. 132, под 5. кельт. **flāno-*.

17а. Отглагольное имя (adj.) на *-no-*: кельт. **flāno-* 'full' (< **p_lno-*) ~ лит. *pilnas*, лтш. *pilns* 'полный'; слав. **pōlmъ*, f. **pōlna*, n. **pōlno*; афг. *pān*, f. *pāna* 'полный, наполненный'. || Matasović: 132; Дыбо 1961: 18; Дыбо 1974: 76.

Ср. также имя в полной ступени кельт. **flīnu-* (др.-ирл. *lín* [u m. и n.] 'полное число, дополнение', ср. лат. *plēnus*), и отыменной глагол др.-ирл. *línaid* 'наполняет' < **flīn-ā-*. || Matasović: 132;

18. Презентная основа: кельт. **tlina-* 'take away, steal', 'удалять, красть' [Vb] (< **t_lnā-* < **t_l-ne-h₂-*): [др.-ирл. *tlenaid*, *-tlen* 'removes', 'устраняет, удаляет'] ~ лат. *tollo* (< **t_lnō*, перестройка древнего **t_lnāmi*), 3.sg. *tol-lit* 'raises, removes', 'поднимает (якорь), устраняет, воздвигает'; perf. *sustūli*, sup. *sublātum*, inf. *tollere* 'поднимать вверх; вынимать; повышать' || др.-инд. *tulayati* 'hebt auf, wägt', *tulima-* 'wägbar'; греч. ἀνα-τέλλω 'lasse aufgehen, bringe hervor', -τέλλομαι 'gehe auf, sprieße' (< praes. **t_l-ne/n-h₂-* ?); -to-part.: греч. τλητός, дор. τλᾶτός 'duldend, standhaft; erträglich' (индоевропейские этимологические словари усматривают два различных и.-е. корня (как Pok, так и LIV₂, правда, объёмы материала, привлекаемого для обоснования этого деления не вполне совпадают): на доминантность корневой морфемы может указывать слав. **toliti*, praes. 1.sg. **tolijō*, 3.sg. **tōlītъ*. (др.-русск. **олтѣити**сѧ Ратн. 200б, **олтѣити** Мер. 116б; словен. *tōliti*, praes. 1.sg. *tōlim* 'besänftigen, beschwichtigen, beruhigen, stillen'), если это действительно каузатив от данного глагола (ср. другую этимологию в Фасмер IV: 71) || Matasović: 380; Orel: 428; Barber: 31; Feist: 504–505; Frisk II: 848–849; WH I: 772; II, 688–689; Зализняк 2011, II: 116; Зализняк 2014: 299; Зализняк 2019: 348; Mühl.–Endz. I: 818; Pok.: 1060–1061 (√**tel-/ *telā-*, √**tē(i)-*, √**tā-* 'aufheben, wägen; tragen; ertragen, dulden'; **t_l-to-* 'duldend, tragend'); 1061–1062 (√**tel-* 'still sein'); LIV₂: 621 (√**telH-* 'still werden'), 622 (√**telh₂-* 'aufheben, auf sich nehmen').

К структуре корня: и.-е. корень (№ 1 ?) **telā-/ *tē(i)-/ *tā-* 'aufheben, wägen; tragen; ertragen, dulden' (в ларингалистической интерпретации: **telh₁-/ *tehl₁(i)-/ *t_lh₁-*): лат. *tollō*, -ere (*sustulī*, *sublātum*) 'empor, in die Höhe heben' (< **t_lnō*, перестроено из **t_l-nā-mi*), *tulī*, др.-лат. *tetulī*, perf. к *fērō*, др.-лат. conj. *tulam* 'tragen, bringen', *lātus* 'getragen'; [ср.-ирл. *tlenaim* 'stehle' (**t_lnāmi*), валл. *tlawd* 'arm' (< *'duldend')]; и.-е. корень (№ 2 ?): Kaus.-It. др.-ирл. *-tuili* 'schläft' (< **tolH-eje*); слав. **toliti*, praes. 1.sg. **tolijō*, 3.sg. **tōlītъ*. [др.-русск. **олтѣити**сѧ Ратн. 200б, **олтѣити** Мер. 116б; словен. *tōliti*, praes. 1.sg. *tōlim* 'besänftigen, beschwichtigen, beruhigen, stillen', а. п. b]; лтш. *iztilt* 'aushalten' Zbiór XVIII: 370 (слоговая интона-

ция не зафиксирована, *izstilt²*, *-stīlu* (Līvāni) od. *-stilstu²* (Pilda), *-stīlu*, = *iztilt* 'aushalten' (по-видимому, *-il-* < **-iġ-*, ввиду совпадения плавной и нисходящей интонаций в нисходящей в восточных латышских диалектах); в этом случае обе корневые морфемы являются доминантными независимо от того, относятся ли они к одному и.е. корню или к разным. || Зализняк 2014: 299; Зализняк 2019: 348; Mühl.–Endz. I: 818; Endz.–Hauz. I: 483; Fraenk.: 1095; Pok.: 1060–1061 (*√*tel-/ *tela-/ *tle(i)-/ *tīlā-* 'aufheben, wägen; tragen; ertragen, dulden'; **iġ-to-* 'dulndend, tragend'); LIV₂: 622 (*√*telh₂-* 'aufheben, auf sich nehmen').

18a. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: лат. part. praet. pass. *lātus* (< **tlātos*) 'getragen'; но греч. dor. *τλᾶτός*, att. *τλητός* 'standhaft, zu erdulden'. || Matasović: 380; WH I: 772; II, 688–689; Pok.: 1060–1061;

18b. Отглагольное имя (adj.) на *-ti-*: кельт. **ilāti-* 'weak, sick' [Adj], 'слабый, больной' (< **iġ-ti-*): ср.-ирл. *tláith* [i] 'schwach, sanft', 'weak, feeble, soft, pleasant', 'слабый, хилый, мягкий, приятный'; сред.-валл. *tlawdd* 'arm', 'poor, sick', 'бедный, скудный; больной' ~ греч. *τλητός* 'das Dulden', 'терпение, страдание' (< **iġtis*); герм. **pūlpi* и **pūldi*: ср.-в.-нем. *dulde* 'Geduld', 'терпение' и др.-в.-нем. *dult* (ср.-н.-нем. *dult*) || Matasović: 380; Pok.: 1060–1061; Orel: 428; Barber: 31; Feist: 504–505; Frisk II: 848–849; WH I: 772; II, 688–689; Plet. II: 675; Mühl.–Endz. I: 818; LIV₂: 621, 622.

19. Презентная основа: кельт. **kli-nu-* 'hear' [Vb] (< **kġ-n-u-*; предложено объяснение этой формы как результата транспозиции формы **klu-ni-*, извлечённой из приставочных типа др.-ирл. *ro-chuinethar* [< **fro-kli-nu-tor*], но это предложение лишь ставит под сомнение точность пракельтской реконструкции, но не отвергает само сближение); эта этимология точно соответствует др.-инд. *śrṇōti* (**kġ-neu-*) 'hört', *śrudhī* 'höre' (= **klū-θi*), part. *śrutá-* (= *κλυτός*), *śrūyatē* 'wird gehört'; авест. *surunaoiti* (**klu-n-*) 'hört, steht im Rufe, heißt' usw., part. *srūta-* 'gehört, berühmt', *srūti* 'das zu Gehörbringen, Vortrag', др.-инд. *śravayati* 'läßt hören'; греч. *κλέ(ε)ω*, *-ομαι*, эп. *κλείω* 'rühme' sind sekundär; *ἔκλυον* 'hörte' (= др.-инд. *śruvam*), *κλῦθι*, *κέκλυθι* 'höre!', и в плане валентностей согласуется с греч. *κλυτός* 'berühmt', *κλειτός* 'berühmt' (< **κλεφετός*, wie *γενετή*, lat. *genitus*), что согласно анализу С. Л. Николаева (БСИ 1982 и 1984), данный корень мог относиться к I классу, т. е. быть доминантным; однако показания балто-славянского и германского [др.-в.-нем. *hlūt*, др.-англ. *hlūd*, др.-сакс. *hlūd*, ново-в.-нем. *laut*] относят его к рецессивным. || McCone 1991: 13; Matasović: 208.

К структуре корня: см. стр. 78, под б. герм. **hlūda-z* adj.

19a. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: кельт. **-kluto-* (< **klu-to-* < **klū-tó-*) 'heard' ~ герм. **hlūdaz* < **hlūþáz*; лтш. *slūt* 'слыть'; слав. **slŷti*, praes. I. sg. z **slōvo*, 3. sg. **slōvets*; *-l*-part. *slŷlŷ*, f. **slŷlā*, n. **slŷlo²*. Вероятно, ранний переход в подвижный акцентный тип; первичная доминантность корня отражена лишь в греч. *κλειτός* 'berühmt' (< **κλεφετός*). || Николаев — БСИ 1982: 85 и 1984: 143; McCone 1991: 13; Matasović: 208; Дыбо 2000: 286.

Каузативы и итеративы

20. Презентная основа: кельт. **bād-ī-* 'dive, drown' [Vb] (< **bād-ī-* < **g^héh₂d^h-eye-*): [др.-ирл. *báidid*, *-báidi*; *bádfid* (fut.), *-báided* (part. pass.) 'submerge, drown'; ср.-валл. *boddi*; ср.-брет. *beuziff*, совр. брет. *beuziñ*; корн. *buthy*, *bedhy*]; др.-инд. *gādhá-* 'ford' ~ др.-инд. *gāhatē* 'wade'; лит. *góžti* 'overthrow, overturn'; слав. **gāžiti*² [болг. *гáзя* 'идти вброд, увязая ногами (в воде, по траве, грязи и т. п.)', топтать, давить, попирать'; схрв. *gāziiti* 'идти вброд', наступать, попирать'; словен. *gāziti* 'идти вброд' (Pl.: 208)] || Matasović: 52.

21. Презентная основа: кельт. **rād-ī-* 'talk' [Vb]: [др.-ирл. *rádid*, *ra-did*, *-radi* 'talks'; др.-валл. *amraud* 'thought, meditation', валл. *amrawdd* (m.) 'mind'] ~ лит. *ródyti*, *-dau*, вост. лит. praes. 1.sg. *ródziu* 'zeigen, hinweisen, hindeuten'; лтш. *rādīt* 'zeigen, weisen', *rādītiēs* 'sich zeigen, sich anmelden'; герм. **rōđjanan* 'to talk' [гот. *rōđjan* 'reden, sprechen'; др.-исл. *rōða* 'reden'] ~ герм. **rēđanan* 'to intend, to have a plan for' [гот. *ga-rēđan* 'to intend, to have a plan for'; др.-исл. *rāða*] || Matasović: 311; Pok.: 59–60 (√**rē-dh-*/**rō-dh-*/**rə-dh-*); LIV₂: 499–500 (√**reh₁d^h*).

2) Глаголы с окситонированной акцентной парадигмой (= балто-слав. а. п. с).

I. Сокращение долгого монофтонга в а. п. с.

1. Презентная основа: кельт. **kar-o-* 'love' [Vb] (< **kār-ō-*): [др.-ирл. *caraid*, *-cara*; *cechraid* (fut); *carais* (praet.); ср.-валл. *caru*; ср.-брет. *karet*, брет. *kared*]; др.-инд. ved. part.praes. *kāyamāna-* RV III, 9, 2a 'begehrend, gern habend', perf. (*ā*) *caké* 'begehrt, hat gern'; авест. aav. praes. *kaiiā* Y. 33,6 'bin erfreut', jav. part.perf. *cakuš-* 'verlangend'; лат. *cārus* 'lieb'; гот. *hōrs* 'Ehebrecher, Hurer'; лтш. *kārs* 'lüstern, begehrllich', 'жадный (к чему, на что)', плавная интонация в латышском свидетельствует о доминантности основы, || Matasović: 191; Андронов 2002: 89; Дыбо 1961: 16, 22; Pok.: 515 (√**kā-* 'gern haben, begehren', *kā-ro-* 'lieb, begehrllich'); LIV: 343 (√**keh₂₋* 'begehren').

К структуре корня: и.-е. корень **kā-* 'gern haben, begehren' (в ларингалистической интерпретации: **keh₂₋*): *-e-* ступень огласовки: др.-инд. ved. part. praes. *kāyamāna-* 'begehrend, gern habend'; *-o-* ступень огласовки: др.-инд. *kāma-* m. 'Begehren, Wunsch, Liebe'; авест., др.-перс. *kāma-* m. 'Verlangen, Wunsch'; греч. *κάμος* 'Fest, Festzug, Festgelage'; противоречие между акцентовкой презентной основы в кельтском и акцентовкой соответствующего имени, возможно, указывает на нисходящий тон корневой морфемы; однако следует учитывать, что субстантивирующий суффикс *-ro-* является доминантным и эту доминантность ему придаёт специфический тематический морф *-ō-*, а *-o-* презентной основы рецессивно. || Matasović: 191; Андронов 2002: 89; Дыбо 1961: 16, 22; Pok.: 515 (√**kā-* 'gern haben, begehren', *kā-ro-* 'lieb, begehrllich'); LIV₂: 343 (√**keh₂₋* 'begehren').

2. Презентная основа: кельт. **klad-o-* ‘dig, bury’, ‘рыть, копать; зарывать в землю, прятать’ [Vb] (< **klād-ō-*): [др.-ирл. *cladaid*, *-claid*, *cláiss*, *-clá* (subj.); ср.-валл. *claddu*; ср.-брет. [†]*claza*, брет. *klazañ*; валл. *clawdd*, корн. *claud* ‘Graben’, брет. *kleuz* ‘Graben, Hecke’ (< **klādo-*)] || Matasović: 205–206; Pok.: 546–547 ($\sqrt{*kel-/*kelə-/*klā-} + -d \rightarrow *klād-$ ‘schlagen, hauen’); LIV₂: 350 ($\sqrt{*kelh_2-}$ ‘schlagen’).

К структуре корня: и.-е. корень **keləd-/*klād-* ‘brechen’ (в ларингалистической интерпретации: **kelh_2 + -d*): *-e*-степень в первой основе: герм. **hēldiz*, **hēldjō* ‘Kampf, Krieg’ [др.-исл. *hildir* f. ‘Kampf’; др.-англ. *hild* f. ‘Krieg, Kampf’; др.-сакс. *hild*, *hildi*; др.-в.-нем. *hiltia*, *hilta* ‘Kampf’; гот. бургунд. *hildi-* in PN.]; ср.-ирл. *ceallach* (< **celdach*) ‘Krieg’; *-o*-степень в первой основе: слав. **kōld-a* [русск. *колóда*, укр. *колóда*; болг. *клáда*; схрв. *клáда*; словен. *kláda*; чеш. *kláda*, словц. *klada*; польск. *kloda*; в.-луж. *klóda*] (< **kolədhā- < *kolh_2d^h-eh_2-*); нулевая ступень обоих слогов: греч. *κλαδαρός* (< **klədrós*) ‘zerbrechlich’; полная *-e*-степень второй основы: лат. *clādēs* f. ‘Verletzung; Schaden’, ‘повреждение, потеря, несчастье’; при доминантном слав. примере форма, отраженная в лат. *clād-* может иметь нисходящий тон. || Matasović: 205–206; de Vries: 226–227; Holthausen AEW: 160; Orel: 168; Pok.: 546–547; LIV₂: 350.

3. Презентная основа: кельт. **g^ʷan-o-* ‘strike, kill’, ‘бить, убивать’ [Vb]: [др.-ирл. *gonaid*, *-goin*; *gonaid*, *-gona* (subj.); *gignid*, *gignea* (fut.); *geguin* (praet.); *gétae*, *-gét* (part. pass.); ср.-валл. *gwan* ‘hit, injure’; *gwant* (praet.); ср.-брет. *goanaff*, совр. брет. *gwanañ* ‘punish’; корн. *gwana* ‘pierce’ (Pok.: др.-ирл. *gonim* ‘verwunde, töte’; perf. 1.sg. *gegon*, 3.sg. *geguin*); др.-инд. *hánti* ‘schlägt, trifft, erschlägt, tötet’, 3.pl. *ghn-ánti*, part. *hatá-* ‘geschlagen, getötet’; от тяжёлой базы: др.-инд. *hanitum* (spät!) и *ghāta-* ‘tötend’, m. ‘Schlag, Tötung, Vernichtung’, *ghātayati* ‘tötet’; лит. *giñti*, praes. 1.sg. *genù*, praet. 1.sg. *giniaũ* ‘jagen, treiben (das Vieh auf die Weide)’; *ginti*, praes. 1.sg. *ginù*, praet. 1.sg. *gýniau* ‘wehren, verteidigen’, ‘защищать, оборонять, отставивать’, *giñklas* (2) ‘Waffe’, ‘оружие’ др.-лит. *ginkhù* instr.sg. DP 586²⁹; лит. *genėti*, praes. 1.sg. *geniù*, praet. 1.sg. *-ėjau*; лтш. *dzenēt*, *-ėju* ‘ästeln, die Äste abhauen, abhacken’; слав. **gьnāti*, *-l*-part. **gьnālb*, f. **gьnāla*, praes. 1.sg. **žēnō*, 3.sg. *ženěť*; iter. praes. 1.sg. **goniō*, 3.sg. **gönitb*; **žēti*, *-l*-part. **žēlb*, f. **žēla*; praes. 1.sg. **žьnō*, 3.sg. **žьnetb*; слав. **žēdlo > *žēdlō* [укр. *жалó*, блр. *жалó*, словен. *žélo*; польск. *žadło*]; но обычно **žēdlo* производят из **žēdlō*, предполагая диссимилиацию сонантов. || Matasović: 144; Mühl.–Endz. I, 545; Fraenk.: 152; Дыбо 2000: 254, 263, 304–312; Pok.: 491–493 ($\sqrt{*g^hhen-(ə)-}$ ‘schlagen’); LIV₂: 218–219 ($\sqrt{*g^hhen-}$ ‘schlagen’).

-je-глаголы

4. Презентная основа: кельт. **bu-yo-* ‘be, become’ (< **bū-yó-*): [др.-ирл. praes. *biid* ‘is wont to be’ (хабитуалис); subj. *-bé*; fut. *bieid*, *-bia*; praet. *boi*; praet.pass. *ro-both* ‘man war’; др.-валл. *bez* [praes. 3.sg.]; *bit* [praes. 3.sg.]; *bei* [impf. subj.]; *bu* [praet. 3.sg.]; др.-брет. *bout*; *be* [impf.subj. 3.sg.];

boe, boue [praet. 3.sg.]; корн. *bos, beth* [praes. 3.sg.]; *be* [impf.subj. 3.sg.]; *bue* [praet. 3.sg.]; GAUL: *biēte* [impv. 2.pl.] (Inscription from Limé) || Matasović: 85; McCone 1991: 115–136; Irslinger 2002: 400–409.

К структуре корня: см. стр. 59, под II. 5. герм. **būjja-*.

4а. Отглагольное имя на *-to-*: кельт. **buto-* (< **bhū-tò-*) part. praet. pass. от кельт. **bu-yo-* 'be, become' ~ лит. part. *būtas* 'gewesen', лтш. *būts* (*nuo būtu dienu*. Wörtlich: 'von gewesenenen Tagen'), прерывистая интонация указывает на подвижную акцентную парадигму этого причастия и, естественно, на рецессивную валентность корневой морфемы. || McCone 1991: 115–136; Irslinger 2002: 400–409; Matasović: 85.

5. Презентная основа: кельт. **li-yo-* 'flow', 'gießen, fließen, tröpfeln' (< **lī-ǵò-*): [ср.-валл. praes. 3.sg. *dillydd* (< **dī-exs-liy-o-*). Др.-ирл. *li(a)e-* и валл. *lliant* 'flood, flux' могут быть древними part. praes.] || Matasović: 243, 45; Pok.: 654 (√**lēi-* 'gießen, fließen, tröpfeln'); LIV₂: 405–406 (√**leiH-* 'gießen').

К структуре корня: и.-е. корень **lēi-/lī-* (в ларингалистической интерпретации: **leh₁-/lh₁-*): полная ступень в слав. praes. 1.sg. *lějo* лит. *lieti*, praes. 1.sg. *lieju* 'лить', *lyti*, praes. 3. *lyja* 'идти (о дожде); лтш. *līt*, praes. 1.sg. *listu* 'изливаться, струиться', *liēt*, praes. 1.sg. *leju*, praet. 1.sg. *lėju* 'лить'; слав. inf. **liti* ~ sup. **lītъ*; praes. 1.sg. **lījō*, 3.sg. **lijětъ*; aor. 1.sg. **līxъ*, 2–3.sg. **lītъ*; -l-part. **lībъ*, f. **lilā*, n. **līlo*, part. praet. act. **līvъ*, f. **livъši*, part. praet. pass. **lītъ*, f. **litā*, n. **fīto*; inf. **l₁jāti* ~ sup. **l₁jatъ*; praes. 1.sg. **l₁jō*, 3.sg. **l₁jětъ*; aor. 1.sg. **l₁jāxъ*, 2–3.sg. **l₁ja* или **l₁jatъ*; -l-part. **l₁jalъ*, f. **l₁jalā*, n. **l₁jalo*; part. praet. act. **l₁javъ*, f. **l₁javъši*; part. praet. pass. **l₁janъ*, f. **l₁janā*, n. **l₁jano* || Matasović: 243, 45; Дыбо 1961: 22; Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 533; Фасмер II: 504; Fraenk.: 368; Mühl.–Endz. II: 491, 505; WH I: 794–795; Pok.: 664–665 (√**lēi-*); LIV₂: 405–406 (√**leiH-* 'gießen').

6. Презентная основа: кельт. **dam-yo-* 'allow, permit, endure' [Vb] (< **dā₁-ǵò-* < **dā₁h-ǵò-*): [др.-ирл. *daimid*, *-daim*; subj. *-dama*; *-didam* [fut.]; *-dāmatar* [praet. 3.pl.]; *-dēt* [praet.pass.]; кельт. **ad-dam-yo-* 'allow, permit': [др.-ирл. *ad-daim*] ~ др.-инд. *dāmyati* 'ist zahm; zähmt' (< **dā₁-ǵeti*), *dām₁tā-* 'gebändig' (< **dā₁-tós*) || Matasović: 89–90, 25; Mayrhofer II: 35; Pok.: 199–200.

К структуре корня: и.-е. корень **demə-/dmā-/dā₁-* 'zähmen, bändigen' (в ларингалистической интерпретации: **dēm₁-/dmeh₁-/dā₁-*): др.-инд. *dāmyati* 'ist zahm; zähmt' (так Mayrhofer II, 35; < **dā₁-ǵeti*), *dām₁tā-* 'gebändig' (< **dā₁-tós*); корень в греческом языке относился ко II классу, что было показано С. Л. Николаевым в работе «К исторической морфонологии древнегреческого глагола» (БСИ 1982 и 1984). || Mayrhofer II: 35 (*dāmyati* Br.); Mayrhofer EWA I: 698 (imp. *dāmyata* 'seid ruhig, seid zahm!' ŠB); Pok.: 199–200 (*dāmyāti*, источник?); Николаев — ОСА (Словарь) 181; Николаев 1983: 80.

7. Презентная основа: кельт. **dar(y)o-* 'bull' [Vb] (< **dā₁-ǵò-* < **dā₁h₁-ǵò-*): [др.-ирл. *dairid*, *daraid* (subj.); *-dart* (praet.)]; греч. θρόσχω 'springe, stürme an', θρόννισαι Hdt. 'bespringe', θρόννισθαι ὄχεύειν Hsch. 'decken

(von männl. Tieren) || Matasović: 91 (предполагает здесь Pinault's rule); Pok.: 256 (√**dherh*₃- 'jump, leap', 'прыгать, скакать; перепрыгивать'); LIV₂: 146 (√**d^herh*₃- 'springen, bespringen').

8. Презентная основа: кельт. **gan-yo-* 'be born' [Vb] (< **g̃n̄₄-iō₄* < **g̃nh-iō₄*): [др.-ирл. *gainidir, gainithir, -gainedar, -genadar* [subj.]; **g̃igne-thar⁺* [fut.]; *génair* [praet.]; ср.-валл. *geni*; praes. 1.sg. *ganaf*; ср.-брет. *guenell*; корн. part.pass. *genys*] ~ др.-инд. *jāyatē* 'wird geboren'; авест. *zaye^{te}* 'wird geboren', ново-перс. *zāyad* 'wird geboren' || Matasović: 150–151 (< **g̃nyetor* < **g̃nh₁-ye-tor*, с падением ларингала перед -y- по закону Пино, что, по-видимому, излишне); McCone 1994: 70; Pok.: 373–375 (√**genā-*/**g̃n̄-* с вариантом √**gen-*/**g̃n-*); LIV₂: 163–165 (**genh₁-* 'erzeugen').

К структуре корня: и.-е. корень **genā-*/**g̃nē-*/**g̃n̄-* 'erzeugen' (в ларингалистической интерпретации: **genh₁-*/**g̃neh₁-*/**g̃nh₁-*): нулевая ступень корня, отразившаяся в латинском пассивном партиципе претерита, хорошо представлена в германском: герм. **kunþa-z* part. 'рожденный' [др.-исл. *kunnr* в др.-исл. *alf-kunnr* adj. 'af alve-herkomst', *ás-kunnr* adj. 'oprunden af aserne, af gude-herkomst; богорожденный', *regin-kunnr* adj. 'fra guderne stammende, om runerne']; др.-в.-нем. aD *gomman-kund* 'männlich', MF *man-kund* 'männlich', T, BR, aD, Ab *got-kund* 'göttlich'; и в гот. *ga-kunþs* 'Geburt' (только в *uf gakuþai* Lc 3:23, греч. ἀρχόμενος)]. Балтийские примеры: лит. *žentas* I 'зять' и лтш. *znuõts* 'Schwiegersohn; Schwager, Schwagermann' не могут свидетельствовать о доминантности корня **genā-*/**g̃nē-*/**g̃n̄-* 'erzeugen' (в этих примерах корень показывает доминантность во всех формах (ступенях аблаута), в отличие от корня **genā-*/**g̃nē-*/**g̃n̄-* 'erkennen, kennen'), так как оба примера оформлены доминантным суффиксом *-to-, это видно, когда мы привлекаем к сравнению явно родственные основы из других языков и диалектов: слав. *žěty*, gen.sg. *žěti*, др.-инд. *jñātih* 'родственник', при лтш. диал. *znuõtis* и dat.-instr. pl. *znuotiem*, естественно, что подобные -i-основы (субстантивы) должны были перестроиться с привлечением доминантного (субстантивного) суффикса -to-. Так что поведение данного корня в представленном пассиве легче всего объяснить просодическим тождеством его с √**genh₁-*/**g̃nh₁-* 'erkennen, kennen', что касается закона Пино, то, вероятно, его можно рассматривать как установление позиции или одной из позиций, в которой долгий слоговой сонант (нулевая ступень слога) сохраняет нисходящий тон²⁵, ряд кельтских материалов с разными ступенями аблаута и разной валентностью, приведённых выше, этот закон не поддерживают. || WH I: 597–600; Дыбо 1961b: 9–34; Дыбо 2007; Pok.: 373–375 (√**genā-*/**g̃n̄-* с вариантом √**gen-*/**g̃n-*); LIV₂: 163–165 (**genh₁-* 'erzeugen').

9. Презентная основа: кельт. **gar-yo-* 'call, cry', 'звать; кричать, вопить' (< **g̃r̄-yō₄*): [др.-ирл. *gairid, -gair, garaid, -gara* (subj.); *géraid, -géra* (fut.); *gairt, -gart* (praet.); *grathae, -grath* (praet.pass.); ср.-валл. *garddu*

²⁵ В большом количестве случае нулевая ступень корня с нисходящим тоном показывает устойчивую доминантность, то есть, по-видимому, высокий регистровый тон.

'groan, creak, crush, shake'; др.-брет. *gerent* gl. dicunt (praes. 3. pl.); лат. *garrío, -īvi, -ītum, -īre* 'schwätzen', 'болтать, калякать' ~ др.-инд. *járatē* 'knistert, rauscht, ruft, ruft an'; иран. **zar-ya-* (< **ǵr̥-yo-* ?) [осет. *zælyn : zæld* 'звучать'] ~ иран. Кaus.-It. **zārāya-* [осет. *zaryn//zarun* 'sing'; афг. *жәрпӣ* 'плачет' (inf. *жәрпыл*); хотан. *ysār-* 'to sing' (causative); перс. *zārīdan* 'вопить'] ~ греч. *γῆρυς* 'Stimme'; кельт. **gāri-* 'shout, call' [Noun]: [др.-ирл. *gáir* (i, f); ср.-валл. *gawr* (f. и m.); *gewri, geuri, goriau* (pl.)]; герман. **karō* f. 'Sorge; Wehklage': [др.-англ. *cearu* 'Sorge, Kummer', 'care, sorrow'; гот. *kara* 'Sorge', др.-сакс. *kara* f. 'Sorge, Leid, Kummer, Wehklage', др.-в.-нем. *chara* f. 'Wehklage', др.-фриз. *kar-fēsta* 'zur Buße fasten']; || Matasović: 153, 152; Абаев IV: 295, 288–289; Mayrhofer III: 421; Holthausen AEEW: 44; Pok.: 352 (√**ǵeh₂r-* 'call'); LIV₂: 161 (√**ǵar-* 'tönen, rufen').

К структуре корня: и.-е. корень **ǵār* 'rufen, schreien' (в ларингалистической интерпретации: **ǵeh₂r-*/**ǵh₂r-*: в полной -e-степени представлен в греч. *γῆρυς* и, вероятно, в кельт. **gāri-*; в нулевой степени представлен в иран. **zar-ya-* [осет. *zælyn : zæld* 'звучать']; -o-огласовка представлена в иран. Кaus.-It. **zārāya-* [осет. *zaryn//zarun* 'sing'; афг. *жәрпӣ* 'плачет' (inf. *жәрпыл*); хотан. *ysār-* 'to sing' (causative); перс. *zārīdan* 'вопить'] и, вероятно, в кельт. **gar-yo-* 'call, cry', 'звать; кричать, вопить' и в лат. *garrío, -īvi, -ītum, -īre* 'schwätzen', 'болтать, калякать'; фонетически возможная для кельтского нулевая степень (< **ǵr̥-yō-*) отклоняется по семантике от основных оснований. || Matasović: 153, 152; Абаев IV: 295, 288–289; Pok.: 352 (√**ǵeh₂r-* 'call'); LIV₂: 161 (√**ǵar-* 'tönen, rufen').

10. Презентная основа: кельт. **fārV-* 'prepare', 'готовить, приготовить' [Vb] (< **par-je-*), итал. **par-īō-* 'bereiten, erwerben': [ср.-ирл. *aradu* (n f.) 'preparation, disposition'; лат. *parō, -āre* 'bereiten, erwerben', *pariō, -ere* 'erwerben, gebären' (< **pṛ̥jé-* < **pṛh₃jé-*); др.-инд. ved. aor. *pūrdhī* 'gib, spende!'; греч. *ἔφορον* 'verschaffte, schenkte, gewährte'; perf. ? ved. opt. *pūpūryās* RV V, 6, 9c 'mögest du geben!'; греч. *πέποιται* 'ist (vom Schicksal) bestimmt'. || Matasović: 122; Pok.: 816–818 (√**per-/perə-*); LIV₂: 474–475 (√**perh₃-* 'verschaffen').

К структуре корня: и.-е. корень **perə-* 'zuteilen' (в ларингалистической интерпретации и с уточнением (расширением) значения: **perh₃-* 'verschaffen, zuteilen'): др.-инд. ved. *pṛṇāti* 'gibt, schenkt, spendet', *pūrtá-* n., *pūrti-* f. 'Lohn' = лат. *pars, -tis* 'Teil'; греч. *πέποιται* 'ist (vom Schicksal) bestimmt'; др.-ирл. *rann* 'Teil' (**pṛ̥-snā*); др.-ирл. *ern(a)id* 'gewährt', *ro-rath* 'ist gewährt worden' (**pṛ̥-to-*); || Pok.: 817 (√**perə-* 'zuteilen'); LIV₂: 474–475 (√**perh₃-* 'verschaffen').

-не-глаголы

II. Презентная основа: кельт. **li-na-* 'течѣт, льѣтся; заливаѣт, затопляѣт; орошаѣт': [др.-ирл. *do·lin* 'flows', 'течѣт, льѣтся', pl. *linat*, слабый претерит ср.-ирл. (Ml. 64°18) *do·ru·lin; do·lin* "floods", 'заливаѣт, затопляѣт; орошаѣт' (< **l̥-né-mi* < **l̥i-né-mi* < **l̥h₂i-né-mi* или < **l̥é-né-mi* < **leh₂-né-mi*); ирл. *do·linim* 'истекаю, изливаюсь'; др.-валл. *linisant* [praet.

pl. 3.sg.] || Matasović: 239; Преображенский 458–459; Дыбо 1961: 22; Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 533 ($\sqrt{li-}/li-$); Фасмер II: 504; Fraenk.: 368; Mühl. –Endz. II: 491, 505; WH I: 794–795; Pok: 664–665 ($\sqrt{*l\ddot{e}i-}$); ср. McCone 1991: 13, 18 ($\sqrt{*leiH_2}$: О.Ир. *do lin* ‘flows’, ‘течёт, льётся’, pl. *linat*, слабый претерит Мl. 64c18 *do ru-lin*; *do:lin* ‘floods’, ‘заливает, затопляет; орошает’; fut. *-lili* < $*li-(h_2)lih_2-se-t(i)$). См. другую этимологию: Barytona 12) и LIV₂: 405–406 ($\sqrt{*leiH-}$ ‘gießen’).

К структуре корня: и.-е. корень $*l\ddot{e}i-$ / $*l\ddot{i}-$ (в ларингалистической интерпретации: $*leh_2i-$ / $*lh_2i-$): полная ступень в слав. praes. 1.sg. *lějō*, 3.sg. $*lějětь$, inf. $*lijāti$; нулевая ступень в глаголе с *-n*-суффиксом: praes. 1.sg. $*lino$, 3.sg. $*linětь$, inf. *linō-ti*, *-l*-part. *linolь*, f. *linolā*, n. *linolo*; лит. *lieti*, praes. 1.sg. *lieju* ‘лить’, *lyti*, praes. 3. *lįja* ‘идти (о дожде); лтш. *līt*, praes. 1.sg. *līstu* ‘изливаться, струиться’, *liēt*, praes. 1.sg. *leju*, praet. 1.sg. *lēju* ‘лить’; слав. inf. $*liti$ ~ sup. $*litrь$; praes. 1.sg. $*lijō$, 3.sg. $*lijětь$; aor. 1.sg. $*līxь$, 2–3.sg. $*litrь$; *-l*-part. $*lilь$, f. $*lilā$, n. $*lilo$, part.praet.act. $*līvь$, f. $*līvьši$, part.praet.pass. $*litrь$, f. $*litā$, n. $*lito$; inf. $*lĭjāti$ ~ sup. $*lĭjatь$; praes. 1.sg. $*lějō$, 3.sg. $*lějětь$; aor. 1.sg. $*lĭjāxь$, 2–3.sg. $*lĭja$ или $*lĭjatь$; *l*-part. $*lĭjalь$, f. $*lĭjalā$, n. $*lĭjalo$; part.praet.act. $*lĭjavь$, f. $*lĭjavьši$; part.praet.pass. $*lĭjamь$, f. $*lĭjanā$, n. $*lĭjano$ || Matasović: 239; Дыбо 1961: 22; Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 533; Фасмер II: 504; Fraenk.: 368; Mühl. –Endz. II: 491, 505; WH I: 794–795; Pok: 664–665 ($\sqrt{*l\ddot{e}i-}$); LIV₂: 405–406 ($\sqrt{*leiH-}$ ‘gießen’).

1а. Отглагольное имя (subst.) на *-no-*: кельт. $*lino-$ ‘flow, flood’, ‘течение, поток; наводнение, половодье; прилив’ [Noun] (< $*l\ddot{i}-no-$): [совр. ирл. *lion* ‘a fill, flood’; ср.-валл. *llin* (m.) ‘flow of blood, puls’; ср.-брет. *lin*; корн. *lyn*] (Доминантный суффикс?) || Matasović: 240–241; Дыбо 1961: 22; Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 533.

12. Презентная основа: кельт. $*li-na-$ ‘stick’, ‘выткать, вонзать; прилеплять’ (краткостный рефлекс корневого *-i-* объясняется вставкой *-ne/-n*-инфикса между *-i-* и ларингалом): [др.-ирл. *lenaid*, *-len*, ‘folgen’; ‘remains, adheres to, follows’, ‘остаётся, прилипает к, следует за’; *lieid*, *lia* (subj.); *lilid*, *-lil* (fut.); *lil* (praet.); ср.-валл. *llynu* ‘corrupt, pollute, infect, ? smear’]; лат. *linō*, *livi* (*levi*), *litum*, *-ĕre* ‘мазать, намазывать, обмазывать; марать, чернить’; греч. $\acute{\alpha}\lambda\acute{\iota}\nu\omicron$ (*-iv-* из *-iv-*).

К структуре корня: см. стр. 113, под 7. лат. *litus*.

12а. Отглагольное имя на *-tu-* и на *-to-*: лат. *litum* (< $*liti-$), супин от глагола *linō*, *lĕvī*, *litum*, *-ere* ‘schmiere, beschmiere, bestreiche, überziehe’; лат. *litus* adj. (< $*lito-$) ‘намазанный’; кельт. $*li-na-$ ‘stick’ [Vb]: др.-ирл. *lenaid* ‘folgen’ (собственно ‘klebt an einem’); валл. *can-lyn* ‘folgen’; др.-ирл. *lenom-naib* ‘lituris’; др.-брет. *linom* ‘litura’; др.-ирл. *as-lenaim* ‘besudle, oblinō’ ~ др.-инд. *lināti* (Dhātup.), а также *layatē*, *līyatē*, *līyati* ‘schmiegt sich an, liegt an, bleibt stecken, verschwindet’, *līnah* ‘sich anschmiegend, anliegend’; греч. $\lambda\acute{\iota}\tau\omicron\varsigma$ ‘гладкий’ (окситонеза глагольной акцентной парадигмы подтверждается лишь рефлексацией отглагольных имён). || WH I: 807–808; Matasović: 239; Mayrhofer III: 102–103; Pok.: 662–663.

13. Презентная основа: кельт. **de-na-* (< **dī-na-* или **dē-na-*) ‘suck’ [Vb] (< **dhī-ne-mi* < **-dhāi-ne-mi* < **-d^h₁i-ne-mi* или < **dhē-ne-mi* < **dhē(i)-ne-mi* < **-d^heh₁(i)-ne-mi*): [др.-ирл. praes. 3.sg. *denaid*, *denait* ‘er saugt’, 1.sg. *denim* ‘cosy’, praet. 3-е ед. *dith* ‘сосать’; валл. *dynu* ‘saugen’, ‘сосать’; брет. *denaff* ‘saugé’, рефлексация личных форм подтверждает их окситонезу, сохранение парадигматического выбора акцентных типов также подтверждается. ~ др.-инд. *dháyati* ‘saugt, trinkt’ (< **dhāyeti*), *dhāyas-* n. ‘das Saugen’; лтш. *dēt*, praes. 1.sg. *dēju* ‘saugen’; слав. caus. inf. **dojiti* ~ sup. **dōjiti*; praes. 1.sg. **dōjō*, 3.sg. **dojiti*; -l-part. f. **dojilā* || Matasović: 99; Льюис–Педерсен: 417; Дыбо 1961: 22; Дыбо 2000: 575, 641; Mühl.–Endz. I: 465; Mayrhofer II: 93; Pok.: 241–242.

К структуре корня: см. стр. 56, под 1. герм. **dajja-* ‘кормить грудью’.

14. Презентная основа: кельт. *wi-na-* ‘bend, enclose’, ‘сгибаться, гнуть-ся; включать в себя, огораживать’ [Vb]: др.-ирл. *im-fen* ‘encloses’, ‘заключает в себя; вкладывает; огораживает’; *ar-fen* ‘shuts off’, ‘выключает (воду, ток)’; *ad-fen* ‘requites’, ‘оплачивает, вознаграждает; мстит’; *for-fen* ‘completes’, ‘заканчивает’; *-fen* “weaves, fences”, ‘ткет, плетёт; огораживает’ < **wi-n-h₂-* (past pple. *fíthe* “woven, wattle”, ‘тканый; плетень’ < **wī-tyō* < **wih₂-t*) ~ др.-инд. *váyati* ‘wraps, envelops’, *váyati* ‘webt’, ‘weaves’, лат. praes. 1.sg. *vīeō* ‘binde, flechte’, 3.sg. *vīet* ‘bindet, flechtet’, лит. *vūti* ‘вить’, praes. 1.sg. *vejū*, praet. 1.sg. *vijaū* ‘drehen, winden’; лтш. *vīt*, praes. 1.sg. *viju*, dial. *vinu*, praet. 1.sg. *viju*, dial. *vīnu* ‘winden; flechten’; слав. inf. **vīti* ~ sup. **vītь*, praes. 1.sg. **vījō*, 3.sg. **vijèть*; aor. 1.sg. **vīxь* ~ 2–3.sg. **vītь*; -l-part. **vīlь*, f. **vilā*, n. **vīlo*; part.praet.act. m. nom.sg. **vīvь*, f. nom.sg. **vīvьšī*, || Matasović: 422; McCone 1991: 11; Fraenk.: 1267; Mühl.–Endz. IV: 645; Фасмер I: 322; Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 515, 523 (Дыбо 1981: 221); Mayrhofer III: 147; WH II: 786–787;

К структуре корня: см. стр. 117, под 15. лат. *vitus*.

14а. Отглагольное имя на *-tu-* и на *-to-*: лат. *vitus* ‘Radfelge’, ‘обод колеса’ ~ др.-инд. *vītás* ‘запутанный, витой’ ~ лит. *vūtas* ‘витой, завитой’, лтш. *vīts* ‘gewunden’ ~ слав. part.praet.pass. m. nom.sg. **vītь*, f. nom.sg. **vitā*, n. **vīto* || Дыбо 2000: 283, 330, 489, 495, 508, 515, 523 (Дыбо 1981: 221); Зализняк 2011, II: 109, 136; Зализняк 2014: 289, 328–329; Зализняк 2019: 335–336, 381 (все s. v. вѣти resp. s. vv. из-винѹтися, обинѹтися, по-винѹтися).

II. Метатеза рефлекса долгого сонанта в а. п. с.

15. Презентная основа: кельт. **bal-ni-* ‘throw away, die’ [Vb] (< **-g^ual-né-mi* < **-g^ul̥-né-*): [др.-ирл. *at-baill* ‘stirbt’, ‘dies’, ‘умирает’ (“throws it [own life] over”), pl. *a-t:ballat* (< **ess-baln-* < **-g^ul̥-nl̥-*), ср.-валл. *aballu* (“ad-ballu”) ‘umkommen; die, perish’, praes. 1.sg. *aballaf*, *ballu* ‘sterben’, сокращённая рефлексация **-l̥-* объясняется окситонезой личных форм кельтского глагола, что подтверждается др.-ирл. praet.pass. *at-ru-balt* ‘mortuus

est' (< * $g^w\bar{t}ó$ -) ~ ср. такую же рефлексацию в лат. *vallessit* 'perierit' (< * $g^w\bar{n}á$ -); лит. *gilti, gélti*, praes. 3. *gēlia* 'жалить, кусать; болеть, ныть, ломить'; лтш. *dzelt* 'stechen, brennen, beissen'; герм. * $k^w\bar{e}lanan$ [str.vb.] (др.-англ. *cwelan* 'to die'; др.-сакс. *quelan* 'to be subject to torture, to die'; др.-в.-нем. *quelan* 'to suffer'); или к кельт. * $bā$ -, *ba-yo*- 'die' || Matasović: 53; Дыбо 1961: 22; Дыбо 2007: 22; WH II: 729–730; Mühl.–Endz. I: 541; Fraenk.: 145–146; Orel: 227; Pok.: 470–471; LIV₂: 207–208 (√* $g^w\bar{e}lh$ - 'quälen, stechen', √* $g^w\bar{e}lh_1$ - 'treffen, werfen').

К структуре корня: см. стр. 112, под 5. кельт. * $balto$ -.

15а. Отглагольное имя на *-to-*: кельт. * $balto$ - [part. praet. pass.]: др.-ирл. praet. pass. *atrubalt* 'mortuus est' (< * $g^w\bar{t}ó$ -) от глагола др.-ирл. *at-baill* 'stirbt', 'dies', 'умирает' (< * $ess-baln$ -), ср.-валл. *aballu* (* $ad-ballu$) 'umkommen; die, perish', praes. 1. sg. *aballaf, ballu* 'sterben' (< * $g^w\bar{t}ó$ -)²⁶ ~ ср. такую же рефлексацию в лат. *vallessit* 'perierit' (< * $g^w\bar{n}á$ -); лит. *gilti, gélti*, praes. 3. *gēlia* 'жалить, кусать; болеть, ныть, ломить'; лтш. *dzelt* 'stechen, brennen, beissen'; герм. * $k^w\bar{e}lanan$ [str.vb.] (др.-англ. *cwelan* 'to die'; др.-сакс. *quelan* 'to be subject to torture, to die'; др.-в.-нем. *quelan* 'to suffer') || Matasović: 53; Дыбо 1961: 22; Дыбо 2007: 22; WH II: 729–730; Mühl.–Endz. I: 541; Fraenk.: 145–146; Orel: 227; Pok.: 470–471;

?16. Презентная основа: кельт. * $bar-na$ - 'proclaim' [Vb] (валл. *barn-u* 'proclaim, judge', 'судить, рассматривать'; (McCone 1991: 19 — < praes. * $g^w(e)r-n-h$ -, аор. * $g^w\bar{e}rh(-s)$ -); ср.-брет. *barn* ~ др.-инд. *gr̥nāti, gr̥nūtē* 'singt, lobt, preist, kündigt an', *járatē* 'sings', 'поёт, воспевает'; авест. *aibi-garante* 'preisen, lobend einstimmen'; греч. *δεισιῶν λοιδωρεῖσθαι* 'abuse, revile' Hes. || Matasović: 57–58; McCone 1991: 19; Pok.: 478.

?**К структуре корня:** см. стр. 125, под 5. лат. *grātus*.

?16а. Отглагольное имя на *-dho-*: кельт. * $bardo$ - 'bard, poet' [Noun] (< * $g^w\bar{y}H-d^h\bar{h}ó$ - 'praise-maker'): [ср.-ирл. *bard* [o m]; ср.-валл. *bardd* [m]; ср.-брет. *barz* [m] (< * $g^w\bar{y}d(h)ós$) || Matasović: 56–57; Pok.: 478.

?16б. Отглагольное имя на *-dho-*: кельт. * $brādo$ - 'речь': валл. *am-trawdd* m. 'перифраза', *brawddeg* 'оборот речи, выражение' (< * $g^w\bar{y}d(h)os$).

?16с. Отглагольное имя на *-tu-*: кельт. * $brātu$ - 'judgement', 'приговор, решение суда; суждение' [Noun] (< * $g^w\bar{y}H-tu$ - 'proclamation'): (др.-ирл. *bráth* [u m] 'judgement', 'приговор, решение суда; суждение'; др.-валл. *braut*, ср.-валл. *brawd* [f], *brodiau* [pl.]); ср.-брет. *breut* 'debate, litigation, discussion', брет. *breud* [m]; корн. *bres*); лат. *grātus* 'thankful' || Matasović: 74; Pok.: 478.

²⁶ Истолкование McCone: PIE 3. sg. * $g^w\bar{n}éh_1-ti$, 2. pl. $g^w\bar{n}h_1-té$, 3. pl. * $g^w\bar{n}h_1-énti$ должны были дать кельтские * $balnī-ti$, * $balna-te$, * $balne-nti$, на некой стадии, вероятно, последовало при гомогенизации (homogenization) преобразование plural'a в 3. pl. * $balna-nti$ (12). Но почему *-ar-*, а не *-ri-* или *-ir-* ?

17. Презентная основа: кельт. **dam-na-* 'subdue, break a horse' [Vb]: др.-ирл. *damnaim* 'binde (fest), bändige (Pferde)', 3.sg. *damnaid*, *-damna* 'binds, subdues' ~ греч. *δάμνωμι*, ион. *δάμνωμι* 'bändige', 'укрошаю, усмиряю', дор. *δαμνός* 'gebändig' (< **dām-tós*) || Matasović: 88; Pok.: 199–200.

К структуре корня: и.-е. корень **demə-/ *dmā-/ *dām-* 'zähmen, bändigen' (в ларингалистической интерпретации: **demh₂-/ *dmeḥ₂-/ *dāmḥ₂-*): др.-инд. *dāmyati* 'ist zahm; zähmt' (так Mayrhofer II, 35; < **dām-jeti*), *dāmā-* 'gebändig' (< **dām-tós*); корень в греческом языке относился ко II классу (т. е. был рецессивным), что было показано С. Л. Николаевым в работе «К исторической морфонологии древнегреческого глагола» (БСИ 1982 и 1984). || Mayrhofer II: 35 (*dāmyati* в Брахмане); Mayrhofer EWA I: 698 (imp. *dāmyata* 'seid ruhig, seid zahm!' ŠB); Pok.: 199–200 (*dāmyāti*, источник?); Николаев — ОСА (Словарь) 181; Николаев 1983: 80; Николаев 1986: 185–187.

18. Презентная основа: кельт. **darna-* 'tear up' (валл. *darn-u* 'tear up', 'рвать, разрывать', ср.-валл. *darnes* v. praet. 3.sg. (?); личные основы, вероятно, полностью перестроены по именным производным) ~ др.-инд. *dṛṇāti* 'лопается, трескается, раскалывается' || Falileyev 2000: 90; Pok.: 206–208; ср. Stokes 1860: 191; LIV₂: 119 (√**der-* 'zerreißen (intr.), zerspringen').

К структуре корня: см. стр. 120, под 2. кельт. **darno-*.

18a. Отглагольное имя на *-no-*: кельт. **darno-* 'piece, part' [Noun]: ср.-валл. *darn* [m]; ср.-брет. *darn*; корн. *darn* 'Stück, Teil', 'кусок' (< **dā-nó-* < **dāh₁-no-*) ~ др.-инд. *dārnāh* 'доля добычи' || Дыбо 1961: 14 (№ 39); Pok.: 206[±]208; ср. Matasović: 90;

19. Презентная основа: кельт. **mar-na-* 'betray' [Vb] (< **mā-né-h₂-* < **mā-né-h₂-mi*, с восстановлением долготы корневого слога по именным основам): [др.-ирл. *marnim* 'обманываю', praet.pass. *-mrath*, возможно, под влиянием отглагольных имён с этим же корнем: др.-ирл. *mrath*, валл. *brad* 'Verrat']; др.-инд. *māṇāti*¹ 'zermalmt', 'дробит, крошит'; *māṇāti*² 'raubt, packt'; греч. *μαραινῶ* 'reibe auf, verzehre, entkräfte'; *μάχονται* 'kämpfe'; др.-исл. *merja*, praet. *marða* 'schlagen, zerstoßen': слав. **mǫrvā-* f. 'крошка' (схрв. *mǫva* f. 'kleiner Brocken'; *mǫviti*, *-im* impf. 'drobiti') || Дыбо 1961: 22; Matasović: 257; Matasović: 279–280; Irslinger 2002: 271; Mayrhofer II: 672–673, 673; Frisk II: 177–178; Skok II: 472; Pok.: 735–736; LIV₂: 440; || Isaac 28 (ударение ошибочно: < **mrh₂-tó-*).

К структуре корня: и.-е. корень **merə-* 'aufreiben, reiben; gewaltsam packen, zerdrücken; rauben' (в ларингалистической интерпретации: **merh₂-* 'gewaltsam packen, zerdrücken'): др.-инд. *māṇāti*¹ 'zermalmt', 'дробит, крошит'; *māṇāti*² 'raubt, packt', *māṇā-* 'zermalmt, aufgerieben'; греч. *μάχονται* 'kämpfe', *μαραινῶ* 'reibe auf, vernichte'; кельт. **māto-* (п. о) 'deceit', 'обман, измена, предательство': [др.-ирл. *mrath* [o n.], ср.-ирл. *brath*; ср.-валл. *brad* [m. and f.] 'treachery, trick'; др.-брет. *brat* gl. *seditione*] ~ слав. **mǫrvā-* f. 'крошка' (схрв. *mǫva* f. 'kleiner Brocken'; *mǫviti*, *-im* impf. 'drobiti') || Irslinger 2002: 271; Isaac: 28 (< **mrh₂-tó-*); Matasović: 279–280; Mayrhofer II: 672–673, 673; Frisk II: 177–178; Skok II: 472; Pok.: 735–736; LIV₂: 440;

19a. Отглагольное имя на *-to-* (adj.): кельт. **-mrath* [part. praet.pass.] при др.-ирл. *mrath* 'treason' (Schrijver 1995: 169, 176, 188: др.-ирл. *mrath* n. (но *fo-mraith, fo-mraid*), praet.pass. от др.-ирл. *marnim* 'обманываю', *marnaid, -mairn* (DIL *mairnid*) 'betray, deceive, confound'; *meraid, -mera* [subj.]; *méraid, -méra* [fut.], *mirt, -mert* [praet.]; *mrathae, -mrath* [praet.pass.] ~ др.-инд. *mṛṇāti*¹ 'zermalmt', 'дробит, крошит'; *mṛṇāti*² 'raubt, packt'; греч. *μαραινῶ* 'reibe auf, verzehre, entkräfte'; *μάροναμα* 'kämpfe': слав. **mṛvā*-f. 'крошка' (схрв. *mṛva* f. 'kleiner Brocken'; *mṛviti, -īm* impf. 'drobiti') || Irslinger 2002: 271; Isaac 28 (< **mrh₂-tó-*); Matasović: 279–280; Mayrhofer II: 672–673, 673; Frisk II: 177–178; Skok II: 472; Pok.: 735–736; LIV₂: 440; || Matasović: 257; Дыбо 1961: 22.

19b. Отглагольное имя на *-to-* (subst.): кельт. **mrath* 'deceit', 'обман': [др.-ирл. *mrath* (o n), ср.-ирл. *brath*; ср.-валл. *brad* (m and f) 'treachery, trick'; др.-брет. *brat* gl. *seditione*] || Irslinger 2002: 271; Isaac: 28 (< **mrh₂-tó-*); Matasović: 279–280.

20. Презентная основа: кельт. **star-na-* (по McCone 1991: 11): [валл. *sarn-u* 'strew(s)', 'посыпает; топчет' (< **stīnēti* < **stīnāti*, с переносом долготы из неличных форм)] ~ др.-инд. *stīnāti* 'breitet aus, streut' (< **stī-ne-ṛ-ti*), *stārī-man-* n. 'Ausbreitung, Ausstreuung'; || McCone 1991: 11; Matasović: 354; Mayrhofer III: 517–518.

К структуре корня: см. стр. 122, под 5. кельт. **starno-*.

20a. Отглагольное имя на *-no-*: кельт. **starno-* (валл. *sarn* 'pavement', 'настил, носилки', *ystarn* 'вьючное седло') ~ др.-инд. part. *stīrṇā-* 'ausgebreitet, hingestreut', *stīnāti* 'breitet aus, streut', *stārī-man-* 'Ausbreitung, Ausstreuung'; греч. *στροτός* 'ausgebreitet', *στροῖμα* n. 'Ausgebreitetes, Teppich, Lager'. || Matasović: 354; Mayrhofer III: 517–518; Pok.: 1029–1030.

21. Презентная основа: кельт. **marw-ā-* 'die' [Vb]: [др.-ирл. *marbaid* 'kills'; ср.-валл. *merwi* 'die', ср.-брет. *meruel*, ср.-корн. *merwe*] || McCone 1995: 27; Matasović: 259.

21a. Отглагольное имя на *-wo-*: кельт. **marwo-* 'dead' [Adj] (< **mṛ-wō-*): др.-ирл. *marb* [o]; ср.-валл. *marw* ср.-брет. *marf, maru*, нов.-брет. *marw*; корн. *marow* || Matasović: 259.

III. Метатеза рефлексов кратких ~ долгих слоговых сонантов в а. п. с

22. Презентная основа: кельт. **fel-na-* < **fil-ná-* 'approach, drive', 'приближаться, подходить; гнать' [Vb] (не < **fal-na-*, как в Matasović) (< **p_l-né-H-mi*): [др.-ирл. *ad-ella, -aidlea* 'visit, approach', 'навещать, приближаться, подходить', 1.sg. *ad-ellaim* 'besuche', *di-ellaim* 'weiche ab, dekliniere'] ~ лат. *pellō, pepulī, pulsum* 'strike, drive'; греч. *πλνωσιμα* 'sich nähern', || McCone 1991: 19; Matasović: 121; WH II: 276–277; Frisk II: 536, 494–495.

К структуре корня: см. стр. 114, под 9. кельт. **falto-* 'joint'.

22а. Отглагольное имя на *-to-*: кельт. **falto-* 'joint' [Noun]: др.-ирл. *alt* [o n] 'joint, articulation, state' (< **p_l^h-tó-* < **p_l^hH-tó-*) || Matasović: 121; WH II: 276–277; Frisk II, 536, 494–495.

23. Презентная основа: кельт. **fer-na-* < **fir-na-* 'bestow', 'давать, даровать, награждать' [Vb] (не **far-na-*, как в Matasović): [др.-ирл. *ern(a)id*, *ern(n)* 'gewährt', 'bestows', 'помещает, размещает; даёт, дарит'; др.-ирл. *-ern* 'gives'; *rathae*, *-rath* [praet. pass.] (McCone 1991: 19: praes. **p(e)r-n-h₂-*, аор. **per_h₂(-s)-*)] ~ др.-инд. *pṛṇāti* 'gives'; греч. *πέρονημι*, *πλοῶσθω* 'verkaufe'; лат. *parō*, *-āvī*, *-ātum*, *-āre* 'bereite (vor, zu), rüste, schicke mich an; verschaffe mir, erwerbe, kaufe', 'prepare'. || Matasović: 122; WH II: 256–257; Pok.: 816 (*√*per-/ *perə-* 'hinüberführen oder -bringen oder -kommen, übersetzen, durchdringen, fliegen'), 817 (*√*per-/ *perə-* 'verkaufen (eig. zum Verkauf hinüberbringen)', 'hinüberhandeln, zuteilen'), 818 (*√*per-* 'gebären, hervorbringen'); LIV₂: 474 (*√*per_h₂-* 'verkaufen' и *√*per_h₃-* 'verschaffen').

К структуре корня: и.-е. корень **perə-* 'zuteilen' (в ларингалистической интерпретации и с уточнением (расширением) значения: **per_h₃-* 'verschaffen, zuteilen'): др.-инд. ved. *pṛṇāti* 'gibt, schenkt, spendet', *pūrtā-* n., *pūrti-* f. 'Lohn' = лат. *pars*, *-tis* 'Teil'; греч. *πέλοσται* 'ist (vom Schicksal) bestimmt'; др.-ирл. *rann* 'Teil' (**p_l^h-snā*); др.-ирл. *ern(a)id* 'gewährt', *ro-rath* 'ist gewährt worden' (**p_l^h-to-*); || Pok.: 817 (*√*perə-* 'zuteilen'); LIV₂: 474–475 (*√*per_h₃-* 'verschaffen').

23а. Отглагольное имя (adj.) на *-to-*: кельт. **fra-to-* (др.-ирл. praet. pass. *-rath*, part. praet. pass. *ra thae*); здесь мы обнаруживаем, как и в ряде других случаев метатезированный вариант «сокращённого» рефлекса долгого слогового сонанта, то есть рецессирующий долгий слоговой сонант ведёт себя как перед доминантным суффиксом, см. 16b. || Matasović: 122; WH II: 256–257.

23b. Отглагольное имя (subst.) на *-to-*: кельт. **fra-to-* 'grace, virtue, good fortune' [Noun]: [др.-ирл. *rath* [o n]; др.-валл. *rat* [m], ср.-валл. *rat* (GPC *rhad*); др.-брет. *Rad-(uueten)* [PN]; корн. *ras* m.]; др.-инд. *pūrtā-* n. || Matasović: 140, 122; WH II: 256–257.

24. Презентная основа: кельт. **k^wel-na-* 'go around' [Vb] (< **k^wil-na-*; не **k^wil-na-*, как в Matasović: 174): [др.-ирл. *imm-cella* 'surrounds', *do-air-chella* 'umgibt, faßt ein'; ср.-валл. *pallu* 'die, perish, be destroyed, run out, fail', praes. 3.sg. *palla*] ~ др.-инд. *cārati* 'bewegt sich, wandert, weidet, treibt', 'moves, goes', *cāritum*, *caritā-*, *cīrnā-*, *caritra-*; авест. *čaraiti* 'versatur, obliegt einer Tätigkeit'; греч. *πέλω*, *πέλομαι* 'bin in Bewegung' (π Ἄolis-mus); лат. *colo* 'inhabit, take care of, cultivate' || Matasović: 174; Pok.: 639–640 (*√*k^wel-/ *k^welə-* 'drehen, sich drehen, sich herumbewegen, fürsorglich um jemanden herum sein, wohnen'); LIV 386–388 (*√*k^welh₁-* 'eine Drehung machen, sich umdrehen, sich (um-, zu-)wenden').

К структуре корня: и.-е. корень **k^welə-/ *k^wē-* 'drehen, sich drehen, sich herumbewegen' (в ларингалистической интерпретации: **k^welh₁-/ *k^wēH-*): др.-инд. *cārati*

'bewegt sich, wandert, weidet, treibt', *cāritum, caritá-, cīrná-, caritra-*; греч. *πέλω, πέλωμα* 'bin in Bewegung'. Корень относится ко II классу, т. е. рецессивен. || Matasović: 174; Pok.: 639–640; LIV: 386–388; Николаев–Старостин 1982: 278.

25. Презентная основа: кельт. **ster-na-* < **stir-na-* 'strew, broaden' [Vb] (не **star-na-*, как в Matasović: 354): [др.-ирл. *sernaid, -sern; seraid, -sera* (subj.); *sirt, -sert* (praet.); *srethae* (part.(?)praet.pass.) praet.pass. *-sreth* (с переносом anif-морфа основы презенса в основу *-to-part.*); валл. *sarn-u* "strew, trample", 'посыпать; топтать' (< **sṛná-*) ~ лат. *sternō, strāvī, strātum, -ere* 'breite aus, breite hin, streue hin, lege nieder, lagere; ebne, glätte; bedecke, bestreue', *sternit* 'breitet, streckt hin'; др.-инд. *stṛṇāti* 'breitet aus, streut' RV (< **stṛ-ne-ṛ-ti*), *stārī-man-* n. 'Ausbreitung, Ausstreuung'. || Matasović: 354; McCone 1991: 26; WH II: 590–591; Mayrhofer III: 517–518; Pok.: 1029–1030. **К структуре корня:** см. стр. 122, под 5. кельт. **starno-*.

25а. Отглагольное имя на *-no-*: кельт. **starno-* (валл. *sarn* 'pavement', 'настил, носилки', *ystarn* 'вьючное седло') ~ др.-инд. part. *stṛṇá-* 'ausgebreytet, hingestreut', *stṛṇāti* 'breitet aus, streut', *stārī-man-* 'Ausbreitung, Ausstreuung'; греч. *στροτός* 'ausgebreytet', *στροῖμα* n. 'Ausgebreytetes, Teppich, Lager'. || Matasović: 354; Mayrhofer III: 517–518; Pok.: 1029–1030.

26. Презентная основа: кельт. **kri-ni-* 'sift, shake', 'просеивать, трясти' [Vb] (**krī-n-ō-* < **krī-nē-h₁-*): [др.-ирл. *ara chrin* 'geht zugrunde' (Pok.: < **kr̥-nu-t*), *do-cer* 'er fiel'; ср.-валл. *сруни* 'shake, tremble', валл. *go-gryn-u* 'sieben', 'sift, cleanse, riddle', 'просеивать, очищать'; ср.-брет. *crenaff*; корн. *crenna, krena*]; Гк. *κρίνει* 'separates, determines', 'отделяет, разделяет; определяет' (< **krin-ye-*); лат. *cernit* 'sifts, separates, discerns', 'просеивает; отделяет, разделяет; различает' (< **krīneti* < **krīnēti*) ~ лтш. *kriēt²* Bl., Līn. 'schmänden, die Sahne von der Milch schöpfen'; слав. каузат. **krojīti*, praes. 1.sg. **kròjō*, 3.sg. **krojítъ* [др.-русск. Тих. (кронѣ), Ал. (скройлз 94ъ, скроенд 145)] || McCone 1991: 13, 17; Matasović: 224, 124; Mayrhofer III: 371–372; Frisk I: 822, II: 20–21; Mühl.–Endz. II: 284; Зализняк 2014: 305; Зализняк 2019: 355; Pok.: 945–946 (*√*skerī-/√*skrēi-/√*skrī-* 'schneiden, scheiden; durch Sieben Grobes und Feines scheiden'); LIV₂: 366–367 (*√*kreh₁(i)-* 'sieben, trennen').

К структуре корня: и.-е. корень **skerī-/√*skrēi-/√*skrī-* 'schneiden, scheiden; durch Sieben Grobes und Feines scheiden' (в ларингалистической интерпретации: **skerh₁i-/√*kreh₁i-/√*skrḥ₁i-*): полная *-e-* ступень второй основы отражена в лтш. *kriēt²* Bl., Līn. 'schmänden, die Sahne von der Milch schöpfen' (< **krēi-t* < **kreh₁i-t*) и несколько примеров с падением глайда: греч. *κρησεῖα* 'feines Sieb' (предполагается образование от **κρησις* < **krē[i]-tis*), лат. perf. *crē-vī-, ex-crē-mentum* Гк. *κρίνει* "separates, determines", 'отделяет, разделяет; определяет' (< **krin-ye-*); Lat. *cernit* "sifts, separates, discerns", 'просеивает; отделяет, разделяет; различает' (< **krīneti*) ~ слав. **krojīti*, praes. 1.sg. **kròjō*, 3.sg. **krojítъ* || Pok.: 945–946 (? ff) (*√*skerī-/√*skrēi-/√*skrī-* 'schneiden, scheiden; durch Sieben Grobes und Feines scheiden'); LIV₂: 366–367 (*√*kreh₁(i)-* 'sieben, trennen').

27. Презентная основа: кельт. **kri-ni-* 'sift, shake', 'просеивать, трясти' [Vb]: [ср.-валл. *cryni* 'shake, tremble'; ср.-брет. *crenaff*]; греч. *κρίνω*; лат. *cerno, crēvi, crētus*; схрв. *krâj, krâja* || Matasović: 224; Pok.: 945ff; LIV₂: 367.

Каузативы и итеративы

28. Презентная основа: кельт. **sag-yo-* 'seek', 'искать, разыскивать; разузнавать' [Vb] (< **sōg-ī-* < **sōg-ī-*): [др.-ирл. *saigim* 'suche', *saigid, -saig; sáiss, -sá* (subj.); *sieis, -sia* (fut.); *siacht* (praet.); *sachtae, -sacht* (praet. pass.)]; лат. *sāgiō, -īvi, -ītum, -īre* 'perceive', 'воспринимать, понимать, осознать; постигать', *sāgus, -a, -um* 'wahrsagend'; герм. **sōkjanan* [гот. *sōkjan* 'suchen'; др.-исл. *sækja* 'suchen, besuchen'; др.-англ. *sécan, sǣcan* 'suchen'; др.-фриз. *sēka*; др.-сакс. *sōkian*; др.-в.-нем. *suohhen*]; греч. *ἠρώσκει*, дор. *ἠρώσκει* 'идти впереди кого-л., указывать дорогу'; хетт. *šākiya-mi* 'offenbaren' || Matasović: 318; Feist: 442, 407; Holthausen: 306; WH II: 464–465; Orel: 360, 314–315; Pok.: 876–877 (*√*sāg-/sag-* '(witternd) nachspüren'); LIV₂: 520 (*√*seh₂ǵ-* 'einer Fährte nachgehen').

Поскольку рефлексy *ar, al*, приписываемые кратким слоговым сонантам перед *-n-*, встречаются исключительно в презенсах с *-n-*суффиксами (инфиксами), то их следует рассматривать как результат восстановления долготы корневого слогового сонанта под влиянием неличных форм. Аналогичные рефлексy в *-io-*презенсах также, вероятно, не следует приписывать закону Пино, так как достаточно большой материал не поддерживает предположение о наличии этого закона в кельтском. В материале наблюдается также возможность двойственности рефлексации кратких слоговых сонантов: *ri, li, ni* под ударением, *ir, il, in* в предударном положении; но обследованный материал пока слишком мал.

Распределение всех этих форм так же, как распределение германских глагольных основ, находит свое объяснение лишь при сравнении с балтославянскими акцентными парадигмами. Таким образом, обе группы западных индоевропейских языков обнаруживают явные рефлексy парадигматической акцентной системы, сближающие их с балтославянскими языками, в которых эти рефлексy настолько четкие, что удастся строго реконструировать акцентную систему балтославянского праязыка в деталях. Возникает вопрос, является ли это архаизмом (так думаю я) или инновацией. В первом случае следует признать, что греко-арийская глагольная система и её акцентная система подверглись значительной перестройке, и изучить характер этой перестройки; во втором случае следует изучить процесс возникновения парадигматической акцентной системы в западных индоевропейских языках (балтославянском, прагерманском и кельто-италийском), не отмечая её тональное основание (тоновое основание этой системы подтверждается анализом балтославянской метатонии).

СОКРАЩЕНИЯ, ИСТОЧНИКИ И ТОПОНИМЫ

- Николаев 1983, Николаев 1986 = Николаев БСИ 1982, Николаев БСИ 1984
 Ab — Abrogans (др.-баварский; ¼ VIII в.); см. Braune XVI, Heidermanns: 16
 aD — altalemannische Denkmäler; см. Braune XVI, Heidermanns: *ib.*
 AP. — (нем.) Alt-Pebalg = (лтш.) Vęc-Piëbałga (= совр. Vęcpiebałga); см. Mühl.—
 Endz. IV: 867
 Arrasch (нем.) = (лтш.) Āraiši (Āraiši); см. Mühl.—Endz.: *ib.*
 Bächh., Bächhof (нем.) = (лтш.) Upesmuīža (совр. Upeniēki); см. Mühl.—Endz.: *ib.*
 Bauske (нем.) = (лтш.) Baūska; см. Mühl.—Endz.: *ib.*
 Bl. = vārdu saraksts Bīlensteina L Spr. I, 51–77; см. Mühl.—Endz. IV: 862
 BR — althochdeutsche Benediktinerregel (др.-алеман.; ок. 800 г.); см. Heidermanns
 BSL. = Bullétin de la société de linguistique. Paris
 C. — J. Cīruļa (no Drustiem) dotais vārdu saraksts ~ die von J. Cīrulis aus Drostenhof
 gegebenen Wörter: [RKr., XV: 70–103]; см. Mühl.—Endz. IV: 863
 Daiben (нем.) = (лтш.) Daibe; см. Mühl.—Endz. IV: 867
 Doblen (нем.) = (лтш.) Döbele; см. Mühl.—Endz.: *ib.*
 Dond. — Dondangen (нем.) = (лтш.) Duñdaŋga (совр. Duñdaga); см. Mühl.—Endz.: *ib.*
 Dunika (лтш.) = (нем.) Dunniken — источник Mühl.—Endz.
 (EJ) = Egilsson [/Jónsson], см. Heidermanns: 17
 Ermes (нем.) = (лтш.) Ērgeme; см. Mühl.—Endz. IV: 868
 F — Münchener (Freisinger) Handschrift (Codex Frisingensis), Мюнхенский, или
 Фрейзинг(ен)ский кодекс еванг. Отфрида (см. ниже, O), после 902 и до 906 г.
 (Fr) = Fritznier, см. Egilsson, Heidermanns: 17
 Grünwald (нем.) = (лтш.) Zālīte; см. Mühl.—Endz.: *ib.*
 I — Isidor (др.-юж.-рейнско-франкский; ¼ VIII в.); см.: [Raven I: Einleitung],
 XXXIX–LXVII (Graffs Siglen- und Quellenverzeichnis): LII; CIV; Heidermanns: 17
 Kandau (нем.) = (лтш.) Kañdava; см. Mühl.—Endz.: *ib.*
 Karls. = Karlsons no Naūkšņiem; см. Mühl.—Endz. IV: 864, 868
 Kl. — Prof. J. Kauliņš no Sausņējas [= нем. Saussen]; см. Mühl.—Endz. IV: 869
 Kr. — Krumberga (no Odzienas) vārdu saraksts Mag. XVI, 2, 62 sk. (die Wortliste
 Krumbergs Mag. XVI, 2, 62 ff.); см. Mühl.—Endz. IV: 864
 Kurs. — Kursiten (нем.) = (лтш.) Kūrsīši; см. Mühl.—Endz. IV: 869
 Līn. = vārdi, ko uzrakstījis Līniņš no Aizputes apgabala (von Līniņ aufgeschriebene
 Wörter aus der Umgegend von Hasenpot); см. Mühl.—Endz. IV: 865
 Lös. — Lösern (нем.) = (лтш.) Liēzēris (совр. Liēzēre); см. Mühl.—Endz. IV: 869
 Mag. — Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literarischen Gesellschaft. Bände
 I (1828) – XX (1897/1913), XXI (1936). Mitau.
 Mar. — (нем.) Marienburg = (лтш.) Alūksne; см. Mühl.—Endz.: *ib.*
 MF — Mondsee(-Wiener)-Fragmente (др.-юж.-рейнско-франкский; ¼ VIII в.); по:
 The Monsee fragments: newly collated text with notes and a grammatical treatise
 ... by G. A. Hench. Strassburg, 1890 (здесь: MF 40–49, II. Homilia de vocatione
 gentium. A.); см.: Braune XVI, Heidermanns: 17; [Raven I: Einleitung]: CIV (= F)
 Muremois (нем.) = (лтш.) Mūrmuīža (в сов. вр. тж. Kaūguriēši); см. Mühl.—Endz.
 IV: 869
 N, Notk. — Notker III [N. Labio, N. Teutonicus (N. der Deutsche)] (др.-алеман.; ⅔
 X–¼ XI в.); по: P. Piper. Die Schriften Notkers und seiner Schule. I. Band: Schrif-
 ten philosophischen Inhalts, 1882; II. Band: Psalmen und katechetische Denkmäler

- nach der St. Galler Handschriftengruppe, III. Band: Wessobrunner Psalmen, Predigten und catechetische Denkmäler, 1883, Freiburg I. B. und Tübingen; см.: [Raven I: Einleitung], XXXIX–LXVII (Graffs Siglen- und Quellenverzeichnis): LVII; CIV Nerf (нем.) = (лтш.) Nęřęta; см. Mühl.–Endz. IV: 870
- Nigr. — (лтш.) Nįgraņde; см. Mühl.–Endz.: *ib.*
- O, Otrf. — Otfrid von Weißenburg (др.-юж.-рейнско-франкский; 868 г.); по: *P. Piper*. Otfrids Evangelienbuch. I. Theil: Einleitung und Text. ²[2., durch Nachträge erweiterte Ausgabe.] Freiburg und Tübingen, 1882; II. Theil: Glossar und Abriss der Grammatik. Freiburg, 1887; см.: [Raven I: Einleitung], XXXIX–LXVII (Graffs Siglen- und Quellenverzeichnis): LVII; CIV
- ON — Ostnordisch; см. Heidermanns: 20–21 (= O)
- Pl. = J. Plāķis, *Daži attistības posmi latv. un leišu akcenta vēsturē* Latv. Augstskolas Rakstos IV, 179–222; см. Mühl.–Endz. IV: 865
- Preīli (лтш.; нем. Prely) — источник Mühl.–Endz.
- PS. — Prof. P. Šmits no Raunas (тж. Rōna = нем. Ronneburg); см. Mühl.–Endz. IV: 870
- RKt. — Rīgas Latviešu Biedrības Zinātņu Komitejas rakstu krājums (лтш.)
- Ruj. — (нем.) Rujen = (лтш.) Rūjiēna; см. Mühl.–Endz.: *ib.*
- Rutzaу (нем.) = (лтш.) Rucava; см. Mühl.–Endz.: *ib.*
- S = Die kleineren althochdeutschen Sprachdenkmäler / hrsg. von E. von Steinmeyer. Berlin, 1916 (здесь: S 66–81, XIV. Muspilli); см. [Raven I: Einleitung]: CV
- Sackenhausen (нем.) = (лтш.) Saka; см. Mühl.–Endz.: *ib.*
- Sal., Salis (нем.) = (лтш.) Liēl-Salaca; см. Mühl.–Endz.: *ib.*
- Salis., Salisb. — Salisburg [тж. Waltenberg, Wallberg] (нем.) = (лтш.) Maz-Salaca [= Mazsalaca (тж. Valtenbeŗga, Valtenbeŗģi, Valbeŗģi)]; см. Mühl.–Endz. IV: 871
- Sam — Bruchstück einer geireimten Erzählung von der Samariterin (in cod. hist. prof. 646 der Wiener Hofbibliothek; IX в.); см. [Raven I: Einleitung], XXXIX–LXVII (Graffs Siglen- und Quellenverzeichnis): LXI; CV (= S)
- Schujen (нем.) = (лтш.) Skujene; см. Mühl.–Endz.: *ib.*
- Selg. — Selgerben (нем.) = (лтш.) Dzirciems; см. Mühl.–Endz.: *ib.*
- Serbical (нем.) = (лтш.) Cirgaļi; см. Mühl.–Endz.: *ib.*
- Siuxt (нем.) = (лтш.) Džūkste; см. Mühl.–Endz.: *ib.*
- Stockm. — Stockmannshof (нем.) = (лтш.) Pļaviņas; см. Mühl.–Endz.: *ib.*
- ŠB — Шатапатхабрахмана, по: Mayrhofer
- Txts. — The Oldest English Texts / ed. by *H. Sweet*, E.E.T.S., No. 83, 1883; см. Toller
- T, Tat. — Tatian (др.-вост.-франкский; 830 г.); по: Tatian. Lateinisch und altddeutsch mit ausführlichem Glossar hrsg. von Eduard Sievers. 2. neubearb. Ausg. Paderborn 1892. Unveränderter Nachdruck 1960 (= Bibliothek der ältesten deutschen Literatur-Denkmäler. V. Bd.); см.: Braune XVII; [Raven I: Einleitung], XXXIX–LXVII (Graffs Siglen- und Quellenverzeichnis): LXIII–LXIV; CV
- VG — Västgötlagen (памятник ON; XIII в.); см. Heidermanns: 17, 20–21
- Wandsen (нем.) = (лтш.) Vaņdzene (ранее тж. Krepliņi); см. Mühl.–Endz.: *ib.*
- Warkhof (нем.) = (лтш.) Vārkaņa; см. Mühl.–Endz. IV: 872
- Wien — cf. e.g.: Notkers Psalmenübersetzung nach der Wiener Handschrift [№ 2681] / hrsg. von R. Heinzel und W. Scherer, Strassburg, London, 1876; см. [Raven I: Einleitung], XXXIX–LXVII (Graffs Siglen- und Quellenverzeichnis): LVI (= N II)
- Wm. — Willeram's Paraphrase des hohen Liedes Salomonis (½ XI в.); см.: [Raven I: Einleitung], XXXIX–LXVII (Graffs Siglen- und Quellenverzeichnis): LXVI; CIV (= W)

Wolm. = Wolmar (нем.) — (лтш.) Valmiēra; см. Mühl.–Endz.: *ib.*

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев — *В. И. Абаев*. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–V. М.; Л., 1958–1995.
- Андронов 2002 — *А. В. Андронов*. Материалы для латышско-русского словаря. Санкт-Петербург, 2002.
- Апост. — Ст.-сербская рукопись начала XV в. «Апостол и въскресни евангелия». // НБКМ № 889 (по Цоневу).
- БЕР — Български етимологичен речник / ред.: В. И. Георгиев: т. I, 1971, т. II, 1979, т. III, 1986; В. И. Георгиев, И. Дуриданов: т. IV, 1995; И. Дуриданов, М. Рачева, Т. А. Тодоров: т. V, 1996; М. Рачева, Т. А. Тодоров: т. VI, 2002; Т. А. Тодоров, М. Рачева: т. VII, 2010; Л. Д. Димитрова-Тодорова, Л. П. Селимски: т. VIII, 2017. София.
- Болонски псалтыр — Болонски псалтыр. Български книжовен паметник от XIII век. / Фототипно издание с увод и бележки от Иван Дуйчев. София: Издателство на Българската Академия на науките. 1968.
- Болотов 2012 — *С. Г. Болотов*. Тройное отражение индоевропейских долгих слоговых сонантов в латыни // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XVI. Материалы чтений, посвященных памяти профессора И. М. Тронского. 18–20 июня 2012 г. СПб., 2012.
- Брок ГЗМ — *О. Брокъ*. Говоры къ западу отъ Мосальска. Петроградъ, 1916.
- Бромлей–Булатова — *С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова*. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972.
- Булаховский РЛЯПП XIX в. — *Л. А. Булаховский*. Русский литературный язык первой половины XIX века. М., 1954.
- Бурлак — *С. А. Бурлак*. Историческая фонетика тохарских языков. М., 2000.
- Гр. — Граматично изказанје об рѣиком језику, поја Јѣрка Крнжѣнница, пре звѣнјем Сербланина, међу Кѣпојѣ и Вѣнојѣ рнѣкѣми, ко ѣјездеѣ Бнѣца града, окол Дѣковѣ, Озља и Рнѣника острогов / Писано въ Снебѣри. Дѣта ѣрод. [= 7174 (1666 от Р.Х.) / Издано О. Бодянским.] Москва, ѣдѣнѣ. [= 1859. Арабские цифры передают славянскую пагинацию книги.]
- Гр.гр. — Старопечатная книга: АДЕЛФОНЕ. ГРАММАТКА ДОБРОГЛАГОЛНАВО ЕЛЛНОСЛОВЕНСКАГО ЯЗЫКА. Во[]авовѣ. Рѣкѣ, ѣдѣа [= 1591].
- Гринченко — *Б. Д. Гринченко*. Словарь української мови. Т. I–IV. Київ, 1958–1959. (фотомеханическая копия издания 1907–1909 гг.).
- Гухман 1966 — *М. М. Гухман*. Сравнительная грамматика германских языков. Т. IV. М., 1966.
- Даль — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I (А–З): 1903; Т. II (И–О): 1905; Т. III (П–Р): 1907; Т. IV (С–В). СПб.–М., 1909.
- Дыбо 1961 — *В. А. Дыбо*. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961.

- Дыбо 1961a — *В. А. Дыбо*. Ударение славянского глагола и формы старославянского аориста. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР, № 30. М., 1961.
- Дыбо 1974 — *В. А. Дыбо*. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. I. Именная акцентуация. // Балто-славянские исследования. М., «Наука», 1974.
- Дыбо 1981 — *В. А. Дыбо*. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 1987 — *В. А. Дыбо*. Книга Хенрика Бирнбаума и современные проблемы праязыковой реконструкции // *Х. Бирнбаум*. Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.
- Дыбо 2000[a] — *В. А. Дыбо*. Морфонологизированные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. I. М., 2000.
- Дыбо 2003 — *В. А. Дыбо*. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003.
- Дыбо 2007 — *В. А. Дыбо*. Рефлексы индоевропейских слоговых долгих плавных и носовых в кельто-италийских языках (в защиту концепции Х. Педерсена) // *Аспекты компаративистики*. Вып. 3. / Ред. А. В. Дыбо, В. А. Дыбо и др. М., 2007.
- Дыбо 2008 — *В. А. Дыбо*. Германское сокращение индоевропейских долгот, германский «Verschärfung» (закон Хольцмана) и балто-славянская акцентология // *Аспекты компаративистики*, 3. М., РГГУ, 2008.
- Дыбо 2009a — *В. А. Дыбо*. Система порождения акцентных типов производных в балто-славянском праязыке // *Stressing the past. Papers on Baltic and Slavic accentology* edited by Thomas Olander, Jenny Helena Larsson. Rodopi, Amsterdam – New York (NY), 2009.
- Дыбо 2009b — *В. А. Дыбо*. О системе акцентных парадигм в прусском языке // Балто-славянские исследования. XVIII. М., 2009.
- Дыбо 2011 — *В. А. Дыбо*. Относительно др.-инд. -*ya*-глаголов // Вопросы языкового родства [Journal of Language Relationship], № 6, 2011.
- Дыбо 2015 — *В. А. Дыбо*. Балто-славянская акцентная система и итоги индоевропейской акцентологической реконструкции // *Славистички зборник*, кн. I. (IWoBA VIII (2012)) Нови Сад, 2015.
- ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови: У 7 т. / редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Київ, 1982–2012.*
- Желеховский — *Є. Желеховский, С. Недільский*. Малоруско-німецький словар / Під зарядом К. Беднарского. Т. I–II. Львів, 1886.
- Зализняк 2011, II — *А. А. Зализняк*. Труды по акцентологии. Т. II. Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV–XVII вв.). М., 2011.
- Зализняк 2014, 2019 — *А. А. Зализняк*. Древнерусское ударение. М., 2014. 2-е изд., расширенное и переработанное. М., 2019.

- ИАСИМ — Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.
- Івашуціч — Я. М. *Івашуціч*. Націск у дзеяслоўных формах сучаснай беларускай мовы. Мінск. 1981.
- Иллич-Свитыч 1961 — В. М. *Иллич-Свитыч*. Выделение типов корней с исходом на сонант в балтийской глагольной системе, их функционирование и происхождение // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961.
- Иллич-Свитыч 1962 — В. М. *Иллич-Свитыч*. К истолкованию акцентуационных соответствий в кельто-италийском и балто-славянском. (О «втором правиле Дыбо») // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1962.
- Иллич-Свитыч 1984 — В. М. *Иллич-Свитыч*. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1984.
- Льюис–Педерсен — Г. *Льюис*, Х. *Педерсен*. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков / Пер. с англ. проф. А. А. Смирнова. Ред., предисл. и прим. проф. В. Н. Ярцевой. Москва, 1954.
- Николаев БСИ 1982, 1984 — С. Л. *Николаев*. К исторической морфологии древнегреческого глагола // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983 (ч. 1-я и 2-я); Балто-славянские исследования 1984. М., 1986 (ч. 3-я).
- Николаев 1989b — С. Л. *Николаев*. Балто-славянская акцентуационная система и её индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989.
- Николаев 2015 — С. Л. *Николаев*. К реконструкции акцентуационно-морфонологических классов индоевропейских глагольных корней // Studies in Accentology and Slavic Linguistics in Honor of Ronald F. Feldstein / Ed. by M. Shrager, E. Andrews, G. Fowler, and S. Franks. Bloomington (IN), 2015.
- Николаев–Старостин 1982 — С. Л. *Николаев*, С. А. *Старостин*. Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.
- Нор. пс. — Норовская Псалтырь. [Среднеболгарская рукопись нач. XIV в. // Государственный Исторический музей (М.), собр. А. С. Уварова, № 285.]
- ОСА Словарь — В. А. *Дыбо*, Г. И. *Замятина*, С. Л. *Николаев*. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. Вып. I, М., 1993.
- Пс. Кипр. — Псалтырь Киприана [Среднеболгарский текст конца XIV–начала XV в. // РГБ, отдел рукописей, ф. 173, № 142.]
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–41. М., 1965–2007. [<http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html>].
- СЯП — Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. М., 1956–1961.

- Топоров 1975 — *В. Н. Топоров*. Прусский язык. Словарь. А–Д. М., 1975. Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв., изд. подготовили О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпов под редакцией С. И. Коткова, М., 1971. — При цитации указываются столбцы рукописи.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка. Т. I (А–Д): 1964; Т. II (Е–муж): 1967; Т. III (мўза–сят): 1971; Т. IV (Т–ящур). М., 1973.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. 1–14. Мінск 1978–2010.
- ЭСЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / ред.: *О. Н. Трубачёв, А. Ф. Журавлёв* (с 33 т., 2007). Т. 1–41. М., 1974–2018– (изд. продолжается).
- Barber — *C. C. Barber*. Die vorgeschichtliche Betonung der Germanischen Substantiva und Adjektiva. Heidelberg, 1932.
- Bartholomae — *Ch. Bartholomae*. Altiranisches Wörterbuch. 2. unveränderte Auflage. Berlin, 1961.
- Berneker — *E. Berneker*. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1924.
- Bertoldi ZrPh. — *Vittorio Bertoldi*, I. Problemi d'etimologia // Zeitschrift für romanische Philologie, vol. 56, no. 2, Tübingen 1936.
- Bezljaj — *Fr. Bezljaj*. Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga: А–J (1977); Druga knjiga: К–О (1982); Tretja knjiga: P–S (1995). Ljubljana.
- Bosworth–Toller — *J. Bosworth, T. N. Toller*. An Anglo-Saxon Dictionary, Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth. Oxford. 1898 (1929, 1954).
- Braune — *W. Braune*. Althochdeutsche Grammatik. 8. Auflage bearbeitet von Walther Mitzka. Halle (Saale), 1955.
- Brugmann — *K. Brugmann*. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. I. K. J. Trübner. Strassburg, 1906.
- Brugmann–Delbrück — *K. Brugmann, B. Delbrück*. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Zweite Bearbeitung. Strassburg, 1897–1916.
- Būga RFV 66 — *K. Būga*. О литовско-латышскомъ дифтонгѣ *ui* // Русскій филологическій вѣстникъ 66, СПб 1911.
- Būga RR — *K. Būga*. Rinktiniai raštai. Vilnius, I, 1958; II, 1959; III, 1961.
- Bugge, Beitr. — *Sophus Bugge*. Etymologische Studien über germanische Lautverschiebung // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. B. 12 (1887).
- Clark Hall — *John R. Clark Hall*. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. Fourth Edition with a Supplement by Herbert D. Meritt. Cambridge, 1960.
- Cleasby — An Icelandic-English Dictionary, Based on the Ms. Collections of the Late *Richard Cleasby* / Enlarged and completed by *Gudbrand Vigfusson*. With an Introduction and life of Richard Cleasby by *George Webbe Dasent*. Oxford, M.DCCC.LXXIV.

- Collitz — *H. Collitz*. Das schwache Präteritum und seine Vorgeschichte, Göttingen, 1912.
- De Bernardo Stempel 1987 — *P. De Bernardo Stempel*. Die Vertretung der indogermanischen Liquiden und Nasalen Sonanten im Keltischen. Innsbruck, 1987 (IBS 54).
- De Bernardo Stempel 1999 — *P. De Bernardo Stempel*. Nominale Wortbildung des älteren Irischen. Stammbildung und Derivation. Tübingen, 1999 (Buchreihe der Zeitschrift für celtische Philologie 15).
- de Vries — *J. de Vries*. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1961.
- DP — материал из «Постилы Н. Даукши» цитируется по изданию: Daukšos Postilė. Fotografuotinis leidimas. Kaunas, 1926.
- DR — *Rituale Ecclesiae Dunelmensis. Nunc primum typis mandatum* / Ed. Joseph Stevenson. London, 1839.
- Dybo 2002 — *V. A. Dybo*. Balto-Slavic Accentology and Winter's Law / *Studia Linguarum*, 3/2. M., 2002.
- Edgerton 1914 — *Franklin Edgerton*. *Vedic sabhā* // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, 46.Bd. Göttingen 1914.
- Egilsson — *Sveinbjörn Egilsson*. *Lexicon Poëticum antiquæ linguæ septentrionalis. Ordbog over det norsk-islandske Skjaldesprog*. 2. Aufl. Kopenhagen 1931.
- Endz. Gr. — *J. Endzelin*. Lettische Grammatik. Herausgegeben vom Lettischen Bildungsministerium. Kommissionsverlag A. Gulbib, Rīga, 1922. [<http://archive.org/details/LettischeGrammatik>]
- Endz.–Hauz. — *J. Endzelīns, E. Hauzenberga*. Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai. Sēj. I–II. ~ *J. Endzelin* und *E. Hausenberg*. Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlenbachs Lettisch-deutschem Wörterbuch. Bd. I–II. Rīga, 1934–1946.
- EWD — *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*, erarbeitet von einem Autorenkollektiv des Zentralinstituts für Sprachwissenschaft unter der Leitung von W. Pfeifer. I–III. Berlin, 1989.
- Falileyev 2000 — *A. Falileyev*. *Etymological Glossary of Old Welsh*. Tübingen, 2000.
- Falk–Torp — *H. S. Falk, A. Torp*. *Norwegisch-Dänisches etymologisches Wörterbuch*. I–II. Heidelberg, 1910–1911.
- Feist — *S. Feist*. *Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache*. Leiden, 1939.
- Flom. Infl. — *George T. Flom*. *Scandinavian Influence on Southern Lowland Scotch: A Contribution to the Study of Linguistic Relation of English and Scandinavian*. New York (NY): 1900 [сокращение de Vries'a].
- Fortunatov BB 6 — *Ph. Fortunatov*. L + dental im Altindischen // *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*. B. 6. Göttingen 1881.
- Fraenk. — *E. Fraenkel*. *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I (I–XXIII, 1–656 [*privėk-*]), 1962; II (657 [*privyk-*]–1560), 1965. Heidelberg.

- Franck–van Wijk — *N. van Wijk*. Franck's etymologisch woordenboek der Nederlandsche taal. Gravenhage. 1949.
- Frisk — *H. Frisk*. Griechisches Etymologisches Wörterbuch. 3 Bde. Heidelberg, 1960–1972.
- Fritzner — Ordbog over det gamle norske Sprog af Dr. *Johan Fritzner*: Omarbeidet, forøget og forbedret Udgave. Første Bind: A–Hj. 1886. Andet Bind: Hl–P. 1891. Tredje Bind: R–Ö; Bemærkninger af Sophus Bugge [1893]–1896. Kristiania. New York. Leipzig. London. Paris. St. Petersburg.
- Gallée — *J. H. Gallée*. Altsächsische Grammatik. Zweite völlig umgearbeitete Auflage. Halle–Leiden, 1910.
- Geb. — *J. Gebauer*. Slovník staročeský. I–II. Praha. 1903–1916.
- Ghilain Ind. — *A. Ghilain*. Essai sur la langue parthe. Son système verbal d'après les textes manichéens du Turkestan Oriental. Louvain, 1939. (Ind. = Index)
- Gl — *E. Steimmeyer, E. Sievers*. Die althochdeutschen Glossen. Band I (1879), II (1882), III (1895), IV (1898), V (1922). Berlin. [Abkürzung von Raven].
- Grassmann — *H. Grassmann*. Wörterbuch zum Rig-Veda. Wiesbaden, 1976.
- Hackstein — *Olav Hackstein*, Untersuchungen zu den sigmatischen Präsenstambildungen des Tocharischen. Göttingen 1995.
- Hdn. Gr. — *August Lenz*. Herodiani technici reliquia. Leipzig, I–II, 1867–1870. см. [Raven I: Einleitung], XXXIX–LXVII (Graffs Siglen- und Quellenverzeichnis)
- Heidermanns — *F. Heidermanns*. Etymologisches Wörterbuch der germanischen Primäradjektive. Berlin – New York (NY), 1993.
- Henning Verb. — *W. B. Henning*. Das Verbum des Mittelpersischen der Turfan-Fragmente // Zeitschrift für Indologie und Iranistik. Lpz. 1933. Bd. 9, H. 2.
- HFR — *J. Dayre, M. Deanović, R. Maixner*. Hrvatskosrpsko-francuski rječnik. Zagreb, 1956.
- Holthausen AEEW — *F. Holthausen*. Altenglisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1934.
- Holthausen ASEb — *F. Holthausen*. Altsächsisches Elementarbuch. Heidelberg, 1921.
- Hubschmied — *Johannes Hubschmid*. Praeromanica: Studien zum vorromanischen Wortschatz der Romania. Bern, 1949.
- Irslinger 2002 — *B. S. Irslinger*. Abstrakta mit Dentalsuffixen im Altirischen. Heidelberg, 2002.
- Isaac — *G. R. Isaac*. Studies in Celtic sound Changes and their Chronology. Innsbruck, 2007 (= Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, herausgegeben von Wolfgang Meid. Bd. 127).
- Johansson 1891 — *Karl Ferdinand Johansson*. Gotische Etymologien // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. XV, Halle 1891.
- Jungmann — *J. Jungmann*. Slovník česko-německý. Praha, 1835–1839. D. I–V.
- Karulis — *K. Karulis*. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. Rīga, 2001.

- Kluge — *F. Kluge*. Die germanische Consonantendehnung // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, Bd. IX. Halle, 1884.
- Kluge–Seebold — *F. Kluge*. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. / 22. Auflage... völlig neubearbeitet von *E. Seebold*. Berlin–New York (NY), 1989.
- Kortlandt 1981 — *F. Kortlandt*. More Evidence for Italo-Celtic // *Ériu* XXXII, 1981.
- Kott — *F. Št. Kott*. Česko-německý slovník. D. I–VII. Praha, 1878–1893.
- Krahe IF 59 — *Hans Krahe*. Beiträge zur illyrischen Wort- und Namenforschung // Indogermanische Forschungen (Berlin–Leipzig), vol. 59, 1944.
- Kroonen — *G. Kroonen*. Etymological Dictionary of Proto-Germanic. Brill, Leiden – Boston, 2013.
- Kroonen 2011 — *Guus Kroonen*. The Proto-Germanic *n*-stems. A study in diachronic morphophonology (Leiden Studies in Indo-European 18) — Rodopi, Amsterdam – New York (NY), 2011.
- KSSJ — *Krátky slovník slovenského jazyka*. Bratislava, 1989.
- Kucała — *M. Kucała*. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
- Lexers — *M. Lexers*. 1956. Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. S. Hirzel Verlag, Leipzig.
- LIV — *H. Rix et al.* 1998. LIV: Lexikon der indogermanischen Verben [Lexicon of Indo-European Verbs]. Wiesbaden.
- LIV₂ — *H. Rix et al.* 2001. LIV: Lexikon der indogermanischen Verben [Lexicon of Indo-European Verbs]. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- LKŽ — *Lietuvių kalbos žodynas*. T. I (1968)–XX (2002). Vilnius: LKI. [<http://www.lkz.lt>]
- Loth — *J. Loth*. Vocabulaire vieux-breton avec commentaire contenant toutes les gloses en vieux-breton, gallois, armoriques, connues, précédé d'une introduction sur la phonétique du vieux-breton et sur l'âge et provenance de glosses. Paris 1883.
- Matasović — *R. Matasović*. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden – Boston, 2009.
- Mayrhofer — *M. Mayrhofer*. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, I–IV. Heidelberg, 1956–1980.
- Mayrhofer EWA — *M. Mayrhofer*. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen, I–II. Heidelberg. 1992–1996.
- Mažiulis — *V. Mažiulis*. Prūsų kalbos etimologijos žodynas / Antrasis pataisytas ir papildytas leidimas. Vilnius, 2013.
- McCone 1991 — *K. McCone*. The Indo-European Origins of the Old Irish Nasal Presents, Subjunctives and Futures. Innsbruck, 1991.
- McCone 1994 — *K. McCone*. Ant Sean-Ghaeilge agus a réamhstair // *Stair na Gaeilge*, ed. by K. McCone, D. McManus et alii.

- McCone 1995 — *K. McCone*. The PIE stops and syllabic nasals in Celtic // *Studia Celtica Japonica* 4, 1995.
- Meyer Karl H. — *K. H. Meyer*. Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch zum Codex Suprasliensis. Glückstadt 1935.
- Meyer-Lübke — *W. Meyer-Lübke*. Romanisches etymologisches Wörterbuch. 3. Aufl. Heidelberg. 1930–1935.
- Meillet, BSL 22 — *Antoine Meillet*. Arménien *yag* // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*. 22, Vol. 68. Paris, 1920.
- Mikkola — *J. J. Mikkola*. Streitberg-Festgabe, herausgegeben von der Direktion der vereinigten sprachwissenschaftlichen Institute an der Universität zu Leipzig. Leipzig, 1924.
- Miklosich Lex. — *Fr. Miklosich*. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862.
- Mühl.-Endz.: *K. Mühlenbachs*. Latviešu valodas vārduņa / Rediģējis, papildinājis, turpinājis *J. Endzelīns*. Sēj. I–IV ~ *K. Mühlenbach*. Lettisch-deutsches Wörterbuch / Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von *J. Endzelin*. I–IV. Riga, 1923–1932.
- Noreen — *A. Noreen*. Altnordische Grammatik I. Altisländische und altnorwegische Grammatik (Laut- und Flexionslehre) unter Berücksichtigung des Urnordischen. Vierte vollständig umgearbeitete Auflage. Halle (Saale), 1923.
- Orel — *V. Orel*. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden–Boston, 2003.
- Pedersen — *H. Pedersen*. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen. Bd. I (1908–1909), Bd. II (1911–1813), Göttingen.
- Pedersen KG. — *H. Pedersen*. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, 2 Bde., Göttingen, 1909–1913.
- Peters — *Martin Peters*, Untersuchungen zur Vertretung der indogermanischen Laryngale im Griechischen. Wien 1980.
- Plet. — *M. Pleteršnik*. Slovensko-nemški slovar. D. I–II. Ljubljana, 1894–1895.
- Pok. — *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern – München, 1953.
- Rasmussen — *J. E. Rasmussen*. Studien zur Morphophonemik der indogermanischen Grundsprache // *Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*, herausgegeben Wolfgang Meid. Band 55. Innsbruck, 1989.
- Raven — *F. A. Raven*. Die schwachen Verben des Althochdeutschen. B. I–II. University, Alabama, 1964–1967 (см. обозначения I, N, O, S в [Raven I: Einführung], XXXIX–LXVII (Graffs Siglen- und Quellenverzeichnis)).
- RJA — *Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. T. I–XXIII. Zagreb, 1880–1976.
- Schwyzer KZ 57 — *Eduard Schwyzer*. Lesbisch *Φαυ* und altarmenisch *bam bas bay* // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*, 57. Bd., 3./4. H., 1930.
- Seebold — *E. Seebold*. Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben. The Hague – Paris, 1970.
- Schrijver 1995 — *Peter Schrijver*. Studies in British Celtic Historical Phonology. Amsterdam – Atlanta (GA), 1995.

- Schumacher 2004 — *S. Schumacher*. Die keltischen Primärverben. Ein vergleichendes, etymologisches und morphologisches Lexikon. Unter Mitarbeit von *Britta Schulze-Thulin* und *Caroline aan de Wiel*. Innsbruck, 2004.
- Sievers–Brunner — *E. Sievers, K. Brunner*. Altenglische Grammatik. Halle (Saale), 1951.
- Skok — *P. Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–III. Zagreb, 1971–1973.
- Sławski — *F. Sławski*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–1982.
- Sł.prasł. — *F. Sławski* (red.), Słownik prasłowiański (SP), opracowany przez Zespół Zakładu Słowianoznawstwa (Instytutu Słowianoznawstwa, Instytutu Sławistyki) PAN, I–VIII, Wrocław, 1974–2001.
- Smoczyński — *W. Smoczyński*. Słownik etymologiczny języka litewskiego. Wilno, 2007.
- Solmsen Unt. — *F. Solmsen*. Untersuchungen zur griechischen Laut- und Verslehre. Straßburg, 1901.
- Solmsen Wortforsch. — *F. Solmsen*. Beiträge zur griech. Wortforschung. 1. Straßburg, 1924.
- SSJ — Slovník slovenského jazyka. D. I–VI. Bratislava, 1959–1968.
- SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika. I–V. Ljubljana, 1970–1991.
- Stang Gr. — *Chr. S. Stang*. Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. Oslo, 1966.
- Stang Lex. — *Chr. S. Stang*. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo etc., 1972.
- Steller — *W. Steller*. Abriss der altfriesischen Grammatik. Halle, 1928.
- Stokes 1860 — *W. Stokes*. Cambria. // Transactions of the Philological Society. London, 1860, 1.
- Stokes 1894 — *W. Stokes, A. Bezenberger*. Wortschatz der keltischen Einheit. Urkeltischer Sprachschatz. Göttingen, 1894
- Streitberg 1943 — *W. Streitberg*. Urgermanische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der altgermanischen Dialekte. Unveränderter Abdruck der 1. Auflage (1896). Heidelberg, 1943.
- Šl. — *J. Šlapelis*. Kirčiūotas lenkiškas lietuvių kalbos žodynas. Antroji laida. Vilnius, 1940.
- Thurneysen — *R. Thurneysen*. A Grammar of Old Irish. // Revised and enlarged Edition with Supplement. Translated from the German by D. A. Binchy and O. Bergin. Dublin, 1980.
- Tiefenbach 2010 — *Heinrich Tiefenbach*. Altsächsisches Handwörterbuch. Berlin – New York (NY), 2010.
- Toller — *T. N. Toller*. An Anglo-Saxon Dictionary Supplement. Oxford, 1955.
- Torp–Falk — *H. S. Falk, A. Torp*. Norwegisch–Dänisches etymologisches Wörterbuch. I–II. Heidelberg, 1910–1911.
- Trautmann BSW — *R. Trautmann*. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

- Tucker and Bryan 1966 — *A. N. Tucker, M. A. Bryan*. Linguistic Analyses: the Non-Bantu Languages of North-Eastern Africa. London, 1966.
- Valj. Rad — *M. Valjavec*. Prinos k naglasu u novoj slovenštini // Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Knj. 43–48, 56, 57, 60, 63, 65, 67, 68, 71, 73, 74, 76, 77, 93, 94, 102, 105, 110, 118, 119, 121.
- Vermeer 1984 — *Willem R. Vermeer*. On clarifying some points of Slavonic accentology: The quantity of the thematic vowel in the present tense and related issues // *Folia Linguistica Historica* V/2 / *Societas Linguistica Europaea*. 1984.
- Vitkauskas — *V. Vitkauskas*. Šiaurės rytų dūnininkų šnektų žodynas. Vilnius, 1976.
- Vuk — *B. C. Караџић*. Српски рјечник, истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Београд, 1898.
- Walde 1906 — *A. Walde*. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1906.
- Wartburg — *W. von Wartburg*. Französisches etymologisches Wörterbuch. Eine Darstellung des galloromanisches Sprachschatzes, voll. I–XXV, Bonn – Leipzig (1922–1928); Bonn (1927–1930); Heidelberg (1930–1932); Leipzig – Berlin (1932–1946); Basel (1947–1963); Basel (Bâle) (1964–...).
- WH — *A. Walde, J. B. Hofmann*. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. I–II. Heidelberg, 1930–1956.
- Wiget — *W. Wiget*. Altgerm. Lautuntersuch. Dorpat, 1922.
- Wissmann — *W. Wissmann*. Nomina Postverbalia in den altgermanischen Sprachen nebst einer Voruntersuchung über Deverbative *ō*-Verba. Göttingen, 1932.
- WP — *A. Walde*. Vergleichende Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. I–III. Hrsg. von *J. Pokorny*. Berlin – Leipzig, 1927–1932.
- Zb. — Zbornik za narodni život i običaje južnih Slovena. [В примерах первая цифра обозначает том «Сборника», цифры после двоеточия — страницы тома, верхние индексы — строки сверху.]
- Zbiór XVIII — Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej / wydawany staraniem Komisji Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie. I–XVIII. Kraków, 1877–1895. T. XVIII (1895) [<http://www.sbc.org.pl/dlibra/publication/16590/edition/14686>].
- Zubaty Li. Fil.28 — *J. Zubaty*. Slov. *ръжатъ* a jiné tvary podobné. // *Listy filologické*. XXVIII. 1901. (Перепеч. в: *J. Zubaty*. Studie a články. (Sv. I (1945): Výklady etymologické a lexikální.) Sv. II (1954): Výklady tvaroslovné, syntaktické a jiné. Praha.
- Zupitza, Germ. Gutt. — *E. Zupitza*. Die germanischen Gutturale. Berlin, 1896.

А. В. ДЫБО

Тюркские и славянские языки: история взаимоотношений¹

0. Много лет назад Владимир Николаевич Топоров сказал мне, что считал бы полезным опубликовать в «Балто-славянских исследованиях» развернутый обзор по проблеме взаимодействия тюркских и славянских языков. Вот, наконец, этот обзор.

1. История изучения

Начало изучения тюркизмов в славянских языках восходит ещё к XVIII – началу XIX века, к трудам В. Н. Татищева, Я. О. Ярцова, И. Ф. Яковкина, Ф. С. Шимкевича (см. подробности в: Кононов 1972, Севортян 1962). Более или менее устанавливается научная методика таких исследований к середине XIX века, когда регистрируется и объясняется значительная доля восточных элементов русского словаря, в том числе великорусских диалектов (в связи с проектом ОРЯС «Материалы для словаря русского языка», т. 1, 1852–1853 г.). Тогда же появляется первый опыт этимологического словаря восточных заимствований в польском языке (Muchliński 1858). В 1880-е годы имеется уже целый ряд работ о восточных элементах в славянских языках: в сербском (Marinkowitch 1881, 1882, Popović 1884), в польском (Karłowicz 1885), и, наконец, не потерявший своей ценности до настоящего времени словарь Miklosich 1884–1890 (важные дополнения — Kraelitz-Greifenhorst 1911), много лет служивший основным источником по славянским тюркизмам для славистов. Достаточно сказать, что М. Фасмер о славянских тюркизмах для славистов. Достаточно сказать, что М. Фасмер при анализе тюркизмов в «Этимологическом словаре русского языка» опирается в основном на Миклошича и собственные разыскания по словарю Радлова (Радлов 1888–1911).

В упомянутых исследованиях проводилась главным образом предварительная фиксация тюркизмов, без особенного внимания к конкретным условиям заимствования — времени и конкретизации тюркского языка-источника. Так, в словаре Миклошича предположительный тюркский источник маркируется только как «турецкий» или «северно-тюркский» (т. е., кыпчакский), иногда как «восточно-тюркский», что может означать «чагатайский» (литературный язык карлуков и кыпчаков с XV по XVIII вв.), но не более точно, и, во всяком случае, не обсуждается возможность выбора из разных источников. Надо сказать, что примерно такая маркировка сохраняется и в словаре М. Фасмера. Задачи

¹ Работа выполнена по проекту РНФ №18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России».

более продвинутого изучения тюркизмов были поставлены раньше всего в русистике. В первую очередь это хронологизация тюркских заимствований, и работа в этом направлении планируется ОРЯС в 90-х годах XIX века. Это задача выделения хронологически наиболее раннего пласта тюркизмов — домонгольского (наличие тюркизмов ордынского и послеордынского времени не представляет проблемы, а вот домонгольские тюркские контакты значительно более интересны как русистам, так и тюркологам, поскольку относятся к исчезнувшим тюркским языкам; по историческим соображениям это должны были быть болгарский, хазарский и куманский-половецкий). Отсюда идёт серия работ по тюркизмам, зафиксированным в памятниках русского языка до монгольского нашествия, в первую очередь в «Слове о полку Игореве» (дискуссия Мелиоранского и Корша, 1902–1909 гг.: Мелиоранский 1902, 1905; Корш 1903, 1906, 1909). Впоследствии это направление исследования получило развитие в значительном числе работ, среди которых следует упомянуть С. Е. Малова (1946), В. А. Гордлевского (1947), Н. А. Баскакова (1985) и К. Г. Менгеса (1979).

Собственно тюркологический анализ тюркизмов в славянских языках и не мог быть особенно успешным вплоть до 30-х – 40-х годов XX века, до того, как появились словари ряда отдельных тюркских языков на территории СССР. До того, а также и позже, пожалуй, вплоть до 60-х гг. XX в. большинство тюркологов пользовались в основном материалом словаря Радлова — очень большого, но всё же далеко не полно и, главное, не равномерно фиксирующего тюркскую лексику по различным языкам. В частности, материал словаря Радлова никаким образом не может ответить на вопрос — имеется ли рефлекс данного общетюркского слова в данной группе тюркских языков. Полно была зафиксирована в первую очередь турецкая лексика, отсюда преобладание ссылок на турецкий как источник тюркизма. Однако уже в 1929 г. на I-м съезде славистов в Праге польский востоковед Т. Ковальский выступил с программным докладом, где выдвигает требования хронологизации тюркского заимствования и точного определения его источника (Kowalski 1932). Как ответ на эту работу появилась программная же статья Дмитриев 1958 (написана в 1941–1942 гг.), где, кроме постановки соответствующих задач, анализируется значительный объём русских тюркизмов и демонстрируется связь принципов хронологизации, точного определения источника заимствования и его культурно-исторической верификации. Можно считать эти две работы хронологической вехой, отмечающей выход науки о тюркизмах в славянских языках на новый уровень (из более ранних работ полный (или, по крайней мере, задуманный как полный) этимологический анализ тюркского ма-

териала представлен, в первую очередь, в работах К. Менгеса (Menges 1952, 1953, 1954) и А. Зайончковского (Zajączkowski 1949)).

Более подробные обзоры литературы по ранним этапам изучения тюркских заимствований в славянских языках можно найти в следующих работах: Кононов 1972: 251–253, Porpe 1966; Porpe 1971; Добродомов 1981; Петровић 1993. См. также библиографии Kappler 2002, Krebs-Garić, Kelih 2016.

С тех пор появилось значительное количество работ, соответствующих этому уровню; из наиболее важных имён здесь следует назвать И. Г. Добродомова (основная область интересов — болгаризмы различных хронологических уровней в славянских, восточно-славянских и русском языках, см. особенно Добродомов 1967, 1969, 1971, 1974, 1974а, 1976, 1981, Добродомов, Романова 1979) и Ст. Стаховского (тюркизмы, в первую очередь османизмы, сербо-хорватского, болгарского и польского языков, см. ссылки ниже). В настоящее время имеется несколько этимологических словарей, посвященных тюркизмам в отдельных славянских языках.

Южнославянские: Škaljić 1957; Knežević 1962; Петровић 2012; Јашар-Настева 2001; Цветковски 2017 (рец. — Stachowski 2017а). В 1996 г. К. Г. Менгес начал работу над развёрнутым проектом словаря «Восточные заимствования в южнославянских языках», к сожалению, так и неоконченную. Интересная попытка систематизации тюркизмов в диалектах Балканского языкового союза (не только славянских) предпринята в: Соболев 2004.

Западнославянские: Stachowski S. 2007; 2014.

Русский: Шипова 1976 (скорее компилятивная работа, собственные этимологические этюды автора не особенно надежны); Юналеева 2005; Каримуллина 2007, 2014 (аналогично, но с отмеченными фиксациями); Кононов 1962, 1969; значительное количество сибирских тюркизмов русского языка проанализировано в словаре А. Е. Аникина (Аникин 2000; очень квалифицированное исследование, использующее достижения сравнительно-исторической тюркологии).

Тюркизмы с различной степенью достоверности разбираются в имеющихся этимологических словарях отдельных славянских языков. Большое количество тюркизмов русского языка, в частности, исторической и диалектной лексики, достоверно проанализировано в вышедших томах «Русского этимологического словаря» А. Е. Аникина (Аникин РЭС).

Нельзя не отметить упоминание ряда тюркизмов в славянских языках в фундаментальном труде А. Рона-Таша и А. Берта (OWT). Следует обязательно обратить внимание также на ряд статей М. Стаховского по тюркизмам в славянских языках, в том числе по методологии их изучения (Stachowski 2005, 2012, 2016, 2017а, 2017б и др.).

Славянскими заимствованиями в тюркских языках занимались несколько меньше; отметим здесь серию работ К. Адягаши (Адягаши 2005; 2015) о восточнославянских заимствованиях в языках Поволжья (тюркских и финно-угорских) и книги: Слепцов 1975 (русские заимствования в якутском); Аникин 2003 о русских заимствованиях в языках Сибири. В этимологических словарях турецкого (Eren 1999; Tietze 2002, 2008), татарского (Әхмәтъянов 2015) и чувашского (Федотов 1996) языков славянские заимствования также анализируются довольно надежно. Об интерферентных явлениях на других языковых уровнях см., например, Anderson 2005; 2017, Pakendorf 2012, некоторые статьи в: Voeschoten & al. 2006.

К настоящему времени значительное развитие получила собственно тюркская этимология и лексикология, для массы тюркских слов мы можем с уверенностью определить их распространение в тюркском мире, описать их семантику и функционирование в древне- и среднетюркских памятниках, наконец, в ряде случаев выяснить, принадлежит ли данная тюркская основа к наследию общетюркского / пратюркского состояния или может быть заимствованием в отдельные группы тюркских языков. Соответственно, исследования по тюркизмам в славянских языках должны учитывать достижения тюркской исторической лексикологии и этимологии не в меньшей степени, чем современный уровень славистики.

2. Периодизация и географическое разбиение тюрко-славянских контактов

2.0. Ниже, когда обсуждаются исторические периоды, предшествующие непосредственно наблюдаемому, речь идёт прежде всего о лексических заимствованиях. Лексические заимствования — это основной материал, доказывающий наличие языковых контактов в прошлом. Надежно доказать, что какая-либо структурная черта языка имеет именно контактное происхождение, значительно сложнее, чем надежно доказать заимствованный характер слова (в частности, потому что пространство структурных типологических признаков по определению более маломерно, чем пространство возможных звуковых последовательностей, представляющих означаемые слов). Поэтому о структурных заимствованиях можно с уверенностью говорить в основном применительно к современному состоянию языков². Что касается тюрко-

² Из многочисленной типологической литературы, в которой сделаны попытки привязать типы заимствований (в частности, структурных) к типам языковых контактов, можно упомянуть здесь: Thomason, Kaufman 1988; Matras 1998; Field 2002; Heine, Kuteva 2005; Matras, Sakel 2004; Aikhenvald, Dixon 2007.

славянского (и вообще тюрко-балканского) взаимодействия, эта тематика развивается в литературе начиная с Miklosich 1889. Подборку более или менее обоснованных гипотез о структурных заимствованиях в тюркских языках см. в: Johanson 2002; сошлюсь также на свою работу (Дыбо 1984), где предлагается трактовка заимствований в тюркской базисной лексике как сохранения (retention) субстратных слов при языковом сдвиге в случае наличия в субстратном языке номинационной решетки с большим количеством клеток, чем в новом языке.

Складывается следующее представление о периодизации и географическом разбиении тюрко-славянских языковых контактов (наша периодизация восходит к статье Добродомов 1976).

2.1. Ранние булгаро-славянские контакты

Первые тюрки, с которыми пришлось столкнуться славянам, по-видимому, были булгарами. Самый ранний распад пратюркского языкового единства — это разделение на болгарскую и общетюркскую, или стандартно-тюркскую группы. Ряд аргументов (датировка по предполагаемому фонетическому облику древнекитайских заимствований в пратюркский; глоттохронологические подсчеты) заставляют нас датировать это разделение интервалом на границе нашей эры, не позднее III века. Единственный потомок болгарской группы — современный чувашский, но более ранние этапы фонетической истории прото-болгарского можно реконструировать на основании данных ранних заимствований из языков болгарской группы в другие языки. Булгарские заимствования в венгерский, насчитывающие около 400 слов, являются наиболее информативным материалом по этой теме.

Здесь необходим небольшой исторический экскурс. Согласно историческим источникам, сведения о народах, могущих быть тюркскими, впервые всплывают в связи с появлением на исторической арене сюнну. Степная империя сюнну, конечно, как и все известные образования подобного рода, не была моноэтнична, однако, судя по (хотя и чрезвычайно ограниченному) дошедшему до нас из китайских источников языковому материалу, тюркский элемент в ней присутствует (см. подборку в Дыбо 2007: 66–115). Более того, датировка начальных сведений о сюнну в китайских исторических источниках — III в. до н.э. — достаточно хорошо соответствует времени первого расщепления тюркской семьи и

Языковой материал, на котором строится эта типология, к сожалению, к настоящему времени следует признать ограниченным и не всегда хорошо проработанным с этимологической точки зрения. Пожалуй, наибольший интерес для исторической лингвистики представляет типология, предлагаемая в статье: Burlak 2013; ср., впрочем, неоднозначные результаты её применения к раннесредневековому тюркскому материалу, изложенные в: Дыбо 2021.

выделения болгарской группы. В связи с этим ряд авторитетных учёных-тюркологов (ср., например, позицию Н. А. Баскакова (1960) и К. Менгеса (Menges 1995)) часто прямо связывают начало передвижения сюнну с отделением и постепенным уходом на запад болгар³. Соответственно этому, прародину тюрков помещают в северо-западную часть Центрально-Азиатского плато, между горами Алтая и северной частью Хинганского хребта. К I в. до н.э. отдельные племенные группы сюнну-гуннов сдвинулись на территории современного Южного Казахстана, в IV в. н.э. начинается нашествие гуннов на Европу, к концу V в. в византийских источниках появляется этноним «булгары», обозначающий конфедерацию племен гуннского происхождения, занимавшую степь между бассейнами Волги и Дуная. В дальнейшем болгарская конфедерация делится на волжско-булгарскую и дунайско-булгарскую части; наиболее характерным в языковом отношении реликтом первой из них является, по-видимому, современный чувашский язык. Отколовшаяся от пратюркского раньше всего, болгарская языковая группа, предположительно, обладала значительными языковыми особенностями. Их демонстрирует, в частности, современный чувашский, но и о более раннем состоянии болгарского языка можно составить представление, прежде всего по болгарским заимствованиям в венгерском языке⁴. Предки венгров, по-видимому, присоединились к гуннской (булгарской?) конфедерации на юге Западной Сибири и вместе с ней продвигались в бассейн Дуная. Представительный массив тюркизмов в венгерском, обладающих выраженными болгарскими особенностями, был исследован, в частности, Л. Лигети (Ligeti 1977); в упоминавшейся книге Рона-Таша и Берта (OWT); об особенностях фонетического освоения заимствований и лежащих за ними особенностях идиома-источника см. также наши четыре статьи (Дыбо 2010; 2011a; Дыбо, Норманская 2013; Дыбо 2016a). Это, например, такие явления, как *r* в соответствии с общетюркским *z*: ср. венг. *ökör* 'вол', ПТ **ökiür*, ОТ *öküz*, чув. *вӑкӑр*; палатализация перед пратюркским дифтонгом, вызвавшая появление *š*- в соответствии с пратюркским **s*-: венг. *sár* 'грязь'

³ Противостоит этому воззрению — отождествлению европейских гуннов и сюнну китайских летописей, — агностическая точка зрения, обоснованная, например, в: Maenchen-Helfen 1945; 1978; Дёрфер 1986. Ср. более новую полемику с ней в: Wright 1997; La Vaissière 2005; Ковалев 2002; 2002a.

⁴ Имеется некоторое количество дунайско-булгарских глосс в славянских и греческих письменных памятниках, а также волжско-булгарских глосс в арабоязычных надгробиях, но на их основании трудно делать какие-либо лингвистические выводы, скорее, они сами нуждаются в интерпретации с помощью косвенных данных. Последние по времени развернутые обсуждения проблемы см. в: Erdal 1993 и Мудрак 2005.

[ʃa:r], ПТ **siār* ‘болото, грязь, камыш’, чув. *šor*(ь), тркм. *sāz*. По нашим теперешним представлениям, болгаризмы в венгерском делятся на две группы, позволяющие предполагать два хронологически разных слоя заимствований. В первой группе предполагаемый облик тюркских прототипов мало отличается от прагноркского состояния⁵ (за исключением «чувашской палатализации» — перехода **s-* > *š-* перед **i*, **i*). В другой прототипы обнаруживают значительные сходства с прототипами заимствований из дунайско-булгарского в южнославянские языки. Соответственно, первую группу заимствований в венгерском можно отнести к «the Pre-Conquest Layer» (Róna-Tas 1988: 52, «до Переселения») — это заимствования, происходившие, скорее всего, на территориях Волго-Камского, либо, как сейчас предпочитает считать А. Рона-Таш (Róna-Tas 2005: 436–438), Доно-Кубанского ареалов (V–VII вв. н.э.). Вторая же группа болгаризмов в венгерском — заимствования из дунайско-булгарского, происходившие на территориях, близких к нынешней Венгрии; правила их фонетической адаптации в венгерском совпадают с правилами адаптации ранних славянских заимствований, попавших в венгерский язык в период, «хронологически близкий к завоеванию венграми Среднего Подунавья (895–900 гг.)» — см. эти правила в: Хелимский 2000: 422.

2.1.0. Вопрос о тюркизмах в праславянском

В славянских языках также обнаруживается значительный пласт тюркизмов, явно демонстрирующих «булгарские» фонетические особенности. Дискуссионной проблемой является, имеются ли среди этих заимствований заимствования в праславянское состояние, то есть до распада славянских языков на отдельные ветви.

Распад праславянского обычно помещают около V в. нашей эры (ср. Sussex, Cubberley 2006: 20). Ср., однако, предположительно более раннюю датировку, около рубежа эры, полученную и обосновываемую в Kushnarevich & al. 2015: 18. Эта разница в датировках существенна для определения возможности наличия заимствований из тюркских языков в праславянское состояние.

О контактах славян с «гуннами» (ассоциируемыми с булгарами) на раннем этапе (около V в. н. э.) могли бы свидетельствовать немногие зафиксированные «гуннские» слова: *strava* ‘поминки’ (Иордан), *medos* ‘алкогольный напиток’ (Приск: «как называют его местные жители»). Однако Мэнхен-Хельфен (Maenchen-Helfen 1978: 288–289) разумно замечает, что, чем предполагать заимствование в гуннском слова для погребально-го обряда из славянского, лучше предположить, что информантом Иор-

⁵ В «зетацистской», или «Дёрферовской», версии этой реконструкции; о нашем взгляде на проблему «зетацизма-ротацизма» см. Дыбо, Норманская 2013; ср. также Stachowski 2014.

дана был славянин. Приск, опять же, повествует о каком-то земледельческом населении, так что слово может быть славянским либо (как предполагает Maenchen-Helfen 1978: 288) германским, возможно, готским.

В (Gołab 1992: 400–412) находим подборку предположительно праславянских слов, заимствованных из тюркских языков, опирающуюся на более ранние такие списки, в частности, в (Menges 1954): **baranь*, **koza*, **moltь*, **tьma* (~ **tьma*), **xomutь* ~ **xomotь*, **slonь* < ОТ *a(r)slan* ‘лев’ < ПТ **ars(y)lan* ‘id.’, **qpirь* ~ **qpyрь* ‘упырь’ < ПТ **ōpyr* (Stachowski 2005: 448), **vьrkoць* ‘коса’ < булг. **vǎrkǎč* < ПТ **ōrkūč* (Stachowski 1998: 383); пол. *ogier* < ПТ **adgyr* ‘жеребец’ и т. д.

К сожалению, этот список составлен вполне в духе предыдущего этапа изучения славянских тюркизмов, т. е. без особого внимания к вопросу, могут ли эти слова действительно считаться праславянскими и откуда именно они могли бы быть заимствованы. Подробный критический разбор списка Голомба см. в Stachowski 2005; мы добавим несколько замечаний.

Псл **baranь* ЭССЯ I: 157–159; Аникин РЭС II: 195–196: вдобавок к демонстрируемому М. Стаховским (ср. также Stachowski 2017b) отсутствию релевантного раннетюркского этимона [Шипова 1976: 59: тат., башк. *bārān* ‘ягненок’; казах. *beren* ‘овца’; чаг. *bārān* ‘ягненок’ (со ссылкой на Радлов 1911: 1597); шор. *marāš* (< ? *marā=č* [Demin.]) ‘овца’ (со ссылкой на Радлов 1911: 2026); тур. *marya* ‘овца, коза’ (со ссылкой на Радлов 1911: 2030); турецкая форма явно не имеет отношения к остальным; изменение рядности гласных в кыпчакских языках скорее характерно для заимствований] — имеем нарушения фонетических соответствий между славянскими формами (Аникин: «Псл **baranь*, возможно, и **boranь*, **beranь*»). В качестве источника в праславянском предлагался также доиндоевропейский субстрат, для которого ср. трактовку, связывающую его с баскским языком, в: Dieterlen, Bengtson 2016. Нам кажется также правдоподобным иранский источник (уже в разделённые языки): пехлеви *wara:n* ‘ram’ Mackenzie 1971: 87; Kümmel 2017: ‘young sheep’ — ПИИр **wár(h)an-* m. ‘lamb’ > ПИр **waran-* = вед. *úrān-*; < ПИЕ **wṛh₁én-*; но непосредственный источник остаётся неясным (возможно, через тюркский, но не позднебулгарский, поскольку в последнем не было запрета на начальное *w*, *v*, который мог бы привести к замене его на *b*).

Из не отвергнутых М. Стаховским этимологий остаются две, также ненадежные:

Псл **obьrь* / **obьr=инь*: др.-рус. обьре ‘авары’ (ПВЛ), словен. *óber* ‘великан’, чеш. *obr* ‘то же’, словц. *obor*, др.-пол. *obryzm*, пол. *olbrzym* ‘исполин, великан’, в.-луж. *hobr*, ср.-греч. Ἀβαρ, мн. Ἀβαρες (Ἀβαρεῖς), Ἀβαροι, лат. *Avarēs*, *Avarī* || Предположительно от тюрк. *aba-* ‘to oppose’⁶ (Go-

ĭab 1992: 399–400; ЭССЯ 30: 128). Стаховский (Stachowski 2005: 44–47) объясняет пол. *olbrzym* контаминацией с др.-рус. *ольвьры* (Слово о полку Игореве), что кажется правдоподобным. Древнетюркский этноним *arar* существует (ДТС: 47, КТб). Славянский и греческий этнонимы не обязательно тюркские по происхождению, ср., во-первых, проблемы с производящей основой; во-вторых, с фонетикой: прежде всего, озвончение срединного согласного, отраженное как в славянском, так и в греческом (впервые у Приска, т. е. середина V в. н.э.), если это тот же этноним, что др.-тюрк. Ранние тюркизмы в венгерском, которые соответствуют по времени историческому появлению авар (и упоминанию у Приска), не демонстрируют такого озвончения (Дыбо, Норманская 2013: 20–21), озвончение характерно для позднебулгарского слоя заимствований в венгерском (IX–X вв.). Таким образом, происхождение этнонима затемнено.

Псл. **x(ь)rěnъ*, а. п. *a* или *d* (> укр. *xpін*, серб.-цслав. *xpѣнъ*, болг. *xpън(ът)*, с.-хорв. *xpěн*, род. п. *xpěна*, словен. *hrěn*, род. п. *hrěna*, др.-чеш. *chřěn*, чеш. *křen*, словц. *chren*, пол. *chrzan*, в.-луж. *khřěn*, н.-луж. *kšěn* Фасмер 4: 275) || Предложена остроумная этимология (Räsänen 1950: 126) < чув. *xěren* ‘id.’ Ашм. 17: 40 [= ОТ **kiz-gan* ‘раскаленный, жгучий’] < *xěr-* ‘раскалиться, покраснеть (о раскаленном предмете); прогоркнуть’ [= ОТ **kiz-* id.] (Федотов 1996. 2: 343). К сожалению, с исторической стороны она не согласуется, как указывает Фасмер, с упоминанием слова *κεράϊν, cerain* ‘дикая редька’ у Теофраста и Плиния, т. е. с III в. до н. э. (тогда это, вероятно, бродячее слово, возможно, фракийского или иллирийского происхождения). С тюркологической же точки зрения, дунайско-булгарские заимствования в венгерском и славянских (как и раннебулгарские заимствования в венгерском) отражают ПТ **i* как *a* (см. Дыбо 2010; Дыбо, Норманская 2013), а не как редуцированный; слав. *ъ* же в булгаризмах восходит обычно к ПТ **i* в позиции не перед сонантом. В волжско-булгарских надписях (с XIII в.) гласные верхнего подъема **i* и **i*, по-видимому, ещё не перешли в редуцированные, записываясь систематически как */i/* (Erdal 1993: 149). Таким образом, никакой из возможных по времени фиксации вариантов булгарского языка не мог стать источником Псл **x(ь)rěnъ*. В то же время, чуваш-

⁶ Слабо зафиксированная и плохо этимологизируемая тюркская основа: Радлов 1: 620 (османский и чагатайский по словарю шейха Сулеймана, в котором есть османизмы) ‘absagen, ungehorsam sein’; тур. диал *aba-*, одно из значений которого, действительно, ‘сопротивляться, настаивать на своём’ (*muhalefet etmek, dayatmak*), второе ‘препятствовать’ (*menetmek*) (TDDS 1, 61); вероятно, сюда же тур. *aban-* ‘опираться на что-либо’ (*dayanmak, yaslanmak*), которое Tietze 2002: 71 связывает с др.-тюрк. *abîn-* ‘прятаться’, крх. *abi-* (гапакс у Махмуда) ‘to hid, conceal’ (EDT: 6).

ское слово вполне может быть и адаптированным (с обычной разбивкой начального кластера редуцированной гласной) русизмом.

По нашим теперешним представлениям, все заимствования в славянские языки из тюркских языков болгарской группы (коллекция таких заимствований собрана прежде всего в работах И. Г. Добродомова) делятся на две категории: дунайско-болгарские заимствования в южнославянский и волжско-болгарские заимствования в восточнославянский.

2.1.1. Слова, заимствованные в ходе языковых контактов дунайских болгар и южных славян

Довольно много дунайско-болгарских слов попали в диалект, на котором основан старославянский язык, и распространились в восточнославянские, а также частично в западнославянские языки с литературным языком славянского мира. По историческим основаниям эти заимствования должны быть датированы VIII–IX вв. н.э. №3, что правила фонетической адаптации этой лексики в славянских языках очень напоминают правила адаптации дунайских болгаризмов в венгерском, а слова часто совпадают с ними⁷.

(Ниже мы славянские формы условно выписываем под звездочкой, не имея в виду, что это реконструкция праславянского состояния.)

Например:

**tojaǵь* 'дубина, посох', др.-рус., цслав., болг., с.-хорв. (Фасмер 4: 91) || ПТ **daj-n-a-k* 'посох', чув. *toja*, як. *tajax*, *tajax*, долг. *tajax*, *tańak*, др.-уйг., крх.-уйг.. *tajaq*, тркм. *tajaq* (EDT: 568, TMN 2: 445, Щербак 1997: 152).

samъ-čьjъ* 'дворецкий', ст.-слав. **самъччи (Супсл.) Фасмер 3: 554–555 || Др.-булг. **sām-čī*, агентивное существительное от существительного ПТ **sā-m*, булг. > венг. *szám* 'цифра' (MNYTESz 3: 667), с 1086 г., чув. *sum* 'число, счёт', имя от ПТ **sā(j)*- 'рассчитывать, полагать', Refl. **sā-n-* (чув. *su-*, *svv-*, Refl. *sun-*, як. *ā-x-*, тркм. *sāj-*; булг. > венг. *szán-* 'жалеть' (MNYTESz 3: 672, с 1372 г.), ср. тркм. *sān* 'цифра, счёт, количество' (VEWT: 390, EDT: 781–782, ЭСТЯ 2003: 132–134, Федотов 2: 53). Современное болгарское диал. *самсър* 'нелюдим', 'обжора; ненасытный' и под. (БЕР VI: 472–473), по-видимому, дун.-булг. заимствование (**sā-m* 'число; уважение' + **-sUr* 'без', чув. *-svr*, стандартный тюркский *-slz*). Вероятно, упомянутые в (БЕР VI: 472–473) тур. *somsur*, диал. *sonsur* (THADS: 3664) 'угрюмый' сами заимствованы «обратно» из болгарского.

Ст.-слав. **капъ** ж. 'облик', 'статуя, идол', **капниште** 'языческий храм', болг. *kāniщe* (Фасмер 2: 185–186, Младенов 1941: 231) || Из дунайско-болгарского **kāp* < ПТ **gāp* 'форма, пример, изображение', ранне-болгарское > венг. *kép* (ē/ě) (нечередующаяся долготы) 'внешний вид, пор-

⁷ Таблицы соответствий гласных и их обсуждение см. в: Дыбо 2011б, соответствий согласных и их обсуждение — в: Дыбо, Норманская 2013: 21–22 и далее.

трет' (MNYTESz 2: 447–448, с 1315 г.), чув. *kap*; як. *kiep*, тркм. *gār* (EDT: 686, VEWT: 253, ЭСТЯ 1997: 44–45).

ст.-слав. **хорѣгы** (Супсл.), = др.-рус.; болг. *хорѣгва* (Младенов 1941: 670), с.-хорв. *xòpyǎva*, *òpyǎva*, *xoryǎa*, *kòrugva*, словен. *karóglā* (< **karǫgva*), чеш. *korouhev*, др.-чеш. *korúhva*, слвц. *korúhev*, пол. *chorągięw* (ж.) и т. д. (Фасмер 4: 268–269) || Дун.-булг. **horungu* < ПТ *(*h*)*orungu* 'флаг' (EDT: 236) (орхон. *uruŋu*, IbnüMuh *ūrŋu*, др.-уйг. *sariŋ uruŋuluŋ* 'имеющий жёлтый флаг'; > п.-монг. *orungo*, *orungga* 'флаг', ср.-монг. (Hua-i i-yu = 華夷譯語) *oraŋqa* 18 'знамя, флаг', калм. *оrŋэ* (KWb: 289)).

Слав. **kvarь* 'вред, ущерб' (юж.-слав., слвц., гуцул.) (ЭССЯ 13: 150 (внутриславянская производность, предлагаемая там, выглядит неубедительно)) || ПТ **kōr* 'вред, убыток, ущерб', дун.-булг. **qvār* > венг. *kár* 'вред' (Ligeti 1977: 3–4, MNYTESz 2: 370, с 1019 г.; EDT: 641–642, 645–646, ЭСТЯ 2003: 73–74, Федотов 2: 369).

Ст.-слав. **верига** 'цепь' (юж.-слав., рус.) (Фасмер 1: 299 (но славянская этимология, приведенная там, неубедительна из-за невозможной деривационной модели)) || ПТ **ōr-ik* (ПТ **ōr-* 'плести' > венг. *ver-*), ср. чув. *vər-en* 'толстая веревка' (ЭСТЯ 1974: 544–546).

Слав. **тъма* '10 000; очень много', рус., укр. *тъма*, блр. *цьма*, др.-рус., ст.-слав. **тъма**, **тѣма** (Син. Пс., Супсл., Остром. Ев.), словен. *temà*, др.-пол. *ćma* || ПТ **tūmen* '10 000, мириада', як., тркм. *tūmen* (TMN 2: 632–642, EDT: 507–508; СИГТЯ 2000: 574–575) ≧ пра-тох. **tāmāne* '10 000', А *tmām*, В *t_(ω)māne* (Adams 1999: 301 — средне-иранский источник, Adams 2013: 318–319 — уже скорее др.-тюрк. [однако не < кит. 萬 '10 000', совр. *wàn*, < ранне-ср.-кит. **miuan^h*, < др.-кит. якобы **tman* — ввиду крайне сомнительной др.-кит. реконструкции]); др.-тюрк. > перс. *tūmān* '10 000'.

Слав. **kъniga*, ст.-слав. **кѣнига** (Супсл., Марин. Ев., Зогр. Ев., Ассеман. Ев.), болг. *kniga*, серб. *knjiga*, словен. *knjiga*, чеш., слвц. *kniha*, пол. *księga*, в.-луж. *kniha*, н.-луж. *knigwu* (Pl), рус., укр. *kniga*; ст.-слав., др.-рус. **кѣнигъчни** 'библиотекарь' (Супсл., Марин. Ев., Зогр. Ев., Черноризец Храбрь), рус. *книгочѣй* 'библиоман'. Из дун.-булг. **kūnik/g* > венг. *könyv*, др.-чув. **kōñiv* > морд. *koñov* 'бумага'; зап.-осет. *kīnyg* 'книга, буква'. < ПТ **kūin* с димин. суф. *-ik* (Erdal 1991: 40–43). > Др.-тюрк.: др.-уйг. *kūin bitig* [KWN PYTUK] 'том' (Hamilton 1986, 15: 6) || VEWT: 307; Фасмер 2: 262–263. Из кит. 卷, совр. *juàn*, ср.-кит. *kwèn*, др.-кит. *kwren2-s* 'свиток, том'; зап.-ханьск. *kwriján*, вост.-ханьск. *kwrán*, ранне-постклассический др.-кит. *kwén* (Karlgren 1923: 0226).

Ст.-слав., др.-рус. **шарѣ** 'краска', **шарѣчни** 'художник', **шарити** 'рисовать', болг. *шар* 'пятно'; с.-хорв. *šāra* 'узор', *šāra* 'пеструшка', словен. *šār* 'пёстрый' || Булг. **šir* 'краска', ПТ **sir* 'цвет, краска, лак', чув. *сьрь* 'цвет, краска' < кыпч. (ЭСТЯ 2003: 409). ПТ < кит. 漆, совр. *qī*, ср.-

кит. *chjit*, др.-кит. *shit*, зап. Хань, вост. Хань *shjət*, ранне-постклассический др.-кит. *shjit*, [диал. *shjir*] 'лаковое дерево, лак (*Rhus vernicuflua*)' (Karlgren 1923: 0401 b).

Юж.-слав., зап.-слав. **kargu(l)jь* 'ястреб, сокол' > ст.-слав., цслав. **кѣрꙋгꙋчнѣ**, **кѣрꙋгꙋчнѣ**, болг. *кѣрꙋѣ*, диал. *карꙋѣ*, *караꙋѣ*, *кѣрꙋѣ*, *карꙋѣ*, *крѣꙋѣ* (БЕР II: 703–703), мак. *кѣꙋѣ*, с.-хорв. *кѣꙋѣ*, *кѣꙋѣ*, *кѣꙋѣ*, *кѣꙋѣ*, словен. *kráguj*, Gen *krágujja*, *krágujjec*, чеш. *krahujec*, *krahuj*, *krahulec*, *krahul*, морав. *krahulák* (см. также: Fialová Karpenková 2006: 33–34), словц. *krahulec*, пол. *krogulec*, *krahulec* (< чеш. или словц.), *kregulec*, в.-луж. *kraholec* (< чеш.), *kroholec*, *škraholec*, *škholec*, диал. *кѣꙋѣ*, *кѣꙋѣ*, *кѣꙋѣ*, *кѣꙋѣ*, н.-луж. *kšagolec*, *kšagłow*, ст. *krogul*, помор.-словин. *krogulc*, укр. *кѣꙋѣ*, *кѣꙋѣ* ст. (< чеш.), *кѣꙋѣ* (< пол.), *кѣꙋѣ*, *кѣꙋѣ* (*кѣꙋѣ*), *кѣꙋѣ* (*кѣꙋѣ*), *кѣꙋѣ* (ЕСУМ 3: 72–73, 107; 5: 285), блр. диал. *караꙋѣ* || Дун.-булг. > венг. *karvaly*; ПТ **Kirkuj* 'ястреб, сокол', чув. *хѣꙋѣ*, як. *kirbij*, тркм. *giryi* (EDT: 654–655, ЭСТЯ 2003: 231, 232–235).

Цслав. (рус.) **блѣꙋꙋчнѣ**, **блѣꙋꙋчнѣ** 'кузнец', ст.-болг. **блѣꙋꙋчнѣ**, болг. *блѣꙋꙋчнѣ* 'плотник' || ПТ *bilgüci* 'мудрец', чув. *pələvə?* Дун.-булг. > венг. совр. *bölcs*, с 1211 г., *belcs*.

Слав. **birь* 'налог', **birčijь* 'мытарь': ср.-рус. **бир**, **бирчнѣ**, болг. *бир*, с.-хорв. *bír*, словен. *bír* (Фасмер I: 166) || Ср. венг. *bér* (*ē*) (нечередующаяся долгота) 'налог' (MNYTESz I: 280–281, с 1121 г. (*Byr*)). ПТ **bēr-* 'давать', чув. *par-*, як. *bier-*, аз. *ver-*, тркм. *ber-*, салар. *be(r)-*, *ve(r)-*, *vē(r)-*, хал. *vīr-* (ЭСТЯ 1978: 114–116, EDT: 354–355). Венг. может быть из ПТ **bēr* (менее возможно) или **bēr-i*. Вопреки EWU, заимствование из **bēr-gü* должно было бы сохранить конечный гласный. (Ligeti 1977: 355: венг. < слав., но тогда скорее ожидалось бы др.-венг. **ī*, венг. *i* или *i*).

Через болгарское посредство в славянские языки попали некоторые другие восточные заимствования, напр., рус. цслав. **бѣꙋꙋчнѣ** (с XII в.) 'вид шелковой ткани', др.-серб. **бѣꙋꙋчнѣ** id. (XV–XVI вв.) (Фасмер I: 208–209) || ПТ **bārčun*: др.-уйг. будд. *barčyn*, крх.-уйг. *barčyn* 'шелковая парча'; (EDT: 357–358). Булг. > венг. *bársony* 'парча, бархат'. Тюрк. из ср.-перс. *abrēšom* [*plyš(w)m*, маних. *'bryšwn*] 'шелк' (MacKenzie 1971: 4), перс. *abrēšum* < **abi-raiš-* 'вращаться' (см. Аб. I: 132, Цаболов I: 15–16); > тур. *ibir-şim*, н.-уйг. *äbrišin* 'шелк', ср. перс. *bērīšem*. Ср. ниже (п. 2.1.2) о рус. *бѣꙋꙋчнѣ*.

Скорее всего, из дунайско-болгарского заимствован в старославянский и восточно-болгарский церковнославянский (и, по-видимому, с ним распространился на восточнославянские языки — см. [Ефимова 2006: 173] и цитированную там литературу) суффикс Nom. ag. **-ъцьбь* отглагольного и отыменного словообразования:

а) ст.-слав. **прѣлагъчии** ‘переводчик’ (из церковнославянского памятника русского извода Кирил. Иерус. Огл.: СлXVII 18: 256⁸), др.-рус. **жэгчии** ‘истопник’ (Хож. Ио. Богосл., сп. 1419: Сл.XVII 18: 79), **писъчии** (Син. пат. XI в.; **писчии** Библ. Ген. 1499: Сл.XVII 15: 56) ‘писец’, **чьръпчии** ‘виночерпий’ (Варбот 1969: 93); ср. заимствованное, по-видимому, целиком тюркское производное ст.-слав. **сокачии** ‘мясник, повар’ от ПТ **sok-* ‘забывать животное’. Источник заимствованного суффикса — ПТ *-(X)gčI ‘Nom. ag.’ (Erdal 1991: 371–373) > булг. *-(u)wčī, см. фонетические соответствия в: Дыбо 2010, Дыбо 2011а;

б) ст.-слав. суффикс отыменного словообразования **-b/ьсѣjь*, в собственно старославянском — в основном в составе заимствованных слов: **кзънигъчии** ‘книжник’, **шаръчии** ‘живописец’, **самъчии** ‘дворецкий’, **кръчии** (цслав. **кзрчии**) ‘кузнец’, ст.-болг. **блѣхъчии** ‘кузнец, мастер’, но несколько случаев свидетельствуют уже об активизации суффикса на славянской почве: **корабъчии** ‘корабельщик’, **кръмъчии** ‘рулевой’, **зъдъчии** ‘гончар’. См. Ефимова 2006: 172. Его источником должен быть ПТ суффикс отыменного словообразования Nom. ag. **-čI* (Erdal 1991: 110–118). Редуцированный в начале суффикса здесь, вероятно, возникает в процессе морфонологической адаптации заимствования. Отметим, что восточнорусскую форму на **-чии** видим в основном в составе восточных заимствований — **кззначен**, **зъзначен** ‘музыкант, играющий на зурне’, **накръччен** ‘барабанщик’, но и **кръблччен** ‘трубач’.

Заимствование суффикса подтверждает естественное предположение о существовавшем какое-то время дунайско-булгарско-древнеболгарском двуязычии. Об обратном следствии контактов, т. е. заимствовании из славянских языков в дунайско-булгарский, судить невозможно до получения общепризнанных прочтений предположительно дунайско-булгарских надписей. По-видимому, конечным следствием контактов явился постепенный переход носителей дунайско-булгарского на славянский язык.

2.1.2. Слова, заимствованные из языка волжских булгар в восточнославянские языки (на волжском торговом пути) и частично распространившиеся в западнославянские языки, в основном в польский. Эти заимствования должны, по-видимому, быть датированы позже, после возникновения государства Волжской Булгарии.

Рус. *ковёр*, Ген *-врá*, укр. *кóвер*, др.-рус. *ковьръз* (Сказание о Борисе и Глебе в Лаврентьевской летописи и др.) ‘ковёр’ (Фасмер 2: 270–271) || ПТ **gebir* или **gebür* ‘ковёр’, волжско-булг. (др.-чув.) **kavər*, < **kävör* < ПТ **gebir* или **gebür* ‘ковёр’ > крх.-уйг. *keviz*, *köwüz*; тур. диал. *köüz*. крх.-уйг. *keviz*, *köwüz* (МК); тур. диал. *köüz* (EDT: 692, ЭСТЯ: 1997: 83).

⁸ О памятнике см. Кадочникова 2011.

Вост.-слав. *воръ* (рус. с XVI в., укр. *ворюга* (Фасмер 1: 350)) || ПТ **ogri* 'вор' (раннее или дун.-булг. **ovr̥* > венг. *or, orv* (MNYTESz 2, 1096, с 1131 г.); волжско-булг. > чув. *v̆r̆* 'вор') (EDT: 90, ЭСТЯ 1974: 412–414, TMN 2: 77–78).

Рус. *бирюк* 'одинокый волк; нелюдимый человек' (Фасмер 1: 168) || ПТ **börö* 'волк' > булг. **bire-g* > зап.-осет. *beræg*, вост.-осет. *biræg* (Аб. I: 262–263); волжско-булг. > марийское *pirə, piræg* 'волк'.

Др.-рус. *трудоуе* 'знатные люди у волжских булгар', **трутъ* (Фасмер 4: 108) || др.-тюрк. *tudun* (TMN 3: 1194). МК *tudun, tūdūn*, ср.-кит. транскрипция 吐屯 *thó don* (EDT **tōdun* не совсем точно). Хазарское *Toudouvos* и т. п. (долгота *-u-* не поддается выяснению); волжско-булг. **turun*.

Цслав. (рус.) *кюнгз* 'шафер' (Райнхарт 2006) || ПТ **güdegü* 'зять', чув. *kərü*, як. *kütiö*, тркм. *gijev*.

Вост.-слав. **pirogъ* (> др.-чеш., словц., др.-пол., пол.) 'пирог': рус., блр. *пирог*, укр. *пиріг*, чеш., словц. *piroh*, др.-чеш. *pirožek* (Machek 1957: из укр. диал.), пол. *pieróg* (Фасмер 3: 265–266 (все предлагаемые славянские этимологии неубедительны; то, что слово не представлено в южнославянских, как аргумент против тюркской этимологии не работает)) || ОТ **bürek* 'пирог', волжско-булг. **börak/g* (ЭСТЯ 1978: 219) от **bür-* 'покрывать', чув. *pər-*.

Вост.-слав. **sigā-*: Рус. *сигать* 'прыгать', блр. *сiгáць* 'шагать' (Фасмер 3: 618 (то, что слово представлено в белорусском, не работает как аргумент против заимствования в восточно-славянские)) || ПТ **sājik-* 'прыгать', чув. *sik-*, як. *ekkirie-*, долг. *ekkirē-*, тур. *sek-, seji-*, аз. *säk-, säjri-*, тркм. *segre-, säkdir-* (EDT: 822, ЭСТЯ 2003: 238–240, Федотов 2: 48–49). Дун.-булг. > венг. *szök-ik-* (*ë*) 'бежать', с 1150 г. (*Zeku-*).

Передача персидского заимствования через волжско-булгарский: рус. *бурса́* 'персидская шелковая ткань' (Фасмер 1: 208–209) из поздне-волжско-булгарского > чув. *purś̆n / porś̆m* 'шелковая ткань', откуда в финно-волжских языках: мар. *порсын, парсын*, удм. *буртчин* и т. д. (Федотов 1: 447). Ср. выше о *квачни*.

Упоминавшийся выше тюркский суффикс Nom. ag. **-čI* иногда считают источником восточнославянского отыменного суф. Nom. ag. **-ьščik* > рус. *-чик/-щик* (Варбот 1969: 92; суффикс функционирует с XIII в.). Если так, то, вероятно, его появление следует связывать с ранним периодом взаимодействия восточнославянских и тюркских языков.

Что касается заимствований в обратном направлении, в волжско-булгарский, к таковым можно было бы отнести *хёресчен* 'крестьянин' — если это действительно, как указано в: Федотов 2: 344, отражение рус. *крестьянин* (в значении социального термина — с XIV в.), то это относительно раннее заимствование, так как отражает процесс

палатализации *t > č в чувашском (СИГТЯ 2006: 58–62), проходивший, видимо, также с XIV в. (подробно см. Erdal 1993: 126; о колебаниях типа *elti* и *velči* под 1307 г. см. Róna-Tas 1976). Но ср. СРНГ 15: 240: *крещёный* в значении ‘крестьянин’, практически в общерусском употреблении; оно также могло быть источником чув. слова, и в этом случае ничего нельзя сказать о датировке заимствования.

Очень ранним заимствованием должно быть чув. *кёңчеле*, диал. *кӑнчала* ‘пучок кудели для прядения; пряслице’ из гипотетического др.-рус., сохранявшего носовой гласный **kōželb*, > рус. *кўжель*; слово, как будто, праславянское, но ср. проблемы со славянской этимологией (Фасмер 2: 401–402, ЭССЯ 12: 80–82). Таким же образом отражает праславянский носовой гласный предполагаемое заимствование из ПСл **gōba* (~ рус. диал. *зўба*) ‘гриб’ > волжско-булгарское **g/kümpä* > чувашское *кӑмна* ‘гриб’ (упереднение гласной связано с тем, что в волжско-булгарском заднеязычные взрывные в заднерядных словах уже стали спирантами — см. Erdal 1993: 114–116; ср. др.-рус. *Холѹжьикое море* из булг. < ПТ **kapig* ‘ворота’); из волжско-булг. заимствованы тат., башк. *gömbе*⁹.

Ср. отнесение к раннему заимствованию из славянского («в хазарскую эпоху») слав. **selo* > *sala* (чув., тат., башк., ктат., караим. *sala*); тюркское слово территориально явно связано с Поволжьем и Крымом; см. подробное рассмотрение материала и аргументации в: Добродомов 2008: 198. Это должно было быть в таком случае заимствование из славянского в язык булгарского типа с последующим переходом ПТ **ä* > дун.-булг., волжско-булг. *a* (ср. упомянутые выше дун.-булг. **kāp* < ПТ **gāp* ‘форма, пример, изображение’, волжско-булг. **kavər* < ПТ **kābir*), т. е. в период, близкий к первому периоду заимствований из булгарского в венгерский.

2.2. Ранние общетюркско-славянские контакты

Приблизительно к X в. н.э. относится появление на территории Восточной Европы тюркских народов, говоривших на языках западно-кыпчакского и, возможно, огузского типов. Носителями огузского языка, возможно, были печенеги (если судить по этнониму: может восходить к огузскому **bāža-nak* ‘своjak’ [термин родства]). Достоверных следов этих ранних огузских контактов пока не удается обнаружить. Заимствования из тюркских языков кыпчакского типа, демонстрирующие примерно те же историко-фонетические свойства, что так называемые кумано-печенежские заимствования в венгерский¹⁰, находим в старославянском и церковнославянских языках:

⁹ Неясно отношение к тур. *gömelek*, аз. *göbäläk*, тркм. *kömelek* ‘гриб’ (ЭСТЯ 1997, 101).

samala 'дѣготь': фиксируется в тюркских памятниках с самого начала XIV в.: куманский (Pech, 'p'icis' СС: 83, 15; 1303 г.), мамлюкско-кыпчакский АН (XIV в.), чагатайский (*samala türtdi aña* 'добывает ему смолу' Мукаддимат ал-Адаб 102-8 (XV в.), см. Yüce 1993: 172; рядом *tögüt türtdi aña* 'добывает ему дѣготь') (VEWT: 399).

3. Тюрко-славянские контакты «послемонгольского» периода

3.1. Тюрко-восточнославянские контакты

Экспансия монгольской империи Чингисхана в Восточную Европу в начале XIII в. сопровождалась передвижением центрально-азиатских кыпчакских народов — носителей языков так называемого ногайского, или восточнокыпчакского, типа. Многочисленные кыпчакские заимствования находим в восточнославянских языках, в том числе в их письменных памятниках периода Золотой Орды и непосредственно следующего за ним. В частности, это терминология государственных и социальных учреждений, экономической деятельности, военная; масса бытовой лексики¹¹: рус. *яму́цк*, *казáк*, *тамгá* (с собственно-русским производным *тамóжня*), *ари́йн*, *барыш*, *деньгá*, *алты́н*, *армя́к*, *утио́г*; укр. *коза́к*, *ари́йн*, *барыш*, *алты́н*, *армя́к*, *утио́г*, *иша́к* и др. Насколько можно судить, для русского языка это в основном заимствования из поволжско-тюркского («старотатарского») идиома (напр., ОТ **äsäk* 'осел' > рус. *иша́к*, основа фиксируется с 1567 г.: *ишечокъ* (СлХVII б: 358) с признаком поволжского перелома гласных **ä* > *i*, ср. тур. *eşek*, тат. *ишэк* 'то же'). В частности, через позднесредневековые тюркские языки в русский и другие восточнославянские поступило значительное число арабских, персидских и монгольских по происхождению слов [*казна́* (перс.), *алма́з* (араб. из греч.), *карау́л* (монг.)].

В украинском и южнорусских диалектах, кроме того, значительное количество тюркизмов восходит к крымско-татарским огузским и ногайским диалектам: укр. *байо́ра* 'большая лужа, яма, промоина в реке' из ктат., тур. *bayır* 'склон горы', 'сугроб', 'холм' (ОТ **bagır* 'печень'); укр. *катиу́к* 'кисет' из ног. *катиу́к* (ОТ **kāp-čik* 'мешочек' с ногайским переходом **č* > *š*). См. Гаркавец 2000: 641.

О более сложных путях проникновения тюркизмов в русский язык см. НРЭ.

Относительно лексики восточнославянского происхождения в позднесредневековых памятниках тюркских языков см. выше; по-видимому, её достаточно много только в памятниках письменности тех тюркских народов, которые жили на территориях славянских государств и

¹¹ Вопреки распространенному заблуждению, среди «матерных» русских слов нет тюркских заимствований, и почти все они по происхождению славянские.

были постепенно ассимилированы, ср. армяно-кыпч. (Каменец-Подольский, XVI в., «поздне-половецкий») *боставлені* 'установление' (ст.-укр. *поставленнѣ*), *вірны* 'тот, кто принимает присягу' (укр. *вірний*), *колода* 'дыба' (укр. *колóда*) (Грунин 1967: 388–397).

Видимо, как ранние (до XVI в.; или диалектные) должны рассматриваться некоторые русские заимствования в чувашский (оттуда проникшие в другие тюркские языки Волго-Уральского региона), из-за специфического фонетического облика:

чув. *вёлле* 'улей' из рус. *улей* с дифтонгизацией начальной огубленной гласной;

чув. *мих* / *михё* 'мешок' из др.-рус. *мѣхъ* > сев.-рус. *miex*, *miх*;

См. подборку таких заимствований в: Адягаши 2005 (хотя анализ в ряде случаев спорный), также Адягаши 2015 и другие работы этого автора.

3.2. Западнославянские языки в этот период получают тюркизмы, по-видимому, в основном через восточнославянские из кыпчакских языков; польский — также непосредственно от польско-литовских «татар» (ср. ниже о караимах, п. 4.3); основной путь османских заимствований — через венгерский из османско-турецкого. См. Stachowski S. 2007; 2014.

Польский из кыпчакского непосредственно:

atlan 'на конь!', татарская команда при отправлении в поход (IMP.2 глагола *at=la-n-* 'садиться на коня' (лошадь=DENOM-REFL) (Brückner 1927: 8);

basalyk 'кнут со свинцовым шариком', пол. диал. *basalyk*, *basalyga* 'бич, кнут', 'бездельник, верзила' (Karł. 1: 55), ст.-пол. *baszalyk*, *bassalyk* 'бич со свинчаткой' ок. 1500 г. с XV в. (ОТ **basulik* от др.-тюрк. *basu* 'пест' (ДТС: 86) + суфф. *-lik* (Stachowski S. 1995: 162; Brückner 1927: 17)). Из польского укр. *басалык* XVIII в., ст.-блр. *басалыкъ* (ЭСБМ 1: 323), рус. диал. *басалык* 'кистень, особенно долгий'.

Ср. полонизмы в языке упомянутых выше армяно-кыпчакских памятников на территории Речи Посполитой:

моцны 'уполномоченный', *моцоват* 'уполномочить' (Грунин 1967: 399) из пол. *тоспу*, *тосоваć*

wymywić 'заявить' (Грунин 1967: 389) из пол. *wymówić*.

Тексты памятников (деловые документы) демонстрируют также калькирование конструкций делового славянского языка Речи Посполитой (но, конечно, на этом основании трудно говорить о структурных славянских влияниях на живую тюркскую речь).

Польский из кыпчакского через восточно-славянские:

baskak (1786) из укр. *баска́к*, рус. *баска́к* < др.-рус. *баскакъ*, (Ипатьевск. Новгород. I летоп. и др.) 'сборщик податей' (Stachowski S. 1995: 162). ОТ *bas=kak* (давить=NOM.AG.).

buhaj ‘бык’ (с XVII в.) из укр. *буга́й* (на укр. источник в польском указывает, возможно, *h*) (Sł 1: 48; Stachowski S. 1995: 162), откуда и молд. *буха́й*, рум. *buhái* (ЕСУМ 1: 275). ОТ **buka* > старо-кыпчакское *buga* ‘бык-производитель’.

Польский из турецкого непосредственно:

tytoń, tytuń; tiutuń, tutuń (с XVII в.) из тур. *tütün* ‘табак’ (оттуда же в других славянских языках: серб. *тјутјун*, рус., укр. *тютюн* ‘табак’, блр. *цюцјон*).

Польский из турецкого сложным путем:

ciżma (с XVI в.), ‘мягкие кожаные сапоги’ из венг. *csizma* ‘id.’ (с 1492 г.), из тур. *çizme* (вероятно от *çiz-* ‘чертить’).

3.3. Тюрко-южнославянские контакты

Со второй половины XIV века южнославянские языки — среднеболгарский, старосербский, старомакедонский — попадают в область влияния Османской империи. Национальная политика Османской империи была направлена на ассимиляцию, производились переселения, образовывались смешанные турецко-славянские села, развивался турецко-славянский билингвизм. Соответственно, языки получили очень много лексических заимствований из османского турецкого, в том числе в бытовой лексике. Хорошо фиксируются османизмы с начала XVI в. См. Stachowski S. 1967; 1971; 1973; 1992.

Болгарский:

ага ‘богатый господин’ (с 1544) из осм. *ağa* ‘то же’ < ОТ **āka* ‘старший брат; почтительное обращение’;

алтѣн ‘золото’ (XVII в.) из осм. *altın*;

атлия ‘всадник’ из осм. *atlı* ‘то же (лошадь=СОМ);

Заимствованы через османский многие персизмы и арабизмы:

алмаз из осм. *almas* из араб. *ʿalmās* (из греч.);

бадѣм ‘миндаль’ из осм. *badem* из перс. *bādām*;

В том числе заимствован противительный союз *амѣ* ‘но’ из осм. *ama*, араб. *ʿammā*.

Заимствованы, то есть употребляются не только в лексических тюркизмах, но и с основами другого происхождения, некоторые относительно продуктивные словообразовательные суффиксы:

-*джія*: *ловджія* ‘охотник’ от *лов* ‘охота’, *бетонджія* ‘бетонщик’ от интернационализма *бетон* (осм. Nom. ag. *-cI* < ОТ **-čI*, ср. выше).

-*лѣк*: *овчарлѣк* ‘профессия овечьего пастуха’ от *овчѣр* ‘овечий пастух’, *войниклѣк* ‘военная служба’ от *войник* ‘солдат’ (осм. Nom. abstr. *-Ik* < ОТ **-Ik* Erdal 1991: 121–130).

Иногда на счет османского влияния относят некоторые грамматические явления болгарского языка (и других языков Балканского языково-

го союза), как то: постпозитивный определенный артикль (связывая с тур. показателем принадлежности 3 л. *-(s)I*, который (как и во всех тюркских языках) может выражать конкретную референтность, что близко к семантике определенности) или выражение категории непря- мой эвиденциальности с помощью старого показателя результата (тур. *-mİş*), но это маловероятно (болгарский определенный артикль *-ът* восходит к праславянской местоименной энклитике, рефлексы которой употребляются в качестве фокусной частицы, например, в севернорус- ских диалектах, так что постпозитивность болгарского артикля обусло- влена внутриславянскими причинами; развитие семантики эвиденци- альности у результата — типологическая фреквенталия).

Специалисты отмечают, что в течение второй половины XX ве- ка целенаправленная языковая политика в Болгарии привела к зна- чительному уменьшению частотности употребления лексических и словообразовательных османизмов.

Приблизительно так же, как болгарский, выглядит корпус лексиче- ских заимствований-османизмов в македонский, сербский (и штокав- ский диалект хорватского) языки. Заимствованные суффиксы встреча- ются вместе с сербскими основами по крайней мере с конца XVII в.: *žrđ- баџиџа* ‘грабитель’; *оџаклиџа* ‘злодей’, от *оџџа* ‘грубый; злой’ [как и его (квази)омоним *оџџаклиџа*, *оџџаклиџа* ‘овчинный тулуп (мехом наружу)’, от фразеологизма *оџџака сџџрана* ‘изнанка’] + осм. *Сом -II* < ПТ **-IIg* (Erdal 1991: 139–154); *злочесџџлук* ‘свойство быть злым’, от *злочесџџ* (Радић 1995: 399–405; Радић 2001).

В словенском и словенских диалектах, чакавском и кайкавском диа- лектах сербо-хорватского (на территориях, не входивших в Османскую империю) турцизмов значительно меньше и в основном они опознают- ся как заимствования из соседних славянских языков (Pintarič 2012).

Заимствования из славянских языков в османско-турецкий отме- чаются с XVI в.:

kuluџка ‘наседка’ (с 1501 г.) из болг. диал. *кџџка* (Eren 1999: 264); *kabaniџа*, *карпаниџа* ‘меховая безрукавка’ из болг. или серб. *каба- ниџа* (из итал.) (Eren 1999: 199);

izbe ‘укромное место’ (с 1574 г.) из болг. или серб. *изба* ‘кладо- вая’ (Eren 1999: 197);

viџne ‘вишня’ (около 1683 г.) из болг. *виџина*, диал. *виџиня* или серб. *виџиња* (Eren 1999: 436);

совр. тур. *kral* ‘король’, из серб. *кџџаљ* и *кџџаљиџа* ‘королева’ из серб. *кџџаљиџа* (но осм. *kiral* ‘король’, по мнению М. Рясянена, из венг. *ki- rály* (VEWT: 266); хотя может быть и из славянского с устранением начального кластера с помощью вставной гласной).

4. Контакты в новое время

4.1. Контакты между тюркскими и русским языками на территории Российской империи, СССР и современной России.

В этот период литературный русский язык заимствует из тюркских в основном слова, обозначающие местные тюркские реалии (*ир-бис, айран, кобыз*).

Локальные говоры русского языка заимствуют и в это время в значительных количествах бытовую тюркскую лексику из территориально близких идиомов. См. подбор такой лексики, в частности, в: Аникин 2000. Из мало известных примеров: русский (поволжский) подзыв теленка *прунь-прунь* (подзвывы — классическая область имитативной лексики) явно отражает заимствованную из чувашского языка основу *пӑру* 'телёнок' (точное соответствие общетюркскому **buzagu*); ср. чувашские подзвывы: *пӑру-шкӗ* (с уменьшительно-ласкательным суффиксом марийского происхождения) и *пӑру-лли* (уменьшительный афф. — ср. Левитская 1976: 150); русский подзыв формально — редупликат вокатива, характерного для личных имен, и содержит суффикс *(-у)н'-а*), также характерный для уменьшительных личных имен (ср. *Маня, Таня, Колюня*). Ср. также заимствованное междометие ээ 'да' (колымские и анадырские русские говоры) из як. *ā-ā* 'да' (Аникин 2000: 714) и под.

В тюркские языки на обсуждаемых территориях проникло множество разнообразных лексических заимствований, постепенно подвергавшихся фонетической адаптации. Большую подборку для языков Сибири можно найти в: Аникин 2003; ср. также Potorska 2017. Из адаптированных заимствований: хакас., шор. *салковай* 'рубль' (рус. *целковый* [уст.]); як. *доруоба*, хакас. диал. *тороба* 'здравствуй(те)' (рус. *здорово*); як. *номуоха* 'небольшое вознаграждение за мелкую услугу' (рус. *на водку*); тубалар. *pet'* 'ведь'; тел., куманд. *pāncāt'*, шор. *tāncāt* 'венчание' (рус. *венчать*). Много адаптированных русских заимствований в тюркских языках Урало-Поволжья: чув. *хитре* 'красивый' (рус. *хитрый*), чув., тат. *монча, мунча* 'баня' (рус. арх., диал. *мыльня*), башк. *мишук* 'вершок'.

Отметим адаптированные русские заимствования в тюркских списках Сводеша с территории России: 'all': тубалар., хакас. бельт. *pes'* 'всё' (рус. *весь*); 'good': хакас. кач. *маңат*, саг. *тауат* (рус. *богат*); 'many': чув. *čilaj* (рус. *цельный*); 'seed': як. *sieme* (рус. *семя*); 'worm': як. диал. *čierbe* (рус. *червь*) (см. Дыбо 2013).

Разумеется, в литературных тюркских языках много и неадаптированных лексических заимствований, сохраняющих или частично сохраняющих произношение и орфографическую форму источника (ср. хакас. *артист* 'артист', *артизи-и* 'его артист').

Практически полное русско-тюркское двуязычие при доминировании русского языка, установившееся на этих территориях с середины XX в., влияет не только на лексический состав тюркских языков. Ряд тюркских народов, особенно не имеющих своего письменного языка, постепенно переходит на русский язык; в настоящее время близки к исчезновению нижнечулымский, среднечулымский, тубаларский, тофаларский языки; угрожающее положение у шорского и телеутского языков. В относительно хорошо сохраняющихся языках наблюдаются интерферентные явления на различных языковых уровнях. См., например, Anderson 2005; 2017, Pakendorf 2012.

Приведем некоторые нетривиальные примеры. В последние три десятилетия преподаватели тувинского языка в школах г. Кызыла отмечают, что под влиянием кириллической орфографии в тувинской речи детей и молодёжи фонологическая оппозиция «придыхательный – непридыхательный» заменяется на оппозицию «глухой – звонкий». То же иногда отмечается и для литературного алтайского языка в городе Горно-Алтайске. Причина в том, что городские дети раньше овладевают чтением на русском языке, чем на родном, и впоследствии применяют уже полученные навыки озвучивания кириллицы к тюркским текстам.

Явления интерференции в синтаксисе:

а) Обычно на счет влияния русского языка относят инверсии порядка слов в тюркских языках. Обычный тюркский порядок слов — SOV, левоветвляющийся. Но довольно часто наблюдается инверсия субъекта и предиката, пример (1)¹², и объекта и предиката, пример (2):

(1) Кумыкский (Дагестан)

гет-ди ол!

уходить-PST он

‘Он ушел!’

(2) Кумыкский

сакъла саман-ны — гел-ир заман-ы

беречь солома-ACC приходить-FUT время-3POSS

‘Береги солому — придет и её время’ (пословица)

Возможно, что частое появление таких порядков в разговорной речи связано с русским влиянием; но ср. наличие похожих случаев в древнеуйгурском, пример (3).

¹² В примерах используются следующие сокращения: ACC — аккузатив, ATTR — атрибутивизатор, COM — комитатив, CVB — конверб (деепричастие), DAT — датель, FUT — будущее время, GEN — генитив, NMLZ — номинализация, POSS — притяжательность, PRS — настоящее время, PST — прошедшее время, COMP — подчинительный союз, RES — результатив.

(3) Древнеуйгурский

bo bir yumgak taš, nä-gü-lük ol biz-iñä?

этот один круглый камень что-ATTR-NMLZ он мы-DAT

‘Этот круглый камень, что нам до него?’ (Предикат — *nägülik* ‘для-чегошный’) (Erdal 2004: 413).

б) Заимствование союзов и частиц: в тюркских языках обычно сочинительным полипредикативным конструкциям индоевропейского типа соответствуют подчинительные конструкции, где первая клауза — абсолютная конструкция с предикатом в деепричастной форме, ср. пример (4).

(4) Кумыкский

o bu yaz=ыв яз=ып сен оху

он этот писать=NMLZ писать-CVB ты читать

‘Он напишет это письмо, а ты его прочти’

Поэтому в тюркских языках редки сочинительные союзы тюркского происхождения; в частности, со Средних веков тюркские языки, попавшие в мусульманскую этнокультурную зону, заимствовали сочинительные союзы из персидского и арабского языков (ср. узб., аз., тур. *və, ve* ‘и’, *amma* ‘но’). Ср. заимствование союза в шорский язык (Южная Сибирь) из русского, пример (5), и в кумыкский язык из арабского, пример (6):

(5) Шорский

ili aŋ qulay-ïn-ya uyl par-dï

или он.GEN ухо-3POSS-DAT слышаться приходить-PST

ili čïnar kiži ün-ü uyl-ča

или правда человек голос-3POSS слышаться-PRS

‘Или ему слышалось, или правда слышен человеческий голос’

(6) Кумыкский

o gel-gen va биз бар-а-быз

он приходить-RES **и** мы уйти-PRS-1PL

‘Он пришел, и мы уходим’

Точно так же в роли предложений с изъяснительным придаточным обычно выступают полипредикативные конструкции, содержащие абсолютную конструкцию с причастием в винительном падеже, ср. пример (7):

(7) Кумыкский

сен окъ ат-гъан-ынгъ-ны гёр-дю-м

ты стрела бросать-RES-2POSS-ACC видеть-PST-1

‘Я видел, как ты выпустил стрелу’

Контакты с персидским языком привели к заимствованию из персидского подчинительного союза *ki*, ср. пример (8):

(8) Азербайджанский

De-di ki, imtahan-a hazırlaş-ır

сказать-PST COMP экзамен-DAT готовить=ся-PRS

‘(Он) сказал, что готовится к экзамену’

Ср. заимствование подчинительного союза *что* из русского языка в современном разговорном татарском, пример (9):

(9) Татарский

мин шат син-гә, что син таза-сау һәм көр кунгел-ле

я рад ты-DAT COMP ты здоров+здоров и¹³ весёлый дух-COM

‘Я рад за тебя, что ты здоров и в веселом настроении’

Ср. также заимствование русского союза *чем* в сравнительную конструкцию северозападного диалекта чувашского языка, проанализированное в: Герасимов 2020.

в) Калькирование русского управления.

Балкарский *Магъа керек* ‘Мне нужно’ (я.DAT необходимость; собственно-балкарская конструкция — *мени керек* я.GEN необходимость).

г) Переключение кодов, ср. пример (10):

(10) Карачаевский

Мен в этом году-да отпуск-га не еду

я в этом году-LOC отпуск-DAT не еду

‘Я в этом году в отпуск не еду’

4.2. Русский язык, особенно в течение XX в., является также источником экзотизмов для османского и турецкого языков.

Ср. ранние экзотизмы из русского языка (в сочинении турецкого путешественника Эвлия Челеби, 1611–1682), сохраняющиеся в современном турецком:

karuska из рус. *капу́стка* или *капу́ста* (Eren 1999: 209);

çar из рус. *царь* (Tietze 2002: 476).

В XX веке:

borç (1983) из рус. *борщ* (Tietze 2002: 371);

balalayka (1994) из рус. *балала́йка* (Tietze 2002: 269).

В течение XIX–XX в. продолжались заимствования из локальных славянских говоров в локальные турецкие, ср.:

тур. диал. *vinter, minter* ‘ловушка для рыбы’ (Видин) из болг. *vînter* (Видин), *vènter* (Бохот, Плевенско). Болг. через рум. *vintîr* из рус. *вèн-терь*, которое из литовского *vènteris*. (Eren 1999: 435; БЕР I (1971): 149).

В турецких говорах Балканского полуострова отмечаются фонетические влияния локальных славянских говоров. Так объясняют, например,

¹³ Заимствование из персидского.

переход в некоторых румелийских говорах и в части гагаузских диалектов *o > u* (*otur > utur* 'сидеть', *kayboldu > kaybuldi* 'исчез'), утрату фонемы *h* (*hava > ava* 'погода'), тенденцию к сильной палатализации согласных *k* и *g* перед гласными переднего ряда (*öküz > üküš* 'вол', *öfke > üfke* 'легкие'), переход в заднерядных словах *l > w* перед согласной (*alma > owma* 'яблоко', *dolma > dowma* 'долма') (Hazai 1960: 207; Kowalski 1934: 991–1011; Kowalski 1933: 22; Селищев 1929: 401; см. также Ужинин 2008).

В описаниях румелийских турецких диалектов находятся также заимствования словообразовательных суффиксов (турецкий диалект Видина: *koy-qa* 'деревенька' уменьш. к *koy* 'деревня' (Németh 1965: 80)). Инверсию порядка слов в том же диалекте Видина, впрочем, Немец в основном не рискует, как и мы выше, относить на счет болгарского влияния, связывая в основном с актуальным членением; кроме конструкции с постпозитивным именным определением в родительном падеже: *baba-si qız-in* 'отец девушки' (при тур. лит. *kız-in baba-si* девушка-GEN отец-3POSS) и под. (Németh 1965: 114–115). Как частичное калькирование болгарских конструкций, можно рассматривать в этом же диалекте употребление тюркских по происхождению вопросительных местоимений *ne* 'что' и *kim* 'кто' в качестве релятивизатора (Németh 1965: 109–112). Аналогичные явления отмечаются для гагаузского языка (Покровская 1964: 283, *не, ким*); в гагаузском заимствованы также сочинительные союзы *da* 'и, а' (и утвердительная частица *da* 'да'), *не...не* 'ни...ни' и болгарское междометие удивления *бре* (БЕР I: 75, Покровская 1964: 278, 291).

4.3. Западно-кыпчакский караимский язык, носители западного диалекта которого в конце XIV – начале XV века поселились на славяноязычной территории на Украине и в Польше (теперь — в Литве), продолжал подвергаться славянскому влиянию (ср. ситуацию с «татарами» в XVI в. выше, п. 3.2). Славяно-тюркское (украинско-караимское, польско-караимское, русско-караимское) двуязычие отмечается с начала XX в. Галицкий и луцкий караимские диалекты в течение XX века исчезли, тракайский диалект стоит на грани исчезновения. Коллекцию особенностей, обусловленных славянским влиянием, практически таких же, что демонстрировавшиеся выше, можно найти в: Мусаев 2003: 23–30. Кроме лексических заимствований и калек, это появление в фонологической системе согласных оппозиции по твердости – мягкости; заимствование словообразовательных суффиксов, грамматических приставок (в частности, *наи-* для образования превосходной степени прилагательного: *наи-терен-ряк* 'глубочайший' (*-РАК* — общетюркский суффикс полноты выражения признака), сочинительных союзов *и, да, ни – ни*, образование релятивизаторов из вопросительных местоимений *не* 'что', *кай* 'который', постпозитивные определения в родительном падеже (*чач-ы*

баш-ым-нын вóлос-3POSS голова-1POSS-GEN ‘волосы моей головы’), калькирование частных особенностей глагольного управления и под.

5. Заключение

Несмотря на значительный прогресс в изучении тюрко-славянских языковых контактов, происходивший с середины XX века, остаётся значительное число нерешенных и спорных проблем, касающихся в основном времени и путей проникновения конкретных лексических заимствований. Новые решения этих проблем в части случаев могут изменить представленную выше картину.

ЯЗЫКИ И ИСТОЧНИКИ

аз. – азербайджанский
 араб. – арабский
 армяно-кыпч. – армяно-кыпчакский
 арх. – архаизм
 Ассеман. Ев. – Ассеманиево Евангелие
 башк. – башкирский
 бельт. – бельтырский
 Библи. Ген. – Библия Геннадия
 блр. – белорусский
 болг. – болгарский
 будд. – буддийский
 булг. – болгарский
 в.-луж. – верхнелужицкий
 вед. – ведийский
 венг. – венгерский
 вост. – восточный
 ганчак. – ганчакский (тюрк. язык / диалект в словаре МК)
 греч. – греческий
 гуцул. – гуцульский
 диал. – диалектный
 долг. – долганский
 др.-булг. – древнебулгарский
 др.-венг. – древневенгерский
 др.-кит. – древнекитайский
 др.-польск. – древнепольский
 др.-рус. – древнерусский
 др.-серб. – древнесербский
 др.-тюрк. – древнетюркский
 др.-уйг. – древнеуйгурский

др.-чеш. – древнечешский
 др.-чув. – древнечувашский
 дун.-булг. – дунайско-булгарский
 зап. – западный
 Зогр. Ев. – Зографское Евангелие
 Ипатьевск. – Ипатьевская летопись
 казах. – казахский
 калм. – калмыцкий
 караим. – караимский
 кач. – качинский
 кит. – китайский
 крх.-уйг. – караханидско-уйгурский
 ктат. – крымско-татарский
 куманд. – кумандинский
 кыпч. – кыпчакский
 лат. – латинский
 мак. – македонский
 маних. – манихейский
 мар. – марийский
 Мариин. Ев. – Мариинское Евангелие
 МК – словарь Махмуда Кашгарского
 молд. – молдавский
 монг. – монгольский
 морав. – моравский
 морд. – мордовский
 н.-луж. – нижнелужицкий
 н.-уйг. – новоуйгурский
 ног. – ногайский
 орхон. – орхонский
 осет. – осетинский

осм. – османский	ср.-греч. – среднегреческий
Остром. Ев. – Остромирово Евангелие	ср.-перс. – среднеперсидский
ОТ – общетюркский	ср.-кит. – среднекитайский
п.-монг. – письменно-монгольский	ср.-монг. – среднемонгольский
ПВЛ – Повесть временных лет	ср.-рус. – среднерусский
перс. – персидский	ст.-блр. – старобелорусский
ПИЕ – праиндоевропейский	ст.-болг. – староболгарский
ПИИр – праиндоиранский	ст.-польск. – старопольский
ПИр – праиранский	ст.-слав. – старославянский
пол. – польский	ст.-укр. – староукраинский
помор.-словин. – поморско-словинский	Супсл. – Супрасльская рукопись
пра-тох. – пратохарский	тат. – татарский
ПСл – праславянский	тел. – телеутский
ПТ – пратюркский	тркм. – туркменский
рум. – румынский	тубалар. – тубаларский
рус. – русский	тур. – турецкий
с.-хорв. – сербохорватский	тюрк. – тюркский
саг. – сагайский	удм. – удмуртский
салар. – саларский	узб. – узбекский
сев. – северный	укр. – украинский
серб. – сербский	хакас. – хакасский
серб.-цслав. – сербский церковнославянский	хал. – халаджский
Син. пат. – Синайский патерик	ханьск. – ханьский
Син. Пс. – Синайская Псалтирь	цслав. – церковнославянский
скр. – санскрит	чаг. – чагатайский
слав. – славянский	чеш. – чешский
слвц. – словацкий	чув. – чувашский
словен. – словенский	шор. – шорский
совр. – современный	юж. – южный
	як. – якутский

ЛИТЕРАТУРА

- Аб. — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–V. М.; Л., 1958–1995.
- Адягаши 2005 — К. Адягаши. Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала. Часть I. Этимологический справочник [= Studies in Linguistics of the Volga Region, vol. II.]. Debrecen, 2005.
- Адягаши 2015 — К. Адягаши. Странствование некоторых русских диалектизмов в языках Волго-Камского ареала // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, № 2 (86), 2015.

- Аникин 2000 — *А. Е. Аникин*. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000.
- Аникин 2003 — *А. Е. Аникин*. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Москва; Новосибирск, 2003.
- Аникин РЭС — *А. Е. Аникин*. Русский этимологический словарь. М., 2007–.
- Ашм. — *Н. И. Ашмарин*. Словарь чувашского языка. Казань; Чебоксары, 1928–1950. Вып. 1–17.
- Әхмәтъянов 2015 — *Р. Г. Әхмәтъянов*. Татар теленең этимологиялык сүзлеге. 2 томда. Казан, 2015.
- Баскаков 1960 — *Н. А. Баскаков*. Тюркские языки. М., 1960.
- Баскаков 1985 — *Н. А. Баскаков*. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985.
- БЕР — Български етимологичен речник / ред.: В. И. Георгиев: т. I, 1971, т. II, 1979, т. III, 1986; В. И. Георгиев, И. Дуриданов: т. IV, 1995; И. Дуриданов, М. Рачева, Т. А. Тодоров: т. V, 1996; М. Рачева, Т. А. Тодоров: т. VI, 2002; Т. А. Тодоров, М. Рачева: т. VII, 2010; Л. Д. Димитрова-Тодорова, Л. П. Селимски: т. VIII, 2017. София.
- Варбот 1969 — *Ж. Ж. Варбот*. Древнерусское именное словообразование (Ретроспективная формальная характеристика). М., 1969.
- Гаркавец 2000 — *О. М. Гаркавец*. Тюркізм // Українська мова: Енциклопедія. К., 2000.
- Герасимов 2020 — *Д. В. Герасимов*. Союзные сравнительные конструкции в разговорном чувашском языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова № 4. Языки России в контакте с русским языком. М., 2020.
- Гордлевский 1947 — *В. А. Гордлевский*. Что такое «босый волк» // Известия ОЛЯ, том VI, вып. 4, М., 1947.
- Грунин 1967 — *Т. И. Грунин*. Документы на половецком языке XVI в: судебные акты Каменец-Подольской армянской общины. М., 1967.
- Дёрфер 1986 — *Г. Дёрфер*. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986.
- Дмитриев 1958 — *Н. К. Дмитриев*. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник, вып. 3. М., 1958 (перепечатано в: *Н. К. Дмитриев*. Строй тюркских языков. М., 1962, стр. 503–569).
- Добродомов 1967 — *И. Г. Добродомов*. Некоторые вопросы изучения тюркизмов в русском языке // Учёные записки МГПИ им. В. И. Ленина. 264. Вопросы лексики и грамматики русского языка. М., 1967.
- Добродомов 1969 — *И. Г. Добродомов*. Из болгарского вклада в славянских языках. I // Этимология. 1967. М., 1969.

- Добродомов 1971 — *И. Г. Добродомов*. Из болгарского вклада в славянских языках. II // *Этимология*. 1968. М., 1971.
- Добродомов 1974 — *И. Г. Добродомов*. Проблемы изучения болгарских лексических элементов в славянских языках: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1974.
- Добродомов 1974а — *И. Г. Добродомов*. Пути проникновения болгарских элементов в славянские языки // *Тюркизмы в восточнославянских языках*. М., 1974.
- Добродомов 1976 — *И. Г. Добродомов*. О хронологизации тюркизмов в славянских языках // *Советская Тюркология*, № 6, 1976.
- Добродомов 1981 — *И. Г. Добродомов*. Из истории изучения тюркизмов русского языка // *Тюркологический сборник — 1977*. М., 1981.
- Добродомов 2008 — *И. Г. Добродомов*. Типы поселений ранних тюрков. Историческая эволюция // *Природное окружение и материальная культура пратюркских народов*. М., 2008.
- Добродомов, Романова 1979 — *И. Г. Добродомов, Г. Я. Романова* (сост.). Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках // *К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»*. Л., 1979.
- ДТС — *Древнетюркский словарь*. М., Л., 1969.
- Дыбо 1984 — *А. В. Дыбо*. Базисная лексика и языковые контакты: названия пальцев рук в среднеазиатском ареале // *Лингвистические исследования. Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика*. М., 1984.
- Дыбо 2007 — *А. В. Дыбо*. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007.
- Дыбо 2010 — *А. В. Дыбо*. Вокализм раннетюркских заимствований в венгерском // *Gedenk von E. A. Helimsky. Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. Bd. 32/33. Hamburg, 2010.
- Дыбо 2011а — *А. В. Дыбо*. Отражение болгарских палатализаций в болгаризмах венгерского языка // *Материалы Международной тюркологической конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики»* (Чебоксары, 15–18 сентября 2010 г.). Чебоксары, 2011.
- Дыбо 2011б — *А. В. Дыбо*. Булгары и славяне: фонетические явления в ранних заимствованиях // *Слова. Концепты. Мифы: К 60-летию Анатолия Фёдоровича Журавлёва*. М., 2011.
- Дыбо 2013 — *А. В. Дыбо*. *Этимологический словарь тюркских языков. Том 9 (дополнительный). Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков*. Астана, 2013.
- Дыбо 2016а — *A. V. Dybo*. Bulgarian borrowings in Hungarian: the problem of reflecting *q // *Words and Dictionaries. A Festschrift for Professor Stanislaw Stachowski on the Occasion of His 85th Birthday*. Krakow, 2016.

- Дыбо 2016б — *А. В. Дыбо*. К кыпчакским заимствованиям в славянских языках // Мир Большого Алтая. Усть-Каменогорск, № 1–2, 2016.
- Дыбо 2021 — *А. В. Дыбо*. Раннесредневековые миграции тюрков и их лингвистические результаты: три случая // XIV Конгресс антропологов и этнологов России. Томск, 6–9 июля 2021 г. Сборник материалов. Москва–Томск, 2021.
- Дыбо, Норманская 2013 — *А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская*. Периодизация тюркских заимствований в финно-угорских языках // Урал-алтайские исследования, № 4, 2013.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: У 7 т. / редкол.: О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. 1: А – Г (1982); Т. 2: Д – [кóпці] (1985); Т. 3: Корá – М (1989); Т. 4: Н – П (2003); Т. 5: Р – Т (2006); Т. 6: У – Я (2012). Т. 7: Показчики (в роботі). Київ.
- Ефимова 2006 — *В. С. Ефимова*. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006.
- Јашар-Настева 2001 — *О. Јашар-Настева*. Турските лексички елементи во македонскиот јазик. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков”. Книга 31, Скопје, 2001.
- Кадочникова 2011 — *О. Г. Кадочникова*. Еще раз о датировке древнеславянского перевода Огласительных слов святителя Кирилла Иерусалимского // История русского языка и культурная память народа: материалы секции XL международной филологической конференции. Санкт-Петербург, 14–19 марта 2011 г. / отв. ред. О. А. Черепанова. СПб., 2011.
- Каримуллина 2007 — *Г. Н. Каримуллина*. Тюркские лексические элементы в русской лингвографии XVIII–XX веков. Диссертация <...> доктора филологических наук. Казань, 2007.
- Каримуллина 2014 — *Г. Н. Каримуллина*. Тюркизмы в русской лингвографии XVIII–XX вв. Saarbrücken, 2014.
- Ковалев 2002 — *А. А. Ковалев*. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа — Азия: проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002.
- Ковалев 2002а — *А. А. Ковалев*. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ – Чита, 2002.
- Кононов 1962, 1969 — *А. Н. Кононов*. Заметки тюрколога на полях «Словаря русских народных говоров» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 25, Вып. 3, 1962; Т. 28, Вып. 6, 1969.
- Кононов 1972 — *А. Н. Кононов*. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1972.
- Коршъ 1902, 1903 — *Ф. Е. Коршъ*. Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ» (Замѣтки къ изслѣдованію П. М. Меліоранскаго) // Извѣстія ОРЯС. Т. VII, кн. 2, 1902; Извѣстія ОРЯС. Т. VIII, кн. 4, 1903.

- Коршъ 1906 — *Ф. Е. Коршъ*. По поводу второй статьи проф. Мелиоранскаго о «Турецкихъ элементахъ въ языкѣ „Слова о полку Игоревѣ“» // Извѣстія ОРЯС. Т. XI, кн. 1, 1906.
- Коршъ 1909 — *Ф. Е. Коршъ*. Слово о полку Игоревѣ. СПб., 1909.
- Левитская 1976 — *Л. С. Левитская*. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
- Малов 1946 — *С. Е. Малов*. Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве» // Известия ОЛЯ, том V, вып. 2, М., 1946.
- Мелиоранскій 1902 — *П. М. Мелиоранскій*. Турецкіе элементы въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ» // Извѣстія ОРЯС. Т. VII, кн. 2, 1902.
- Мелиоранский 1905 — *П. М. Мелиоранскій*. Вторая статья о турецкихъ элементахъ въ языкѣ «Слова о полку Игоревѣ» // Извѣстія ОРЯС. Т. X, кн. 2, 1905.
- Менгес 1979 — *К. Г. Менгес*. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
- Младенов 1941 — *С. Младенов*. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.
- Мудрак 2005 — *О. А. Мудрак*. Заметки о языке и культуре дунайских болгар // *Orientalia et Classica*. Вып. 6: Аспекты компаративистики. М., 2005.
- Мусаев 2003 — *К. М. Мусаев*. Синтаксис караимского языка. М., 2003.
- НРЭ — Новое в русской этимологии. Вып. 1. Москва, 2003
- Петровић 1993 — *С. Пејровић*. Историјат и стање проучавања турцизама у српскохрватском језику // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику XXXVI/2, 1993.
- Петровић 2012 — *С. Пејровић*. Турцизми у српском призренском говору. Београд, 2012.
- Покровская 1964 — *Л. А. Покровская*. Грамматика гагаузского языка: Фонетика и морфология. М., 1964.
- Радић 1995 — *П. Радић*. Балканистичке појаве на плану суфиксације у македонском и српскохрватском језику, докторска дисертација одбрањена на Филолошком факултету у Београду. Београд, 1995.
- Радић 2001 — *П. Радић*. Турски суфикси у српском језику: са освртом на стање у македонском и бугарском. Београд, 2001.
- Радлов 1899–1911 — *В. В. Радлов*. Опыт словаря тюркских наречий: В 4-х томах. СПб., 1899–1911.
- Райнхарт 2006 — *Й. Райнхарт*. Древнерусское *коуригъ* ‘шафер, дружка’: заимствование из протобългарского языка // *Ad fontes verborum*. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот. М., 2006.

- Севортян 1962 — Э. В. Севортян. О тюркских элементах в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера // Лексикографический сборник V. М., 1962.
- Селищев 1929 — А. Селищев. Полог и его болгарское население. София, 1929.
- СИГТЯ 2000 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М., 2000.
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка. М., 2006.
- СлXVII — Словарь русского языка XI~XVII вв. Вып. 1–30; Справочный вып.; Дополнения и исправления. Тетрадь 1^я. М., 1975–2015 (Изд. продолжается).
- Слепцов 1975 — П. А. Слепцов. Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период). Москва, 1975.
- Соболев 2004 — А. Н. Соболев. Опыт исследования тюркизмов в балканских диалектах // Zeitschrift für Balkanologie, 40 (2004) 1; Zeitschrift für Balkanologie, 40 (2004) 2.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. М., 1975–2016.
- Ужинин 2008 — Е. Е. Ужинин. Турецкие заимствования в языках восточно-средиземноморского ареала: языковые контакты на территории Османской империи: диссертация ... кандидата филологических наук. М., 2008.
- Фасмер 1–4 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. М., 1964–1973.
- Федотов 1996 — М. Р. Федотов. Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1–2. Чебоксары, 1996.
- Хелимский 2000 — Е. А. Хелимский. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.
- Цаболов I–II — Р. Л. Цаболов. Этимологический словарь курдского языка. Т. I: М., 2001; Т. II: М., 2009.
- Цветковски 2017 — В. Цветковски. Етнолингвистички особености на турските лексички заемки во колоквијајалниот македонски јазик во Битола. Скопје, 2017.
- Шипова 1976 — Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов русского языка. Алма-Ата, 1976.
- Щербак 1997 — А. М. Щербак. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб, 1997.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. 1–14. Мінск, 1978–2010.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / ред.: О. Н. Трубачёв, А. Ф. Журавлёв (с 33 т., 2007). Т. 1–41. М., 1974–2018 (Изд. продолжается).

- ЭСТЯ 1974 — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974.
- ЭСТЯ 1978 — Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
- ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Авт. сл. статей Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. М., 1989.
- ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 1997.
- ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо, Д. М. Насилов, Е. А. Поцелуевский. М., 2003.
- Юналеева 2005 — Р. А. Юналеева. Тюркизмы в русской классике: словарь с текстовыми иллюстрациями / науч. ред. К. Р. Галиуллин. Казань, 2005.
- Adams 1999 — D. Q. Adams. A Dictionary of Tocharian B. Amsterdam – Atlanta (GA), 1999.
- Adams 2013 — D. Q. Adams. A Dictionary of Tocharian B. Revised and Greatly Enlarged. Amsterdam – New York (NY), 2013.
- АН — A. Caferoğlu. Abû-Hayyân. Kitâb al-İdrâk li-lisân al-Atrâk. İstanbul, 1931.
- Aikhenvald, Dixon 2007 — Grammars in Contact. A Cross-Linguistic Typology / Eds. A. Y. Aikhenvald and R. M. W. Dixon. Oxford University Press, 2007.
- Anderson 2005 — G. D. S. Anderson. Language Contact in South Central Siberia // Turcologica 54. Wiesbaden, 2005.
- Anderson 2017 — G. D. S. Anderson. Consequences of Russian Linguistic Hegemony in (Post-)Soviet Colonial space // Endangered languages of the Caucasus and Beyond. Brill, 2017.
- Boeschoten & al. 2006 — Turkic Languages in Contact / ed. by H. Boeschoten, L. Johanson, V. Milani. Harrassowitz, 2006.
- Brückner 1927 — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.
- Burlak 2013 — S. A. Burlak. Languages, DNA, Relationship and Contacts // Вопросы языкового родства, № 9, 2013.
- CC — Codex Cumanicus / Ed. G. Kuun. Budapestini, 1880.
- Dieterlen, Bengtson 2016 — F. Dieterlen, J. Bengtson. Confirmation de l'ancienne extension des Basques par l'étude des dialectes de l'Europe de l'Ouest romane // Journal of language relations, 14 (1–2), 2016.

- THADS — Türkiye'de Halk Ağzından Derleme Sözlüğü. Ç. X: S–T. Ankara, 1978.
- EDT — *G. Clauson*. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.
- Erdal 1991 — *M. Erdal*. Old Turkic Word Formation. I–II. Wiesbaden, 1991.
- Erdal 1993 — *M. Erdal*. Die Sprache der wolgabolgarischen Inschriften. Wiesbaden, 1993.
- Erdal 2004 — *M. Erdal*. A Grammar of Old Turkic. Leiden, 2004.
- Eren 1999 — *H. Eren*. Türk dilinin etimolojik Sözlüğü. Ankara, 1999.
- EWU — Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen. Bd. I–III / Hgb. L. Benkő. Budapest, 1993.
- Fialová Karpenková 2006 — *Zuzana Fialová Karpenková*. České názvy ptáků z etymologického hlediska. Diplomová práce, Filozofická fakulta Univerzity Karlovy. Praha, 2006.
- Field 2002 — *F. W. Field*. Linguistic borrowing in bilingual contexts. Amsterdam, 2002.
- Gołąb 1992 — *Z. Gołąb*. The Origins of the Slavs: A Linguist's View. Columbus, 1992.
- Hamilton 1986 — *J. Hamilton*. Manuscrits ouïgours du IX–X siècle de Touen-Houang. T. I. Paris, 1986.
- Hazai 1960 — *G. Hazai*. Rumeli Ağzlarının Tarihi Üzerine, T. D. A. bel. 1960, T. D. K., Ankara, 1960.
- Heine, Kuteva 2005 — *B. Heine, T. Kuteva*. Language Contact and Grammatical Change. (Cambridge approaches to language contact). Cambridge, 2005.
- Johanson 2002 — *L. Johanson*. Structural factors in Turkic language contacts. London, 2002.
- Johanson, Robbeets 2010 — *L. Johanson, M. Robbeets* (Eds.). Transeurasian Verbal Morphology in a Comparative Perspective: Genealogy, Contact, Change. (Turcologica 78): collection of research papers. Wiesbaden, 2010.
- Kappler 2002 — *M. Kappler*. Turkish language contacts in South-Eastern Europe. Articles in Italian, German, French and English. İstanbul, 2002.
- Karł. — *J. Karłowicz*. Słownik gwar polskich. T. 1–6. Kraków, 1900–1911.
- Karłowicz 1885 — *J. Karłowicz*. Mémoire sur l'influence des langues orientales sur la langue polonaise // Actes du VI-me Congrès International des Orientalistes tenu en 1883 à Leide. Leide, 1885.
- Karlgren 1923 — *B. Karlgren*. Analytic Dictionary of Chinese and Sino-Japanese. P., 1923.
- Knežević 1962 — *A. Knežević*. Die Turzismen in der Sprache der Kroaten und Serben. Meisenheim am Glan, Anton Hain // Slavisch-Baltisches Seminar der Westfälischen Wilhelms-Universität, Münster (Westf.), Vrf. 3, 1962.

- Kowalski 1932 — *T. Kowalski*. W sprawie metodologii badań zapożyczeń tureckich w językach słowiańskich // Sborník prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929, Bd. 2. Praha, 1932 (mit französischer Zusammenfassung auf S. 999–1001: La méthodologie des recherches sur les mots empruntés du turc dans les langues slaves).
- Kowalski 1933 — *T. Kowalski*. Les Turcs et la langue turque de la Bulgarie du nord-est, Kraków, 1933.
- Kowalski 1934 — *T. Kowalski*. Osmanisch-tuerkische Dialekte // Enzyklopädie des Islam. IV. Leipzig, 1934.
- Kraelitz-Greifenhorst 1911 — *Fr. von Kraelitz-Greifenhorst*. Corollarien zu F. Miklosichs „Die türkischen Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen“ // Sitzungsberichte der Wiener Akad. der Wissenschaften. 166, № 4, 1911 (1884–1890).
- Krebs-Garić, Kelih 2016 — *C. Krebs-Garić, E. Kelih*. Loanwords in Bosnian/Croatian/Serbian (working bibliography): <http://lissl.univie.ac.at/fileadmin/user_upload/p_lissl/Loanword_BCS_bibliography.pdf> (последнее обновление 28.08.2019).
- Kümmel 2017 — *M. J. Kümmel*. Chapter 12. Agricultural terms in Indo-Iranian // Language dispersal beyond farming / Ed. by M. Robbeets, A. Savelyev. 2017.
- Kushnarevich & al. 2015 — *A. Kushniarevich, O. Utevska, M. Chuhryaeva, A. Agdzhoyan, K. Dibirova, I. Uktveryte et al.* Genetic Heritage of the Balto-Slavic Speaking Populations: A Synthesis of Autosomal, Mitochondrial and Y-Chromosomal Data // PLoS ONE 10(9): e0135820. <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0135820>, <http://journals.plos.org/plosone/article/file?id=10.1371/journal.pone.0135820.s008&type=supplementary>.
- KWb — *G. J. Ramstedt*. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- La Vaissière 2005 — *É. de La Vaissière*. Huns et Xiongnu // Central Asiatic Journal, 49, 2005.
- Ligeti 1977 — *L. Ligeti*. A Magyar nyelv török kapcsolatai es ami körülöttük van // Budapest oriental reprints. Series A (1–2). Budapest, 1977.
- Machek 1957 — *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
- MacKenzie 1971 — *D. N. MacKenzie*. A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971.
- Maenchen-Helfen 1945 — *O. J. Maenchen-Helfen*. Huns and Hsiung-Nu // Byzantion, vol. 17, 1944–45.
- Maenchen-Helfen 1978 — *O. J. Maenchen-Helfen*. Die Welt der Hunnen: Eine Analyse ihrer historischen Dimension. Vienna, Cologne, and Graz, 1978.
- Marinkowitch 1881, 1882 — *L. Marinkowitch*. Vocabulaire des mots persans, arabes et turcs introduits dans la langue serbe avec un exposé de

- la litterature serbe // Verhandlungen des 5. Internat. Oriental. Kongr., B. 1, Berlin, 1881, B. 2, Berlin, 1882 .
- Matras 1998 — *Y. Matras*. Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing // *Linguistics*, 36, 1998.
- Matras, Sakel 2004 — *Grammatical Borrowing in Cross-Linguistic Perspective* / Eds. Y. Matras, J. Sakel. Berlin – New York, 2004.
- Menges 1952 — *K. H. Menges*. The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igor Tale // *Supplement to Word*, Vol. 7, New York, 1952.
- Menges 1953 — *K. H. Menges*. On some loanwords from or via Turkic in Old-Russian // 60. doğum yili münasebetiyle Fuat Köprülü armağanı. İstanbul, 1953.
- Menges 1954 — *K. H. Menges*. Slavo-altajische Wortforschungen // M. Vasmer (ed.). *Festschrift für Dmytro Čyževskýj zum 60. Geburtstag*, Wiesbaden, 1954.
- Menges 1956 — *K. H. Menges*. Etymological Notes on some non-Altaiic Oriental Words in the Old-Russian Igor' Song // *Oriens*, vol. 9, N 1, Leiden, 1956.
- Menges 1995 — *K. H. Menges*. The Turkic languages and peoples. Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 1995.
- Miklosich 1884–1890 — *Fr. Miklosich*. Die türkische Elemente in der südost- und osteuropäischen Sprachen // *Denkschrift der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse*. Bd. 35, 36, 38, 1884–1890.
- Miklosich 1889 — *Fr. Miklosich*. Über die Einwirkungen des Türkischen auf die Grammatik der südosteuropäischen Sprachen. Wien, 1889.
- MNYTESz — *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára*. I–III. Budapest, 1967–1976.
- Muchliński 1858 — *Źródłosłownik wyrazów, które przeszły wprost czy pośrednio, do naszej mowy z języków wschodnich, tudzież mających zobopólną analogię co do brzmienia lub znaczenia, Z dołączeniem zbioru wyrazów, przeniesionych z Polski do języka tureckiego*. Zebrał i objaśnił *Antoni Muchliński*, <...>. Petersburg, 1858.
- Németh 1965 — *J. Németh*. Die Türken von Vidin: Sprache, Folklore, Religion. (Bibliotheca Orientalis Hungarica, x.). Budapest, 1965.
- OWT — *A. Róna-Tas, Á. Berta* with the assistance of *L. Károly*. West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian. Part I: Introduction, Lexicon »A–K«. Part II: Lexicon »L–Z«, Conclusions, Apparatus. *Turcologica*. Herausgegeben von Lars Johanson. Band 84. Harrassowitz. Wiesbaden, 2011.
- Pakendorf 2012 — *B. Pakendorf*. Contact and Siberian Languages // R. Hickey (ed). *The Handbook of Language Contact*. Hoboken, 2012.

- Pintarič 2012 — *M. Pintarič*. On turcisms in Slovenian // *Vestnik za tuje jezike*, letnik 4, številka 1/2, 2012.
- Pomorska 2017 — *M. Pomorska*. Russian loanwords in the Chulym Turkic dialects. Kraków, 2017.
- Popović 1884 — *Č. Popović*. Turske i druge istočanske reči u našem jeziku // *Glasnik Srpskog Učenog Društva*, 59. Beograd, 1884.
- Poppe 1966 — *N. Poppe*. A Survey of Studies of Turkic Loan-Words in the Russian Language // *Central Asiatic Journal* XI, № 4, 1966.
- Poppe 1971 — *N. Poppe*. Studies of Turkic Loan-Words in Russian. Wiesbaden, 1971.
- Poppe 2001 — *N. Poppe*. A Note on Turkic Lexical Elements in the “*Slovo o polku Igoreve*” and the “*Zadonščina*” // *The Slavonic and East European Review* 79: 2, 2001.
- Poppe 2009 — *N. Poppe*. Altaic Lexical Elements in the *Slovo o polku Igoreve* and the Sceptics // *Scando-Slavica*, 55: 1, 2009.
- Räsänen 1950 — *M. Räsänen*. Beiträge zu den altaisch-slavischen Berührungen // *Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Y.H. Toivonen*. Helsinki, 1950.
- Róna-Tas 1976 — *A. Róna-Tas*. A runic inscription in the Kujbyšev region // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 30, No. 3, 1976.
- Róna-Tas 1988 — *A. Róna-Tas*. Turkic Influence on the Uralic Languages // *The Uralic Languages*. Leiden, 1988.
- Róna-Tas 2005 — *A. Róna-Tas*. Néhány megjegyzés faneveinkről (*Bükk, dió, gyertyán, gyümölcsény, gyűrűfa, éger, kőris, mogyoró, tölgy*) // *Magyar Nyelv*. Budapest, 2005.
- Sł — *F. Slawski*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–1982.
- Stachowski 2005 — *M. Stachowski*. Uwagi o zapożyczeniach ąltajskich w języku prasłowiańskim i kwestie pokrewne // *Studia Turcologica Cracoviensia*, 10 (2005).
- Stachowski 2012 — *M. Stachowski*. Ein neues Wörterbuch der türkischen Lehnwörter in Balkan- und Karpatensprachen und ukrainisch *bánuš* ‘Maisbrei’ // *Studia Etymologica Cracoviensia*. Vol. 17. Kraków, 2012.
- Stachowski 2014 — *M. Stachowski*. Remarks on the investigation of the oldest layer of Turkic loan-words in Hungarian // *Studia Etymologica Cracoviensia* 19. Kraków, 2014.
- Stachowski 2016 — *M. Stachowski*. O badaniu zapożyczeń turkijskich w kontekście ukrainistycznym i karpatystycznym // A. Budziak, W. Hojsak (ed.). *Słowo u Słowian. Wpływ języków sąsiadujących na rozwój języka ukraińskiego* [Festschrift Adam Fałowski] (= *Studia Ruthenica Cracoviensia* 11). Kraków, 2016.

- Stachowski 2017a — *M. Stachowski*. Kilka uwag o zapożyczeniach tureckich w dialekcie macedońskim Bitoli // *Rocznik Sławistyczny*. T. LXVI, 2017.
- Stachowski 2017b — *M. Stachowski*. The problem of a Turkic etymology of the Slavonic word **baranъ* ‘ram’ // *Rocznik Sławistyczny*. T. LXVI, 2017.
- Stachowski S. 1967 — *S. Stachowski*. Studia nad chronologią turcyzmów w języku serbsko-chorwackim. Kraków, 1967.
- Stachowski S. 1971 — *S. Stachowski*. Studia nad chronologią turcyzmów w języku bułgarskim. Kraków, 1971.
- Stachowski S. 1973 — *S. Stachowski*. Fonetyka zapożyczeń osmańskotureckich w języku serbsko-chorwackim. Kraków, 1973.
- Stachowski S. 1992 — *S. Stachowski*. Türkische Lehnwörter im serbischen Dialekt von Pirot. Kraków, 1992.
- Stachowski S. 1995 — *S. Stachowski*. Osmanisch-türkische und tatarische Lehnwörter im Polnischen und ihre Bedeutung für die türkische Wortgeschichte // *Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen. Beiträge des internationalen Symposiums*. Berlin, 1995.
- Stachowski S. 2007 — *S. Stachowski*. Słownik historyczny turczyzmy w języku polskim. Kraków, 2007.
- Stachowski S. 2014 — *S. Stachowski*. Słownik historyczno-etymologiczny turczyzmy w języku polskim. Kraków, 2014.
- Sussex, Cubberley 2006 — *R. Sussex, P. Cubberley*. The Slavic languages. Cambridge, 2006.
- Škaljić 1957 — *A. Škaljić*. Turcizmi u srpsko-hrvatskom jeziku. Sarajevo, 1957.
- TDSD — Türkiye’de halk ağzından söz derleme dergisi. İstanbul, 1939–1952. I–VI.
- Tietze 2002, 2008 — *A. Tietze*. Tarihi ve etimolojik Türkiye Türkçesi Lugati / Sprachgeschichtliches und Etymologisches Wörterbuch Des Türkei-Türkischen. I.: İstanbul–Wien, 2002. II.: İstanbul–Wien, 2008.
- TMN 1–3 — *G. Doerfer*. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. I., 1963; II: 1965; III: 1967. Wiesbaden.
- Thomason, Kaufman 1988 — *S. G. Thomason, T. Kaufman*. Language contact, creolization, and genetic linguistics. Berkeley, 1988.
- VEWT — *M. Räsänen*. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- Vondrák 1906 — *W. Vondrák*. Vergleichende Slavische Grammatik. I. Band. Lautlehre und Stammbildungslehre. Göttingen, 1906.
- Wright 1997 — *D. C. Wright*. The Hsiung-nu-Hun Equation Revisited // *Eurologia*, 1997.
- Yüce 1993 — *N. Yüce*. Mukaddimetü’l Edeb. Ankara, 1993.
- Zajączkowski 1949 — *A. Zajączkowski*. Z dziejów zapożyczeń orientalnych w polszczyźnie // *Sprawozdania*, 3, 1949.

А. В. ЦИММЕРЛИНГ

Откуда вода пить течет: об одной циркумбалтийской изоглоссе

1. Введение

Одной из характерных особенностей славянских и балтийских языков является модальная конструкция с оформлением дополнения инфинитива переходного глагола им. п.: в финитных клаузах те же глаголы приписывают дополнению вин. п. Самостоятельная инфинитивная клауза, построенная по модели им. п. + инфинитив, выражает модальные значения типа «необходимо делать *p*» или «возможно делать *p*». Данная конструкция изучалась как в плане ареальной лингвистики (Timberlake 1974), так и в плане стадиальной реконструкции индоевропейского синтаксиса (Потебня 1958; Dunn 1982; Степанов 1984; Ambrazas 1987). Оба подхода могут комбинироваться, поскольку гипотеза об ареальном взаимодействии и предполагаемом грамматическом заимствовании из субстратных прибалтийско-финских языков и гипотеза об эволюции предполагаемых индоевропейских моделей предложения не исключают друг друга, что отмечено в: Ambrazas 2001. Такой комбинированный подход выглядит разумно, поскольку грамматическое заимствование могло наложиться в балтийских и славянских языках на внутреннюю эволюцию унаследованных моделей предложения. Проблема в том, что исконное состояние балто-славянских инфинитивных предложений само является предметом реконструкции, а представление о том, что это состояние в прабалтийском и праславянском было одинаковым, держится на допущении о том, что соответствующие модели предложения были в готовом виде унаследованы из праиндоевропейского. Между тем, ситуация в балтийских и славянских языках неодинакова. Циркумбалтийские языки обладают значительной общностью морфосинтаксических черт (Dahl, Kortjevskaja-Tamm 2001), что не исключает возможности изучать гипотезы о направленном воздействии одних языков на другие в зоне контакта, при этом для разных конструкций направление влияния может быть разным. Славянские языки имеют более длительную письменную историю, но разнообразие моделей предикации, где возможно маркирование дополнения им. п. (ср. Seržant 2016b; Kozhanov, Arkadiev 2020), в балтийских языках выше. Кроме того, из всех славянских языков конструкция им. п. + инфинитив в древнейший период характерна только для одной группы циркумбалтийских диалектов, а именно — для северо-западного и западного диалектов древнерусского языка (Ларин 1975). Диалекты этой группы — псковский, новгородский, смолен-

ский, полоцкий — в XI–XV вв. развивались в тесном контакте с балтийскими языками и сходство поверхностно-синтаксических схем конструкций им. п. + инфинитив может объясняться не только индоевропейским наследием, но и позднейшим влиянием балтийских языков на славянские или славянских языков на балтийские. Задачей настоящей статьи является уточнение семантики и синтаксических ограничений, накладываемых на употребление конструкции им. п. + инфинитив в древнерусских памятниках XI–XV вв., локализуемых на Северо-западе и Западе Руси. Отдельно прослеживается ситуация в тех группах памятников, которые либо непосредственно связаны с зоной балтийско-славянского двуязычия (Псков, Полоцк), либо связаны с перепиской между Новгородом и Великим княжеством Литовским.

2. Модальная конструкция им. п. + инфинитив в памятниках домонгольского периода

В славистике конструкцию им. п. + инфинитив часто называют по характерным оборотам, встречающимся в текстах старорусского и ранненоворусского периода — *земля пахати* (Жотков 1959; Станишева 1966; Степанов 1984), также *косить трава* (Маркова 1989), *корова доити* (Ронько 2017), *ловити рыба* (Циммерлинг 2019) и т. п. Ровно таких коллокаций в текстах домонгольского периода нет, а самый показательный пример XII в. демонстрирует грамота из Старой Руссы, датируемая 1160–1180 гг.

- (1) *въ волости твоєи толико вода^{NOM} пити в городицнхъ*
(Ст. Рус. № 10, ок. 1160–1180 гг.)

‘В твоей волости *Городище* только и можно, что пить воду.’

Вслед за (Зализняк 2004: 156; Попова 2017) будем называть эту конструкцию *вода пити*. Другой пример XII в. из берестяных грамот сохранил коллокацию *протеря гошити* ‘нести ущерб’. Клитика дат. п. *ти* в (2) указывает на семантического субъекта инфинитива — лицо, которое понесет ущерб:

- (2) *а больши^{NOM} ти^{DAT} протеря^{NOM} гоши(ти)*
(Б. гр. № 155, ок. 1160–1180 гг.)

‘А коли откажешься платить>, нести тебе большой ущерб.’

Богатая коллекция примеров типа *вода пити* обнаруживается в «Вопрошании» Кирика Новгородца (ок. 1136–1156 гг.). В силу характера памятника представленные в этой конструкции у Кирика существительные *опитемья, дора, молитва, проскоура, давленина* отличаются от тех, которые встречаются в грамотах, но переходные глаголы *ясти, дати, държати, творити, плати* для книжных памятников неспецифичны. В

«Милятином евангелии» (1215 г.) был обнаружен единственный в домонгольский период пример с одушевленным существительным в позиции дополнения инфинитива: *пустити жена* ‘дать жене развод’:

- (3) *достоить*^{3SG} ли мужю^{DAT} *жена*^{NOM} *пустити*^{INF} (Мил. ев.)
(Соболевский 1907: 197)

‘Следует ли мужу давать развод своей жене.’

Древнерусская конструкция выражает значение алетической (внешней) модальности: внешние обстоятельства делают описываемое инфинитивным оборотом событие *p* (*пить воду, нести ущерб, дать развод жене, творить молитву*) возможным или необходимым. Нет оснований считать, что указанное значение привносится самим им. п. Вместе с тем, вполне естественно, что значение алетической модальности погашается, если инфинитив зависит от глаголов *хотѣти* и *велѣти*. Это наблюдение впервые сделал А. А. Зализняк (там же: 157), который обратил внимание на то, что в клаузах с *хотѣти* и *велѣти* Кирик, для которого модальная конструкция с *вода пити* регулярна, ставит дополнение инфинитива в вин. п.:

- (4) *аже* [_{VP} *велить*^{CAUS} [_{InfP} *блюсти*^{INF} *недѣлю*^{ACC} и *соуботу*^{ACC}].
(Вопр. Кир.: ст. 73)

‘Если он приказывает соблюдать воскресенье и субботу.’

Сам А. А. Зализняк не прокомментировал отмеченную им дистрибуцию им. и вин. п. в инфинитивных клаузах, но её легко объяснить семантически. Волитивные контексты с *хотѣти* и каузативные контексты с *велѣти* предполагают семантический контроль вложенной ситуации субъектом матричного глагола. Между тем, значение алетической (внешней) модальности такой контроль исключает. Тем самым, уже в домонгольский период модальная конструкция *вода пити* была идиоматична: независимые инфинитивные предложения обычно предполагали оформление дополнения им. п. В позднерусских памятниках и памятниках старорусского периода запрета на постановку дополнения инфинитива в им. п. в волитивных и каузативных контекстах нет, но статистическое предпочтение в пользу вин. п. на большой коллекции данных очевидно (Циммерлинг 2019: 322–324).

Тип инфинитивной клаузы (независимая vs. зависимая) менее значим для объяснения выбора им. п. ~ вин. п., поскольку конструкция *вода пити* могла употребляться после модального предикатива или глагола, что засвидетельствовано уже в середине XII в. у Кирика: *Льзѣ / достоить* [_{InfP} *MODI^{AL} молитва творити | дора кисти*]. Такая дистрибуция модальной конструкции *вода пити* означает, что к внутреннему алетическому опе-

ратору **MOD1^{AL}** ‘внешняя ситуация делает *p* возможным/необходимым’ может добавляться внешний модальный оператор **MOD2**, связанный с матричным предикатом, вводящим инфинитив. При *льзѣ* ‘можно, разрешено’ и *достойтъ* ‘следует’ **MOD2** имеет деонтическую интерпретацию:

(i) [TR **MOD2^{DE}** *льзѣ* [InfP **MOD1^{AL}** *вода тити*]]

При *надобе* ‘необходимо’ **MOD2** имеет алетическую интерпретацию, поэтому внутренний и внешний модальный операторы эквивалентны при условии, что оба обладают той же силой¹.

(ii) [TR **MOD2^{AL}** *надобе* [InfP **MOD1^{AL}** *вода тити*]]

В. И. Борковский (1949: 335) ещё до открытия берестяных грамот предположил, что конструкция *вода тити* является новгородской. Против этого говорит тот факт, что в Смоленской Грамоте 1229 г. данная конструкция не только многократно встречается в юридической формуле *взяти правда* «пользоваться правом определенного типа», ср. *такова^{NOM} правда^{NOM} оузати роусиноу оу ризѣ и на гочкомь березѣ* (Смол. А.: 30–31, ср. Смол. А.: 42, 44, 48–49, 52, 83, 90–91), но в представлена в коллокациях *гривна заплатити*, ср. *Аже боудѣте холѣпѣ убитѣ ·ѿ· гривна^{NOM} сѣрѣбра заплатити* (там же, 14–15), *дати ногата*, ср. *дати юмоу вѣсцѣ ногата^{NOM} смольнескаѧ^{NOM}* (там же: 75–76) и *дати куна*, ср. *дати юмоу ѿ гривны сѣрѣбра коуна^{NOM} смольнескаѧ^{NOM}* (там же: 78–79). Такое употребление подтверждает высокую регулярность модальной конструкции *вода тити* в смоленском диалекте.²

Полоцких грамот домонгольского периода нет, но в самой первой полоцкой грамоте, датированной 1263 г., данная конструкция представлена в том же модальном контексте:

(5) *В которой волости ч(о)л(о)в(е)кѣ извинить^c(а), ту ему правда^{NOM} дам^m(и)^{INF}, или вина его.* (П.гр. № 1, 1263 г.)

‘Если человек избежит от долга в какой-либо волости, это регулируется местным правом [букв. ‘там ему и дать правду’], а иначе вина на нём.’

Итак, во второй четверти XIII в. модальная конструкция *вода тити* регулярно используется в западных диалектах древнерусского языка в

¹ Т. е. оба указывают на необходимость (сильная алетическая модальность) или возможность (слабая алетическая модальность).

² Ср., однако, ещё у Соболевского (1907: 197): «Къ смѣшенію имен. и вин. п. не слѣдуетъ относить употребленія формъ имен. ед. женск. р. при неопредѣленномъ наклоненіи, очень частаго въ новгородскихъ, смоленскихъ и московскихъ памятникахъ до конца XVII в.» (подчёркивание моё — А. Ц.).

тех же контекстах, что и в новгородских памятниках. Доказанных примеров для других древнерусских диалектов домонгольского периода нет, однако в русском списке Студийского устава, датируемом концом XI – началом XII вв., была обнаружена коллокация *пѣти павѣрница* ‘петь павечерницу’ (Успенский 2006: 67). Так как в церковнославянском модальной конструкции им. п. + инфинитив нет, пример (6) может объясняться только как сбой, связанный с перенесением черты диалекта переписчика.

(6) *Дще настанѣ днѣ нарочита сѣго · идѣ рѣчьтѣ прѣ · ть | гда павѣрница^{NOM}
пѣти^{INF}.* (Студ. 21.15–16)

‘Когда наступит день почитаемого святого, который считается праздником, тогда следует петь павечерницу.’

Предложение (6) — самый ранний известный пример модальной конструкции *вода пити* в истории русского языка. Подчеркнем, что альтернативная интерпретация (6) как конструкции с обстоятельственным инфинитивом при подлежащем в им. п. — *‘павечерница [вечерняя молитва] существует, чтобы её петь’ — исключена.

Таким образом, в памятниках домонгольского периода модальная конструкция *вода пити* регулярна и обнаруживает следующие черты:

- (iii) именная группа (ИГ) в им. п. является дополнением инфинитива, а не его подлежащим.
- (iv) Дополнение в им. п. выражает семантическую роль пациенса переходного глагола.
- (v) Конструкция выражает значение алетической возможности или необходимости.
- (vi) Значение конструкции исключает семантический контроль ситуации со стороны субъекта инфинитива. Комбинация модального оператора инфинитива с внешним оператором деонтической или алетической модальности допустима, но комбинация модального оператора инфинитива с внешним волитивным или каузативным оператором нежелательна.
- (vii) Ограничения на лексическую семантику глагола, управляющего дополнением с ролью пациенса, не прослеживаются.
- (viii) Указание на субъекта алетической модальности, связанное с добавлением дат. п. лица в схему конструкции, возможно, но не обязательно.

Кроме того, в истории русского языка действует ограничение на морфологический тип дополнения инфинитива: в данной позиции допускаются только существительные и полные ИГ, но не местоимения: в отличие от балтийских языков, предложения с местоименными дополнениями в им. п. **она пити*, **она видети* не документированы.

3. Конструкция *вода питу* в позднерусском и старорусском языке

Кратко перечислим основные факты о конструкции *вода питу* в русском языке второй половины XIII – XX вв. и приведем данные о её употреблении в двух диалектах, ближе всего контактировавших с балтийскими языками, — полоцком и псковском, а также на территории Новгородского государства.

- * В XIV в. конструкция несколько раз встречается в нелокальных документах Великого княжества Литовского, которые не могут быть доказательно причислены к староукраинским.
- * Конструкция представлена в полоцких грамотах с 1263 по 1511 гг.
- * Конструкция представлена в псковских текстах, включая «Псковскую судную грамоту» (1397–1467 гг.).
- * В памятниках старорусского и ранненоворусского периодов с 1400 по 1730 гг., не связанных с Западом и Северо-западом, конструкция *вода питу* не имеет ясной локальной привязки, вопреки (Котков 1959).
- * Частота употребления конструкции в восточно-русских памятниках русского языка с 1400 по 1730 гг. подтверждает её укорененность в приказном стиле и, в какой-то мере, в недоступной нам непосредственно стоящей за ним устной практике в наддиалектной форме русского языка.
- * В памятниках северо-западного и западного диалектов XII–XV вв. число примеров измеряется десятками, в памятниках восточного диалекта в 1400–1720 гг. — тысячами.
- * По неясным причинам конструкция быстро выходит из употребления в середине XVIII в. Более ранние датировки недостоверны, ср. обсуждение в (Циммерлинг 2019: 333–334).
- * В некоторых диалектах русского Севера конструкция пережиточно сохраняется, но частота её употребления резко снижается к XX–XXI в. (Кузьмина, Немченко 1964; 1971; Маркова 1989; Кузьмина 1993; Ронько 2017).

С. И. Котков (Котков 1959) на основе анализа южнорусских актов XVI–XVII вв. пытался доказать, что в этот период конструкция *вода питу* была характерна для южнорусских диалектов, но приведенные им доводы сводятся к тому, что в местных актах есть не только готовые клише приказного стиля типа *земля пахать*, которые писец мог заимствовать из известного ему образца, но и иные сочетания с существительными на *-а* в позиции дополнения инфинитива. Это основание недостаточно, так как воспроизводство конструкции *вода пи-*

ти как черты приказного стиля связано не только с лексикой, но и с грамматикой. Между тем, о специфике грамматики приказного стиля южнорусских актов по сравнению с актами других регионов по представленным в статье С. И. Коткова данным судить нельзя.

Практически все примеры с морфологически однозначной формой им. п. в позиции дополнения связаны с существительными ж.р. Однако в новгородском диалекте, где им. п. в тематическом склонении м.р. имел окончание *-e* и не совпадал в вин. п., имевшим нулевое окончание, всё же засвидетельствован пример с формой *осетре*:

(7) *А осетре*^{NOM.M} *имѣ*^{DAT} *имати*^{INF} *по старинѣ* (ГВНП: № 93, 1434 г.)
 ‘А осетра им следует брать в прежнем порядке.’

3.1. Конструкция *вода пити* и им. п. дополнения в полоцких памятниках

В полоцких памятниках 1263–1511 гг. модальная конструкция *вода пити*, по нашим подсчетам, встречается 12 раз. 9 примеров связаны с независимыми инфинитивными предложениями: *правда*^{NOM} *дати* (1263 г.), *исправа*^{NOM} *чинити*, *обида*^{NOM} *правити* (1387 г.), *белка*^{NOM} *купити* (1405 г.), *тоја*^{NOM} *борѣ*^{NOM} [= *борть*] *choditi*, *taja*^{NOM} *borѣ*^{NOM} *derzaty* (2 р.), (1482 г.), *рыба*^{NOM} *ловити* (1484 г., 1492 г.). В 3 примерах конструкция встретилась в зависимой клаузе: *прилучило тая*^{NOM} *вѣра*^{NOM} *принати* и *держати* (1387 г.), *што вам дат(и) правда*^{NOM} *нашему послу* (1405 г.), *слава помогшем*⁸ *ми Б(о)гоу написати сја*^{NOM} *книга*^{NOM} (1505 г.). Вин. п. в аналогичном модальном контексте встретился 7 раз, в 5 случаях из 7 — в независимом инфинитивном предложении.

В немодальных контекстах, в частности — после каузативного, волитивного предиката и глагола *мети* в зн. ‘иметь место’ в полоцком диалекте дополнение инфинитива переходного глагола всегда оформляется вин. п. (120 примеров). Тем самым, ограничение, отмеченное А. А. Зализняком для новгородских памятников домонгольского периода, сохраняет силу и для иной группы памятников более позднего периода.

В нескольких примерах им. п. дополнения встречается за пределами инфинитивных клауз в немодальном контексте. В черновике договора 1405 г. им. п. *грамота* стоит после конструкции перфекта в 1 л., см. (8)³. В беловике этой конструкции нет.

³ В издании (Хорошкевич 2015: 119) указано, что черновик договора 1405 г. написан неумелой рукой. Эта деталь согласуется с предположением, что использованная неискушенным писцом конструкция причастие на *-л* + им. п. дополнения *излучить есмь грамота* не соответствовала узусу письменной традиции Полоцка. Отдельный вопрос состоит в том, был ли писец грамоты П.гр. № 48 полоцанином. Смешение *з* с *ж* — черта не полоцкого, а псковского диалекта (Зализ-

- (8) *Излучиль юсми^{1SG} грамота^{NOM} на Б(о)з(ѣ) милости.*
(П.гр. № 48, 1405 г.)
'Я отпустил грамоту по Божьей милости.'

Аналогичное сочетание перфектного причастия на -л с им. п. до-полнения встретилось в грамоте П.гр. № 3, которая на век раньше. Эта грамота, как и предыдущая, сохранилась в оригинале, поэтому сомнений в правильности чтения нет.

- (9) *А нынѣ есмь^{1SG} оувѣдалъ [NP. любовь ваша права.]^{NOM} съ | с(ы)номь моимъ с Витенемь.*
(П.гр. № 3, ок. 1299–1305 гг.)
'А ныне я узнал о том, что вы полюбовно договорились с моим <духовным> сыном Витенем.'

При причастии на -но в полоцком диалекте были возможны две конкурирующих формы неканонического пассива. При первом сценарии пассивизируемая ИГ стоит в им. п., но причастие не согласуется с ним в роде и числе, см. (10):

- (10) *Ино в Миткове листе Петровича выписано^{PP.SG.N} граница^{NOM.F} томъ име^(ь)ю по Сарью рекѣ*
(П.гр. № 397, 1506 г.)
'А в грамоте Митки Петровича граница того владенья определена до реки Сарьи.'

По модели (10) в полоцких грамотах построено четыре примера⁴. Самый ранний пример — *тако, како грамот(а)^{NOM} написано* (П.гр. № 1) — датируется 1263 г., но эта грамота сохранилась в поздних списках, поэтому доказать, что чтение является первоначальным, трудно.

При втором сценарии пассивизируемая ИГ при причастии в ср.р. ед.ч. ставится в косвенном падеже (вин. п.). Это т.н. «ленивый» пассив или, в иной терминологии, — параметр антисубъекта (Ронько, Цим-няк 2004: 52). Между тем, писец П.гр. № 48 пять раз пишет слово *ажь* (= *аже*) как *азъ*, слово *рубез* 'конфискация имущества' записывает *въ рубеза*, а слово *тяжелъе* передает как *тазелъа*. Отражением шепелявения (шоканья) в диалекте писца П.гр. № 48 является также написание *мъслание* = *мъшание* 'сумятица'. Наконец, писец дважды сбился при передаче слова *нѣмецки*, записав ять в корне через *и*: *нимѣцѣ|кому ... нимѣцкому*: совпадение *ѣ* и *и* является чертой северо-западных диалектов, а не полоцкого диалекта, где *ѣ* совпадало с *е* (отсюда неэтимологический *ѣ* в суффиксе *-ец* < -ьц). Все это побуждает считать, что писец грамоты П.гр. № 48, записавший от имени полочан черновик договора с Ригой, был носителем иного диалекта, с высокой вероятностью — псковского.

⁴ В одном из них в позиции дополнения причастия ср.р. стоит количественная группа, что допускается в современном литературном русском языке: *А въ двѣхъ ли|стехъ ему выписано две земли нустовскихъ тамъ же в Полоцкомъ|повете*: (П.гр. № 422, 1507 г.).

мерлинг 2015: 59), по которому в ряде конструкций доступная ИГ не получает им. п. и не попадает в позицию подлежащего, даже если эта позиция вакантна. См. (11).

- (11) *и поведили, ижъ |проѡкомъ ихъ дано^{PP.SG.N} землю^{ACC} на Вѣшачи и на Солонѣце в Полоцкомъ пове|те* (П.гр. № 28, 1393–1430 гг.)
 ‘И они сообщили, что их предкам давали землю на Вшачи и на Солонце в Полоцком повете’

В уже упоминавшейся грамоте П.гр. № 1 (1263 г.) тоже может быть представлен ленивый пассив: *сию^{ACC} грамоту^{m(y)}^{ACC} тогда напса|на в Ризе*. Но эта грамота дошла до нас в поздних списках, и нет уверенности, что чтение правильно. Так или иначе, в полоцком диалекте XIV–XVI вв., наряду с модальной инфинитивной конструкцией *вода пити* были возможны и немодальные конструкции типа (10) с им. п. дополнения после причастия на *-но*, которые конкурировали с ленивым пассивом типа (11). Кроме того, зафиксированы бесспорные примеры им. п. дополнения после перфектного причастия на *-л*, см. выше (8) и (9).

3.2. Конструкция *вода пити* в «Псковской Судной Грамоте»

«Псковская Судная Грамота» является уложением городского права Пскова. В её тексте конструкция *вода пити* представлена 34 раза, что с учётом небольшого объёма памятника является высоким показателем. В 10 случаях позицию дополнения занимает слово *правда*: *правда^{NOM} дати* (*дать*) — 8 примеров, также *обыскать правда^{NOM}* ‘провести расследование’ (ПСГ: ст. 19), *правда^{NOM} судомъ посудити* ‘пересмотреть сомнительные дела в судебном порядке’ (ПСГ: ст. 62). 2 примера связаны со словом *грамота*, 6 — со словом *денга*, 2 — со словом *покрута* ‘ссуда’, 2 — со словом *строка* в зн. ‘параграф закона’, 2 — со словом *продажа*, по одному разу представлены существительные *порядня* ‘договор’, *рядница* ‘письменное обязательство’, *доска* ‘письменный акт, начертанный на дереве’, *судница* ‘судебное постановление’, *весна*, *вѣра*, *земля*, *скрута* ‘украшение’, *корова* и *душа* в сочетании *душа выдати* ‘выдать с головою’ (ПСГ: ст. 28). Вин. п. в соответствующем контексте при существительном ж.р. на *-а* в языке ПСГ употребляется всего два раза⁵. Более того, имеется один пример, где дополнение инфинитива ставится в им. п. в отрицательной клаузе, где обычно в диалектах, сохраняющих конструкцию *вода пити* в неотрицательных клаузах, используется род. п.⁶

⁵ См. *и государю взять у него все половину^{ACC} своего изорника* (ПСГ: ст. 64), *А корову^{ACC} купить за слоблено* (ПСГ: ст. 120). Имеются также примеры с одушевленной формой вин. п. м. р.: *наймита^{ACC.ANIM} волно наняти* (ПСГ: ст. 37), но они не показательны, так как существительные данного класса в позиции дополнения инфинитива, по-видимому, никогда не получают им. п. в древнерусском и старорусском языках.

- (12) *и князю продажа^{NOM} не^{NEG} взяти^{INF}.* (ПСГ: ст. 53)
 ‘И князю не следует брать пошлину с продажи.’

Немодальная конструкция с им. п. дополнения представлена два раза при деепричастии *давши* (ПСГ: ст. 52, 106).

- (13) *ино государю правда^{NOM} давши^{GER}, взять свое или изорнику вѣритъ.*
 (ПСГ: ст. 52)

‘В таком случае господину следует, приведя свидетельство, взять свое имущество, иначе слова изорника принимаются на веру.’

В отличие от ситуации в полоцком диалекте, немодальные употребления им. п. дополнения при деепричастии *давши* в псковском диалекте можно считать вторичными по отношению к модальным. В конструкции *вода тити* ПСГ использует широкий круг переходных глаголов: *дать, обыскать, имать, посудить, взять, платить, повинить, заплатитъ, нять, записать, выписать, выкупить, отдать, выдать*. В других псковских грамотах XIV–XV вв. встречаются также глаголы *ловить, ставить* и *положить*, ср. (14):

- (14) *Се жалуетса селитва^{NOM} ставити да рыбу^{ACC} ловити неводом да мережи.* (ГВНП: № 333, 1308–1312 гг.)

‘Настоящим жалуется <Яков Голутвинич правом> ставить двор и ловить рыбу неводом и ловушками.’

ПСГ использует предложения с модальными предикативами дативно-предикативной структуры (ДПС) *волно* ‘разрешено’ и *любо*, которые имеют валентность на инфинитив⁷. *Вол(ь)но* используется 14 раз, из них — 12 раз с инфинитивом (ПСГ: ст. 15, 16 (2 р.), 22, 37, 50, 51, 69, 87, 104, 110, 118), и лишь в одном случае предикатив вводит оборот им. п. + инфинитив, см. (15):

- (15) *ино [DP та строка] волно^{PRED} выписать^{INF} вонь изъ грамотъ.*
 (ПСГ: ст. 110)

‘Тогда ту строку разрешается удалить из грамоты.’

Таким образом, несмотря на регулярность моделей $PRED^{MOD}-INF$ и $N_{NOM}-INF$ в псковском диалекте, они пересекаются к середине XV в. слабо.

⁶ Род. п. отрицания обычен в этой позиции и в языке ПСГ, см.: *А татю вѣры^{GEN} не^{NEG} нять* (ПСГ: ст. 61), а *тайныхъ^{GEN} посуловъ^{GEN} не^{NEG} имать* (ПСГ: ст. 5), *ино ему гостинца^{GEN} не^{NEG} взять* (ПСГ: ст. 75).

⁷ Также зафиксирован предикатив ДПС *вѣдомо* (ПСГ: ст. 56, 57, 58).

3.3. Комбинация модальной конструкции *вода питу* с внешним алетическим оператором в памятниках новгородского диалекта

В псковском и полоцком диалекте конструкция *вода питу* в зависимой клаузе, вводимой внешним алетическим модальным оператором типа *надобе*, см. модель (ii), в памятниках XIII–XV вв. не представлена. На территории Новгородского государства ситуация такая: в берестяных грамотах, а также в неберестяных актах внутреннего управления Новгорода и частных письмах новгородцев на неберестяном носителе модель (ii) не представлена. Не отражена она в данный период и в грамотах Обонежья и Двины, население которых частично состояло из носителей прибалтийско-финских языков⁸. В актах внешних сношений Новгорода модель (ii) встретилаь один раз в грамоте 1440–1447 г. Что характерно, данная грамота является договором с Великим княжеством Литовским и может отражать узус части его русскоязычного населения⁹:

(16) *А в Новгородской волости не надоби ни что иное Литви, ни на Дѣмянѣ, ни на Снѣ, ни на Полоновѣ, не надоби [лнр брати [лнр чорна кунна]^{НОМ}, ни иное ничто же].* (ГВНП: № 70, 1440–1447 гг.)

‘А в новгородской волости Литве ничего не надо, ни на Демян, ни на Сне, ни на Полоне, не нужно брать ни черную куну, ни что-либо другое.’

В грамотах внешней переписки с Москвой таких примеров нет, что позволяет предположить, что плеонастическая комбинация внешнего алетического оператора типа (*не*) *надобе* с алетической модальной конструкцией *вода питу* в XII–XV вв. — не собственно древнерусская и не субстратная прибалтийско-финская черта, а черта идиомов русского языка в зоне славяно-балтийского двуязычия.

3.4. Структурные варианты конструкции *вода питу* в западном и северо-западном диалектах русского языка в XIII–XV вв.

Некнижные памятники западных и северо-западных диалектов, относящиеся к периоду 1260–1511 гг., показывают следующее распределение структурных вариантов конструкции *вода питу* в независимых и зависимых клаузах. Новгородские памятники разделены на четыре группы — а) берестяные грамоты; б) частные письма и акты внутреннего управления (на неберестяных носителях); в) договор-

⁸ В независимой клаузе конструкция *вода питу* в грамотах Двины и Обонежья встречается в XIV–XV вв. не менее 14 раз.

⁹ Вместе с тем, смешение *ѣ* с *и* в словах *надоби*, *Литви* является новгородской чертой, что не отменяет возможности того, что новгородский писец грамоты ГВНП № 70 мог переписать текст, составленный литовской стороной.

ные грамоты с Западом; d) договорные грамоты с Москвой. Грамоты Двины и Обонежья выделены в отдельные столбцы.

Таб. 1. Конструкция *вода тити* в северо-западном и западном диалектах русского языка в XIII–XV вв.

%	Полоцкий диалект	Псковский диалект	Новгородский диалект				Обонежье	Двина	Всего
			Бер.гр.	Внутр. упр.	Договора с Западом	Договора с Москвой			
Независимые клаузы	11	34	3 ¹⁰	2	16	10	3	11	90
После модального глагола или предикатива	1	1	0	0	1	0	0	0	3
После каузативного предиката	0	0	0	0	0	0	0	0	0
После волитивного предиката	0	0	0	0	0	0	0	0	0
При деепричастии	0	2	0	0	1	0	0	0	3
При причастии на -л	2	0	0	0	0	0	0	0	2
При форме императива	0	0	1 ¹¹	0	0	0	0	0	1
При временной форме глагола	0	0	0	0	0	0	0	1	1
Всего	14	37	4	2	18	10	3	12	100

Из таб. 1 видно, что на 90 примеров конструкции *вода тити* в независимой клаузе приходится три примера с вложенной клаузой после модального предиката. После каузативного и волитивного предикатов конструкция *вода тити* не употребляется, что подтверждает её модальный характер. Немодальные употребления с деепричастиями, см. (13), и перфектным причастием на -л, см. (7) и (8), маргинальны и встречаются в диалектах, непосредственно контактировавших с балтийскими языками — псковском и полоцком. Новгородский пример (17) нельзя считать исключением, так как он представлен в той же договорной грамоте 1440–1447 гг. с Литвой, где единственный раз встретила комбинация *не надобе* с группой им. п. + инфинитив.

¹⁰ Б. гр. №142 (первая половина XIV в.), 578 (вторая половина XIV в.), 19 (первая половина XV в.).

¹¹ Б. гр. № 383 (вторая половина XIV в.). Им. п. дополнения в императивной клаузе один раз встречается также в Новгородской первой летописи: *а мнѣ ре(ч) даи^{МР} бѣ исправити* [_{НР} правда новгородьская]^{НОМ} (ИМПЛ: л. 109 об., под. 1230 г.). Императивный контекст сохраняет алетическое модальное значение.

- (17) или *будеть миръ нелюбъ, сослався и грамота^{NOM} отославъ^{GER}, а послѣ грамоты мясячъ не воеватися* (ГВНП: № 70, 1440–1447 гг.)
 ‘Или, если мир будет нелюб, следует вступить в контакт и отослать грамоту, после чего не воевать ещё мясяч.’

Единственный в выборке пример им. п. дополнения при финитной форме презенса встретился в XV в. в двинской грамоте: *А великого государя напишутъ писцы і [др та земля]^{NOM.F} і в книги* (ГВНП: № 260).

4. Происхождение древнерусской конструкции *вода питу*

Происхождение конструкции *вода питу* является предметом полемики. Существует два лагеря — сторонники гипотезы о заимствовании конструкции из прибалтийско-финских языков (Ларин 1963; 1975; Kiraskey 1960; 1969; Timberlake 1974; Ронько 2016, ср. Seržant 2016b), и сторонники гипотезы о её автохтонном развитии или наследовании из индоевропейского (Потебня 1958: 372–375; 1968; Поповъ 1881/2012; Шахматов 1941; Dunn 1982; Степанов 1984, 1989; Крысько 1994: 192; Даниленко 2003). С одной стороны, сторонники гипотезы о заимствовании не смогли указать ни источник заимствования — конкретный финно-угорский или балтийский язык, ни диалект древнерусского языка, первым заимствовавший конструкцию — новгородский (Борковский 1949), псковский или полоцко-смоленский диалект. С другой стороны, сторонники гипотезы об автохтонном развитии конструкции не смогли доказать факт её распространения за пределами Северо-запада Руси в домонгольский период и обосновать валидность схем её предполагаемой эволюции. А. А. Потебня вслед за Ф. Миклошичем считал, что модальное значение привносится самим инфинитивом, а дополнение в им. п. стало возможным в результате переосмысления исконной герундивной конструкции с подлежащим в им. п. и обстоятельственным инфинитивом. Соответствующая конструкция была свойственна древним славянским языкам при ограниченном круге глаголов, включая глаголы восприятия (Потебня 1968: 365–368; Porák 1967). Её продолжением могут быть обороты типа *пісня чути, рука знати* (по Даниленко 2003: 245), засвидетельствованные в говорах Киева, Полесья и в отдельных местах Днепропетровщины, Харьковщины, Сумщины, Кировоградщины, Нежинщины. Проблема в том, что ни материал раннедревнерусского языка, ни материал памятников второй половины XIII–XVI вв. не соответствует данной схеме. Уже около 1100 г. модальная конструкция *вода питу* полностью грамматикализована в тех диалектах древнерусского языка, где она документирована. Никаких ограничений на лексическую семантику инфинитива переходного глагола нет. То, что в памятниках XII–XIII вв.

глаголы восприятия, знания и мнения в конструкции *вода пьти* не представлены, может быть случайностью, но гипотезу о переосмыслении исходного подлежащего инфинитива глагола психической сферы в дополнение такой подбор агентивных переходных значений заведомо не подтверждает. Те же самые прямопереходные глаголы в пределах одних и тех же текстов XII–XVIII вв. параллельно сохраняют возможность управлять вин. п., при этом конструкции *им. п. + инфинитив* и *вин. п. + инфинитив* оказываются в распределении, напоминающем механизм дифференцированного маркирования дополнения (Ронько 2016; Циммерлинг 2019). Из изученных нами 2000 примеров модальной инфинитивной конструкции в истории русского языка лишь в двух-трех случаях им. п. кодирует не пациенса, а некоторую периферийную семантическую роль (место и т. п.). Что касается вторичного согласования, реконструкции Потемни и его последователей соответствуют всего три примера, где актант в им. п. контролирует числовую форму сказуемого или предикативного атрибута. Два примера их трех были обнаружены в старорусском корпусе НКРЯ в выгрузке из 1054 клауз им. п. + инфинитив, см. (18)–(19).

- (18) *пашня*^{NOM.SG.F} *де поспѣла*^{SG.F} *пахать*^{INF} *а пахат нельзя для тово что не розделена* (Я. Г. Тухачевский Аврааму Никитичу (1650–1720))
 ‘Они говорят, что>, мол, пришло время пахать пашню, а пахать нельзя, потому что она не разделена.’
- (19) *Да были есмь на мѣстѣ, кдѣ усѣкнули главу святому апостолу Павлу, ту три кладязи: коли стяли главу, и она прынула трижды, и с тѣх мѣстѣ истѣкають три кладязи прудко велми, и вода*^{NOM.SG.F} *их пьти*^{INF} *сладка*^{SG.F} *велми и студена*^{SG.F} (Заметка о Риме (1438))
 ‘...И оттуда вытекают три быстрых ключа. Их вода сладка и приятна на вкус.’

Мнение об архаичности примеров (18) и (19) при такой статистике (0,019% от общего числа сочетаний им. п. + инфинитив) является предметом веры. Примеры, где ИГ в им. п., играющая роль пациенса переходного глагола, одновременно контролирует первичное или вторичное согласование предиката, с равной вероятностью могут быть результатом вторичного развития или иноязычного влияния. Ранний пример (1) и поздний пример (19) объединяет лишь сочетание инфинитива *пьти* со словом *вода*, но сходство между ними иллюзорно. Автор примера (1) говорит, что в месте *Z* есть единственная возможность — *пить воду*: это утверждение не о свойствах воды, а о том, что могут сделать жители *Z*. Напротив, автор примера (19) говорит именно о свойствах воды в *Z*, утверждая, что она пригодна для питья и приятна на вкус.

4.1. Конструкции с инфинитивом и его аналогами в балтийских языках на фоне древнерусских соответствий

В связи с оценкой достоверности гипотез о заимствовании конструкции *вода нити* в группу северных и западных диалектов древнерусского языка vs. автохтонном развитии данной конструкции в балто-славянских языках имеет смысл кратко рассмотреть материал литовского и латышского языков, который привлекался сторонниками обеих гипотез. Синтаксис предложений с неканоническими актантами в им.п. изучался как в перспективе ареальной типологии циркумбалтийских языков (Timberlake 1974; Seržant 2016b; Ронько 2016), так и в перспективе реконструкции моделей индоевропейского предложения и их эволюции в балто-славянском (Ambrazas 1987; 2001; Степанов 1984). Балтийские языки имеют более короткую письменную историю, чем древнерусский язык, что не исключает представления об их большей архаичности, в том числе — в плане морфосинтаксиса. Близким структурно-семантическим соответствием русской инфинитивной модальной конструкции *вода нити* является латышская финитная конструкция с производной глагольной формой дебитива, где модальный оператор¹² вводится дебитивной приставкой *jā-*, а актант в им.п. имеет свойства дополнения (Holvoet 2001; Seržant 2016b: 163–172).

(20) Лтш. *Man*^{DAT} *jālasa*^{DEB} *grāmatas*^{NOM.PL.}
 ‘Мне **надо** прочесть **книги**.’

В сложных формах дебитива ИГ в им.п. обычно не контролирует согласование.

(21) Лтш. *Kam*^{DAT} *būtu*^{SUBJ} *bijis*^{PRT.NOM.SG} *jālasa*^{DEB} [_{NP} *attiecīgi nolikumi*]^{NOM.PL.}
 (Seržant 2016b: 165)
 ‘Кто зачитает соответствующие правила?’

В балтистике конструкция латышского дебитива признается инновацией, вытеснившей старую модальную инфинитивную конструкцию, общую для литовского и латышского языков (Ambrazas 2001: 397). В. Амбразас цитирует указанный Я. Эндзелином диалектный пример (22), который считается изолированным реликтом:

(22) Лтш. диал. (Нерета). *Kungam*^{DAT} *ēst*^{INF} [_{DP} *tei meizīte*]^{NOM!}
 ‘Господам — есть этот хлеб!’

¹² Главное семантическое отличие латышского дебитива от русской конструкции *вода нити*, видимо, состоит в том, что дебитив может выражать значение внутренней модальности, которое для русской инфинитивной конструкции недоступно: значения соответствующего типа выражаются в русском языке предикативами типа рус. *надо*, *нужно*.

В тех латышских диалектах, где дативно-инфинитивная конструкция ещё встречается, пациентное дополнение инфинитива переходного глагола обычно получает вин.п.:

(23) Лтш. диал. *Tev*^{DAT} *bij*^{3PST} *ņemt*^{INF} *niedres meitu*^{ACC} (Ambrazas 2001: 402).
 ‘Ты должен был взять <в жены> дочь камыша.’

В некоторых латышских диалектах ИГ в им.п. может контролировать согласование в сложной конструкции дебитива, ср. указанный А. Хольфутом пример:

(24) Лтш. диал. *Lini*^{NOM.PL} *bijuši*^{PRT.NOM.PL} *jākalte*^{NOM.PL}.
 ‘Лён нуждался в усушке’, букв. ‘льны были для высыхания.’

В. Амбразас (Ambrazas 2001: 398) сопоставляет пример (24) с формулой *такова правда оузати роусиноу* из Смоленской грамоты 1229 г., где ИГ *такова правда* якобы является исконным подлежащим инфинитивного оборота, где инфинитив выступает ещё в своей прежней функции отглагольного имени. Эта параллель неубедительна, поскольку применительно к истории древнерусского языка речь идёт не об установленном факте, а о реконструкции, предложенной А. А. Потебней в 1874 г. (см. Потебня 1958: 406). Сколь бы ни был велик авторитет А. А. Потебни, стоит напомнить, что на синхронном уровне его анализ неприменим ни к одному из древнерусских примеров модальной конструкции *вода тити* в домонгольский период. Лексическая семантика слова *правда* ‘совокупность юридических норм’ толкает в ложную сторону, побуждая искать смысл «юридические нормы существуют для того, чтобы их соблюдали». Значение модальной конструкции им.п. + инфинитив в древнерусском языке не зависит от выбора имени: *вода* в позиции дополнения инфинитива ничем не отличается от *правды* или *грамоты*. Кроме того, в древнерусских примерах конструкции *вода тити* нет материально выраженной связки: если предикатная вершина, от которой зависит инфинитив, имеется, она является невыраженной, нулевой. Напротив, в балтийских примерах типа (21), (23)–(24) модальный инфинитив или приходящая ему на смену форма дебитива зависит от внешне выраженного предикатного слова типа *bij* в (23) или *bijuši* в (24). Примеры обстоятельственной конструкции, где инфинитив переходного глагола зависит от ненулевой вершины, спорадически встречаются в не книжных русских текстах, ср. приведенный выше поздний пример (19) *пашня постѣла пахать* (XVII₂ в.) Наиболее ранний древнерусский пример, где ИГ в им.п. контролирует согласование вторичного предиката, от которого зависит инфинитив, встретился в рядной Якиме с Тешатой (вторая половина XIII в.), которую ранее включали в издания

псковских грамот (ГВНП 1949; Боголюбова, Таубенберг 1960), но теперь чаще относят к полоцким, так как в ней нет фонетических черт псковского диалекта (Живов 1984: 306; Живов 2006: 136). Слово *мониста* в (25) стоит во мн.ч. ср.р.: такую же форму показывает предикативное прилагательное *свободна*:

(25) *И на дѣвѣцѣ Якымъ серебро взялъ, и [NP мониста Тѣшатина]^{NOM.PL.N} у Якымовы жены **свободна**^{NOM.PL.N} Тѣшатѣ^{DAT} **взяти**^{INF}, и роцетѣ учинила^{PST.3DU} промежи себе.* (ГВНП: № 331, ок. 1266–1299 гг.)

‘И Яким взял <проценты> за девицу серебром, и теперь Тешата вправе забрать у жены Якима свои мониста, и эти два человека рассчитались между собой.’

Диалектная принадлежность писца рядной Якима — отдельная тема. Но не подлежит сомнению, что грамота ГВНП № 331 локализуется в зоне интенсивных балто-славянских контактов, если не литовско-русского двуязычия. Отнесение этой грамоты к псковским и её датировка поддерживается тем, что писец грамоты назвал себя *Довмонтовым писцом* (а писал *Довмонтовъ писецѣ*), т.е. писцом псковского князя Довмонта-Тимофея (1266–1299 гг.), одна из сохранившихся печатей которого найдена на рядной Якима. При Довмонте в Пскове была большая община крещеных литовцев. *Довмонтов писец*, кем бы он ни был, владел наддиалектной формой русского языка, ср. эффекты второй палатализации в *девицѣ*, *послуси*, а также форму дв.ч. *учинила*. Он мог быть и носителем полоцко-смоленского диалекта, где вторая палатализация прошла. Однако конструкция *мониста... свободна взяти* для древнерусского языка нетипична сразу по трем параметрам: 1) наличие вторичного согласования: примеры (18) и (19) — единственные примеры такой структуры в выборке НКРЯ из 1054 клауз им.п. + инфинитив (0,019%); 2) интерпретации ИГ в им.п. как подлежащего модальной инфинитивной конструкции; 3) наличие адъективной/предикативной вершины, от которой зависит инфинитив, ср. абсолютное преобладание (97%) независимых клауз *вода тити*, *судница взяти* над клаузами, где модальный инфинитив зависит от предикатива, ср. *не надоби брати куна*, в не книжных памятниках западных и северо-западных диалектов русского языка XI–XV вв. Между тем, по свидетельству балтистов, именно эти черты характерны для литовских и латышских диалектов в последующий период (Ambrazas 2001; Seržant 2016b). Мы заключаем, что употребленная писцом Довмонта конструкция с вторичным согласованием (*кому-л.*) *мониста свободна взяти* является заимствованием из балтийских языков, с высокой вероятностью — литовского языка XIII в., либо результатом интерференции балтийских и славянских языков в зоне ли-

товско-древнерусского двуязычия. Аналогично мы интерпретируем более поздний пример (16) с плеонастическим употреблением *не надоби брати чорна куна* (ок. 1440–1447 гг.) в договоре Новгорода с Литвой, но здесь речь, скорее, идёт об интерференции двух форм старорусского языка, одна из которых — идиом Великого княжества Литовского — испытала большее влияние литовского языка, чем другая — новгородское койне. Спорадически встречающиеся в полоцких и псковских текстах примеры употребления им. п. дополнения после деепричастий, см. (13), (17) и перфектных л-причастий, см. (8) и (9), тоже могут объясняться влиянием балтийских языков, так как эти примеры не находят соответствий в других русских диалектах XI–XV вв.

4.2. *Оборот им. п. + инфинитив после предикатива*

Тенденции развития конструкций с безличным предикативом, судя по имеющимся описаниям, в истории русского языка и балтийских языков различны. В древнерусском языке XI–XIV вв. уже был класс безличных предикативов дативно-предикативной структуры ДПС, которые могли оформляться дат. п. лица и иметь валентность на инфинитив. Некоторые из древнерусских предикативов ДПС с модальной семантикой имеют адъективную морфологию, ср. *любо*, *годьно*, *гъже*, *вольно* ‘разрешено’, *добровольно*. К другой группе относятся предикативы (*не*) *надобѣ*, *жалѣ*, *лзѣ*, *нельзѣ*, *неволя*, ср. также *немочно* (Борковский, Кузнецов 1963: 409). С течением времени число предикативов ДПС растёт, и у отдельных авторов XVI в. их число приближается к 60 (Циммерлинг 2018: 26). Тем самым, технические предпосылки для появления плеонастических модальных употреблений типа *надобе*^{PRED} *вода*^{NOM} *тйти*^{INF}, см. модель (ii), имелись уже к началу письменной истории русского языка. Однако в XI–XV вв. носители северо-западных и западных диалектов русского языка в не книжных памятниках избегали таких предложений. Единственное исключение — *не надоби брати чорна куна* (ок. 1440–1447 гг.), как указано выше, может отражать литовское влияние: в этот период носители русского языка предпочитали более экономные модели *брати куна* или *надобе куна*, но не объединяли их.

Класс адъективных предикативов (исторические формы ср. р. ед. ч.) имеется в литовском языке. Ср. также лит. *gaila* ‘жалѣ’, которое является историческим соответствием рус. *жалѣ*. Напротив, лтш. *žēl* ‘жалѣ’, согласно (Seržant 2016a: 339), является древним (не позже XII в.) заимствованием из древнерусского языка, как и финское *sääli* ‘то же’. Сама по себе связочная модель с оформлением субъекта предикатива дат. п. или заменяющим его косвенным падежом прибалтийских финских языков (род. п. или адессив) может рассматриваться как циркумбалтийская изо-

гlossa: лит. *Man*^{DAT} (*yra*^{3P}) *gaila*^{PRED}, лтш. *Man*^{DAT} (*ir*^{3P}) *žēl*^{PRED}, фин. *Mi-nun*^{GEN} / *Minulla*^{ADESS} *on*^{3SG} *sääli*^{PRED}, эст. *Mul*^{ADESS} *on*^{3SG} *kahju*^{PRED} (там же: 338). В латышском языке исконные формы прилагательных ср. р. ед. ч. в функции предикатива устранены, однако имеются предикативы иного происхождения, некоторые из которых являются заимствованиями из других циркумбалтийских языков, ср. лтш. *žēl* ‘жаль’ и лтш. *vajag(a)* ‘нужно’, заимствованное из ливского (Ambrazas 2001: 403). Неадъективные латышские предикативы могут управлять инфинитивом переходного глагола, пациентный аргумент которого может получать либо им. п., либо вин. п.

(26) лтш. *Aka*^{NOM} / *aku*^{ACC} *nav*^{NEG} *viegli*^{PRED} *raki*^{INF}
 ‘Колодец^{NOM}/колодец^{ACC} не легко рыть.’ (Ambrazas 2001: 402)

Для латышского языка отмечают тенденцию к устранению дополнений в им. п. за пределами дебитивной конструкции и к замене им. п. вин. п. в позиции дополнения инфинитива (Seržant 2016b: 158). В истории литовского языка отмечаются две разные тенденции. С одной стороны, В. Амбразас, предложивший внутреннюю реконструкцию моделей с предикативом в литовских диалектах, признал структуру с согласуемым прилагательным *saldus* ‘сладкий’, управляющим обстоятельственным инфинитивом лит. *pienas*^{NOM} [_{AdjP} *saldus*^{ADJ.NOM} [_{InfP} *gerti*^{INF}]] первичной по отношению к структуре с несогласуемым предикативом ср. р. *saldū* — лит. *pienas*^{NOM} *saldū*^{PRED} *gerti*^{INF}, где ИГ в им. п. однозначно интерпретируется как дополнение. Такие конструкции, согласно В. Амбразасу, особенно характерны для восточных аукштайтских диалектов, где дополнение в им. п. чаще стоит после инфинитива, а инфинитив в предложениях типа (26) опущен быть не может. Такая же дистрибуция характерна и для адъективной по происхождению формы *linksma* ‘весело’, и для употребляемых предикативно наречий *gerai* ‘приятно, хорошо’, *ankski* ‘рано’, *gana* ‘достаточно’ (Ambrazas 2001: 402).

(27) Лит. диал. *Linksma*^{PRED} / *gerai*^{PRED} / *ankski*^{PRED} / *gana*^{PRED} [_{InfP} *skini*^{INF} *obuo-lai*^{NOM.PL}]¹³.
 ‘Весело/хорошо/рано/хватит **рвать яблоки.**’

С другой стороны, И. Сержант (Seržant 2016b: 158), говоря о развитии литовского литературного и разговорного языка в XX–XXI вв., отмечает непродуктивность конструкций с им. п. дополнения в зависимой инфинитивной клаузе, в том числе, вводимой несогласуемым предикативом или безличным глаголом *reikėti* ‘нуждаться’, ср. арх. лит. *reikia*^{3SG}

¹³ Пример В. Амбразаса (Ambrazas 2001, нотация наша — А. Ц.).

šienas^{NOM} *grėbti*^{INF} ‘надо сгрести сено’, где дополнение зависимого инфинитива в современном языке оформляется вин. п.

Можно заключить, что реконструируемое для литовского языка и/или древних балтийских языков дописьменного периода исходное состояние конструкций с оборотом им. п. + инфинитив в зависимой клаузе, вводимой согласуемым прилагательным/несогласуемым предикативом, не соответствует тому состоянию, которое демонстрируют первые письменные памятники северо-западного и западного диалектов русского языка к 1100–1200 гг. Во-первых, в некнижных памятниках данных диалектов до 1440 гг. вообще нет примеров употребления конструкции *вода туть* в зависимой клаузе, а единственное исключение — пример (16) — обнаруживается в грамоте договора Новгорода с Литвой, которая может прямо или опосредованно отражать влияние литовского языка или русскоязычного идиома Великого княжества Литовского в зоне литовско-русского двуязычия. Во-вторых, синтаксическая схема с несогласуемым безличным предикативом ДПС типа *вольно, не надобе* зафиксирована уже к началу письменной истории древнерусского языка, но схемы *N_{DAT} – PRED* и *N_{NOM} – INF* до 1440 г. в некнижных памятниках русского языка не объединяются. В-третьих, ИГ в им. п. в конструкции *вода туть* в письменной истории русского языка изначально имеет синтаксический статус дополнения, а не подлежащего, а спорадические колебания типа *мониста*^{NOM} *свободна*^{ADJ.NOM} *взяти*^{INF}, см. (25) и *вода*^{NOM} *их туть*^{INF} *сладка*^{ADJ.NOM} *вельми и студена*^{ADJ.NOM}, см. (19), наоборот, связаны с нехарактерными для некнижных русских памятников употреблениями оборота им. п. + инфинитив в зависимой клаузе. Вместе с тем, предложенная В. Амбразасом внутренняя реконструкция *pienas*^{NOM} *saldus*^{ADJ.NOM} *gerti*^{INF} ⇒ *saldu*^{PRED} *pienas*^{NOM} *gerti*^{INF}, где вариант с согласованием признается исконным, неплохо объясняет древнерусские примеры (25) и (19) а, возможно, и более поздний пример (18). Сходство предложений типа лит. *pienas saldus gerti* и др.рус. *вода их туть сладка, мониста свободна взяти* очевидно, но древнерусские примеры следует интерпретировать не как реликтовый фрагмент индоевропейского синтаксиса, а как сравнительно поздний случай литовского влияния на пограничные диалекты русского языка XIII–XV вв.

4.3. Лексический охват балтийских конструкций им. п. + инфинитив

В современном литовском языке конструкция им. п. + инфинитив в независимых клаузах, согласно (Seržant 2016b: 158), регулярно встречается только при четырех глаголах восприятия — *matyti* ‘видеть’, *regėti* ‘видеть, зреть’, *girdėti* ‘слышать’ и *justi* ‘ощущать, чують’. Подставка других глаголов, ср. *užuosti* ‘чують, учують’, *apčiopti* ‘почують,

нащупать’, невозможна. Это значит, что валентность на им. п. в инфинитивной конструкции является лексически заданным свойством, а класс переходных глаголов, допускающих/требующих оформления дополнения инфинитива им. п., в литовском языке не пополняется.

В восточнолитовских аукштайтских диалектах отмечены и конструкции с переходными глаголами иной семантики: в настоящем времени связка *yra* факультативна (Ambrazas 2001: 393).

(28) Лит. диал.

- a. [_{DP} **Tos bulvės**]^{NOM.PL.F} (*yra*^{3P}) *sodinti*^{INF}, o **anos**^{NOM.PL.F} *valgyti*^{INF}
 ‘Этот картофель надо сажать, а тот — есть.’, букв. ‘эти картошки — сажать, а те — есть.’
- b. O [_{DP} **ta lazdelė**]^{NOM.F} *bus*^{3FUT} *pasiremti*^{INF}.
 ‘А на эту палочку надо опираться.’

В Амбразас не сообщает, есть ли у предложений типа (28) варианты, расширенные дат. п. лица. Такие варианты встречаются в древнерусских памятниках, ср. двинскую грамоту XV в.:

(29) **Семену**^{DAT} *городити*^{INF} [_{DP} **перегорода середня**]^{NOM.F} до вз(в)оз[а],
Григорию^{DAT} *городити*^{INF} [_{DP} **перегорода заовинная**]^{NOM.F}.
 (ГВНП: № 262 [Двина], XV в.)

‘Семену следует ставить среднюю перегородку до взвоза, Григорию следует ставить заовинную перегородку.’

В жемайтских диалектах в конструкции с глаголом восприятия инфинитив может быть заменен причастием, в последнем случае ИГ в им. п. контролирует согласование (Ambrazas 2001: 395).

(30) Лит. диал. (Скуодас).

- a. [_{DP} **Sodnas didelys**]^{NOM.M} *yr*^{3P} *matyti*^{INF}.
 ‘Можно видеть большой сад’, букв. ‘сад большой есть видеть’.
- b. [_{DP} **Sodnas didelys**]^{NOM.M} *yr*^{3P} *matoms*^{PP.NOM.M}.
 ‘то же’, букв. ‘сад большой есть увиденный.’

Предложения с обстоятельственным инфинитивом есть и в древнерусском, но ни в плане общего синтаксиса, ни в плане дистрибуции в текстах их нельзя признать вариантами конструкции *вода ти ти*. К тому же, древнерусские памятники XI–XV вв. в соответствующей позиции предпочитают вин. п. и в зависимой, и в независимой клаузе. Ср. путевые заметки Стефана, новгородца XIV в.:

- (31) а. *И на верху его сѣдитъ Иустинианъ Великы на конѣ велми чюдень: аки живѣ, в доспѣсѣ сороцинском, грозно^{PREД} видѣти^{INF} его^{ACC}* (Хождение Стефана Новгородца, 1348–1348 гг.)
 ‘А наверху на коне сидит Юстиниан Великий, дивен видом, словно живой, в сарацинских доспехах, вид у него грозный.’,
 букв. ‘страшно видеть его’.
- б. *видети^{INF} в них человекѣ^{DAT} [DP лица своего образ]^{ACC}, аки в зеркало* (Хождение Стефана Новгородца, 1348–1348 гг.)
 ‘В них человек может видеть отражение своего лица, словно в зеркале.’

В своем тексте Стефан 23 раза использует независимые инфинитивные предложения, рассказывая, куда надо идти и что можно посмотреть в Царьграде. В 16 клаузах глагол является непереходным, ср.: *обратитися^{INF} на западѣ и съзрѣти^{INF} горѣ на дери: ту стоит икона святы Спасѣ*. Из семи клауз переходных глаголов в двух примерах дополнение инфинитива выражено местоимением, см. (31а). В этом случае в древнерусском языке, в отличие от балтийских языков, им. п. невозможен. В пяти примерах форма дополнения выражена ИГ: в четырех примерах морфологическая форма амбивалентна между вин. н. и им. п. В единственном примере с существительным ж. р. ед. ч. Стефан поставил дополнение в им. п. В контексте (32) *та и до нынѣ та кровь знати* означает ‘следы той крови видны их и по сей день’, ‘следы той крови можно распознать и сейчас’, т. е. *знати* выступает как глагол восприятия/познания на основе визуальных данных.

- (32) *ту же близ икона в киотѣ святы Спасѣ, в ню же ножем удари неврѣный и поиде от иконы кровь. Тоже и до нынѣ [DP кровь та]^{NOM.F} знати, и цѣловахом, грѣшиши.*
 (Хождение Стефана Новгородца, 1348–1348 гг.)

‘Там же рядом есть икона святого Спаса в киоте: неверный ударил её ножом, и от иконы пошла кровь. Ту кровь можно распознать и поныне, и я, грешный, её целовал.’

Текст Стефана непосредственно подтверждает две вещи: 1) В XIV в. в речи некоторых образованных носителей позднерусского языка одновременно были представлены и конструкция с обстоятельственным инфинитивом, и конструкция *вода питу*; 2) В новгородском диалекте им. п. конструкция *вода питу* употреблялась при глаголах разной семантики и в текстах разного жанра. Но это не доказывает, что конструкция с обстоятельственным инфинитивом и конструкция *вода питу* являются вариантами друг друга. Пересечение этих конструкций на русской почве минимально. Напротив, в литовских диалектах,

где лексический охват конструкции им. п. + инфинитив меньше, они сохраняют или развивают системные связи, особенно — в жемайтских диалектах, см. примеры (30), где инфинитив и причастие в конструкции с глаголом восприятия взаимозаменяемы.

4.4. Порядок компонентов конструкции им. п. + инфинитив и коммуникативный статус ИГ в им. п.

В ранних работах препозиция ИГ в им. п. инфинитиву рассматривалась как подтверждение синтаксического статуса подлежащего. Для балтийских языков такой подход имеет определенный смысл для анализа зависимых клауз, где инфинитив зависит от прилагательного, предикатива или глагола. В древнерусском языке ИГ им. п. в конструкции *вода пити* является дополнением как при порядке VO, так и при порядке OV. И. Сержант на выборке из 570 клауз рассмотрел соотношение вариантов VO ~ OV в том подтипе конструкции им. п. + инфинитив, который остался продуктивным в современном литовском языке — обороты с глаголами *matyti* 'видеть' и *girdėti* 'слышать': в 81,58% случаев реализуется порядок VO, где номинативное дополнение имеет статус «фокуса» (Seržant 2016b: 159–160). Последний термин расплывчат, но обычно в типологической литературе он соответствует двум разным коммуникативным статусам — реме высказывания и нетождественному с ремой значению контраста, о последнем (см. Янко 2008: 73). В работе (Ронько, Циммерлинг 2015) была выдвинута гипотеза о том, что в древнерусском языке и тех диалектах русского Севера, где конструкция *вода пити* сохранилась, дополнение в им. п. обычно выражает именно эти два коммуникативных статуса как при порядке VO, так и при порядке OV, а постановка дополнения инфинитива в вин. п. может быть связана с коммуникативным статусом неконтрастной темы. Порядок OV (*вода пити*) данная гипотеза объясняет характерным для языков с линейно-акцентными преобразованием типом инверсии — перемещением акцентоносителя ремы/контраста левее синтаксической вершины, т. н. Left Focus Shift (Циммерлинг 2008):

(ix) $nuti^{\circ} \swarrow \text{вода} \Rightarrow \swarrow \swarrow \text{вода}_1 \text{ пити}^{\circ} \text{ —}_i$

Статистика линейных порядков VO ~ OV на базе старорусского корпуса НКРЯ и её возможные типологические интерпретации обсуждаются в: Циммерлинг 2019: 328–330. В данной статье мы ограничимся статистикой порядков VO ~ OV в той же выборке не книжных памятников северо-западного и западного диалектов русского языка XIII–XV вв., синтаксическая спецификация которых дана выше в таб. 1.

Таб. 2. Постпозиция и препозиция дополнения в им. п. в конструкции *вода тити* в северо-западном и западном диалектах русского языка в XIII–XV вв.

	%	Полоцкий диалект	Псковский диалект	Новгородский диалект				Обонежье	Двина	Всего
				Бер.гр.	Внутр. упр.	Договора с Западом	Договора с Москвой			
NOM +	VO	2	12	0	0	9	4	1	7	35
INF	OV	10	23	3	2	8	6	2	4	58
NOM +	VO	0	0	0	0	0	0	0	0	0
GER	OV	0	2	0	0	1	0	0	0	3
NOM +	VO	2	0	0	0	0	0	0	0	2
PART	OV	0	0	0	0	0	0	0	0	0
NOM +	VO	0	0	0	0	0	0	0	0	0
IMP	OV	0	0	1	0	0	0	0	0	1
NOM +	VO	0	0	0	0	0	0	0	0	0
V _{FIN}	OV	0	0	0	0	0	0	0	1	1
Итого:										100

Таб. 2 показывает, что в инфинитивных клаузах доля примеров с препозицией дополнения в им. п. составляет 62,4% (58 клауз из 93). Употребления им. п. дополнения после деепричастия, причастий, императива и временной формы финитного глагола не дают репрезентативной статистики, хотя препозиция дополнения преобладает и здесь (5 примеров из 7). С учетом этих маргинальных примеров общий процент препозиции дополнения в выборке равен 65% (65 клауз из 100).

5. Внутренняя реконструкция и ареальная типология

В 1974 г. А. Тимберлейк, с учетом более ранних наблюдений В. Кипарского (Kiparsky 1960; 1969) и Б.А. Ларина (Ларин 1963), обосновал гипотезу о том, что конструкция *вода тити* в балтийских и славянских языках есть грамматическое заимствование из субстратных прибалтийско-финских языков — дополнение переходного глагола оформляется им. п. не в любой позиции, а именно в нефинитной клаузе (Timberlake 1974). Такая трактовка актанта инфинитива делает допущение о его синтаксической неоднозначности либо о реанализе искомого подлежащего как дополнения (Потебня 1958) излишней. Вынесенный в заглавие книги А. Тимберлейка термин *nominative object*, указывающий на отсутствие необходимой связи между выбором высшей в иерархии морфологических падежей формы прямого падежа и статусом подлежащего, позже был освоен типологией и теорией грамматики (Woolford 2003).

В. Амбразас соединяет гипотезу Тимберлейка с традиционной для индоевропеистики гипотезой о реанализе подлежащего обстоятельного инфинитива как дополнения, утверждая, что они справедливы по отношению к разным периодам истории балтийских и славянских языков (Ambrazas 2001: 405–408). По его мнению, условия для грамматического заимствования из субстратных прибалтийско-финских языков возникли в V–VII вв. н.э., при этом на западные диалекты литовского языка, особенно — на жемайтские, субстратное влияние распространилось в меньшей степени, в связи с чем жемайтские конструкции с обстоятельным инфинитивом глагола восприятия типа (30) можно признать реликтами индоевропейского синтаксиса (там же: 406). Фактором, способствующим большей диахронической стабильности им. п. дополнения в литовских диалектах по сравнению с латышскими, признаётся сохранение конструкций с предикативами или безличными глаголами, имеющими валентность на инфинитив (там же: 407).

С экстраполяцией такого подхода на историю древнерусской конструкции *вода тити* трудно согласиться без существенных оговорок. Даже если допустить, что грамматика нефинитных клауз в послуживших донорами заимствования прибалтийско-финских языках была совершенно одинакова на территории от Немана от Печоры, грамматика заимствующих балтийских языков и северных/западных диалектов древнерусского языка неодинакова. К началу письменной истории новгородского, псковского и полоцко-смоленского диалектов модальная конструкция *вода тити* полностью грамматикализована при переходных глаголах любой семантики: к 1100 г. лексические ограничения на выбор глагола отсутствуют, а стандартный контекст употребления связан с независимыми инфинитивными клаузами. Ничего подобного те литовские и латышские диалекты, где зафиксированы обороты им. п. + инфинитив, не показывают. Семантической параллелью к русской конструкции *вода тити* является финитная конструкция дебитива в литературном латышском языке, но ровно эта конструкция признается в балтистике инновацией. С учётом географического положения латышского языка стоит в качестве возможного внешнего фактора изучить влияние не только соседних прибалтийско-финских языков (ливский, эстонский), но и диалектов русского языка (полоцкий, псковский). Диахроническая стабильность конструкции им. п. + инфинитив в части восточнолитовских диалектов связывается с возможностью употребить её во вложенной клаузе после предикатива и безличного глагола. Между тем, в XII – первой половине XIV вв. в не книжных памятниках новгородского, псковского и полоцко-смоленского диалектов модели *надобе воду/вода* и *вода тити* не объединяются. В общей выгрузке конструкции *вода тити* для этой группы диалектных русских памятников XIII–XV вв. лишь три примера из 100

связаны с употреблениями оборота им. п. + инфинитив после модального предикатива или безличного предикатива, причем все три примера связаны с диалектами, находящимися в зоне литовского-древнерусского двузвучия и могут отражать позднее влияние балтийского синтаксиса.

Конструкция с обстоятельственным инфинитивом *пашня поспѣла пахать*, где актант в им. п. контролирует вторичное согласование, в истории русского языка не является вариантом конструкции с им. п. дополнения — *пашня пахать*. Иная интерпретация предлагается балтистами, при этом наблюдаемые в литовских и латышских диалектах системные связи между обстоятельственной и актантной инфинитивной конструкциями некритически проецируются на славянские языки. Последние в плане синтаксиса инфинитивных оборотов делятся на две группы: 1) северо-западные и западные диалекты русского языка, где модальная конструкция *вода нити* есть; 2) все прочие славянские диалекты, где соответствующей конструкции нет. На протяжении более чем 600-летней письменной истории русских диалектов первой группы переход конструкции с обстоятельственным инфинитивом в конструкцию с актантным инфинитивом не прослеживается: сближения типа (18) и (19) либо случайны, либо являются результатом литовского влияния на пограничные идиомы позднедревнерусского языка второй половины XII–XV вв., см. пример (25).

Закрепление заимствования требует поддержки внутриязыковых факторов. Таковым для балтийских и славянских языков было отсутствие корреляции между выбором им. п. и синтаксическим статусом подлежащего, а для балтийских языков также — системные связи между инфинитивными и иными нефинитными конструкциями с модальной семантикой: значимость последнего фактора для эволюции русской конструкции *вода нити* не доказана. Кроме того, в разные периоды истории балтийских и славянских языков восстанавливаются тенденции и механизмы, облегчающие интерпретацию актанта в им. п. как дополнения. Для истории русского языка релевантным фактором было развитие категории одушевленности и перестройка падежных оппозиций им. п. vs. вин. п., вин. п. vs. род. п., в силу чего морфологически однозначные формы им. п. неодушевленных существительных на *-а* могли интерпретироваться как несубъектные (Крысько 1994: 194–196).

То, что лексический охват конструкции им. п. + инфинитив в славянских языках оказался больше, чем в балтийских, может объясняться разными причинами, в том числе — различиями в грамматике прибалтийско-финских языков-доноров и тем, что северные и западные диалекты древнерусского языка оказались в зоне более интенсивных межъязыковых контактов, чем большинство балтийских диалектов. Нельзя исключить и того, что население северо-западных и западных рус-

ских земель в дописьменный период было креолизированным. Обоснование этих гипотез не входило в задачи нашей статьи. Неясно также, доказуемы ли они строго. Однако для прогресса славистики и балтистики, полезно пересмотреть догму о том, что схождения в синтаксисе родственных и географически близких индоевропейских языков предопределены общностью моделей предложения, унаследованных из праязыка. Сходство поверхностно-синтаксических схем инфинитивных предложений древнерусского языка и балтийских языков мешает оценить различия в их функционировании и установить вероятные случаи направленного влияния одних циркумбалтийских языков на другие.

Благодарности

Я благодарю рецензентов журнала и аудиторию конференции «Территория Balto-Slavica сквозь призму языка и литературы» (14.05.2019) и персонально П. М. Аркадьева, С. Г. Болотова, Н. Н. Казанского и В. П. Казанскене за ценные комментарии. Я также выражаю благодарность А. В. Дыбо, Н. В. Марковой и А. В. Тер-Аванесовой, которые имели возможность ознакомиться с фрагментами данного исследования и высказать мне свои замечания. Вся ответственность лежит на авторе.

СОКРАЩЕНИЯ

- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего извода. Цит. по: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / отв. ред. М. Н. Тихомиров; под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. Б. гр. — Берестяные грамоты: <http://gramoty.ru/>.
- Вопр. Кир. — Вопрошаніе Кириково. Цит. по: Русская историческая библиотека. Т. 6-й. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1-я (Памятники XI–XV в.) / [Подъ ред. А. С. Павлова.] Изд. 2-ое. Спб., 1908.
- П. гр. — Полоцкие грамоты. Цит. по: А. Л. Хорошкевич (отв. ред.). Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. Т. 1 Тексты грамот. Приложение. Указатели. М., 2015.
- Смол. А. — Смоленская грамота 1229 г., редакция «А». Цит. по: Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Подготовили к печати Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1963.
- Ст. Рус. — Старая Русса: <http://gramoty.ru/birchbark/document/list/?requestId=&number=&conventionalDateInitialYear=1020&conventionalDateFinalYear=1500&town%5B%5D=10>.
- Студ. — Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI – начала XII века / под. ред. Б. А. Успенского. Т. II. М., 2006.

ЛИТЕРАТУРА

- Боголюбова, Таубенберг 1960 — *Н. Д. Боголюбова, Л. И. Таубенберг. О древнерусских памятниках XIII–XIV вв. Рижского городского*

- архива // Латвийский государственный университет имени Петра Стучки. Ученые записки, том XXXVI, вып. 6А, 1960.
- Борковский 1949 — *В. И. Борковский*. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949.
- Борковский, Кузнецов 1963 — *В. И. Борковский, П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
- Вайс 1993 — *Д. Вайс*. Двойные глаголы в современном русском языке // F. Fici Giusti, S. Signorini (Hrsg.) Категория сказуемого в славянских языках: модальность и актуализация / Slavistische Beiträge. München–Berlin–Washington D. C., 1993. Bd. 305.
- ГВНП — С. А. Валк (ред.). Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949.
- Даниленко 2003 — *А. И. Даниленко*. Предикати, відмінки і діатези в українській мові: історичний і типологічний аспекти. Харків, 2003.
- Живов 1984 — *В. М. Живов*. Правила и произношение в русском церковнославянском правописании XI–XIII века // Russian Linguistics, Vol. 8, № 3, 1984.
- Живов 2006 — *В. М. Живов*. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М., 2006.
- Зализняк 2004 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Котков 1959 — *С. И. Котков*. Конструкция типа *земля пахать* в истории южновеликорусских говоров // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка 18, 1959.
- Крысько 1994 — *В. Б. Крысько*. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994.
- Кузьмина 1993 — *И. Б. Кузьмина*. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.
- Кузьмина, Немченко 1964 — *И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко*. К вопросу о конструкции с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах // Р. И. Аванесов (ред.). Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964.
- Кузьмина, Немченко 1971 — *И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко*. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
- Ларин 1963 — *Б. А. Ларин*. Об одной славяно-балто-финской изоглоссе // Lietuvių kalbotyros klausimai, 6, 1963.
- Ларин 1975 — *Б. А. Ларин*. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). М., 1975.
- Маркова 1989 — *Н. В. Маркова*. Диалектные способы выражения субъекта и объекта в Онежских говорах и их история. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 1989.
- Поповъ 1881 — *А. В. Поповъ*. Синтаксическія изслѣдованія. Именительный, звательный и винительный въ связи съ исторіей развитія заложныхъ значеній и безличныхъ оборотовъ въ санскритѣ, зендѣ, грече-

- скомь, латинскомь, нѣмецкомь, литовскомь, латышскомь и славянскихъ нарѣчїяхъ. Воронежъ, 1881. [Перепечатано в: А. В. Попов. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, древнегреческом, латинском и других языках. М., 2012.]
- Попова 2017 — А. В. Попова. Конструкция типа *вода пѣти* по данным московских памятников XVI – начала XVIII в. // Русский язык в научном освещении, №1 (33), 2017.
- Потебня 1958 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
- Потебня 1968 — А. А. Потебня. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Члены предложения. М., 1968.
- ПСГ — Псковская Судная Грамота (1397–1467 гг.). Подлинная и въ переводѣ на современный языкъ съ примѣчанїями по установленїю переводнаго текста / Сост. И. И. Василевъ и И. А. Кирпичниковъ. Изданїе Псковскаго археологическаго общества. Псковъ, 1896.
- Ронько 2016 — Р. В. Ронько. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении, №1 (31), 2016.
- Ронько 2017 — Р. В. Ронько. Надо *корова доить!* Номинативный объект в севернорусских диалектах // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН, №13 (3), 2017.
- Ронько, Циммерлинг 2015 — Р. В. Ронько, А. В. Циммерлинг. Параметр номинативного объекта и синтаксис инфинитивных оборотов в диалектах русского Севера и древнерусском языке // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия Филологические науки, №1, 2015.
- Соболевскій 1907 — А. И. Соболевскій. Лекціи по исторїи русскаго языка. М., 1907.
- Станишева 1966 — Д. С. Станишева. Конструкция типа *земля пахать* в системе синтаксических средств восточнославянских языков // Slavia, 35, 1966.
- Степанов 1984 — Ю. С. Степанов. Оборот *земля пахать* и его индоевропейские параллели // Известия ОЛЯ. Серия литературы и языка, №43 (2), 1984.
- Степанов 1989 — Ю. С. Степанов. Индоевропейское предложение. М., 1989.
- Успенский 2006 — Б. А. Успенский. Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI – начала XII века / под. ред. Б. А. Успенского. Т. II. М., 2006.
- Хорошкевич 2015 — А. Л. Хорошкевич (отв. ред.). Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. Т. 1: Тексты грамот. Приложения. Указатели. М., 2015.
- Циммерлинг 2008 — А. В. Циммерлинг. Локальные и глобальные правила в синтаксисе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные

- технологии, вып. 8 (15). Труды международной конференции «Диалог 2008». М., 2008.
- Циммерлинг 2018 — *А. В. Циммерлинг*. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // Вопросы языкознания, 2018, № 5.
- Циммерлинг 2019 — *А. В. Циммерлинг*. Кому *проспати заутрениа* и *ловити рыба*: именной падеж дополнения инфинитива как предмет грамматического описания // *Die Welt der Slaven*, № 2, 2019.
- Шахматов 1941 — *А. А. Шахматов*. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Янко 2008 — *Т. Е. Янко*. Интонационные стратегии русской речи. М., 2008.
- Ambrazas 1987 — *V. Ambrazas*. Die indogermanische Grundlage des Dativus und Nominativus cum infinitivo im Baltischen // *Indogermanische Forschungen*, 92, 1987.
- Ambrazas 2001 — *V. Ambrazas*. On the development of the nominative object in East Baltic // *Circum-Baltic languages. Vol. II: Typology and Grammar*. Amsterdam / Philadelphia (PA), 2001.
- Dahl, Koptjevskaja-Tamm 2001 — O. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *Circum-Baltic languages. Vol. II: Typology and Grammar*. Amsterdam / Philadelphia (PA), 2001.
- Dunn 1982 — *J. A. Dunn*. The nominative and infinitive construction in Slavonic languages // *The Slavonic and East European Review*, 60, 1982.
- Hoelvoet 2001 — *A. Hoelvoet*. *Studies in the Latvian Verb*. Kraków, 2001.
- Kiparsky 1960 — *V. Kiparsky*. Über das Nominativobjekt des Infinitivs // *Zeitschrift für slavische Philologie*, 28, 1960.
- Kiparsky 1969 — *V. Kiparsky*. Das Nominativobjekt des Infinitivs im Slavischen, Baltischen und Ostseefinnischen // *Baltistica*, 5, 1969.
- Kozhanov, Arkadiev 2020 — *K. Kozhanov, P. Arkadiev*. Non-agreement of passive participle in South-East Lithuanian // *Baltic linguistics*, 11, 2020.
- Porák 1967 — *J. Porák*. *Vývoj infinitivních vět v češtině*. Praha, 1967.
- Seržant 2016a — *I. A. Seržant*. Dative experiencer constructions as a Circum-Baltic isogloss // P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.). *Contemporary Approaches to Baltic Linguistics*. De Gruyter, 2016.
- Seržant 2016b — *I. A. Seržant*. Nominative Case in Baltic in the Typological Perspective // A. Holvoet, N. Nau (eds.). *Valency, Argument Realization and Grammatical Relations in Baltic*, 3. Amsterdam / Philadelphia (PA), 2016.
- Timberlake 1974 — *A. Timberlake*. The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic. München, 1974.
- Woolford 2003 — *E. Woolford*. Burzio's Generalization, Markedness and Locality Constraints on Nominative Objects // E. Brandtner, H. Zinsmeister (eds.). *New Perspectives in Case Theory*. Stanford, 2003.

С. Г. БОЛОТОВ

«И латыши, и финны, / И шведы также есть»¹: ещё раз о происхождении латышского дебитива²

В латышском спряжении имеется особая присвязочная⁶⁰ форма глагола, чей модальный и(ли) залоговый статус, точное происхождение и даже подобающее название, как и таковые целой предикатной конструкции, вызывали и продолжают вызывать оживлённейшие дискуссии.

0. Название («Есть иволги вь лѣсахъ, и гласныхъ долга...»³)

Общепринятый ныне термин *debitiv* [нем. *Debitiv*; англ. *debitive*; фр. *débitif*; ит. *debitivo*; ндрл. *debitief*; лит. *dėbitivus*⁴ (2); эст. *debitiiv*; и др.; от новолат. *dēbitivus*] был предложен Х. Хессельбергом в его грамматике⁵. Это однословное⁶ обозначение в высшей степени удачно, поскольку не предполагает обязывающего родового термина, каковой содержится в («синониме») *дебитива, долженствовательном наклонении* [лат. *modus necessitātis*; лтш. (†*vāijadzības*⁷ >) *vajadzības iztēksme*; лит. *reikiamybės* (I) *niūsaka* (I); эст. *kohutav kõnevīs*;⁸ и др.], а наклонением эта форма считаться не может, поскольку сама изменяется по наклонениям⁹,¹¹ (как и залогом¹⁰ — ибо допускает пассивизацию¹¹). История («рецепции») де-

¹ А. К. Толстой, «Пѣсня о К***затковѣ», о Черкасскомъ, о Самаринѣ, о Маркевичѣ и о арапахъ» [16V.1869 Кр. Рогъ, (Почепь, Черниг. губ.)] // «Рус. Стар.», 1887I–III, Т. LIII, 512ff.

² Я благодарю Т. Б. Агранат, А. В. Андронova (в особенности), П. М. Аркадьева, А. В. Дыбо, М. Ю. Гасунса, А. А. Гиппиуса, И. Б. Иткина, И. Б. Качинскую, С. А. Лашина, А. В. Малышеву, М. В. Ослона, К. Ю. Решетникова, О. В. Трефилову, А. А. Трофимова за помощь. Ответственность за всё возм. ошибки на мне.

³ О. Э. Мандельштамъ, [«Равнодѣствие»] (1914), сб. «Камень» (XII.1915), Пг., 1916.

⁴ *E* — традиционное (и совместимое с орфографией, т. е. расширенно-орфографическое) литуанистическое обозначение «полуширокого» краткого *e* в интернационализмах (≈ [e ~ e̞]: [АГЛЯ (§ 6ff., 11ff., 16f.): 17–22, 26ff.; cf. ALG (I/3.1): 24]).

⁵ Hesselberg 1841: 28, §. 84., d); 32, §. 93. & §. 95., 3), a); (34, §. 100., 3) — формы на основе связки + инфинитив; ср. сноску 10, конец; 36, §. 103., 4); 36, §. 103., 4); 46, §. 122., 4); 51, §. 126.; 78, §. 188., c), 3); 81, §. 201.; 110, §. 266.; 121, §. 288.; 124, §. 291., 4).

⁶ Как (потенциально) и его пароним, *нецесситатив* [нем. †*Neceffitativ* > *Nezessitativ* ≅ *Notwendigkeitsform*; англ. *necessitative* [± *mood*]; фр. *nécessitatif*; ← новолат. *necessitātivus*], иногда используемый синонимично, но всё же чаще дифференцировано, в т. ч. применительно к армянскому (*հարկադրական եղանակ* [*harkadrakan yegʻanak*]) и к турецкому (*gereklik* [± *kipi*] ≅ *gereklilik* [± *kipi*]).

⁷ Из †*vāijāgā* > †*vajāg* (á) 'нужно' (< лив., см.: ME IV: 445² s. v. «*vajaga*»; LEV: 472 s. v. *vajag*); дериваты же заимствованы обратно из лтш. в ливский (KLivW: 466²; 464² s. vv. *vajāg*, *vajādzig*; *vāidziv*, *vāidzig*; LĒLSr: 351¹, 349¹ s. vv. *vajāg*, *vāidzig*).

⁸ А также в указанных в примеч. 6 англ., тур. (если с *mood*, *kipi*) и арм. терминах.

битива в латтонистической грамматической традиции довольно подробно изложена в [Andronovs 1998]; ср. тж.: [BLG: 131, §. 321. Anm. 1; BLS II: 166, §. 456¹²; Andronovs 2012: 147–150 (разд. «Debitīvs»); Kalnača, Lokmane 2019: слайд [44] — *no*: Veidemane 2002, q. v.]. Я же отмечу лишь, что сомнительный статус наклонения¹³ дебитиву был впервые присвоен Г. Фр. Стендером (Stender 1761: 57, §. 115.I.), а ещё более сомнительная пассивность (т. е. тем самым и залоговость) — К. Кр. Ульманом [Ulmann 1831: 36, к §. 112, & 62, к §. 165 — *комментуруемые* §§'ы *no*: Stender 1783: 126 & 193].

Латышский же эквивалент *dēbitīv*'а представляет известную и небезынтересную («)просодическую(») проблему — в смысле (не)передачи латинских долгих гласных. Однако, ввиду некоторой громоздкости этой материи, связанной с происхождением самого термина, я ограничусь очень кратким замечанием: в латышской орфологии дискуссии о передаче — долгот [и даже репертуара гласных (о наличии *ō, ō, ū, ū*, и, возм., также *ā, ā* — только в именах собственных или в нарицательных также) и о сохранении удвоения согласных (всех или только сонорных); но всё это не наш случай] в заимствованиях не утихают по сей день, и для нашего термина мыслимы целых 3 версии: *debitīvs* («трибрахий»), *ēīī*¹⁴, *debitīvs* («анапест», *ēīī*)¹⁵ и *dēbitīvs* («амфимакр» = «кретик», *ēīī*)¹⁶.

Итак, *debitīvs*, но если очень хочется, то *dēbitīvs*; или же перифрастически: *vajadzības fōrma*¹⁷, *v. mōdalitāte* («контин.»; «класс.»: *mōdālītāte*) [*v. atvasinājums, v. darinājums, v. veidōjums* (долженствование. образование)]; всё вместе: *v. kōnstrukcija, v. tēiciēns* (*ō. оборóm*); но никак не «*v. iztēiksmē*»!

⁹ Подробнее см., напр., [Holvoet, Grzybowska 2014: 98...], с литературой вопроса.

¹⁰ Вопреки, напр., А. Биленштейну — см. список ссылок в концевом примеч. «¹⁰⁺».

¹¹ См., напр., репрезентативные парадигмы в: Kalnača, Lokmane 2019: сл. [22]f.

¹² Карл Кристиан Ульман (Carl Christian Ulmann) ошибочно назван Ullmann'ом.

¹³ С тою оговоркой в другом месте (выше, в: Stender 1761: 33, §. 81), что «*Modi, die ihre eigene und besondere Endungen haben, sind nur drey zu merken: Indicativus, Coniunctivus und Infinitivus, wozu noch die Participia gehōren.*» 'Наклонений, имеющих свои собственные и особые окончания, можно отметить только три: *изъявительное, сослагательное и неопределённое*, к каковым принадлежат ещё [и] *причастия*'.

¹⁴ Такой облик этого термина предполагается в полностью (ZTV₂₂) или же почти полностью (ЛЛРС) игнорирующих интернациональные долготы и претендующих на нормативный статус словарях; ср. тж. о (не)отражении «своих» долгот (только в корнях и флексиях, но не в префиксах и суффиксах — проповедь хаоса) [Лоя 1929: 251f.]. Эти орфологии я бы (мягко) назвал «минималист(иче)скими».

¹⁵ Это господствующая сейчас орфология — [LLVV 2: 286; LKV: 240; LVPPV: 165; VPtSV: 79, (116); MLLVG I: 615; LLVM (2.4.5): 118; LVG (6.2.2.1.4): 486; Andronovs 1998: ...; 2012: *l. c.*; ...], которую я предлагаю называть «континентальной».

¹⁶ Самоназвание этой орфологии — «классическая», см. [LPV], так же и всюду в [ELVG; Endz.DI]; но «классический» в прочем [LVV₃: 167¹] почему-то с «*ēīī*»!

¹⁷ Я в целом солидарен с А. В. Андроновым (1999: 6; 2002: 327f.) в том, что обозначение слоговых интонаций должно накладываться на орфографическую за-

1. Происхождение («Произхождениемъ — германецъ, вѣроятно, / Душою — истинный кроатъ.»¹⁸)

Вот что писал Я. Эндзелин в первых месяцах XX в. в первых (насколько мне известно) двух появившихся одновременно работах, специально посвящённых происхождению, в т. ч., дебитива, одной на латышском (Endzelīns 1901: 3, → Endz.DĪ I: 139f.), другой [вероятно, второй как чуть более полной] на немецком (Endzelin 1901: 69, → Endz.DĪ I: 146) яз.:

«Kas tad nu īsti¹⁹ ir šis „jā“ —? No pašas latveešu valodas gan nevarēs šo partikulu izskaidrot; drīzāki to varētu vest sakarā ar atbildamo, bez šaubām no vācu valodas patapināto partikulu „jā“, tikai tās tagadējā nozīme lāgā nesaņkan ar debitiva²⁰ „jā“.»;

«Was ist nun dieses *jā*? Aus dem Lettischen wird dasselbe wohl kaum sich erklären lassen; am nächsten liegt es, an die sicherlich aus dem Deutschen entlehnte bejahungspartikel *jā* „ja“ zu denken, doch stimmt ihr jetziger gebrauch wenig zu dem debitivischen *jā*.» —

‘Теперь, что же такое это *jā*? Его никак нельзя объяснить из латышского, ближайшее, о чём можно подумать, это однозначно заимствованная из немецкого утвердительная частица *jā* «да», хотя её современное употребление мало согласуется с дебитивным *jā*’.

Этой, прямо скажем, маргинальной, точки зрения в наши дни не придерживается почти никто²¹, и я вижу свою задачу в её реабилитации и обосновании (с точностью до того исключительно, что частица «да» прекрасно согласуется и с морфосинтаксисом, и с семантикой дебитива).

Я. Эндзелин продолжал (*opp. cit.*):

«Bet gan vidus-laiku vācu valodā ir partikula „jā“ (jeb: „ja“), kas stāvēdama paša verba preekšā noder izteikuma pastiprināšanai, uz-

пись, не вытесняя знак долготы (и, добавлю от себя, точку над *i*), но этот же принцип касается и обозначения [e]/[æ], [e]/[æ:] и [o]/[o:]/[uo], поэтому к традиционным для лёттонистики ⟨*e*⟩, ⟨*ė*⟩ для [æ(:)] я добавлю здесь ⟨*o*⟩ = [o] ([ō] ≠ ⟨*o*⟩) = [uo].

¹⁸ А. Н. Апухтинъ, «Элегія» (XII.1860 ÷ IV.1861). Сатира на оперу О. И. Дютша «Кроатка, или Соперница». 1^я пуб.: «Искра», № 13, 1861. Подп.: *Сысой) Сысоевъ*.

¹⁹ Необозначаемые в этой орфографии долготы показаны приподнятым знаком.

²⁰ Здесь и в др. ранних работах издатели [Endz.DĪ] не обинуясь восстанавливают «*dēbitīvs*», «*negācija*», «*imperātīv*(isk)s», «*infīnītīvs*» (N3 лат. *īnfīnītīvus*) — при всей неоднозначности такого решения: ведь и [LPV], и [ZTV₂₂], оба — «детисца» Я. Э.

²¹ Кроме Дзинтры Паэгле, см. [LLVM: 119] со ссылкой только на [Endz.DĪ I: 138–142], причём последующие специальные публикации и пассажи в больших работах Я. Эндзелина на ту же тему, на этот раз с местоименной теорией происхождения *jā*- (начиная с [Endzelin, Prellwitz 1905, → Endz.DĪ I: 288f.]; далее [ELG (§ 690): 685f.; EMLG (V.): 173, 226. §; LVSuF (499. §): 194, → Endz.DĪ IV, 1: 511f.; BVSuF (396. §): 210f., → Endz.DĪ IV, 2: 581; ELVG (690. §): 886f.]), даже не упоминаются.

s v̄er̄ṣana i: izrakstīṣu te kādus peemērus no Müllera Mittelhochdeutsches Wörterbuch⁽²²⁾: „jâ hân ich angeste vil“; „jâ wære des ze vil.“ Ka ṣo partikulu tādâ nozīmē leetojuṣi arī vāceesi senajā Livonijā, to leecina peem. pantīṣ (4661) no rimju kronikas „jô sehe ich rischer helde vil“⁽²³⁾; tikai „ja“ veetā te stāv „jô“. Latveesi tad būs no saveem vācu kungeem patapinājuṣi ṣo partikulu līdz ar viņas nozīmi, un ar laiku tad „jâ“, līdzīgi negacijai⁽²⁰⁾ „ne“ (nebūt), peesavinotees verba akcentu varēja sakust ar verba formu veenā vārdā (jābūt). No sakuma gan laikam, kà vācu valodā, peeveenoja ṣo partikulu dažādām verba formām, kamēr beidzot to eerobezoja uz imperativisko⁽²⁰⁾ infinitivu⁽²⁰⁾ (imperativa⁽²⁰⁾ formas labprāt peeņem pastiprināšanai dažādas partikulas.);»

«Wohl aber dient im Mittelhochdeutschen die partikel *jâ* (oder *ja*), unmittelbar vor dem verbum stehend, zur bekräftigung einer behauptung; ich führe aus W. Müller's mittelhochdeutschem wörterbuch⁽²²⁾ einige beispiele an: „jâ hân ich angeste vil“; „jâ wære des ze vil“; „jâ lâze ich dich vil gerne leben“; „jâ muoz ich trûren iemer mē“. Dass man diesen gebrauch der partikel auch in den Ostseeprovinzen gekannt hat, lehrt uns z. b. folgender vers (4661) aus der livländischen reimchronik: „jô sehe ich rischer helde vil“⁽²³⁾; nur dass hier jô für jâ erscheint. Ich glaube daher, dass die letten von ihren deutschen herren die partikel *jâ* mit der erwähnten gebrauchweise entlehnt haben, und dass dann im laufe der zeit *jâ*, ähnlich der negation *ne* (z. b. *nē'būt*) mit der verbalform durch den accent sich zu éinem wort vereinigt hat (*jâbūt*). Anfangs wird man wohl, wie im Deutschen, die partikel verschiedenen verbalformen vorgesetzt haben, bis man endlich den gebrauch derselben auf den imperativischen (debitivischen) infinitiv eingeschränkt hat (imperativische ausdrücke nehmen bekanntlich mit besonderer verliebe verschiedene affirmative partikeln an).» —

‘Однако в средневерхненемецком языке частица *jâ* (или *ja*), стоящая непосредственно перед глаголом, используется для усиления, подчёркивания утверждения; приведу несколько примеров из «Mittelhochdeutsches Wörterbuch» В. Мюллера²²: «*jâ hân ich angeste vil*»; «*jâ wære des ze vil*»; «*jâ lâze ich dich vil gerne leben*»; «*jâ muoz ich trûren iemer mē*». Тому́, что такое использование частиц было также известно в провинциях Балтийского моря, учит нас, напр., следующий стих (4661) из Ливонской рифмованной хроники²³: «*jô sehe ich rischer helde vil*»; только здесь *jô* появляется вместо *jâ*. Поэтому я считаю, что латыши заимствовали частицу *jâ* вместе с упомянутым употреблением у своих немецких господ и что со временем *jâ*, подобно отрицанию *ne* (напр., *nē'būt*), объединилось с глагольной формой через ударение в одно слово (*jâbūt*). Сначала, как и в немецком, частицы, вероятно, могли ставиться перед разными глагольными формами, пока, наконец, их употребление не ограничилось импе-

²² [MhdWb I (s. v. JĀ): 763_{22–25, 27f., 34ff.}]; орфография цитат скорректирована (<æ>, <ʒ>).

²³ Цитата по изд. [MLIRch: 107]; по [PfLIRch: 126] это стих 4664.

ративным (дебитивным) инфинитивом (как известно, императивные обороты с особою охотой принимают разные утвердительные частицы)'.²⁴

Здесь уместны некоторые не отменяющие общий вывод замечания:

1) *jâ* в средневерхненемецком используется для усиления не только утверждения, но и отрицания — напр., в том же «Mittelhd. Wörterbuch», следом за процитированными Я. Эндзелином примерами из п. «3. zur bekräftigung einer behauptung mit der fragenden Wortfolge für wahr», подп. «a. ohne eine negation» [MhdWb I (s. v. JÂ): 763₁₅₋₃₆], идёт и подп. «b. mit ne oder einer andern negation» с другими примерами, где *jâ* прекрасно уживается с *ne* (Nß: *jane, jan*), *nie, niht, ninder*, а не вытесняется ими [MhdWb I (s. v. JÂ): 763₃₆₋₄₈], что заставляет усомниться в именно такой, как предложена Я. Эндзелином, морфосинтаксической трактовке (*jâ* против *nê*);

2) в «Ливонской рифмованной хронике» по одному разу встречаются и частица *jâ* („*jâ zwâr; daz ist ein gût gedanc*“, ст. 998²⁴; [MLIRch: 23]), и частица *jô* (в приведённом Я. Эндзелином стихе), и переводятся они по-разному: ‚*Gewiß ist das ein guter Gedank*‘, (998: MdLIRch: 29) против *feh' ich doch rischer Helden viel*, (4661: MdLIRch: 131), но даже если считать *jô* просто фонетической и(ли) региональной разновидностью *jâ*, это не исключает семантического расхождения наряду с фонетическим;

3) императивный инфинитив чаще предписывается как раз скорее после отрицания, ср., напр., итал. *finisci(!)* ‘заканчивай(!)’ vs. *non finire(!)*.

Само по себе сходство дебитива с инфинитивом несомненно, см., напр., [Seržant, Taperte 2015, *passim*], с литературой (к которой я добавлю [Holvoet 2001], «поглощающую» [Holvoet 1998]); но из сопоставимости и даже (квази)эквивалентности, (квази)паронимичности таких пар, как:

Màn <D.> (*îr*) *viņš* <N.> *jâređz* <DĒB.> ≈ *Màn* <D.> (*îr*) *viņu* <A.> *redzēt* <ĪNF.>
(‘Я должен его увидеть’, ‘I have to see him’),

и особенно с пациенсом – местоимением 1-го и 2-го лица и возвратным:

Màn <D.> (*îr*) *tevi* <A.> *jâređz* <DĒB.> ≈ *Màn* <D.> (*îr*) *tevi* <A.> *redzēt* <ĪNF.>
(‘Я должен тебя увидеть’, ‘I have to see you’),

из этого, разумеется, выводится (квази)тождество *jâređz* и *redzēt* (см. ещё: Andronovs 1998: 156, 158, 161–169, 171–174), но из этого же отнюдь не следует (квази)тождество *ređz* и *redzēt* — однако именно такую логическую ловушку (примерно: *‘раз *jâređz* — как бы инфинитив, то и само *ređz* — он же; осталось лишь понять, что за «привесок» это *jâ*’) и расставил себе сам Я. Эндзелин в цитируемой паре статей, (справедливо, конечно) отбросив странное предположение А. Биленштейна [BLS II (§. 457): 167] о тождестве дебитивной формы за вычетом *jâ* чистой презентной основе глагола (но при этом почему-то не самой форме PRÆS.3!).

²⁴ Но cf. без *jâ* в соотв. (997) ст. ‚*ze wâre, daz ist ein guot gedanc*‘ по [PfLIRch: 28].

О диалектной вариативности *jâ* ~ *jû*, [Endzelīns 1901: 3, → Endz.DĪ I: 140; Endzelin 1901: 69f., → Endz.DĪ I: 146f.]:

«Veetalvá (Mag. d. let. liter. Ges. XVII 1, 103⁽²⁵⁾) un Leepkalnas (исправлено: *Liepkalnes* [Endz.DĪ I: 140]) Ozolós „jâ“ veetá eestājas ar „ju“; cik zinu no kāda sava tauteeša un, kā leekas, arī pēc Mag. XVII 1, 103⁽²⁵⁾ ir „u“ šai „ju“ — ĭss; šis „ju“ laikam gan cēlees ar „jâ“ no veena avota un ir vācu formas „jo“ parlatviskojums, kuŗu redzējām citātā no rīmju kronikas: vācu „o“ latveeši patapinātós vārdós pārtaisa par „a“ jeb „u“ (Bil. Lett. Spr. I 470).»;

«Für *jâ*- erscheint dialektisch, und zwar meines Wissens in Feheln (Mag. d. lett.-liter. ges. XVII 1, 103) und in Ohselshof unter Linden (Livland), auch *ju*;- nach mündlicher mitteilung eines meiner landsleute und, wie es scheint, auch nach Mag. XVII, 1, 103 ff. ist das *u* in diesem *ju* kurz; BV 3523, 9 e (v [Endz. DĪ I: 146] — «BW 3523, 9 var.»; «e» — 5-й var. из 6, не считая основного, см. перевод) (in einem vom philologen Kauliņ aufgezeichneten liede) aber lesen wir *jüecè*⁽²⁶⁾, also doch wohl auch mit langem *u*, wenn anders kein versehen vorliegt. Dieses *jû*- stammt doch wohl aus derselben quelle wie *jâ*- und ist also wohl die lettische wiedergabe des mhd. *jô*, das wir in dem citat aus der livländischen reimchronik sahen, wie denn deutsches *o* in lehnwörtern lettisch durch *a* oder durch *u* wiedergegeben wird (Biel. Lett. spr. I 470).» —

‘Вместо *jâ* появляется [в диалектах, а именно, по моим сведениям,] в Виеталве⁶² [Bielenstein 1883: 103] и в Озолмуйже под Лиепкалнес⁶² [в Ливонии] *ju*;- сколько знаю [по устному сообщению] от одного моего земляка, и, как кажется, также согласно [*Īb.*], *u* в этом *ju* краткое; [в [LD I: 553¹, № 3523, 9.а, 5-й var., по ист. 103²⁷] (в дайне, записанной филологом Каулиньшем) мы, однако, читаем *jüecè*²⁶, таким образом также с долгим *ü*, если только, с другой стороны, это не ошибка]. Это *jû*- происходит из того же источника, что и *jâ*-, и должно быть латышской передачей [средневерхне]немецкого *jô*, которое мы видели в цитате из «Ливонской рифмованной хроники»: так же и немецкое *o* передаётся в заимствованиях через *a* или через *u* (BLS I: 470).’ («[]» — только в немецком тексте).

Для отвода этой аргументации (в части самого облика префикса, а не сочетаемости его с мнимым инфинитивом) потребовался бы детальный разбор всех диалектных вариантов дебитивного *jâ* (*jô*-, *jô^a*-, *jû*-, *jâ*-, [Мюленбахъ 1907: 315, 331], *jâ*-, [*Īd.*: 332]; *jâ*-, [*Īd.*: 319, 324] *jû*-[²⁶], *ju*-, *jui*-, [*Īd.*: 317]) в сопоставлении с таковыми *jâ* (*jâ*: [ME II: 94²–95¹ s. v. «III ja»], &c.) утвердительного, каковой разбор, насколько я знаю, никто не пред-

²⁵ В [Endz.DĪ I: 140] небрежный набор в источнике («XVIII,103» 2×, см.: Endzelīns 1901: 3) дважды превратился в «исправление» («XVIII, 103») мнимой опечатки.

²⁶ Verbatim: *jüecè*; см. т.ж.: LDe-3523-9, по ист. 97с (ошиб., вм. 103а); увы, без изображения рукописной карточки, приданного остальным приводимым записям.

²⁷ Т. е. Saufnej-Weetlawâ, Saußen und Feheln: Kauliņfch, J. (LD I: XXXV, [№] 103).

принимал, просто потому, вероятно, что сам Я. Эндзелин, приняв аргументацию коллеги, В. Прелльвитца (Endzelin, Prellwitz 1905, II: 320ff. / I: 288f.), перешёл на «прономиналист(иче)скую» точку зрения, и с этого момента она стала «мейнстримной». Теория происхождения *jāz* с вариантами из различных падежей относительного местоимения была, на мой взгляд, более или менее успешно разгромлена И. Сержантом в [Seržant, Taperte 2015: 214f.], но при этом некоторая «зацикленность» на инфинитивном происхождении глагольной части дебитивной формы (после как своей собственной, так и цитированной, не побоюсь этого слова, уничтожающей критики этой идеи [*Id.*: 212] автор заявляет: «Having said this, we are nevertheless inclined to adhere to the traditional account assuming that the infinitive is original» [*Ibid.*]) подводит его к точке зрения «конъюнкционистской» (при том что сами эти союзы всё происходят опять же от всё тех же местоимённых форм). Пока же я буду считать первоначальную гипотезу Я. Эндзелина правильной (первое впечатление в очередной раз оказывается самым верным), или во всяком случае и как минимум ничем не доказавшей свою неправильность или несостоятельность.

Акцентологическое же возражение К. Мюленбаха (1907: 315) против ср.-в.-нем. происхождения *jāz*, что-де «сверхъ того, не въ пользу заимствованія говорить и слогуудареніе на приставкѣ *jā-*, такъ какъ въ заимствованныхъ словахъ мы обыкновенно встрѣчаемъ длительную долготу ⟨т. е. \sim ⟩, между тѣмъ какъ приставка *jā-* въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ говорѣ которыхъ встрѣчается тройкая долгота, напр. въ Вольмарѣ, Смитгенѣ, Альтъ-Пебалгѣ, имѣетъ нисходящую долготу ⟨ $\hat{\ } \rangle$ ⟩, прерывистую же ⟨т. е. \sim ⟩ въ Курляндіи, гдѣ двойкое слогуудареніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Барбернѣ, длительную», довольно странно: ведь ему ли не знать, что у слова «да» как раз нисходящая интонация («долгота») ²⁸ (cf., e. g., [ME II: 105¹ s. v. «II *jā*»]), несмотря на всю его заимствованность ²⁹.

²⁸ Вероятно, свидетельствующая о достаточной почтенности возраста заимствования и(ли), возможно, той же фреквентальной фразово-интонационной природы, что и нисходящая метатония ($\sim > \hat{\ }$) в вокативе и в императиве, см.: [Endzelin 1899: 266, → Endz.DĪ I: 124; ELG (§ 17, «i»): 31f.; ELVG (§ 17, «k»): 47f.].

²⁹ Здесь же [Endzelin 1899: *loc. cit.*, → Endz.DĪ I: 124; ELG/ELVG (§ 15): 25/37] и примеры не такой уж редкой нисходящей интонации в заимствованиях: *ĕzelis* ‘осёл’ (нем. *Esel*), *grĕks* ‘грех’, *kālis* ‘брюква’ (нем. *Kohl* ‘капуста’), *kāpōsts* ‘капуста’, *kāzas* (N3 [LVPPV: 358²] — *kāzas*; см. [Андронов 2002: 381]) Pl. ‘свадьба’ (лив.; cf.: *kōzgānd* ~ *kāznāgānd* ~ *kāznāgānd* Pl. [KLivW: 151²–152¹ s. v.], *kōzgānd* Pl. [LĒLSr: 136¹ s. v.]), *klāips* ‘буханка’, *kĕkis* (N3 [LVPPV: 405¹]: *kĕkis*) ‘кухня’ (ниж.-нем. *kō̃ke*), *mĕtelis* ‘пальто’ (др.-рус. *матьль* ‘мантія, плащъ, накидка’, ср. [Даль II: 1968¹, 2382², 314¹] стб. 979 s. v. *Мягль*)), и мн. др., как порой встречается в них и интонация прерывистая (как, напр., в вышеприведённых разночтениях в [LVPPV]).

Замечу наконец, что ни один из пропонентов что прономинального, что конъюнкционного генезиса *jā* не привёл ни одного «контрольного экземпляра», т. е. внешней параллели, из хоть какого-нибудь языка, где именно местоимение или именно союз превращали бы именно инфинитив и именно во что-нибудь похожее на дебитив (т. е. чтобы инфинитив, и без того охотно означающий долженствование в посессивной рамке, вдруг потребовал себе для этого ещё чего-л., в противном случае это самое долженствовывание отнюдь не выражая): всё эти рассуждения всегда ограничиваются нагромождением заведомо непроверяемых гипотез, т. е. не гипотеза является единственным звеном в цепочке, в остальном состоящей из факт(оид)ов, а вся цепочка сплошь состоит из одних гипотез.

2. PRÆ.3 («И говоритъ съ людьми отъ третьяго лица...»³⁰)

Резюмирую своё отношение к происхождению формы глагола в дебитиве за вычетом *jā* словами К. Мюленбаха (1907: 315): «предположенная Эндзелиномъ замѣна неопредѣленнаго наклоненія III лицомъ въ дебитивѣ основана на цѣломъ рядѣ недоразумѣній языка, и поэтому мнѣ кажется не очень убѣдительною». Действительно, идея о тотальной замене инфинитива 3-м лицом индикатива без каких-либо добавок на почве двусмысленности одной-единственной глагольной формы (омонимии INF и PRÆ.3 *iēt* 'идти'), представляется мне совершенно невероятной, и, как и в предыдущем пункте (о *jā(ē)*), абсолютно беспрецедентной.

Между тем *iēt* ~ *iēt*, будучи (в т. ч.) атематической формой PRÆ.3, как раз показывает нам, что же такое *ābūt* в составе *jābūt* — это не что иное, как атематический же презенс (или, если угодно, корневой аорист) от корня *bū-*, используемого параллельно с *es-* с индоевропейских времён. В дебитиве у 'быть' разнообразие форм достигает максимума (приведены выборочно также устаревшие, диалектные и редкие формы):

⊖		Дебитив		⊕	
⊖	Эвиденциал	⊕	⊖	Эвиденциал	⊕
<i>ēs mu</i> (-u, <i>ešu</i> , <i>es mi</i>), -i, <i>ēsām</i> (-im, -mi), <i>ēsāt</i> (-it, -iēt)		<i>ēsōt</i>	<i>jā=ēs</i>	<i>jā=ēsōt</i>	
<i>īr</i> (<i>ira</i>) [PRÆ.3]	[PRÆ.1SG,2SG,1PL,2PL]	—	<i>jā=īr</i>	—	
<i>būt</i> [INF], -u (-ūm, -ut) [COND.1/2/3.SG/PL (1PL,2PL)]		<i>būtōt</i>	<i>jā=būt</i>	<i>jā=būtōt</i>	
<i>būn</i> (-u, -, -ām, -at) [PRÆ.3(1SG,2SG,1PL,2PL).HAB]		<i>būnōt</i>	<i>jā=būn</i>	<i>jā=būnōt</i>	

При таком наборе «стротельного материала» и готовых конструкций довольно странным представляется выделение *jābūt* в качестве какой-то особой «первозданной» формы, избежавшей-де «деинфинитивизации».

Аналогично и с глаголом 'идти' (перечень форм снова выборочный):

³⁰ К. К. Случевский, «Не можетъ быть.» («О, неужели онъ, онъ — этотъ скарбъ и хламъ...»), циклъ «Женщина и дѣти», 1881.

⊖		Дебитив		⊕	
⊖	Эвиденциал	⊕	⊖ Эвиденциал	⊕	⊕
	<i>e(î)j u, è(î)j (-i), -àm, -at (-iêt) [Præs.1Sg,2Sg,1Pl,2Pl]</i>	<i>e(î)jõt</i>	<i>jà=è(î)j</i>	<i>jà=e(î)jõt</i>	
	<i>iêm u (eîmu), è²im (èîme), eît (-te) [Præs.1Sg,1Pl,2Pl]</i>				
	<i>iêt [Præs.3]</i>				
	<i>iêt [INF], -u (-ùm, -ut) [COND.1/2/3.Sg/Pl (1Pl,2Pl)]</i>	<i>iêtõt³¹</i>	<i>jà=iêt</i>	<i>jà=iêtõt</i>	
	<i>ièn (-u, -, -àm, -at) [Præs.3(1Sg,2Sg,1Pl,2Pl)]</i>	<i>iènõt</i>	<i>jà=ièn</i>	<i>jà=iènõt</i>	
	<i>eîn (-u, -, -àm, -at) [Præs.3(1Sg,2Sg,1Pl,2Pl)]</i>	<i>eînõt</i>	<i>jà=eîn</i>	<i>jà=eînõt</i>	

С учётом того, что существуют ещё и формы от вторичных тематических основ *eîm(a)-, iêm(a)-, eît(a)-, iêt(a)-* (см. обо всём этом прежде всего [ELG/ELVG (60l. §): «а»], 555ff./717–720 <*bûit*>, «б»], 557ff./720–723 <*iêt*>], «роковая» роль именно *iêt* как триггера кажется абсолютно надуманной.

Хочется также подчеркнуть, что даже если мы считаем, что, напр., формы «прогрессирующих» типов спряжений вроде пол. *czytam* и(ли) болг. *намирамь*³² ('нахожу') получили своё *-m/-mь* [Præs.1Sg] от горстки, можно сказать, остатков атематических глаголов, то тогда точно так же и *-t* в *jà=bûit-t* оказывается атематической флексией [Præs.3] и, наоборот, само обязано своим происхождением уцелевшему раритету в виде того самого *iêt-t* 'идёт' (ср. также *pa=lièk-t* 1× 'остаётся' (inf. *pa=likt*), *nièz-t* 'чешётся'; см. [ELG/ELVG (60l. §, «е»): 560f./725f.]⁶⁶). Настаивать же, что, при конкуренции **es-* и **bhû-*, чем «косвеннее» наклонение, тем скорее **es-* будет заменено на **bhû-*, означало бы ломиться в открытую дверь.

³¹ О формах типа *bûitõt, nãktõt* [COND+EVID], как бы из *bûtu+[uõt]*, *nãktu+[uõt]*, см.: Andronovs 2012: 151; здесь же это скорее *bûit+õt, iêt+õt* от вторичных «-t-основ».

³² Поскольку приводимые болг. и рус. примеры относятся и к эпохам до злосчастных орфографических реформ, здесь и далее (но, конечно, не при точном заковыченном цитировании) я использую самую информативную из всех многочисленных болгарских орфографий, из каковой несложными склейками выводятся все остальные (для русского довольствуюсь орфографией начала XIX в.):

≈	после согласных					
	⊖			⊕		
	⊖	конечные	⊕	⊖	после шипящих	⊕
	⊖	конечные	⊕	⊖	конечные	⊕
<i>ë</i>		<i>ïo</i>		<i>bo</i>		<i>o</i>
<i>ѣ, ъ</i>		—		<i>ѣ [ѣ]</i>		<i>ѣ [ѣ]</i>
<i>ѣ̣ ~ ѣ̣̣</i>				<i>и</i>		<i>ѣ [ѣ]</i>
<i>ѣ̣̣, ѣ̣̣̣, ѣ̣̣̣̣ (я)</i>				<i>е</i>		
<i>ѣ̣̣̣̣, ѣ̣̣̣̣̣</i>		<i>я [ÿa]</i>		<i>я [ä]</i>		<i>а [a]</i>
<i>ѣ̣̣̣̣̣̣</i>		<i>ѣ [ѣ]</i>		<i>ѣ [ѣ]</i>		<i>а [ѣ]</i>
<i>ѣ̣̣̣̣̣̣̣̣</i>		<i>я [ÿѣ]</i>		<i>я [äѣ]</i>		<i>а [ѣ]</i>

Зато получить инфинитив («воспетый» по данному случаю большим числом исследователей) из личной формы вполне возможно, превратив её из индикатива в конъюнктив с помощью конъюнктивизатора, как это и происходит, напр., в балканских языках (в т. ч. в составе аналитических глагольных форм с участием инфинитива), cf. e. g. в [СТСЛ.], болг. и [С.-Х.]:

(не) мѡꙗ ꙗꙑса	(не) смѣꙗ ꙗꙑса	недѣи(те) ꙗꙑса(!)
↓ (не) мѡꙗ да ꙗꙑшь;	↓ (не) смѣꙗ да ꙗꙑшь;	↓ недѣи да ꙗꙑшеш(!)
немоѡи(те) ꙗꙑса(!) ↔ ≈ не пишѡи (не пишѣте) (!) ↕		

отрицательная форма императива (только у глаголов несовершенного вида)

³³ Всё это, разумеется, не означает, что болгарский (ну и тем более сербохорватский) произошёл от старославянского, но лишь то, что указанные языки зафиксировали приведённые разные фазы эволюции рассматриваемой конструкции.

³⁴ Балканский синтетический инфинитив, с апокопой *-ти* [или целого кластера; в этом случае может иметь параллельную форму, омонимичную Aor.2/3.Sg: *-сти* (*плѣ ~ плѣте, вѣ ~ вѣде, трѣ ~ трѣсе*), *-шти* (*вѣлѣ ~ (в)лѣзе*), *-ци* (*тѣ ~ тѣче*) и даже *-ѡти* (*до*)], см.: [GJB (§ 152, «Resztki bezokolicznika»): 152; ГБЯ: 284f., § 281]. Cf. рум. *a cânta* 'петь' с апокопой *-r(e)*, < *cântare* (при этом *cântare* 'пение' — масдар).

³⁵ Болг. *бѣдѣѡице* (тж., в различных источниках: *бѣдѡице, бѣдѣѡице, бѣдѣѡице*) неопрѣдѣлено врѣма (нем. *unbestimmtes Futurum*), выражает оттенок неуверенности (см., e. g., [ГНБЕ: 52, 54]; ср. пол. *czas przyszły niepewny*: [GJB (§ 128, 1.): 126, (§ 138): 143]). Но может трактоваться и как (архаическая, 5^я–6^я) разновидность будущего простого (ср. пол. *czas przyszły zwykły*), ср. [ГБЯ: 236, § 236].

³⁶ «Недограмматизированная» модальная конструкция; ср. [ГБЯ: 235, § 235].

³⁷ В отличие от проклитических спрягаемой формы *ѡꙗ* & с. и неспрягаемой *ѡꙗ*, спрягаемая *ху* & с. — Вакернагелевская клитика, отсюда её не-инициальность. №:

мѡже бѣѣ; дѡ-ще врѣм.а 'придѣт время' <дѡ = дѡѡдѣ.ІNF.АРОС>
 ще рѣче <рѣче ≡ рѣ = рек.ж.:ІNF.АРОС> [GJB (§ 152, «Resztki...»): 152] 'to znaczy, это зна-
 чит, т. е.' → (переосмыслено) ще рече³⁸ <рече = рек.ж.:PRÆS.3SG> досл. «скажет»

(квази-)идиомы; замена на да-конструкцию невозможна или же затруднена

В с.-х. хѡху *уісати* (с полными формами *хѡ(ј)ѣти* — *хѡху*, *хѡхеш*, *хѡхе*, *хѡхемо*, *хѡхѣше*, *хѡхѣ*) в невопросительной клаузе всё ещё означает только модальность ['хотеть, желать'; в этом значении *хѡ(ј)ѣти* активно вытесняется *жѣлѣти* (*жѣлѣши*)], а не будущее вр. (но разумеется, при условии совпадения субъектов в главной и в подчинѣнной предикациях; *accūsātivus cum infinitivo* в с.-х. отсутствует: *I want thee to write* → *хѡху (ј жѣлѣм) га уішѣш*, *I see thee sleep* → *вѡдѣм га сѡвѡш*).³⁹ В этой синтаксической конструкции для многих идиолектов и в вопросительной (а также в отрицательной с *нѣху*, *нѣхеш*, *нѣхе*, *нѣхемо*, *нѣхѣше*, *нѣхѣ*) фразе возможна дифференциация модального значения в варианте с *га* vs. футурального в варианте с *-ши/-хи*. В прочих же контекстах взаимозаменяемость инфинитива и конъюнктива имеет теперь скорее территориальный (и, в силу специфики социолингвистической ситуации, также и нормативно-стилистический) характер. Интенсивность избегания консубъектных да-конструкций в целом растѣт от юго-востока к северо-западу (по мере удаления от болг. с его победившим да-конъюнктивом), но местами в Боснии встречаются противопоставления «супинных» и «несупинных» конструкций, вроде *уѣм сѡвѡш(у)* 'иду спать' ← *хѡху/жѣлѣм*, *пѡчньѣм/пѡчньѣм*, &с. *га сѡвѡш* 'хочу, начинаю, &с. спать'.

В болг. вспомогательный глагол теряет спрягаемость (в пользу 3SG, (но только в случае его проклизы; энклиза, как и в с.-х., «бережѣт» флексию), превращая его в частицу (*ицж*(1SG), *цешь*(2SG), *це*(3SG), *цешь*(1Pl), *цете*(2Pl), *цжтѣ*(3Pl) → *це*). Тѡ же происходит и в новогреческом — *θѣλω ѡχѡ ρѡρѡφ* → *θѣλω χѡ ρѡρѡφ* ('хочу писать', досл. «хочу, чтобы пишу»)

θѣλει ѡχѡ ρѡρѡφ → *θѣλει χѡ ρѡρѡφ* (досл. «хочет, чтобы пишу»)

θѣλω χѡ ρѡρѡφ → *θѡ ρѡρѡφ* ('буду писать'); и аналогично в албанском: *do tѣ shkruaj* (досл. «хочет пишу:COND») — по всем «балканским» правилам.

[*шрес-* 'тряс-':] *шресѣи ху*, → *шрѣшиху*; [*вез-* 'вяз-, вышива-':] *вѣсѣи ху*, → *вѣшиху*; [*илѣи-* 'плет-':] *илѣсѣи ху*, → *илѣшиху*; [*шрег-* 'пряд-':] *шрѣсѣи ху*, → *шрѣшиху*; [*шѣи-* 'плеска-':] *шѣсѣи ху*, → *шѣшиху*; [*шреб-* 'зреб-, царапа-':] *шрѣсѣи ху*, → *шрѣшиху*; инфинитивы на *-хи* — в 2 слова (*рѣхи ху* 'скажу', *гѡхи ху* 'приду'), хотя произноситься (не в серб.) могут и слитно («*рѣху*, *рѣхеш*, *рѣхе*, *рѣхемо*, *рѣхѣше*, *рѣхѣ*»).

³⁸ По сообщению О. В. Трефиловой, именно на таком ударении настаивают носители современного болг. яз. (т. е. «*такъ сказати*») превратилось в «*скажемъ*»).

³⁹ Дальнейшими разъяснениями по с.-х. тематике я обязан коллеге М. В. Ослону.

Взглянем на разные виды *da*, а также их функциональных аналогов (в таблицу включены только «материально интересные» показатели — связанные фонетически и(ли) этимологически с ‘*da*’ в выбранных яз.): в клетке для лтш. (и лтгл.) конъюнктива (аналитического спрягаемого инфинитива) и находится дебитив как его непосредственный «потомок»:

	‘ita’, ‘sic’, ‘yes’	≈ CONJ/OPT/PERM, tva	‘et’, ‘sed’ &c.	‘≈ igitur’ &c. («такъ я...»)
Стсл.		да	да	
Цсл.		да ↓*		
Болг.	да ↓	да ↓		
Мак.	да	да	да	
С.-х.	дä, дä; (jā)	да		
Слвн.	дä; (jā)	да		
Рус.	да ↓	(да←)	да ↓	такъ, дакъ, дыкъ, да↓
Блр.	тáк; (дá←)		ды	дык
Укр.	тáк; (дá←)	(да←)	та; (да←)	так, та (да←)
Пол.	tak		(da)	
Лит.	taĩp	te, ta	(dà, dõ ←)	(↳ tai ... gi)
Лтгл.	taĩ	juo, jõ		
Лтш.	jā; jã	jã, jã, jã, jã, jũ, jũ		
Эст.	jah, jaa		ja	
Лив.			ja	
Лат.	sic			
Рум.	da←	sẽ; (da ⁴⁰ ←)	și	
Алб.		të, dhe të	dhe	
Цыг.	aj, ej, ej	te, the?	the, thaj	
Груз.			და [da]	
Зан.			და [do]	

*Стрелки обозначают направление заимствования (в пределах табличных форм)

О происхождении разных *da* ведутся оживлённые споры (см., напр., [ИЭС-РЯ I: 172²; ФЭСРЯ I: 480; БЕР I: 309; ERHSJ I: 369^{f.1} s. v. dā; ЭССЯ 4: 180^f; ESSJ I: 93¹⁻² s. vv. da I, II; ЕСУМ 2: 7¹⁻² s. vv. да¹, ²; ESJS 2: 121¹⁻²; ИЭСРЯ I: 229^{f.1} s. vv. да¹⁻³; BoSEJP: 7¹⁻² s. v. da] &c.), но спорящие либо постулируют, либо не исключают единство происхождения *dā* ‘yes’ и *da* ‘пусть’ (будь то от **dā-*, ср. *давái* в знач. ‘дá’ vs. *ð(ав)ájū(me)* ‘пусть’, будь то от некоей дейктической основы **d-*, тождественной **t-* или же нет, будь то вообще ностратического возраста, ср. картв. (груз.-зан.: [ЭСКЯ: 68^f s. v. «*da ‘и’»]), см. [ОСНЯ I (№ 60): 214^{f.}]). В любом случае, полная синхронизация обоих *da*, что называется, налицо, да и заимствованность не служит помехой⁴⁰. Ср. тж. цыг. в [ЭСЦЯ: s. vv. (aj), haj, «thaj...» («суммарно»: *t(h)aj(j)*, *(h)aj*, *te(j)*, *t(h)e*, *(t)he*); *aji*, *ej*]. Алб.: расè [EWAS: 83 s. v. «*de*, *eðé*»], &c.

⁴⁰ Похоже, что в неформальном румынском в качестве конъюнктивизатора может использоваться болгаризм *da* — см. нек. примеры в концевом примеч. «^{40±}».

3. (Морфо)синтаксис

В вопросе именно о происхождении дебитива синтаксические особенности должноствительной конструкции вряд ли могут иметь сколько-нибудь опровергающее значение, но вкратце их упомянуть, видимо, всё же необходимо. С другой стороны, чтобы статья не превращалась в монографию, я ограничусь, так сказать, декларациями, не вдаваясь в подробный разбор темы синтаксиса актантов при инфинитиве, по которой уже имеется и постоянно продолжает появляться значительная литература, и в т. ч. и в настоящем сборнике — см.: Циммерлинг 2021: 212–241.

3.0. Инфинитивная конструкция не обязательно оформляется единообразно в заданном языке в заданный период его развития. Это касается и довольно значительной части «циркумбалтийских» примеров с мнимыми «номинативными объектами», в которых на самом деле происходит переключение с аккузативно-объектного (немодального) на номинативно-субъектный модалный инфинитив (или обратно, если исходить из индоевропейского возраста 2ой конструкции), а не замена аккузатива номинативом на совершенно в таком случае непонятной почве.

3.0.1. Если «номинатив прямого объекта» строго ограничивается независимыми (или даже зависимыми, но при этом не от глагола) инфинитивными клаузами, то не очень ясно, как возможно строго доказать именно объектный статус этого самого номинатива. Ведь отнюдь не всякая именная группа, стоящая рядом с инфинитивом (или его спрягаемым аналогом), в особенности в им. п., непременно является его дополнением (и тем более прямым). Напр., пресловутая *водá пíti* — не ‘пить воду’ (т. е. *водá пíti*), а, напротив тому, ‘вода для питья, питьевая вода’⁴¹ (т. е. *водá пíti*): пример (1) из [*Id.*: 213] можно перевести как ‘В твоей волости *Городищ(ан)е* только [и осталась, что] *питьевая вода*’⁴²; аналогично, пр. (2) [*ib.*]: ‘<...> [предстоит, грозит, «свѣтится»] тебе больший ущерб(N) к (на)несению (бóльшая (уз, за)трата к (по)несению)’; ĳпр. (3) [*Id.*: 214]: <дoстoйтѣ лн мoужю жѣна поустѣтѣтн (124г⁷⁻⁹)> ‘Подобает (приличествует)⁴³ ли мужу [его(Рoс)] жена, [готовая] к разводу [такая, чтобы с ней]

⁴¹ Как и пресловутая же *земля пахати* (ср. [Котков 1959; Станишева 1966]) — если и не всегда, то достаточно часто означает ‘земля для пахоты (под пахоту)’.

⁴² Предпочтительность такого перевода была подтверждена в беседах с целым рядом коллег, в частности, А. В. Дыбо, А. В. Малышевой, А. А. Гишпиусом (с огоровами), да и сама статья [*Id.*] называется «Where does *potable water* flow from».

⁴³ В греч. оригинале всё однозначно (εἰ ἔξεστιν ‘(воз)можно (разрешается, позволено) ли’) ἀνδρὶ(Д ‘мужу’) γυναικί(А ‘жену’) ἀπολύσαι(INF.AOR ‘отпустить’): Мк 10:2), но слав. *достoйтѣ* тесно связано с *достoйный*, *достoйство*, *удостoити*, и с последним глаголом у него общий презенс, во всяком случае сегментно [МСДрЯ I: 714¹, (715¹) s. v(v). ДОСТОИМЪ, ДОСТОИТИ], и обозначает гла-

развестись)?»; пр. (5) [*Id.*: 215]: '<...> [букв. 'там ему и правда к (по)даче' <...>]; пр. (6) [*Id.*: 216]: да, не «**павечерница* [вечерняя молитва] *существует, чтобы её пить*», что, конечно же, не так, а '<...> тогда [и] павечерница [уместна (готова, подоспела)] к пению (для пения)'; и др. примеры — как, собственно, это не “вода существует, чтобы её пить”, и не “земля существует, чтобы её пахать”, а просто в тех или иных обстоятельствах жизни то и дело встречаются и “вода для питья”, и “земля ^{для} _{под} пахот^ы”.

3.0.1.1. Ещё А. И. Соболевский (1907: 197) считал, что «кь смѣшеню имен. и вин. п. <типа (Рл.м) -и(N) ~ -ы(A)> не слѣдуетъ относить употребленія формъ имен. ед. женск. р. при неопредѣленномъ наклоненіи, очень частаго въ новгородскихъ, смоленскихъ и московскихъ памятникахъ до конца XVII в.». №: «Появление данной конструкции при зависимом инфинитиве исследователи считают признаком ее начинающегося разложения, в ранних источниках таких примеров нет» (Попова 2017: 257).

Здесь надо заметить, что присутствие *надо* ещё не делает инфинитив зависимым от него: *надо* — аллегризация *надобѣ*, дат. (как исходно и сам инфинитив!) или (беспредложный) местн. от *надоба* ‘надобность’ (ФЭСРЯ II: 38 s. v. *надо*), *Надо корова доить* (ср.: Ронько 2017) — это, возможно, всё ещё ‘[к] надобности(D) ([в] надобности(L)) [есть] корова к подою (для подоя)’, с им. п. субъекта при (опущенной) связке; ср. (неформально-разговорное): *Онó(N) тебѣ надо?* [(и, так сказать, трансформационно —) ← *Тебѣ это(¿N/A?) надо?* → “**Его(A.NEUTR) тебѣ надо?*”].

3.0.1.2. Аналогично, многие балтийские «примеры» им. п. якобы объекта являются, на мой взгляд, некоей фикцией. Е. g. [АГЛЯ (§ 440): 323 / ALG (III/5.156): 374]: *Jùm tik juodà dúona kriñsti* Strazd «„Вам только чёрный хлеб грызть“ / ‘You should be given only brown bread’ lit. ‘For you (DAT) only brown bread (NOM) to nibble.’» — но почему не „Вам только чёрный хлеб на погрыз“ / ‘<...> brown bread (NOM) to be nibbled’? Утверждение, что «объект действия, выраженного инфинитивом переходных глаголов, в таких случаях часто обозначается не винительным, а именительным падежом, ср. ещё: <...>» ослабло до «The object of the transitive infinitive in such cases is denoted by an accusative or sometimes (in dialects and informal speech) by a nominative, e.g.»: [*Ībb.*]: *Táu pačiam «reiks rugia i pjauti* Vien „Тебе самому придется рожь косить“» [и [АГЛЯ (§ 1000): 615]: «*Darbymety tau pačiam reiks <...>* „В страду тебе самому надо будет жать рожь»] / «*reikēs rugiūs/rugiāi pjauti*. ‘You’ll have to cut the rye yourself’ lit. ‘For you (DAT) it will be necessary the rye (ACC/NOM) to cut.’» — так может это диалектный/неформальный сдвиг управления у *reik(é)ti* с

гол *достóити* также и ‘заслуживать’ [СРЯ11–17, 4: 337¹, (335¹, 339²) s. vv. «ДОСТОИТИ¹ и ДОСТОЯТИ (ДОСТАЯТИ)», ДОСТОИТИ², (ДОСТАЯТИ, ДОСТАЯТИ²)] — всё это не исключает реактуализации в слав. переводе («исконного») значения.

GEN (e. g.: *reikia pinigų*⟨G⟩ ‘нужны деньги’) на Nōm (при сохранении субъектности), или же, наоборот, сохранение первоначального номинативного субъекта при глаголе ‘быть нужным, требоваться, нуждаться’ в одной части диалектов (восточной) при трансформации его в аккузативный объект инфинитива в другой (западной) [*reik(ė)s rugiūs*⟨A⟩ *piąuti* ‘нужно (будет) жать рожь⟨A⟩’ ↔ *reik(ė)s rugiai piąuti* ‘нужна (будет) рожь⟨N⟩ для жатвы’]? Ср. в [Senn 1966 ([§] 1088): 467]: «*ką*⟨A⟩ *reikia daryti?* oder *kàs*⟨N⟩ *reikia daryti?* ‘was⟨A⟩ muß man tun? was⟨N⟩ ist zu tun?’» («⟨⟩» мои — С.Б.).

Кроме всего, *reik(ė)ti* — отыменной глагол [LEW II: 714¹⁻²(f.) s. v(v). *reikà*, (*reikti*)], и, как и *nádob[итися]*, *trǃb[оватися]* (иначе: *нуждá[итися]*), вполне может управлять им. п. «надобного», «требуемого». В сочетании с подчинённым субъекту инфинитивом может происходить «реноминативизация», или же, наоборот, не происходить «генетивизация» субъекта для блокировки понимания этого субъекта как агенса пассива, хотя бы такое понимание и было периферийным и даже выморочным:

Reikia ↙	šieno⟨G⟩ ‘нужно сено⟨N⟩ / сена⟨G⟩’ (требуется сено⟨N⟩);
	šienas grėbti ⁴⁴ — ‘нужно (требуется) сено⟨N⟩ для грėбли’
need:3.PRES hay:NOM rake:INF ⁴⁴	/ ‘It is necessary to rake the hay’ ⁴⁴
“*Reikia šieno⟨G⟩ grėbti”	— “*‘нужно сеном⟨Ī.AG⟩ быть сгрėбённым”

И тем более при глаголах со стандартнейшим номинативным управлением (АГЛЯ (§ 1000): 615): «*Jam nerūpėjo laukelis arti nè šienelis nurpąuti* JD ‘Его не заботили ни пахота, ни сенокос (букв. ему не заботило поле пахать, ни сено косить)» — и снова, почему не ‘его не заботили [ни] полюшко⟨N⟩ для пахоты, ни сенушко⟨N⟩ для покоса’? Cf.: «*màn jis* ⟨N!⟩ *nerūpi* меня он не интересуєт» (LRKŽ_{тл}: 644¹ s. v. *rūpėti*). Вновь, с уже факультативною «номинативностью объекта» (ALG (IV/3.69): 638):

<i>Jam nepatiko</i>	<i>laukėlis</i>	<i>(laukėli)</i>	<i>arti.</i>
he: DAT	not-like: 3. PAST	field: NOM. SG	field: ACC. SG
			plough: INF

‘He didn’t like to plough the field (NOM/ACC).’

→ *Jam nepatiko* *laukėlis arti*
 ‘Ему не-(по)нравилось полюшко⟨N⟩ [чтобы (его)] пахать (для пахоты,
Jam nepatiko *laukėli arti* под пахоту)
 ‘Ему не-(по)нравилось полюшко⟨A⟩ пахать’

Как и *rūpėti* и в отличие от *reik(ė)ti*, (*pa*)*tikti* нормально управляет номинативом субъекта (каковой вполне может обзаводиться инфинитивом), и тот не генетивизируется при отрицании, напр.: *Вы можете заменить шнурки? Эти мне не нравятся.* | *Ař jūs gálite pakeĩsti bątraĩščiūs? Šĩtie mán*

⁴⁴ Фраза и англ. глоссы с перев. — пр. (1) из: Ambrazas 2001 (1.1): 391–412 (391).

ператійка. (RLPK: 169). Т. о., номинативно-субъектному (и модально-инфинитивному) анализу буквально ничто даже косвенно не препятствует.

По умолчанию, любой номинатив — субъект, а не объект, его объектность должна специально доказываться, а не приниматься на веру.

3.0.1.2. Никакого «реанализа» субъектного номинатива в объектный не бывает, а бывает замена менее тривиального синтаксиса на куда как более тривиальный, в точности такая же, как и примитивизация прихотливого, дифференцированного, семантически нагруженного глагольного управления в целом в направлении «банальной» переходности при усложнении устройства самой переходной конструкции (и ср. Ронько 2018).

Например, развитие категории одушевлённости в самых разных языках иллюстрирует отрыв переходной конструкции от падежной системы как таковой. В испанском и румынском одушевлённые прямые объекты вводятся через предлог (*a* и *pe* соотв.), в славянских — через замену синкретического им.-вин. (при наличии такого синкретизма) родительным, каковой универсально считается уже винительным, хотя, напр., в русском сохраняется контраст между винительным как таковым (историческим) и переходностью как механизмом выбора падежа (любопытно, что именно такое, пусть и несколько радикальное, решение⁴⁵ даже не рассматривается, напр., в фундаментальной работе [ЗаРИС (§ 2.9): 50ff.]):

<i>пои́ёлъ вѣ солд́аты</i> ≡ <i>пои́ёлъ вѣ а́рмію</i>	} предлог <i>вѣ</i> в транслативном значении управляет настоящим (историческим) вин. п.;
<i>запис́ался вѣ коз́аки</i> ≡ <i>запис́ался вѣ коз́ачество</i>	
<i>вѣишелъ вѣ нач́альники</i> ≡ <i>вѣишелъ вѣ нач́альство</i>	

в остальных значениях он управляет переходностью, т. е. ступенчатой системой выбора падежа (вин., если ≠ им., иначе род. для одуш. и вин. = им. для неодуш.). *Вѣшла вѣ ня́нки* 'стала нянкой' ≠ *вѣшла вѣ ня́некъ* 'стала похожей на нянек'.

3.0.1.3. («Настоящий») им. п. прямого объекта, по сути этого термина, не должен ограничиваться именно независимыми инфинитивными оборотами, нужны контрольные примеры им. п., заведомо не могущие быть субъектами инфинитива. Такие идиомы, конечно, имеются, напр., в собрании [Мальшева 2015], но с ними всё далеко не так просто. Из 74 примеров⁴⁶ 14 — при независимом инфинитиве, 21 — при *на́до* (*на́дь*) + инфинитив, 4 — при *мо́жно* + инфинитив, 1 — при *ви́дко* + инфинитив,

⁴⁵ Хотя технически такое же решение принято в [ISK]: там вин. п. признаётся существующим только у личных местоимений + (в ед. ч.) *'кто'* (у каковой формы есть специальный показатель *-t*), а совпадающие с род. п. (в ед. ч.) и им. п. (в ед. и мн. ч.) формы в переходной конструкции этими-то падежами и считаются.

⁴⁶ Следует учитывать, что часть из них (с инициальным расположением им. п. во фразе) может оказаться так называемым «именительным темь», но произносимым на одном дыхании с последующим, что характерно для малоконтролируемой разговорной речи (*Твёрская улица какъ про́хать?*, *Третьяковская галерея какъ пройти?* и т. п.). Ещё в большей степени это относится к письменным источникам, вряд ли очень строго соблюдающим пунктуацию по Д. Э. Розенталю.

по одному — при инфинитиве, зависящем от неопределённо-личной и от безличной форм глагола, 6 — при императиве, 24 — при личной форме. Казалось бы, налицо перевес гарантированных им. п. объекта, но, 1°, не только нет среди них местоимений трёх лиц (исчезающе редко встречающихся в этой роли: [Кузьмина 1993: 14], №: всё фразы безличные!), но и в качестве субъекта в такой предикации (буде она не бессубъектна) (почти) не⁴⁷ выступают существительные (т. е. возможна фраза: *Я найду себе бесѣда.* (В-Т. Врш.) [АОС 2: II¹ s. v. «БЕСѢДА (БЕСѢДА)»]), но (почти) не возможна фраза “**Брат / Сестра найдѣт себе бесѣда*”), и, 2°, что делать с такими примерами, как *Ак она бывало ту побывальшына росказывала.* (Пин. Шрд.) [Мальшева 2015: № 53] (см. также: Кузьмина 1993: 13f.) — какой же тут «падеж объекта»? Аналогичные примеры приводит А. Х. Тимберлейк [Timberlake 1974 (5.3): 109f., (136)–(137), *no*: (Филин 1947: 20, Георгиева 1949: 43)]. Т. е. в диалектах на субстратной (о чём см. чуть ниже) почве произошло значительное усложнение переходной конструкции, допускающее в неё им. п. (\neq вин. п.), но, во-первых, некие «эталонные» номинативы (а именно, самые высокоранговые в субъектной иерархии имена — личные местоимения + *кто*⁴⁸) туда всё равно (почти) не проникли, и, во-вторых, они же и оказываются в ней (почти) единственными наполнителями им. п. уже субъекта. Иными словами, номинативы имён с вершины иерархии М. Сил(ь)верстайна играют (почти) только субъектную роль, и (почти) только они сочетаются с им. п. объекта (тем самым требующим от субъекта рангового превосходства):

$Я(\langle N \rangle)$ (<i>ты</i> ($\langle N \rangle$), <i>она</i> ($\langle N \rangle$)) $Сестра(\langle N \rangle)$	\rightarrow <i>корова</i> ($\langle N \rangle$) \rightarrow <i>корову</i> ($\langle A \rangle$) (<i>еѣ</i> ($\langle A \rangle$), <i>тебя</i> ($\langle A \rangle$), <i>меня</i> ($\langle A \rangle$)) <i>увидала</i>
--	--

Т. о., мы видим не «им. п. объекта» как таковой, а иерархизованную (ре-)организацию переходности, (почти) исключающую, несмотря на экспансию им. п. в объектную зону, неоднозначность рецепции его синтаксической роли в смысле разграничения субъектности с объектностью через лексическо-ранговые ограничения как для субъекта, так и для объекта.

Поэтакно такую экспансию можно представить, по-видимому, так: им. п. только при независимом инфинитиве — однозначно субъектный; то же + при *надо* (особенно если *надо* управляет именами в им. п. без инфинитива, ср. выше *Оно*($\langle N \rangle$) *тебѣ надо*?) — всё ещё субъектный; то же + при *нужно*⁴⁹ (не согласуем с им. п.) — возм., пограничный случай(?);

⁴⁷ Один такой, скажем так, небесспорный пример см. в концевом примеч. «^{47±}».

⁴⁸ Заметим, что именно их вин. п. — настоящий (т. е. не связанный с одушевлённостью — ср. *еѣ весь* $\langle A \rangle$.ĪNAN), хоть этимологически он и происходит из род. п.

⁴⁹ Любопытно, что, напр., в архангельских говорах (где *надо* с инфинитивом составляет большую долю случаев с им. п. объекта, ср. в: Мальшева 2015: №№ 15–35), предикатив *нужно* практически отсутствует (И. Б. Качинская, уст. сообщ.).

- то же + при инфинитиве, зависимом от безличного глагольного предиката с (\pm опущенною) связкой — уже перестроенная переходность;
 - то же + при инфинитиве, зависимом от безличного глагола в прош. вр. или условном накл. (т. о., по форме ср. р., на *-ло*);
 - то же + при инфинитиве, зависимом от безличного глагола в наст. вр.;
 - то же + при инфинитиве, зависимом от личного глагола в прош. вр. или условном накл. (т. е. собственно по лицам тут не спрягающегося);
 - то же + при инф., зависимом от личного глагола в наст. вр. или повелительном наклонении (т. е. при эксплицитном изменении по лицам);
 - то же + при безличном глаголе в прош. вр. или условном накл.;
 - то же + при безличном глаголе в наст. вр.;
 - то же + при неопред.-личном глаголе в прош. вр. или условном накл.;
 - то же + при неопред.-личном глаголе в наст. вр. (\leftarrow по форме 3PL / \uparrow PL);
 - то же + при обобщ.-личном глаголе в наст. вр. или повел. накл. (\leftarrow 2SG)
 - то же + при личном глаголе в прош. вр. или условном наклонении;
 - то же + при личном глаголе в наст. вр. или повелительном наклонении.
- Но экспансия ни на каком этапе (почти) не затронула «эталонные» им. п.

4. Субстрат («Даже кь финскимъ скаламъ бурымъ обращааясь...»⁵⁰)

4.0. В аккузативном языке подобному синтаксису самому по себе взяться попросту неоткуда (см., напр., [Kiparsky 1960; 1969], и тем более за пределами инфинитивной клаузы), ни о каком (пра)индоевропейском происхождении его не может быть и речи (ср.: Циммерлинг 2021: 240; расè: Ambrasas 1987 — в силу отсутствия диахронического «реанализа», расè: Ambrasas 2001 (3.2): 400f.). А. Х. Тимберлейк [Timberlake 1974 (7.1): 155] совершенно прав в отношении субстратного (а именно, прибалтийско-финского) происхождения переходности с им. п. (в др.-рус.; а в балтийском ничего подобного [как и «реанализа»] нет, есть только субъектный им. п., и здесь он совершенно не прав, вообще отрицая такую конструкцию [*Íd.* (6.6): 153, (9.3): 220]; cf.: Ambrasas 2001 (2.2–2.3): 393–398).

4.0.1. Искомый субстрат лучше всего иллюстрирует финский, максимально архаичный и сохранный в отношении именного склонения — всё имена, за исключением личных местоимений (в 3^{ем} лице используемых только для лиц) + (в ед. ч.) *kuka (ken)* ‘кто’, в переходных конструкциях стоят во мн. ч. всегда в им. п., а в ед. ч.: в род. п. (ака «Акк. I») при наличии во фразе согласующего номинативного субъекта, хотя бы и потенциального (в т. ч. при действительном причастии и при императиве 3го л. на *-ko/-kö*, т. е. бывшем оптативе), и в им. п. (ака «Акк. II») при отсутствии такового (т. е. при не зависящих от субъектно-согласованного

⁵⁰ Д. Д. Минаевъ, «Въ Финляндіи» («Область ривмъ — моя стихія...») (1876), сб. «Чѣмъ хата богата. Пѣсни и риф(!)мы» (1880), [Ч.] III. Арабески. (Надписи, экспромты, мелочи.) [3^я паг.], [Разд.] Шутки и риф(!)мы, IV.

глагола инфинитивах, императиве 1–2го л. на *-ka/-kä* [т. е. «настоящем», не оптативе] и имперсонале [ака «пассив»]⁵¹⁵². Личные же (ещё и в том смысле, что они обозначают только людей) местоимения + «личное» (в ед. ч.) *'кто'* могут и полностью повторять приведённое поведение⁵³, но гораздо чаще они стоят в специализированной форме вин. п. (ака «Акк. III»), заменяющей собой алгоритмически выбираемые им. п. vs. род. п.:

'чум, шалаш'	Sg						Pl	
Nöm; «Акк II» (субъ.-несогл. контексты)	<i>kota</i>						<i>koḁaḁ</i> ⁵⁴	
«Акк I» (субъектно-согл. контексты)	<i>koḁaḁ</i> ⁵⁴						<i>koḁ[ien]</i> («GEN I»),	
GEN							<i>kotaḁ[in]</i> («GEN II»)	
Акк (настоящий, см. [ISK]; = «Акк III»)	_____						_____	
İLL	<i>kotaan, < kotahan</i>						<i>kotiin, < kotihin</i>	
	1Sg	2Sg	3Sg	1Pl	2Pl	3Pl	Sg 'кто'	Pl
Nöm; «Акк II»	<i>minä</i>	<i>sinä</i>	<i>hän</i>	<i>me</i> (<i>me'</i> < * <i>meḁ</i>)	<i>te</i> (<i>te'</i> < * <i>teḁ</i>)	<i>he</i> (<i>he'</i> < * <i>heḁ</i>)	<i>kuka,</i> <i>ken</i>	<i>kuḁka,</i> <i>keḁka</i>
«Акк I»								
GEN	<i>minuḁ</i>	<i>sinuḁ</i>	<i>häneḁ</i>	<i>meidäḁ</i>	<i>teidäḁ</i>	<i>heidäḁ</i>	<i>kuḁnka,</i> <i>keneḁ</i>	<i>kuḁiden</i> [†] ; <i>kuḁitten</i> [†] ; <i>keiden</i> ; <i>keitten</i>
Акк («III»)	<i>minuḁ</i>	<i>sinuḁ</i>	<i>häneḁ</i>	<i>meidäḁ</i>	<i>teidäḁ</i>	<i>heidäḁ</i>	<i>keneḁ</i>	_____
İLL	<i>minuun</i> _ḁ <i>minuhun</i>	<i>sinuun</i> _ḁ <i>sinuhun</i>	<i>häneen</i> _ḁ <i>hänehen</i>	<i>meihin</i>	<i>teihin</i>	<i>heihin</i>	<i>kuhun</i> [†] <i>keneen</i> _ḁ <i>kenehen</i> <i>kehen</i>	<i>kuihin</i> [†] <i>keihin</i>

Таким образом, перед нами некая разновидность ДОМ (DOM, дифференцированного объектного маркирования, differential object marking).

4.0.2. В уралистике господствует точка зрения, согласно которой (обще-прибалтийско-финский) сникретизм Акк и GEN возник чисто фонетическим путём, после перехода конечного **-m* (в т. ч. и прауральского аккузативного показателя) в *-n* (ср., напр., в основах с конечным *m*: *hap*_ḁ_n,

⁵¹ А также в посессивной конструкции с глаголом бытия и аккузативом(!) вида: *minu-lla on Pekka-ḁ // häne-t / sinu-t / heidä-t / teidä-t*. при-мнѣ(АDESS) имѣется(3Sg) Пётр(А=N) // его/еѣ(А) / тебя(А) / ихъ(А) / вась(А) 'у меня есть(3Sg) Пётръ // онъ/она / ты / они/онѣ / вы.'

Детальнее см. в: Nakulinen, Karlsson 1975: 353 (а вся статья тж. и к след. сноске).

⁵² См. обо всём подробнее [Рожанский 2017] и особенно [Vainikka, Brattico 2011].

⁵³ Каковая опция в современном языке, похоже, (почти?) совсем сходит на нет.

⁵⁴ Я использую здесь наддиалектное обозначение слабоступенного *ḁ* как *ḁ* (знак квенской орфографии, [ḁ]), реализуемого в разных идиомах: *d, ḁ [ḁ], l, l, r, v, j, ḁ*.

G *-pamen* ~ *-paman* 'кислый'; *ah'din*, G *-timen* 'тяж; брас'; *kaut'on* ~ *-oin*, G *-toman* 'бездушный'; *läm'min*, G *-pimän* 'тёплый'; *seitse:n* ~ *-män*, G *-män* '7'; *sydä:n*, G *-m[m]jen*, ÌLL *-m[m]jeen*, < *-m[m]jehen* 'сердце'; *vase:n*, G *-mman*, ÌLL *-mpaan*, < *-mpahan* 'левый' (и так же суперлативы); и под.), т. е. якобы **koŕam*(A) > *kođan*, — совпавшее с GEN. Но это никак не объясняет возникновения ДОМ в переходной конструкции (вместо ожидаемого здесь сплошного генитива прямого объекта!), а именно замены [ACC~>GEN] на Nõm в бессубъектных контекстах, подходящего на ненужное усложнение.

Считается, что пред-прибалтийско-финское состояние в этом отношении хорошо сохраняет саамский, а внутри него — самый фонетически архаичный южно-саамский, где не отпали конечные согласные (и даже не возникло чередования ступеней согласных), как в северно-саамском, ср. (по той же схеме, что и выше для финского) у «обычных» имён vs. личных местоимений — см. [Bergsland 1946 (§ 146): 112 vs. (§ 135): 100f.; 1994 (§ 102): 103 vs. (§ 121): 120ff.]; географические и др. пометы опущены:

	Sg		Pl	
	[1946]	[1994]	[1946]	[1994]
'hus, дом				
Nõm	<i>goätie</i>	<i>gâetie</i>	<i>goätie</i> ^[h]	<i>gâetie</i> ^[h]
GEN	<i>goätie</i> ^[n]	<i>gâetie</i> ^[n]	<i>goätiej</i>	<i>gööti, gâetiej</i>
ACC	<i>goätie</i> ^[m]	<i>gâetie</i> ^[m]	<i>goä'taj</i> d'ä (-'ä)	<i>göötide, gâetide</i>
ÌLL	<i>goätan</i>	<i>gâatan</i>		

	Sg		Du		Pl	
	[1946]	[1994]	[1946]	[1994]	[1946]	[1994]
1 PERS						
(дл.) Nõm	<i>mânnə</i>	<i>manne</i>	<i>mânnə</i> ^[h]	<i>männoe</i> ^[h] (monnoej)	<i>mijjie</i> ^[h] ~ <i>mäjja</i> ^[h]	<i>mijjie</i> ^[h]
(кр.)	<i>mân, mon</i>	<i>mân (man)</i>	<i>(moän)</i>	<i>min</i>		<i>mi</i> ^[h]
GEN	<i>muw</i>	<i>mov</i>	<i>munnä</i> ^[n]	<i>monne</i> ^[n]	<i>mijjə</i> ^[n]	<i>mijje</i> ^[n]
ACC	<i>mânnə</i> ^[m]	<i>manne</i> ^[m]	<i>munnä</i> ^[m]	<i>monne</i> ^[m]	<i>mijjə</i> ^[m]	<i>mijje</i> ^[m]
ÌLL	<i>munnan, münnien</i>	<i>munnjen (munnjan)</i>	<i>munnä</i> ^{sə}	<i>monnese</i>	<i>mijjäsə (mijjəjd'ä)</i>	<i>mijjese (mijjide)</i>

	Sg		Du		Pl	
	[1946]	[1994]	[1946]	[1994]	[1946]	[1994]
2 PERS						
(дл.) Nõm	<i>dâtnə, -'n-</i>	<i>datne</i>	<i>dâtnə</i> ^[h]	<i>dâtnoe</i> ^[h] (dotnoej)	<i>dijjie</i> ^[h] ~ <i>däjja</i> ^[h]	<i>dijjie</i> ^[h]
(кр.)	<i>dân, don</i>	<i>dân (dan)</i>	<i>(doän)</i>	<i>din</i>		<i>di</i> ^[h]
GEN	<i>duw</i>	<i>dov</i>	<i>dutnä</i> ^[n]	<i>dotne</i> ^[n]	<i>dijjə</i> ^[n]	<i>dijje</i> ^[n]
ACC	<i>dâtnə</i> ^[m]	<i>datne</i> ^[m]	<i>dutnä</i> ^[m]	<i>dotne</i> ^[m]	<i>dijjə</i> ^[m]	<i>dijje</i> ^[m]
ÌLL	<i>dutnan, dünnien</i>	<i>dutnjen (duttjan)</i>	<i>dutnä</i> ^{sə}	<i>dotnese</i>	<i>dijjäsə (dijjəjd'ä)</i>	<i>dijjese (dijjide)</i>

3 PERS	SG		DU		PL	
	[1946]	[1994]	[1946]	[1994]	[1946]	[1994]
(ДЛ) NOM	<i>sâtnə, -ⁿ-</i>	<i>satne</i>	<i>sâtnə^h</i>	<i>sâtnoe^h</i> (<i>sotnoej</i>)	<i>šijje^h</i> (<i>s-</i>) ~ <i>šajja^h</i>	<i>sijje^h</i>
(КР)	<i>sân, son</i>	<i>sân (san)</i>	<i>(soân)</i>	<i>sin</i>	<i>šī^h</i>	<i>si^h</i>
GEN	<i>suw</i>	<i>sov</i>	<i>sutnəⁿ</i>	<i>sotneⁿ</i>	<i>šijjəⁿ</i>	<i>sijjeⁿ</i>
ACC	<i>sâtnə^m</i>	<i>satne^m</i>	<i>sutnə^m</i>	<i>sotne^m</i>	<i>šijjə^m</i>	<i>sijje^m</i>
ILL	<i>sutnan, sūnhien</i>	<i>sutnjien</i> (<i>sutnjan</i>)	<i>sutnəsə</i>	<i>sotnese</i>	<i>šijjəsə</i> (<i>šijjəjd'a</i>)	<i>sijjese</i> (<i>sijjise</i>)

Здесь, наоборот, мы не наблюдаем никакого ДОМ или того, что могло бы спровоцировать его возникновение в (пра-)прибалтийско-финском, не возникает его и в др. саамских яз. при отпадении *-n* и *-m* (\Rightarrow ACC = GEN).

С одной стороны, обращает на себя внимание структурное сходство (при материальном различии!) в оформлении «обычных» имён vs. личных местоимений аккузативными показателями: у «обычных» имён — только в ед. ч. (ДОМ в финском, нормальный вин. п. в саамском), у личных же местоимений — независимо от числа используется нормальный вин. п. в обоих языках. С другой же стороны, финскому вменяется двойность аккузативного показателя⁵⁵, вообще говоря, малоprecedентная для уральских языков, в которых всегда используется что-то одно (либо *-t*⁵⁶, либо *-m*⁵⁷), в отличие от показателей мн. ч., которых может сосуществовать и несколько в одном идиоме и даже в рамках одной словоформы.

⁵⁵ Сама по себе двойственность оформления переходности при этом возможна различного вида (аккузатив только у личных местоимений — помимо прибалтийско-финских (по [ISK] &с.), в «обских» (хантыйских, мансийском); у «обычных» имён — или окончание [в пермских, венгерском], или его отсутствие [в мансийском: A = N], а у личных местоимений — как бы тавтологические притяжательные формы: «я=мой» 'меня(A)', «ты=твой» 'тебя(A)' и под. [в венгерском:

N	<i>én</i> 'я'	<i>tē</i> 'ты'	<i>ő</i> 'онь(a/o)'	<i>mi</i> 'мы',	<i>ti</i> 'вы', <i>tik</i> «вы+PL»	<i>ők</i> [ő+PL]
	<i>engēm</i>	<i>tégēd</i>	<i>őt</i> [ő+A]	<i>mink</i>	<i>titéket</i> «вы=ваши+A»,	'они(ь)'
A	«я=мой(я)», «ты=твой(я)»,	«его/её(A)',	«мы=наши»		<i>tiktéket</i>	<i>öket</i> [↳] +A
	<i>engēmet</i> [↳] +A	<i>tégēdet</i> [↳] +A	<i>öket</i> [ő+A+A]	<i>minket</i> [↳] +A	«,вы+PL'=ваши+A»	'ихь(A)'

(стилистические и под. пометы опущены); мансийском; пермских (с частичной нестандартностью флексии вин.); личные местоимения по актантным падежам вообще не склоняются [в нганасанском]; и нек. др.), но всё это никак не есть распределение изофункциональных ≈синонимичных морфем, занимающих один и тот же морфосинтаксический (терминальный) слот — что и вызывает вопросы.

⁵⁶ И, помимо прибалтийско-финских, в венгерском, хантыйских, удмуртском.

⁵⁷ Также, помимо саамских, в марийских, южно- (быв.) [Кондинско-] и восточно- (ныне южно-) [Гавдйнско-]мансийском, ненецком, селькупском, нганасанском.

4.0.2.1. Отсюда возникает стойкое подозрение, что никакого *m*-аккузатива в прибалто-финском никогда и не было, а просто аккузатив на *-t* (за пределами группы личных местоимений, 1°, существенно различающихся основами по числам, и, 2°, пользующихся мн. ч. на **-k*) порождал малоприятную омонимию падежей-чисел примерно следующего вида:

‘чум’		SG	-∅	PL	- <i>t</i> (<i>Λ</i> -); - <i>i</i> (<i>Λ</i> -)	SG	-∅	PL	- <i>t</i> (-); - <i>i</i> -
NOM	-∅	* <i>kota</i>		* <i>kota</i> [<i>t̥</i>]		* <i>kota</i>		* <i>ko̥ta</i> [<i>t̥</i>] ^{58, 59}	
ACC	- <i>t̥</i>	** <i>kotas</i> [<i>t̥</i>] ⁵⁹		?* <i>kota</i> [<i>t̥</i> (<i>Λ</i>) <i>t̥</i>] ⁵⁹		** <i>ko̥ta</i> [<i>t̥</i>] ^{58, 59}		* <i>ko̥ta</i> [<i>t̥</i>] ^{58, 59}	
GEN I		* <i>kota</i> [<i>n̥</i>]		* <i>kota</i> [<i>i</i> (<i>Λ</i>) <i>t̥</i> <i>Λn̥</i>]		* <i>ko̥ta</i> [<i>n̥</i>] ⁵⁸		* <i>ko̥t̥a</i> [<i>i</i> [<i>t̥</i>] <i>Λ</i> <i>n̥</i>]	
GEN II	- <i>n</i>	* <i>kota</i> [<i>n̥</i>]		* <i>kota</i> [<i>t̥</i> <i>Λn̥</i>]		* <i>ko̥ta</i> [<i>n̥</i>] ⁵⁸		* <i>kota</i> [<i>i</i> [<i>t̥</i>] <i>Λn̥</i>]	

И именно поэтому вин. п. ***ko̥tat* был устранён из системы и заменён на ДОМ, и ровно такая же участь постигла хантыйские яз., с тою лишь разницей, что вместо ДОМ там у «обычных» имён аккузатив просто исчез (т. е. переходный объект у них выражается номинативом во всех числах).

4.0.2.2. Как мы видим, объектом калькирования является минимальность выражения прямообъектной роли на фоне полной выраженности роли субъектгой: в новой диалектной версии ДОМ формы на *-a/-я* заменяют настоящий вин. п. на *-y/-ю* (иногда при этом оставляя согласованные определения в вин.) в случаях невозможности интерпретации первых как субъектов — т. е. практически при тех же самых условиях, что и в прибалтийско-финских языках. При этом, поскольку, с одной стороны, «объектное употребление им. падежа ед. числа существительных жен. рода на юге России не имеет локализации» (Кузьмина 1993: 8), а с другой, «употребление в функции вин. падежа формы именительного, а не родительного-винительного падежа одушевленных существительных <...> с точки зрения исторической связано с неравномерным развитием по говорам морфологической категории одушевленности / неодушевленности» (Ead.: 22), а также ввиду слабых документированности и изученности этой темы в русских диалектах (Ib.), имеет смысл ограничиться сказанным и процитированным о I склонении, не замахиваясь на другие и не спеша с дальнейшими ареально-типологическими обобщениями — заметим, однако, что «реже всего им. падеж объекта проникает в те конструкции, где инфинитив сочетается со спрягаемой глагольной формой, а наиболее часто — в конструкции с предикативным наречием *надо*» (и далее) (Ead.: 12), т. е. как раз в семантические эквиваленты дебитива (при

⁵⁸ Использование знаков *p*, *t̥* (*q̥*, *ḡ*), *k̥* (и т. п.) не означает, что я считаю чередование ступеней согласных (консонантную градацию) пра-прибалтийско-финским (и тем более пра-финно-угорским, resp. пра-уральским) явлением, но оно лишь показывает сегмент(ы), где это чередование возникло позже в дочерних языках.

⁵⁹ *T*-аккузативу в уральстике положительно не везёт, см. концевое примеч. «^{59±}».

том, что это те самые конструкции, где объектный статус номинатива и может быть подвергнут сомнению при отсутствии «сильных» позиций).

5. «Она не родила, но по расчету, / По моему: должна родить.»»

5.0. В дебитивной конструкции нет ничего специально «циркумбалтийского» (расе: Ambrazas 2001 (4.1): 403; Holvoet 1993: 156; и др.; ср.: *Īd.*: 151; и др.), кроме сходства с вышеупомянутой аттракцией (северно-)русских диалектов с прямообъектным им. п. к формуле «*нáдо*+инфинитив».

5.1. В ней используется лабильный, т. е. двойкий (а не один и тот же) синтаксис вложенной в стандартную для лтш. языка посессивную (в виде [Дя]+связка⁶⁰) рамку глагольной *jà*-части — с (аналитическим, квази-) инфинитивом (ножнославянского типа), зависимым от субъекта [*Īd.*: 153] (обычно), и с квази-инфинитивом, управляющим объектом в опять-таки стандартном для лтш. вин. п. (что обязательно для 1–2го л. и возвратного местоимения и что возможно и для (на этот раз) объекта в 3^{ем} л. — т. е. происходит субъектно-объектная трансформация конструкции в тривиальном направлении и в зависимости от различных (но гл. обр., Силверстайнианских) факторов, о чём подробнее и см. в [Seržant, Taperte 2015]).

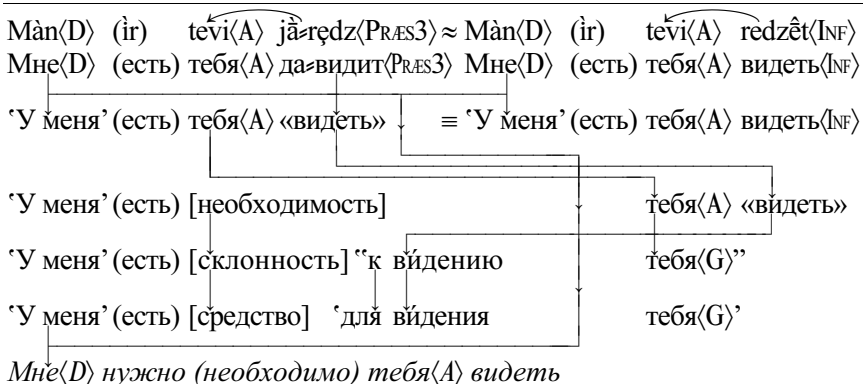
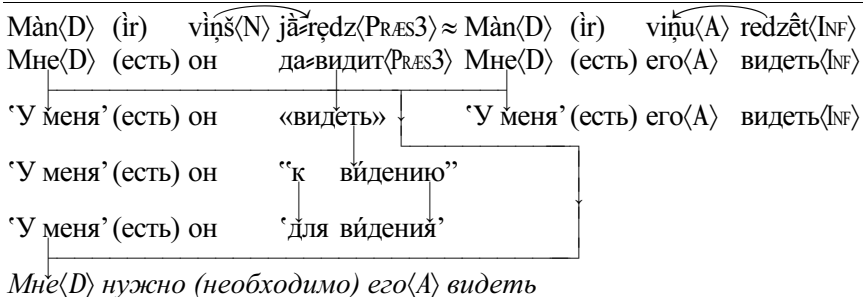
Сама невозможность использования им. п. местоимений 1–2го л. уже является уликой против объектного статуса выраженного ими актанта.

5.1.1. Номинативный субъект квази-инфинитива, будучи всегда 3го л., и связку согласует тоже в 3^м л. Номинатив местоимений 1–2го л., хотя бы и виртуальный, означал бы спряжение связки по лицам и по числам, каковые формы и приводит А. Биленштейн в [BLG (§. 370): 148, сн. «*»]: «*esmu jāzet* (≡ *esmu jācēl*), *ich muss gehoben werden* (я должен быть поднят), 2. P. *essi jāzet* (≡ *esi jācēl*) u. s. w.»; [BLG (§. 376): 155]: *esmu jāzet*, *esmu bijis jāzet*, *biju jāzet*, *biju bijis jāzet*, *būschu jāzet* (≡ *būšu jācēl*), *būschu bijis jāzet*; [BLG (§. 409): 206f.]: *esmu {essi | ir | essam | essat* (≡ *esam | esat*)} *jāzet*, *biju {biji | bija | bijām | bijāt* (≡ *bijām | bijāt*)} *jāzet* *ich musste gehoben werden* (я должен был быть поднят), *būschu {būsi | būs | būsim | būsit* (≡ *būsi | būs | būsim | būsit*)} *jāzet* *ich werde müssen gehoben werden* (я должен буду быть поднят); *es {tu | wińsch, f. wińa* (≡ *wińš, wińa*) | *mēs | jūs | wińi, f. wińas* (≡ *mēs | jūs | wińi, wińas*)} *essūt* (≡ *esūt*) *jāzet*, *es {tu | ... | mēs | jūs | ...}* *būschūt* (≡ *būšūt*) *jāzet*, *es {tu | wińsch, f. wińa | wińi, f. wińas}* *būtu* (≡ *būtu*) *jāzet*, (*mēs*) *būtum* (≡ *būtū[m]*) *jāzet*, (*jūs*) *būtut* (≡ *būtut*) *jāzet*. Но аналогичные пассивы у А. Стерсте («*eš esmu jāmafga* (≡ *es esmu jāmazgā*) (*ich muß gewaschen werden* (я должен быть мыт))»: [Stērste 1880 (§ 72): 29, сн. «*»]) А. В. Андронов (Andronovs 2012: 149, сн. 9) считает неправильными.⁶¹

⁶⁰ Именно поэтому я назвал форму на *jà* присвязочной, хотя, возможно, имеет смысл говорить о *būt* уже как о вспомогательном глаголе в составе аналитической конструкции — хотя (квази-)синонимичные обороты с инфинитивом (*mān (ir) wińu redzēt* &c.) всё же вряд ли можно квалифицировать таким же образом (?).

⁶¹ Сф.: «*tā pat tu pats ar bij jāglabā <...>* 'ebenso mußte man dich selbst auch warten' (<'точно так же надо было ждать тебя самого')» [ELG/ELVG (759. §): 685(+нем./]

5.2. Попробуем пошагово «прорегlossировать» («продебуквализировать») подстрочник двух дебитивных фраз, одну с [Nōm], другую с [Acc]:

Понятно, что по мере возрастания субъектного ранга (от *питевой воды* к «я да ты да мы с тобой») субъектный инфинитив (или его аналог) всё охотнее становится объектным, см. опять же о том [Seržant, Taperte 2015], ибо «я/ты/мы/вы для видения» гораздо «хуже», чем «книга для чтения».

5.3. Создаётся впечатление, что упорство в отстаивании «объектного номинатива» вообще и его же в составе дебитивной конструкции в частности произрастает из навязывания синтаксиса переводов (преимущественно английских) самим переводимым и(ли) глосслируемым примерам. При этом спорен даже пациенсный (как у номинатива в пассиве) статус этих номинативов (Holvoet 1993: 153), не говоря уж об их объектности.

5.4. Что же касается форм с префиксом *ju-* и посессивным значением (Bielenstein 1883; Мюленбахъ 1907: 316ff.), то это фонетически продвину-

972]; «*tad tu man arī bīsi jākuorj* ‘тогда мне придётся (по)заботиться и о тебе’» [ELVG: *ib.*] — второй пример с *bīsi*, согласованным с *tu*, показывает, что и в первом не только (апокопированное) «*ar*» ≡ *arī*, но и «*bij*» — это именно *biji*, с тем же согласованием по 2 л.; «(4) *Man tevi jāmāca*» → «(5) *Tu man esi jāmāca*» ‘я должен тебя (на)учить’ [Holvoet 1993: 154]; — всюду согласование субъектное.

тое (из-за редукции префикса в первоначально безударной [проклитической] позиции) образование с консервативной семантикой, сосуществующее с общелатышскими «стандартными» (по форме и семантике) дебитивами в нескольких компактно расположенных диалектах Видземе⁶²:

Man nav ja-ēd (≡ *Mān nāv jāēd*) 'ich muß nicht essen (я не долженъ ѣсть)', *ich brauche nicht zu essen* (мнѣ не нужно ѣсть)', vs.:

man nav ju-ēd (≡ *Mān nāv juēd*) 'ich habe nichts zu essen (мнѣ нѣчего ѣсть)',

М possessивную конструкцию и в немецком (Bielenstein 1883: 103) — фонетическую эволюцию можно представить примерно так: *juēd* < *juēd* < *jūēd* < *jūēd* < *jū^oēd* < *jūōēd* < *jūōēd* < *jōēd* (если < с.-в.-н. *jō* / < *jō^oēd* < *jōōēd* < *jāēd* < *jāēd*, если < с.-в.-н. *jā*). Приводимая в [Мюленбахъ 1907: 316ff.] аргументация в пользу *jā* и *ju* как различных падежей относительного местоимения — скорее подгонка под уже готовый ответ, нежели его поиск.

Большинство его [*Id.*: 317f.] (в т. ч. из А. Биленштейна, [*op. cit.*]) примеров, и с *ju* («ēnas ūdeni jumazgājās, принеси воды для мытья, рапam kač pavadu ziŕgu(A) jusarīn, возьми хоть поводь, чтобы имь запутать лошадь(A)»), «Devu savu kumelīnu rūžu dārzu(A) juēcē, я далъ своего коня, чтобы боронить розовый садъ(A; ⁶³). Bāliņš piirk(a) tev zel'ta zēdus arājiņu(A) jupuškū, братецъ купилъ тебѣ золотые цвѣты, чтобы украсить пахаря(A). Bāliņ, dūd man kumelīnu simtu(A⁶⁴) jūdžu junī(!)brauc, братецъ, дай мнѣ коня, чтобы проѣхать съ нимъ сто(A⁶⁴) версть.», «Es vedīš tev zīda šnūres vīlānītes(A) jukaltē <...> я привезу тебѣ шелковыхъ веревочекъ, чтобы сушить накладки(A; ⁶⁵), собственно: на которыхъ сушатъ накладки (⁶⁵», «Tū (gradzenīnu) nedūšu junūmauc <...> (⁶⁵)его (перстня) я не дамъ снять.», и с *jā* («tū (или tā) nedūšu (или nedevu) jānūmauc, <...> tū(!) nedūšu jānūvalk», «Devu savu kumelīnu rūžu dārzu(A) jāēcē⁶³», «Lāi stāv (nāuda) krustmētai raibu gūvi(A) jānūperk <...> пусть (деньги) хранятся для крестной дочери, чтобы купить пеструю корову. Lāi stāv mana mīksta rūka jādūt⁶⁶) tāutu dēliņam, пусть будутъ мои руки холеными, чтобы отдать ихъ суженому. Lāi palēk galūtnīte putniņēm jāuzmetas,

⁶² *Sāusnēja* (вол. ц.; в сост. края *Madōna*, II.XI.1959–IV.II.2009 в сост. р-на *Madōna*, 3I.XII.1949–1959 в сост. р-на *Ērgļi*, до 1949 в сост. уезда *Madōna*) = нем. *Sausseen*;

Vietalva (вол. ц.; до 3I.XII.1949 в сост. вол. *Ōdziēna* (до 1925 *Vietalva-Ōdziēna*); в сост. края *Aizkraukle*, IV.II.2009–IV.II.2021 в сост. края *Ļaviņas*, 10.I.1967–2009 в сост. р-на *Aizkraukle* (10.I.1967–1990: р-н *Stučka[s]*), 17.IV.1962–1967 в сост. р-на *Jēkabpils*, 1959–1962 в сост. р-на *Krustpils*, 3I.XII.1949–1959 в сост. р-на *Ļaviņas*, 26.VI.1924–1949 в сост. уезда *Madōna*, до 1924 в сост. уезда *Cēsis*) = нем. *Fehkeln*;

Liēpkalne (ранее тж. *Liēpiņi*) (в вол. *Sāusnēja* (далее см. выше)) = нем. *Linden*;

Ērgļi (вол. ц.; в сост. края *Madōna*, IV.II.2009–2021 ц. края *Ērgļi*, II.XI.1959–2009 в сост. р-на *Madōna*, 3I.XII.1949–1959 ц. р-на *Ērgļi* (далее см. выше)) = нем. *Erlaa*.

⁶³ Это и есть без конца цитируемая всеми дайна с вариациями *jVz*, см. сноску 26.

⁶⁴ Если считать эту форму прямым дополнением, т. е. полноценным актантом.

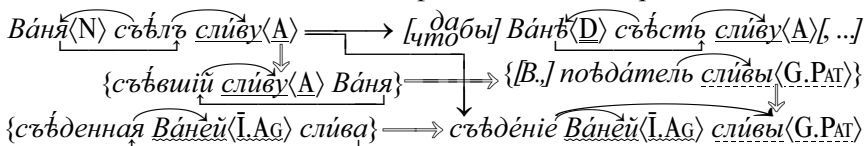
⁶⁵ Вот примеры «обоснования» подходящего падежа для мнимого местоимения.

⁶⁶ К. М. так увлѣлся «антиинфинитивизмом», что заменил *jādūt* из оригинала (Zei <...> *Zadod tāutu dēliņam* [LD II: 265², № 7117, 3.3–4, 1-й вар., по ист. 6с; LDe, по ист.

пусть останется верхушка, чтобы ⁽⁶⁵⁾было гдѣ ⁽⁶⁵⁾птицамъ пристѣсть», «Kas man deve zelta šķēres mežam galus(A) jālūdžina? <...> Кто дасть бы мнѣ золотыя ножницы, чтобы сравнять верхушки(A) деревьевъ? Es nedew(!)u nevē(!)dam jābrauc savas kamanīnas(A) <...> я никому не давалъ своихъ саней для ѣзды. Es mēitiņa gūvu slaukt dūš kupīti(A) jāizlaiza <...> дѣвушка пойдетъ доить коровъ и дасть тебѣ молоко изъ ковшика (т. е. ковшикъ:А) вылизать. Puīss uzkāpa kumelā, jānes savu āugumīnu(A) <...> парень сѣлъ на коня, чтобы онъ несъ его (фигуру(A)). Labāk savu vāinadzīnu pē akmiņa sadaūzīju, nekā devu ja(!)nesā baġajām māsīcēm <...> лучше я разбила бы свой вѣнокъ о камень, чѣмъ дать ⁽⁶⁵⁾его носить строгой золовкѣ», — не содержатъ связки и тем самымъ заведомо не посессивны, полностью эквивалентны инфинитиву и в этомъ качестве управляютъ объектнымъ аккузативомъ (как и обычные морфологические инфинитивы на *-t(iēs)*), и коль скоро конструкция архаична, то ни о какомъ исконномъ «им. п. объекта» не можетъ быть и речи — безъ постановки «телеги впереди лошади». Сначала: образование аналитического «южнославянскаго» инфинитива, затемъ: помещение его в посессивную рамку, и только потомъ придание получившемуся дебитивной семантики (: *to have to* &c.). Мнимый «им. п. объекта» вменяется только последней стадии (при использовании там и вин. п. с вариантами Сильверстайнова распределения) — но причина, по которой «на ровномъ месте» номинативизируется эта единственная разновидность прямого дополнения, является абсолютно непостижимой. Я попробую вкратце обрисовать своё видение этой любопытной ситуации.

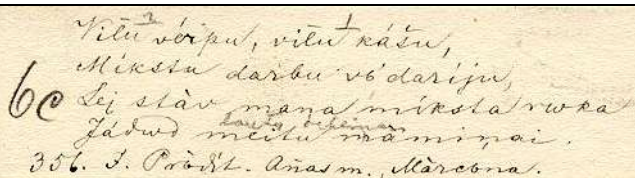
5.5. Итак, «этапы большого пути»:

5.5.0. Несколько (много) тысячъ летъ назадъ в праиндоевропейскомъ существовали многочисленные отглагольные имена, и некоторые изъ нихъ были супинами, масдарами или готовыми инфинитивами, способными служить, в т. ч., дополнениемъ к имени. Отдельные формы супинов и масдаров (напр., те же дативы) также могли работать инфинитивами. Канонически активные валентности инфинитива vs. масдара выглядятъ ≈такъ:

т. е. инфинитив (как и субъектное причастие и в отличие от масдара, который понижает падеж обоих актантов) в норме сохраняет управление

190h (ошиб., вм. 6с)) на мнимый INF; и cf. [ELG/ELVG (601. §, «d»):, 559f./723ff.] о сохранившихся атематических формах.

личной парадигмы, и то же самое делают аналитические, «балканские» инфинитивы (различие касается падежа субъекта — датив при дативного же происхождения инфинитивной форме vs. сохранение управления по наследству от «инфинитивизировавшейся» конъюнктивной клаузы).

5.5.1. Балтийские языки продолжают интенсивно использовать инфинитивы, в т. ч. и как дополнения со значением ‘для’ (каковое значение выражается просто дативом, что и способствует их употребительности).

5.5.2. Латышский в некоторый относительно недавний (ибо уже после заимствования ср.-в.-н. *jā*) момент входит в «южнославянскую» колею и формирует новый ‘*da*’-инфинитив (было бы весьма интересно исследовать всевозможные, особенно семантические, различия между ним [не дебитивом!] и старой *t*-формой, напр., на огромном материале дайн).

5.5.3. Этот новый инфинитив вслед за старым вошёл в посессивную конструкцию [это всё ещё не дебитив!] (дательный посессора, исторически случайный [ср. у меня], возможно, этому поспособствовал; и снова, необъятный материал дайн мог бы пролить свет на важные детали).

5.5.4. Далее, обе разновидности посессивной конструкции «обрастают» модалитетом — это, естественно, всякого рода долженствование. В англ. есть, помимо сочетаний с многочисленными модальными глаголами, и *I have to read a book*, и *I am to read a book* — поскольку дебитивная конструкция исходно посессивна, она соответствует первому варианту, что подтверждается и оттенками значения (необходимость против договорённости). «Инверсия» даёт *I have a book to read* — синтаксически мы и пришли (виртуально) от аккумулятивного (1–2 л., с тенденцией к экспансии в совр. языке, см. [Seržant, Taperte 2015]) к номинативному (3 л.) изводу построенного на посессиве (с бытийным глаголом) лтш. дебитива.

В пересчёте на латышский, *mān (ir) jālāsa grāmata*⟨A⟩ «инвертируется» в *mān (ir) jālāsa grāmata*⟨N⟩, и, с учётом диалектов и дайн, обе версии могут обозначать и дебитив, и просто посессивность (позволю себе опустить пространные цитаты из [Мюленбах 1907: 316ff.], без дебитивного значения, хоть и со связкой); с нормативным N-вариантом сражается наступающая субнормативность с («банальной») прямопереходностью.

5.5.5. В нескольких (циркум)балтийских языках замена личного глагола предикативно (бессвязочно) употребляемым действительным причастием⁶⁷ (или производным от него деез, квази|причастием^{67a}, или именем действия^{67b}) выражает *reportatīvus*⁶⁸, ср. [Гусев 2007: 429–439] — и

⁶⁷ В лит. и лтш. — в ном. всех ч. (нечл. ф.; в лит. во всех вр., в лтш. в прош. вр.); в эст. — в парт. ед. ч. (в наст. вр.); ^{67a} в лтш. — в наст. и буд. вр.; ^{67b} в лив. (оба ч.).

⁶⁸ [Лат. *reportatīvus*]. Традиционно называется *кóсвенным* [лат. *modus obliq̄uis*; лит. *netiesiogiñė niuosaka*; эст. *kaudne kõnēviis*], или *непересказывательным* (*непересказочным*) [лат. (*modus*) *renarratīvus*; лтш. *atstāstījuma (atstāstāmā) iztēiksmē*; лит. *atpāsakojamoji niuosaka*], или *относительным* [лат. *modus relatīvus*; лтш. *relatīvais*

в рамках дебитива 3^е л. (наст. вр.!) также может заменяться на репортативную форму при совмещении обеих граммем, и наряду с *mān ɛsōt jālasa grāmata* и [буд.] *mān būšōt jālasa grāmata* 'мне, мол (дескать), надо [будет] прочесть книгу' появляются *mān jālasōt grāmata* и даже (плеонастические) *mān ɛsōt jālasōt grāmata* и *mān būšōt jālasōt grāmata* [Hesselberg 1841: 38, 121; Störste 1880: 29; ELG/ELVG (771 §): 761f./981; MLLVG I (762. §): 619; LLVM (2.4.3.): 116; LVG: 488 (1035. §); и др.]. И см. ещё пассаж о невозможности присутствия связочного индикатива в ^о*ir* (тж. ^о*būs*, ^о*bija* и т. п. — С.Б.) *jābraivōt* в эссе А.В.Андропова на стр. 443 (со сн. 5).

5.5.6. Несколько (много) тысяч лет назад в тогда ещё, очевидно, контактных двух (как минимум) уралоязычных (под)зонах лингвистические предки прибалтийско-финских и хантыйских языков пережили катастрофу (в математическом смысле), приведшую к ликвидации *t*-аккузатива (каковой катастрофы не переживал предок венгерского[их], поскольку в нём *k*-дуалис вытеснил *t*-плюралис, сняв тем самым конфликтность ситуации; ни в одном идиоме с *m*-аккузативом ничего подобного не произошло!) — прибалто-финны ввели нетривиальный ДОМ со, в т. ч., функциональным (избегание неоднозначности при «парсинге») сплиттингом.

5.5.6.0. На бескрайних просторах европейского Север(о-Запад)а субили адстратные прибалто-финны поделились частью своего синтаксиса с соседями-балтами [самые яркие примеры — строгая препозиция генитивного определения и (сейчас уже остаточная) послеложность (откуда и вторичные падежи!)] и (ограниченно и явно значительно позже) славянами — буде мы найдём внятные элементы ДОМ в соответствующих русских диалектах за пределами независимого инфинитива и конструкций с *nādo(-)* (N3 «На долю же примеров типа *надо кофта шить помоднее <...>* приходится почти 70% этого материала» [Кузьмина 1993: 14] — т. е. «неустрашимый» прямообъектный им. п. оказывается, ±, раритетом).

5.6. В посессивной конструкции с глаголом обладания посессор, он же агенс, он же субъект противостоит обладаемому-пациенсу-прямому объекту, в таковой с глаголом бытия посессор- (небесспорно, что агенс-) объект — обладаемому-субъекту (небесспорному -пациенсу) [но бывает⁵¹ и иначе]. С другой стороны, субъективизация «долженствуюемого» [а не номинативизация прямого объекта!] явно роднит канонический лтш. дебитив с *nādo*-конструкциями — т. е. дело не в «циркумбалтийскости», а во фреквентальности повышении объекта долженствования до субъекта, ср. связка + *nūžen̄s, neobchodīm̄s, vajadzīgs, reikalīngas, vajalīk, tarvilīk...*

(«контин.»; «класс.»: *relātīvais*) *mōds*; лит. *santykinė nūsaka*] наклонением (лтш. тж. *atstāstāmā fōrma*) — *mōds*, как и в случае с дебитивом, явно лишний (Holvoet 2001: III–I31; Андронов 2002: 363f.). Тж. может именоваться (на самом деле не эквивалентным) термином *kvotamīvs* (н.-лат. (*mōds*) *quotātīvus*; лтш. *kvotātīvs* (*kvotātīvs*); лит. *kvotatīvas*; эст. *kvotatiiv* — e. g., так в [LĒLSr]; =/≈/≠ *čumamīvs*).

Т. е. меняется не падеж (вин. на им.) как таковой при неизменности самой конструкции, а направление синтаксической связи (управления) вследствие субъектно-ранговых перестроек компонентов фразы, и новая падежная форма (им.) просто подчиняется остающимся на этой фазе неизменными правилам таксиса. Из самой по себе фразы *travă cosîți* не следует непременно, что в данном конкретном идиоме присутствует именно «им. п. прямого объекта», поскольку такой синтаксис не должен ограничиваться инфинитивом⁶⁹ и мог бы иметь внешние подтверждения (что, конечно, тоже встречается). В свою очередь, «*nađo*» (в конкретном идиоме) — вовсе не непременно присвязочный предикатив, управляющий инфинитивом, как в литературном языке (а не номинативом субъекта — как и положено при связке, хотя бы и нулевой); опять-таки, нужны контрольные внешние доводы с другими предикативами (тем более при вышеприведённой «обоюдоострой» этимологии), и желательно с недебитивной семантикой (есть и такое, но реже, чем могло бы показаться).

Получается, что субстратный «циркумбалтийский» синтаксис проник-де в одну-единственную конструкцию, именно в таком-то виде в самом субстрате и отсутствующую (прибалтийско-финский «*’da*’-инфинитив») —? [пусть даже якобы «местоимённый/союзный конъюнктив» —?]; а конструкции с *’nađo*’ [фин. *täytyy*; это финитная (3Sg) форма!] устроены в отношении ДОМ совсем не так (и сложнее), см. подробнее в [Vainikka, Brattico 2011: 52]. Т. е. влияние чаще скорее косвенное, в плане сохранения «био-»разнообразия в синтаксисе, а не прямого калькирования.

5.8. Интересны параллели с цыг.: [ЯКМ (4.6.1.1): 729f. / (4.6.1.4): 732ff.].

ПРИМЕЧАНИЯ

^{10±} Cf.: [BLG: 105, §. 250.; 130f., §§. 319–322.; 144, §. 358. Anm.; 145, §. 365.; 146f., §. 368.; 148, §. 370.; 153, §. 375.2.; 156, §. 377. & 160f., §. 380. & 162f., §. 383. — табл. («Passiv»); 168f., §. 386. & 174f., §. 389. & 178f., §. 392. — табл. («Passiv»); 190f., §. 400. & 196f., §. 403. & 200f., §. 406. — табл. («Passiv»); 206f., §. 409., табл. («Passivum»: «Debitivus indicat.», «Debitivus condition.»); 208, §. 411.; 209, §§. 412f.; 234, §. 458. Anm. 1; 266, §. 529.; 286, §. 578.; 329, §. 665.3.a.α); 345f., §§. 693ff.; 347, §. 696.1)]; [BLS I: 207, §. 140.11); II: 109, §. 401.1.3); 166ff., §. 456f.; 202, §. 488.; 209, §. 495.; 211, §. 499.; 226, §. 513.; 227, §. 514.1); §. 516., 233, табл. («Passivisch zu wenden.»); 234f. & 236f. — табл. («Passiv.»); 240f., табл. («Passivum.»); 244f., табл. («Passivum.»); 248f. & 254f. — табл. («Passivum.»); 258, §. 517.; 261, §. 518.; 262, §. 519.; 266f., §. 523.(& 1.c), d); 2.); [Bienenstein 1866: 31, § 89; 43, § 118; 50(f.), § 126, табл. («Paffiv.»); 60(f.), § 132, табл. («Paffiv.»); 65f., §§ 140ff; 91, § 207; 112, §§ 276 (& 278 Anm.)]. И, кроме того, он называет дебитивами не только формы с *jāz*, но и со страдательными причастиями.

^{40±} *Lasă să mai crească, apoi ciupește vârful da față crenguțe* ‘Let it grow, then pinch the tip to make twigs | Дайте ему вырасти, затем защипните кончик, чтобы полу-

⁶⁹ Симптоматичны сами названия работ [Ронько, Циммерлинг 2015; Ронько 2016; Ронько 2017], и ср. «экстраинфинитивную» [Кузьмина, Немченко 1964].

чились веточки' [http://forumulbun.online/cum-se-numeste-floricica-mea-si-cum-se-ingrijeste-va-rog-frumos]; nu e vorba de a forța copilul da face ceva 'it is not about forcing the child to do something] это не о том, чтобы заставить ребенка что-то делать' [http://m.hotnews.ro/stirecom/20708995]; Recomand celor care vor să ajungă da face pace cu ei înșiși 'I recommend to those who want to reach to make peace with themselves | Рекомендую тем, кто хочет достичь примирения с собой' [http://www.la-psiholog.ro/negru-danut-cabinet-individual-de-psihologie]; mai pot profita de perioada asta calda peste zi și sa pot chema un alt instalator da face modificări dacă e cazul 'I can still take advantage of this hot period during the day and call another plumber to make changes if necessary | я всё ещё могу воспользоваться этим жарким периодом в течение дня и при необходимости вызвать другого сантехника, чтобы он внёс изменения' [http://www.misiueacasa.ro/forum/forum/instalatii-incalzire-ventilare-conditionare-instalatii-electrice-si-instalatii-sanitare/instalatii-de-incalzire-ventilatie-si-conditionare-a-aerului/668984-puffer-de-1000-litri-la-centrala-clasica-pe-lemne-de-24-kw] — все переводы сделаны нейросетью *Google-translate* и не потребовали практически никакого редактирования.

^{47±} Cf.: «Лѣтосъ у насъ тѣтъа (тятя) дѣржалъ кобыла, звѣли Сироткой. <...> (*Ленинградская обл.*)» (Баранникова, Бондалетов 1980: 77). Собственно, весь казус держится на достоверности отсутствия паузы (свидетельствуемой отсутствием знака препинания) или даже выпущенных слов (ведь перед нами не точная публикация диалектных материалов, а упражнения для студенчества) между *tĕm'a* и *dĕrĭjal* — между тем, в этом издании присутствуют явные следы «монтажных работ», напр., за примерами «И стал он Владимир дума думати.», «Тут мы силушка друг у друга отведаем.» и «На голову (N3 ударение!) одел шапочка семи шелков.» (*Eid.*: 71) скрываются «И онъ сталъ Владымиръ дума думати.» (XVI: Рябининъ, Трофимъ Григорьевичъ, № 76: «Илья Муромецъ въ ссорѣ съ Владымиромъ») геср. ««Туть мы силушкѣ другъ у другѣ й отвѣдаёмъ.»» (*Īd.*, № 77: «Илья Муромецъ и дочь его») и «На головку (N3 ударение!) одел шапочка семй шелков», см. [Былины 1873: стб. 459 геср. 464; Былины 1948: 95₃₄₇], т. е. за аутентичность всей истории *татиной кобылы* поручаться было бы весьма опрометчиво.

^{50±} Заявление [ГФЯ: 127] с громким заголовком «Историческая справка. Падёжное окончание аккузатива личных местоимений -t является по происхождению окончанием партитива, которое в личных местоимениях вытеснило собственно аккузативное окончание и стало выступать в роли аккузативной формы.» трудно охарактеризовать иначе, как близкое к ненаучному, ужé хотя бы потому, что у них и так имеются историко-фонетически закономерные партитивы *minuā* < **minu*¹*ŕa*, *simuā* < **simu*¹*ŕa*, *hāntā*, *meitā*, *teitā*, *heitā*, а развитие с якобы апокопой -a/-ā противоречит всему, что мы про эту историческую фонетику знаем.

Ещё хуже обстоит дело у Б. Коллиндера. Ср. в [CGUL: 285, § 871 / IUL: 123]: «Hungarian has the accusative ending -t (in singular and plural), e. g./as in *házat*, pl^{ur}. *házakat* (*ház* 'house', npl *házak*). Historically, this ending is obscure.» — но что же здесь тёмного? Наоборот, у него прекрасный компаративный базис (см. также ниже про хантыйские языки). Далее же (CGUL: 285, § 871, NOTE) идёт воистину фантастическое (и, само собой, историко-фонетически абсолютно ad-hoc'овое) объяснение его происхождения: «It might be that hu -t is a combination of *-m and

the Px3sg, PU **-sa* ~ **-sä*. In Common Ob-Ugric, **s* developed into **p* (see § 58), and the development **mp* > **np* > **pb* > **tt* > **t* would not seem unlikely.» — вот это как раз-таки кажется совершенно невероятным, т. к. на этапах **ms*, **mp* или **np* мы ожидали бы озвончения шумного (а вовсе даже не ассимиляции носового).

И далее (*Īb.*): «Anyway(?), hu *-t* has nothing to do with fi *-t* in the accusative of the personal pronouns (and in *kenet* = *kenen*, acc. of *ken* who); for the singulars *minut*, me, *sinut*, thee, *hänet*, him, her <...> were modelled to the analogy of the plurals *meidät*, us, *teidät*, you, *heidät*, them, and these forms, in their turn, obviously(?) have come about by adding the plural ending *-t* to the plural partitives *meitä*, *teitä*, *heitä*.»⁷⁰ — снова дикие нагромождения аналогий, снова «провинился» партитив, и всё это ради отрицания очевидного (во всех смыслах этого слова) и «крепкого» (как выражаются компаративисты) межъязыкового соответствия падежного форманта.

⁷⁰ Тогда Б. Коллиндеру пришлось бы признать, что и генитивы *meidän*, *teidän* и *heidän* построены на партитивах (интересно, а бывает ли такое «в природе»?) — хотя очевидно как раз, что аккумулятивы, как мы уже наблюдали и ещё наблюдаём десятки раз, образуются, и при этом в обоих / всех трёх числах, от той же основы, что и генитивы, и это не говоря, опять-таки, о беспрецедентности (для уральского морфосинтаксиса) постановки признака числа после признака падежа.

Но даже если у нас нет лучшего объяснения тембра гласного *-ä*- во всех этих формах, кроме как из партитивной флексии *-tä*/якобы **-dä*- [хотя современная «мейнстримная» уралистика предпочитает реконструировать как раз **meiden* ~ **meden*, **teiden* ~ **teden*, **heiden* ~ **heden* в ген. и **meidet* ~ **medet*, **teidet* ~ **tedet*, **heidet* ~ **hedet* в акк.; ср. ижорские: *meijen*, *teijen*, *heijen* resp. *meijet*, *teijet*, *heijet* [Porkka 1885: 8 (п. «11»)], 78 (в «Ingr. (собственно-ижорском)», в «Äür-ä-möis-> (эвремёйском (Сойкино, Копорье, сев. Тюрё [Мартышкино])» и в «NL I. (нижнелужском (лютеранском))»]; Junus 1936: 98] (*l meijē, teijen, heijē* [Laanest 1966: 108; Laanest 1982: 192]), vs. *meijän, teijän, heijän* resp. *meijät, teijät, heijät* [Porkka 1885: loci cit. (в «Sv. (савакотском (Бол. Кикерино))»]; только ген.); Конькова, Дьячков 2014: 12] (ср. ещё: ген. *mein, tein, hein* resp. акк. *meit, teit, heit* [Porkka 1885: *ibidd.* (в юж. Тюрё); тж. в «Sv.», только ген.); а партитив — во всех источниках, как и в финском, да и в других ино-прибалто-финских, с *-tä* (> *-dä*, > *-dä*, > *-dii* < *-dy*)»] (и см. об этом суффиксе *-tä* (-*ta*-) в основе личных местоимений мн. ч., и не только: [Laanest 1982: 190]), то почему же тогда к «партитивам» присоединяется то показатель падежный (род. п.) *-n*, то вдруг числовой (мн. ч.) *-t*?

Но бывает и так, что основы род. и вин. мн. всё же различны (е. г., собств.-карел.: [ГКЯ: 68]), и в этом случае — не удивительно ли? — на мнимом партитиве построен именно генитив, а аккумулятив строится на более короткой основе:

PL	Nõm		GEN		Acc		PART	ост. косьв.
	фин.	кар.	фин., *	карел.	фин.	карел.		
1	<i>*me-k</i>	<i>m-üö</i>	<i>me-i-dä-n</i> > <i>me-i-jä-n</i>		<i>me-i-dä-t</i>	<i>*me-dä-t</i> > <i>me-ä-t</i>	<i>me-i-tä</i>	<i>me-i-</i>
2	<i>*te-k</i>	<i>t-üö</i>	<i>te-i-dä-n</i> > <i>te-i-jä-n</i>		<i>te-i-dä-t</i>	<i>*te-dä-t</i> > <i>te-ä-t</i>	<i>te-i-tä</i>	<i>te-i-</i>
3	<i>*he-k</i>	<i>h-üö</i>	<i>he-i-dä-n</i> > <i>he-i-jä-n</i>		<i>he-i-dä-t</i>	<i>*he-dä-t</i> > <i>he-ä-t</i>	<i>he-i-tä</i>	<i>he-i-</i>

а именно, на основе без плюрального (косвенно-падежного) маркера *-i*, но с **-tä*

А следом идёт прямой подлог (CGUL: 285, § 872): «The accusative is lacking in <...> Ostyak» (хотя в [IUL: 123] всё же добавлено «(except in personal pronouns)», но при этом ни слова о его звуковой форме — а ведь это и есть тот самый *t*-аккузатив в точности такого же вида, как и в финском, присоединяемый к основе личного местоимения во всех числах (в отличие, как и в финском, от остальных имён, не имеющих специализированного аккузатива, зато имеющих только в им. мн. ч. формант *-t*) — и это ли не подарок для компаративиста?), cf.:

(я вынужден подробнее ожидаемого фиксироваться на хантыйском материале, дабы отвести возможные упрёки в голословности на фоне горе-консенсуса уралистов по аккузативному вопросу) [далее в этом примечании подчёркивания все мои] — среднеобский диалект сев.-хант. яз., по [Животиков 1942 (§ 41): 72]:

	1			2			3		
	SG	Du	PL	SG	Du	PL	SG	Du	PL
N	<i>ma</i>	<i>min</i>	<i>munǵ</i>	<i>nanǵ</i>	<i>нын</i>	<i>тув</i>	<i>тын</i>	<i>тыв</i>	
D	<i>манэм</i>	<i>минэмьин</i>	<i>мунгев</i>	<i>нанген</i>	<i>ныньин</i>	<i>тувет</i>	<i>тыньин</i>	<i>тывет</i>	
A	<i>маньыт</i>	<i>миньыт</i>	<i>мунгыт</i>	<i>нангыт</i>	<i>ныньыт</i>	<i>тувыт</i>	<i>тыньыт</i>	<i>тывыт</i>	

тот же (?) идиом (называемый тж. шеркальским диал.) по [Steinitz 1950 (§ 24): 61]:

	1			2			3		
	SG	Du	PL	SG	Du	PL	SG	Du	PL
N	<i>ma</i>	<i>men</i>	<i>mõŋ</i>	<i>nãŋ</i>	<i>nen</i>	<i>nãŋ</i>	<i>tũw</i>	<i>ten</i>	<i>tĩy</i>
D	<i>mãnem</i>	<i>menemãn</i>	<i>mõŋew</i>	<i>nãŋen</i>	<i>nenan</i>	<i>nãŋan</i>	<i>tũwet</i>	<i>tenan</i>	<i>tĩyet</i>
A	<i>manæt</i>	<i>menæt</i>	<i>mõŋæt</i>	<i>nãŋæt</i>	<i>nenæt</i>	<i>nãŋæt</i>	<i>tũwæt</i>	<i>tenæt</i>	<i>tĩyæt</i>

[как могут быть и обе формы — и ген., и акк., — ср. квен. (как в фин., или): *me-än*, *teän*, *heän* и *meät*, *teät*, *heät* < **međän*, **teđän*, **heđän*, **međät*, **teđät*, **heđät*].

Самое же интересное, что *одна* и *та же* падежн(о-числов)ая форма может и содержать этот **-äʹ* > **-äʹä* > **-jäʹ*, и нет: ср. ливв. (Paškova, Gilojeva 2013: 91, «2.») [AdeSS] — «*meijäl*, *teijäl*, *heijäl* 'в нашем (resp. вашем, их) доме, краю, коллективе'» ↔ *meil*, *teil*, *heil* 'у нас, у вас, у них', с «раздвоением» адессива (и, вероятно, аллатива). Тут более полная форма имеет оттенок «у наших, у наших, у их(них)».

По данным вышедшей части словаря финских диалектов (Suomen murteiden sanakirja, <http://kaino.kotus.fi/sms/>), на значительной территории в Южной Финляндии различаются генитивы *meidän*, <*teidän*, <*heidän*, и *meiŋin*, <*teiŋin*, <*heiŋin* (от косвеннопадежных основ *mei(t)ti-*, <*tei(t)ti-*, <*hei(t)ti-*) — первые относятся к семье, дому, хозяйству и т. п., а вторые к собственности, частям тела, обозначению пространства, а также используются актантно («*meidän isä* = *perheeseemme kuuluva isä* ('наш отец = входящий в нашу семью отец')» ↔ «*meiŋin vene* = *meidän omistamamme vene* ('наша лодка = лодка, которой мы владеем')», «*heiŋin kissa on niin kipee* (≡ *kipeä*; 'их кошка так больна')» ↔ «*emäntä antaa heiŋin olla yöä* ('хозяйка позволяет им остаться на ночь')»). Не похоже на паритив!

Такое приращение грамматической семантики идеально соответствует употреблению притяжательных местоимений вместо генитива личных во множестве языков — cf. e. g.: нем. *meiner* (†*mein*) 'меня(G)', *deiner* (†*dein*) 'тебя(G)', *seiner* (†*sein*) 'его(G)', *ihrer* 'её(G)', 'их(G)', *unser* 'нас(G)', *euer* 'вас(G)'; груз. ზღბ [čem] 'меня(G)' (неоформленный номинатив от ზღბო [čemi] 'мой'; cf. ბჟ [me] 'я'); и др.

он же, по [Терёшкин 1966: 328] (№ сходство с «интерполяцией» 2^x предыдущих):

	1			2			3		
	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl
N	<i>ма</i>	<i>мин</i>	<i>муу</i>	<i>нау</i>	<i>нын</i>	<i>нау</i>	<i>тув</i>	<i>тын</i>	<i>тыв</i>
D	<i>манэм</i>	<i>минэмын</i>	<i>мууев</i>	<i>науен</i>	<i>нынан</i>	<i>науен</i>	<i>тувет</i>	<i>тынан</i>	<i>тывет</i>
A	<i>маньт</i>	<i>миныт</i>	<i>мууыт</i>	<i>науыт</i>	<i>ныныт</i>	<i>науыт</i>	<i>тувыт</i>	<i>тыныт</i>	<i>тывыт</i>

казымский диал. севернохантыйского языка, по [Нёмысова 1988 (§ 36, тб. 14): 90]:

	1			2			3		
	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl
N	<i>ма</i>	<i>мин</i>	<i>мунг</i>	<i>нанг</i>	<i>нын</i>	<i>лув</i>	<i>лын</i>	<i>лыв</i>	
D	<i>манэм,</i>	<i>минэмн</i>	<i>мунгев</i>	<i>нанген</i>	<i>нынан</i>	<i>лувел</i>	<i>лынан</i>	<i>лывел</i>	
A	<i>манат,</i> <i>манатты</i>	<i>минат,</i> <i>минатты</i>	<i>мунгат,</i> <i>мунгатты</i>	<i>нангат,</i> <i>нангатты</i>	<i>нынат,</i> <i>нынатты</i>	<i>луват,</i> <i>луватты</i>	<i>лынат,</i> <i>лынатты</i>	<i>лыват,</i> <i>лыватты</i>	

он же (в несколько более поздней записи), по [РХР[К]: 84f.; ХЯТ[К] (тб. 48): 72] (и практически то же⁷¹ в шурьшкарском его диалекте, по [ХЯТ[Ш] (тб. 63): 57]):

	1			2			3		
	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl
N	<i>ма</i>	<i>мин</i>	<i>мўу</i>	<i>нўу</i>	<i>нын</i>	<i>лўв</i>	<i>лын</i>	<i>лыв</i>	
D	<i>мўнэм</i> ⁷¹	<i>минэмн</i> ⁷²	<i>мўуев</i>	<i>нўуен</i>	<i>нынан</i>	<i>лўвел</i>	<i>лынан</i>	<i>лывел</i>	
A	<i>мўнўт</i>	<i>минўт</i>	<i>мўуўт</i>	<i>нўуўт</i>	<i>нынўт</i>	<i>лўвўт</i>	<i>лынўт</i>	<i>лывўт</i>	

он же, по [Каксин 2010: 91] (ошибки «сору-paste'a» исправлены, их тут немало⁷³):

	1			2			3		
	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl
N	<i>та</i>	<i>тин</i>	<i>тўт</i>	<i>нўт</i>	<i>нин</i>	<i>лўв</i>	<i>лин</i>	<i>лив</i>	
D	<i>тўнэм,</i> <i>тўнэма</i>	<i>тинэмн,</i> <i>тинэмма</i>	<i>тўтєв,</i> <i>тўтєва</i>	<i>нўтєн,</i> <i>нўтєна</i>	<i>нинан,</i> <i>нинана</i>	<i>лўвел,</i> <i>лўвела</i>	<i>линан,</i> <i>линана</i>	<i>ли(вел),</i> <i>ли(вела)</i>	
A	<i>тўнтї</i>	<i>тинтї</i>	<i>тўттї</i>	<i>нўттї</i>	<i>нитї</i>	<i>лўвтї</i>	<i>литї</i>	<i>литї</i>	

он же, по [ОДХЯ-3[К]: 54] (снова с «о'сору-paste'ками»: в Acc 2Du = 3Du вм. 2Pl):

	1			2			3		
	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl
N	<i>ма</i>	<i>мин</i>	<i>мўу</i>	<i>нўу</i>	<i>нын</i>	<i>лўв</i>	<i>лын</i>	<i>лыв</i>	
D	<i>мўнэм</i>	<i>минэмн</i>	<i>мўуев</i>	<i>нўуен</i>	<i>нынан</i>	<i>лўвєл</i>	<i>лынан</i>	<i>лывєл</i>	
A	<i>мўнўт</i>	<i>минўт</i>	<i>мўуўт</i>	<i>нўуўт</i>	<i>нынўт</i>	<i>лўвўт</i>	<i>лынўт</i>	<i>лывўт</i>	

ваховский диалект восточнохантыйского языка, по [ОДХЯ-1[B] (§ 115ff.): 63f.]:

	1			2			3		
	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl
N	<i>мă</i>	<i>мин</i>	<i>мăң</i>	<i>нőң</i>	<i>нин</i>	<i>нăң</i>	<i>лőу</i>	<i>лин</i>	<i>лăу</i>
D	<i>мăнă</i>	<i>минă</i>	<i>мăңă</i>	<i>нőңă</i>	<i>нинă</i>	<i>нăңă</i>	<i>лőўă</i>	<i>линă</i>	<i>лăўă</i>
A	<i>мăнт</i>	<i>минт</i>	<i>мăңăт</i>	<i>нőңăт</i>	<i>нинт</i>	<i>нăңăт</i>	<i>лőўăт</i>	<i>линт</i>	<i>лăўăт</i>

⁷⁰ Не перестарался ли Б. Коллиндер с довольно рискованными допущениями?

⁷¹ Единственное [(орфо)графич.] различие: в [ХЯТ[Ш]: *ib.*] в этой клетке *мўнэм*.

⁷² В [ХЯТ[К]: *ib.* и ХЯТ[Ш]: *ib.*] в этой клетке *минўт*, как и в вин. п. — вероятно, ошибка «сору-paste'a» из, увы, характерных для эпохи компьютерного издания.

⁷³ Напр., в [*Id.*: 92] «Дв. 2 | нăң-еп 'твой'» — вм. правильного «.. nin-an 'ваш дв.'».

сургутский диал. восточнохантыйского языка, по: [РХР[C] (тбб. №е 18ff.): 113ff.]:

	1			2			3		
	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl
N	<i>ма</i>	<i>мин</i>	<i>мәң</i>	<i>нүң</i>	<i>нын</i>	<i>нәң</i>	<i>лүв</i>	<i>лин</i>	<i>ләх</i>
D	<i>мантэм,</i> <i>манэм</i>	<i>минатэм,</i> <i>минтэма</i>	<i>мәңа-</i> <i>тэм</i>	<i>нүңаты</i>	<i>нынаты</i>	<i>нәңаты</i>	<i>лүваты</i>	<i>линаты</i>	<i>ләхаты</i>
A	<i>мант</i>	<i>минт,</i> <i>минат,</i> <i>минатынат</i>	<i>мәңат</i>	<i>нүңат</i>	<i>нынат,</i> <i>нына-</i> <i>тынат</i>	<i>нәңат</i>	<i>лүват</i>	<i>линат,</i> <i>лина-</i> <i>тынат</i>	<i>ләхат</i>

вас(ь)юганский его же диал., по [Filchenko 2007/2010 (3.1.1–3.1.1.1, тбб. 1–2): 112/124]:

	1			2			3		
	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl	Sg	Du	Pl
N	<i>mä</i>	<i>min</i>	<i>məŋ / miŋ</i>	<i>nöŋ</i>	<i>nin</i>	<i>nəŋ / niŋ</i>	<i>joy / loy</i>	<i>jin / lin</i>	<i>jəχ / ləχ / jiχ / liχ</i>
D	<i>mänä</i>	<i>minä</i>	<i>məŋä / ...</i>	<i>nöŋä</i>	<i>ninä</i>	<i>nəŋä / ...</i>	<i>joyä / ...</i>	<i>jinä / ...</i>	<i>jəχä / ...</i>
A	<i>mänt</i>	<i>mint</i>	<i>məŋə / ...</i>	<i>nöŋət</i>	<i>nint</i>	<i>nəŋə / ...</i>	<i>joyət / ...</i>	<i>jint / ...</i>	<i>jəχə / ...</i>

[Терёшкин 1981: 244 s. v. *mä*; 255f. s. v. *min* I, 275 s. v. *məŋ*; 294 s. v. *nüŋ*; 295 s. v. *nəŋ*; 219 s. v. *lüŋ*; 208 s. v. *lin*; 220 s. v. *ləŋ* II]: *mä* (вах<овские говоры вах-васюганского нар.>, вас<юганские говоры вах-вас. нар.); *mä* (юг<анский гов. сург. нар.>, у<сть>-юг<анский гов. сург. нар.>, у<сть>-аг<анский гов. сург. нар.>), *ma* (аг<анский гов. сург. нар.>, тр<ом>-юг<анский гов. сург. нар.>); *ma*, *mä* (<говоры> сал<ымского диал.> ‘я’; *mänt* (вах.), *mant* (тр.-юг.) ‘меня’; *min* (вах., вас., аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг., сал.) ‘мы (двое)’; *min* (вах.), *minat* (тр.-юг.) ‘нас (двоих)’; *məŋ* (вах., вас., аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг., сал.) ‘мы (многие)’; *məŋət* (вах.), *məŋat* (тр.-юг.) ‘нас’; *nüŋ* (вах., вас., аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг., сал.) ‘ты’; *nüŋət* (вах.), *nüŋat* (тр.-юг.) ‘тебя’; *nəŋ* (вах., вас., аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг., сал.) ‘вы (многие)’; *nəŋət* (вах.), *nəŋat* (тр.-юг.) ‘вас’; *lüŋ* (вах.), *juχ* (вас.), *lüŋ* (аг., у.-аг., тр.-юг.), *tiw* (юг., у.-юг.), *tiw*, *tiŋ* (сал.) ‘он, она, оно’; *lüŋət* (вах.), *lüŋat* (тр.-юг.) ‘его’; *lin* (вах.); *lin* (аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг.); *tin* (сал.) ‘они (двое)’; *lint* (вах.), *linat* (тр.-юг.) ‘их (двоих)’; *ləŋ* (вах.); *ləŋ* (аг., у.-аг., тр.-юг., юг., у.-юг.); *təŋ* (сал.) ‘они (многие)’; *təŋət* (вах.), *təŋat* (тр.-юг.) ‘их’ [дативы везде опущены] — и т. п. в других хантыйских языках, наречиях, диалектах и говорах.

К этому надо прибавить ещё и множественное число на *-t*, что поразительно напоминает прибалтийско-финскую конфигурацию, тем более с учётом буквально полярных и географической, и лингвистической локаций обеих ветвей.

Не упоминается у Б. Коллиндера и удмуртский вин. п. (мн. ч., вариант на *-tə*: *юрт*<N.Sg> ‘дом’ : *юртэз*<A.Sg> :: *юртвёс*<N.Pl> : *юртвёсты* ~ *юртвёсыз*<A.Pl>)

N	<i>мон</i> ‘я’	<i>ми</i> ‘мы’	<i>тон</i> ‘ты’	<i>тй</i> ‘вы’	<i>со</i> ‘он(а/о)’	<i>соос</i> ‘они’
G	<i>мынам</i>	<i>милям</i>	<i>тынад</i>	<i>тйляд</i>	<i>солэн</i>	<i>соослэн</i>
D	<i>мыным</i>	<i>милем(лы)</i>	<i>тыныд</i>	<i>тйлед(лы)</i>	<i>солы</i>	<i>соослы</i>
A	<i>монэ</i> (N3)	<i>милемды</i> ~ <i>милемыз</i>	<i>тонэ</i> (N3)	<i>тйледды</i> ~ <i>тйледыз</i>	<i>сое</i> (N3)	<i>соосты</i> ~ <i>соосыз</i>

Само же сходство А. на *-з* (~*-m/d!*) и Pl на *-с* наводит на понятные подозрения...

Как мы видим, с *t*-аккузативом в самих уральских языках всё в порядке, а вот в уралистике — страннейшая, искусственным образом созданная проблема.

P.S. Ряд коллег признал «сагу о *-t*» Б. Коллиндера совершенно бессмыслимой.

PPS. В собств.-карельском, помимо парт. *miuta*, *siuta*(~*šiuṭa*) ~ *miuda*, *siuda*~*šiuṭa* (*миуда*, *сиуда*)⁷⁴, есть и более распространённые *milma*, *silma* ~ *šilma* (*милма*, *шилма*)⁷⁵ — уж не тот ли это самый, долгожданный *m*-аккузатив, столь при-скорбно недоупомянутый Б. Коллиндером в прибалто-финской главе? И что же за лицо-число-падеж(-...?) означает *-l* в этом *-lma*? Le voilà! [TVKK (124 §): 202]:

«Mitä edellisiin tulee, niin ne nähtävästi ovat vanhoja *ma* päätteellä syntyneitä akkusativeja, koska *m* on suomalais-ugrilaisissa kielissä alkuperäinen akkusativin pääte; ja vartaloissa tavattava *l* on luultavasti, samoin kuin vepsän sanassa *šoldan* (⁶soudan⁶), tullut supistuneen vartalon *u:sta*, koska Poadenessa olen tavannut myöskin muodon *miuta-ne* (⁶minuani⁶).» *Что же касается предыдущих [вариантов (т. е. *milma*; *šilma*, *silma*)], то они, (по-)видимо(му), являются старыми [формами], полученными из аккузативов(, оканчивающихся) на *-ma*, так как *-m* в финно-угорских языках есть первоначальное окончание аккузатива; а находящееся в основах *-l*-, вероятно, так же как в вепском слове *šoldan* 'soudan [гребу]?', происходит из *-u* (от) сокращённой (т. е. *miu-* < *minu-*) основы, так как в Пáданах^[76] я встречал также форму *miuta-ne* 'minua-ni [меня(PART)«-моего»]'. *«Ужели слово найдено?»⁷⁷

① Пересиливая желание сказать «no comments», я всё же прокомментирую.

① Неужели возможна и пра-форма [*-ma*], и форма [*-n* < **-m*] одновременно в одном и том же идиоме? И при этом ни одна в итоге аккузативом и не является иначе, как под звёздочкой (1^я — парт., 2^я — ген. [*-n* < Э!*-*n*, если без фантазий]). Или же *-a* в *-ma*, как музыкой, «навевало» парптивами на *-ta*? Или... *-ma* < **-mta*?

② Вокализация *l* > *u* идёт в одну сторону не только в вепском, но и в любом языке, и форма «*šoldan*» должна была (бы) не появиться, а исчезнуть — вернуться в **šouḍan*, подобно тому, как **valke'ŕ'a* (фин. *valkea*, эст. *valge* &c.) 'белый' дало — «*vau||ged*, -ktan P Kj N Ćg, *vou||ged* J Št, *vål||ged* Sod Vg» [СВЯ: 619, s. v.].

③ Как показывает фин. *sou|ṭaa*, *-ḍan* [= **dak*-Īnf, 1.Sg.PRES.ĪNd] (а также: квен. *sou|ṭtaa*, *-ḍan*; ижор. *sou|ṭaa*, *-vvan*; соб.-кар. *sou|ṭua*, *-van*; твер. кар. *šow|ḍua*, *-van*; ливвик. *souḍua* (*sowḍua*), *sovvan*; людик. *sou|ṭta* (и *-ta*), *-ḍan*; вод. *sōutaa*, *sōvvan*; эст. *šōuda*, *sōuan*; выпр. *šōuda*, *sōvva*; лив. *sejḍā* (*sōidō*), *sejḍav* (*sōidab*) ~ *sēḍav* ~ *sēḍav* | *sejḍā*, *sēḍav* | *siḷḍā*, *sīḍav* | *siḷḷḍā*, *sīḷḍav*; есть и др. «иноурал.» формы), корень 'грести' не содержит и не содержал *l* и в помине — превращения не случилось.

⁷⁴ В осн. юж.-соб.-карел. [TVKK (123f. §): 202; ККГ (§ 60): 98; ССКГК (exx. с *miuta*:> 26, 210, 351, 436, 609 s. vv. *armahašti*, *kiirehyttyä*, *miuta* ... *miuda*, *pettyä*, *tanššitua*; (exx. с *miuda*:> 15, 108f., 282, 285, 346, 351, 376, 391f., 406, 409, 452, 462, 466, 488, 553, 566, 601, 675, 741, 746 s. vv. *ajatella*, *hot*, *Hrista*, *lau*, *feibit'ŕiä*, *mie*, *miuta* ... *miuda*, *naitua*, *nakrua*, *nuori*, *nuorukain'i*, *nälkä* (miudan'i), *opaštua*, *otella*, *plahoslovie*, *potakoiija*, *pätövä*, *šeisattua*, *sirotta*, *šarvi*, *uvašajja*, *yläh*, *äijälti*; (exx. с *siuda*:> 217, 288, 418, 432, 528, 655, 684 s. vv. *kisauttua*, *lempo*, *pakauttua*, *penkuo*, *prost'ie*, *rukkasen'i*, *ŕyönnyttää*, *valmis*; ККСе: s. vv. *mie*, *sie*¹ (... *cgi*?*a*=*mie*, ... *cgi*?*a*=*sie*01&l=1); и мн. др.].

⁷⁵ Обще-собств.-карел. [TVKK: *ib.*; PK 33, 58 s. vv. *милма*, *Меня*; ККо (§ 95): 63; Макаров 1966: 69; СКЯ 159²; 268³ s. vv. *mie*, *šie*; KVS 105², 166² s. vv. *mie*, *sie*; ГКЯ: 68; ССКГК 349, 558 s. vv. *milma*, *šie*; ККŠj: 51; ККСе: *ib.*; и мн. др.]. [Губ. (18xx гг.).

⁷⁶ Кар. *Poadene*, *Puatane*, фин. *Paatene*; Пáданская слоб., Повѣнецкій уѣздъ, Олón.]

⁷⁷ Хотя, точнее: «Ужъ не пародія-ли онъ?» [А.С.П., «Е.О.»: VII:xxv; VII:xxiv₁₄].

④ Как и следовало подозревать по 2^М предыдущим пп., никакого *vepskogo* «šoldan» не существует и не существовало, зато есть *soudan* (и диал. *suıdan*) — ограничусь приведением одного источника, поскольку всё остальные в этом отношении с ним согласны — «sou||ta, -dab, Vił Pāž Š, suı<||ta L Šim» [СВЯ: 520, s. v.].

⑤ Карельский и вепский — разные языки; аналогия — не доказательство. Налицо граничащие с автопародией сплошные и чистые *спекуляции*, и жидутся они, кроме самих себя, на единственном, и к тому же *мнимом*, *примере*, профанирующем звуковые (как и логические) законы — «Credo quia absurdum est!»?

СОКРАЩЕНИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Врш = дер. Вершина [≈ Чёрный Руч(!)чѣй] В-Т. р-на Арх. обл. (зап. в 1967) } [см.:
В-Т. = Вѣрхне-Тѣмскій (= Вѣрхнетѣмскій) р-н Архангельской обл. } АОС
Пин. = Пинежскій р-н Архангельской обл. } I: 56
Шрд. = дер. Шардонемь (ж) Пин. р-на Арх. обл. (зап. в 1983) } [см.: АОС 6: 4]

АГЛЯ — Грамматика литовского языка / Отв. ред. В. Амбразас. Вильнюс, 1985.

Андронов 1999 — *А. В. Андронов*. Сопоставительная грамматика литовского и латышского языков. Словоизменение. Дисс. <...> канд. филол. наук / СПбГУ. Каф. общего языкознания. СПб., 1999. (Н/П рукоп.)

Андронов 2002 — *А. В. Андронов*. Материалы для латышско-русского словаря. СПб., 2002.

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой: вып. 1–16 (1980–2015); [Ред. Е. А. Нефёдова:] вып. 17–20 (2016–2019); [Науч. ред. Е. А. Нефёдова:] вып. 21–22– (2020–2022–). М. (изд. продолж.).

Баранникова, Бондалетов 1980 — *Л. И. Баранникова, В. Д. Бондалетов*. Сборник упражнений по русской диалектологии. М., 1980 [2019].

БЕР — Български етимологичен речник / ред.: В. И. Георгиев: т. I: 1971, т. II: 1979, т. III: 1986; В. И. Георгиев, И. Дуриданов: т. IV: 1995; И. Дуриданов, М. Рачева, Т. А. Тодоров: т. V: 1996; М. Рачева, Т. А. Тодоров: т. VI: 2002; Т. А. Тодоров, М. Рачева: т. VII: 2010; Л. Д. Димитрова-Тодорова, Л. П. Селимски: т. VIII: 2017. София.

Былины 1873 — Онежскія былины записанныя Александромъ Оедоровичемъ Гильфердингомъ лѣтомъ 1871 года. Санктпетербургъ, 1873.

Былины 1948 — Былины *Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева* / подготовка текста и примечания А. М. Астаховой // Библиотека русского фольклора Карелии / Под общей ред. А. [М.] Астаховой и В. [Г.] Базанова. Петрозаводск, 1948.

ГБЯ — *Ю. С. Маслов*. Грамматика болгарского языка. Москва, 1981.

ГКЯ — *П. М. Зайков*. Грамматика карельского языка Ч. I: Фонетика и морфология. Петрозаводск, 1999.

ГНБЕ — Грамматика за новобългарския езикъ отъ *Ив. М. Момчилова*. Второ издание. Въ Търново, 1873.

Георгиева 1949 — *В. [Л.] Георгиева*. Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именительного падежа с инфинитивом или на-

- речием „надо“ в современных русских говорах // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Т. III. М.–Л., 1949.
- Гусев 2007 — В. Ю. Гусев. Эвиденциальность в инганасанском языке // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб., 2007.
- ГФЯ — *Грамматика финского языка: фонетика и морфология* / [ред. колл.: Б. А. Серебренников, Г. М. Керт]. М. — Л., 1958.
- ^{1[2]}Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живаго великорус(!)каго языка. [Второе изд. <...>.] Ч. I–IV: 1863–1866 [1880–1882]. М.
- ^{3[4]}Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живо(!)го великорусскаго языка. Третье [Четвертое] <...> изд. Т. I–IV: 1903–1909 [1912–1914]. СПб.–М.
- ЕСУМ — *Етимологічний словник української мови: У 7 т. / редкол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін.* Київ, 1982–2012–.
- Животиков 1942 — П. К. Животиков. Очерк грамматики хантыйского языка (средне-обской диалект) / Под ред. Ю. Н. Русской. На правах рукописи. Ханты-Мансийск, 1942.
- ЗарИС — А. А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967. 2^е изд.: // «Русское именное словоизменении» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002.
- ИЭСРЯ — П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь русского языка. Т. I (А – пантомима); Т. II (панцирь – ящур). М., 1993.
- Каксин 2010 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. П^е дополненное изд. Ханты-Мансийск, 2010.
- ККГ — Н. А. Анисимов. Карельскойн киэлен грамматика. Энзимайне чуасти: Фонетика и сорфология. Неполнойн среднейн и среднейн школан учебника. Петрозаводска, 1939.
- Конькова, Дьячков 2014 — О. И. Конькова, Н. А. Дьячков. *Inkeroin keel*. Пособие по ижорскому языку <титул: Учебное...>. С.–Пб., 2014.
- Котков 1959 — С. И. Котков. Конструкция типа *земля пахать* в истории южновеликорусских говоров // *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка* 18, 1959.
- Кузьмина 1993 — И. Б. Кузьмина. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.
- Кузьмина, Немченко 1964 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русских говорах // Р. И. Аванесов (ред.). *Вопросы диалектологии восточнославянских языков*. М., 1964.
- Лаанест 1966 — *Ижорский язык* / А. [X.] Лаанест // ЯН III.
- ЛЛРС — *Латышско-русский словарь*. Составил проф. Я. В. Лоя. М., 1942.
- Лоя 1929 — Я. В. Лоя. О латышской орфографии. [*J. Loja. Sur l'orthographe lettone.*] / (Представлено академиком С. Ф. Ольденбургом в засе-

- дании Президиума АН 4 VI 1929.) // Доклады Академии Наук СССР 1929. Comptes Rendus de l'Académie des Sciences de l'URSS.
- Макаров 1966 — Карельский язык / Г. Н. Макаров // ЯН III.
- Мальшева 2015 — А. В. Мальшева. Материалы по конструкциям с именительным падежом прямого объекта существительных единственного числа женского рода в архангельских говорах (не опублик.).
- МСДРЯ — Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Трудь И. И. Срезневского. Т. I (А – К): 1893; Т. II (Л – П): 1902; Т. III (Р – Я [фактически Р – С]) и Дополнения [А – Я]: 1903. Санктпетербургъ.
- Мюленбахъ 1907 — К. Мюленбахъ. О дебитивъ // Извѣстія ОРЯС. Т. XII, кн. 3, 1907.
- Нёмысова 1988 — Хантыйский язык. Учебник для учащихся педагогических училищ / Под ред. Е. А. Нёмысовой. Л., 1988.
- ОДХЯ-1[В] — Н. И. Терешкин. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. I^я. Ваховский диалект. М. · Л., 1966.
- ОДХЯ-3[К] — Н. И. Терешкин, Е. А. Нёмысова. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч. III^я (казымский диалект). Ханты-Мансийск, 2014.
- ОСНЯ — В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь. В 3 томах / Под ред. В. А. Дыбо. [Том I.] (b – Қ): 1971; [Том II.] (l – ž). Указатели: 1976; [Том III.] (p – q (de facto: l – q)) (по картотекам автора): 1984. М.
- Попова 2017 — А. В. Попова. Конструкция типа *вода тити* по данным московских памятников XVI – начала XVIII в. // РЯНО 1(33), 2017.
- ПЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка. Составил А. Преображенский. Т. I (А – О), Т. II (П – С): М., 1910–1914; вып. последний (тело – ящур) / Труды Института русского языка. Т. I: М. – Л., 1949.
- Рожанский 2017 — Ф. И. Рожанский. Дифференцированное маркирование объекта в прибалтийско-финских языках: основные принципы и девиации // В. А. Плуноян, Р. В. Ронько, А. Ю. Урманчиева, А. В. Циммерлинг (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 8: Дифференцированное маркирование аргументов: материалы к типологии. (=Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIII, Ч. 3). СПб., 2017.
- Ронько 2016 — Р. В. Ронько. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // РЯНО 1(31), 2016.
- Ронько 2017 — Р. В. Ронько. Надо *корова доить!* Номинативный объект в севернорусских диалектах // В. А. Плуноян, Р. В. Ронько, А. Ю. Урманчиева, А. В. Циммерлинг (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 8: Дифференцированное маркирование аргументов: материалы к типологии. (=Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIII, Ч. 3). СПб., 2017.

- Ронько 2018 — *Р. В. Ронько*. Номинативный объект в древнерусском языке и севернорусских диалектах в ареальной и типологической перспективе: дисс. <...> канд. филол. наук / Институт языкознания РАН. М., 2018.
- Ронько, Циммерлинг 2015 — *Р. В. Ронько, А. В. Циммерлинг*. Параметр номинативного объекта и синтаксис инфинитивных оборотов в диалектах русского Севера и древнерусском языке // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия Филологические науки. 2015, No. 1.
- РХР[К] — *Е. А. Нёмысова, С. П. Кононова, Е. Н. Вожакова* (сост.). Русско-хантыйский разговорник [казымский диалект]. М., 1996.
- РХР[С] — *Е. Р. Покачева, А. С. Пёсикова*. Русско-хантыйский разговорник (сургутский диалект). Ханты-Мансийск, 2006.
- РЯНО — Русский язык в научном освещении. М., 2001–2021–.
- СВЯ — *М. И. Зайцева, М. И. Муллонен*. Словарь вепского языка. Л., 1972.
- СКЯ — Словарь карельского языка (тверские говоры). Сост. *А. В. Пунжина*. Петрозаводск, 1994.
- Соболевский 1907 — *А. И. Соболевский*. Лекции по истории русского языка. Изд. 4^e. М., 1907.
- СРЯ11–17 — Словарь русского языка XI~XVII вв. Вып. 1–30– (1975–2015–); Справочный вып. (2004); Дополнения и исправления, Тетрадь 1^я (А – Б): 2006. М. (изд. продолжается).
- ССКГК — Словарь собственно-карельских говоров Карелии / Сост-ли *В. П. Федотова, Т. П. Бойко* / Под общей ред. *В. П. Федотовой*. Петрозаводск, 2009.
- Станишева 1966 — *Д. С. Станишева*. Конструкция типа *земля пахать* в системе синтаксических средств восточнославянских языков // *Slavia* 35, 1966.
- Терёшкин 1966 — Хантыйский язык / *Н. И. Терёшкин* // ЯН III.
- Терёшкин 1981 — *Н. И. Терёшкин*. Словарь восточно-хантыйских диалектов / Отв. ред. *Г. А. Меновщиков*. Л., 1981.
- Филин 1947 — *Ф. П. Филин*. Об употреблении формы именительного падежа женского рода в значении аккузатива // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 1.
- ФЭСРЯ — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка / Пер. и доп-ия *О. Н. Трубачёва*. Т. I–IV: 1964–1971 [1986–1987]. М. [2^e (и послед.: 3^e: 1996; 4^e: 2004) «стереотипное» (de facto: испр. и доп.) изд.].
- ХЯТ[К] — *Е. А. Нёмысова, Н. А. Лыскова*. Хантыйский язык в таблицах (казымский диалект). Пособие для уч-ся 5–9 общеобразовательных учреждений. С.-Петербург, 2004.
- ХЯТ[Ш] — *Е. А. Нёмысова, Н. А. Лыскова*. Хантыйский язык в таблицах (шурышкарский диалект). Учебно-наглядное пособие для уч-ся 5–9 общеобразовательных учреждений. С.-Петербург, 2006.
- Циммерлинг 2021 — *А. В. Циммерлинг*. Откуда вода *тить* течёт: об одной циркумбалтийской изоглоссе // БСИ-XXI (наст. изд.).

- BLS I–II — Die lettische Sprache nach ihren Lauten und Formen: Erklärend und vergleichend dargestellt von *A. Bielenstein*. Erster Theil: Die Laute. Die Wortbildung (1863); Zweiter Theil: Die Wortbeugung (1864). Berlin.
- BoSEJP — *W. Boryś*. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, BV, BW = LD [2005].
- BVSuF — *J. Endzelīns*. Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948 (→ Endz. DĪ IV, 2: 411–619).
- CGUL — Comparative Grammar of the Uralic Languages by *B. Collinder* (= A Handbook of the Uralic Languages, Part 3). Stockholm, 1960.
- ELG — Lettische Grammatik von *J. Endzelin* / hrsg. von Lettischen Bildungsministerium. Riga, 1922 [perp.: Heidelberg, 1923 (= Indogermanische Bibliothek / hrsg. von H. Hirt u. W. Streiberg. Fünfte Abteilung: Baltische Bibliothek / hrsg. von G. Gerullis. I. Reihe: Grammatiken. Erster Bd.)].
- ELVG — *J. Endzelīns*. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951.
- EMLG — Latviešu gramatika *J. Endzelīna* un *K. Mülenbacha* sarakstīta. Otrs, pārstrādāts iespiedums. Rīgā, 1923.
- Endz.DĪ — *J. Endzelīns*. Darbu izlase: Četros sējumos. [Sēj.] I–IV, 2. daļa: 1971–1982. Rīga.
- Endzelin 1899 — *J. Endzelin*. Über den lettischen silbenaccent // *BB XXV* (→ Endz.DĪ I: 117–132).
- Endzelin 1901 — *J. Endzelin*. Ursprung und gebrauch des lettischen debitivs // *BB XXVI* (→ Endz.DĪ I: 143–150).
- Endzelīns 1901 — *J. Endzelīns*. Kā celes un leetojams latveešu valodas ⟨в огл.: tautas⟩ debitivs? // Rakstu krājums izdots no Rīgas Latveešu Beedribas Zinību Komisijas. 13. krājums. Rīga, 1901 (→ Endz.DĪ I: 138–142).
- Endzelin, Prellwitz 1905 — *J. Endzelin* (I.: → Endz.DĪ I: 288f.); *W. Prellwitz* (II.). Zur entstehung des lettischen debitivs. // *BB XXIX*.
- ERHiSJ — *P. Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. I–III. Zagreb, 1971–1973.
- ESJS — Etymologický slovník jazyka staroslovenského: Seš. 1–14 (1989–2008), Praha; Seš. 15–20 (2010–2021), Brno.
- ESSJ — *Fr. Bezlaj*. Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga: 1977; Druga knjiga: 1982; Tretja knjiga: 1995. Ljubljana.
- EWAS — Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache von *G. Meyer*. Strassburg, 1891.
- Filchenko 2007 — A Grammar of Eastern Khanty by *A. Yu. Filchenko*. A thesis submitted in partial fulfilment of the requirements for the degree Doctor of Philosophy / Rice University. Houston (TX), March 2007.
- Filchenko 2010[2007] — *A. Filchenko*. Aspect(s) of the Grammar of Eastern Khanty. Tomsk, 2010[2007].
- GJB — *Fr. Ślawski*. Gramatyka języka bułgarskiego. Wyd. II. Warszawa, 1962.
- Hakulinen, Karlsson 1975 — Suomen akkusatiivi: funktionaalinen näkökulma. *A. Hakulinen* — *F. Karlsson* // *Virittäjä*, Vol. 79, Nro 4 (1975).
- Hesselberg 1841 — *H. Hesselberg*. Lettische Sprachlehre. Mitau, 1841.

- Holvoet 1993 — *A. Holvoet*. On the nominative object in Latvian, with particular reference to the debitive // *Linguistica Baltica* 2, 1993.
- Holvoet 1998 — *A. Holvoet*. Notes on the rise and grammaticalization of the Latvian debitive // *Linguistica Baltica* 7, 1998.
- Holvoet 2001 — *A. Holvoet*. Studies in the Latvian Verb (= *Baltica Varsovensia / pod red. W. Smoczyńskiego*. Tom czwarty). Kraków, 2001.
- Holvoet, Grzybowska 2014 — *A. Holvoet, M. Grzybowska*. Non-canonical grammatical relations in a modal construction // *VARGReB* 1.
- ISK — Iso suomen kielioppi / *A. Hakulinen, M. Vilkuna, R. Korhonen, V. Koivisto, T.-R. Heinonen, I. Alho*. Helsinki, 2004.
- IUL — An Introduction to the Uralic Languages by *B. Collinder*. Berkeley and Los Angeles, 1960.
- Junus 1936 — *V. I. Junus*. Izoran Keelen Grammatikka. Leningrad, 1936.
- Kalnača, Lokmane 2019 — *A. Kalnača, I. Lokmane*. The Latvian debitive: Problems of description in grammar // *Descriptive grammars and typology / University of Helsinki, March 27–29, 2019* (презентация докл.).
- KKŠj — *J. V. Karakin*. Karjalan kielen šijajärjestelmä ~ Падежная система карельского языка. Уч. эл. пособие <...> Petroskoi, 2021.
- Kiparsky 1960 — *V. Kiparsky*. Über das Nominativobjekt des Infinitivs // *Zeitschrift für slavische Philologie*, 28, 1960.
- Kiparsky 1969 — *V. Kiparsky*. Das Nominativobjekt des Infinitivs im Slavischen, Baltischen und Ostseefinnischen // *Baltistica* 5, 1969.
- KKo — *E. V. Ahtia*. Karjalan kielioppi. Äänne- ja sanaoppi. Suojärvi, 1938.
- KKSe — Karjalan kielen sanakirja: <http://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/karjala.cgi>.
- KLivW — Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung von *Lauri Kettunen*. Helsinki, 1938.
- KVS — *P. Zaikov, L. Rugojeva*. Karjalais-venäläini sanakirja (pohjois-karjalaiset murtehet) ~ *П. [М.] Заиков, Л. [И.] Ругоева*. Карельско-русский словарь (северно-карельские диалекты). Petroskoi ~ Петрозаводск, 1999.
- Laanest 1982 — *A. Laanest*. Einführung in die ostseefinnischen Sprachen / Autorisierte Übertragung aus dem Estnischen von H.-H. Bartens. Hamburg, 1982.
- LD — Latwju dainas. *Kr. Barona* un *H. Wiffendorffā* iŕdotas. I. sēj., 1.–4. burt.: Jelgawā, 1894[–1895]; I. sēj., 5.–10. burt.: Rīgā, [1895–1898]; II.–VI. sēj.: Pēterburgā, 1903–1915.
- LDe — <http://dainuskapis.lv/daina/3523-9-Laba-satiksme-starp-brali-un-masu-masas-dzive-balinos>; <http://dainuskapis.lv/daina/7117-3-Verpsana>.
- LĒLSr — *T.-R. Viitso, V. Ernštreits*. Līvõkīel-ēstikīel-leŕkīel sōnārōntōz ~ Liivieesti-lāti sōnaraamat ~ Lībiešu-igauņu-latviešu vārdnīca. Tartu/Rīga, 2012.
- LEV — *K. Karulis*. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. I–II sēj. Rīga, 1992 [2001].
- LEW — *E. Fraenkel*. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I (I–XXIII, 1–656 [*privék-*]): 1962; II (657 [*privyk-*]–1560): 1965. Heidelberg.
- LKV — Latviešu-krievu vārdnīca. Sēj. I–II: 1979–1981. Rīga.
- LLVM — *Dz. Paegle*. Latviešu literārās valodas morfoloģija. I daļa. [Rīga,] 2003.

- LLVV — Latviešu literārās valodas vārdnīca. 8 sējumos / *A. Blinkena, L. Ceplītis, R. Grabis* (atb. red.), & al. 1.–8. sēj.: 1972–1996. Rīgā.
- LPV — Latviešu pareizrakstības vārdnīca / Amerikas Latviešu apvienības Kultūras Fonds; Rīgas Latviešu biedrības Latviešu valodas attīstības kopa. [1942, 1944, 1947, 1980.] 2007.
- LRKŽ₇₁ — *A. Lyberis*. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Apie 50 000 žodžių / Red. Ch. Lemchenas. Vilnius, 1971.
- LVG — *I. Auziņa, Ie. Brenķe, Ju. Grigorjevs, I. Indričāne, B. Ivulāne, A. Kalnača, L. Lauze, I. Lokmane, D. Markus, D. Nītiņa, G. Smiltnece, B. Valkovska, A. Vulāne*. Latviešu valodas gramatika. Rīga, 2013.
- LVPPV — *L. Ceplītis, A. Miķelsone, T. Porīte, S. Raģe*. Latviešu valodas pareizrakstības un pareizrakstības vārdnīca: Ap 80 000 vārdu. Rīga, 1995 [на обл.: 1996]; (перп.: 2005).
- LVSuF — *J. Endzelīns*. Latviešu valodas skaņas un formas. Rīgā, 1938 (→ Endz.DĪ IV, 1: 303–525).
- LVV₉₃ — *V. Bērziņa-Baltiņa, J. Bičolis*. Latviešu valodas vārdnīca: Vārdu pareizrakstība. Vārdu izruna. Vārdu formas. Vārdu nozīme. [Montclair (NJ)] 1993.
- Mag., Mag. d. let. liter. Ges., Mag. d. lett.-liter. ges. = MgLLG
- MdLRch — Die Livländische Reimchronik von Dittlib von Alnpeke in das Hochdeutsche übertragen und mit Anmerkungen versehen von *E. Meyer*. Reval, 1848.
- ME — *K. Mülenbachs*. Latviešu valodas vārdnīca / Redigējis, papildinājis, turpinājis *J. Endzelīns* [*K. Mühlenbach*. Lettisch-deutsches Wörterbuch / Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von *J. Endzelin*]. Sēj. (Bd.) I–IV: 1923–1932. Rīgā.
- MgLLG — Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Livländischen Gesellschaft. Bände I (1828) – XX (1897/1913), XXI (1936). Mitau.
- MhdWb — Mittelhochdeutsches Wörterbuch; mit benutzung des nachlasses von *G. Fr. Benecke* ausgearbeitet von *W. Müller* und *Fr. Zarncke*. I–III bde: 1854–1861. Leipzig.
- MLRch — Livländische Reimchronik. Mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar. Herausgegeben von *Leo Meyer*. Paderborn 1876 (перп.: Hildesheim, 1963).
- MLLVG — *A. Ahero, Dz. Barbare* (2. s.), *A. Bergmane, A. Blinkena, L. Ceplītis* (2. s.), *R. Grabis, M. Lepika, R. Melbikse* (1. s.), *A. Miķelsone, T. Porīte, M. Saule-Sleina* (1. s.), *E. Sokols* (arb. red.), *V. Staltmane* (2. s.). Mūsdienu latviešu literārās valodas gramatika. Sēj. I: Fonētika un morfoloģija (1959); sēj. II: Sintakse (1962). Rīga.
- Paškova, Gilojeva 2013 — *T. V. Paškova, N. M. Gilojeva*. Luvendo- da harjoituskogomus. Nominat. Pronominat. Adverbit. Abusanat (karjalan kielen livvin murdehel) [Имена. Местоимения. Наречия. Служебные части речи (ливвиковское наречие карельского языка). Учеб. пособие]. Petroskoi, 2013.

- PfLRch — Livländische Reimchronik / Hrsg. von F. Pfeiffer. Stuttgart, 1844 (перп.: Amsterdam, 1969).
- Porkka 1885 — Ueber den ingrischen Dialect mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors, 1885.
- Prellwitz 1904 — *W. Prellwitz*. Zur entstehung des lettischen debitivs. // *BB XXVIII*.
- RLPK — *B. П. Сташайтене*. Русско-литовский разговорник ~ *V. Stašaitienė*. Rusiškų-lietuviškų pasikalbėjimų knygelė. III leid. Vilnius, 1968.
- Senn 1966 — *A. Senn*. Handbuch der Litauischen Sprache. Bd. I. Grammatik. Heidelberg, 1966.
- Seržant, Taperte 2015 — *I. A. Seržant, J. Taperte*. Differential Argument Marking with the Latvian debitive: A multifactorial analysis // *VARGRēB 2*.
- Steinitz 1950 — Ostjakische Grammatik und Chrestomathie mit Wörterverzeichnis von *Wolfgang Steinitz*. 2. verbesserte Auflage. Leipzig, 1950.
- Stender 1761 — Neue vollständigere Lettische Grammatik, nebst einem hinlänglichen LEXICO, wie auch einigen Gedichten, verfaßet von *Gotthard Friedrich Stender*. Braunschweig, 1761 (перп. 1763).
- Stender 1783 — Lettische Grammatik, verfaßet von *Gotthard Friedrich Stender*. Zweyte Auflage, von dem Verfasser selbst verbeffert, vermehrt und von neuen umgearbeitet. Mitau, 1783.
- Stērste 1879–1880 — *Sterftu Andreja* Latweefchu walodas maŗģiba, fiftematifks kurfs (≡ zistemātisks kurzs). Pirmā daŗa: Etimoloģija (1879). Otrā un treŗchā daŗa: Sintakŗa (≡ Zintaksa) un ortografija (1880). Rīgā un Tehrbatā.
- Timberlake 1974 — *A. Timberlake*. The nominative object in Slavic, Baltic, and West Finnic (= Slavistische Beiträge. Bd. 82). München, 1974.
- TVKK — Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Kielennäyteitä, Sanakirja ja Kielioppi. Tehnyt *A. Genetz*. Helsingissä, 1880 // Suomi. Kirjoituksin isänmaallisista aineista / Toimittanut Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 2:n Jakso. 14 Osa. Helsingissä, 1881.
- Ulmann 1831 — I. Grammaticalische Abhandlungen. I. Bemerkungen zur lettischen Grammatik Stender's. [*Carl Chr.*] *Ulmann*. // *MgLLG III*, 1^{es} Stück.
- Vainikka, Brattico 2011 — *A. Vainikka, P. Brattico*. The Finnish Accusative // *Biolinguistica Fennica Working Papers 2* (2011).
- VARGRēB — Valency, Argument Realization and Grammatical Relations in Baltic. Vol 1: Grammatical Relations and their Non-Canonical Encoding in Baltic / Ed. by A. Holvoet and N. Nau, 2014; Vol 2: Voice and Argument Structure in Baltic / *Eid.*, 2015; Vol 3: Argument Realization in Baltic / *Eid.*, 2016; Vol 4: Copular Constructions in Lithuanian / *R. Mikulskas*, 2017; Vol 5: The Middle Voice in Baltic / A. Holvoet. Amsterdam / Philadelphia (PA), 2020.
- Veidemane 2002 — *R. Veidemane*. Darbības vārds // Latvieŗu literārās valodas morfoloģiskās sistēmas attīstība / K. Pokrotņiece (red.). Rīga, 2002.
- VPtSV — Valodniecības pamatterminu skaidrojoŗā vārdnīca. Rīga, 2007.
- ZTV₂₂ — Zinātniskās terminoloģijas vārdnīca. Rīga, 1922.

P. U. DINI

Über die letzten Dinge im Falle des Altpreußischen. Versuch einer Systematisierung

§ 1. Ausgangspunkt

Nachdem im 16. Jahrhundert in Königsberg die drei altpreußischen Katechismen veröffentlicht worden waren — und zwar I und II 1545, III oder das Enchiridion 1561 —, sind über das Schicksal der altpreußischen Sprache kaum noch weitere Nachrichten überliefert geworden. Bekannt sind die Erwähnungen von Bernsteinfischern in Caspar Hennenbergers *Kurtzer und warhafftiger Beschreibung des Landes zu Preuffen* (Königsberg, 1584) und die von Johannes Fuchs (vgl. Mažiulis 1966: 24) veröffentlichten, der von Sudavischen Tänzern berichtet, die speziell eingeladen worden seien, um einen Gast zu ehren.

Allgemein wird davon ausgegangen, dass seit dem Anfang des 18. Jahrhunderts der Gebrauch des Altpreußischen immer rascher abnahm, bis es schließlich völlig ausstarb. Aus eben diesem Grund wird vermutet, dass diese Sprache bereits während des 17. Jahrhunderts immer weniger gesprochen wurde. Tatsächlich besitzen wir aus diesem Jahrhundert nur wenige Nachrichten über den Gebrauch des Altpreußischen.

§ 2. Bis 1700: Rhesa, Komenský, Hartknoch

Unter den im 17. Jahrhundert belegten Erwähnungen des Altpreußischen werden oft diejenigen aus dem Vorwort des *Psalteras Dovidio* (1625) von Jonas Rhesa zitiert, in dem sich der Verfasser über die Ausweitung des Gebrauchs des Litauischen und dessen „Dialekte“ äußert. Hier wird auch das Preußische als Dialekt erwähnt, und zwar in folgendem Zusammenhang:

»Vnter folchen mancherley Sprachen / ift nun auch die Littawfche / welche vom Groß Fürftenthum Littawen den Namen hat / vnd sich erftrreckt durch Littawen / Samayten / vnd ein gut theil Preuffen Die Dialecti folcher Sprach ift die Curifche im Fürftenthumb Curland / vnd die alte Preufche Sprach / welche noch in Preuffen / bey etlichen Leuten / im Fijchhåufifchen / Schackifchen vnd Labiawfchen an der Seekant / vnd Curifchem Haff gebråuchlich«.

Aus diesem Auszug erfahren wir, dass in einigen Ortschaften Preußens — und zwar in Fischhausen, Schakischen, Labiau sowie auf dem Kurischen Haff — damals die »alte Preußische Sprache« noch in Gebrauch war.

Der tschechische protestantische Theologe und Pädagoge Ján Amos Komenský (Comenius) hielt sich von Herbst 1642 bis zu Anfang des Jahres 1648 als Emigrant in Elbing auf. In seinem Werk *Linguarum methodus novissima*, das im 17. Jahrhundert zwei Auflagen erlebte, beschreibt er die Lage der *Vetus Prutenica [lingua]* sehr deutlich. Darüber lesen wir in der Auflage aus dem Jahr 1648 (S. 36):¹

»Exemplo fit *Vetus Prutenica*, toto genere ab aliis Europæis diverſa: quæ ita nunc uſurpari deſijt, ut cùm ante annos centum complures etiam fuerint eâ utentes, (quorum cauſâ Paſtores aliquammulti in Ducali Boruffia fuerunt alendi, exſtatque Catechiſmus Lutheri, Ducis Alberti juſſu in eam linguam translatus, & Regiomonti Anno 1545. typis exſcriptus) jam non niſi unicus ſupereſſe dicitur pagus, in quo vix aliquot Viri eam Linguam intelligunt«.

Und in der Auflage aus dem Jahre 1657 heißt es (S. 37):²

»Exemplo ſit *Vetus Prutenica*, totô genere ab aliis Europæis diverſa: quæ ita nunc uſurpari deſiit, ut cum ante annos centum complures etiam fuerint eâ utentes (quorum cauſâ Paſtores aliquammulti in Ducali Borussia fuerunt alendi, extatque Catechiſmus Lutheri, Ducis Alberti juſſu in eam linguam translatus, et Regiomonti Anno 1545, typis exſcriptus) jam non niſi unicus ſupereſſe dicitur pagus, in quo vix aliquot viri ſenes eam linguam intelligunt«.

Lemeſkin (2018: 241–243) hat einen wichtigen Unterschied zwischen den beiden Auszügen festgehalten: Anders als in der ersten Auflage, ist in der zweiten ausdrücklich die Rede von *senes*, d. h. von »alten [Menschen]«. Die Comenius-Zitate erfassen und beschreiben sehr gut die Lage einer Sprache, die man heute als „endangered language“ bezeichnen würde.

Weiterhin ist zu unterstreichen, dass sowohl Trautmann (1910: vii–viii) als auch Mažiulis (1966: 25–26) darauf aufmerksam gemacht haben, dass Hartknoch noch fünfzig Jahre nach Rhesa erwähnt hat, das Altpreußische werde noch gesprochen, und zwar nicht nur in einem einzigen Dorf. In der lateinischen Fassung von Hartknochs Werk aus dem Jahr 1679 (S. 84) heißt es:

»Deindè non in uno fed in pluribus adhuc pagis paſſim reperiuntur hujus lingvæ gnari«.

Und hier die entsprechende Äußerung aus der erweiterten deutschen Fassung (Hartknoch 1684: 91):

»Denn es iſt kein eintziges Dorff mehr übrig, in welchem alle Leute die Alt-Preuffiſche Sprache auch nur verſtehen ſolten: ſondern hier und dort ſollen noch einige alte Leute feyn, ſo dieſelbe verſtehen«.

In diesem Auszug teilt Hartknoch zwei wichtigen Informationen mit:

(1) Zuerst präzisiert er, dass es zur damaligen Zeit keine Ortschaft mehr gab, in der diese Sprache noch allgemein, d. h. passiv und/oder aktiv, verwendet worden wäre.

¹ Vgl. Kiparsky (1970: 258–259); Lemeſkin (2018: 241). Kiparsky (*ibid.*) behauptet, dass Komenský die Aussage »jam non niſi unicus ſupereſſe dicitur pagus« „wohl vom Hörensagen hatte“. Das mag stimmen, ist aber keineswegs gesichert.

² Vgl. Kiparsky (1970: 258–259); Lemeſkin (2018: 241).

(2) Außerdem schreibt er, dass nur noch einige alte Menschen über eine gewisse Kenntnis des Altpreußischen verfügten, diese Sprache aber nicht mehr gebrauchten.

Der Unterschied zwischen den zwei Auflagen von Hartknoch liegt deutlich zu Tage. Daher hat Kiparsky (1970: 258) die Hypothese aufgestellt, Hartknoch habe mit seiner Ergänzung von 1684 Comenius' Behauptung aus dem Jahr 1648 bestreiten wollen.

Lemeškin (2018: 232–233) hat festgestellt, dass Hartknoch ohne Zweifel Comenius' Werk von 1648 gekannt und genutzt hat, da er diesen Autor direkt zitiert (vgl. Hartknoch 1684, S. 91: »Amos Comenius redet hievon also:« u.s.w.).

Insgesamt verfügen wir aus dem 17. Jahrhundert nur über wenige Erwähnungen des Altpreußischen. Daher sind von um so größerem Wert alle Erwähnungen, die aus dem folgenden Jahrhundert überliefert sind.

§ 3. Um 1700: die Überschrift

Bekanntlich weist das von Aleksej Andronov (Andronov 2002, Андронов 2009) aufgefundene, in der Russischen Nationalbibliothek in St. Petersburg (Signatur: РИИ q/73) aufbewahrte Exemplar des zweiten altpreußischen Katechismus eine anonyme handschriftliche Überschrift auf.

Eine Transkription dieser Überschrift ist bereits von Trautmann (1910: viii) veröffentlicht worden:

N. Diese alte Preußische Sprache ist nunmehr ganz und gar vergangen worden. Anno 1677 ein einziger alter Mann auf der Curischen Nahrung wohnend, der sie noch gekont, gestorben, doch sollen noch solche dafelbst sein.

Diese wenigen Zeilen enthalten einige Nachrichten über die altpreußische Sprache, auf die im Folgenden näher eingegangen werden soll.

§3.1. Nach einer Angabe Arist Aristovič Kuniks (1814–1899), Mitglieds der St. Petersburger Akademie der Wissenschaften, wurde die Überschrift um

1700 von einem anonymen Verfasser niedergeschrieben.³ Der Inhalt ist klar: Es handelt sich um eine Zeugenaussage über das Aussterben der altpreußischen Sprache. Mindestens drei wichtige Punkte sind hervorzuheben:

a) Im 1677 ist auf der Kurischen Nehrung ein alter Mann gestorben, der das (Alt)preußische noch „gekonnt“ hatte.

b) Um 1700 (vgl. *nuhnmehr*) war diese Sprache ausgestorben (vgl. *ganž und gar vergangen*).

c) Angeblich aber lebten um 1700 auf der Kurischen Nehrung (vgl. *da-felbft*) doch noch einige Menschen, die das Altpreußische „gekonnt“ hätten (vgl. *noch solche*).

Zusammengenommen ergeben die Aussagen unter b) und c) einen Widerspruch, da es einerseits heißt, das Altpreußische sei bereits ausgestorben, während unter c) die Rede davon ist, auf der Kurischen Nehrung gebe es noch Menschen, die diese Sprache „könnten“. Leider enthält die Überschrift keine Angabe darüber, in welchem Ort auf der Kurischen Nehrung der 1677 verstorbene alte Mann gewohnt hatte.

§ 4. Um 1726: Bayer

In unserem Zusammenhang lohnt es sich ferner, hinzuweisen auf das Zeugnis des Philologen, Historikers und vor allem Sinologen Gottlieb Siegfried Bayer (bekannt auch unter der Namensform Theophilus Siegfried Bayer oder Готлиб Зигфрид Байер) (1694–1738), der bis zu seinem Tod über viele Jahre an der neugegründeten Akademie der Wissenschaften in St. Petersburg tätig gewesen ist. Dort lehrte er Altertumswissenschaft und orientalische Sprachen. Zu seiner Biographie finden sich zahlreiche Informationen in den „Материалы для истории Императорской академии наукъ“ (St. Petersburg, Band 6, 1890), bei Babinger (1916) sowie bei Dubowoj (1985) und auch Kopaneva (Копанева 1996).

Für uns ist an dieser Stelle nur der Umstand wichtig, dass Bayer ein eifriger Tagebuch-schreiber gewesen ist und dass er unter anderem eine Beschreibung seiner Reise von Königsberg nach Sankt Petersburg im Januar 1726 hinterlassen hat. Aus dieser Beschreibung ist für uns eine Notiz bedeutsam, die bei Babinger (1916: 35) zitiert wird.⁴

Bayer schreibt, dass er Anfang Februar 1726, nachdem er einige Tage in Riga verbracht und dort Bekannte besucht hatte, Memel (lit. Klaipėda) erreicht habe. Von da sei er auf dem kürzesten Weg über die Kurische Nehrung und dann über Dorpat (lett. Terbata) und Narva weitergereist, bis er am 17. Februar St. Petersburg erreicht habe.

³ Vgl. Andronov 2002, Андронов 2009.

⁴ Ich danke Prof. Dr. Dr. h. c. mult. Werner Lehfeldt (Universität Göttingen) für den Hinweis auf Bayer und für die Durchsicht des vorliegenden Artikels.

In seinem Bericht über den Aufenthalt auf der Kurischen Nehrung hält Bayer fest, dass dort Herr Thoma Schewitz⁵ der letzte preußische *Tolcke* gewesen sein solle und, dass in der Ortschaft Schwarzort (lit. Juodkrantė) ein gewisser *Clas* gelebt habe, »der noch Altpreussisch kann«. Der Name *Clas* ist eine Kurzform von *Nikolaus* und ist noch heute sowohl im Niederdeutschen wie auch im Niederländischen in Gebrauch. Die deutsche schriftsprachliche Form lautet *Klaus*.

§ 5. Lokalisierung und Datierung.

Will man versuchen, die vom Anfang des 17. Jahrhunderts stammenden Angaben über die letzten Prußen und deren Sprache auf eine Karte zu übertragen, ergibt sich das folgende Bild.

Alle diese Nachrichten tragen dazu bei, uns ein deutlicheres Bild darüber zu vermitteln, wo zu dieser Zeit die letzten „Könner“ des Altpreußischen gelebt haben sollen (siehe Abbildung).

Vergleicht man die von den drei erwähnten Zeugen — Rhesa, Überschrift, Bayer — dem Altpreußischen zugeordneten Gebiete, dann bemerkt man eine zunehmende Verengung. Rhesa und Hartknoch erwähnen ein Gebiet, das sich von der Sambia (Fischhausen – Labiau – Schaaken) bis zum Kurischen Haff erstreckt. In der Überschrift wird dieses Gebiet dann ganz allgemein auf die Kurische Nehrung eingeschränkt, und Bayer schließlich reduziert das Gebiet des Altpreußischen auf ein einziges Dorf (Schwarzort).

Die zwei jüngsten Zeugnisse über die altpreußische Sprache, d. h. die Überschrift auf dem Exemplar des zweiten altpreußischen Katechismus und die bisher nur wenig beachtete Notiz aus Bayers Tagebuch, stimmen im Inhalt und in der Entstehungszeit im wesentlichen miteinander überein. Für die Datierung des Aussterbens der altpreußischen Sprache ist das Zeugnis Bayers besonders wichtig, weil es uns gestattet, die Zeit um das Jahr 1726, in dem Jahr *Clas* noch lebte, als relativ präzisen und bisher noch unbekanntes *terminus ad quem* für das Aussterben des Altpreußischen anzusetzen.⁶

Abbildung.

⊗ Fischhausen; ⊕ Labiau; ⊙ Schaaken; ☒ Schwarzort.
 = Unterschrift 2 Kat.; ---- = Rhesa, Hartknoch; ----- = Bayer.

⁵ Einen ähnlichen Personennamen konnte ich weder bei Trautmann (1925) noch bei Matusevičiūtė (1939) oder bei Dukavičienė (2015) ausfindig machen.

⁶ Eine andere vermutete und späte Sprachinsel des Altpreussischen soll in Warmia (Biskupiec) sogar bis 1784 existiert haben. Darüber berichtet aber nur Siwiec (1957), ohne irgendwelche Belege für seine Behauptung. Der Vollständigkeit halber soll hier auch Thunmann (1772: 233–234) erwähnt werden: „Die heutigen Preußen (ich meine diejenigen, die noch die alte Sprache reden)...“. Mit dieser Formulierung bezeichnet Thunmann aber die in Preußen gesprochene litauische Sprache.

Gottlieb Siegfried Bayer

QUELLE

Comenius (Ján Amos Komenský) [1592–1670].

1648. LINGVARUM METHODVS NOVISSIMA, Fundamentis Didacticis solidè super-structa: Latinae lingvæ exemplo realiter demonstrata: Scholarum usibus jam tandem examuffim accomodata: Sed et insuper aliis studiorum generibus magno usû accomodanda. Antè tamen Eruditorum iudicio publico exposita ferijsque ac severis Censuris submissa. à JOHANNE COMENIO MORAVO, 1648.

1657. J. A. COMENII OPERA DIDACTICA OMNIA. Variis hucusque occasionibus scripta, diversisque locis edita: nunc autem non tantum in unum, ut simul sint, collecta, sed & ultimò conatu in Systema unum mechanicè constructum, redacta, Amsterdami: Impensis D. LAURENTII de GEER. Excuderunt Christophorus Cunradus, & Gabriel à Roy, Anno M. DC. LVII.

Hartknoch Christophor [1644–1687].

1679. SELECTÆ DISSERTATIONES HISTORICÆ DE VARIIS REBUS PRUSSICIS. *Operâ & studio* CHRISTOPHORI Hartknoch. [Francfurti & Lipsiæ, ... Jenæ, ...] Anno MDC LXXIX.

1684. Alt- und Neues Preuffen Oder Preuffischer Historien 3wey Theile/ ... Auß vielen alten so wol als neuen / einheimischen als au Scribenten/ Privilegien und andern Documenten/ Francfurt und Leipzig, in Verlegung Martin Hallervorden, Buchhändlern in Königsberg. Druckts Johann Andreae.

Hennenberger Caspar [1529–1600].

1584. Kurtzer und warhafftiger Beschreibung des Landes zu Preuffen, Königsberg.

Матеріалы.

1890. Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. СПб., Тип. Имп. АН, 1885–1900. Т. 6: Исторія Академіи наукъ Г.-Ф. Миллера съ продолженіями И.-Г. Штриттера: (1725–1743), 1890, p. 44–48 (→ <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=42090955>).

Rhesa Johannes [Reza Jonas, 1776–1840].

1625. Der Pſalter Davids Deutfch vnd Littawifch. PSALTERAS DOWIDO WOKIŠCHKAI BEI LIETUWISCHKAI. Karaliautſoje Pruffu per Lorintzu Segebadu / Mætoffa Chriſtaus 1625.

Thunmann Johann Erich [1746–1778].

1772. Unterſuchungen über die alte Geſchichte einiger Nordiſchen Völker, Berlin, Im Verlag der Buchhandlung der Realfchule [= 1979, in Hartmann H. (Ed), Hamburg, Buske].

LITERATUR

Andronov 2002 — *A. Andronov*. Dėl prūsų II katekizmo Peterburgo egzemplioriaus // *Baltistica*, 37-2, 2002.

Babinger 1916 — *F. Babinger*. Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1739). Ein Beitrag zur Geschichte der morgenländischen Studien im 18. Jahrhundert. Leipzig, 1916.

Dubowoj 1985 — *S. Dubowoj*. Gottlieb Siegfried Bayer (1694–1738): From Königsberg to the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg // *Canadian Slavonic Papers*, 27, 1985.

Dukavičienė 2015 — *I. Dukavičienė*. XIII amžiaus prūsų asmenvardžiai Prūsijos registruose // *Acta Linguistica Lithuanica*, 72, 2015.

Kiparsky 1970 — *V. Kiparsky*. Altpreußische Miscellen // *Donum Balticum*, 1970.

Lemeškin 2018 — *I. Lemeškin*. *Vix aliquot Viri eam Linguam intelligunt ar vix aliquot Viri fenes eam Lingvam intelligunt?* Johannes Amos Comenius apie prūsų kalbos mirtį // *Baltistica*, 53-2, 2018.

Matusevičiūtė 1939 — *I. Matusevičiūtė*. Kiek naujos medžiagos prūsų vardynui // *Archivum Philologicum*, 8, 1939.

Mažiulis 1966 — *V. Mažiulis*. Prūsų kalbos paminklai. Vilnius, 1966.

Siwec 1957 — *W. Siwec*. Czy język staropruski wymarł na Warmii i Mazurach? // *Słowo powszechne na Warmii i Mazurach*, rok VI, nr. 1 (208), do datek tygodniowy 6.–7.1.1957.

Trautmann 1925 — *R. Trautmann*. Die altpreußischen Personennamen. Ein Beitrag zur baltischen Philologie (Ergänzungsheft KZ, 3). Göttingen, 1925. [²1974].

Андронов 2009 — *А. В. Андронов*. О петербургском экземпляре II прусского катехизиса // *Балто-славянские исследования XVIII*. Москва, 2009.

Копанева 1996 — *Н. П. Копанева*. Готлиб Зигфрид Байер. Академик Петербургской Академии Наук. Санкт-Петербург, 1996.

О. БУШС

Латыши среди балтских народов и племён, или Язык латышей до общенационального языка*

Как известно, сохранившиеся памятники латышского языка не позволяют заглянуть в его историю глубже начала XVI в. Этим периодом датируются древнейшие молитвенные тексты на латышском языке: «Отче наш» Гисберта (между 1507 и 1540 гг.), Бруно (рукопись датируется концом XVI в., однако считается, что в её основу легли источники 20-х гг. XVI в.) и Грунау (между 1521 и 1529 гг.) (Ozols 1965: 57–58; см. также Rokrotniece 2012: 111–112). К этому же периоду (в некоторых случаях — чуть более раннему) принадлежат первые записи на латышском языке в документах ремесленных братств (например, списки членов рижского братства носильщиков пива — то есть антропонимический материал — охватывают период с 1468 по 1577 гг. (Ozols 1965: 47); первые точно датированные предложения относятся к 30-м гг. XVI в., например, из книг рижского общества грузчиков (*Losträgergilde*) 1533 г.: *Anna Szageryn lyck sow scryvet paer joune mahsze*, то есть (в современном варианте Алвилса Ауксткалнса) *Anna Žagariņa lika sevi ierakstīt par jaunu māsu* ‘Анна Жагариня велела себя записать младшей сестрой’ (Augstkalns 1935/2009: 322); в документах этого же ремесленного союза (братства) можно найти материал по ономастике начиная приблизительно с 1450 г., его публиковал Леонид Арбузов-младший (Arbusow 1923: 183–224)). О том, каким был (и был ли вообще) латышский язык до этого, можно судить, основываясь на лингвистических реконструкциях, древних топонимах, свидетельствах иностранцев (например, заметках путешественников); разумеется, подобные суждения неизбежно будут в большой мере гипотетическими. К тому же гипотезы об одном и том же явлении бывают не только различны, но и диаметрально противоположны.

Чтобы уточнить наши представления о происхождении языков древних латышских племён¹ и о том, каковы их корни (балто-славянские, балтийские, восточнобалтийские, западнобалтийские?), следует хотя бы

* В память о латвийском коллеге Оярсе Бушсе (см. некролог на с. 440–445) мы публикуем переводы двух его статей. В этих публикациях добавлены комментарии научных редакторов (А.В. Андропова и Н.В. Супрунчука), для русскоязычной аудитории адаптированы ссылки на литературу (по возможности указаны русские издания источников), исключены аннотации, ключевые слова и иллюстрации. Оригинал этой статьи на латышском языке: O. Bušs. *Latvieši starp baltu tautām un cilvīm jeb Latviešu valoda pirms latviešu valodas* // *Akadēmiskie raksti 4 sējums „Latvieši un Latvija“*. I sēj. „Latvieši“. Rīga, 2013, 156.–176. lpp.

коротко рассмотреть период формирования и членения праязыков — без претензии на развёрнутый обзор проблематики балтийского праязыка (или нескольких праязыков). Различия во взглядах и противоположные точки зрения отмечаются уже в отношении праязыка, из которого позднее произошли известные нам балтийские языки. Одни языковеды считают, что после распада индоевропейского праязыка (3–4 тысячелетие до н. э.) какое-то время существовал условно единый праязык балтов и славян; из сравнительно недавних работ в связи с этим можно процитировать слова голландского лингвиста Роберта Бекеса, специалиста по индоевропейскому праязыку и другим древним языкам: «Балтийские и славянские языки были изначально одним языком и, таким образом, составляют одну группу» (Beekes 1995: 22). Несколько более сдержанно свою точку зрения сформулировал Янис Эндзелин: «Ближайшие родственники балтов — славяне. Кажется, что предки балтов и славян, отделившись от других индоевропейцев, какое-то время ещё держались вместе» (Endzelīns 1948/1982: 414). Несмотря на то, что во время выхода в свет монографии «Звуки и формы балтийских языков» всем учёным, работавшим в СССР, приходилось считаться с давлением политической конъюнктуры сталинизма (при которой, помимо прочего, полагалось преувеличивать историческую роль славянских языков), Эндзелин, как кажется, не грешил против своих научных убеждений. Хорошо известно, что балтийские и славянские языки объединяет большое число общих изоглосс, доказывающее факт близкого языкового родства, однако даже наши самые близкие родственники являются чем-то другим, внешним по отношению к нам, «родственники» не тождественны между собой, и славянские языки также не отождествляются с балтийскими языками. Так, в отличие от приведённой выше точки зрения Бекеса, считал Эндзелин, объяснявший большое число общих балто-славянских изоглосс тесными контактами этих языков. То же суждение о славянах как о ближайших родственниках балтов мы находим и в опубликованной в годы независимости Латвии монографии Я. Эндзелина «Звуки и формы латышского языка», однако здесь оно дополнено оговоркой: «Всё же, возможно, уже в период индоевропейской общности предки балтов (в языковом отношении) отличались от предков славян по крайней мере произношением древнего *s*» (Endzelīns 1938/1981: 317). В более раннем, опубликованном в 1911 г. исследовании «Славяно-балтийские этюды»

¹ Условно и по традиции мы называем древнелатышскими племена латгалов, куршей, земгалов и селов; однако следует иметь в виду, что три последних упомянутых племени — курши, земгалы и селы — частично участвовали также в этногенезе и лингвогенезе литовцев, поэтому их с тем же правом можно называть и старолитовскими племенами.

Я. Эндзелин, полемизируя с Антуаном Мейе (в тексте Эндзелина — *Мелье*), говорит, что, подобно большинству лингвистов (sic!), он (Эндзелин) считает «предположение общей славяно-балтийской эпохи не только возможным, но даже правдоподобным» (Эндзелин 1911/1974: 171). В свою очередь, Мейе утверждает, что ни один из общих для балтийских и славянских языков признаков и элементов не может доказать существования в прошлом общего балто-славянского праязыка, так как часть общих языковых элементов образовалась ещё в индоевропейском, другие же появлялись в обеих языковых группах параллельно, но независимо друг от друга (Боголюбова, Якубайтис 1959: 353; Meillet 1908: 40–48). Правда, термин «праязык» в этом контексте не использовал и Эндзелин, совершенно недвусмысленно отказавшись от него в опубликованной в 1922 г. по-немецки «Латышской грамматике»: «Из всех ветвей <индоевропейского древа. — О. Б.> к балтийской наиболее близка славянская, однако всё же невозможно постулировать особый балто-славянский праязык, вероятно лишь эпоха тесных взаимосвязей» (Endzelin 1922: 8).

В наши дни также большинство балтийских лингвистов (и археологов) объясняют родственную близость балтийских и славянских языков хотя бы отчасти как результат контактов, а не только как общее наследие. Этому вопросу посвящена обширная литература, здесь мы приводим лишь отдельные примеры. Согласно взглядам американского археолога литовского происхождения Марии Гимбутене, обобщённым П. У. Дини, «близкое языковое родство между балтийским и славянским может быть объяснено длительным периодом соседства балтов, живших в бассейне реки Припять в современной Белоруссии, и славян, занимавших юг Вольни, Подолии и среднее течение Днепра к югу от Киева» (Дини 2002: 40). Литовский лингвист Зигмас Зинкявичюс, отклоняющий гипотезу о балто-славянском праязыке, полагает, что балтийские и славянские языки произошли из различных диалектов индоевропейского праязыка (Zinkevičius 1984: 135), поскольку с гипотезой о балто-славянском праязыке не согласуется ни то, что среди балтийских языков уже очень давно наблюдаются большие различия и связи с праславянским языком проявляются у них по-разному, ни то, что между балтийскими и славянскими языками нет переходного диалекта; также и археологи не обнаруживают культуры, которую можно было бы связать с (гипотетическими) носителями балто-славянского праязыка (там же: 134).

Ещё больше гипотез существует о том, через какие стадии развития прошли диалекты индоевропейского праязыка, пока из них не образовались праязыки восточных и западных балтов. Согласно концепции В. Н. Топорова (к наиболее значительным её сторонникам принадлежит и археолог В. В. Седов (Sedovs 2004)), славянские языки произошли из

периферийного диалекта праязыка балтийского типа, так что, в сущности, праславянский язык произошёл из балтийского (или западнобалтийского) праязыка (Топоров 2006: 19–20). Существует также точка зрения (её представляет, например, хорватский индоевропеист Далибор Брозович²), согласно которой единого балтийского праязыка никогда не существовало и из диалектов индоевропейского праязыка одновременно образовались отдельные восточнобалтийский и западнобалтийский праязыки (американский языковед Харвей Майер, например, считает мифами и балто-славянский, и балтийский праязыки (Mayer 1981)). Кажется, что до сих пор не утратило актуальности заключение, сделанное более 60 лет назад Н. Д. Боголюбовой и Т. Якубайтис: «Обзорные важнейших трудов, касающихся балто-славянских языковых отношений, показывает, что вопрос об этих отношениях остаётся невыясненным» (Боголюбова, Якубайтис 1959: 375).

В традиционном, общепринятом перечне балтийских племён древней Латвии упоминаются четыре вышеназванных племени (народа) — латгалы, земгалы, селы и курши. В связи с этим можно сказать, что язык латышей до латышского языка, в первом тысячелетии нашей эры и в начале второго тысячелетия, существовал в виде латгальского, земгальского, селонского и куршского языков. Следует, конечно, иметь в виду, что названные племенные языки не были столь единым и компактным языковым феноменом, как нормированные, стандартизированные языки наших дней, например латышский литературный язык. Племенные языки (точно так же, как и их предшественники — праязыки различных уровней, в т. ч. индоевропейский праязык) существовали в форме диалектного континуума, т. е. «совокупности диалектов, образующих относительно единую языковую систему, хотя наиболее территориально удалённые друг от друга диалекты могут сильно различаться» (VPSV 2007: 89). Сильно различаться могли наиболее удалённые диалекты не только праязыков, но и племенных языков, поэтому традиционные представления об особенностях того или иного племенного языка не стоит интерпретировать слишком категорично.

Для истории племенных языков древних латышей существен вопрос, образовались ли они от латышского праязыка (если таковой когда-либо существовал) или развивались из восточнобалтийского или западнобалтийского праязыка. В этом вопросе языковеды также не пришли к единому мнению, существуют две диаметрально противоположные точки зрения (их изложение ниже основано на сделанном А. Брей-

² Его точка зрения была сформулирована в докладе на IX Международном съезде славистов в Киеве в сентябре 1983 г. (См. статью Brozović 1983: 6–7. — А. А., Н. С.)

даксом анализе (Braidaks 1999b/2007: 440–441), в котором, на наш взгляд, хорошо согласованы представления об истории древних балтов, сформированные в современном языкознании и археологии). Одни языковеды полагают, что все существующие формы латышского языка произошли от латышского праязыка. Авторами этой гипотезы были основоположники балтийского сравнительного языкознания Я. Эндзелин и К. Буга, их представления вписываются в «классическую» концепцию родословного древа языков: из латышского праязыка напрямую произошли диалекты и говоры современного латышского языка (Endzelīns 1916/1974: 561; Būga 1924b/1961: 102). Позднее Эндзелин несколько модифицировал гипотезу: не отказываясь от идеи латышского праязыка, он признал и существование в прошлом языков древнелатышских племён, которые рассматривал как промежуточную ступень между латышским праязыком и современными латышскими диалектами и группами говоров (Endzelīns 1951: 5–9). В 30-е гг. XX в. гипотезу о латышском праязыке поддерживал Петерис Шмитс (Šmits 1936: 71–72). Марта Рудзите, с одной стороны, признаёт роль древних племенных языков балтов в формировании латышского языка («Современный латышский язык <...> возник из слияния языков, на которых говорили известные по историческим источникам балтские племена — латгалы или латыши, селы, земгалы, а также курши, у которых свой язык был ещё в XVI веке» (Rudzīte 1993: 4)), однако указывает, что в своей работе она следует концепции Я. Эндзелина в вопросе об образовании латышского языка (там же: 5), то есть поддерживает гипотезу о существовании латышского праязыка.

В свою очередь, против вышеупомянутой гипотезы в 30-е гг. XX в. выступали Э. Блесе (Blese 1936: 54) и Ю. Плакис (Plāķis 1936: 46–49), а в 70–80-е гг. — А. Брейдакс. По мнению Брейдакса, несмотря на существование известного числа изоглосс, объединяющих языки древнелатышских племён, всё же нельзя, опираясь только на эти изоглоссы, постулировать существование латышского праязыка. «Латгальские и селонские говоры верхнелатышского диалекта сильно отличаются от нижнелатышских говоров. У латгальских и селонских говоров в отличие от составляющих основу латышского литературного языка земгальских и видземских говоров среднего диалекта совершенно другая фонетическая и фонологическая система. <...> Многие особенности латгальских и селонских говоров в принципе невозможно вывести из так называемого латышского праязыка» (Braidaks 1999b/2007: 440).

Надо признать, что и дискуссия о принадлежности языка того или иного балтийского племени (в особенности куршского и земгальского) к западнобалтийским или восточнобалтийским, довольно активно протекавшая в балтистике последние 50 лет, в значительной мере потеряла бы смысл, если бы эти языки a priori счита-

лись наследниками латышского праязыка (если только — вопреки традиционному, ставшему практически аксиомой, отнесению латышского языка к восточнобалтийским — не считать его западнобалтийским (северозападнобалтийским), как предлагает уже цитированный ранее американский языковед Х. Майер (Mayer 1993)).

Из сравнительно недавних публикаций относительно полное описание каждого из четырёх упомянутых языков племён древней Латвии дано в обзоре исчезнувших балтийских языков В. Н. Топорова (2006: 21–35) (не включён, однако, латгальский язык), а также в двух литовских изданиях: более научно-популярного характера — в книге Й. Кабялки «Введение в балтийскую филологию» (Kabelka 1982: 63–107), более аналитическое — в 1-м томе многотомного исследования З. Зинкявичюса по истории литовского языка (Zinkevičius 1984: 341–377). В этих работах можно найти детальную информацию и о местах обитания балтских племён, и о реконструированных чертах их языков (в основном фонетических и лексических). На латышском выявленные особенности древних племенных языков охарактеризовал уже Я. Эндзелин (напр., Endzeliņš 1945/1982: 383–389); более полную и современную систематизацию их представил А. Брейдакс (Breidaks 1999a/2007); в латышском переводе доступна и книга П. У. Дини — тщательно составленное обобщение предыдущих исследований (Dini 2000: 239–240, 257–259, 262–264)³. Лаколичный обзор на трёх языках (латышском, литовском, английском) дан в проспекте «Атласа балтийских языков» (Mikulienė, Stafeca 2009), основная ценность его — в ссылках на новейшие исследования.

В отличие от языков прочих древнелатышских племён, куршский употреблялся ещё в относительно недавнее время — по-видимому, ещё в XVI в. Как отличающийся от других местных языков его упоминают несколько авторов XV–XVI вв., в том числе французский (по иным источникам — фламандский: см., напр., Bielenstein 1892: 129) рыцарь, путешественник и дипломат Жильбер⁴ де Ланнуа (Ghillebert⁴ de Lannoy), проезжавший через Ливонию в 1412 г. (во многих вторичных источниках указывается 1413–1414 гг.: Kabelka 1982: 68; Bielenstein 1892: 130–132)⁵ и в описании своего путешествия (Lannoy [1459]/1878: 20–49; Ланнуа 2015: 211–226) назвавший куршский наряду с земгальским, ливским и латышским языками: «Из Лива <совр. Лиепая> в Курляндии я

³ Русское издание: Дини 2002: 231–232, 248–250, 253–255, английское издание: Dini 2014: 295–297, 313–315, 318–320. — А. А., Н. С.

⁴ Распространённая, хотя и ошибочная (ввиду совокупности французских написаний — *Gilbert*, но также и *Guilbert*, *Guillebert* и вышеприведённое *Ghillebert*; см.: <http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb135961319>) передача имени *Гильбер*. — *Ред.*

⁵ Сам де Ланнуа действительно относит начало своей поездки в Восточную Европу к 1412 году, однако в современной историографии приняты поправки к да-

поехал в Ригу (Righe) в Лифляндии, через многие города, замки и командорства, также принадлежащие сеньорам Лифляндии. И, прежде всего, через Гробин (Gurbin) <совр. Гробиня>, который есть замок, потом через Голдингген (Guldinghe) <совр. Кулдига>, который есть укрепленный город, через Кандаву (Cando), замок, и другие города и замки в землях Курляндии и Самогитии, принадлежащие сеньорам Лифляндии. И через многие деревни земголы (Zamegaelz), куршей (Corres) и ливов (Lives), которые имели каждый свой язык»⁶ (Lannoy [1459]/1878: 29–30; Ланнуа 2015: 216). О том, что курши говорили на своём, непонятном остальным местным жителям языке, свидетельствуют и авторы конца XVI в., например, хронист Бальтазар Рюссов (Rüssow 1584/1848: 9; Рюссовъ 1879: 169)⁷. В свою очередь авторы XVII в. пишут уже, что курши говорят по-латышски. Суперинтендент Курляндии Пауль Эйххорн в своей «Истории Латвии» («Historia Lettica») 1649 г. говорит о том, что куршский и латышский являются одним и тем же языком («...ist die Curische und Lettische eine Sprache» (Einhorn 1649/1848: 580)). Правда, такое утверждение может отражать и то, что в документах XVI в. куршским языком иногда, как кажется, называют употреблявшийся в то время в Курляндии вариант латышского языка.

Куршский язык — единственный из языков древнелатышских племён, которому посвящена отдельная монография, «Die Kurenfrage» («Куршский вопрос») Валентина Кипарского (Kiparsky 1939). Этнолингвистическая принадлежность куршей долгое время была предметом научных дискуссий (см., напр., Buš 1985/2008), несмотря на то, что они играли достаточно заметную роль в раннесредневековый период истории Балтии (как первое в исторических источниках обычно называется упоминание куршей в написанном архиепископом Бремена и Габмурга Римбертом в IX в. житии его предшественника и учителя Ансария «Vita Anskarii»: здесь о куршах говорится в связи с миссионерской деятельностью описываемых им событий, сделанные Э. Гаше (Gachet 1843) и И. Лелевелем (Lelewel 1844) — см. критическое издание текста, осуществлённое Ш. Потвенном (Lannoy [1459]/1878). — *A. A., H. C.*

⁶ «De le Live, en Correlant, m'en allay à Righe, en Liuflant, par pluisieurs villes, chasteaux et commanderies, aussy appartenans aux seigneurs de Liuflant. Et premier par Gurbin qui est chastel, puis par Guldinghe qui est ville fermée, par Cando, chastel, et autres villes et chasteaux ou païs de Correlant et de Sammette, appartenans aux seigneurs de Liuflant. Et par pluisieurs villaiges des Zamegaelz, des Corres et des Lives, lesquelz ont chascun ung langaige à part eulz».

⁷ То же пишет и Кабялка (Kabelka 1982: 68), хотя Рюссов говорит о непонятности для эстов языка земли летов, а куршский язык упоминает лишь в числе языков, употребляемых народами Курляндии, — наряду с ливским и, в некоторых областях, литовским. — *A. A., H. C.*

ностью Ангария в Скандинавии (Rimbert 1884: 60; Римберт 2007: 63); однако Мария Гимбутене обнаружила упоминание куршей — *Cori*, *Chori* — уже в тексте VII в. (Gimbutiene 1963/1994: 15)⁸. Суть «куршского вопроса» в своё время состояла в том, являются ли упомянутые в исторических источниках курши балтами или финно-уграми? Существенный вклад в доказательство того, что курши были балтами, внёс Ян Эндзелин рядом своих публикаций во втором десятилетии XX в. (Endzeliņš 1911/1974; 1912/1974; Endzeliņš 1912/1974).

Однако неясностей в связи с куршами и их языком всё ещё предостаточно. Сравнительно простым представляется вопрос об этнической и языковой принадлежности тех куршей, которые упомянуты в исторических источниках. Уже a priori можно предположить, что не все эти «курши» говорили на куршском языке; исторические данные и археологические свидетельства также удостоверяют, что состав населения древней Куронии (лтш. *Kursa*) не был этнически однородным. Какие группы населения именуется куршами в исторических источниках XIII–XIV вв., в 1935 г. достаточно точно сформулировал археолог Эдуардс Штурмс. Он выделил три такие группы: 1) настоящие курши, балтское племя; 2) ассимилированные куршами ливы; 3) настоящие ливы Куронии, политически

⁸ Данное утверждение основано на ошибочном переводе оригинального английского текста М. Гимбутене в литовском издании её книги (Gimbutienė 1963/1985: 16) (и в переведённом с литовского латышском): на самом деле она говорит о том, что в скандинавских сагах упоминаются войны викингов с куршами, происходившие начиная с VII века: «The Curonians, a tribe on the Baltic Sea in the territory of present Lithuania and Latvia, are referred to as Cori or Chori in the Scandinavian sagas, which mention the wars between the Vikings and Curonia (Kurland) starting in the seventh century A.D.» (Gimbutas 1963: 24).

М. Гимбутене (в английском и русском вариантах — М. Гимбутас) имеет в виду созданную в XIII веке древнеисландскую сагу о Хервёр и Хейдрекке, в 15-й главе которой упоминается завоевание Курляндии и Эстонии легендарным конунгом Иваром Широкие Объятья: «Hann vann ok Danaveldi ok Kúrland, Saxland ok Eistland ok öll austrriki allt til Garðaríkis» (<http://norroen.info/src/forn/hervor/on.html>) ‘Он завоевал также Данию и Курланд, Саксланд и Эйстланд и все восточные страны до Гардарики’ (<http://norroen.info/src/forn/hervor/ru.html>). Б. Нерман относит военный поход и смерть Ивара к 675 году (Nerman 1929: 14), данную датировку (без ссылки на Нермана) повторяет Й. Кабялка (Kabelka 1982: 63). (Абсурдно указание VII века до н. э. в соответствующем месте русского перевода книги Гимбутас (2004: 27), в целом изобилующего неточностями и ошибками.)

Вместе с тем ошибка есть и у самой Гимбутене: в сагах курши называются *Kúrir* (Metzenthin 1941: 60), формы же *Cori*, *Chori* встречаются в латиноязычных источниках, впервые — в «Житии святого Ангария» (см. ссылку выше в тексте О. Бушса). — А. А., Н. С.

зависимые от куршей (Šturms 1935). Такую формулировку в общих чертах, по-видимому, можно считать весьма правдоподобной; о значительной доле ливов в населении древней Куронии может свидетельствовать также то, что скандинавские и немецкие источники называют куршей словом, имеющим финно-угорский облик, а именно основу *kur*⁹.

Более сложен всё ещё обсуждаемый исследователями вопрос о месте куршского языка среди балтийских языков. Ещё в 1912 г. Я. Эндзелин сформулировал положение о том, что курши говорили на диалекте, переходном между латышским и литовским языками (Endzelīns 1912/1974: 456). Эта формулировка повторяется также в его последующих работах и довольно часто встречается в публикациях лингвистов последней четверти XX в. (напр., Zinkevičius 1980: 38; Urbutis 1981: 135). Однако, как пишет Эндзелин, «мы знаем лишь малую толику фонетики, лексики и суффиксов куршского языка, а о склонении и спряжении в куршском нам вообще ничего не известно» (Endzelīns 1940/1980: 554), так что в действительности мы можем утверждать лишь то, что между латышским и литовским от куршского языка располагается именно эта «малая толика». Всегда следует помнить, что в данном сопоставлении фигурируют объекты разного типа: с одной стороны — два в полной мере доступных для научного изучения языка, с другой — та малость, которая нам известна об исчезнувшем языке, не оставившем надёжно идентифицируемых письменных памятников. Имея это в виду, упомянутое сопоставление нам следует воспринимать как образное выражение, которое в действительности означает лишь то, что одна небольшая часть элементов куршского языка соответствует литовскому языку, другая небольшая часть — латышскому, но самая большая часть нам вовсе неизвестна. Если же, напротив, в данном сопоставлении мы станем подразумевать куршский язык во всей его полноте, неизбежно появится необходимость признать приведённую формулировку гипотетической, ведь именно таковы и наши знания о куршском языке. Неслучайно Эндзелин, хотя и был, кажется, уверен в обоснованности этой гипотезы, обычно старался смягчать её категоричность словами «вероятно», «как бы», «будто» и проч.

Подобное расположение куршского языка между латышским и литовским просто автоматически заставляет рассматривать его как восточнобалтийский язык. Данная точка зрения и была долгое время главенствующей в балтистике. К. Буга первым показал, что по крайней мере некоторыми своими особенностями куршский язык более близок прусскому (то есть западнобалтийскому) языку (Būga 1924b/1961: 171–172); тем не менее в перечень восточнобалтийских народов он включает и куршей (там же: 236).

⁹ О вариантах корня этнонима *курши* см., напр., Дини 2000: 229.

Насколько известно, первым лингвистом, последовательно отстаивавшим мнение о принадлежности куршей к западным балтам, был Эрнест Блесе (некоторые историки и археологи пришли к подобному заключению ещё раньше (Bušs 1985/2008: 178)). Основываясь на куршско-пруссских параллелях в антропонимике, а также на выявленных другими лингвистами общих особенностях куршского и прусского и на археологических данных, Блесе заключает: «Древнекуршский язык <...> был ближе всего к древнепрусскому языку» (Blese 1929: 153), куршей «в основе своей следует признать западнобалтским племенем, подобно древним пруссам» (там же: 154). Несмотря на то, что Эндзелин весьма резко критиковал подобную трактовку куршского вопроса (Endzelin 1932/1980: 509–510), Блесе своих взглядов не изменил и в дальнейшем (Blese 1939: 38204). В 60-х гг. XX в. идею о западнобалтийском характере куршского языка в одном из докладов защищала Валлия Дамбе¹⁰. Эта идея, к сожалению, не нашла отражения в тезисах доклада (а развёрнутой публикации на эту тему, очевидно, так и не последовало), однако в них сказано следующее: «Нет достаточного основания для традиционного деления балтов на западных и восточных и для того, чтобы западными балтами считать только древних пруссов» (Дамбе 1964/2012: 390). Развитие балтистики в последующие пятьдесят лет достаточно убедительно показывает, что это утверждение Дамбе, по всей видимости, обоснованно.

В своём «Введении в балтийскую филологию», вышедшем в Вильнюсе в 1982 г., Й. Кабялка сначала в числе восточных балтов называет и куршей и лишь следом добавляет, что, по мнению В. Мажюлиса, исконно они принадлежали к западным балтам и только позднее (начиная примерно со второй половины I тыс. н. э.) их язык стал сближаться с диалектами восточных балтов (Kabelka 1982: 8). Аргументация В. Мажюлиса основывается на том, что между (в его терминологии) южными западнобалтийцами (пруссам и ятвягами) и северными западнобалтийцами (куршами) даже в XIII–XIV вв. не было существенных языковых различий в фонетике — за исключением куршского перехода *k, g* в *c, dz* перед передними гласными, который, однако, не может являться древним отличием от прусского (то, что это единственная фонетическая изоглосса, отличающая куршский язык от прусского, отмечал и Эндзелин (Endzelīns 1940/1980: 558); следует добавить, что, судя по топонимам Курляндии, эта изоглосса, хотя и считающаяся одной из самых характерных особенностей куршского языка, могла охватывать не все его говоры). То, что куршский язык был ближайшим родственником прусского языка, по мнению Мажюлиса, особенно наглядно показывает боль-

¹⁰ Доклад «О некоторых различиях латышского и литовского языков», прочитанный 27 ноября 1964 года в Вильнюсском государственном университете в рамках конференции, посвящённой вопросам истории балтийских языков.

шое число эксклюзивных (т. е. представленных только в куршском и прусском) лексических параллелей (Mažiulis 1981: 6).

Среди особенностей куршского языка, отличающих его от латышского (но сближающих его с прусским и литовским), чаще всего указывается и лучше всего изучено сохранение тавтосиллабического *n* в составе звуковых сочетаний *an*, *en*, *in*, *un* (перешедших в латышском соответственно в *uo*, *ie*, *ī* и *ū*) (Endzelīns 1912/1974: 460–464, на примере большого количества топонимов и имён нарицательных), ср., напр., лексические куронизмы *dzintars* ‘янтарь’, *menca* ‘треска’, топонимы *Sventāja*, *Landze* (Breidaks 1999a/2007: 582). Однако в Курляндии зафиксировано также много таких топонимов, которые в своё время позволили Юрису Плакису подвергнуть сомнению даже эту, «самую классическую» из приписываемых куршскому языку особенностей (Plāķis 1928). Правда, среди топонимов, использованных Плакисом в его аргументации (это в основном названия усадеб), достаточно много, по-видимому, относительно новых наименований, не связанных с наследием куршского языка. В целом следует признать, что сообщаемые топонимикой сведения о языках древнелатышских племён (в том числе и о языке куршей) действительно бывают противоречивы, а потому основанные на них категоричные утверждения могут не выдерживать проверку временем.

Среди фонетических особенностей, отличающих куршский язык от латышского, одна из важнейших — общий с древнепрусским языком и жемайтским диалектом литовского языка переход сочетаний согласных **tj*, **dj* в конце основы в палатализованные *t'*, *d'*, которые позднее, в латышской форме топонимов бывшей Куронии, преобразовались в палатальные *k*, *g*. Это можно увидеть на примере таких топонимов, как *Lipaiķi*, *Tadaiķi*, *Apriķi* (ср. зафиксированные в древних документах формы *Lippayten*, *Todayten*, *Apretten*, в основе которых лежат куршские варианты этих топонимов) (Breidaks 1999a/2007: 582).

Ещё несколько меньше, чем о куршском, нам известно о земгалском языке; иначе говоря, наши данные о нём ещё более гипотетичны. *Земгале* и *земгалы* упоминаются (в различных вариантах написания) в исторических источниках на протяжении весьма продолжительного периода, а именно с IX в. (правда, источник — датская хроника «*Annales Ryenses*» — признаётся не вполне надёжным¹¹, определённые сведения о земгалах встречаются в надписях на скандинавских рунических камнях XI в.¹²) по XV в. (последним свидетельством о существовании земгалского языка являются упоминавшиеся путевые заметки Жильбера⁴

¹¹ Консультация историка и археолога Андреяса Вакса.

¹² Об этнониме земгалов в надписях на скандинавских рунических камнях см. Butkus 1994.

де Ланнуа). Однако о языке земгалов мы можем судить лишь по древним именам собственным (в письменных источниках земгальских имён собственных сохранилось меньше, чем куршских топонимов и антропонимов) и некоторым особенностям говоров латышского и литовского языков, зафиксированным на территории, некогда населённой земгалами. Таким образом, известных нам лингвистических фактов, связанных с земгальским языком, немного, к тому же нередко они весьма противоречивы (это относится и к данным о языках прочих древнелатышских племён). В связи с этим и место земгальского среди балтийских языков исследователи определяют по-разному. А. Биленштейн считал земгальский язык диалектом латышского языка (Zinkevičius 1984: 355)¹³, большая же часть современных исследователей (по свидетельству З. Зинкявичюса) признают земгальский отдельным восточнобалтийским языком, который, по мнению одних, был более близок к латышскому языку, по мнению других — к литовскому. Несколько модифицируя эту формулировку, Зинкявичюс пишет, что одни особенности земгальского языка сближают его с латышским языком, другие — с литовским, третьи — с западнобалтийскими языками (там же: 356) (однако даже с таким некатегоричным утверждением согласились бы не все балтисты). Зинкявичюс считает также, что земгальский язык был самым архаичным из языков балтийских племён Ливонии (Zinkevičius 1996/2002: 135).

Пожалуй, самой известной из приписываемых земгальскому языку особенностей является анаптика, т. е. вставка краткого гласного за тавтосиллабическим сочетанием с *r* или (реже) *l*, например *zir^ags* ‘конь’ (лтш. *zirgs*), *var^ana* ‘ворона’ (лтш. *vārna*), *vil^aks* ‘волк’ (лтш. *vilks*); ср. также упомянутое в документе 1271 г. название *Terevethene* — совр. Тервете, (лтш. *Tērvete*) (Bredaks 1999a/2007: 583). Анаптика или её следы сохранились в группе земгальских говоров нынешнего среднелатышского диалекта, которую обычно так и называют — «земгальские говоры с анаптикой»¹⁴; она занимает большую часть ареала распространения земгальских говоров. Однако на севере и востоке этого ареала находится довольно широкая область говоров, в которых анаптика не зафиксирована. Возможно, что в этих периферийных (в отношении земгальского языка и его наследия) говорах по какой-то причине — например, из-за межплеменных языковых контактов — анаптика исчезла раньше (хотя обычно архаичные черты лучше сохраняются именно на окраине

¹³ Зинкявичюс не даёт ссылки на конкретную работу Биленштейна, но, по-видимому, подразумевает раздел о национальности земгалов из Bielenstein 1892: 146–167 (см. особенно с. 146–147, 159–160, 162). — А. А., Н. С.

¹⁴ Список этих говоров см., напр., Dambe 1960/2012: 372, расположение на одной из новейших карт — BVA 2009: 137.

языкового ареала). Однако более вероятным представляется то, что, несмотря на свою характерность, анаптика относилась к тем особенностям земгальского языка, которые не охватывали всей заселённой земгалами территории даже во времена его «золотого века».

Среди балтистов нет единого мнения и о некоторых других особенностях земгальского языка, используемых обычно при характеристике балтийских языков. Так, например, традиционно считалось (и считается), что в земгальском языке тавтосиллабические сочетания с *n*, т. е. *an*, *en*, *in*, *un* преобразовались, соответственно, в дифтонги *uo*, *ie* и долгие гласные *ī*, *ū*. В подтверждение этого приводится написание ряда топонимов Земгале в документах на латинском и средненижнемецком языках, относящихся к XIII–XIV вв.: *Mytowe*, *Mithovia*, *Mitowe*, *Mitovia* ‘Митава’ (совр. Елгава), ср. лит. *Mintaujā* ‘то же’; *Slok*, лтш. *sloka* ‘вальдшнеп’, ср. лит. *slánka* ‘то же’. Отмечается также, что заднеязычные *k*’ и *g*’ перед гласными переднего ряда в земгальском языке перешли в аффрикаты *c* и *dz*, ср. *Autzis* (совр. *Auce*) (Breidaks 1999a/2007: 583–584). Оба описанных фонетических процесса, таким образом, аналогичны тем, результаты которых наблюдаются в современном латышском языке.

Однако, как только что говорилось, существует и иная точка зрения. В течение последних пятидесяти лет наиболее значимые новаторские идеи в области исследования и оценки земгальского языка высказали латышский ономаст Валлия Дамбе и литовский балтист Витаутас Мажюлис. Так, В. Дамбе, основываясь на изучении топонимов Земгале, в особенности Блиденской волости, пришла к заключению, что у земгалов, «как у литовцев и древних пруссов, но в отличие от латышей и куршей, на месте *k*’ и *g*’, кажется, были *ḳ* и *g̣* вместо ожидаемых *c* и *dz*», а также, что «у земгалов, точно так же, как у литовцев, древних пруссов и куршей, но в противоположность латышам, возможно, сохранился тавтосиллабический *n*» (Dambe 1959/2012: 69)¹⁵. Оба этих вывода имеют большое значение при определении места земгальского языка среди западно- или восточнобалтийских языков, хотя сами по себе и не дают скольконибудь ясного ответа на проблемные вопросы, а лишь показывают, что окончательный ответ неочевиден. В свою очередь, В. Мажюлис в докладе на конгрессе балтистов 1980 г. (официально тогда называвшемся всесоюзной конференцией) высказал мнение о том, что существуют достаточные основания говорить о западнобалтийской природе не только куршей, но и земгалов: в тезисах доклада как западнобалтийский однозначно рассматривается куршский язык, земгальский же (и селонский) характеризуется как его ближайший родственник (Mažiulis 1980: 55).

¹⁵ Более полную характеристику особенностей земгальского языка см. Дамбе 1962/2012: 102–111.

Возможны два основных объяснения разногласий по поводу фонетических особенностей земгальского языка. Во-первых, не исключено, что многие из проанализированных лингвистами топонимов Земгале (и особенностей земгальских говоров латышского языка) на самом деле вовсе не отражают черт земгальского языка, а имеют неземгальское происхождение. Во-вторых, кажется (и в большинстве случаев это наиболее вероятно), что разногласия лингвистов отражают действительную неоднородность земгальского языка — как ареальную, диалектную, так и временную (земгальский язык, судя по всему, существовал более пятисот лет, а в течение такого периода в любом языке — тем более бесписьменном — могут произойти значительные изменения).

Ещё меньше в нашем распоряжении достоверных (и не столь достоверных) данных о селонском языке и этносе. Правда, гипотетические селы могут быть упомянуты раньше других балтийских племён: на одной из римских карт III или IV в. (сохранились только копии X–XII вв.) обозначена река *Fluvius Sellianus* (то есть Селонская река), впадающая в Балтийское море; высказывались предположения, что под ней могла подразумеваться Даугава (но это действительно только предположения) (Sabaliauskas 2002: 97). С этим хорошо согласуется гипотеза археолога Эдуардса Штурмса, согласно которой селы были древнейшим балтийским населением восточной Видземе и восточной Земгале (в I–VI вв., до латгалов) (Šturms 1939: 38065). Однако селы уже довольно рано (до XIV в.) в южной части своей территории слились с литовцами, а в северной части не позднее XIV в. ассимилировались с латгалами (Zinkevičius 1984: 359); как пишет Альгирдас Сабалияускас, следует полагать, что в середине XIV в. на селонском языке никто уже не говорил (Sabaliauskas 2002: 96). Поскольку сохранившихся следов селонского языка совсем немного, мнения исследователей о характере селонского языка сильно различаются. К. Буга, который, вероятно, более других исследовал свидетельства о селонском языке (он сам происходил из той области Литвы, где в древности жили селы), считал, что селонский язык был близок куршскому. Он писал, что селы и курши принадлежали к одной народности, о чём свидетельствует целый ряд языковых фактов (Būga 1924b/1961: 282), например общность топонимов. С учётом всех диалектных и топонимических данных, которые были собраны в Селии после цитированной публикации (см., напр., Ancītis 1977; Poiša 1985; 1999; Indāne 1986; Kušķis 1967) и свидетельствуют о самобытности селонского идиома, следует всё же, по-видимому, признать утверждение К. Буги излишне категоричным. Так, Я. Эндзелин в данном случае не был согласен с К. Бугой, считая, что между селонским и куршским языками вовсе нет никакой особенной общности: «Кто знаком с говорами Курземе и

Селии, тот знает, что разница между ними очень велика, и у них, кажется, совсем нет таких особенностей, которые теперь отделяли бы их от других латышских говоров» (Endzelīns 1924/1979: 662). В свою очередь, В. Мажюлис, как уже было сказано, на новом витке развития исторического языкознания снова приближается к точке зрения К. Буги и считает селонский язык близкородственным куршскому (Mažiulis 1980: 55).

Обширное исследование, частично посвящённое селам и их языку, опубликовал В. Н. Топоров (2004); правда, в центре внимания этого исследования находится этноним «сёлы», а реконструируемые особенности селонского языка рассмотрены в меньшей степени (о них Топоров написал подробнее в уже упомянутом обзоре вымерших балтийских языков: Топоров 2006). Попытка реконструкции фонологической системы селонского языка представлена в статье Симаса Каралюнаса (Karaliūnas 1972); как наследие селонского языка особенности современных селонских говоров латышского языка склоняется пояснять (хотя и очень осторожно) Марта Рудзите (1980).

Среди фонетических отличий селонских говоров латышского языка от общелатышского языка больше всего бросается в глаза своеобразие слоговых интонаций и вокализма. Однако А. Брейдакс в числе признаков, ретроспективно приписываемых селонскому языку, особенностей слоговых интонаций не упоминает (Breidaks 1999a/2007: 584–585). З. Зинквичюс же осторожно пишет, что характерной особенностью селонского диалекта латышского языка является восходящая интонация на месте прерывистой интонации других верхнелатышских говоров и что в появлении этой (восходящей) интонации многие склонны видеть влияние ассимилированных с латышами селов (Zinkevičius 1984: 362); впрочем, следует ли поэтому считать, что восходящая интонация была уже в селонском языке, не совсем ясно (и вряд ли это будет когда-либо однозначно установлено). Из особенностей вокализма стоит отметить, что в селонском языке, так же как в восточной разновидности (диалекте?) языка латгалов, гласные переднего ряда *i*, *e*, *ē* в определённых позициях переходили в гласные среднего ряда *u*, *a*, *ā* — ср. зафиксированный в письменных источниках XIV в. топоним *Barsone* в восточной Видземе (в современном общелатышском языке *Bērzaune*) (Breidaks 1999a/2007: 584).

Говоря о наиболее существенных чертах консонантизма, следует упомянуть, что в селонском языке, так же как в латгальском, земгальском, куршском, прусском и ятвяжском, шипящим *š*, *ž* литовского языка соответствуют свистящие *s*, *z* — ср. селонское (зафиксированное в нескольких древних памятниках) название реки *Vesinte*, *Wesinte*, *Vesyten* и литовское *Viešintà*, селонское *Zálvas* (озеро на северо-востоке Литвы) и литовское название реки *Žalvė* (там же: 585).

Довольно много разногласий и дискуссий было о судьбе тавтосиллабического сочетания с *n* в селонском языке. К. Буга считал, что балтийские тавтосиллабические сочетания с *n* здесь сохранились неизменными, обосновывая свою точку зрения топонимами Селии (например, *Swenten, Randen* в немецкой записи) и областными словами селонского происхождения в литовском языке (например, *puñdzis* ‘ёрш’ < селонское **punzis*) (Būga 1924b/1961: 276–278). Я. Эндзелин допускает, что упомянутый тавтосиллабический *n* мог сохраниться лишь в части населённых селами области, поскольку «упомянутое в конце одного документа конца XIV века название реки *Vesyten* (совр. лтш. *Viesīte*, лит. *Viešintà*) в Селии ведь является, вероятно, селонским и в данном случае указывает по крайней мере на то, что не все селы сохранили тавтосиллабический *n*» (Endzelīns 1951: 9) (N3! очередное напоминание, на этот раз в формулировке Я. Эндзелина, что языки древнелатышских племён не были однородными образованиями). В свою очередь, К. Буга в ответ на часто используемый в дискуссиях «аргумент Виесите» (т. е. использованную и Эндзелином ссылку на древний, без *n*, вариант написания этого топонима) возражал, что немцы, авторы документа, услышали этот вариант не непосредственно от селов, а — ещё до завоевания Селии — от носителей языка какого-то другого древнелатышского племени (Būga 1924b/1961: 278). А. Брейдакс, фактически обобщая результаты прежней дискуссии, пишет, что в северном диалекте селонского языка сочетания кратких гласных с тавтосиллабическим *n*, видимо, перешли в дифтонгоиды **i^e*, **ū^o* и долгие гласные *ī*, *ū*, а в южном диалекте, на котором говорили на северо-востоке современной Литвы, эти сочетания с тавтосиллабическим *n* сохранились (Breidaks 1999a/2007: 585). Таким образом, о тавтосиллабических сочетаниях с *n* (т. е. *an, en, in, un* перед согласным) в языках батийских племён Ливонии можно сказать, что они, по видимому, сохранились в большей части говоров куршского языка, отдельных говорах земгальского языка и части говоров селонского языка.

Как ни парадоксально, о древнем периоде развития латгалского языка тоже можно высказать не так уж много достоверных суждений, хотя название этого языка теснее всего связано с этнонимом латышей. Судя по данным исторических источников и результатам археологических исследований, латгалы населяли наиболее обширную территорию из всех древнелатышских племён (территория куршей не намного меньше, но она не полностью принадлежит Латвии, далеко вдаваясь в современную Литву); правда, Э. Штурмс считает, что латгалы в VI–VII вв. пришли в места, ранее населённые селами (Šturms 1939: 38065). Археолог Эвалдс Мугуревичс, основываясь в особенности на характере могильников конца железного века, считает, что в XII в. земли латгалов охватыва-

ли современную Латгалию, а также восточную и среднюю части Видземе — к западу простираясь приблизительно до меридиана, проходящего через Цесис (Mugurēvičs 1999: 54, рис. 6). В балтистике сильна традиционная точка зрения, что древние латгалы были единым племенем и назывались также латышами. Это мнение основывается на исторических источниках XIII–XVI вв. (хрониках и других документах), «в которых этнонимы *latgali* ‘латгалы’ и *latvieši* ‘латыши’ и названия земель *Latgale* ‘Латгалия’ и *Latvija* ‘Латвия’ используются как синонимы и относятся также к основному населению средней части Видземе и к самой средней части и юго-востоку Видземе до места впадения Даугавы в море. Так, например, в Ливонской хронике Генриха Латвийского (XIII в.) написано: *Letthos qui proprie dicuntur Lettgalli* ‘латышей, которые правильнее называются латгалы’... *Letthi vel Lettgalli* ‘латыши, или латгалы’...» (Breidaks 1999b/2007: 443). Однако уже К. Буга в своё время (судя по опубликованной им в 1924 г. карте расселения балтийских племён в VI в.)¹⁶ считал возможным одновременное существование двух отдельных племён — латгалов и латышей, обозначая их по соседству на территории современных Литвы и Беларуси (Būga 1924a/1961: 732). На другой карте, изображающей расположение балтийских племён в XIII в., К. Буга обозначает уже только латышей — в средней части Видземе и в Латгалии, латгалы не упоминаются (там же: 739). Это дало Марте Рудзите основание писать: «Возникает вопрос, были ли упомянутые в древних хрониках латгалы, или латыши, монолитным племенем в языковом смысле, действительно ли латыши не отделимы от латгалов, как думал К. Буга» (Rudzīte 1964: 30). В свою очередь, Антонс Брейдакс эту мысль о двух предполагаемых балтийских племенах — латышах и латгалах — отвергает, напоминая, что этнонимы *латгалы* и *латыши* (в разных языках и вариантах написания) «во всех источниках XIII–XVI вв. даны как синонимы для названия одного этноса. Поэтому данными синонимами нельзя подтвердить существование двух отдельных племён — латгалов и латышей» (Breidaks 1999b/2007: 444). В то же время А. Брейдакс, утверждая существование одного (а не двух) племени латгалов, тем не менее признаёт, что язык этого племени был сильно дифференцирован по диалектам и что диалект западных латгалов уже в XIII–XIV вв. сильно отличался от диалекта восточных (Breidaks 1999a/2007: 586).

¹⁶ Эта карта была создана почти столетие назад, современные данные о древней истории балтских племён не во всём совпадают с представлениями К. Буги (ср. карту «Народы, жившие в древней Латвии в XII в.», основанную на последних археологических исследованиях: Mugurēvičs 1999: 54), однако она по-прежнему интересна как первая попытка картографически отразить столь давние судьбы предков латышей, основанная на данных языкознания и гениальной интуиции.

Следует согласиться, что само по себе употребление упомянутых синонимов без дополнительных аргументов ничего доказать не может. Мысль, что древние латгалы не были «монолитным племенем в языковом смысле», лучше всего подтверждают данные более поздних времён и современных диалектов: на бывшей территории древней Латгалии, или Латвии, позже говорили на двух диалектах: во всей современной Латгалии, Селии и на востоке Видземе — на верхнелатышском диалекте, а в средней части Видземе, в Земгале и на юго-западе Курземе — на среднем. Йонас Кабялка указывает на интересный факт, что восточные соседи, русские, знают (т. е. знали в древности) только латгалов, тогда как пришедшие с запада немцы в первую очередь упоминают латышей и только потом латгалов; Й. Кабялка считает возможным, что латгалы составляли часть латышей, ту, представители которой жили на востоке (Kabelka 1982: 88).

Однако очень серьёзного внимания заслуживает ещё одна трактовка возможной неоднородности древних латгалов, связанная с разъяснением лингвогенеза говоров средней части Видземе. Возможно, что носители этих говоров — потомки земгалов и диалекты средней части Видземе являются продолжением языка земгальского племени. (Между прочим, земгальский язык на пути из Риги в Нарву, то есть, по-видимому, в Видземе, слышал и Жильбер⁴ де Ланнуа; на том же отрезке пути он слышал также язык ливов, латышей (*les Loches*¹⁷) и эстонцев (Lanno [1459]/1878: 32; Ланнуа 2015: 217); основываясь на свидетельствах этого путешественника, можно сделать вывод, что в XV в. среди жителей Видземе ещё были земгалы и что в это время слияние древнелатышских племенных союзов, вернее, их потомков, в единую латышскую народность ещё не завершилось (Cimermanis 1995: 26).) Такой взгляд на роль племенного языка земгалов в генезисе видземских говоров среднего диалекта «хорошо согласуется с научной интерпретацией материалов археологии, диалектологии и топонимии. Это новое предположение в этногенезе латышей высказывали Х. Моора, Я. Граудонис, В. Дамбе и, в конечный период своей научной деятельности, также Я. Эндзелин» (Breidaks 1999b/2007: 443). В работе «Латышский язык в Видземе» Я. Эндзелин пишет: «Тот язык, который можно услышать в средней части Видземе и особенно на юго-западе, довольно близок языку, на котором говорят в бассейне земгальской Лиелупе. Различий немного, и можно представить, что когда-то их не было вовсе. <...> Представляется поэтому, что в древности в средней части Видземе проживало то же самое племя, что и в бассейне Лиелупе» (Endzelīns 1954/1980: 479–480).

Правда, может быть, вовсе и нет необходимости предполагать отсутствие в прошлом различий между языками, на которых говорили в сред-

¹⁷ О форме этого этнонима см. Bankavs 1998: 55–56.

ней части Видземе и Земгале. Для примера можно упомянуть, что и в настоящее время существуют довольно большие различия между говорами севера и юга Латгалии (это хорошо видно по многочисленным картам «Диалектологического атласа латышского языка» (LVDA 1999) и «Атласа балтийских языков»; например, карта обозначений понятия 'облако' показывает, что в северной Латгалии используются слова *tūce, debeši, mākulis*, а в южной — *tūcis, tuča* (BVA 2009: 141)), однако это не мешает считать верхнелатышский диалект относительно единым лингвистическим феноменом, одной и той же разновидностью латышского языка. Как уже говорилось выше, все племенные языки балтов Ливонии бытовали в виде диалектных континуумов, они не были и не могли быть настолько едиными, как те современные языки, которые обладают стандартизированной литературной формой. Очевидно, что и у куршского, и у земгальского, и у селонского, и у древнелатгальского языков было много территориальных вариаций, и вполне возможно, что конкретные характерные особенности, которые мы сегодня почти без сомнений приписываем тому или иному из этих языков, вовсе не охватывали все его говоры (уже говорилось, что в своё время ещё Юрис Плакис, опираясь на топонимические данные, поставил под сомнение, что тавтосиллабические сочетания с *n* являются надёжным признаком куршского языка (Plāķis 1928)).

Помимо автономных процессов, связанных с внутренней ареальной дифференциацией языков древнелатышских племён, определённое (и не малое) влияние на развитие того или иного диалекта или говора племенного языка в некотором специфическом направлении оказали также языковые контакты, и в особенности контакты с языками проживавших на территории Латвии финно-угорских племён (ливов, эстонцев). Письменные свидетельства о ливах в Видземе появляются, правда, сравнительно поздно — на рубеже XII и XIII вв. (Auns 1994: 7), а о ливах в Курземе данных нет ещё и в источниках XIII в. (там же: 15), однако археологические памятники, в первую очередь характерные для финнов Балтийского моря каменные могилы, говорят о присутствии финно-угорского этноса в Видземе уже с раннего железного века (I–V вв.) (Tenisons 1994: 24). Возможно, следует считать этот этнос общим предком ливов и южных эстонцев (там же: 31). Датированные началом первого тысячелетия каменные погребения найдены также в северной Курземе (там же: 25). Если формирование латышского языка мы территориально связываем с Видземе (и Земгале), то вполне достоверным представляется, что финно-угорские заимствования, констатируемые в современном общелатышском, или литературном, языке, своим происхождением в основном обязаны финно-угорскому этносу Видземе, то есть видземским ливам или их предкам. К этим заимствованиям относится около 150 слов

финно-угорского происхождения (Kagainė 2004: 15), в том числе такие принадлежащие к лексическому ядру языка слова, как *vai* ‘разве; ли’, *vajadzēt* ‘быть нужным’, (*iet*) *bojā* ‘гибнуть’ (Karulis 1992 I: 138; II: 466, 472), а также структурные и семантические финно-угризмы, например замена глагольных приставок постпозитивными наречиями: *pārraut* > *raut pušu* ‘разрывать’ и т. п. (Raģe 1973/2003: 249) (см. также, напр., Endzelīns [1951]/1980). О том, что финно-угры, по крайней мере в немалой части Видземе, были коренными жителями до балтских племён, свидетельствуют и древнейшие топонимы, в первую очередь гидронимы, например рёки *Jugla*, *Pededze*, *Salaca*, озёра *Lilastes ezers*, *Viešurs*. Язык курземских ливов, в свою очередь, повлиял в основном на говоры латышского языка северной Курземе («тамские говоры»). Куршские заимствования в ливском языке — например, *loīga* ‘лишний’, *koidas* ‘бёрдо (приспособление для ручного ткачества)’ — могли бы, как считал уже Я. Эндзелин, свидетельствовать о довольно тесных контактах между курземскими ливами и куршами (Endzelīns [1951]/1980: 424–425), — если только непосредственным источником этих заимствований не является куршский субстрат тамских говоров¹⁸ (см. также Bušs 1994/2008).

Исходя из тех крупиц знаний о племенных языках балтов Ливонии, которыми мы располагаем, в частности из того, что позволяет установить ретроспективный взгляд на диалекты современного латышского языка, можно (уточняя вышеизложенное) высказать гипотезу, что язык латышей до латышского языка существовал как единство земгальского языка и лингвистически очень близких ему западнолатгальских говоров (в связи со следами земгалов, зафиксированными в Видземе, мысль о значительной роли земгальского языка в становлении среднего диалекта латышского языка, а вместе с тем и общелатышского языка, уже в 1962 г. высказала и В. Дамбе (1962: 111)). Западные латгалы в исторических источниках названы также латышами (от этого корня могло быть образовано и самоназвание данной этнической группы), однако с точки зрения языка более точным, возможно, было бы обозначение «северные земгалы»: кажется, что в языковом отношении земгалы и западные латгалы были намного ближе между собой, чем западные и восточные латгалы. (Из других формулировок взаимосвязи балтийских племенных языков и латышского языка относительно недавняя принадлежит З. Зинкявичюсу: по его мнению, «латышский язык следует считать продолжением языка латгалов (а не земгалов!), на который очень сильное архаизирующее влияние оказал субстрат более архаичного земгальского языка» (Zinkevičius 1996/2002: 139)).

¹⁸ По-видимому, имеются в виду тамские говоры, возникшие на куршском субстрате. — А. А., Н. С.

В свою очередь вариант куршского языка, на котором говорили в северной части древней территории куршей, был ассимилирован латышским языком, и его элементы сохранились в латышском как субстрат. Возможно, что то же можно сказать и о селонском языке, хотя надёжно идентифицируемых фактов селонского языка слишком мало, чтобы утверждать что-либо категорично. Наконец, лингвистическое наследие (восточных) латгалов, очевидно, наиболее прямо отражается в современном верхнелатышском диалекте.

Если изложенная трактовка истоков латышского языка оказалась бы близкой к правде и если серьёзного анализа заслуживает гипотеза о западнобалтийском характере земгальского (и, возможно, даже селонского) языка, тогда вполне логичной была бы и уже упомянутая мысль Х. Майера о принадлежности латышского к западнобалтийским языкам. Неожиданная и поразительная на первый взгляд, она заслуживала бы если не безоговорочного признания, то по крайней мере тщательной оценки доводов, выдвинутых для её обоснования. (Правда, объём фактов, использованных в аргументации Х. Майера не так велик, чтобы с его помощью можно было доказать эту гипотезу, однако достаточен, чтобы продемонстрировать, что в классификации балтийских языков ещё не все вопросы решены окончательно.)

ЛИТЕРАТУРА

- Боголюбова, Якубайтис 1959 — *Н. Боголюбова, Т. Якубайтис*. История разработки вопроса о балто-славянских языковых отношениях // *Rakstu krājums veltījums akadēmiķim profesoram Dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei* / Atb. red. E. Sokols. Rīga, 1959.
- Гимбутас 2004 — *М. Гимбутас*. Балты. Люди янтарного моря / Пер. с англ. С. Фёдорова. М., 2004.
- Дамбе 1962/2012 — *В. Ф. Дамбе*. Исследования по вопросам топонимики Латвийской ССР. Доклад на соискание учен. степени кандидата филол. наук. Рига, 1962. (Цит. по: *V. Dambe. Darbu izlase*. Rīga, 2012.)
- Дамбе 1964/2012 — *В. Дамбе*. О некоторых различиях латышского и литовского языков // Конференция по вопросам истории балтийских языков. 19–21 ноября 1964 года: программа и тезисы докладов. Вильнюс, 1964. (Цит. по: *V. Dambe. Darbu izlase*. Rīga, 2012.)
- Дини 2002 — *П. У. Дини*. Балтийские языки. М., 2002.
- Ланнуа 2015 — *Д. Н. Черкасов*. Жильбер де Ланнуа и его «*Voyages et ambassades*» // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: Науч. сб. Вып. 8. Минск, 2015.
- Римберт 2007 — *В. В. Рыбаков*. Римберт. Житие святого Ансария // Швеция и шведы в средневековых источниках. М., 2007.

- Рудзите 1980 — *М. К. Рудзите*. К вопросу о селах на правобережье Даугавы // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов / Отв. ред. С. Цимерманис. Рига, 1980.
- Рюссовъ 1879, 1880 — *Бальтазаръ Рюссовъ*. Ливонская хроника // Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. II. Рига, 1879. Т. III. Рига, 1880.
- Топоров 2004 — *В. Н. Топоров*. Еще раз о неврах и селах в общебалтийском этноязыковом контексте (народ, земля, язык, имя). Из истории и.-евр. **neur-* : **nour-* и **sel-* // *Onomastica Lettica*, 2. Rīga, 2004.
- Топоров 2006 — *В. Н. Топоров*. Балтийские языки // *Языки мира*. Балтийские языки. Москва, 2006.
- Эндзелин 1911/1974 — *И. М. Эндзелин*. Славяно-балтийские этюды. Харьков, 1911 (Цит. по: *J. Endzelīns. Darbu izlase*. II sēj. Rīga, 1974.)
- Ancītis 1977 — *K. Ancītis*. *Aknīstes izloksne*. Rīga, 1977.
- Arbusow 1923 — *L. Arbusow*. Kirchliches Leben der Rigaschen Losträger im 15. Jahrhundert. // *Latvijas Universitātes Raksti*, VI. Rīga, 1923.
- Augstkalns 1935/2009 — *A. Augstkalns*. Pirmie latviešu teksti un grāmatas (...1530–1630...) // *Latviešu literatūras vēsture*. 6 sēj. / virsredaktors L. Bērziņš. Rīga, 1935–1937. 2. sēj. Rīga, 1935. (Цит. по: *A. Augstkalns. Darbu izlase*. Rīga, 2009.)
- Auns 1994 — *M. Auns*. Lībieši rakstīto vēstures avotu ziņās (līdz 13. gadsimtam) // *Lībieši*. Sast. K. Boiko. Rīga, 1994.
- Bankavs 1998 — *A. Bankavs*. Franču rakstu avoti par lietuviešiem, latviešiem un igauņiem // *Baltistica*. V priedas. Vilnius, 1998.
- Beekes 1995 — *R. S. P. Beekes*. *Comparative Indo-European Linguistics: An Introduction*. Amsterdam / Philadelphia (PA), 1995.
- Bielenstein 1892 — *A. Bielenstein*. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. St. Petersburg, 1892.
- Blese 1929 — *E. Blese*. Latviešu personu vārdu un uzvārdu studijas. I. Vecākie personu vārdi un uzvārdi. (13.–16. g. s.). Rīga, 1929.
- Blese 1936 — *E. Blese*. Latviešu valodas attīstības posmi // *Latvieši*. I. d. / Fr. Baloža un P. Šmita red. (2. revidēts iespiedums.) Rīga, 1936.
- Blese 1939 — *E. Blese*. Senprūšu valoda // *Latviešu konversācijas vārdnīca*. 19. sēj. Rīga, 1939.
- Breidaks 1999a/2007 — *A. Breidaks*. Ievads baltu valodniecībā. 2. daļa. Daugavpils, 1999. (Цит. по: *A. Breidaks. Darbu izlase*. 1. sēj. Rīga, 2007.)
- Breidaks 1999b/2007 — *A. Breidaks*. Latviešu valodas dialektu un izlokšņu grupu cilme un teritoriālā izplatība // *Latvijas zemju robežas 1000 gadus* / Sast. A. Caune. Rīga, 1999. (Цит. по: *A. Breidaks. Darbu izlase*. 2. sēj. Rīga, 2007.)

- Brozović 1983 — *D. Brozović*. O mjestu praslavenskoga jezika u indoevropskome jezičnom svijetu // *Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru*, 21–22. Razdio filoloških znanosti, 12–13. Zadar, 1981/1982, 1982/1983.
- Būga 1924a/1961 — *K. Būga*. Aisčių praeitis vietų vardų šviesoje // *Lietuva*, 1924, nr. 35, 36: то же (с картами): *K. Būga*. Aisčių praeitis vietų vardų šviesoje. Kaunas, 1924. (Цит. по: *K. Būga*. Rinkiniai raštai. Т. III. Vilnius, 1961.)
- Būga 1924b/1961 — *K. Būga*. Lietuvių tauta ir kalba bei jos artimieji giminaičiai // *K. Būga*. Lietuvių kalbos žodynas. Kaunas, 1924. (Цит. по: *K. Būga*. Rinkiniai raštai. Т. III. Vilnius, 1961.)
- Bušs 1985/2008 — *O. Bušs*. Kuršu valoda mūsdieniu zinātnes skatījumā // *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. Rīga, 1985. Nr. 2. (Цит. по: *O. Bušs*. No ģermānismiem līdz superlatīvam. Rīga, 2008.)
- Bušs 1994/2008 — *O. Bušs*. Daži kursismi lībiešu valodā // *Starptautiska zinātniskā konference „Lībieši un viņu kultūra: mazo etnosu valodas un kultūras saglabāšanas teorija un prakse“*. Referātu tēzes. Mazirbe, 1994. (Цит. по: *O. Bušs*. No ģermānismiem līdz superlatīvam. Rīga, 2008.)
- Butkus 1994 — *A. Butkus*. Ziemgalos vardas skandināvų runomis // *Baltistica*, XXIX⁽¹⁾. Vilnius, 1994.
- BVA 2009 — *Baltu valodu atlants. Prospekts / Sast. D. Mikulēnienē, A. Staķecka*. Rīga; Vilnius, 2009.
- Cimermanis 1995 — *S. Cimermanis*. Ceļavārdi // *A. Spekke*. Latvieši un Livonija 16. gs. Rīga, 1995.
- Dambe 1959/2012 — *V. Dambe*. Blīdienes vietvārdi kā pagātnes liecinieki // *Rakstu krājums veltījums akadēmiķim profesoram Dr. Jānim Endzelīnam viņa 85 dzīves un 65 darba gadu atcerei / Atb. red. E. Sokols*. Rīga, 1959. (Цит. по: *V. Dambe*. Darbu izlase. Rīga, 2012.)
- Dambe 1960/2012 — *V. Dambe*. Zemgalisko izlokšņu intonācijas // *Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. Rīga, 1960. Nr. 12. (Цит. по: *V. Dambe*. Darbu izlase. Rīga, 2012.)
- Dini 2000 — *P. U. Dini*. Baltu valodas. Rīga, 2000.
- Dini 2014 — *P. U. Dini*. Foundations of Baltic languages. Vilnius, 2014.
- Einhorn 1649/1848 — *P. Einhorn*. Historia Lettica. Das ist Beschreibung der Lettischen Nation... Dortp, 1649. (Цит. по: *Scriptores rerum Livonicarum*, Bd. II. Riga und Leipzig, 1848.)
- Endzelin 1912/1974 — *J. Endzelin*. Über die Nationalität und Sprache der Kuren // *Finnisch-ugrische Forschungen*. Helsingfors, 1912. Bd. XII. (Цит. по: *J. Endzelins*. Darbu izlase. II sēj. Rīga, 1974.)
- Endzelin 1922 — *J. Endzelin*. Lettische Grammatik. Riga, 1922.
- Endzelin 1932/1980 — *J. Endzelin* [Рец. на:] E. Blese. Latviešu personu vārdi un uzvārdi studijas. I. Vecākie personu vārdi un uzvārdi // *Zeitschrift für*

- slavische Philologie. Bd. IX. Leipzig, 1932. Н. 1/2. (Цит. по: *J. Endzelīns. Darbu izlase, III sēj. 2. d. Rīga, 1980.*)
- Endzelīns 1911/1974 — *J. Endzelīns. Ventas vārds un kūru tautība [Valodas sīkumi, 2.] // Dzimtenes Vēstnesis, 1911, № 43 (22. febr. (7.) mart.).* (Цит. по: *J. Endzelīns. Darbu izlase. II sēj. Rīga, 1974.*)
- Endzelīns 1912/1974 — *J. Endzelīns. Par seno kursu (jeb kuršu) tautību un valodu // Druva, 1912, nr. 5.* (Цит. по: *J. Endzelīns. Darbu izlase. II sēj. Rīga, 1974.*)
- Endzelīns 1916/1974 — *J. Endzelīns. Par inflantiešiem un viņu izloksni // Dzimtenes Vēstnesis, 1916, № 229 (6. (19.) okt.).* (Цит. по: *J. Endzelīns. Darbu izlase. II sēj. Rīga, 1974.*)
- Endzelīns 1924/1979 — *J. Endzelīns. [Рец. на:] К. Бūга. Lietuvių kalbos žodynas. I sąsiuvinis. Kaunas, 1924 // Filologu biedrības Raksti. IV. Rīga, 1924.* (Цит. по: *J. Endzelīns. Darbu izlase, III sēj. 1. d. Rīga, 1979.*)
- Endzelīns 1938/1981 — *J. Endzelīns. Latviešu valodas skaņas un formas. Rīga, 1938.* (Цит. по: *J. Endzelīns. Darbu izlase, IV sēj. 1. d. Rīga, 1981.*)
- Endzelīns 1940/1980 — *J. Endzelīns. [Рец. на:] Die Kurenfrage von V. Kiparsky // Filologu biedrības Raksti. XX. Rīga, 1940.* (Цит. по: *J. Endzelīns. Darbu izlase. III sēj. 2. d. Rīga, 1980.*)
- Endzelīns 1945/1982 — *J. Endzelīns. Ievads baltu filoloģijā. Rīga, 1945.* (Цит. по: *J. Endzelīns. Darbu izlase. IV sēj. 2. d. Rīga, 1982.*)
- Endzelīns 1948/1982 — *J. Endzelīns. Baltu valodu skaņas un formas. Rīga, 1948.* (Цит. по: *J. Endzelīns. Darbu izlase. IV sēj. 2. d. Rīga, 1982.*)
- Endzelīns 1951 — *J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīga, 1951.*
- Endzelīns [1951]/1980 — *J. Endzelīns. Par latviešu un lībiešu valodas savstarpējo ietekmi // Baltistica, VI₍₁₎. Vilnius, 1970.* (Цит. по: *J. Endzelīns. Darbu izlase. III sēj. 2. d. Rīga, 1980.*)
- Endzelīns 1954/1980 — *J. Endzelīns. Latviešu valoda Vidzemē // Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Valodas un literatūras institūta Raksti, III. Rīga, 1954.* (Цит. по: *J. Endzelīns. Darbu izlase. III sēj. 2. d. Rīga, 1980.*)
- Gachet 1843 — *E. Gachet. Examen critique des Voyages et Ambassades de Guillebert de Lannoy. 1399–1450. Bruxelles, 1843.*
- Gimbutas 1963 — *M. Gimbutas. The Balts. London, 1963.*
- Gimbutienė 1963/1985 — *M. Gimbutienė. Baltai priešistoriniai laikais. Vilnius, 1985.*
- Gimbutiene 1963/1994 — *M. Gimbutiene. Balti aizvēsturiskajos laikos. Etnoģenēze, materiālā kultūra un mitoloģija. Rīga, 1994.*
- Indāne 1986 — *I. Indāne. Dignājas izloksne. Rīga, 1986.*
- Kabelka 1982 — *J. Kabelka. Baltų filologijos įvadas. Vilnius, 1982.*
- Kagainė 2004 — *E. Kagainė. Leksiskie somugrismi latviešu valodas Ziemeļrietumvidzemes izloksnēs. Rīga, 2004.*

- Karaliūnas 1972 — *S. Karaliūnas*. Sėlių kalba // Mokslas ir Gyvenimas. Vilnius, 1972. Nr. 1.
- Karulis 1992 — *K. Karulis*. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. I–II sēj. Rīga, 1992.
- Kiparsky 1939 — *V. Kiparsky*. Die Kurenfrage. Helsinki, 1939.
- Kušķis 1967 — *J. Kušķis*. Dažas sēļu valodas vokālisma īpatnības pēc mūsdienu latviešu valodas sēlisko izlokšņu materiāliem // Latviešu valodas apcerējumi. Rīga, 1967. (Latvijas Valsts universitātes Zinātniskie raksti. 60. sēj., 9. A laidieni)
- Lannoy [1459]/1878 — Œuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste; recueillis et pub. par Ch. Potvin, avec des notes géographiques et une carte par J.-C. Houzeau. Louvain, 1878. (Русский перевод: Ланнуа 2015)
- Lelewel 1844 — *J. Lelewel*. Gilbert de Lannoy i jego podróże. Poznań, 1844.
- LVDA 1999 — Latviešu valodas dialektu atlants. Leksika / Sast. B. Bušmane, B. Laumane, A. Stafecka, darba zin. vad. B. Laumane. Rīga, 1999.
- Mayer 1981 — *H. E. Mayer*. Two linguistic myths: Balto-Slavic and Common Baltic // *Lituanus*. Chicago, 1981. T. 27, № 1.
- Mayer 1993 — *H. E. Mayer*. West Baltic Latvian / East Baltic Lithuanian // *Lituanus*. Chicago, 1993. T. 39, № 3.
- Maziulis 1980 — *V. Mažiulis*. Baltų kalbų giminystės santykiai // IV Vissavienības baltistu konference. 1980. g. 23.–25. septembrī. Referātu tēzes. Rīga, 1980.
- Maziulis 1981 — *V. Mažiulis*. Apie senovės vakarų baltus bei jų santykius su slavais, ilirais ir germanais // Iš lietuvių etnogenezės / Ats. red. R. Volkaitė-Kulikauskienė. Vilnius, 1981.
- Meillet 1908 — *A. Meillet*. Les dialectes indo-européens. Paris, 1908.
- Metzenthin 1941 — *E. M. Metzenthin*. Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941.
- Mikulēnienė, Stafecka 2009 — *D. Mikulėnienė, A. Stafecka*. Dzīvās un mirušās baltu valodas = Gyvos ir mirusios baltų kalbos // BVA 2009 (То же по-английски: Living and extinct Baltic languages // BVA 2009)
- Mugurēvičs 1999 — *Ē. Mugurēvičs*. Novadu veidošanās un to robežas Latvijas teritorijā (12. gs. — 16. gs. vidus) // Latvijas zemju robežas 1000 gados / Sast. A. Caune. Rīga, 1999.
- Nerman 1925 — *B. Nerman*. Die Verbindungen zwischen Skandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit. Stockholm, 1929.
- Ozols 1965 — *A. Ozols*. Veclatviešu rakstu valoda. Rīga, 1965.
- Plāķis 1928 — *J. Plāķis*. Vai tautosillabiskais voc. + N (+ cons.) savienojums ir kuršu valodas iezīme? // Latvijas Universitātes Raksti, XVII. Rīga, 1928.
- Plāķis 1936 — *J. Plāķis*. Baltu tautas un ciltis // Latvieši. 1. d. / Fr. Baloža un P. Šmita red. (2. revidēts iespiedums.) Rīga, 1936.

- Poiša 1985 — *M. Poiša*. Vidzemes sēliskās izloksnes, I. Rīga, 1985.
- Poiša 1999 — *M. Poiša*. Vidzemes sēliskās izloksnes, II. Rīga, 1999.
- Pokrotiece 2012 — *K. Pokrotiece*. Grēki un parādi — pamest vai piedot? (Ieskats latviešu senajās tēvreizēs) // *Baltistica*. VIII priedas. Vilnius, 2012.
- Raģe 1973/2003 — *S. Raģe*. Ko latviešu valoda mantojusi no baltu un somu senajiem sakariem // *Zinātne un Tehnika*. 1973. Nr. 2. (Цит. по: *S. Raģe*. Darbu izlase. Rīga, 2003.)
- Rimbert 1884 — Vita Anskarii auctore Rimberto. Accedit Vita Rimberti / Rec. G. Waitz. Hannoverae, 1884. (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae Historicis recusi.)
- Rudzīte 1964 — *M. Rudzīte*. Latviešu dialektoloģija. Rīga, 1964.
- Rudzīte 1993 — *M. Rudzīte*. Latviešu valodas vēsturiskā fonētika. Rīga, 1993.
- Rüssow 1584/1848 — *Chronica Der Provintz Lyfflandt: darinne vermeldet werdt, Wo dath sülvice Landt ersten gefunen unde thom Christendome gebracht ys...* Dorch Balthasar Russowen. Bart, 1584. (Цит. по: *Scriptores rerum Livonicarum*. Bd. II. Riga und Leipzig, 1848.) (Русский перевод: Рюссов 1879, 1880.)
- Sabaliauskas 2002 — *A. Sabaliauskas*. Mes baltai. Vilnius, 2002.
- Sedovs 2004 — *V. Sedovs*. Balti senatnē. Rīga, 2004.
- Šmits 1936 — *P. Šmits*. Valodas liecības par senajiem baltiem // *Latvieši*. I. d. / Fr. Baloža un P. Šmita red. (2. revidēts iespiedums.) Rīga, 1936.
- Šturms 1935 — *E. Šturms*. Die vorgeschichtlichen Probleme des Kurenlandes // *Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga*. Vorträge vom Januar bis November 1934. Riga, 1935.
- Šturms 1939 — *E. Šturms*. Sēļi // *Latviešu konversācijas vārdnīca*. Rīga, 1939. 19. sēj.
- Tenisons 1994 — *Ē. Tenisons*. Arheologu domas par lībiešu izcelsmi // *Lībieši*. Sast. K. Boiko. Rīga, 1994.
- Urbutis 1981 — *V. Urbutis*. Baltų etimologijos etiudai. Vilnius, 1981.
- VPSV 2007 — *Valodniecības pamatterminu skaidrojošā vārdnīca* / Atb. red. V. Skujiņa. Rīga, 2007.
- Zinkevičius 1980 — *Z. Zinkevičius*. Kalbotyros pradmenys. Kaunas, 1980.
- Zinkevičius 1984 — *Z. Zinkevičius*. Lietuvių kalbos istorija. Kn. I: Lietuvių kalbos kilmė. Vilnius, 1984.
- Zinkevičius 1996/2002 — *Z. Zinkevičius*. Par latviešu valodas cilmi // *Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis*. Serija A. Rīga, 1996. 50. sēj., 4./5. nr. (Цит. по: *Z. Zinkevičius*. Rinktiniai straipsniai, I. Vilnius, 2002).

*Перевод с латышского
Н. В. Алпатьевой, Е. С. Афонина, А. Е. Сапожниковой
под редакцией А. В. Андропова и Н. В. Супрунчука.*

О. БУШС

Latvija* и *latvieši*: происхождение названий***Latvija* и *latvieši* в письменных источниках**

Столь знаменательное для нас слово *Latvija* ‘Латвия’ в своей сегодняшней форме с точки зрения истории — совсем новое: оно вошло в латышский язык во второй половине XIX в. Заглянув в атлас, изданный на латышском языке 150 лет назад (Atlass 1861: 8), мы увидим, что в то время слово *Latvija* ‘Латвия’ в картографии ещё не употреблялось. Мы находим Видземе (которая административно является Лифляндской губернией и включает в себя больше половины территории Эстонии), Курземе и Витебскую губернию. *Vidzeme* ‘Видземе’, *Kurzeme* ‘Курземе’ и *Igauši zeme* ‘земля эстонцев’ (северная Эстония) на карте представлены под общим названием «Gubernijas pie Austruma — jeb Baltas — jūras» ‘Губерний у Восточного, или Балтийского, моря’.

Правда, это вовсе не значит, что само понятие «Латвия» является столь новым в истории. Уже по меньшей мере с XVIII в. хорошо известны обозначения *Latvju zeme* и *Latviešu zeme* ‘земля латышей’, их оба в свой словарь включил Гётхард Фридрих Стендер (как в латышско-немецкую, так и в немецко-латышскую часть) (Stender 1789 I: 134, 377, II: 390, 745). В свою очередь, в XVII в. авторы словарей отдавали предпочтение словосочетанию *Latviska zeme* ‘Латышская земля’: на страницах своих лексикографических трудов его поместили Георг Манцель (Mancelius 1638: 387) и Иоганнес Лангий (Langius 1685/1936: 135). Стоит оговориться, правда, что единой точки зрения на этнические границы «Латышской земли» не было. Так, например, курляндец И. Лангий данное обозначение относил только к Курляндии (Karulis 1992 I: 506).

Как ни парадоксально, название нашей страны, точно соответствующее современному, впервые, по известным данным, было зафиксировано не в латышском, а в литовском языке, причём уже в XVII в. — в анонимной рукописи немецко-литовского словаря, где (с. 59) *Liefland* переводится как *Latwija* (а *Lieflander* — как *latwys*) (Lexicon Lithuanicum 1987: 260–261)¹. В XIX в. об этом литовском слове писала еженедельная газета балтийских немцев «Das Inland»: «...*Lette* по-литовски называют *Latwys* и *Lettland* — *Latwija* <...> Литовец от наименования *Latwys* образовал название земли, в которой тот живёт, — *Latwija*» (Inland 1837:

* Оригинал статьи на латышском языке: O. Bušs. *Latvija un latvieši: vārdu cilme // Akadēmiskie raksti 4 sējums „Latvieši un Latvija“*. I sēj. „Latvieši“. Rīga, 2013, 15.–29. lpp.

¹ За указание на этот источник благодарю рецензента статьи Петериса Ванагса.

735–736; Kabelka 1982: 86). В литовском языке, таким образом, данное слово, как считает и Константин Карулис, могло появиться самостоятельно, по собственной словообразовательной модели литовского языка (Karulis 1992 I: 507). Закреплению слова *Latvija* в латышском языке поспособствовали младолатыши. Поначалу, правда, Юрис Алунас в 1857 г. образовал неологизм *Latva* (Klaustiņš, Švābe 1933–1934: 20319) (который, на самом деле, возможно, и не стоит считать неологизмом: это слово указывается и как одно из возможных древних названий области, населённой латышами (Zinkevičius 1984: 363), на мысль о его древности наводит очевидное заимствование его в польский язык в качестве названия Латвии: *Łotwa*). Тогда же для названий иностранных государств было рекомендовано использовать производные с исходом на *-ija*, и, например, в упомянутом атласе 1861 г. мы находим много таких образований (*Zviedrija* ‘Швеция’, *Norvegija* ‘Норвегия’, *Danija* ‘Дания’, *Britanija* ‘Британия’, *Francija* ‘Франция’, *Italija* ‘Италия’, *Turcija* ‘Турция’ и др.). Очевидно, этот образец способствовал созданию по аналогии и более современного названия земли латышей. Самое раннее употребление слова *Latvija* ‘Латвия’ в латышском тексте, по данным К. Карулиса, встречается в газете «Pēterburgas Avīzes» в 1862 г. (Pēterburgas Avīzes 1862: 52; Karulis 1992 I: 507). (К сожалению, в нашем распоряжении нет ни полного корпуса латышского письменного языка XIX в., ни достоверной инвентаризации употреблений слов, поэтому мы вынуждены ссылаться лишь на единичные наблюдения лингвистов.) Слово *Latvija* использовали, например, Атис Кронвалдс и Эрнстс Динсбергс, но наибольшие заслуги в его популяризации принадлежат, по-видимому, Аусеклису (Karulis 1992: 507) и, возможно, также Андрейсу Юрьянсу, который помог стихотворению Аусеклиса «Latvijā» ‘В Латвии’ стать песней²:

<i>Latvijas kalnājos, Latvijas lejās</i>	‘На возвышенностях Латвии, на равнинах Латвии
<i>Krūfīs man atdzīvo brīvības gars;</i>	В моей груди оживает дух свободы,
<i>Redzu tur vīrus kā ozolus zeļam,</i>	Вижу там мужчин, подобных зеленеющим дубам,
<i>Meitas kā liepas kuplojam...</i>	Девушек, похожих на пышные липы...?.

Гораздо более древним, чем название *Latvija* ‘Латвия’, является лежащий в основе данного слова этноним — *latvi* (*latvieši*) ‘латыши’. В письменных источниках на латышском языке оба этих синонимичных обозначения латышей — *latvi* и *latvieši* — впервые появляются почти одновременно — в середине и во второй половине XVII в. В 1648 г. в

² Впервые прозвучала на IV Всеобщем празднике латышских песен и музыки в Елгаве 17 июня 1895 г. (Bērzkalns 1965: 173–174, 186). — А. А., Н. С.

честь визита польского короля Владислава IV Вазы в Вильно профессор поэтики, риторики и теологии Виленской иезуитской академии Ян Хондзыньский (Chądzyński)³ подготовил и опубликовал сборник на 18 языках «Ver Lukiskanum» 'Лукишская весна' (Лукишкес — селение в пригороде Вильно в XVII в., теперь — микрорайон Вильнюса) (Rukša 1967: 219). В сборник включено и латышское четверостишие, которое начинается словами *Starpan to lele meže tas Latwis dzywoiams* 'Среди большого леса живёт латыш' (Ver Lukiskanum 1648: [11]). С точки зрения латышского языка текст четверостишия содержит немало ошибок, по мнению Юргиса Герулиса; его автор был немцем с весьма посредственными знаниями латышского (Gerullis 1927: 11).

Это пока самое раннее употребление слова *latvis* 'латыш' из обнаруженных в памятниках письменности. Лишь год отделяет его от упоминания в тексте Пауля Эйхорна (Einhorn 1649/1848: 581; Karulis 1992 I: 506). В свою очередь Георг Элгер — первый лексикограф, который включил слово *latvis* 'латыш' в словарь — в своём польско-латинско-латышском словаре он относит его к жителю Лифляндии (Ливонии): *Inflanczyk. Livo. Latwis* (Elger 1683: 116; Karulis 1992 I: 506).

Г. Элгеру было известно и слово *latvietis* или, по крайней мере, форма множественного числа этого слова, которую он использовал в сочетании *latviešu zeme* 'земля латышей', имея в виду Видземе (*Inf-lanty. Livonia. Wyddu zemme, latwæszu zemme*) (Elger 1683: 116); однако понятие *latviešu (valoda)* 'латышский (язык)' в названии его словаря по-латышски обозначено не при помощи какого-либо производного от слов *Livo* или *Livonia* 'Ливония', а словом *Lottavicum*.

Подобно Г. Элгеру и некоторые другие авторы того времени называли латышами (*latvi, latvieši*) только жителей более близких к себе и более знакомых регионов Латвии. Например, курляндец И. Лангий, как было уже упомянуто, считал «Латышской землёй» (*Latviska zeme*) Курляндию и снабдил этот этноним в своём словаре соответствующим уточнением: *Latwissis (Kursneeks)* 'Латыш (житель Курземе)' (Langius 1685/1936: 135).

В этой связи понятно, почему, уже говоря о Г. Элгере, было важно особо отметить приоритет формы множественного числа. В рукописи латышско-немецкого словаря Кристофера Фюрекера (год его завершения неизвестен, поэтому необходимо напомнить годы хотя бы годы жизни автора: ок. 1615–1684/5) тоже фиксируется форма единственного чи-

³ Имя Хондзыньского в издании не указано; считая его автором, А. Рукша, по-видимому, опирается на сопоставление с приписываемым Хондзыньскому аналогичным сборником «Floræ Lukiscanæ amœnitas» (Вильнюс, 1639) (Estreicher 1896: 140). — А. А., Н. С.

сла этнонима *Latweesis* (Fürecker 1997: 124). Хотя К. Фюрекер и считается одним из лучших знатоков латышского языка среди авторов XVII в., представляется вполне возможным, что и он, и И. Лангий всё-таки ошибались, образовывая форму единственного числа от, по всей видимости, более знакомой им формы множественного числа *latvieši* (или от родительного падежа множественного числа *latviešu*). Вполне вероятно, что индивидуальная идентификация с данным этнонимом ещё не была так очевидна, как сейчас, и употребление единственного числа было относительно редким (для типичного этнонима как единицы ономастической лексики вообще первична форма множественного числа). Форма единственного числа *Latweetis* — наряду с перенятой из словаря Лангия *Latwissis* — обнаруживается в рукописи анонимного словаря конца XVII в. «Manuale Lettico-Germanicum», к тому же со ссылкой на упомянутую рукопись словаря Фюрекера (!) (Manuale... 2001: 251).

Заметим, что в корпусе старолатышских текстов единственная правильная с современной точки зрения форма единственного числа данного этнонима встречается в обращении *Mīlais latvieti!* ‘Дорогой латыш!’ из предисловия к катехизису 1778 года (Vārdi... 1778: 3)⁴. На самом деле, аналогичное обращение было использовано уже во вступлении к первому изданию перевода Нового Завета в 1685 г. (вступление датировано 4 мая 1685 г.)⁵ (Tas Jauns Testaments 1685: III, IV).

Конечно, не следует придавать слишком большого значения годам первых фиксаций слов *latvis*, *latvietis* ‘латыш’ в печатных или рукописных текстах, поскольку ясно, что в латышской устной речи эти слова (или другие близкие им этимологические варианты, например *latgalis* ‘латгал’) существовали намного раньше. Они просто не попали в немногие памятники письменного латышского языка XVI в., поэтому нам приходится довольствоваться теми свидетельствами, которые предоставляют древние источники на иностранных языках.

Самые ранние фиксации — в древнерусских летописях — сохранили опосредованные свидетельства о вышеупомянутом сложном слове *latgalis* ‘латгал’ (*latgaļi* ‘латгалы’). В «Повести временных лет» (первая редакция написана в начале XII в., но включает и фрагменты текста, датируемые XI веком) упоминается древнее латгальское племя *Лотыгола* (Karulis 1992 I: 505; ПВЛ 1950: 10), в Новгородской первой летописи несколько раз, начиная с 1200 г., встречается форма *Лотыгола* (в различных падежах) (НЛ 1950: 45, 66, 78; Blese 1933–1934: 20272; Braidaks 1998/2007: 541, 550). Классик литовского языкознания Казимир Буга считал,

⁴ http://www.korpuss.lv/senie/context.jsp?structure=LR&source=Lodl778_WTMD&page=3&row=1&wordform=Latweeti.

⁵ Автор вступления — переводчик Библии Эрнст Глюк. — А. А., Н. С.

что в основе слова *Лотыгола* была старолатышская праформа **Latvigala*, и сравнивал её с названием литовской деревни *Latvìgala* или *Latvùgala* в Радвилишкском приходе недалеко от Биржая (*Būga* 1923/1961: 629) (эта деревня *Latvùgala* находится совсем рядом с современной границей Латвии, в настоящее время входит в Папильское староство (*Papilio seniūnija*)⁶ Биржайского района). В другом письменном памятнике древнерусского языка — в договоре Полоцка и Риги 1264 г. — упоминается *Лотыгольская земля* (Напьерский 1867: II^a; Blese 1933–1934: 20272).

В древнерусских источниках события на балтийских землях, в том числе этнические процессы на территории современной Латвии, освещаются как бы со стороны. Намного ближе к эпицентру событий был автор Хроники Ливонии (иначе — Хроники Генриха Латвийского), написанной на латинском языке. Он впервые упоминает латышей, описывая события 1206 г. (X, 3): *Lethos, qui proprie dicuntur Lethigalli* ‘лэттов, собственно называемых лэтигаллами’ и несколькими строками ниже *Lethi vel Letthigalli* ‘Лэтты же или лэтигаллы’ (Хроника Ливонии 1938: 282, 283, 96). В этом же году употреблено и название края *Letthigallia* (X, 15) (там же: 293), но в 1208 г. обозначение края изменяется на *terra Letthorum* (XII, 6) ‘земля лэттов’ (там же: 307, 120). Позднее «Летгале» больше не встречается в тексте хроники, остались только *Leththia*, *Letitia*. Также этноним «летгалы» больше в тексте не используется, в дальнейшем упоминаются только *Leththi*, *Lethti*, *Letti*. Ближе к концу хроники появляется формула *Lyvonia et Leththia*, resp. *Lyvones et Lethti* (например, XIII, 4) (там же: 313), в 1225–1226 г. *Letthia* (XXIX, 3) (там же: 437), *Letthorum provincia* (XXIX, 7) (там же: 441) уже трактуется лишь как область Ливонии (Kabelka 1982: 85)⁷.

Множество раз наша земля упоминалась в документах Папской канцелярии (на латинском языке): вначале как *Ливония*, а в 1210 г. впервые как *Livonia seu Lettia* ‘Ливония или Летия’ (Kabelka 1982: 85). В свою очередь, в письменных источниках на немецком языке, например в Ливонской рифмованной хронике, употребляется этноним *Letten*, рядом перечислены также земгалы (*Semegallen*), селы (*Sēlen*) и курши (*Kūren*) (*Livländische Reimchronik* 1998: 48–49, строки 342, 333, 337, 358). Следовательно, «летами», так же как и в ранее упомянутых исторических документах на древнерусском и латинских языках, было названо то балтское племя, к которому относилось и обозначение «латгалы» (и эквиваленты этого обозначения в других языках)⁸. В хронике, между

⁶ <http://lt.wikipedia.org/wiki/Latvygala>.

⁷ Ср., однако, формулировку Хроники: «*pertransiens Lyvoniā, venit in Letthorum provinciam et de Letthis in Sackalam*» (‘проехав через Ливонию, он прибыл в область летов, а от летов в Сакалу’). — *A. A., H. C.*

прочим, даётся совсем короткая характеристика «летов», с которой могли бы (и хотели бы) связать свою идентичность и латыши XIX–XX вв.:

<i>dā nâch liet ein ander lant,</i>	<i>ir wîb sint wunderlîch gestalt</i>
<i>die sint Letten genant.</i>	<i>und haben selzêne cleit.</i>
<i>die heidenschaft hât spêhe site,</i>	<i>sie rîten als ir vater reit.</i>
<i>sie wonet nôte ein ander mite,</i>	<i>der selben her hât grôze macht,</i>
<i>sie bûwen besunder in manchen walt.</i>	<i>wenne sie zû samene werden brâcht</i>

(Livländische Reimchronik 1998: 48, строки 341–350).

В относительно вольном переводе Валдиса Бисениекса (там же):

<i>Aiz sēļu zemes robežas</i>	‘За границей земли селов
<i>letu zeme atrodas.</i>	находятся земли летов.
<i>Savādi tie savā garā:</i>	Странны они по духу своему:
<i>nedzīvo tie vienā barā,</i>	не живут они толпой,
<i>bet savrup mēžos mājas cēļ.</i>	а строят отдельно дома в лесу.
<i>To sievas daiļas zied un zeļ,</i>	Их прекрасные женщины цветут и хорошеют,
<i>tām krâšņi tērpi, stalta stāja,</i>	у них одежды пышные и стройный стан,
<i>tās zirgā jā, kā tēvi jāja.</i>	они скачут на лошадях, как скакали отцы.
<i>Ir letu pulki spēcīgi,</i>	Полки летов сильные,
<i>kad kopā tie ir pulcēti</i>	когда вместе они собираются’.

Возвращаясь к древним свидетельствам на других языках о названиях *latvieši* и *Latvija*, нужно упомянуть также польские источники, в которых ещё в XVI в. (в Польской хронике Матвея Меховского) как синонимы употребляются обозначения *Łothwa seu Łothigoła* ‘Латвия или Латгалия’ (Kabelka 1982: 86)⁹. Между прочим, первое из них как обозначение Латвии сохранилось в польском языке до наших дней почти без изменений (лишь незначительно скорректировано написание: *Łotwa*).

Происхождение слова *latvieši*

Как мы видим, обозначение нашего народа в различных версиях и с двумя вариантами корня (*lat-* и *let-*) было хорошо известно другим народам, может быть, уже в XI в. или, по крайней мере, в начале XII в. Это

⁸ Об этнониме *латгалы* в памятниках латышской письменности см. (Baldunčiks 2012: 18–19).

⁹ По-видимому, Й. Кабялка (и вслед за ним О. Бушс) ошибочно указывает в качестве источника «Польскую хронику» («*Chronica polonorum*» 1519, 1521) Матвея Меховского. Данные названия другими авторами цитируются по его «*Descriptio Sarmatarum*» (1517, 1521): «*Łothwa seu Lothihola*» (с. [61]; *Miechovita* 1521b/1936: 185). В «Польской хронике» встречается лишь название «*Łotihali*» (*Miechovita* 1521a: XL). — А. А., Н. С.

позволяет считать, что соответствующее самоназвание использовалось какое-то время до этого — вполне возможно, и даже очень вероятно, уже в первом тысячелетии. Факты латышского языка таких древних времён сохранились только в топонимах, в основном гидронимах, то есть в названиях водоёмов (рек, озёр и т. п.), которые особенно устойчивы; некоторые гидронимы относятся к самым древним языковым памятникам. Поэтому с помощью гидронимов можно более успешно решать ту или иную историческую языковую загадку, более точно проследить превратности судьбы или этимологии некоторых слов.

Также и происхождение нашего главного слова — слова *latvieši* — большинство лингвистов, серьёзно задумывавшихся об этом, — начиная уже с классиков балтийской филологии Казимира Буги и Яна Эндзелина — связывают с гидронимами, а именно с названиями рек. Более того, ещё раньше, ещё до появления сравнительно-исторического языкознания и научной этимологии, в XVIII в., Якоб Ланге, лексикограф и в конце жизни суперинтендент Лифляндии, связывает слово *latvieši* с названием реки *Late* в восточной части Видземе (в рукописи его немецко-латышского и латышско-немецкого словаря — *Lata, Latava*)¹⁰ (Lange 1777 I: 373, s. v. *Lette oder Latte*; II: 170, s. v. *Latte*; Karulis 1992 I: 505). Как ориентир нахождения этой реки или ручья сам Ланге указывает литовскую границу («litauische Grenze»)¹¹, однако Эндзелин объясняет, что под ней, вероятно, имеется в виду граница между Видземе и Латгале, поскольку Латгале в своё время принадлежала Польше, и для сравнения упоминает *Latupi* (а также название усадьбы *Latupes*) в Леясциемской волости (ME II: 425, s. v. *Late*). Эта *Latupe*, приток Гауи, — единственный гидроним, который включён Эндзелином в словарную статью *lat-ciemieši* (то есть в число топонимов с корнем *lat-*) в книге «Latvijas PSR vietvārdi» ‘Топонимические названия Латвийской ССР’ (Endzelīns 1961: 266). Река *Latupe* отмечена и в современном справочнике гидронимов, где она определяется как левый приток Гауи в Гулбенском районе, без указания протяжённости (Avotiņa, Goba 1986 II: 35). Отсутствие данной информации, согласно предисловию издания (Avotiņa, Goba 1986 I: 4), значит, что составителю длина реки не была известна, и позволяет косвенно сделать вывод, что это совсем небольшая речка.

Указанное обстоятельство вынуждает скептически рассматривать этот гидроним — название небольшого ручья — как основу для образования слова *latvieši* (или *latgaļi*) (хотя полностью исключать такую воз-

¹⁰ См. Zemzare 1961: 152, о самих рукописях — там же: 130–131. — А. А., Н. С.

¹¹ В немецко-латышской части словаря Ланге указывает не литовскую, а польскую границу («polnische Grenze»), что говорит в пользу предполагаемой Эндзелином границы Видземе и Латгале. — А. А., Н. С.

можность нельзя). Однако нет никакой необходимости упорно придерживаться изложенной гипотезы (связанной с *Latupe* Леясциемской волости) как единственно возможной, особенно принимая во внимания тот факт, что к концу первого тысячелетия данный регион находился на периферии населённой балтийскими племенами территории¹². Так, несколько названий рек с корнем *lat-* встречается на современной территории Литвы: *Latavà*, или *Latuvà*, также *Lātupis* в Аникшяйском районе, *Latuvà* в Пасвальском районе, *Lātupis* в Каунасском районе и две реки с одинаковым названием *Latupys* в Кедайнском районе (Vanagas 1981: 182). Больше всего среди перечисленных литовских гидронимов в связи с этнонимом *latvieši* внимание лингвистов привлёк первый — название притока Швянтойи (Karulis 1992 I: 505). И эта река (стандартизированный современный вариант названия — *Latava*), подобно леясциемской Латупе, невелика — 9,7 километра (Латупе, по-видимому, ещё короче, так как длина рек в 7–10 километров в упомянутом издании указана, напр., *Lukstupe* в Екабпилсском районе и *Lūkāčupe* в Салдусском районе — обе длиной 7 километров (Avotiņa, Goba 1986: 48)). Однако в исторических документах Латава упоминается уже в XIII в., потому что и она, как и Латупе, была пограничной рекой. Латава образовывала границу между землями древних селов и литовцев, и в этой связи — под названием *Lettowa* («in giram *Lettowiae*»; в другой редакции документа *Letta-wial/Littowie*) — она упомянута в документе 1259 г., в котором литовский король Миндовг определял границы земли селов, подаренной немецкому ордену (*die Grenzen des dem Deutschen Orden geschenkten Landes Selen* ‘Границы Земли селов, подаренной Немецкому ордену’) (Bunge 1853: 436–438, № 342; 461–464, № 363); этот документ (№ 363) опубликован в монографии Августа Биленштейна (Bielenstein 1892: 434). На то, что упоминаемая в документе Миндовга *Lettowia* идентична современной Латаве, указал уже К. Буга (Būga 1922/1959: 110) (правда некоторые историки, как свидетельствует Эвалдс Мугуревич¹³, рассматривают этот документ как подделку более поздней эпохи). Между прочим окрестности Латавы в истории балтских народов получили бы дополнительную значимость, если бы оправдалась гипотеза литовского историка Томаса Баранускаса, согласно которой коронация первого литовского короля

¹² См., например, карту «Этнический состав на территории Латвии в IX — начале X в.» (Latvijas PSR vēsture 1986: вклейка (между с. 96 и 97), с. [2]); ср. также карту «Народы, жившие в древней Латвии в XII в.», отображающую немного более поздний период (Mugurēvičs 1999: 54).

¹³ Наиболее подробным исследованием аутентичности документов Миндовга считается работа К. Малечыньского, акт 1261 года он считает подделкой конца XIV века (Maleczyński 1936: 47–49). — А. А., Н. С.

Миндовга в 1253 г. произошла не в Вильнюсе, а в Леттове (*Lettow*, Латавское городище, обнаруженное только в 90-х гг. XX в.), недалеко от впадения речки Латавы в Швянтойи (*Baranauskas, Zabiela* 1998).

Однако К. Буга помещает ареал происхождения слов *latvis* и *Ломьгола* (и вариант с *let-*: *Lette, letigalli*) ещё дальше на юге, выражаясь его словами, не в Талаве и Латгале, а на вильнюсской земле. В основе этих этнонимов, по его мнению, лежат (реконструированные) названия рек **Leta* и **Lata*; первому из них может соответствовать теперешняя *Letanka*¹⁴, правый приток Вилии (Няриса), второму — *Loma* (в польской графике *Lota*)¹⁵ в Ошмянском районе на территории современной Беларуси (*Būga* 1923/1961: 629).

Неоднократно о происхождении слова *latvieši* писал Я. Эндзелин. В небольшой заметке 1914 г. (*Endzelīns* 1914/1974) он передаёт содержание фрагмента статьи К. Буги, в котором перечислены названия рек и озёр Литвы, начинающиеся с *Lat-* (Буга 1914/1958: 457–458). Основную часть этого изложения работы Буги целесообразно процитировать полностью, так как в значительной мере на нём, то есть на данном К. Бугой перечне, основываются более поздние высказывания Эндзелина по обсуждаемому вопросу, а также мнения многих других балтистов об этимологии слова *latvieši*: «К. Буга упоминает следующие названия: 1) *Latažeris* (озеро, из которого вытекает левый приток Немана Ратница); 2) *Latupis* а) ручеек в Аникщайском приходе Вилькомирского уезда; б) приток реки Струны (Ковенский уезд); 3) *Lata* (речка в Ошмянском уезде); 4) *Latuvà* (правый приток реки Швянтойи в Аникщайском приходе; в одном документе 1259 г. называется *Lettowia*); 5) *Ломва* а) речка в Минской губернии; б) озеро в Виленской губернии, от др.-рус. *Ломъва* = лит. *Latuvà*; 6) (по-польски) *Letówka* (речка в Виленском уезде), по-литовски, видимо, *Letuva*; 7) *Letukiai* (деревня в Тельшевском уезде) и др. Можно, таким образом, полагать, что первые *lat(u)vieši* жили когда-то у реки *Lat(u)va*. Начало указанных слов *Lat-* или *Let-* К. Буга ставит в связь с латинским *latex* ‘жидкость, мокрота’, ирландским *lathach* ‘грязь’, корнуэльским *lad* ‘жидкость’ и др. (к этому ряду можно добавить и название одного из племён древней Галлии *Latovici*)» (*Endzelīns* 1914/1974).

Автор этимологического словаря литовского языка Эрнст Френкель, писавший о соответствующем литовском слове *lātvīs* и латышском *lat-*

¹⁴ На самом деле — *Letauka* < *Lietauka* (см. *Kuzavinis* 1964: 9–10). — *А. А., Н. С.*

¹⁵ В данном случае также приходится констатировать ошибочную форму гидронима, возникшую в результате смешения кириллических букв *т* и *и*: истинное название реки — *Loua* (*Andronovs, Kovaļevska* 2021). Таким образом, оба гидронима, с которыми К. Буга связывал прародину латышей, оказываются несуществующими. — *А. А., Н. С.*

vis, полностью следует вышеупомянутым авторам (К. Буга, Я. Эндзелин), особенно подчёркивая мнение Буги о том, что своё название латыши получили ещё до прихода в Латгалию, в доисторические времена, проживая тогда в области Вильнюса, где ещё сейчас сохранились названия рек *Letà, Latà, Letanka, Łota* и т. д. (Fraenkel 1962–1965: 343). В свою очередь, другой известный этимолог, Макс Фасмер, описывая в этимологическом словаре русского языка слово *латыши*, из всех актуальных в данной связи гидронимов приводит лишь латышское *Late*, добавляя указание Ланге (без упоминания автора), что это ручей недалеко от литовской границы (Фасмер 1964–1973 II: 466), однако не зная, по-видимому, о данной Эндзелином интерпретации этого указания. Зигмас Зинкявичюс в своей многотомной монографии, посвящённой истории литовского языка, отмечает, что в основе этнонима *latvis* лежит древнее название территории *Latva, Latuva*, имеющее, в свою очередь, скорее всего, гидронимическое происхождение, и приводит несколько вышеупомянутых названий рек (Zinkevičius 1984: 363).

Наконец, не сомневается в гидронимическом происхождении слова *latvis* (от которого произошло слово *latvietis*) и Константинс Карулис, который немного шире, чем другие авторы, рассматривает глубинные этимологические связи, то есть этимологическую семантику упомянутых гидронимов. В качестве древнейшего соответствия в индоевропейском праязыке К. Карулис (вслед за К. Бугой) указывает корень **lat-* (< **let-/*lot-*) ‘течь’, со временем получивший и значение ‘сырой; болото, лужа’ (Pokorny 1959 II: 654). От этого корня произошли слова в разных индоевропейских языках: греческое *λάταξ* ‘капля’, среднеирландское *laith* (< *lati-*) ‘жидкость; болото’, *lathach* (< **latakā*) ‘ил, грязь’, валлийское *llaid* (< **latjo*) ‘ил, грязь’, древнескандинавское *leþja* (< **laphjōn-*) ‘глина, муть’, древневерхненемецкое *letto* ‘глина’ (Karulis 1992 I: 505). В свою очередь, некоторые параллели слову *latvieši* в этно- и топонимии Западной Европы отмечает Юрате Лаучюте: в дополнение к уже упомянутому Эндзелином кельтскому племенному названию *Latovici* (в публикации Лаучюте: *Lat-ōv-ici*) она указывает на галльский топоним *Let-av-ija*, ирландское название *Letha* ‘западная часть Галлии’, германские или кельтские племена *Letos, Laetus* (Laučiūtė 1988: 58).

К. Карулис обобщил и некоторые ранее высказанные ненаучные гипотезы о происхождении названия *latvietis*. Были попытки связать этот этноним как с латинским *latus* ‘широкий’ и названием области в Италии *Лаццо* (латинский *Latium*), так и с латышским глаголом *līst* ‘расчищать (лес)’. Юрис Алунанс полагал, что слово *latvietis* произошло от *lāt* ‘жить в согласии’¹⁶ («Латава, или Латва, это то место или земля, где живут в согласии» (Alunāns 1857: 322)), Я. Тераудс связывал слово *latvietis* с

польским словом *latwy* ‘легкий’, для которого предполагал древнее значение ‘добросердечный’ (Tērauds 1897; Karulis 1992 I: 507).

Большинство лингвистов сегодня полагают, что слово *latvieši* (или, говоря точнее, слово более древнего периода — *latvji*) исходно значило ‘люди, которые живут у Латы (или Латавы, Латупе)’ и, между прочим, тем самым первоначально обозначало сравнительно малочисленную общность людей. Проведя этимологический анализ соответствующего названия реки, можем сказать, что по своей исконной семантике оно примерно соответствует таким названиям рек, как *Dubļupe* (*dubļi* ‘грязь’) или *Mālupe* (*māls* ‘глина’) (в современной Латвии есть — или в недалёком прошлом были — по крайней мере пять рек с названием *Mālupe* и столько же с названием *Mālvalka* (*valka* — диал. ‘речушка’) (Endzelīns 1961: 391–392); при обосновании этимологии гидроним *Latupe* с *Mālupe* сравнивал и Я. Эндзелин (ME II: 425, s.v. *Late*). Следовательно, уточняя только что данное толкование первичного значения слова *latvji*, можно было бы сказать, что так называли людей, которые жили у *Mālupe* — глинистой речки. Может быть, такое толкование покажется слишком простым и прозаическим, однако столь же прозаическими являются истоки и многих других этнонимов. К тому же это объяснение происхождения слова *latvji* также подкрепляется аналогией, поскольку и другие названия балтийских народов (среди них *lietuvieši*, или *lietuviai* ‘литовцы’) большинство этимологов связывает с гидронимами.

Однако каким бы вероятным ни представлялось изложенное объяснение происхождения названия *latvieši* / *latvji*, это не значит, что всё обязательно так и было. В последние 20 лет наиболее популярные до нашего времени гипотезы происхождения балтийских этнонимов энергично и весьма аргументированно ставит под сомнение Симас Каралюнас. Так, относительно этнонима латышей С. Каралюнас утверждает, что его образование не связано непосредственно с названием реки *Latava*, *Latuva* или *Late* (Karaļūns 1995: 49). В этой формулировке важно слово «непосредственно» («direkt»), поскольку опосредованную связь между этими гидронимами и этнонимом *latvieši* не отрицает и С. Каралюнас. Однако более значительными для этимологии слова *latvieši* ему представляются те производные от указанных исторических корней, которые в германских и кельтских языках называют землю или её разные типы (слово *Latvija* в научной литературе, как отмечает Каралюнас, уже давно связывают с ними); к названным К. Бугой, Я. Эндзелином и К. Карулисом словам С. Каралюнас добавляет, например, исландское *leđja* ‘глина, нечистоты’, древнеисландское *lād* ‘земля, земельная собственность’.

¹⁶ Предполагаемый Алунасом глагол — соответствие русскому *ладить* (см. Klaustiņš, Švābe 1933–1934: 20319). — А. А., Н. С.

Правильность этимологического сближения, по мнению автора, подтверждается и тем, что производные от данных корней апеллятивы с похожими значениями имеются и в балтийских языках, ср. литовское *latākas* ‘болото; полоса земли («Bodenschnur, Landstreifen»)', а также латышское *lata* ‘полоса земли («ein Schnurlandstück»); поле’, *late* ‘поле, часть пашни’ (хотя эти слова латышского языка иногда рассматривают как германизмы). Что касается балтийских гидронимов с этим корнем, то они упомянуты многими авторами.

С. Каралюнас реконструирует прабалтийские собирательные существительные **latavā / *latuvā, *latavē / *latuvē, *latā / *latē* и, вероятно, также **lēti-* и полагает, что в древнелатышском этнокультурном регионе эти слова могли использоваться для обозначения обжитых племенем земель и в качестве самоназвания племени; этимологическая или мотивирующая семантика этнонима тогда была бы ‘принадлежащий к этой земле, земле племени’ (там же: 48–49). В качестве типологической параллели упоминается некоторая область Финляндии и название древнего племени *Häme* < протофинское **šāme* < балтийское **žem(j)ē* (там же)¹⁷. Для подкрепления своей гипотезы С. Каралюнас приводит также несколько языковых примеров, свидетельствующих о древней самоидентификации латышей как земледельцев, например, записанное в городе Стенде словосочетание *latviešu darbi* ‘крестьянские, земледельческие работы’ (ЕН I: 722, s. v. *latvietis*), а также то, что в латышских народных песнях литовцам и ливам был противопоставлен *arājs* ‘пахарь’ (Karaļūns 1995: 49).

Одним из соображений, колеблющим гипотезу Каралюнаса, является им же высказанное сомнение в латышском происхождении латышского слов *lata / late* ‘поле’, а также его весьма ограниченное распространение. В словаре К. Мюленбаха и Я. Эндзелина в качестве первого значения слова *lata* даётся определённо заимствованное ‘die Latte, Dachlatte (рейка крыши)’, значения же, связанные с землёй, даются вторым (‘ein Schnurlandstück (полоса земли, пашни)’) и третьим (‘das Feld (поле)'), но не в качестве омонимов (МЕ II: 424, s. v. *lata*). В одной словарной статье эти слова объединил и определил как заимствования уже Карл Мюленбах, Я. Эндзелин пополнил статью только пометой, что аналогичным заимствованием является эстонское *lati* (там же) (в современной орфографии — *latt*). В свою очередь, в дополнениях к упомянутому словарю для третьего значения даётся морфологический вариант *late* с добавлением толкования ‘часть пашни’ (из города Алуksне) и примера (из Малупской волости, соседней с Алуksне): *visa zeme ir sadalīta sešās, septiņās latēs; katru lati apsēj ar savu labību* ‘вся земля поделена на шесть,

¹⁷ Ср. также SSA 1992–2000 I: 207, где, правда, гипотеза о балтийском происхождении слова *Häme* признана весьма ненадёжной.

семь частей; каждую часть засеивают своим хлебом' (ЕН I: 722, s. v. *late*). В топонимической картотеке Института латышского языка Латвийского университета со словом *lata/late* в качестве географического номенклатурного термина можно найти лишь пару названий из того же Алуксне (например, записанное в 1969 г. *Minnas late* — поле, некогда принадлежавшее хозяйке по имени Минна). Правда, в словаре латышских топонимов словарная статья *lata* содержит девять топонимов из разных областей Латвии, но их происхождение Я. Эндзелин — хотя и с некоторыми сомнениями — связывает с немецким именем собственным *Charlotte* (Endzelīns 1961: 266).

Для обозначения узкого, длинного поля, кажется, действительно можно было бы с переносом значения использовать слово *lata* 'пиломатериал, получаемый путём продольного распиливания бревна на полосы небольшого профиля' (LLVV 4: 608) — аналогично уже устоявшемуся переносу значения в слове *šņore* 'шнур' (правда, под влиянием других языков). Однако нельзя исключать и вторую возможность (на которой основывается гипотеза С. Каралюнаса), а именно, что *lata* 'поле' может быть и древним словом, хотя и сохранившимся в очень узком ареале. В таком случае об этимологических связях этого слова могло бы быть сказано то же, что уже сказано про гидронимы с корнем *Lat-* (и более тесная этимологическая связь была бы возможной между упомянутыми областными словами с корнем *lat-* 'поле, земля' и гидронимом *Latupe* из относительно близкого Леясциемса). Как бы то ни было — получили ли латыши своё название потому, что в своё время, проживали на берегах реки *Latupe*, либо *Lata*, либо *Latava*, или потому, что были духовно и физически тесно связаны с землёй, которую они обрабатывали, — в обоих случаях в названиях нашего народа и государства сохранился корень, древнее значение которого (точнее, одно из древних значений) было 'влажная, глинистая земля'. И на такой земле, на берегах таких рек латыши живут и поныне.

* * *

Как мы видели, племенное название наших предков *latgaļi* или *letgaļi* — один из древнейших вариантов этнонима с корнем *lat-* / *let-* — использовалось, очевидно, уже в первом тысячелетии, в письменных иноземных источниках оно впервые зафиксировано приблизительно в 1100 г. Древнейшее известное употребление слова *latvis* в латышском тексте датируется 1648 годом, а чуть позже, во второй половине XVII в., в текстах (в первую очередь, в словарях) появилась современная форма этнонима *latvieši*. Лишь с середины XIX в. «Землю латышей» (*Latvju zeme*) стали называть *Latvija*.

Этимология слова *latvieši*, а именно корня этого этнонима *lat-*, очевидно, связана, в первую очередь, с названием некой реки, ср. названия рек в Литве и Латвии *Lata, Latava, Lātuva, Lātupe, Lātupis* и т. п. (хотя и не все из них можно найти в современном стандартизированном реестре топонимов). То есть одно из древних латышских племён в первом тысячелетии проживало у одной из таких рек и от неё получило своё название. Более глубокий анализ происхождения названия этой реки, в свою очередь, приводит к праиндоевропейскому корню **lat-* ‘течь’, от которого также **lat-* ‘влажный; болото, лужа’. Как и почти любую древнюю этимологию, эту также нельзя считать абсолютно бесспорной, и одно из наиболее обоснованных среди других предложенных лингвистами объяснений происхождения названия *latvieši* связывает его с областным словом из окрестностей Алуksне *lata, late* ‘поле, полоса земли’; в основе данного областного слова, в свою очередь, может лежать тот же самый корень индоевропейского праязыка **lat-* ‘течь’, если предположить, что одним из промежуточных звеньев в семантическом развитии этого корня было значение ‘влажная земля, глинистая земля’. Итак, несколько упрощая, можно сказать, что латыши — с точки зрения их самоназвания — это народ, чьи предки жили у текущей в глинистом русле реки или обрабатывали глинистые поля.

ЛИТЕРАТУРА

- Буга 1914/1958 — *К. К. Буга*. Славяно-балтийские этимологии [№ 128–134] // Русский филологический вестник, LXXI (2). Варшава, 1914. (Цит. по: *К. Būga. Rinktiniai raštai*. Т. I. Vilnius, 1958.)
- НЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Напьерский 1867 — Грамоты, касающіяся до сношеній Съверо-Западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкѣ / Найдены въ Рижскомъ архивѣ К. Э. Напьерскимъ и изданы Археографическою Коммиссіею. Спб., 1857.
- ПВЛ 1950 — Повесть временных лет. Ч. 1: Текст и перевод. М.; Л., 1950.
- Фасмер 1964–1973 — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. В 4-х тт. Москва, 1964–1973.
- Хроника Ливонии 1938 — Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. (Латышское издание: *Indriķa hronika. No latīņu valodas tulkojis Ā. Feldhūns; Ē. Mugurēviča priekšvārds un komentāri*. Rīga, 1993.)
- Alunāns 1857 — *J. Alunāns*. Ko tas vārds „Latvietis“ apzīmē // *Mājas Viesis*. Rīga, 1857, 7. okt. (nr. 40).
- Andronovs, Kovaļevska 2021 — *A. Andronovs, O. Kovaļevska*. Dažu baltistikas dokumentālo liecību precizējums // XIII Starptautiskais baltistu kon-

- gress „Baltu valodas laikā“ . Latvijas Universitāte, 2021. g. 13.–15. oktobris. Referātu tēzes. Rīga, 2021.
- Atlas 1861 — Atlas ar septiņpacmit lantkārtēm. Jelgavā, 1861.
- Avotiņa, Goba 1986 — Latvijas PSR ūdensteču nosaukumi / sast. R. Avotiņa, Z. Goba. 2. burtnīca: J–M. Rīga, 1986.
- Baldunčiks 2012 — *J. Baldunčiks*. Senās Latvijas tautību nosaukumi latviešu rakstu valodā līdz 20. gadsimtam // Vārds un tā pētīšanas aspekti. Rakstu krājums. 16 (1). Liepāja, 2012.
- Baranauskas, Zabiela 1998 — *T. Baranauskas, G. Zabiela*. Mindaugo dvaras Latava // Lietuvos istorijos metraštis: 1997 metai. Vilnius, 1998.
- Bērzkalns 1965 — *V. Bērzkalns*. Latviešu dziesmu svētku vēsture: 1864–1940. Bruklina, 1965.
- Bielenstein 1892 — *A. Bielenstein*. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. St. Petersburg, 1892.
- Blese 1933–1934 — *E. Blese*. Latgaļi. 1 // Latviešu konversācijas vārdnīca. X. Rīga, 1933–1934.
- Breidaks 1998/2007 — *A. Breidaks*. Ievads baltu valodniecībā. 1. daļa. Daugavpils: Saule, 1998. (Цит. по: *A. Breidaks*. Darbu izlase. 1. sēj. Rīga, 2007.)
- Būga 1922/1959 — *K. Būga*. Kalba ir senovē. 1 dalis. Kaunas, 1922. (Цит. по: *K. Būga*. Rinkiniai raštai. T. II. Vilnius, 1959.)
- Būga 1923/1961 — *K. Būga*. [Рец. на:] Latvijas vietu vārdi. I daļa. Vidzemes vārdi. Piedaloties A. Abelei, J. Kauliņam un P. Šmitam savācis un rediģējis J. Endzelīns. 1922. Izdevis A. Gulbis, Rīgā. 117 lpp. 8° // Tauta ir žodis. I. Kaunas, 1923. (Цит. по: *K. Būga*. Rinkiniai raštai. T. III. Vilnius, 1961.)
- Bunge 1853 — Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. Bd. 1/Hg. von F. G. von Bunge. Reval, 1853.
- EH — *J. Endzelīns, E. Hauzenberga*. Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai. Rīga, 1934–1946.
- Einhorn 1649/1848 — *P. Einhorn*. Historia Lettica. Das ist Beschreibung der Lettischen Nation... Dortpt, 1649. (Цит. по: *Scriptores rerum Livonicarum*, Bd. II. Riga und Leipzig, 1848.)
- Elger 1683 — *G. Elger*. Dictionarium Polono-Latino-Lottaucum. Vilnae, 1683.
- Endzelīns 1914/1974 — *J. Endzelīns*. Par „latviešu“ vārdu // Dzimtenes Vēstnesis. Rīga, 1914, Nr. 88. (Цит. по: *J. Endzelīns*. Darbu izlase. II sēj. Rīga, 1974.)
- Endzelīns 1961 — *J. Endzelīns*. Latvijas PSR vietvārdi. 1. d. 2. sēj. K–Ō. Rīga, 1961.
- Estreicher 1896 — *K. Estreicher*. Bibliografia polska. T. XIV. Kraków, 1896.
- Fraenkel 1962–1965 — *E. Fraenkel*. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Heidelberg, 1962–1965.

- Fürecker 1997 — *T. G. Fennell*. Fürecker's dictionary: the first manuscript. Rīga, 1997.
- Gerullis 1927 — *G. Gerullis*. Ein lettisch-polnischer Vierzeiler von 1648 // Filologu Biedrības Raksti. 7. sējums. Rīga, 1927.
- Inland 1837 — Woher der Name der Letten? // Das Inland. Eine Wochenschrift für Liv-, Esth- und Curland's Geschichte, Geographie, Statistik un Litteratur. 1837, № 44 (3. November).
- Kabelka 1982 — *J. Kabelka*. Baltų filologijos įvadas. Vilnius, 1982.
- Karaļūns 1995 — *S. Karaļūns*. Die Herkunft des Namens Lettland und die soziale Organisation der alten Balten // VII Starptautautiskais baltistu kongress 1995. g. 13.–15. jūn. : referātu tēzes. Rīga, 1995.
- Karulis 1992 — *K. Karulis*. Latviešu etimoloģijas vārdnīca. I–II sēj. Rīga, 1992.
- Klaustiņš, Švābe 1933–1934 — *R. Klaustiņš, A. Švābe*. Latvija. 1. Nosaukums // Latviešu konversācijas vārdnīca. X. Rīga, 1933–1934.
- Kuzavinis 1964 — *K. Kuzavinis*. Lietuvos vardo kilmė // Kalbotyra, X. Vilnius, 1964.
- Lange 1777 — *J. Lange*. Vollständiges deutschlettisches und lettischdeutsches Lexicon, nach den Hauptdialecten in Lief- und Curland. Mitau, 1777.
- Langius 1685/1936 — *E. Blese*. Nīcas un Bārtas mācītāja Jāņa Langija 1685. gada latviski-vāciskā vārdnīca ar īsu latviešu gramatiku. Rīga, 1936. (Latvijas Universitātes Raksti. Filoloģijas un filosofijas fakultātes serija, III sēj. papild. № 1.)
- Latvijas PSR vēsture 1986 — Latvijas PSR vēsture: No vissenākajiem laikiem līdz mūsu dienām. 2 sēj. / Atb. red. A. Drizulis. 1. sēj. Rīga, 1986.
- Laučiūtē 1988 — *J. Laučiūtē*. Senieji baltų etnonimai indoeuropietiškosios onomastikos fone // Baltistica, XXIV⁽¹⁾. Vilnius, 1988.
- Lexicon Lithuanicum 1987 — Lexicon Lithuanicum: rankraštinis XVII a. vokiečių-lietuvių kalbų žodynas / Parengė V. Drotvinas. Vilnius, 1987.
- Livländische Reimchronik 1998 — Livländische Reimchronik. Atskaņu hronika. Valža Bisenieka atdzejojums no vidusaugšvācu valodas. Ēvalda Murgurēviča priekšvārds. Ēvalda Murgurēviča, Kaspara Kļaviņa komentāri. Rīga, 1998.
- LLVV — Latviešu literārās valodas vārdnīca. 8 sēj. Rīga, 1972–1996.
- Maleczyński 1936 — *K. Maleczyński*. W sprawie autentyczności dokumentów Mendoga z lat 1253–1261 // Ateneum Wileńskie. R. XI. Wilno, 1936.
- Mancelius 1638 — *G. Mancelius*. Lettus, das ist Wortbuch... Phraseologia Lettica... . Riga, 1638.
- Manuale... 2001 — Manuale Lettico-Germanicum / The text of the original manuscript transcribed by T. G. Fennell: In 2 volumes. Rīga, 2001.
- ME — *K. Müllenbachs*. Latviešu valodas vārdnīca. Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. 1.–4. sēj. Rīga, 1923–1932.

- Miechovita 1521a — [Mathias Mechouien.] Chronica Polonorum. Cracoviae, 1521.
- Miechovita 1521b/1936 — *М. Меховский*. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936.
- Mugurēvičs 1999 — *Ē. Mugurēvičs*. Novadu veidošanās un to robežas Latvijas teritorijā (12. gs. — 16. gs. vidus) // Latvijas zemju robežas 1000 gadus / Sast. A. Caune. Rīga, 1999.
- Pēterburgas Avīzes 1862 — Par skolām // Pēterburgas Avīzes. 1862, № 6.
- Pokorny 1959 — *J. Pokorny*. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. 2 Bd. Bern; München, 1959.
- Rukša 1967 — *A. Rukša*. Humanizmas Lietuvoje XVII–XVIII a. // Aidai. 1967, № 5.
- Stender 1789 — *G. F. Stender*. Lettisches Lexikon. Th. I–II. Mitau, 1789.
- SSA 1992 — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. I. A–K. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1992.
- Tas Jauns Testaments 1685 — Tas Jauns Testaments Mūsu Kunga Jezus Kristus, Jeb Dieva Svētais Vārds, Pēc tā Kunga Jezus Kristus Piedzimšanas no tiem Svētiem Pricas-Mācītājiem un Apustuļiem uzrakstīts. Rīga, 1685 (предисловие без нумерации страниц).
- Tērauds 1897 — *J. Tērauds*. Par Latviešu tautas vārdu // Bals. Rīga, 1897, 30. apr. (12. maijs), nr. 18.
- Vanagas 1981 — *A. Vanagas*. Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.
- Vārdi... 1778 — [M. G. A. Loders]. Vārdi tās mūžīgas dzīvošanas... Jelgavā, 1778.
- Ver Lukiskanum 1648 — Ver Lukiskanum ad Serenissimarum maiestatum praesentiam efflorescens... Vilnae, 1648.
- Zemzare 1961 — *D. Zemzare*. Latviešu vārdnīcas (līdz 1900. gadam). Rīga, 1961.
- Zinkevičius 1984 — *Z. Zinkevičius*. Lietuvių kalbos istorija. Kn. I: Lietuvių kalbos kilmė. Vilnius, 1984.

*Перевод с латышского Д. Д. Филатовой и К. В. Хранилова
под редакцией А. В. Андропова и Н. В. Супрунчука.*

М. В. ЗАВЬЯЛОВА

Русизмы в литовском и латышском жаргонах

Литовский и латышский языки на протяжении столетий испытывали влияние славянских языков (в последнее столетие — в основном русского) и закономерным образом заимствовали большое количество славянской лексики. Вследствие политики пуризма, которая особенно активизировалась в Латвии и Литве в 90-х годах XX века, почти весь пласт этой лексики, если можно так выразиться, «ушёл в подполье», т. е., исчезая из повседневного разговорного языка (не говоря уж о литературной норме), он продолжил функционировать на периферии — в жаргоне. Благодаря появлению в последнее время словарей и баз данных молодежного жаргона появилась возможность проследить, как в иноязычной среде меняется исходная семантика этих заимствований. Поскольку жаргон является открытой и подвижной лингвистической системой, он легко адаптирует иноязычную лексику. Изучение семантической адаптации иноязычных заимствований в жаргоне представляется весьма ценным, поскольку «это та лаборатория, в которой все свойственные естественному языку процессы, не сдерживаемые давлением нормы, происходят во много раз быстрее и доступны непосредственному наблюдению...» (Береговская 1996: 40).

Поскольку в латышском и литовском языке наиболее широко представлены заимствования из русского языка, сравнительный анализ славяноязычных заимствований ограничен именно русизмами. Наблюдения над адаптацией русизмов велись на материале словаря латышского жаргона (LVSJ) и базы данных литовского жаргона (LŽB). По количеству представленных слов эти источники сравнимы, в каждом зафиксировано около 8000 слов. Значения аналогичных жаргонизмов в русском языке проверялись по Большому словарю русского жаргона (БСРЖ) и другим доступным словарям и базам данных русского жаргона (Елистратов 2000; Грачёв 2003; СРА; ССЛЖС; СНС; СВЖ; СМС; СКЖ).

Литовский и латышский жаргон в целом, в том числе и проблема заимствований из русского языка представляются недостаточно изученными. Отчасти из-за скептического отношения к некодифицированному языку литовские и латышские лингвисты не очень активно стремятся его изучать, хотя посвящают немало работ англицизмам и германизмам в современной разговорной речи (см. Brēde 2002; Bušs 2008; Česnūlienė 2017; Čekuolytė 2010; Girčienė 2015; Stengrevica 2006; Vaicekauskienė 2007; Vaičekauskienė, Šmitaitė 2010), отмечая при этом, что литовскому и латышскому разговорному языку больше свойственно всё же использование русизмов, чем заимствований из других языков (Bandzevičiūtė, Didjurgie-

nė; Brėde 2006: 70; Ernstsone 1999: 55; Vyšniauskienė 2012: 144, 148; Zaikauskas 2013). По мнению автора первого словаря литовского жаргона Э. Зайкаускаса, большое количество заимствований из русского языка объясняется тем, что эмоционально-экспрессивная нагрузка у русских жаргонных слов сильнее, чем у литовских (Zaikauskas 2013). Исследуя социально-психологические аспекты использования заимствований в молодежном жаргоне жителей Вильнюса, И. Вишняускаене делает вывод, что элементы русского языка используются подростками из желания продемонстрировать групповую самоидентификацию, т. е. русский язык является своего рода «анти-языком», а владение им — признаком принадлежности к молодежной субкультуре. Элементы же английского языка употребляются в речи из стилистических соображений, при желании обратить внимание на языковую игру (Vyšniauskienė 2012: 152–154). Латышская исследовательница М. Бреде назвала русизмы в речи латышской «тройскими конями», которые становятся её неотъемлемой частью (Brėde 2006: 70).

Количественный анализ русизмов

Как показывает анализ упомянутого выше словарного материала, доля русизмов в литовском и латышском жаргоне действительно довольно велика: она составляет 32% от общего лексического материала в литовском жаргоне и 25% в латышском. Для сравнения: доля английских заимствований — тоже весьма популярных — в литовском жаргоне всего 8% и в латышском — 4%. В латышском жаргоне, правда, много заимствований из немецкого (12%), но их оказывается вдвое меньше, чем русизмов. Если сравнить с данными русского жаргона, доля последних как раз примерно соответствует доле англицизмов в русском жаргоне: по данным исследователей, они составляют примерно 10–12% (Матюшенко 2007: 21; Иванова 2007: 9; Григоренко, Ревякина 2016: 140).

При сравнении семантики русизмов в латышском и литовском жаргоне выявляется сходство основных лексических групп: это прежде всего негативно окрашенная лексика, как правило, обозначающая лиц, обценная лексика, а также лексика, связанная с криминальным миром, алкоголем и наркотиками. На этом фоне бросается в глаза отличие русизмов от германизмов в латышском жаргоне: в имеющейся выборке среди германизмов не зафиксировано криминальной и тюремной и очень мало обценной лексики, зато появляется значительный пласт лексики, связанной с работой и профессиональной деятельностью¹ (см. таблицу).

¹ Ср.: «Если латыши любят употреблять слова, заимствованные из немецкого языка, в том числе варваризмы, потому, что они придают особый „смак“ разговорной речи, то отношение к русским варваризмам обычно иное» (Jākobsons 2013).

Таблица семантических групп²

	Литовский жаргон ↓	↓ Латышский жаргон ↓	Германизмы ↓
	Русизмы		
Негативно окрашенная лексика	32 %	23 %	15 %
Позитивно окрашенная лексика	5 %	1 %	5 %
Экспрессивная лексика	3 %	11 %	3 %
Ругательства	4 %	10 %	< 1 %

Тематические группы

Общая лексика	20 %	31 %	29 %
Наименования человека	16 %	18 %	10 %
Наркотики, алкоголь, курение	12 %	5 %	4 %
Криминал и тюремная лексика	5 %	3 %	—
Секс	2 %	< 1 %	< 1 %
Предметы одежды и обуви	2 %	3 %	2 %
Армия	2 %	3 %	—
Школа	< 1 %	3 %	1 %
Деньги и торговля	2 %	3 %	2 %
Автомобили и транспорт	3 %	2 %	1 %
Спорт	2 %	2 %	< 1 %
Продукты питания	< 1 %	2 %	2 %
Музыка	2 %	< 1 %	—
Дома и постройки	< 1 %	< 1 %	2 %
Работа и профессиональная деятельность	—	—	7 %

Такие различия в семантике заимствований из «западных» и «восточных» языков на примере русского жаргона объясняет В. С. Елистратов: «„Европа“, „Запад“ в арго дает образцы эстетизации речи. „Западный“ арготизм включается арготирующим в парадигму „настоящей культуры“ (как он её понимает). Произнося „западный“ арготизм, человек мыслит себя в пространстве культуры, он, конечно, играет, но играет по своим „культурным правилам“. Произнося „азиатский“ арготизм, человек исключает себя из этого пространства, он переносится в область примитива, некой первобытности» (Елистратов 2000: 650). Учи-

² Ср. данные о лексико-семантических группах в русском жаргоне: «В молодежном сленге распространенными являются следующие ЛСГ: „Стремления, желания“, „Одежда“, „Внешний вид“, „Деньги“, „Обман“, „Пьянство, наркотики“, „Физиологические процессы, естественные отправления человека“, но наиболее объемной и многочисленной является лексико-семантическая группа с интегральной семьей „Человек“» (Матюшенко 2007: 5).

таявая географическое положение говорящих, получается, что русский язык для носителей литовского и латышского жаргона аналогичен «азиатским» языкам для русскоговорящих, т. е. связан больше с примитивными реалиями и аспектами культуры.

Это подтверждается и исследователями латышского жаргона: по мнению Л. Фреймане, большинство русизмов относятся к негативным явлениям или к тому, что окружающее общество воспринимает негативно; в то же время англицизмы в основном обозначают нейтральные или положительные вещи и явления (Freimane 2002: 430).

Несомненно, большой пласт русскоязычной лексики закрепился в определенных сферах с советских времён. Прежде всего это касается армии, школы и тюрьмы. Как отмечает Эрнстсоне, «в латвийской армии, хотя государственный язык — латышский, всё ещё используется военная лексика Советской армии, то есть русская ... Интересно, что даже уход в армию или призыв на военную службу в 90-е годы назывался по-старому — *призыв к русским* или *уход к русским*» (Ernstson 2006: 198). В латышском языке многие заимствования сохранились ещё с царского времени (например, *mužiks* (← *мужик*, латышские соответствия: *zemiņieks, vīrs, vīrietis*), *palkavnieks* (← *полковник*, лтш. *pulkvedis*), а советские школьники навсегда запомнили *učiņiks* ‘учитель’ и *učiņe* ‘учительница; школа’ (лтш. *skolotājs, skolotāja, skola*) (Jākobsons 2013; LVŽV: 161). По словам литовского лингвиста А. Буткуса, жаргон литовских воров и наркоманов полностью славянский (цит. по: Aleksandravičius 2014).

Примечательно, что русизмы, относящиеся к вышеуказанным сферам (армии, школе, криминальной среде, наркомании), в жаргоне соответствующих социальных групп претерпевают минимальные семантические изменения. Однако при переходе из узкой сферы употребления в общий жаргон значение таких жаргонизмов может меняться, например: рус. *подопрёв*, изначально относившееся к тюремной среде и означавшее ‘наркотики; посылка, передача, оказание материальной помощи в воровской среде; продукты питания в ИТУ’³, в литовском криминальном жаргоне то же (ср.: *padagrievas*⁴, *padagrevas*, *grievas* ‘1. материальная поддержка со стороны родственников, поделщиков, находящихся на свободе, посылки с продуктами, курением, чаем и проч.; 2. помощь заключённых друг другу при передаче из камеры в камеру еды, курения

³ Исправительно-трудовое учреждение.

⁴ Поскольку в базе данных литовского жаргона (LŽB) ударения не проставлены, а в словаре Kudirka 2014 ударный слог отмечен подчеркиванием (из-за варьирования ударения и невозможности в некоторых случаях установить точное место и тип ударения), мы также отмечаем ударный слог подчеркиванием. В случаях, когда место ударения неизвестно (и не отмечено в источниках), оно не ставится.

и проч.’ (Kudirka 2014: III, 177), при переходе в общий жаргон расширяет значение и приобретает значение ‘помощь’;

рус. *дух*, относящееся к армейской сфере и в русском жаргоне означающее ‘служащий в армии в первый год’, в литовском жаргоне (*dūchas*) помимо ‘молодой, только что начавший служить солдат’ означает также ‘дурак, негодный, неудачник, ротозей; забитый человек, которого используют, угнетают другие’;

рус. *петух*, имеющее в русском уголовном жаргоне несколько специфических значений: ‘1. начальник ж/д станции; 2. пять лет лишения свободы; 3. милиционер; 4. активный гомосексуалист; 5. пять рублей’, в литовском и латышском криминальном жаргоне также обозначающее ‘пассивный гомосексуалист’ (лтш. *petuhs*); ‘тот, кого используют сексуально или над кем издеваются’ (лит. *pietūchas, petūchas*), при переходе в общий жаргон приобретает значения лтш. ‘дурак; хвостун’; лит. ‘дурак, тупой, неудачник, ротозей’.

В дальнейшем нас будут интересовать именно такие изменения значения.

Семантический анализ русизмов

Следует отметить, что набор литовских и латышских русизмов отчасти пересекается, т. е. одна и та же лексема может быть заимствована из русского языка и в литовский, и в латышский жаргон. При этом сдвиг значения может быть одинаковым в обоих языках, а может отличаться. Например:

рус. *душман* ‘противник, враг; человек, покупающий что-л. (обычно спиртное) без очереди, пробивающийся к прилавку сквозь толпу’ → лтш. *dušmanis* ‘водитель такси’; лит. *dušmanas* ‘таксист, нелегально работающий таксист’ — и литовский, и латышский жаргон развили одинаковое значение, отличное от значения этого слова в русском жаргоне;

рус. *бурлак* ‘рабочий на речных судах; крестьянин, отправляющийся на заработки; здоровенный парень; холостяк; бродяга’ → лтш. *burlaks* ‘разбойник, драчун’; лит. *burlīkas* ‘русский’ — литовский и латышский жаргон в этом случае развили разные значения, отсутствующие у этой лексемы в русском языке.

Таким образом, слово начинает «жить» в языке-реципиенте собственной жизнью. Проследим, какие именно изменения происходят с русизмами в литовском и латышском жаргоне.

Минимальные семантические сдвиги

В целом можно сказать, что эти изменения в обоих языках аналогичны, что позволяет говорить в некотором смысле об универсальности

происходящих процессов. Прежде всего остановимся на минимальных семантических сдвигах, которые могли бы произойти и в русском языке. Например,

рус. *бублик*, не имеющее подобных значений в русском жаргоне, в литовском (*bublikas*) приобретает значение 'дурак, неполноценный, тупой, неудачник, ротозей', которое может быть основано на признаке отсутствия чего-либо (дырка в бублике) или округлой форме (см. рус. *круглый дурак*)⁵;

рус. *гни́да* (изначально 'личинка вши'), имеющее в русском жаргоне значение 'ничтожество, заключенный, не умеющий постоять за себя' в латышском жаргоне (*gnīda*) приобретает значения '1. скупой; 2. негодяй; 3. младший брат или сестра; 4. нищий', близкие к значению в языке-оригинале по признаку малости с отрицательной коннотацией;

рус. *замо́к* в литовском жаргоне (*zamokas*) имеет значение 'скупой': сдвиг значения происходит на основании признака закрытости, ограниченности;

рус. *мошкара́* в латышском (*moškara*) приобретает значение 'дети', которое могло бы развиваться и в русском языке как переносное;

рус. *хлопу́шка* в литовском (*chlapuškė*) приобретает значение 'девушка на одну ночь' на основании признака временности, «одноразовости».

Нередко при подобных незначительных семантических сдвигах значение сужается, расширяется или становится противоположным:

сужение значения:

рус. *барáк* 'здание лёгкой постройки, предназначенное для временного жилья' → лит. *barakas* 'общежитие';

рус. *завáл* 'нечто особенное, характерное, выдающееся, провал, фиаско, неудача, кризис. выражает высокую степень любой эмоции' → лтш. *zavals* '1. неудача; 2. контрольная⁶; 3. падение (в велоспорте)';

рус. *крантѝ* 'конец, будет плохо, оценка ситуации и перспектив как очень плохих' → лит. *kranty* '1. плохо, конец, крах, смерть; 2. сильное опьянение от алкоголя';

рус. *тепля́к* 'временное сооружение, закрытое отапливаемое помещение на строительных работах в зимнее время' → лит. *tepliakas* 'место для курения учителей';

⁵ См. схожую мотивацию других значений этого слова в русском жаргоне: *бублик* — '1. проститутка; 2. пассивный гомосексуалист' (Грачёв 2003: 107).

⁶ Здесь и далее в случае наличия нескольких значений подчеркиванием выделяются значения, изменившие семантику.

расширение значения:

рус. *бродяга* → лтш. *braġags* 'неприятный человек';

рус. *дуня* 'девушка, работающая в пивбаре' → лтш. *duņa* '1. русская; 2. плохая женщина';

рус. *залёт* 'незапланированная беременность; (банк) ошибка, несоответствие требованиям Банка России' → лит. *zaliotas* '1. нарушение регламента, статуса; 2. неожиданная проблема, неудача, хлопоты; 3. незапланированная беременность; 4. нехватка денег';

рус. *ёлка* 'человек разодетый, со множеством украшений, пытающийся привлечь внимание окружающих' → лтш. *jolka* 'молодая девушка'; лит. *jolka* 'девушка';

изменение значения на противоположное:

рус. *засыпка* 'провал' → лит. *zasypkė* 'придирка, повод' — причинно-следственная связь;

рус. *тусá* 'сборище, гулянка, уличные посиделки молодежи; скопление людей; драка, инцидент; шоу' → лит. *tūsas* '1. вечер, развлечение, веселье, праздник; 2. скука, апатия';

рус. *тюремщик* 'надсмотрщик' → лит. *tiuremščikas* 'заключенный'.

В данных случаях остается существенный основной компонент значения: в первом примере — неблагоприятная ситуация («провал») трансформируется в каузацию этой ситуации; во втором примере значение ситуации, влияющей на настроение, меняет знак (с позитивного — «веселье» на негативное — «скука»); в третьем примере неизменной остается сема тюрьмы.

Сдвиг на основе периферийных признаков

В некоторых случаях новое значение основано на побочных семах, а не на основном значении, например:

рус. *бричка* 'легкая повозка, иногда с верхом' → лтш. *brička* '1. кровать; 2. повозка' — сема «приспособление для пребывания человека»;

рус. *жучок* 'хитрый, изворотливый; спекулянт, перекупщик; приспособление для прослушивания' → лит. *žučiokas* 'любой инструмент для тяжелой работы (лопата, метла)' — сема «инструмент»;

рус. *шкурка* → лит. *šurka* '1. кожаная куртка; 2. пустая пивная бутылка' — сема «оболочка»;

рус. *бритва* (*канать* (*ходить*) *по бритве*. жарг. угол. 'быть чрезмерно осторожным, недоверчивым') → лтш. *britva* 'беда, неприятность' — сема «нечто опасное»;

рус. *táпок* ‘милиционер; человек, с несколько презрительным оттенком’; *táпки* ‘таблетки экстази’ → лит. *tapkė* ‘1. дура, тупая, неудачница, разиня; 2. (только мн.ч.) плохо, конец’ — отрицательная коннотация;

рус. *отрубóн, отруб* ‘1. крепкий сон; 2. состояние сильной усталости; 3. состояние сильного алкогольного опьянения, невменяемости, потери сознания’ → лтш. *atrubons* ‘1. внезапный сон; 2. состояние сильного отвращения’; *atrub* ‘1. большая усталость; 2. состояние сильного отвращения’ — сема «неприятное состояние, вызывающее отрицательные эмоции».

Как в двух последних случаях, нередко второстепенным признаком, на котором основано новое значение, становится негативная коннотация. Особенно ярко это проявляется в наименованиях человека, например:

рус. *амбáл* (‘крупный и сильный человек, обычно с примитивным интеллектом’) в жаргоне ‘человек из окружения авторитетного вора, берущий на себя его преступление или притесняющий по его приказу других осуждённых в местах лишения свободы’, в латышском жаргоне (*ambālis, ambals, ambīlis*) имеет близкие, но не полностью аналогичные значения: ‘1) дурак; 2) неуклюжий человек’; а в литовском жаргоне (*ambalas*) — ‘1. тот, кто выпендривается, изображает из себя кого-то важного, важнее других; 2. мускулистый, крепкий человек’;

рус. *жмúрик* ‘покойник’ в латышском (*žmuriks*) приобретает значение ‘бандит’⁷;

рус. *мудáк* ‘1. глупый, бестолковый человек; ничтожество; 2. неудачник, недотёпа’ (и др.) в литовском жаргоне (*mudakas*) помимо значения ‘1. дурак, ротозей, балбес, неудачник’ имеет ещё значение ‘2. лгун, обманщик’;

рус. *сачóк* (изначально ‘конусообразный сетчатый мешок на ручке для ловли рыб, летающих насекомых’) ‘1. бездельник, лентяй, халтурщик; прогульщик’ (и др.) в литовском приобретает несколько иное значение с негативной коннотацией: лит. *sačiokas* ‘трус, слабак’;

рус. *ханжá* ‘лицемер, прикрывающийся показной добродетельностью, набожностью’ в литовском (*chandžia*) приобретает неожиданное значение ‘пьяница, алкоголик’, которое связывает с русским значением негативная оценка⁸;

рус. *швáбра* ‘проститутка, девушка, женщина (пренебр.)’, имеющее отношение к представительницам женского пола, в латышском (*švabraks, švabrōns*) приобретает мужское окончание и распространяется на субъектов мужского пола со значением ‘плохой человек, оборванец’⁹;

⁷ Ср. также рус. *жмúра* — ‘1. проститутка; 2. продажный, подлый человек’ (Грачёв 2003: 291).

⁸ Здесь возможна контаминация с рус. *ханьга* — ‘1. опустившийся пьяница’ (Грачёв 2003: 982).

рус. *шляпа* 'интеллигент' в литовском (*šliapa*) означает 'самый низкий в иерархии', сохраняя признак «определенный социальный статус».

Интересное наблюдение над коннотативными семами жаргонизмов сделал автор словаря латышского сленга О. Бушс: «Когда сленгизм употребляется с целью реализации эмоциональной коннотативной семы, с увеличением экспрессивности возрастает удельный вес этой семы в семантической структуре слова. При этом упомянутое возрастание определяется не только экспансией эмоциональной семы, но и одновременной редукцией коммуникативной значимости смыслового ядра. <...> Наиболее ярко эта тенденция проявляется в вульгаризмах и ругательствах, где возможна реализация одних коннотативных сем при полной редукции денотативных. В семантическом содержании сленгизмов денотативные и коннотативные элементы как бы не терпят друг друга. Чем экспрессивнее коннотативная сема, тем менее значимо номинативное содержание слова» (Бушс 2008: 331–332). В приведенных примерах мы как раз наблюдаем размывание основного значения и актуализацию коннотативной семы.

Подробный анализ коннотаций, приобретаемых русизмами в литовском жаргоне, в сравнении с «азиатскими» и «европейскими» заимствованиями в русском жаргоне представлен в статье автора (Завьялова 2005). Там комплекс этих коннотаций определяется как «ненастоящий, искусственный, плохой, неясный, несерьезный, смешной, слишком большой, слишком сильный, искаженный». В той же работе делается вывод, что «азиатские» арготизмы (отличающиеся негативными и, как правило, более экспрессивными коннотациями) более склонны к изменению семантики, чем «западные» — «положительные» или «нейтральные» — арготизмы) (Завьялова 2005: 228).

Ситуативные семантические сдвиги

Ожидаемым является также перенос значения лексемы, обозначающей ситуацию, на её участников или детали и наоборот. Например:

рус. *похмелье* → лит. *pachmielas* '1. похмелье; 2. напиток для облегчения похмелья'

рус. *заграница* → лит. *zaganiza* 'журналист, готовящий заграничные новости';

Иногда перенос значения осуществляется на основе места или времени действия:

рус. *ларёк* → лит. *lariokas* '1. киоск, в котором продается алкоголь; 2. пивной бар, маленькое кафе; 3. торговое место; 4. пьяница, алкого-

⁹ М. А. Грачёв приводит значение 'дрянной, презренный, низкий человек', зафиксированное Далем в костромских и пензенских говорах (Грачёв 2003: 1045; Даль IV: 625), однако в современном русском жаргоне такого значения нет.

лик' — последнее значение основано на месте действия: пьяница = завсегда́тай места продажи алкоголя;

рус. *ночѐвка* → лит. *načiofkė* 'ночной магазин напитков';

рус. *ночнѝк* → лит. *načnykas, načnikas* 'ночной магазин напитков'.

В двух последних случаях существующие в литературном русском языке слова в литовском жаргоне кардинально меняют значение. Новое значение в данном случае возникает из переосмысления корня слова (*ноч-*) в контексте иной ситуации (отличной от изначальной). Такие случаи нередки в обоих языках.

Семантические сдвиги на основе фонетики

В большинстве случаев сдвиг значения возникает на основе созвучия с похожим словом. Например:

рус. *бухáнка* 'хлеб' → лит. *būchanė, buchankė* 'попойка, пьяная оргия' — от *бухáть* 'пьянствовать'¹⁰;

рус. *ва́нька, ва́ня* 'простой недалекий человек' (и др.) → лит. *vania* 'носок (нестиранный, вонючий)' — от *воня́ть, вонь*;

рус. *Лужни́кú* → лтш. *lužņiki* 'туалет' — от *нужнѝк* 'туалет';

рус. *нары́в* → лит. *narūvas* '1. придирка, повод; 2. неприятность' — от *нарыва́ться*;

рус. *стоя́к* '1. охранник, телохранитель; 2. эрекция' → лтш. *stojaks* 'сотня (напр., 100 грамм)' — от *сто*;

рус. *су́сло* → лтш. *susla* '1. напиток; 2. худой человек' — от *су́слик*;

рус. *хорѐк* '1. заключенный, делающий подкоп; 2. проститутка; 3. любитель поспать' (и др.) → лит. *chariokas* '1. лицо; 2. мокрота' — от *ха́ря* 'лицо', *ха́рка́ть* 'плевать'.

Подобные приемы псевдомотивации используются часто в намеренной языковой игре, характерной также и для жаргона. Как отмечает автор словаря латышского жаргона В. Эрнстоне, молодежный жаргон склонен к образованию «фонетических дериватов», которые являются результатом поиска сходных по звучанию слов или случайных совпадений, основанных на звуковой форме (Ernststone 1993: 26), однако в этом случае встаёт вопрос о том, насколько это намеренный поиск или перенос значений из-за незнания исходных значений слов. О намеренной языковой игре пойдет речь ниже.

¹⁰ Ср. рус. жарг. *бухáн* и *бухáльник* 'пьяница' и соответствующие производные ж.р. *бухáнка* и *бухáльница* 'алкоголичка' (Грачёв 2003: 115).

В последнем случае два значения литовского слова образованы по созвучию с двумя разными русскими лексемами (*харя* и *харкать*). Такие случаи контаминации значений внешне похожих слов нередки. Ср.: рус. *дрочить* '1. заниматься онанизмом; 2. заниматься пустым, никчемным делом; тратить силы попусту' + *строчить* 'быстро писать' → лтш. *dračīt* '1. загрузить (работой); 2. писать много; 3. приставать, доставлять неудобства' (ср. лит. *dračītinās* 'тот, кто спешит');

рус. *лунить* 'бить' + *вылуниться* 'смотреть' → лтш. *lupīt* '1. бить; 2. смотреть, глазеть';

рус. *отрубить* 'сказать резко' + *отсидеть срок* → лтш. *atrubīt* '1. обидеть; 2. освободиться';

рус. *падла* 'нехороший человек' + *пáтлы* 'неухоженные длинные волосы' → лит. *padla* '1. подлец, сволочь; 2. кокаин; 3. водка; 4. (мн.) волосы'.

Процесс смешения фонетически схожих слов имеет аналогии и в ошибках при изучении иностранного языка: ср. описанные В. Ю. Михальченко случаи смешения пар слов, «имеющих для билингва паронимический характер (в русском языке эти пары не всегда являются паронимами): *очутился* — *очнулся*, *благородный* — *благодарный*...» (Михальченко 1976: 291).

Смешение подобных квазипаронимов часто приводит к возникновению неологизмов.

Неологизмы

В некоторых случаях появляются неологизмы, образованные на основе контаминации двух русских слов:

рус. *попáвиться* 'опохмелиться' + *запить дýшу* 'напиться' → лтш. *izpravīt dūšu* (букв. 'поправить душу') '1. выпить; 2. угостить алкоголем';

рус. *штырь* + *пырнуть* → лит. *štirnulinti* 'заколоть';

рус. *выпендрёж* 'вызывающее поведение, претензии на авторитетность' + от *педри́ла*, *педри́ло* 'активный гомосексуалист (чаще о заносчивом, агрессивном)' → лит. *vypendryla* 'гомосексуалист, гей' (ср. лтш. *vipendrons* 'важный человек').

Неологизмы возникают и на основе одного заимствованного слова, например, с переводом его в другую часть речи:

глагол → существительное:

рус. *трéскать* → лтш. *treskačs* 'собрание' (от *трещáть* 'много разговаривать');

рус. *грузить* 'обманывать, лгать, фантазировать, пытаться запутать кого-л.; быть тяжелым для восприятия, понимания, производить тяже-

лое впечатление; сложно выражать мысль, мудрить' → лтш. *gruzons* '1. волнение, тревога, задумчивость; 2. тяжелая музыка';

рус. (*быть*) в *до́ле* 'делиться похищенным' → лит. *vdolė* 'собутыльник';

существительное → глагол:

рус. *лoмка* [→ лит. *lomkės*] → лит. *lomkinti* 'спать';

рус. *сверчoк* → лит. *svirčiokinti* 'мыть туалеты' (*svirčiokas* 'заключённый, за нарушения без очереди моющий туалеты');

рус. *ту́ндра* 'глупый человек' → лит. *tundrėti* 'сходить с ума, дуреть'.

Как видно, словообразовательные процессы в данном случае более продуктивны в языке-реципиенте, чем в языке-доноре.

Двуязычная контаминация

Наиболее далекими от процессов, происходящих в языке-доноре, по-видимому, можно считать изменения значений на основе созвучия со словами из других языков (английского, немецкого, литовского, латышского). Например:

рус. *ба́нищик* → лит. *banščikas* 'человек, запрещающий, блокирующий связь или доступ' — от англ. *to ban* 'запретить';

рус. *жлоб* 'жадина; хам; не относящийся к воровской среде; большой, сильный, толстый, здоровый; туповатый человек' (и др.) → лит. *žlòbas* '1. плохо видящий, близорукий; 2. неудачник, человек, не заслуживающий внимания, простак; некрасивый, противный, отталкивающий, мерзкий' — 1: созвучие с лит. *žābalas* 'слепой';

рус. *ла́почка* → лтш. *lapočka* 'листок бумаги' от лтш. *lapa* 'лист'.

Контаминации похожих по звучанию слов разных языков приводят к появлению параллельных значений у одного слова¹¹, например:

рус. *разоря́ть* + нем. *rasieren* 'брить' → лтш. *razierēt* '1. брить; 2. воровать; 3. разорять'

рус. *шумéть* + н.-нем. *Schûm* 'пена'; н.-нем. *schumen* → лтш. *sašūmēt* '1. вспенить; 2. раздражить'; *sašūmēties* '1. вспениться; 2. занервничать, рассердиться'; *pašūmēties* 'поддаться волнению, беспокойству (на некоторое время), посердиться';

рус. *фа́милля* + нем. *die Familie* → лтш. *famīlija* '1. семья; 2. фамилия';

рус. *унáруть* 'быстро бегать' (и др.) + нем. *sparen* 'экономить' → лтш. *špārēt* '1. двигаться быстро, как правило, бегом; 2. экономить'¹²;

¹¹ Учитывая то, что значения приведенных ниже слов иногда сильно различаются, целесообразнее, возможно, было бы считать эти лексемы омонимами, но в словарях они приводятся именно как разные значения одного слова.

рус. *урла́* ‘быдло, гопники, криминалитет’ + англ. URL → лит. *urlas* ‘1. член молодежной группировки, например, бритый наголо, в широких штанах; 2. адрес интернет-сайта’;

рус. *голя́к* + лит. *gālas* ‘конец’ → лит. *galiąkas* ‘1. конец; 2. плохо, крах; смерть; 3. недостаток, нехватка’.

* * *

Описанные процессы семантических сдвигов можно систематизировать по степени изменения исходных значений заимствованных слов:

1-й этап: незначительные изменения, сужение/расширение исходного значения;

2-й этап: размывание значения, при котором новое значение образуется на основе периферийного семантического признака (например, негативной коннотации);

3-й этап: развитие новых значений на основе ситуативной смежности (перенос обозначения ситуации на её участников и наоборот);

4-й этап: развитие новых значений на основе внешней формы слова (созвучия, сходства со словами своего языка, языка-источника или других языков).

Если первые три процесса могут происходить при изменении значений и в рамках одного языка (особенно при использовании лексемы в жаргоне), то последний этап, видимо, характерен только для заимствований, когда слово изначально воспринимается как чужое и не имеет явно осознаваемых носителями языка связей в языке-реципиенте. Здесь также не исключена возможность языковой игры, когда носители языка намеренно смешивают похожие слова разных языков, создавая неологизмы или новые значения существующих слов. В этом отношении показательны два примера из литовского жаргона, в которых явно просматривается языковая игра:

рус. *ма́йка* → лит. *gegužinikė* ‘майка’ (от рус. *май* (лит. *gegužė*) + суф. -к(а))

рус. *тру́сики* → лит. *bailiukai* ‘трусы’ (от рус. *трус* (лит. *bailys*) + суф. -ик(и)).

Видимо, это можно отнести и к двум другим литовским неологизмам, использующим контаминацию литовских лексем и русских ругательств:

лит. *vaĩzdis* ‘труба’ (в жаргоне: ‘пистолет’; ‘пенис’; ‘толстая вена’ и др.) + рус. *здец* ‘пиздец’ → лит. *vamzdi̇c* ‘плохо, плохая ситуация, конец, крах, смерть’;

¹² См. рус. жарг. *унáрпуть*² ‘1. утаивать часть воровской добычи; 2. обманывать’ (Грачёв 2003: 1070), тоже, в свою очередь, вероятно, мотивированное значением немецкого глагола.

лит. *káimas* (*kaĩmas*) 'деревня' + рус. -ёб → лит. *kaimajobas* 'простак, недалёкий человек, дурак, неудачник' (ср. русский композит *долбоёб*).

Механизм таких намеренных смешений понятен и характерен для жаргона вообще. Однако намеренная языковая игра — это особая тема для отдельного исследования. В большинстве случаев нетрудно отличить, когда речь идёт о намеренной языковой игре, а когда — о случайном смешении омофонов из-за незнания языка-источника.

Надо сказать, что значительные семантические изменения характерны именно для заимствований из «далеких» языков, которые носители жаргона знают плохо. Исследователи англицизмов в литовском, латышском и русском жаргоне отмечают, что с лексикой, заимствованной из английского языка, таких существенных изменений не происходит (Полозова 2008: 85; Vyšniauskienė 2012). Это говорит о том, что носители соответствующих языков обладают достаточными познаниями в английском языке и стремятся к его корректному использованию. В случае же с русским языком в Литве и Латвии происходит обратный процесс: носители литовского и латышского языков, очистив кодифицированную норму от элементов русского языка, всё больше забывают русский язык (а представители младшего поколения не знают его совсем), вследствие чего значения русизмов всё дальше отходят от семантики в языке-оригинале. Финальный этап разрушения семантики русизмов связан с полной утратой первоначального значения и формированием нового на основании фонетической формы и аналогии с похожими по звучанию словами разных языков.

ИСТОЧНИКИ

БСЖ — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона. Санкт-Петербург, 2000.

Грачёв 2003 — М. А. Грачев. Словарь тысячелетнего русского аргю. Москва, 2003.

Елистратов 2000 — В. С. Елистратов. Словарь русского аргю. Москва, 2000.

СВЖ — Словарь воровского жаргона:

<http://www.dicsonline.ru/slovar/slovar-vorovskogo-zhargona>

СКЖ — Словарь компьютерного жаргона:

<http://www.dicsonline.ru/slovary/slovar-komp-yuternogo-zhargona>

СМС — Словарь молодежного сленга:

<http://www.dicsonline.ru/slovary/slovar-molodezhnogo-slenga>

СНС — Словарь наркотического сленга:

<http://www.dicsonline.ru/slovary/slovar-narkoticheskogo-slenga>

СРА — Словарь русского аргю: http://russian_argo.academic.ru/

- ССЛЖС — Словарь современной лексики, жаргона и сленга: <http://argo.academic.ru/>.
- Kudirka 2014 — R. Kudirka. Kalėjimo, kriminalinio ir narkomanų žargonų žodynas. 2-asis pataisytas ir papildytas leidimas. Kitos knygos: 2014.
- Bušs, Ernstsone 2006 — O. Bušs, V. Ernstsone. Latviešu valodas slenga vārdnīca. [Rīgā,] 2006.
- LVŽV — Latviešu valodas žargonu vārdnīca / Sastādītāji: I. Mirovics, A. Dubaus. Palīgsastādītāji: A. Reiters, V. Mebalds. [Rīgā,] 2005.
- LŽB — Lietuvių žargonu bazė: http://www.flf.vu.lt/dokumentai/mokslas/lietuviu_zargonu_baze.pdf.

ЛИТЕРАТУРА

- Береговская 1996 — Э. М. Береговская. Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания, № 3, 1996.
- Бушс 2008 — O. Бушс. Денотативные и коннотативные элементы в семантике сленгизмов латышского языка // O. Bušs. No ģermānismiem līdz superlatīvam. Rīga, 2008.
- Григоренко, Ревякина 2016 — O. В. Григоренко, Т. Л. Ревякина. Внутренние и внешние заимствования в составе современного молодежного жаргона // Известия ВГПУ, № 3 (272), 2016.
- Завьялова 2005 — М. Завьялова. К проблеме семантического сдвига при заимствовании: на материале литовского жаргона // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav). Band 8 / Hrsg. M. Bayer, M. Betsch, R. Zimny. München, 2005.
- Иванова 2007 — Н. С. Иванова. Молодежный жаргон в лингвокультурологическом освещении. Автореферат дисс. <...> кандидата филологических наук. Екатеринбург, 2007.
- Матюшенко 2007 — Е. Е. Матюшенко. Современный молодежный сленг: формирование и функционирование. Автореферат дисс. <...> кандидата филологических наук. Волгоград, 2007.
- Михальченко 1976 — В. Ю. Михальченко. Третья ступень литовско-русского двуязычия // Развитие национально-русского двуязычия. Москва, 1976.
- Полозова 2008 — С. В. Полозова. Иноязычные заимствования как источник пополнения лексико-фразеологического состава современных русских жаргонов // Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 3, 2008.
- Aleksandravičius 2014 — A. Aleksandravičius. Lietuvių kalbos rusiškos svetimybės — kaip alkoholis vairuotojų kraujyje: <http://www.lzdraugija.lt/2014/05/arnoldas-aleksandravicius-lietuviu-kalbos-rusiskos-svetimybės-kaip-alkoholis-vairuotoju-kraujyje/>.

- Bandzevičiūtė, Didjurgienė — *G. Bandzevičiūtė, A. Didjurgienė*. Studentų žargonas — skurdas ar turtas?: <http://core.ac.uk/download/pdf/62656231.pdf>. Brėde 2002 — *M. Brėde*. Anglismi jauniešu leksikā // Vārds un tā pētīšanas aspekti, Nr. 6, 2002.
- Brėde 2006 — *M. Brėde*. „Trojas zirdziņi“ latviešu runā un rakstos // Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi. Populārzinātnisku rakstu krājums / Atb. red. S. Lagzdiņa. Nr. 2. Rīga, 2006.
- Bušs 2008 — *O. Bušs*. Neliterārie leksiskie ģermānismi mūsdienu latviešu valodā // *O. Bušs*. No ģermānismiem līdz superlatīvam. Rīga, 2008.
- Čekuolytė 2010 — *A. Čekuolytė*. Jaunimo požiūris į angliškus žodžius suaugusiųjų kalboje // Kalbos kultūra, 83, 2010.
- Česnulienė 2017 — *V. Česnulienė*. Naujieji skoliniai lietuvių jaunimo diskurse // Žmogus ir žodis, t. 19, Nr. 1: Didaktinė lingvistika, 2017.
- Ernstsonē 1993 — *V. Ernstsonē*. Semantiskās pārvirzes mūsdienu jauniešu sarunvalodā // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. A. Nr. 4 (549), 1993.
- Ernstsonē 1999 — *V. Ernstsonē*. Latviešu valodas slenga leksika. Rīga, 1999.
- Ernstsonē 2006 — *V. Ernstsonē*. Latviešu sarunvaloda Austrumu un Rietumu ietekmju krustpunktā // Lietuvių ir latvių gretinamosios stilistikos klausimai / Šiaulių universitetas = Lietuviešu un latviešu sastatāmās stilistikas jautājumi / Sud. R. Kvašytė. Šiauliai, 2006.
- Girčienė 2015 — *J. Girčienė*. Gastronomijos srities skoliniai kaip globalėjancio pasaulio atspindys // Linguistica Lettica, 2015.
- Freimane 2002 — *L. Freimane*. Jaunvārdi jauniešu sarunvalodā // Vārds un tā pētīšanas aspekti: Rakstu krājums, 6. Liepāja, 2002.
- Jākobsons 2013 — *E. Jākobsons*. Valoda, valodiņa... 1.daļa - Aizguvumi un jaunvārdi: <http://www.laikmetazimes.lv/2013/06/10/valoda-valodina-1dala-aizguvumi-un-jaunvardi/>
- Stengrevica 2006 — *M. Stengrevica*. Ģermāniskie barbarismi mūsdienu latviešu valodā // Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi. Populārzinātnisku rakstu krājums / Atb. red. S. Lagzdiņa. Nr. 2. Rīga, 2006.
- Vaicekauskienė 2007 — *L. Vaicekauskienė*. Naujieji lietuvių kalbos sveitimžodžiai: kalbos politika ir vartosenā. Vilnius, 2007.
- Vaicekauskienė, Šmitaitė 2010 — *L. Vaicekauskienė, R. Šmitaitė*. Anglų kalbos vartojimas ir kodų kaita Lietuvos televizijų reklamose // Kalbotyra, 62 (3), 2010.
- Vyšniauskienė 2012 — *I. Vyšniauskienė*. Polilingvali Vilniaus jaunimo raiška: socialinės tapatybės paieškos // Kalbotyra, 64 (3), 2012.
- Zaikauskas 2007 — *E. Zaikauskas* siekia žargonybėms lietuvių kalbos pilietybės: <http://www.delfi.lt/kultura/naujienos/ezaikauskas-siekia-zargonybems-lietuviu-kalbos-pilietybes.d?id=13766365>.

П. М. АРКАДЬЕВ

Опыт морфологической классификации литовских глаголов

1. Предварительные замечания¹

Система спряжения литовского языка обладает большим разнообразием словоизменительных средств, лексически закреплённых за теми или иными глаголами, причём выбор этих средств подчас кажется ничем не мотивированным. Это касается не только обширного класса синхронно непродуктивных так называемых «первичных» глаголов (Амбразас 1985: 254–259), у которых традиционно рассматриваемый в качестве исходной формы инфинитив имеет структуру «корень+*ti*», из-за чего многочисленные противопоставления типов основ, представленных в личных формах, нейтрализуются (например: *bėgti* ‘бежать’: Prs3 *bėga*, Pst3 *bėgo*; *vōgti* ‘красть’: Prs3 *vāgia*, Pst3 *vōgė*; *blōgti* ‘худеть, ухудшаться’: Prs3 *blōgsta*, Pst3 *blōgo*), но и более продуктивных образований. Например, за инфинитивами на *-ėti* скрываются по крайней мере три различных типа, ср. *galėti* ‘мочь’: Prs3 *gāli*, Pst3 *galėjo*; *kalbėti* ‘говорить’: Prs3 *kalba*, Pst3 *kalbėjo*; *gražėti* ‘хорошеть’: Prs3 *gražėja*, Pst3 *gražėjo*. Этот факт дал основание некоторым исследователям литовской глагольной морфологии, например, Т. В. Булыгиной (Булыгина 1970: 49–50; 1977: 244), совершенно справедливо говорить о том, что форма инфинитива имеет «наименьшую прогностическую силу», т. е. в минимальной степени содержит информацию о других формах глагола².

¹ Данная статья является существенно переработанным и дополненным вариантом электронной публикации (Аркадьев 2003), отражающей студенческую работу (Аркадьев 2002). Первоначальный вариант того давнего текста читали А. В. Андронов, А. В. Дыбо, А. А. Зализняк, И. Б. Иткин и В. А. Плунгян; за комментариями и поправки к настоящему варианту текста я признателен А. В. Андронову, С. Г. Болотову, А. Д. Даугавей, М. В. Ослону и Ю. Пакаряису. Разумеется, никто из указанных коллег не несёт ответственности за возможные ошибки и в особенности за всё то, что произошло с этим текстом с момента первой публикации. Со времени появления первоначального варианта автором были написаны и опубликованы такие имеющие отношение к теме работы, как: Аркадьев 2006а, 2010 и Arkadiev 2012, на которые отчасти опирается настоящий текст.

² О значимости «прогностической силы» тех или иных парадигматических форм и об имплицативной структуре морфологических парадигм см., например, работы: Wurzel 1987; Finkel & Stump 2007; Ackerman & Malouf 2013, 2016; Sims & Parker 2016.

Известные мне описания литовского языка не содержат полной и эксплицитной классификации глагольных классов. Цитируемая выше грамматика (Амбразас 1985: 257–258) даёт лишь таблицу, в которой приводятся типы чередований основ, однако ни адекватной классификации этих типов, ни серьёзной попытки указать их распределение там нет (та же таблица с незначительными модификациями приводится и в англоязычном варианте грамматики (Ambrasas 2006: 287–289)). Грамматика (Senn 1966: 258–279) также приводит лишь расклассифицированные по типам основ списки глаголов. Подробная классификация в академической грамматике (Ulvydas 1971: 219–235) не может быть признана достаточно точной, хотя она, несомненно, даёт весьма полное представление о формальном разнообразии литовского спряжения (правда, без каких-либо обобщений); то же можно сказать и о подробном обзоре в статье (Pakerys 2011).

«Динамическое описание литовского спряжения» в работе: Бульгина 1977: 238–269 (см. также Бульгина 1970: 38–70) также не решает проблемы парадигматических классов. Разработанная Т. В. Бульгиной порождающая модель литовского спряжения обладает большой предсказательной силой и содержит немало интересных обобщений, однако постулируемые в ней морфологические и морфонологические правила, общие для всех глаголов, применяются к абстрактной основе, при этом сама эта основа принимается как некая данность и проблема её «вычисления» на основании реальных форм даже не ставится (а такая задача возникает, в частности, перед изучающими литовский язык или перед автоматическим морфологическим анализатором). То же можно сказать и об очерках порождающей фонологии литовского языка в работах: Heeschen 1968: 190–282 и Regier 1977. Подробная классификация парадигматических классов литовских глаголов приводится в работах Андронов 1999, Andronov 2000. Тем не менее, принятая там трактовка словоизменяемых типов первичных глаголов исключительно в терминах чередований не представляется мне полностью адекватной. Классификация же, представленная в недавней статье Pakerys 2021, отвлекается от разнообразия способов образования основ, которые ставятся в центр внимания в настоящей работе. Ещё одна известная мне классификация парадигматических классов литовских глаголов, во многих аспектах отличающаяся от предлагаемой здесь, содержится в приложении к типологической работе Dressler et al. 2006: 61–64.

Что же касается толковых и переводных словарей литовского языка (LKŽe; LRKŽ 1962, 2005, DLKŽ 2000, MLKŽ 2000 и всех последующих изданий), то в них морфологическая информация о словоизменении глагола в соответствии с традицией даётся в виде трёх основных форм —

инфинитива, 3 л. настоящего времени и 3 л. прошедшего однократного времени; знание этих трёх форм и правил образования остальных в совокупности позволяет построить парадигму подавляющего большинства литовских глаголов.

Важнейшей особенностью литовского спряжения, по-видимому, во многом предопределяющей отсутствие удовлетворительной парадигматической классификации и несомненно осложняющей её построение, является на первый взгляд парадоксальное сочетание единообразной и высоко регулярной системы **аффиксальных показателей** (суффиксов времён, наклонений, причастий, лично-числовых флексий) со значительным разнообразием средств образования **основ**, к которым эти показатели присоединяются. Выбор конкретного средства образования основ (суффикса, инфикса, чередования гласных или их сочетания) лексически закреплён за конкретными глагольными лексемами и во многих случаях непредсказуем. Тем самым, объектом морфологической классификации применительно к литовскому языку должны быть в первую очередь типы образования глагольных основ и их соотношения между собой (ср. в этой связи обсуждение во многом сходной проблематики применительно к ижорскому языку в работе: Рожанский, Маркус 2020 и к готскому языку в работе: Аркадьев 2020).

Как мне представляется, классификация парадигматических классов литовских глаголов наподобие той, которая проделана для русского языка в «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка (Зализняк 2003 (1977)) на основании принципов, впервые эксплицитно изложенных в его «Русском именном словоизменении» (Зализняк 2002 (1967)), и возможна, и необходима (ср. Андронов 1999: 4). Такая классификация не только позволила бы сделать ряд важных обобщений и по-новому взглянуть на кажущиеся нерегулярными и разрозненными факты литовского языка, но и сэкономить в словарях место, необходимое, например, для указания модели управления глагола (эта информация полностью отсутствует, например, в DLKŽ 2000, где её приходится восстанавливать лишь на основе скудных примеров; представляется, что эти сведения, во-первых, не менее важны, а, во-вторых, вряд ли менее лексикализованы, чем тип спряжения, исправно и неэкономно указываемый в этом словаре при каждой лексеме, о чём свидетельствует существование отдельного словаря управления литовских глаголов (Slīžienė 1994–2004)).

Предлагаемая здесь классификация является расширенным и дополненным вариантом той, что отражена в работах: Аркадьев 2003, 2006а, и опирается в первую очередь на учебные материалы автора (Аркадьев рукопись), используемые им в преподавании литовского языка студентам-лингвистам. Материалом служит, как я надеюсь, полный обзор существ-

вующих в современном литературном литовском языке противопоставлений; представляющая особую сложность классификация первичных глаголов основана на списке из примерно восьмисот лексем, включённых в литовско-русский словарь (LRKŽ 1962), при необходимости дополненным рядом лексем из других словарей, в первую очередь, обратного словаря (LRD 1976), основанного на первом (1954) издании DLKŽ; информация о словоизменении даётся в первую очередь по словарю LRKŽ 1962, но дополнительно проверена по электронному варианту толкового словаря (DLKŽe). Все глаголы приводятся в традиционной орфографической записи. Особенности акцентуации глагольных форм в настоящей работе не рассматриваются, поскольку, за исключением переноса ударения на префикс, подробно описанного в работе: Andronovas 1995, постановка ударения в литовском глаголе относительно тривиальна. В связи с этим я отвлекаюсь также от такого не отражающегося орфографией морфонологического процесса, как удлинение гласных /a/ и /æ/ (графически *a* и *e*) под ударением в ряде глагольных форм.

Дальнейшая структура статьи такова. В разделе 2 я опишу основные грамматические формы литовского глагола и приведу примеры парадигм спряжения. Раздел 3 посвящён описанию морфонологических правил, а раздел 4 — собственно классификации типов спряжения и их формальному описанию. В приложении приводятся предлагаемые мною словарные пометы, отражающие классификацию и дополнительные морфонологические сведения³.

2. Краткий обзор литовского спряжения

Литовская глагольная парадигма весьма обширна (даже если ограничиться синтетическими формами), более того, её границы не всегда возможно чётко определить ввиду существования целого ряда относительно маргинальных форм, комбинаторика которых не вполне изучена. Поскольку все такие формы образуются регулярно и единообразно, для целей настоящей работы их можно не принимать во внимание; о некоторых из них подробнее (см. Arkadiev 2010, 2011; Аркадьев 2011, 2012: 85–98; 2013а, 2013б, 2014). Кроме того, не во всех случаях ясно, где проводить границу между словоизменительными и словообразовательными операциями; это касается таких образований, как отглагольное имя с суффиксом *-im/-ym-* и некоторых употреблений рефлексивных глаго-

³ В первоначальном варианте (Аркадьев 2003: Прил. 2) также приводился (неформальный) алгоритм порождения форм; в данной версии работы я отказываюсь от попытки представить такой алгоритм, который, во-первых, был бы слишком громоздким, и, во-вторых, должен был бы быть записан скорее на языке программирования.

лов, см., например: Holvoet et al. 2015⁴. Опять-таки, все эти проблемы ортогональны вопросу глагольной классификации.

Для целей моей работы представляется достаточным ограничить рассмотрение личными и наиболее распространёнными нефинитными формами, приводящимися в любых грамматических описаниях литовского языка. Выделяются следующие морфологические категории и граммымы:

- наклонение: индикатив (Ind), конъюнктив, или ирреалис (Irr), императив (Imp);
- время (только в Ind): настоящее (Prs), прошедшее (претерит, Pst), хабитуальное прошедшее (Hab), будущее (Fut);
- лицо: первое (1), второе (2), третье (3);
- число (только в 1 и 2 лице): единственное (Sg), множественное (Pl);
- финитность: инфинитив (Inf), конверб (Cvb), причастия; причастия также различают время и залог: актив (PA) и пассив (PP). Причастия, подобно прилагательным, различают категории рода, числа, падежа и определённости, а также могут быть склоняемыми и несклоняемыми; конверб изменяется по роду и числу.

Как уже было сказано, словоизменение литовского глагола строится вокруг трёх основ⁵: презенса, претерита и инфинитива. Распределение рассматриваемых форм по основам приведено в таблице 1.

Табл. 1. Распределение форм по основам

основа презенса	PrsInd, PrsPA, PrsPP
основа претерита	PstInd, PstPA
основа инфинитива	Inf, Hab, Fut, Irr, Imp, Cvb, PstPP

Как видно, подавляющее большинство форм литовского глагола образуется от основы инфинитива; более того, правила образования всех этих форм (за исключением Fut3) единообразны для всех классов глаголов и осложняются лишь наиболее общими морфонологическими чередованиями (о них см. следующий раздел), так что в дальнейшем инфинитив можно считать представителем всех форм, образующихся от его основы. Правила образования форм от основ презенса и претерита более сложны, и именно здесь наблюдается разнообразие парадигматических классов.

⁴ В принципе нелишне заметить, что к литовскому языку в полной мере применимы скептические замечания о неоднозначности разграничения словоизменения и словообразования и релевантности самого противопоставления, высказанные применительно к латышскому в статье: Nau 2001.

⁵ В статье: Arkadiev 2012 я аргументирую выделение четвёртой основы для формы PstPP; для задачи данной работы это нерелевантно.

Традиционно классификация литовских глаголов опирается на два логически независимых друг от друга признака:

— тип спряжения в Prs (определяется по форме Prs3, которую можно идентифицировать с основой): *a*-спряжение (I), *i*-спряжение (II) и *o*-спряжение (III);

— наличие слоговых суффиксов в Prs, Pst и Inf: суффиксы отсутствуют во всех основах (**первичные** глаголы); суффиксы присутствуют во всех основах (**вторичные** или суффиксальные глаголы); суффикс присутствует в одних основах (всегда в Inf, как правило в Pst) и отсутствует в других (всегда в Prs, в типе III также в Pst) — **смешанные** глаголы.

В реальности указанные признаки оказываются не независимыми, поскольку первичные и вторичные глаголы встречаются только в типе спряжения I, а все глаголы остальных двух типов спряжения являются смешанными. Все возможные сочетания признаков представлены в таблице 2 (слоговые суффиксы выделены полужирным).

Табл. 2. Основные традиционные классы литовских глаголов

тип Prs	соотношение основ	Inf	Prs	Pst
I	первичные	<i>áugti</i> ‘расти’	<i>áuga</i>	<i>áugo</i>
	смешанные	<i>kalbėti</i> ‘говорить’	<i>kal̃ba</i>	<i>kalbėjo</i>
	вторичные	<i>dainuoti</i> ‘петь’	<i>dainuoja</i>	<i>dainavo</i>
II	смешанные	<i>mylėti</i> ‘любить’	<i>mýli</i>	<i>mylėjo</i>
III	смешанные	<i>sakýti</i> ‘сказать’	<i>sāko</i>	<i>sākė</i>
		<i>žinóti</i> ‘знать’	<i>žino</i>	<i>žinójo</i>

Об уточнении и расширении традиционной классификации речь пойдёт в разделе 4. Здесь же необходимо остановиться на образовании форм. Парадигмы спряжения шести глаголов из таблицы 2 даны в таблице 3; полностью приводятся все личные формы лишь для Prs и Pst, в то время как для остальных личных форм даётся лишь 3 лицо (для Imp, естественно, 2Sg) либо, для причастий и конверба — NomSgM и NomSgF. Полные парадигмы спряжения личных форм от основы инфинитива приведены лишь для глагола *áugti* ‘расти’ в таблице 4.

Из приведённых таблиц легко видеть, во-первых, уже упомянутое единообразие форм, образованных от основы инфинитива, и, во-вторых, значительное сходство в принципах образования и всех остальных форм. Так, за исключением Fut, Itg и Imp, личные формы множественного числа образуются присоединением суффиксов *-me* и *-te* к форме 3 лица соответствующего времени; все формы индикатива в 2Sg содержат *-i*, а все формы, кроме Imp, в 1Sg содержат *-u*. В принципе возможна «аглюти-

нативная» трактовка лично-числовых флексий единственного числа, исходящая из того, что показатель 1Sg всегда *-u*, а 2Sg всегда *-i*, и постулирующая сокращение долгих и выпадение кратких гласных при сочетании этих показателей с суффиксами времени, см.: Žulys 1974; Булыгина 1977: 264; Андронов 1999: 9–10. Тем не менее по соображениям простоты я рассматриваю показатели 1Sg и 2Sg в парадигмах Prs и Pst как выражающие кумулятивно и время. Выделяемые мною показатели времени, наклонения, лица-числа и причастий литовского глагола представлены в таблице 5.

Табл. 3. Парадигмы спряжения (основные формы)

		<i>áugti</i> 'расти'	<i>kalbėti</i> 'говорить'	<i>dainiuoti</i> 'петь'	<i>mylėti</i> 'любить'	<i>sakýti</i> 'сказать'	<i>žinoti</i> 'знать'	
Prs	3	<i>áuga</i>	<i>kal̃ba</i>	<i>dainiuoja</i>	<i>myli</i>	<i>sàko</i>	<i>žino</i>	
	Sg	1	<i>áugu</i>	<i>kalbù</i>	<i>dainiuoju</i>	<i>myliu</i>	<i>sakaũ</i>	<i>žinaũ</i>
		2	<i>áugi</i>	<i>kalbi</i>	<i>dainiuoji</i>	<i>myli</i>	<i>sakaĩ</i>	<i>žinaĩ</i>
Pl	1	<i>áugame</i>	<i>kal̃bame</i>	<i>dainiuojame</i>	<i>mylime</i>	<i>sàkome</i>	<i>žinome</i>	
	2	<i>áugate</i>	<i>kal̃bate</i>	<i>dainiuojate</i>	<i>mylite</i>	<i>sàkote</i>	<i>žinote</i>	
PA	NomSg	M	<i>áugas</i>	<i>kalb̃as</i>	<i>dainiuojas</i>	<i>myl̃is</i>	<i>sàkas</i>	<i>žiñas</i>
		F	<i>áuganti</i>	<i>kal̃banti</i>	<i>dainiuojanti</i>	<i>myl̃inti</i>	<i>sàkanti</i>	<i>žiñanti</i>
PP	NomSg	M	<i>áugamas</i>	<i>kal̃bamas</i>	<i>dainiuojamas</i>	<i>mylimas</i>	<i>sàkomas</i>	<i>žinomas</i>
		F	<i>augamà</i>	<i>kalbamà</i>	<i>dainiuojama</i>	<i>mylima</i>	<i>sàkoma</i>	<i>žinoma</i>
Pst	3	<i>áugo</i>	<i>kalbėjo</i>	<i>dainavo</i>	<i>mylėjo</i>	<i>sàkė</i>	<i>žinójo</i>	
Sg	1	<i>áugau</i>	<i>kalbėjau</i>	<i>dainavaũ</i>	<i>mylėjau</i>	<i>sakiaũ</i>	<i>žinójau</i>	
	2	<i>áugai</i>	<i>kalbėjai</i>	<i>dainavaĩ</i>	<i>mylėjai</i>	<i>sakeĩ</i>	<i>žinójai</i>	
Pl	1	<i>áugome</i>	<i>kalbėjome</i>	<i>daināvome</i>	<i>mylėjome</i>	<i>sàkome</i>	<i>žinójome</i>	
	2	<i>áugote</i>	<i>kalbėjote</i>	<i>daināvote</i>	<i>mylėjote</i>	<i>sàkote</i>	<i>žinójote</i>	
PA	NomSg	M	<i>áuges</i>	<i>kalbėjes</i>	<i>daināves</i>	<i>mylėjes</i>	<i>sàkes</i>	<i>žinójes</i>
		F	<i>áugusi</i>	<i>kalbėjusi</i>	<i>daināvusi</i>	<i>mylėjusi</i>	<i>sàkiusi</i>	<i>žinójusi</i>
PP	NomSg	M	<i>áugtas</i>	<i>kalbėtas</i>	<i>dainiuotas</i>	<i>mylėtas</i>	<i>sakýtas</i>	<i>žinótas</i>
		F	<i>augtà</i>	<i>kalbėta</i>	<i>dainiuota</i>	<i>mylėta</i>	<i>sakýta</i>	<i>žinóta</i>
Fut		<i>aũgs</i>	<i>kalbės</i>	<i>dainiuõs</i>	<i>mylės</i>	<i>sakỹs</i>	<i>žinõs</i>	
Hab	3	<i>áugdavo</i>	<i>kalbėdavo</i>	<i>dainiuodavo</i>	<i>mylėdavo</i>	<i>sakýdavo</i>	<i>žinódavo</i>	
Irr		<i>áugtų</i>	<i>kalbėtų</i>	<i>dainiuotų</i>	<i>mylėtų</i>	<i>sakýtų</i>	<i>žinótų</i>	
Imp	2Sg	<i>áuk</i>	<i>kalbėk</i>	<i>dainiuok</i>	<i>mylėk</i>	<i>sakýk</i>	<i>žinók</i>	
Cvb	Sg	M	<i>áugdamas</i>	<i>kalbėdamas</i>	<i>dainiuodamas</i>	<i>mylėdamas</i>	<i>sakýdamas</i>	<i>žinódamas</i>
		F	<i>augdamà</i>	<i>kalbėdama</i>	<i>dainiuodama</i>	<i>mylėdama</i>	<i>sakýdama</i>	<i>žinódama</i>

Табл. 4. Парадигмы спряжения (личные формы от основы инфинитива)

		Fut	Hab	Irr	Imp ⁶
3		<i>aũgs</i>	<i>áugdavo</i>	<i>áugty</i>	————
Sg	1	<i>áugsiu</i>	<i>áugdavau</i>	<i>áugčiau</i>	————
	2	<i>áugsi</i>	<i>áugdavai</i>	<i>áugtum</i>	<i>áuk</i>
Pl	1	<i>áugsime</i>	<i>áugdavome</i>	<i>áugtu(mė)me</i>	<i>áukime</i>
	2	<i>áugsite</i>	<i>áugdavote</i>	<i>áugtu(mė)te</i>	<i>áukite</i>

Табл. 5. Словоизменятельные аффиксы

		Prs			Pst		Hab	Fut	Irr	Imp
		I	II	III	твёрдый	мягкий				
3		<i>-a</i>	<i>-i</i>	<i>-o</i>	<i>-ė</i>		<i>-dav-o</i>	<i>-s</i>	<i>-ty</i>	————
Sg	1	<i>-u</i>	<i>-iu</i>	<i>-au</i>	<i>-iau</i>		<i>-dav-au</i>	<i>-si-u</i>	<i>-čiau</i>	————
	2	<i>-i</i>	<i>-i</i>	<i>-ai</i>	<i>-ei</i>		<i>-dav-ai</i>	<i>-s-i</i>	<i>-tum</i>	<i>-k</i>
Pl	1	<i>-a-me</i>	<i>-i-me</i>	<i>-o-me</i>	<i>-ė-me</i>		<i>-dav-o-me</i>	<i>-si-me</i>	<i>-tu(mė)-me</i>	<i>-ki-me</i>
	2	<i>-a-te</i>	<i>-i-te</i>	<i>-o-te</i>	<i>-ė-te</i>		<i>-dav-o-te</i>	<i>-si-te</i>	<i>-tu(mė)-te</i>	<i>-ki-te</i>
PA		<i>-a-nt-</i>	<i>-i-nt-</i>	<i>-a-nt-</i>		<i>-us-</i>	<i>-dav-us-</i>	<i>-si-ant-</i>	————	————
PP		<i>-a-m-</i>	<i>-i-m-</i>	<i>-o-m-</i>		<i>-t-</i>	————	<i>-si-m-</i>	————	————

Наконец, необходимо сказать об особенностях спряжения глаголов с рефлексивным аффиксом *-si*. При наличии в словоформе префикса показатель рефлексива помещается между префиксом и корнем, а все формы образуются стандартно. При отсутствии префикса рефлексивный показатель выступает как «постфикс», т. е. занимает последнюю позицию в словоформе; при этом сам рефлексивный аффикс подвержен алломорфии по следующим правилам:

- после согласных: *-is*;
- после 1Pl, 2Pl и *i* (кроме Prs3 II спряжения): *-s*;
- в остальных случаях: *-si*, факультативно *-s*.

Кроме того, перед рефлексивным показателем выступают особые «длигие» алломорфы флексий 1 и 2 л.:

- 1Sg *-uo-*;
- 2Sg *-ie-*; 2SgIrr *-tumei-*;
- 1Pl *-mė-*, 2Pl *-tė-*.

Образец спряжения возвратного глагола *kėltis* ‘подниматься’ приведён в таблице 6.

⁶ Практикуемое традиционными грамматиками включение в парадигму императива форм 3 л. презенса с пермиссивным префиксом *te-* (*teáuga* ‘пусть растёт’) я полагаю ошибочным по крайней мере с морфологической точки зрения.

Табл. 6. Спряжение возвратного глагола

		Prs	Pst	Hab	Fut	Irr	Imp
3		<i>kēliasi</i>	<i>kēlēsi</i>	<i>kēldavosi</i>	<i>kēļsis</i>	<i>kēltysi</i>	—
Sg	1	<i>keliūosi</i>	<i>kēliausi</i>	<i>kēldavausi</i>	<i>kēlsiuosi</i>	<i>kēlčiausi</i>	—
	2	<i>keliēsi</i>	<i>kēleisi</i>	<i>kēldavaisi</i>	<i>kēlsiesi</i>	<i>kēltumeisi</i>	<i>kēlkis</i>
Pl	1	<i>kēliamēs</i>	<i>kēlēmēs</i>	<i>kēldavomēs</i>	<i>kēlsimēs</i>	<i>kēltu(mē)mēs</i>	<i>kēlkimēs</i>
	2	<i>kēliatēs</i>	<i>kēlētēs</i>	<i>kēldavotēs</i>	<i>kēlsitēs</i>	<i>kēltu(mē)tēs</i>	<i>kēlkitēs</i>
PA	NomSgM	<i>keliq̄sis</i>	<i>kēļēsis</i>	<i>kēldavēsis</i>	<i>kēlsiq̄sis</i>	—	—
	NomSgF	<i>kēliantis</i>	<i>kēļusis</i>	<i>kēldavusis</i>	<i>kēlsiantis</i>	—	—
PP	DF ⁷	<i>kēliamasi</i>	<i>kēltasi</i>	—	<i>kēlsimasi</i>	—	—
Cvb	NomSgM	<i>kēldamasis</i>	—	—	—	—	—

С точки зрения образования основ и, следовательно, парадигматической классификации, рефлексивные глаголы ничем не отличаются от нерефлексивных и отдельно рассматриваться не должны.

3. Морфонологические преобразования

При образовании форм литовского глагола происходит ряд морфонологических⁸ преобразований, схематическое описание которых даётся ниже. Среди чередований есть как такие, которые можно считать автоматическими, так и такие, контекст которых апеллирует к конкретным морфемам. При этом преобразования, непосредственно образующие основы, а не сопутствующие присоединению тех или иных морфем, рассматриваются не здесь, а в разделе 4. В записи правил используются следующие обозначения (ср. Булыгина 1977: 240):

V — гласный

Vⁿ — «носовой» (фонологически долгий) гласный а, ę, i, u

V_[+long] — долгий гласный е, у, о, ū

V_[+short] — краткий гласный е, i, а, u

V_[+front] — гласный переднего ряда е, ę, è, i, ī, y, ie⁹

V_[+back] — гласный заднего ряда а, а̄, о, u, ū, ū, uo⁹

C — согласный

C_[+stop] — шумный смычный согласный p, t, č, k, b, d, dž, g

C_[-stop] — все остальные согласные, включая сонанты

⁷ Пассивные причастия приведены в форме дефолтного согласования, традиционно именуемой «средним родом», см. Аркадьев 2016.

⁸ Строго говоря, поскольку здесь я оперирую лишь с орфографической записью, описываемые чередования корректнее называть «морфографическими», ср. Крылов 1997: 264–269.

⁹ Фонемы /ie/ и /uo/ я, вслед за Гирдянис 2014: 106–109, 226–236, рассматриваю как долгие гласные «неоднородной скользящей артикуляции» и «временного подъёма».

- P — лабиальный смычный p, b
 T — дентальный смычный t, d
 K — велярный смычный k, g
 S — спирант s, z, š, ž
 N — носовой согласный
 R — сонорный согласный n, m, r, l, j, v¹⁰

В примерах прямым шрифтом приводятся глубинные формы, курсивом — поверхностные. Важно отметить, что нумерация правил и порядков, в котором они приводятся, условны; сами правила в общем случае неупорядочены и применяются всегда при наличии соответствующих условий; если в данном контексте возможно применение более чем одного правила, применяется то, формулировка которого более специфична (так называемый «принцип Панини», см., например, Stump 2001: 73–75).

(1) Преобразования носовых

- (1.1) $Vn \rightarrow V^n / _ C_{[-stop]}$ skund-ti \rightarrow skuns-ti \rightarrow *skūsti* ‘жаловаться’
 ba<n>l-a \rightarrow *bāla* ‘белеет’

Не происходит:

- (i) перед суффиксами Fut -s и Prs -st:
 sen-st-a \rightarrow *sénsta* ‘стареет’, sen-s \rightarrow *seĩs* ‘будет стареть’
 (ii) в сочетании nzg, где n относится к корню¹¹:
iĩgzti ‘скулить’ ~ Prs3 *iĩzgia*, Pst3 *iĩzge*; ср. с носовым инфиксом ниже

- (1.2) i-n-, u-n- \rightarrow y, ū / $_ C_{[-stop]}$ mi<n>š-st-a \rightarrow *mūšta* ‘смешивается’
 где -n- — инфикс Prs mi<n>zg-a \rightarrow *mūzga* ‘путается’
 (1.3) n \rightarrow m / $_ P$ gle<n>b-a \rightarrow *glėmba* ‘дрябнет’

(2) Метатеза сочетаний «спирант» + «велярный».

- SK \rightarrow KS / $_ C$ drėsk-ti \rightarrow *drėksti* ‘рвать’
 mezg-k \rightarrow *mėgzk* ‘вяжи’

(3) Преобразования зубных.

- (3.1) T \rightarrow s / $_ T$ met-ti \rightarrow *mėsti* ‘бросить’,
 ved-ti \rightarrow *vėsti* ‘вести’
 (3.2) T \rightarrow \emptyset / $_ S$ met-s \rightarrow *mės* ‘бросит’,
 ved-s \rightarrow *vės* ‘будет вести’
 (3.3) š, ž + s \rightarrow š / {Fut} riš-s \rightarrow *riš* ‘будет привязывать’
 vež-s \rightarrow *vėš* ‘будет везти’

¹⁰ С фонетической точки зрения /v/ относится к шумным, однако (мор)фонологически ведёт себя как сонант, ср. Гирдянис 2014: 217, 223.

¹¹ Данное исключение приходится формулировать столь конкретным образом, поскольку оно затрагивает лишь три (по LRD, DLKŽe) однотипных первичных глагола с исходом корня на nzg: *iĩgzti* ‘скулить’, *uĩgzti* ‘тж’ и *bruĩgzti* ‘гудеть’.

- (5.2) $ij \rightarrow y, uv \rightarrow \bar{u} / _C$ $gij\text{-}ti \rightarrow g\acute{y}ti$ ‘выздоровливать’,
 $buv\text{-}ti \rightarrow b\acute{u}ti$ ‘быть’
- (5.3) $uo \rightarrow av / _V$ $meluo\text{-}o \rightarrow mel\grave{a}vo$ ‘лгал(а/о/и)’
- Отдельно перед j:
- (5.4) $uo \rightarrow av / _j\{Pst\}$ $duo\text{-}j\text{-}o \rightarrow d\grave{a}v\acute{e}$ ‘дал(а/о/и)’
 но: $meluo\text{-}j\text{-}a \rightarrow mel\grave{u}oja$ ‘лжёт’
- (5.5) $av \rightarrow au / _j\{Prs\}$ $uogav\text{-}j\text{-}a \rightarrow uog\acute{a}uja$ ‘собирает ягоды’
 но: $av\text{-}j\text{-}o \rightarrow \grave{a}v\acute{e}$ ‘надевал(а/о/и) обувь’

- (6) Сокращение гласных перед тавтосиллабическим сонантом:
 $V_{[+long]} \rightarrow V_{[+short]} / _RC$ $k\acute{e}l\text{-}ti \rightarrow k\acute{e}lti$ ‘подниматься’, Prs3 $k\acute{e}lia$
 $liov\text{-}ti \rightarrow li\acute{a}uti$ ‘переставать’, Prs $li\acute{a}una$
 Происходит лишь в глаголах с $V_{[+short]}$ в Prs, ср. $\acute{s}\check{s}lti$ ‘беситься’, Prs
 $\acute{s}\check{s}lsta$ с $V_{[+long]}$.

Сюда же единичные случаи $puol\text{-}ti \rightarrow p\grave{u}lti$ ‘падать’ и $d\check{z}i\ddot{u}v\text{-}ti \rightarrow d\check{z}i\ddot{u}v\text{-}ti \rightarrow d\check{z}i\acute{u}ti$ ‘сохнуть’, где в Prs также долгий гласный.

- (7) Преобразование велярных в императиве.
 $K+k \rightarrow k$ $aug\text{-}k \rightarrow \acute{a}uk$ ‘расти’, $suk\text{-}k \rightarrow s\grave{u}k$ ‘вертись’

Поскольку многие из этих чередований происходят в основе Inf и приводят к затемнению фонологической структуры корня первичных глаголов (в первую очередь это касается конечных дентальных и носовых согласных), для исчерпывающего представления словоизменительной информации в словаре необходимо либо указывать полностью те основы, в которых видна форма корня (как правило, это основа Pst), как это делается в традиционных словарях, либо вводить особые пометы (см. Приложение).

4. Классификация литовских глаголов

Предлагаемая классификация исходит из методологического допущения о желательности свести многообразие представленных в литовском спряжении соотношений основ к небольшому (но исчерпывающему) набору признаков, по возможности охватывающему максимальное число глаголов (ср. Зализняк 2002 (1967): 6–9, Рожанский, Маркус 2020: 115). Очевидно, что далеко не все необходимые признаки применимы к непервичным глаголам; тем не менее некоторые принимаемые мною описательные решения позволяют провести параллели между глаголами, на поверхностном уровне, казалось бы, имеющими мало общего. Так, в частности, я покажу, что классы вторичных глаголов полностью «вкладываются» в систему классов первичных глаголов.

Отмечу, что классификация, предлагаемая в работе: Андронов 1999: II, строится в принципе на тех же основаниях, однако ограничивается

выделением всего семи крупных классов по признакам «тип спряжения» и «наличие тематических элементов». Я не могу согласиться с утверждением А. В. Андропова (там же), что «дальнейшее вычленение более мелких групп на основе частных различий нецелесообразно, так как группы будут нередко пересекаться», и полагаю, что предлагаемая ниже классификация убедительно доказывает обратное — в том числе потому, что эксплицитно выделяет случаи «пересечения» подтипов спряжения.

Классификация строится на двух рядах параметров: (А) признаки основы Prs и (В) признаки основы Pst. Признаки основы Inf исключаются из классификации, поскольку, во-первых, Inf является исходной формой словарного представления и, во-вторых, с более содержательной точки зрения, основа Inf полностью предсказуема при известных основах Prs и Pst¹⁴. Признаки каждой из основ организованы в иерархию на основании того, какие их значения сочетаются или не сочетаются друг с другом; признаки разных основ трактуются как независимые, даже если в реальности их значения оказываются «сопряжёнными»¹⁵.

Начну с признаков основы Pst, которых меньше. Признаками первого уровня является (В1) наличие в данной основе тематического суффикса и (В2) наличие {j}. Эти признаки, строго говоря, не независимы, поскольку тематический гласный всегда требует наличия {j}. Для глаголов без тематического суффикса в Pst релевантен признак третьего уровня (В3): наличие чередования по долготе/краткости гласных между основами Prs и Pst. Этот признак оказывается сопряжён с положительным значением признака В2 — подобные чередования имеются лишь у глаголов с {j} в основе Pst. Чередование формулируется следующим образом:

$$(8) \quad V_{[+short]} \{a, e, i, u\} / Prs \sim V_{[+long]} \{o, \acute{e}, y, \bar{u}\} / Pst, Inf$$

При этом, напомню, у корней на сонант в основе Inf чередование «отменяется» действием правила (6), применимость которого само ограничено глаголами, подверженными правилу (8). Возможно, такая трактовка может показаться несколько не изящной, однако она позволяет в экономной форме отразить дополнительное распределение между двумя типами глаголов с количественным чередованием в основах, приведённое в таблице 7.

¹⁴ Единственное исключение из этого правила — вариативность инфинитивной основы семельфактивных глаголов с суффиксом *-tel-*, относящихся к II спряжению, ср. *žvilgtel(ė)ti* ‘взглянуть’, см. Pakerys 2011: 4–5.

¹⁵ Тем самым, хотя с технической точки зрения предлагаемая классификация является древовидной в терминах (Зализняк 2002 (1967): 6–9), содержательно она универсальна.

Табл. 7. Распределение ступеней чередования (8)

	Prs	Pst	Inf
основы на шумный 'красть'	краткий <i>vāgia</i>	долгий <i>vógė</i>	долгий <i>vógti</i>
основы на сонорный 'поднимать'	краткий <i>kėlia</i>	долгий <i>kėlė</i>	краткий <i>kėlti</i>

Все остальные классификационные признаки касаются основы презенса. Признаком первого уровня (A1) является тип спряжения: I (*a*-спряжение), II (*i*-спряжение) и III (*o*-спряжение). Признаки второго и третьего уровня релевантны лишь для глаголов I спряжения. Признак второго уровня — (A2) наличие {j} в основе Prs. Наконец, признаков третьего уровня, которые, за единственным исключением, релевантны лишь для «безйотовых» типов презенса, имеется целое множество, причём часть из них сочетается друг с другом, а часть — нет. Эти признаки перечисляются ниже.

(A3.1) Наличие чередования *i* → *e*

Данное чередование происходит только перед сонантами, в том числе *j* и назальным инфиксом: *giñti* 'гнать' Prs *gėna*, *viłkti* 'тащить' Prs *veĩka*, *pirkti* 'покупать' Prs *peĩka*, *kiñsti* 'запихивать' Prs *keĩša*, *výti* 'гнать' {vij-} Prs *vėja*, *skristi* 'лететь' Prs *skreĩnda*, также факультативно *kristi* 'падать' Prs *kriĩta* // *kreĩta*.¹⁶

(A3.2) Наличие назального инфикса *-n*

Назальный инфикс как таковой виден лишь перед смычными шумными, где он подвержен ассимиляции по месту образования, ср. правило (1.3); перед всеми остальными согласными, включая *j* и *v*, инфикс проявляется в удлинении корневого гласного по правилам (1.1) и (1.2). Объединение этих двух случаев правомерно не только по диахроническим соображениями, но и ввиду общности акцентных свойств всех инфиксальных презенсов (они имеют циркумфлексную интонацию, ср. *ąkti* 'слепнуть' Prs *aĩka*, *griũti* 'рушиться, падать' Prs *griũva* < {griũ<n>va}), а также семантики соответствующих глаголов (см. Аркадьев 2006а, 2006б, 2010). Как уже было сказано, в единичных случаях возможно сочетание положительных значений признаков (A3.1) и (A3.2).

(A3.3) Наличие суффикса *-st*

Данный признак нетривиальным образом сопряжён с предыдущим — глаголы с данным суффиксом в Prs относятся к тому же семантическо-

¹⁶ Нелишне отметить, что данное чередование является регулярным для всех глаголов с «безйотовым» презенсом и структурой корня CiRC-; единственное исключение — глагол *dirbti* 'работать', ср. Prs *dirba* вместо ожидаемого **deĩba*. Как и в ряде других случаев, менее регулярным оказывается «тривиальное» морфологическое поведение.

му типу, что и глаголы с инфиксом, но отличаются от них по структуре корня, что приводит к практически дополнительному распределению, отражённому в таблице 8 (ср. Stang 1942: 132–133); V — корневой гласный, C₁ и C₂ — следующие за ним согласные; скобки указывают на факультативность.

Табл. 8. Распределение назального инфикса и суффикса *-st*

V	C ₁	C ₂	тип	пример
краткий	смычный	(шумный)	<i>-n-</i>	<i>àkti</i> ‘слепнуть’ Prs <i>añka</i>
	сонант	шумный	<i>-st-</i>	<i>miṛkti</i> ‘мокнуть’ Prs <i>miṛksta</i> <i>paṛkti</i> ‘глупеть’ Prs <i>paṛksta</i>
	спирант	(шумный)	<i>-n- + -st-</i>	<i>mīṣti</i> ‘смешиваться’ Prs <i>mīṣta</i>
	n, m	————	<i>-st-</i>	<i>sénti</i> ‘стареть’ Prs <i>sénsta</i>
	r, l	————	<i>-n- (/ -st-)</i>	<i>sálti</i> ‘делаться сладким’ Prs <i>sāla, sálsta</i>
долгий	j, v	————	<i>-n-</i>	<i>ḍūiti</i> ‘ошалевать’ Prs <i>ḍūja</i>
	любой		<i>-st-</i>	<i>nṛkti</i> ‘пропадать’ Prs <i>nṛksta</i>

Из таблицы видно, что некоторые глаголы образуют презенс одновременным присоединением инфикса и суффикса, а у некоторых наблюдается вариативность. Напомню также, что перед суффиксом *-st* не происходит выпадения носовых с компенсаторным удлинением по правилу (1.1); единственное исключение, парадоксальным образом следующее более общему правилу — глагол *paṛṅti* ‘быть знакомым’ Prs *paṛṅsta*. В глаголах с основой на спирант типа *mīṣti* преобразование инфикса происходит, естественно, перед корневым спирантом (в том числе в глаголе *gēsti* ‘гаснуть’ Prs *gēsta* < *gēs-st-a* < {*ge*<*n*>*s-st-a*}).

Также суффикс *-st* в Prs выделяется у маргинальной группы глаголов *i*-спряжения (*niežėti* ‘зудеть’ Prs3 *niežti*; *peršėti* ‘зудеть, саднить’ Prs3 *peršti*; *kósėti* ‘кашлять’ Prs3 *kósti* и *gelbėti* ‘помогать’ Prs3 *gelbsti*¹⁷); все они также образуют Prs либо по основному типу II (*nieži, kósi*), либо по модели вторичных глаголов (*niežėja, kósėja*)¹⁸.

¹⁷ Именно этот глагол единственно и позволяет усмотреть во всей этой группе именно суффикс *-st*, поскольку остальные глаголы закономерно теряют *s* после спиранта по правилу (3.5).

¹⁸ С исторической точки зрения формы на *-(s)ti* в этих глаголах являются реликтами архаичных атематических форм Prs3 и именно так трактуются грамматиками, см., напр., Ambrazas 2006: 297. Тем не менее, по крайней мере у глаголов *gelbėti* и *kósėti* произошло аналогическое выравнивание, ср. формы Prs1Sg *gelbsčii*, Prs1Pl *gelbstime*, приводимые интернет-ресурсом morfologija.lt, и Prs1Sg *kósčii*, Prs1Pl *kóstime*, приводимые в работе (Andronovas 2002). Ср. также выравнивание на основании Prs на *-(s)ti*, когда */(s)t/* вводится в Inf и Pst: *niežtėti, niežtėjo*; *perštėti, perštėjo* (на этот факт моё внимание обратил Ю. Пакарис).

(A3.4) Наличие суффикса *-n*

Суффикс *-n* присоединяется к глаголам с корнями на гласный + *v*, в основном на {*av*} (*gáuti* 'получать' Prs *gáuma*, Pst *gāvo*). Несмотря на то что суффикс *-n* и инфикс *-n-* было бы соблазнительно трактовать как одну и ту же морфологическую сущность, позиции которой дополнительно распределены относительно корней различной структуры, против такой трактовки можно высказать следующие соображения: во-первых, суффикс *-n* имеет совершенно иные акцентные свойства, чем инфикс, никогда не вызывая циркумфлексной метатонии; во-вторых, коль скоро инфикс вставляется в корни структуры *Cij*, *Cuj* и *Cuv*, не вполне очевидно, почему бы он не мог вставляться и в корни со структурой *CaV*; более того, по крайней мере несколько глаголов с корнем на *Cuv* допускают вариативность, сочетаясь как с инфиксом, так и с суффиксом, ср. *grīūti* 'рушиться, падать' Prs3 *grīūva* // *grīūna*; в-третьих, глаголы с суффиксом *-n* в большинстве своём имеют основу Pst с {*j*}, совершенно не характерную для инфиксальных глаголов; наконец, в-четвёртых, глаголы с назальным суффиксом существенно отличаются от инфиксальных глаголов по семантике — большинство их обозначают активные действия и являются переходными¹⁹. К этому же типу относится и единственный глагол на *j* — *ėiti* 'идти' Prs *ėina*, поведение которого при ближайшем рассмотрении оказывается совершенно регулярным (см. ниже).

Результирующая классификация литовских глаголов с примерами представлена в таблице 9. Обозначения во входных строках и столбцах таблицы, как кажется, в дополнительных пояснениях не нуждаются (Th обозначает «тематический» вокалический суффикс). Знак « \emptyset » означает «отсутствие каких-либо изменений». Знаком « \wedge » помечаются вторичные (суффиксальные) глаголы; эта информация нерелевантна для собственно словоизменения, но играет роль в акцентуации и словообразовании. Знаком «%» обозначены глаголы, демонстрирующие редкие или уникальные сочетания регулярных признаков; знаком «!» помечены глаголы с особенностями спряжения, не укладывающимися в описанные правила; у них полужирным выделены отклоняющиеся формы. Случаи вариативности спряжения в таблице не отражаются.

Каждый засвидетельствованный класс в таблице снабжён индексом, состоящим из римской цифры I, II или III и буквы или комбинации букв, указывающих на подтип спряжения; сами по себе буквенные индексы условны и не имеют никакого мнемонического содержания (см. также Приложение). Наличие чередования *i* → *e* отмечается надстрочным «^e»; апостроф в двух случаях указывает на то, что данный класс от-

¹⁹ Тем не менее, из указанных закономерностей есть ряд исключений, ср. приведённый выше вариант презенса глагола 'рушиться' *grīūna* с циркумфлексной метатонией и пациентивной семантикой, а также хабитуальный презенс *būna* 'бывает', соотносящийся с глаголом *būti* 'быть'.

личается от своего «ближайшего родственника», расположенного в таблице слева, наличием {j}, и включает единичные лексемы.

Табл. 9. Парадигматические классы литовских глаголов

Prs		Pst → ↓	-Th Pst			+Th Pst
			-j	∅	+j	(+j)
				+lg		
Prs i		∅	_____	_____	_____	II <i>gulėti: gùli, gulė-jo</i> 'лежать'
	% -st		_____	_____	_____	IIst <i>kósėti: kósti, kósėjo</i> 'кашлять' <i>gelbėti: gelbsti, gelbėjo</i> 'помогать'
Prs o			_____	III <i>rašyti: rāšo, rāšė</i> 'писать'	_____	IIIj <i>kabóti: kābo, kabójo</i> 'висеть' % <i>privalėti: privālo, privalėjo</i> 'быть обязанным'
Prs a	-j Prs	∅	Ia <i>áugti: áuga, áugo</i> 'расти' <i>^bālinti: bālina, bālino</i> 'белить' <i>^dalýti: dalija, dalijo</i> 'делить' <i>!likti: liēka, liko</i> 'остаться'	Ib <i>gułti: gùla, gulė</i> 'ложиться' <i>!pùlti: púola, púolė</i> 'падать' <i>!dúoti: dúoda, dāvē</i> 'дать'	Iclg <i>ginti: gina, gynė</i> 'защищать' <i>!iñti: ima, ėmė</i> 'взять' <i>!dėti: dėda, dėjo</i> 'класть'	Ih <i>miegóti: miēga, miegójo</i> 'спать' <i>kalbėti: kalba, kalbėjo</i>
		-e-	Ia^e <i>viłkti: veļka, vilko</i> 'тащить' % <i>výti: vėja, vijo</i> 'гнать'	Ib^e <i>miñti: mėna, minė</i> 'помнить' <i>!virti: verda, virė</i> 'кипеть'	_____	_____
		-n	% <i>gáuti: gáuna, gāvo</i> 'получить' % <i>gríuti: griūna, griūvo</i> 'рушиться, падать'	% <i>aūti: aūna, āvē</i> 'обувать, разувать, надевать/снимать обувь'	Ielg <i>džiáuti: džiáuna, džióvé</i> 'сушить' % <i>ėiti: eina, ėjo</i> 'идти'	_____

Prs	↓	Pst	-Th Pst		+Th Pst	
		→	-j	+j		(±j)
				∅	+lg	
Prs a	-j Prs	-n-	If <i>àkti: aĩka, àko</i> 'слепнуть' <i>glèbti: gleĩba,</i> <i>glèbo</i> 'дрябнуть' <i>bàlti: bāla, bālo</i> 'белеть' <i>dūiti: dūja, dūjo</i> 'обалдевать' <i>!būiti: esa-, yrà,</i> <i>būvo</i> 'быть'	_____	_____	_____
		-n- + -e-	If^e <i>skristi: skreĩnda,</i> <i>skrido</i> 'лететь'	_____	_____	_____
		-st	Ig <i>aĩpti: aĩpsta, aĩpo</i> 'падать в обморок' <i>lūžti: lūžta, lūžo</i> 'ломаться' <i>%džiūiti: džiūsta,</i> <i>džiūvo</i> 'сохнуть' <i>!pažinti: pažįsta,</i> <i>pažino</i> 'узнать'	Ig' <i>%gimti: gimsta,</i> <i>gimė</i> 'родиться' <i>!miirti: miirsta,</i> <i>mirė</i> 'умереть'	_____	_____
	-n- + -st	Ifg <i>gèsti: gęsta, gęso</i> 'гаснуть'	_____	_____	_____	
+j Prs	∅	Ic <i>%léisti: léidžia,</i> <i>léido</i> 'пустить' <i>^važiuoti:</i> <i>važiuoja, važiuavo</i> 'ехать' <i>^uogauti: uogāju-</i> <i>ja, uogavo</i> 'соби-	Id <i>daĩžti: daužia,</i> <i>daĩžė</i> 'ударять' <i>jóti: jója, jójo</i> 'ехать верхом' <i>%šlioti: šliuoja,</i> <i>šlāvē</i> 'подметать' <i>^gražėti: gražėja,</i> <i>gražėjo</i> 'хоро-	Idlg <i>vōgti: vāgia, vōgė</i> 'красть' <i>kárti: kāria, kórė</i> 'вешать' <i>%liauti: liauja,</i> <i>lióvé</i> 'прекращать'	Ik <i>kentėti: keĩčia,</i> <i>kentėjo</i> 'страда-	

Приведённая классификация, как я полагаю, обладает следующими достоинствами. Во-первых, она позволяет исчислить на основании ком-

бинаций значений приведённых выше классификационных признаков теоретически допустимые типы образования основ и эксплицитно указать, какие из логически возможных классов спряжения действительно существуют, какие представлены всего одним или двумя глаголами, а каких вовсе нет. Так, для первичных глаголов можно указать следующие закономерности:

- чередование $i \rightarrow e$ в Prs исключает {j} в Prs²⁰;
- назальный инфикс и/или суффикс -st- в Prs исключают {j} в Pst; исключений для инфиксальных глаголов нет, исключения для st-глаголов — *gĩmti* ‘родиться’, в прочих отношениях регулярный, и неправильный *mĩrti* ‘умереть’;
- напротив, назальный суффикс в Prs требует {j} и продления гласной в Pst; исключения из обеих закономерностей — *gĩuti* ‘получать’ и несколько глаголов на Cuv (*bĩuti* ‘быть’, *grĩĩuti* ‘рушиться, падать’), только из второй — *aĩuti* ‘обувать, разувать, надевать/снимать обувь’.

Во-вторых, данная классификация позволяет точно сформулировать, какие особенности словоизменения тех или иных глаголов являются регулярными (пусть даже и редкими, особенно в сочетании), а какие действительно уникальными, т. е. не описываемыми никакими более общими правилами (ср. обсуждение принципов выделения уникальных лексем в: Рожанский, Маркус 2020: 14–15). Так, только что упомянутые глаголы *gĩuti* и *aĩuti*, а также глагол *eĩti* ‘идти’, которые в грамматике Ambrazas 2006: 289 трактуются как нерегулярные, на самом деле таковыми не являются, поскольку их спряжение полностью описывается в терминах признаков данной классификации²¹. Единственное, что делает эти глаголы уникальными, — либо сочетание конкретных значений нескольких признаков (в случае *aĩuti* и *gĩuti*), либо уникальная фонологическая структура, к которой применяются регулярные правила (в случае *eĩti*). Кроме того, построенная таким образом классификация по-

²⁰ Словари фиксируют в качестве исключения глагол *mĩłzti* (Prs3 *mėłzia*) ‘дойти’, парадигма которого, возможно, является результатом контаминации с синонимичным *mėłzti* типа Id; по данным [LKŽe] у этого глагола есть и альтернативная регулярная безйотовая форма презенса *mėłza*. Стоит, однако, отметить, что в корпусе <http://tekstynas.vdu.lt> ни форма Prs3 *melza*, ни форма Pst3 *mĩłzo* не представлены, что свидетельствует о том, что в современном языке функционирует лишь глагол *mėłzti* Id.

²¹ Не могу не отметить, что принципы составления списка «нерегулярных глаголов» в академической грамматике неясны и применяются непоследовательно; так, глагол *gĩmti*, вообще говоря, столь же уникален, сколь и *gĩuti*, однако в этот список не попал.

зволяет (пусть и с некоторой долей условности) отнести нерегулярные глаголы к тому или иному классу, от типовой модели которого каждый из таких глаголов определённым образом отклоняется (так, общей особенностью глаголов *dúoti* ‘дать’, *dėti* ‘класть, ставить’ и *virti* ‘кипеть’ является наличие нерегулярного форманта *-d-* в основе Prs²²). Отнесение глагола *búti* к типу If с инфиксальным презенсом, казалось бы, парадоксальное ввиду супплетивизма именно в этих формах, обусловлено нетривиальной закономерностью, связывающей тип Prs с сокращением гласной в форме Fut3:

— у глаголов со структурой корня вида Cuv/Cij, относящихся к классу If (-n-), а также у глагола *džiúti* ‘сохнуть’ класса Ig (-st-), в форме Fut3 гласный сокращается: *gyti* ‘заживать’: Prs3 *gýja*, Fut1Sg *gýsiu*, Fut3 *gis*; *griúti* ‘рушиться, падать’: Prs3 *griūva*, Fut1Sg *griūsiu*, Fut3 *griūs*;

— у двух глаголов той же слоговой структуры, относящихся к типу спряжения Ia^(e), в Fut3 долгий гласный сохраняется, ср. *siúti* ‘шить’: Prs3 *siuva*, Fut3 *siūs*; *výti* ‘преследовать’: Prs3 *vėja*, Fut3 *vūs*.

Поскольку глагол *búti* ‘быть’ имеет в Fut3 краткий гласный (ср. Fut1Sg *búsiu*, Fut3 *būs*), его следует отнести именно к классу If (что подтверждается существованием хабитуальной формы презенса *būva*).

В-третьих, данная классификация, как уже было сказано выше, позволяет провести прямые параллели между спряжением первичных и вторичных глаголов. Так, с точки зрения словоизменения первичный глагол *augti* ‘расти’ ничем не отличается от своего суффиксального каузатива *auginti* ‘растить’: оба принадлежат к классу Ia, который у суффиксальных глаголов является чрезвычайно продуктивным, а у первичных скорее маргинален. Собственно, небезынтересно сопоставить первичные и вторичные глаголы по их отношению к признакам, связанным с {j}, ср. таблицу 10.

Табл. 10. {j} в основах первичных и суффиксальных глаголов

Класс	Prs	Pst	первичные	вторичные
Ia	-j	-j	немногочисленны	продуктивны
Ib	-j	+j	немногочисленны	————
Ic	+j	-j	единицы	продуктивны
Id	+j	+j	многочисленны	продуктивны

Важное отличие вторичных глаголов от первичных проявляется в поведении основ на {av} — если у первичных глаголов, за единичными исключениями, такие корни относятся к типу Ie с носовым суффиксом и

²² В случае с *dúoti* и *dėti* этот формант является рефлексом индоевропейской редупликации (см. Stang 1942: 99–100).

{j} в Pst, то вторичные глаголы с суффиксом {-av} неизменно имеют {j} в формах Prs, а формы Pst, напротив, образуют без эпентезы, ср. *pjáuti* ‘резать’: *pjáuna*, *pjóné* vs. *džiúgauti* ‘ликовать’: *džiúgauja*, *džiúgavo*.

Приложение. Значения грамматических помет

Предлагаемые ниже грамматические пометы имеют смысл лишь в контексте грамматического словаря в духе эталонного образца этого жанра (Зализняк 2003 (1977)), поскольку содержат в сжатом виде информацию об образовании основ Prs и Pst. Помимо уже приведённых в таблице 9 помет, отражающих собственно словоизменительные классы, описанные в разделе 4, для большого числа первичных глаголов необходимы также пометы, содержащие информацию о конечных согласных основы.

Пометы состоят из римской цифры, одной или нескольких латинских букв, надстрочных знаков и одной или нескольких латинских букв в скобках. Ниже расшифровываются значения всех помет.

1.1. Римская цифра: тип спряжения Prs.

I: *a*-спряжение, II: *i*-спряжение, III: *o*-спряжение.

1.2. Латинская буква: подтип спряжения; отдельно для разных типов спряжения Prs.

IIIj: глаголы с тематическим элементом {o(j)} в Pst и Inf

Pst: глаголы с суффиксом -st в Prs

Для глаголов I типа спряжения:

a: Prs -j, Pst -j

b: Prs -j, Pst +j

c: Prs +j, Pst -j

d: Prs +j, Pst +j

Индексы a–d исключают наличие каких-либо ещё аффиксов в Prs; все такие аффиксы описываются индексами e–g.

e: Prs с суффиксом {-n}

f: Prs с инфиксом {-n-}, Pst -j

g: Prs с суффиксом {-st}, Pst -j

fg: Prs с инфиксом {-n-} и суффиксом {-st}, Pst -j

h: Pst с тематическим элементом и {j}, Prs -j

k: Pst с тематическим элементом и {j}, Prs +j

1.3. Дополнительные латинские буквы:

lg: долгий гласный в Pst и Inf по сравнению с Prs (обязательно Pst +j)

1.4. Надстрочные знаки:

°: чередование *i* → *e* в Prs

?: «неожиданный» +j в Pst

^: суффиксальный (вторичный) глагол

1.5. Латинские буквы в скобках:

(t) или (d): такая помета имеет два значения:

для глаголов с исходом на *sti*: *s* в Inf соответствует корневому *t* или *d*; ср. *mèsti* Ib(t) ‘бросить’: *mèta, mètè; vèsti* Ib(d) ‘вести’: *vèda, vèdè*;

для глаголов с исходом на *zti, šti, žti*: корень оканчивается на соответствующее сочетание ST; ср. *geĩgžti* Id(d) ‘хрипеть’: *geĩgždžia, geĩgždè; iĩkšti* Id(t) ‘визжать’: *iĩkščia, iĩkštè*;

(st): для глаголов с исходном на *sti*: корень оканчивается на *st*; ср. *druĩsti* Id(st) ‘мутить (воду)’: *druĩščia, druĩstè*;

(nt) или (nd): для глаголов с исходом на $V^n sti$: корень содержит VnT; ср. *švęsti* Id(nt) ‘праздновать’: *šveĩčia, šveĩtè; skęsti* If(nd) ‘тонуть’: *skęsta, skęndo*.

ЛИТЕРАТУРА

- Амбразас 1985 — В. Амбразас (ред.). Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.
- Андронов 1999 — А. В. Андронов. Сопоставительная грамматика литовского и латышского языков. Словоизменение. АКД. СПб., 1999.
- Аркадьев 2002 — П. М. Аркадьев. Парадигматические классы первичных глаголов в литовском языке. Классификация. Распределение. Курсовая работа. Москва, 2002.
- Аркадьев 2003 — П. М. Аркадьев. Фрагмент модели литовского спряжения (материалы к возможному грамматическому словарю литовского языка) // Материалы международной конференции Диалог-2003, http://inslav.ru/images/stories/people/arkadiev/Arkadjev_lithverb_dialog.pdf.
- Аркадьев 2006а — П. М. Аркадьев. Парадигматические классы первичных глаголов в литовском языке: Формальные противопоставления и их семантическая мотивация // Балто-славянские исследования. Вып. XVII. М., 2006.
- Аркадьев 2006б — П. М. Аркадьев. Соотношение между семантически и морфологическими классами непроемных глаголов в литовском языке в типологической перспективе // Т. Н. Молошная (ред.). Типология грамматических систем славянского пространства. М., 2006.
- Аркадьев 2010 — П. М. Аркадьев. Ещё раз о семантике литовских *n/st*-глаголов: от непереходности к начинательности // М. В. Завьялова, Т. В. Цивьян (ред.). Топоровские чтения. I–IV. Избранное. М., 2010.
- Аркадьев 2011 — П. М. Аркадьев. О функциях префикса *be-* в литовском языке // Acta Linguistica Petropolitana 7 (3), 2011.
- Аркадьев 2012 — П. М. Аркадьев. Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных) // В. А. Плуныян (отв. ред.).

- Исследования по теории грамматики. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. (Acta Linguistica Petropolitana 8 (2).) СПб., 2012.
- Аркадьев 2013а — П. М. Аркадьев. О типологическом своеобразии литовской глагольной системы // Вяч. Вс. Иванов, П. М. Аркадьев (ред.). Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков. СПб., 2013.
- Аркадьев 2013б — П. М. Аркадьев. Комбинаторика «партикул» и литовские внешние префиксы. Статья для юбилейного сайта Т. М. Николаевой: http://inslav.ru/sites/default/files/arkadiev_nikolaeva_fest_2013_0.pdf.
- Аркадьев 2014 — П. М. Аркадьев. Глагольная рестриктивность в литовском языке // С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика (ред.). Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata (Acta Linguistica Petropolitana 10 (3)). СПб, 2014.
- Аркадьев 2016 — П. М. Аркадьев. (Не)согласование причастий и два типа конструкций с неноминативными субъектами в литовском языке // А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях. Синтаксис, информационная структура, порядок слов. М., 2016.
- Аркадьев 2020 — П. М. Аркадьев. Опыт парадигматического описания готского языка // А. В. Кейдан (ред.). Друзья, слова, таблицы. Сборник статей в честь 75-летия А. К. Поливановой. М., 2020.
- Аркадьев рукопись — П. М. Аркадьев. Конспект грамматики литовского языка. Учебное пособие. Рукопись.
- Булыгина 1970 — Т. В. Булыгина. Морфологическая структура слова в современном литовском языке (в его письменной форме) // В. М. Жирмунский, Н. Д. Арутюнова (ред.). Морфологическая структура слова в индоевропейских языках. М., 1970.
- Булыгина 1977 — Т. В. Булыгина. Проблемы теории морфологических моделей. М., 1977.
- Гирдянис 2014 — А. Гирдянис. Теоретические основы литовской фонологии. Пер. с литовского Н. А. Алексеевой и Н. М. Заики, под ред. А. В. Андропова. Вильнюс, 2014.
- Зализняк 2002 (1967) — А. А. Зализняк. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. (1-е изд.: М., 1967).
- Зализняк 2003 (1977) — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Около 110 000 слов. 4-е изд., испр. и доп. М., 2003. (1-е изд.: М., 1977).
- Крылов 1997 — С. А. Крылов. «Русское именное словоизменение» А. А. Зализняка тридцать лет спустя: опыт ретроспективной рецен-

- зии с позиций неструктуралистской морфологии // А. С. Касьян, Ф. Р. Минлос (ред.). *Studia linguarum*, Т. 1. М., 1997.
- Рожанский, Маркус 2020 — *Ф. И. Рожанский, Е. Б. Маркус*. Система парадигматических классов глагола в сойкинском диалекте ижорского языка // *Вопросы языкознания*, № 3, 2020.
- Ackerman & Malouf 2013 — *F. Ackerman, R. Malouf*. Morphological organization: The low conditional entropy conjecture // *Language* 89 (3), 2013.
- Ackerman & Malouf 2016 — *F. Ackerman, R. Malouf*. Implicative relations in word-based morphological systems // А. Hippisley, G. Stump (eds.). *Cambridge Handbook of Morphology*. Cambridge, 2016.
- Ambrazas 2006 — *V. Ambrazas* (ed.). *Lithuanian Grammar*. 2nd rev. ed. Vilnius, 2006.
- Andronov 2000 — *A. V. Andronov*. Some remarks on the system of Lithuanian and Latvian conjugation // *Linguistica Baltica* 8, 2000.
- Andronovas 1995 — *A. V. Andronovas*. Priešdėlinių veiksmažodžių kirčiavimas morfologinės akcentologijos požiūriu // *Baltistica* 30 (1), 1995.
- Andronovas 2002 — *A. V. Andronovas*. Dėl atematinių veiksmažodžių liekanų lietuvių kalbos žodynuose // *Leksikografijos ir leksikologijos problemos*. Antano Salio 100-osioms metinėms. Konferencijos pranešimų tezės. 2002 m. birželio 6–7 d., Vilnius. Lietuvių kalbos institutas. Vilnius, 2002.
- Arkadiev 2010 — *P. M. Arkadiev*. Notes on the Lithuanian restrictive // *Baltic Linguistics* 1, 2010.
- Arkadiev 2011 — *P. M. Arkadiev*. On the aspectual uses of the prefix *be-* in Lithuanian // *Baltic Linguistics* 2, 2011.
- Arkadiev 2012 — *P. M. Arkadiev*. Stems in Lithuanian verbal inflection (with remarks on derivation) // *Word Structure* 5 (1), 2012.
- DLKŽ 2000 — *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas / Vyr. red. S. Keinys*. 4. leid. Vilnius, 2000. (1-е изд.: Vilnius, 1954 (перп.: [Chicago (IL)], 1962).)
- DLKŽe — *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*. Online: <http://ekalba.lt/dabartines-lietuviu-kalbos-zodynas>.
- Dressler et al. 2006 — *W. U. Dressler, M. Kilani-Schoch, L. Pestal, N. Gagariņa, M. Pöchträger*. On the typology of inflection class systems // *Folia Linguistica* 40 (1–2), 2006.
- Finkel & Stump 2007 — *R. Finkel, G. Stump*. Principal parts and morphological typology // *Morphology* 17 (1), 2007.
- Heeschen 1968 — *C. F. E. Heeschen*. Einführung in die Grundprobleme der generative Phonologie mit besondere Berücksichtigung der litauischen Phonologie. Bonn, 1968.
- Holvoet et al. 2015 — *A. Holvoet, M. Grzybowska, A. Rembialkowska*. Middle voice reflexives and argument structure in Baltic // А. Holvoet & N. Nau

- (eds.). *Voice and Argument Structure in Baltic*. Amsterdam / Philadelphia (PA), 2015.
- LKŽe — *Lietuvių kalbos žodynas*. Online: <http://lkz.lt>
- LRD 1976 — *D. F. Robinson*. *Lithuanian Reverse Dictionary*. Columbus (OH), 1976.
- LRKŽ 1962 — *A. Lyberis*. *Lietuvių-rusų kalbų žodynas / Red. Ch. Lemchenas*. Apie 37 000 žodžių. Vilnius, 1962.
- LRKŽ 2005 — *A. Lyberis*. *Lietuvių-rusų kalbų žodynas*. [Apie 65 000 žodžių.] 4. leid. / Red. V. Čekmonas. Vilnius, 2005.
- MLKŽ 2000 — *M. Norkaitienė, R. Šepetytė, Z. Šimėnaitė*. *Mokomasis lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius, 2000.
- Nau 2001 — *N. Nau*. *Inflection vs. derivation: How split is Latvian morphology? // Sprachtypologie und Universalienforschung* 54 (3), 2001.
- Pakerys 2011 — *J. Pakerys*. *On the derivational suffixes and inflection classes of verbs in modern Lithuanian // Lietuvių kalba* 5. (<http://www.lietuviu-kalba.lt/index.php/lietuviu-kalba/article/view/30>)
- Pakerys 2021 — *J. Pakerys*. *Obligatory features of Lithuanian verbal inflection classes // P. Arkadieiev, J. Pakerys, I. Šeškauskienė, V. Žeimantiene (eds.). Studies in Baltic and other Languages. A Festschrift for Axel Holvoet on the occasion of his 65th birthday*. Vilnius, 2021. Online: <http://www.journals.vu.lt/open-series/article/view/24496>.
- Regier 1977 — *Ph. Regier*. *Lithuanian conjugation: A closer examination // Linguistics* 190, 1977.
- Senn 1966 — *A. Senn*. *Handbuch der Litauischen Sprache*. Bd. I. Grammatik. Heidelberg, 1966.
- Sims & Parker 2016 — *A. Sims, J. Parker*. *How inflection class systems work: On the informativity of implicative structure // Word Structure* 9(2), 2016.
- Sližienė 1994–2004 — *N. Sližienė*. *Lietuvių kalbos veiksmažodžių junglumo žodynas*. T. 1–3. Vilnius, 1994; 1998; 2004.
- Stang 1942 — *Chr. Stang*. *Das slavische und baltische Verbum // Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo*. II. Hist.-Filol. Klasse. No. 1, 1942.
- Ulvydas 1971 — *K. Ulvydas (red.)*. *Lietuvių kalbos gramatika*. II tomas. Morfologija. Vilnius, 1971.
- Wurzel 1987 — *W. U. Wurzel*. *System-dependent morphological naturalness in inflection // W. U. Dressler et al. Leitmotifs in Natural Morphology*. Amsterdam / Philadelphia (PA), 1987.
- Žulys 1974 — *V. Žulys*. *Bendrinės lietuvių kalbos veiksmažodžių asmens galūnės // Kalbotyra* XXVI (1), 1974.

М. М. ВАЛЕНЦОВА

Еще раз о демонониме *юда*¹

О демонониме *юда* существует достаточно большая литература, в которой вопрос об этимологии слова, восходящего к индоевропейскому этимону и имеющему близкие балтийские соответствия, вроде бы решен. Я имею в виду статьи Г. А. Ильинского (с краткой характеристикой взглядов на происхождение слова его предшественников — А. Ф. Гильфердинга, А. Н. Афанасьева, Л. Гейтлера, О. Дозона, А. Н. Веселовского, В. Ягича, А. Илиева и Л. Леже), У. Дуковой, О. Н. Трубачева.

Г. Ильинский сближает это слово с лит. *įusti* ‘начинать двигаться’ и *judėti* ‘двигаться, шевелиться’, лит. *judūs* ‘сварливый’, *judimas* ‘ссора, брань’, *judra* ‘вихрь’: «значения этих слов нисколько не противоречат представлению о болгарской нимфе² как о существе злобном и в то же время находящемся в состоянии вечного движения»; он приходит к мысли, «что б. *юда* представляет не что иное, как субстантивированную форму прилагат. лт. *judūs* со значением „существо беспокойно суесящееся, вертлявое“ и в переносном смысле „капризное, сварливое“» (Ильинский 1933: 471).

Второе гнездо балтийских слов, соответствующих болгарским фонетически и синонимичное по семантике — лит. *jauda* ‘обман, обольщение’, латыш. *jaūda* ‘сила, могущество’. Семантически возможно отождествление болг. *юда* с балт. *jauda*, тем более, что образованный от имени *jauda* лит. глагол *įaudinti* ‘возбуждать и поддерживать в ком-нибудь желание, страсти, обольщать’ совпадает и с болг. глаголом *юдя*, пол. *judzić* и укр. *юдити* (Ильинский 1933: 471). Именно этой индоевропейской древностью корня Ильинский объясняет широкий семантический спектр слова: от ‘вихрь, ветер’, через ‘сила, мощь’, ‘борьба’ до ‘беспокойный ребёнок’.

ЭССЯ возводит слав. **juda* (в описанных значениях) к и.-е. **joudh-* или **joudh-*, с учетом характера ударения славянских слов, а также приводит родственные лит. *įaudytis* ‘резвиться, буйствовать’, лтш. *jaūda* ‘(душевная) сила, разум, замысел’, др.-инд. *yodhá-* ‘воин, боец’ (ЭССЯ 8: 191).

Глаголы типа *юдити* считаются производными (или соотносительными) с **juda*. «Предположение о заимствовании польск. *judzić* из лит. *judėti* ‘двигаться, шевелиться’ ..., основанные, в частности, на недостаточных сведениях о распространении слав. слова, неверно, ср. выше

¹ Авторская работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-012-00300 А «Низшая мифология славян: Новые методы и подходы к исследованию».

² Имеется в виду болг. мифоним *юда*, обычно pl. ‘демоны, обитающие в горных лесах, имеющие вид молодых красивых девушек, парящих в воздухе’.

важные болг. (стар. и диал.) свидетельства и их оригинальную семантику» (ЭССЯ 8: 192).

У. Дукова: «праслав. **juda*, **juditi* имеют точные соответствия в лит. *jaudà* ‘приманка, наживка’, *jaudùs* ‘раздражительный, возбудимый, чувствительный’, *jáudinti* ‘соблазнять, совращать кого-либо’, возвратное ‘волноваться’, *jáudytis* ‘беситься, буйствовать’, лтш. *jaũda* ‘сила’, *judít* ‘двигать’, др.-инд. *yúdhyate* ‘борется, сражается’, *ud-yōdhati* ‘бурлит (о воде), гневается’, *yōdhati* ‘борется, сражается’. В семантическом отношении самой точной параллелью является лит. диал. (южн.) *jáudra* ‘буря’, образованное при помощи суффикса *-r-* (Каралюнас 1975: 133). Этот же этимон с аблаутом представлен в лит. *jùdinti*, *jùdinu* ‘двигать, размешивать, будоражить, трясти’, *judéti*, *judù* ‘двигаться, шевелиться, пошевеливаться’, *jùsti*, *jundù* ‘приходить в трепет, начать шевелиться, двигаться’, *judà* ‘движение’, лтш. *jùdít* ‘устроить спор, перебранку, подстрекать, натравливать’, др.-лит. *judùs* ‘склочный, задиристый’, лит. *jud-rùs* ‘подвижный, живой’, *judrà* ‘вихрь, ветряная карусель’, лат. *jubēre*, *jubeō* ‘приказывать’, греч. *ύομίη* ‘битва’, немецкое *zetern* ‘сетовать, жаловаться’ (< **jaud-*, Kluge 1967: 881)» (Дукова 2015: 73, с испр.).

ЕСУМ: «псл. *juditi*; — споріднене з лит. *jáudytis* «пустувати, буюти», *jaudà* «спокуса, приваба», лтс. *jaũda* «(душевна) сила, розум, задум», дінд. *yodhati* «воює» [...]; іє. **ȳoudh-* / *ȳouədh-*; для п. *judzić* припускається запозичення зі східнослов'янських мов» (ЕСУМ, VI: 519).

Фасмер: рус. «*юдо* — только в сочетании *чудо-юдо богатыри*, *чудо-юдо рыба-кот*, *чудо-юдо маханныя губа* — сказочное и бранное — о татарине (Даль), также *чудо-юдо* — в качестве названия морского царя, в сказках. По-видимому, это всего лишь рифмованное образование по образцу слова *чудо*. Недостоверно родство с болг. *юда* «русалка, волшебница», которое сближали с польск. *judzić* «раздражать, травить, подстрекать», лит. *judùs* «подвижный», *judéti*, *judù* «двигаться», *jaudà* «искушение», *jáudinti* «волновать, искушать», др.-инд. *ud-yōdhati* «вскакивает в гнев», *yúdhyatē* «сражается», лат. *iubeō*, *-ēre* «велеть» <...> Для древнего исконного слова было бы необъяснимо наличие начального *ю*³. Малове-

³ В настоящее время наличие *ю* в аблауте объяснимо. А. А. Зализняк, разбирая случаи начального *y-/ju-* в диалектах будущих восточнославянских языков, отмечал, что ряд слов «заведомо народного происхождения» не соответствует правилу замены *ju-* любого происхождения на *y-*, в том числе среди примеров им приводятся укр. *юда* ‘род злого духа’, *юдити* ‘подстрекать’, бел. *юдзиць* ‘хитрить, лукавить’. В связи с этим предполагается нерегулярность перехода *ju-* в *y-*, как и в случае переходов *je-* в *e-* и далее в *o-*. Принимается, что «наборы слов, охваченных данным переходом, были несколько различны» в разных говорах (Зализняк 2004: 53–54).

роятно происхождение *юда* из имени Иуда Искариот, вопреки Афанасьеву ... Совершенно абсурдно произведение выражения *чудо-юдо* из герм. этнонимов *Teutones* и *Juthungi*, вопреки Бубриху <...>» (Фасмер 4: 528).

Однако эти взгляды разделяются не всеми учеными; из других версий чаще всего поддерживается мнение А. Т. Илиева (а прежде его высказывали А. Н. Афанасьев, О. Дозон) о том, что имя *юда* «стало нарицательным именем от обобщения собственного имени Иуды Искариотского» (Илиевъ 1892: 383), т. е. путем апеллятивизации онима. Из последних работ — см. Белова 2000, где делается вывод о том, что персонажи с корнем *jud-* пережили ряд превращений «от евангельского образа до персонажа народной мифологии и обрядового ряжения» (Белова 2000: 358).

Вместе с тем, этнолингвистический материал свидетельствует в пользу первой, «индоевропейской», точки зрения, а сближение *юды* с именем Иуды может быть принято лишь как вторичное и позднейшее.

Терминология народной демонологии сформировалась преимущественно на основе апеллятивной лексики (субстантивной, ср. рус. *змей, ворог*; вербальной, например, рус. *блуд, вещун, заложные*; атрибутивной, например, *водяной, домовой, нечистый*). При этом основная масса демононимов образовалась уже в рамках племенных и национальных языков и явилась результатом наименования персонажей по отдельным логически вычлененным мифологическим признакам или функциям (например, духи домашнего пространства в русской традиции получили дифференцированные наименования: *домовой, дворовой, банник, овинник, запечельница* и под.). Мифологические лексемы индоевропейского уровня в национальных традициях сравнительно редки. Среди них, например, з.- и ю.-слав. *mara / mora* (ср. др.-сев., др.-в.-нем., др.-англ. *mara* ‘кошмар, привидение’, в.-нем. *Mahr* ‘ночное удушье’ — ЭССЯ 19: 214, и.-е. гнездо **mer-*, в которое включаются корни **mer-* ‘умирать’ из значения ‘исчезать’, отраженного в хеттском, **(s)mer-* ‘наделять’, **ma-* < *meH-* ‘махать’, (H)*merH-* ‘сверкать’ — Белетич, Лома 2012); укр. *вий*, как и лит. *vėjus, vėjus* < и.-е. **uēj-*, которые испытали влияние иран. *Vayu* ‘божество ветра’ и индоарийской мифологии (Васильков, Разаускас 2003⁴); о.-слав. **vila, *diva, *zъьь, *(j)ęga, *(j)ęza, *navь, *běs* (см. Дукова 2015: 15–76). Сравнительно поздним формированием национальных демононимиконов объясняется и небольшое количество балто-славянских собственно мифологических параллелей, несмотря на наибольшую близость этих языков среди всех индоевропейских. Из названных выше мифологическими в славянском и литовском являются лишь **buba*

⁴ Критические замечания см. в: Журавлев 2005: 122–123; данные в пользу кельто-славяно-балто-иранской параллели см. в: Гура 2012; мнение о вымышленности мифологического образа Вия — см. Аникин 2013: 164–165.

‘ужасный призрак’ — лит. *baĩbas* ‘то же’; **běsь* ‘злой дух’ — лит. *baĩsas* ‘ужасный призрак’, **diva* ‘природный демон’ — лит. *deivė* (образовано от другой основы) ‘то же’; к ним можно добавить др.-прус. *sawh* ‘чёрт’, лит. *kaĩkas*, лтш. *kauks* ‘домовой’ — болг. *кук, кукур, кукер* ‘ряжениый’ (Трубачев 2004: 292). Остальным славянским мифонимам предлагаются в соответствие балтские апеллятивы, например, **vila* ‘природный демон’ — лит. *vylūs* ‘лживый’; (*j)ėga/(j)ėza* ‘болезнь, демон болезни’ — лит. *ĩngas* ‘ленивый, медлительный’; **navь* ‘мертвец, дух мертвеца’ — лит. *põvis* ‘мучение, смерть’, лтш. *nãve*, диал. *nãvs* ‘смерть’ (Дукова 2015: 75, с испр.), рус. *анчутка* ‘чёрт; бес; нечистая сила’ < лит. *ančiūtė, ančiũkas* ‘уточка’ (Топоров 1973: 36)⁵.

В этот ряд славянских мифологических слов и.-е. происхождения входит и демононим *юда*, который представлен в двух славянских традициях: болгарской и украинской гуцульской.

У болгар *юда* — ‘злое мифическое существо женского пола, которое живет в горах, у озер и носится вихрем по воздуху’, стар. *юда*, макед. *јуда* ‘мифическое существо (олицетворение вихря, урагана)’ (ЭССЯ 8: 191), также у македонцев *јуди* pl. — ‘души умерших некрещёными детей’ (Раденкович 2004: 211). Исчерпывающую характеристику семантики и географии слова у болгар дала Уте Дукова (привожу лишь выдержки): болг. *Юда* — это дух воздуха, который обитает в воздухе или в горной глуши. В большинстве случаев эти существа появляются группами, чаще всего — как три сестры. Они предстают в виде красивых молодых женщин, которые танцуют на лесных полянах перед восходом солнца и купаются в горных озерах. В летнюю пору они способны вызывать вихри, при этом могут поднять человека в воздух и бросить оттуда вниз. Они могут поразить человека болезнью, если тот осквернит их стол или ступит на место их танцев, могут также навредить роженицам и новорожденным. Их характеристика полностью совпадает с характеристикой *самовіл, самодів*. Слово распространено, прежде всего, в Родопах и на юго-западе болгарского языкового ареала, однако как фольклорный термин встречается по всей Болгарии (Дукова 2015: 68–69).

Помимо демонологизации природных явлений в образе *юды*, которая живет, носится, танцует в воздухе (ср. восприятие вихря как танца, бешеной пляски, откуда, например, словосочетания *черти танцуют, черти женятся*, т. е. танцуют на свадьбе — ‘о вихре’), слово *юда* широко распространено и в прямом значении — ‘буря, вихрь’, ‘сильный ветер’ (Славейно, общ. Смолян; Петково, общ. Арда), ‘вихрь’ (Жилтуша, общ. Арда), ‘вихрь, который закручивает пыль воронкой’ (Триград; Кре-

⁵ Эта версия убедительно оспаривается в: Крегждис 2011, Аникин 2007: 236–237, см. также: Журавлев 2005: 677–678.

мене, Буково, Славейно, Трын, общ. Смолян; Ситово, общ. Пловдив; Брыштен, общ. Гоце Делчев), 'северный ветер, который меняет свое направление' (общ. Сливен) (Дукова 2015: 69, там указание на источники).

От прилагательного *юдяв* образовано имя *юдявка* 'вила, подобная юде' (Тополово, общ. Асеновград), встречающееся крайне редко (Дукова 2015: 71), по внутренней форме слово тождественно карп.-укр. *vimrennik* 'облакопрогонник; воздушный демон', словац. *veternica* 'ведьма', *veternik* 'чернокнижник', рус. *ветреник* 'нечистый дух в виде вихря или пара', з.-серб. *vjejtrovњak* 'полудемон, душа которого борется с демонами непогоды' (Левкиевская 1999: 151–152).

Возможно, от этого же корня образовано и серб. *јауд* 'ночной дух типа навей, происходящий из умершего некрещеного или недоношенного ребенка' («какое-то ночное страшилище сродни *дрекаву*⁶; происходит от «повампиренного» недоношенного ребенка; появляется в период *Некрещёных дней* — Кулишић, Петровић, Пантелић 1998: 168). Души летают в воздухе (о.-слав.) и просят крещения, чтобы покинуть «этот» свет. Для этого демонима возможна контаминация корней *јуд* и *јаук*, объединенных в одной семантической парадигме, ср. с.-х. диал. *јѹдав* 'плаксивый, обидчивый; болезненный' (Черногория), *јѹдавосиѹ* 'плаксивость' (РСКНЈ 8: 787) и *јаѹк* 'стон, крик боли, вопль', 'плач, причитание' (Толстой 1957: 303), *јаѹк*, *јаѹкѹне* 'lamentatio', *јаѹкаѹи*, *јаѹкаѹиѹ* 'lamentor' (Карацић 1818: 280), подтверждением чего может служить мнение, что герцег. *јауд* 'название навей' мотивировано по звуку, издаваемому ими (Плотникова 2007: 126).

Значение «навь», душа человека, умершего преждевременной смертью и похороненного без обряда (не оплаканного), объединяет этот сербский персонаж с западно-украинским *юдой* в одном из значений.

У гуцулов *юда*, м.р. — это чаще всего 'чёрт' («ангел сидит ему на правом плечу, а *Юда* на лівім») — Шухевич 1908: 216), *юда* — 'старший чёрт, дьявол', 'чёрт' (с большим числом контекстов) (Хобзей 2002: 194), *Юда* 'род злого духа, нечистой силы' (Гринченко 4: 531, со ссылкой на Шухевича). *Лиши той, що запродав свою душу Юдї, затїсе на Благовїщенє кїл і забиває его у землю; за те може він через цїлий рік у кожде свѣято робити всяку роботу, ему не стане ся нічого лихого* (Шухевич 1904: 218).

Однако в большом количестве контекстов *юдой* называется такой чёрт, который летает по воздуху, т. е. воздушный демон, причем он может быть олицетворением вихря, сильного ветра, души заложного покойника (вызывающего вихрь и град), может означать демона-обогати-

⁶ Дрекавац (букв. «крикун, ревун») появляется ночью на кладбище и бродит по селу, у него длинное и тонкое тело, как палка, он кричит разными голосами, то как коза, то как ребенок, то как кошка и боится собаки (Кулишић, Петровић, Пантелић 1998: 58).

теля (по происхождению — летающего змея), приводящего на село град *градовника* и просто змею (часть этих значений присуща чёрту и в других славянских традициях). См., например, следующие контексты.

Viter se дух божий, а буря се дух Юди; як загутить у хмарі такий дух, що здіймає у гору попів, порох, каміне, болото, та утворить із того слуп, то тогди там не треба іти, бо там є Юда (Шухевич 1904: 9). Поверья о том, что в вихре крутится чёрт, являются общеславянскими.

Когда ставят стог, в землю втыкают острогу и перевязывают её сеном, чтобы не оставлять её голую — *до перевязаної не має Юда ніякого права, а як би не перевязав, то може вихор сіно ухопити, або грім єго спалити* (Шухевич 1901: 198). Совершенно очевидно, что юда воспринимается здесь как природный дух, дух ветра.

Як наближає ся буря, кидають кусень тої лунчини (старое сало, несколько лет освящавшееся на Пасху) в піч, а шкрум, що з неї виходить, відвертає бурю, „бо се юда летить; як він почує шкрум з такої солонини, то утікає і не бє поле!” (Шухевич 1904: 246). В этих двух контекстах юда понимается как дух бури, который лишь позднее, под влиянием христианства, начал ассоциироваться с чёртом, воплощающим всё зло, с быстрым движением, сильным действием, вихрем и вызываемыми им негативными последствиями. Использование против бури и града освященных предметов также является общим местом во всех славянских традициях.

К тем, кто копает клад, ... *приходить сам Юда, переминає ся у бабу в перемітці та каже зразу: „Лиший тото!” а як не лишишь копати, каже: „Запиши твою душу!”* — *Як запише, озме гроші, а як не хоче записати, ухопить єго Юда у гору, верже ним аж у третє село!* (Шухевич 1904: 205). В этом контексте явный образ чёрта в начале былички сменяется таким же явным образом демонологизированного воздушного вихря, который может отнести человека на большое расстояние в другое село. Подобные характеристики (способность переносить человека по воздуху) в соседней словацкой традиции приписывают *вилам*, также персонализации вихря и генетически южнославянским персонажам.

Гуцул. юда — occasionally также ‘хованець’ (Хобзей 2002: 194), т. е. демон-обогадитель, вид домашнего чёрта, приносящего хозяину деньги, зерно, молоко и другие блага. Контекст традиционный: *Як курка знесе яйце на Благовіщенє, то можна з того яйця зробити, що хто хоче, хочби Юду, треба лише носити тото яйце під лівим плечем через 9 день, аби ніхто єго не видів. Скоро тільки Юда віведе ся, каже він зараз: „Дай мині службу ци до музики, ци до грошій, ци до худоби”. Такий Юда є у службі за чоловіка...* (Шухевич 1904: 219). Во всех славянских традициях, где знают демона-обогадителя (словац. *zmok, škriatok, rará-*

šek, чеш. *zmak*, *skřítek*, *rarášek*, *plivník*, пол. *smok*, *plonek*, *skrzat*, *klobuk*, *latawiec*, с.-луж. *plon*, *zmij*, бел. *цмок*, укр. *смок*, *цмок*, *хованец*, словен. *zmin*, серб. *цикавац*, болг. *мамниче*, *тиле*), он по сути является летающим огненным змеем, который ночью приносит хозяину богатство, а нередко его считают и называют чёртом, например: словац. *zli duch*, *pokušičel'*, пол. *diabeł*, *zły duch*, серб. *кућни ђаво*, з.-укр. *дiтько*, русин. *черт* (ср. у гуцулов вариант слова *смок* — *смуч* с значением 'чёрт' — Хобзей 2002: 169). В то же время обратная номинация чёрта *змоком* не характерна.

...Йик заведут его у ліс, Юда си его йме, обманит ище білше, переподит его, він уже у лісі си лишивс, межи люде не йде, бо его водит Юда; він вже не умиває си, оченаші не говорит, а йик загине у лісі, то душу его озме зараз Юда (Шухевич 1908: 201). В других славянских традициях подобный специализированный персонаж известен как *блуд*, *леший*, *светлонос*, *мамуна* и т. п. и чёртом обычно не называется.

На Главосіки 29/VIII, (II/IX) не вольно ... іти в сад, бо гадина (юда) чигає на дереві та зависить ся на голову (Шухевич 1904: 270) — здесь *юда* выступает в метафорическом значении 'змея'; объяснение этой номинации находим в другом месте: *софія (гадина), юдине племя, яке ховаєть ся у землю, де живе юда* (Шухевич 1901: 69).

Явиди (юди, чорти, дiтьки, пекуни, невмиті) — то есть черти — происходят из умерших некрещёных детей (выкидшей), которых за 7 лет никто не окрестит, а также из *сукровища*, места, где человек убит и похоронен без проводов; если некрещёная душа простоит там 7 лет, никто о ней не узнает, и никто её не «проводит», тогда её убивает *юда* (Шухевич 1908: 6). Это довольно широкое название душ умерших младенцев чертями можно считать локальным; в других славянских традициях для них существуют обобщающие термины *нави*, *svetlonosi* и т. п. Основанием для гуцульской номинации является хорошо известная связь «заложных» (недоживших век, похороненных без обряда) покойников с ветром и бурей. Общеславянскими являются поверья о том, что если неожиданно поднимается ветер, значит, кто-то повесился.

Дальнейшее расширение значения слова *юда* приводит к обозначению им полудемонов, ведьмаков, которые, по славянским верованиям, могут быть «урожденными» и «учеными», ср. фразему *вчені юди* — черно книжники, которые не дают идти дождю, собираются над озером в Черногоре и читают свои книги — тогда озеро замерзает, и ... тот лед с дождем падает на землю (Шухевич 1908: 224). Очевидно, что говорить о чёрте как о «наученном» нечистом духе невозможно, поэтому остается признать метафоричность значения 'чёрт' в данном контексте.

Как видим, термином *юда* обозначается целый ряд мифологических персонажей. Можно сказать, что слово со временем стало гиперонимом

любой нечистой силы. То же можно сказать и о самом термине *чёрт* (*бес*), ср. у Шухевича: *Нявки-мавки се такі бісиці, шо з переду йик чельидина, а з заду видко їх утробу* (Шухевич 1908: 200).

Гуцульскую и болгарскую традиции объединяет сходный словообразовательный потенциал слова *юда*. Во-первых, его способность образовывать композиты, ср.: гуцул. *триюда, архиюда* в значении 'главный чёрт' (Шухевич 1908: 1) — и болг. *самоюда* 'юда, самовила' (Дукова 2015: 70). Во-вторых, возможность производных отадективных имен: гуцул. *юдники*, рл. 'черти, слуги самого старшего чёрта' (Хобзей 2002: 195) (мотивирующее прилагательное не сохранилось) — и болг. *юдявка* 'вила, подобная юде', образованное от прилагательного *юдав, юдяв* (Дукова 2015: 71)⁷. В-третьих, способность образовывать глаголы: *Мати Божя захоплює ище й тепер тою сїтню души, та не пускає їх до того „щезби“, що юдить души до себе* (Шухевич 1904: 53) — и болг. *юдя* 'обманывать, искушать', *изюдвам, изюдявам* 'лгать, обманывать, соблазнять', *изюдвам се* 'портиться', *юдя се* 'корчиться, изгибаться, унижаться' (Калофер) и др. (Дукова 2015: 72).

В обеих традициях слово *юда* широко используется в ботанических номинациях: у гуцулов цветок папоротника, зацветающий в ночь на Ивана Купалу, называют «юдиным»: *юдин цвїт*, потому что его охраняют ведьмы и юды (Шухевич 1904: 265); *Юдове зїльи* в песнях нявок (навей) перед Ивановым днём упоминает В. Шухевич (Шухевич 1908: 202); *юд, юда, юдина, юдик* 'рябина, *Sorbus Aucuparia*' (Гринченко 4: 531)⁸.

⁷ Приводимые Уте Дуковой соответствия болгарскому прилагательному в с.-х. — диал. *јўдав* 'плаксивый, обидчивый; болезненный', *јўдавості* 'плаксивость' дают ей основания полагать, что «юда в значении 'природный дух', бытование которого ограничено сегодня болгарским языком, должно было когда-то существовать и в сербохорватском» (Дукова 2015: 71).

⁸ В номинации рябины «чёртовым» деревом (через мифоним *юда*) можно подозревать балтийское влияние, поскольку в славянских традициях рябина в качестве чертова дерева и в связи с апотропейными функциями не характерна; в этом качестве она известна преимущественно в русских, и особенно в севернорусских традициях, соседствующих с балтийскими (ср.: рус. *рябинник* 'леший'; в быличке лешахиу, которая пыталась соблазнить лесоруба, представ перед ним в образе его жены, он избил рябиновой веткой, и она превратилась в собаку... В Заонежье рябиновым прутом заминивали окна и двери дома, чтобы черти не вошли, и др. — Агапкина 2009: 518). В то время как в балтийских рябина широко распространена как апотропей от нечистой силы, чертей и ведьм: «Рябину боятся лаумы, ведьмы, колдуны и особенно черти. Верят, что черта можно убить рябиновой палкой, что рябиновая палка защищает от черта, что рябиной можно защититься вообще от всех злых духов. А в литовских мифологиче-

Болгарские производные обозначают дикорастущие растения: например, *юдина стъпка* «юдин след» 'мятлик, *Роа dura*', *юдничава билка* «юдина лечебная травка» 'вероника, *Veronica spicata*, *Veronica orchidea*' (Суджас кьой, соврем. Водица, обл. Варна), *юдичава трева* «юдина трава» 'живучка, *Ajuga Reptans*', *юдничава трева* 'то же' (Герман) (Дукова 2015: 70).

В других славянских языках, а также в других диалектах украинского языка с корнем *юд-/jud-* представлены почти исключительно глаголы, значения которых разнообразны, но сводимы в основном к двум семантическим полям: 1. движение (провокация движения) и 2. Иуда. Помимо приведенных выше сербохорв. *jūdati se* 'вести себя раздраженно, нервозно', 'жаловаться' (ЭССЯ 8: 191) и ряда болгарских, это: болг. диал. *йудъ съ* 'скалиться, гримасничать', *йуди се* 'кривляться', словц. диал. *južic* 'наговаривать', польск. диал. *judzić* 'подстрекать, соблазнять', 'надоедать', *judzić się* 'манить, дразнить', укр. *юдити* 'подстрекать, искушать', бел. *юдзиць* 'хитрить, лукавить', 'клеветать', диал. *юдиты* 'обманывать' (ЭССЯ 8: 191–192), словен. *júdati*, *júdam* 'ругать', *júdati se* 'ссориться, драться', пол. *podjudzać* 'побуждать, подзадоривать, подстрекать' (Дукова 2015: 72).

В украинских диалектах: *юда* 'погана людина', *юд'юдник* 'то же' (полес. — Аркушин 2000, 2: 283); *юда* 'підбурювач', *юдити* 'підбурювати, наговорювати, розпалювати ворожнечу' (буковин. — СБГ: 684); русин. *юдити* 'склонять к греху, подзуживать' (Керча 2007: 601); укр. «*юдити* – диал. Під'юджувати (ВТССУМ: 1643); *під'юджувати*, *під'юдити* – розм. Те саме, що підмовляти (ВТССУМ: 971); *розтроюджувати*, *розтроюдити* – розм. Те саме, що роз'ятрювати (ВТССУМ: 1267); *троюда* – зах. Забіяка, шибеник; *троюдити* – розм. Викликати чим-небудь подразнення, запалення та ін.; ятрити. *Троюдити рану*. // *перен.* Якимись діями, словами поновлювати, примушувати знову відчувати, переживати щось неприсмне. *Троюдити серце* – посилювати чий-небудь душевний біль, завдавати комусь ще більших моральних страждань; *троюдитися* — *розм.* Зазнавати подразнення, запалення та ін.; ятритися (ВТССУМ: 1480)» — цит. по (Скаб, Скаб 2013: 237)⁹.

ских сказаниях черт, побитый рябиновой палкой, пугается, убегает или даже это его убивает» (Vélius 1983: 118, со ссылками на источники).

⁹ Авторы статьи, признавая, что только первые три слова имеют «семантически тесную связь со словом *Юда*... а семантика остальных не очень выводится из библейского переносного значения», склоняются к мысли, что в украинском языке, скорее, «библейское имя со своим значением и негативной коннотацией очень удачно наложились на мифологические представления народа» (там же).

Из существительных также рус. *юдо* — только в сочетании *чудо-юдо богатыри*, *чудо-юдо рыба-кит*, *чудо-юдо маханныя губа* — сказочное и бранное (Фасмер 4: 528); пол. *Juda* ‘название чёрта’ (Хелмское воев. — Peřka 1987: 185); укр. (в заговорах): *...як берес от огню корчуться, так беззаконную Юду або Юдиху, місячного відьмача або відьму, щоб корчило и ломало...*; бел. (в сказке): *Юда—беззаконный чорт* — человекоподобное лесное существо, оборотень со смертоносными зубами (Белова 2000: 354).

Основываясь на лексических данных, У. Дукова отмечает, что «болг. *юда* ‘природный дух, вихрь’ имеет надежные, сохранившиеся в производных, соответствия только в сербохорватском языке»; но учитывая наличие однокоренных слов во всех группах славянских языков, реконструирует «праслав. диал. **juda* ‘вихрь’, ‘демон женского пола, который вызывает этот вихрь’, **juditi*» (Дукова 2015: 72, 74).

Общий генезис славянских и балтийских слов следовало бы рассмотреть особо. Семантика славянских мифонимов не противоречит семантике литовских родственных слов, то есть значение *юды* в болгарском как духа воздуха и ветра, в карпато-украинском как чёрта (ср. характеристики *юды* в нарративах: *він ухопить его, та носитъ, аж доки когут запіє, Юда як прийде, крутит си, не знає, куди тот пішов...* (Хобзей 2002: 197) и даже, возможно, родственного серб. *jaud* ‘душа умершего младенца, летающая в воздухе и плачущая’ — не противоречат значению балтийских слов ‘движение’, ‘сила’, ‘буйство’.

Объединение семантики вихря и чёрта также свойственно балтийским традициям, например: «Чёрт (лит. *velnias*, лтш. *velns, vells* и т. п.) тоже обычно идет с ветром, находится в вихре: *Gi anys [velniai] gi kaip vėjas lekia* ‘Они же (черты) как ветер летят’; *Kai kilsta vėsulas, sako, vel[nia]s ant pietų bėga* ‘Когда поднимается ветер, говорят, черт обедать бежит’; *Užėjo vėsulas velnias veselę kela* ‘Зашел вихрь — чёрт свадьбу устраивает» (Васильков, Разаускас 2003: 36); «В Литве было широко распространено поверье, что когда бушует вихрь, происходит чертова свадьба. Черт, танцуя, везет невесту, сопровождаемую своими родственниками» (Dundulienė 1990: 125, с испр.).

Мифологема ветра, равно как и мифологемы грешных (заложенных) душ, носящихся в воздухе, так же, как и в славянских, оказались включенными в образ черта и в литовской традиции: «„Злой“ ветер, изначально связанный с хтоническим миром и смертью, по мере христианизации всё более сливается с фольклорным чертом ... и душами умерших» (Васильков, Разаускас 2003: 27), «Перенявший в условиях христианизации многие характеристики Вейяса литовский Вяльняс («черт») нередко оказывается слепым или одноглазым» (Васильков, Разаускас 2003: 36).

На основании изложенного выше можно предполагать, что балтослав. *iaud-* начало фонетически дифференцироваться еще на внешней, северной стороне Карпат, где славянские слова с корнем [†]*jud-* получили общее значение ‘сильный ветер, вихрь’. Перенесенный миграционными потоками славян на Балканы (VI–VII вв.), этот корень получил в ряде болгарских диалектов оформление существительного ж.р. (по мнению Г. Ильинского, первоначально слово «служило лишь простым определением или эпитетом вилы... Напр., в обращении: „Юдо самовило! отпусти ми брата!“») и при сложении мифологической системы, испытывавшей, кстати, заметное влияние субстратных верований, в конце концов превратился в имя женского воздушного демона, танцующего в воздухе, уносящего людей в вихре — собственно, персонификации вихря¹⁰. Из болгарского слово было заимствовано в румынский: «*iude*, pl. где оно, наряду с значением ‘злые демоны’, имеет еще и значение ‘праздник, справляемый 19-го июня в честь этих духов’, а помимо значения ‘вихрь’ — значение ‘бурелом’ <...> Кроме того, слово *iudă* в румынском языке также означает духа реки, который требует человеческих жертв и топит людей (по берегам Дуная и Черного моря <...>). Широкое распространение этого слова в румынском языке показывает, что в данном случае речь, скорее всего, идет о древнем заимствовании, и что когда-то это болгарское слово было распространено гораздо шире, чем в наши дни» (Дукова 2015: 69–70).

В дальнейшем сформировавшийся термин вместе с потоками валашской колонизации, в составе которой были также южные славяне, вновь попал на Карпаты. Фиксация слова *юда* только в одном из западно-украинских культурных диалектов — гуцульском — свидетельствует о его экзогенном характере для Карпат.

По каким-то причинам (либо воздушные девы в прозрачной одежде уже не вписывались в сложившуюся здесь систему демонов, либо конкретное демонологическое значение было размыто в связи с мультиэтничным составом и длительным временем миграции) слово получило самое общее демонологическое значение — ‘чёрт’, семантически связанное с вихрем, скоростью и оборотничеством, имеющее отрицательные коннотации и служащее гиперонимом для обозначения разных видов нечистой силы и даже людей с соответствующими качествами (хитрых, быстрых, умелых), ср.: *домовой черт, водяной черт*. С другой стороны, вбирающий в себя множество характеристик других мифологических персонажей, вездесущий и меняющий облики черт не только дает свое имя другим демонам, но и при-

¹⁰ Возможно, таким же образом на Балканах сформировался и мифоним *вила*, имеющий и.-е. происхождение и семантику кручения, верчения.

обретает большое количество имён, в том числе эвфемистических, см., например, только лишь гуцульские: *чорт, біда, дідько; осина-вець, пекун, щезби, обпаленик; біс, аридник, явида, явидник, анцяши, диявол, сатана; антипко, гаргон, джус; лактиборідка, ліктик-бородик; лихий, невмитий, нечистий, пресподний, ріжкатий, хромий; він, той* (Хобзей 2002: 26, 27, 37, 41, 64, 88, 94, 97, 111, 115, 131, 141, 148, 150, 162, 197), этот ряд легко мог пополниться и именем *юда*.

Г. Ильинский писал, что если будет доказано, что *юда* выступает в украинском фольклоре и в других ролях, помимо контекстов с значением 'чёрт', «то из факта равенства б[олгарской] *юды* и её украинской тезки останется сделать только один вывод, а именно, что начало субстантивизации формы *юда*, а следовательно, и олицетворения её в самостоятельную мифологическую фигуру, относится, по крайней мере, в зародыше еще к эпохе славянского племенного единства» (Ильинский 1933: 473–474). Однако фактов, со всей ясностью указывающих на обозначение словом *юда* персонажей, подобных болгарским, ни в украинской, ни в других славянских традициях пока не обнаружено.

Правдоподобность составляющих гипотезу положений подтверждается множеством фактов, некоторые из них приведены ниже.

О контактах славянских и балтийских племен к северу от Карпат в первой половине I тысячелетия и позже уже много писалось, в том числе В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым. Безусловно, на количество балто-славянских сходжений, определяемых на современном этапе, повлияли и более новые исторические события, например, существование Великого княжества Литовского, а потом Речи Посполитой, в рамках которых могли осуществляться заимствования. Но интерес представляют прежде всего архаические ритуалы и лексика, предполагать прямое заимствование которых в средние века неправдоподобно. Приведу лишь отдельные этнолингвистические факты, которые свидетельствуют не только об общих истоках поверий, обрядов или культурных терминов, но и о длительных и тесных контактах балтов и славян на предполагаемой территории их проживания с I тыс. до н.э. вплоть до середины I тыс. н.э., (см. Напольских 2007: 98, рис. 4).

К наиболее ярким обрядовым соответствиям относятся:

— магическая практика прятания за хлебами, положенными один на другой, во время трапезы в день зимнего солнцеворота, при которой произносился ритуальный диалог, оканчивающийся пожеланием, чтобы хозяина и на следующий год не было видно за хлебами, то есть чтобы урожай был такой большой, чтобы можно было испечь огромные хлебы (см. подробнее: Толстой 2003: 314–325 408–409);

— волочение «колодки» у славян на масленицу имеет соответствие в рождественском обряде *vilkti blukų* у литовцев (обряд имеет индоевропейские параллели, см. подробнее: Толстой 1983: 46–48, Эккерт 2011: 46);

— обряд защиты от пожара у латышей сходен со словацким обрядом «хождение со сталью / с кресалом, который заключался во внесении в дом камня и кресала (иногда также символического высекания огня) — ради защиты дома от пожара (см. подробнее: Валенцова 2016: 372–373). Латышский обряд приводит Римантас Бальсис по описанию П. Шмита в переводе Д. Разаускаса: «Утром перед восходом солнца хозяин, так, чтобы его никто не видел, шел в овин, держа в одной руке миску с водой, а в другой — камень и горсть «железной крапивы». Воду он ставил на печь в овине, а крапиву с камнем, после определенного ритуала клал на окно, снизу крапиву, а на нее камень. Так дом был защищен от пожара» (Balsys 2015: 47). Взаимная замена крапивы и кресала не должна смущать, поскольку крапива благодаря своему свойству обжигать, жечь, символически в обрядах замещала огонь; например, в некоторых русских регионах купальские костры заменялись кучами крапивы, использовалась она в обрядовых кострах и на Украине (Усачева 1999: 646).

Еще ряд параллелей (игры при покойнике; поверья о том, что пожар от молнии можно потушить лишь кислым молоком; форма надгробий — антропоморфных и прялкообразных, особенно у южных славян) приводится в: Толстые 1978 (см. рис.).

Известны и параллели разного уровня в области культурной лексики и терминологии, например:

— общая мифологическая мотивация названия радуги: карп.-укр. *nyga* (польск. силез. *puŋga* ‘радуга’, словен. *poga* и с.-х. кайкавск. *puga* ‘то же’), Н. И. Толстым было реконструировано слав. **poga* и указано на родство этой лексемы с укр. и бел. *nyga* ‘кнут’ — ср. лит. *dievo rykštė* ‘божья розга’, *orārykštė* ‘воздушная, небесная розга’, *dangaūis rykštė* ‘небесная розга’, *malónėis rykštė* ‘милостивая розга’ (Страхов 1983: 45);

— аналогичная словообразовательная структура имени героя латышского национального эпоса *Lāčplēšis* и болгарского имени *Боримечка* (Эккерт 2011: 47);

— рус., бел. *Радуница, радаўніца, радавица* и др. ‘день поминовения усопших’ имеют своим источником лит. *raudinė* ‘молитва за умерших с плачем и причитанием’, *raudà, raudāvimas* ‘плач; плач с причитанием’ (Лаучюте 1983: 30);

— плохо объясняемое словац. *Ďunda* в весенних песнях¹¹, признаваемое носителями и исследователями словацкого фольклора очень

¹¹ *Hoja, Ďunda, hoja!* — первые строки песни, давшие начало игре взрослых девушек, обычно за неделю-две до Пасхи (Horváthová 1986: 199–200). Тип девичьей

старым словом, возможно, восходит к балтийскому корню **dund-* (ср. лит. *dundėti* (*dūnda*, *dundėjo*) 1. 'грохотать, греметь, громыхать'; *dundūlis* 'гром', *dunduliūoti* (*-iūoja*, *-iāvo*) 'глухо греметь (грохотать)', 'болтать, трещать' (Lyberis 2001: 165). Ср. пример В. Н. Топорова: *Perkūni-ja grumen*, *grum*, *griaun*, *dunden*, *bild*, *trenk*, *šaun* (Топоров 1986: 82); сюда же карп.-укр. *дунда* чол. [В-че] 1. 'ледача людина'; 2. 'маломовна людина'. Ще: *дунда́к*, *дундавиця* (Онышкевич 1984: 238) (возможно, им соответствовало бы значение 'пришибленный, прибитый') и др. Возможные этимологии подробно рассмотрены в: Аникин 1998: 218–223. Однако Л. Рокки считает слово унгаризмом: *dūnda* < *gyöngy* / *gyüingy* 'pearl' < Turkic (Rocchi 1999: 83);

— этимологические связи с балтийским имеет слав. *явида* (*явидник*) 'чёрт' — согласно О. Н. Трубочеву, вместе с рус. арх. *явидь* 'змея, которая водится в тундрах' (Даль), с одной стороны, от глаг. **vidēti* с префиксом *a-* в знач. приблизительности; по другой версии, «наличие лит. диал. *óvaidas* 'страшный шалун, сорвиголова', сравнительно близкого по знач. и этимологизируемого из сложного **ovi-vid-* 'тот, кто привиделся наяву' (значение 'черт' могло с успехом развиться из этого последнего)» (ЭССЯ 1: 94, Лома 2015);

— сходные мотивационные структуры в балтийской и славянской демонологии: эфемистическое укр. *він* 'черт', гуцул. *ріжкатий* — ср. лит. *Ji* 'Она', *rogutis* 'рогатый').

К вопросу о прямых балто-славянских контактах процитирую В. Н. Топорова, который, говоря о ятвяжской лексике на славянской территории, и специально племенном названии ятвягов, отмечал «следы ятвяжской топонимики к югу и юго-востоку от основного и бесспорного ятвяжского массива», в том числе на украинских территориях, включая прикарпатские: *Ятвиж* в Новозыбковском у. Черниговской обл. и три населенных пункта в юго-западной части Львовской обл., отмеченные, кстати, и в старых документах XV в.: с. *Ятвиги*, д. *Jatwięgi* и др. (Топоров 1980: 16). Подробно вопрос об отражении этнонимов *ятвяг* и *дайнава* в славянской топонимии и антропонимии разбирался в: Непокупный 1976: 105–111, где на с. 106 приведена карта из монографии А. Ка-

чьего хоровода в пасхальный понедельник (Грохоть, окр. Б. Быстрица, ср.-словац.: Ondrejka 1969: 104). *A na hoja dundū? to chođele deďinó a spěvale d'ěčence* 'А на «гойа дундю»? — это девушки ходили по селу и пели' (Оздин, окр. Полтар, ср.-словац.: Matejčík 1975: 236) (Валенцова 2016: 302). Обрядовая песня девушек перед Пасхой «*Hoja, Dūnda, hoja / poslala nas kral'ovna, / Hoja, Dūnda, hoja...*» была записана во время полевых исследований в 2014 г. в русинском селе Убля в Восточной Словакии (собиратели: М. Н. Толстая, М. М. Валенцова (Россия), К. Женюхова, П. Женюх (Словакия)).

миньского, показывающая обсуждаемые топонимические изоглоссы. Географические названия в Галиции, сохранившие этнонимы *ятвяг* (*ятвезь*) и *дайнава*, исследователи связывают с тем, что «район среднего течения Сана был пограничной зоной Галицко-Волянского княжества, а именно такие территории отводились для поселения ятвяжских пленных и беженцев», факт, отражающий историю взаимоотношений в этом крае и вхождение южной части Ятвяжской земли в сер. XIII в. в состав Галицко-Волянской Руси (Непокупный 1976: 111, 109–110).

В целом балто-карпато-балканские параллели требуют дальнейшего целенаправленного изучения.

Как показал приведенный материал, семантически образ *юды* — вилы или черта не может быть выведен из образа евангельского Иуды Искарриота, основные черты которого — предательство, корыстность, и лишь как результат его действий — зло. Нет в образе Иуды и семантики ветра и вихря, которая лежит в основе практически всех народных мифологических образов и слов. Поэтому сближение мифонима *юда* с именем *Иуда* надо признать вторичным и позднейшим. В целом такая тенденция — использование в мифологии имен библейских и евангельских персонажей, как правило, отрицательных, существует, ср.: укр. *ирод* ‘Ирод’, ‘злодей’, ‘черт’ (Гринченко 2: 194), гуцул. *ирод* ‘старший чёрт, властитель ада’ (Хобзей 2002: 111), румын. *solomonar* ‘градовник, демон, управляющий градовыми тучами’ (Мойсей 2008: 127), рум. *Ischariot* ‘черт’ (Дукова 2015: 71, со ссылкой на Илиева), пол. *Judasz* ‘дьявол, имеющий наибольшую власть над людьми в четверг’ (Белова 2000: 354). Появление подобных номинаций — результат общего процесса взаимопроникновения языческого и христианского мировоззрения, обрядности, символики. Поэтому убедительным представляется вывод о том, что «вне всяких сомнений, это имя (Иуды Искарриота — *М. В.*) переплелось со словом **juda* ‘вила’, ‘злой дух’, унаследованным из праславянского», но оно же легло в основу некоторых наименований со значением ‘плохой человек, черт’ (Дукова 2015: 71).

ЛИТЕРАТУРА

- Агапкина 2009 — Т. А. Агапкина. Рябина // Славянские древности. Т. 4. М., 2009.
- Аникин 1998 — А. Е. Аникин. К балтийским параллелям праславянских лексем (1 — 6) // Балто-славянские исследования 1997. М., 1998.
- Аникин 2007 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 1. М., 2007.
- Аникин 2013 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 7. М., 2013.

- Аркушин 2000 — *Г. Аркушин*. Словник західнополіських говірок. У двох томах. Луцьк, 2000.
- Белетич, Лома 2012 — *М. Белетич, А. Лома*. Сон, смерть, судьба (наблюдения над прасл. **mora*, **mara*) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы II Международной научной конференции. Екатеринбург, 8–10 сентября 2012 г. В 2 частях. Екатеринбург, 2012.
- Белова 2000 — *О. В. Белова*. Иуда Искариот: от евангельского образа к демонологическому персонажу // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М., 2000.
- Валенцова 2016 — *М. М. Валенцова*. Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М, 2016.
- Васильков, Разаускас 2003 — *Я. В. Васильков, Д. Разаускас*. Балтийский ключ к проблеме Вия — Вайю // Scripta Gregoriana. Сборник в честь 70-летия акад. Г. М. Бонгард-Левина. М., 2003.
- ВТССУМ — *В. Т. Бусел*. Великий тлумачний словник сучасної української мови. Київ, [2005].
- Гринченко — *Б. [Д.] Гринченко*. Словарь української мови. Київ. Т. 2, 1908; Т. 4, 1909.
- Гура 2012 — *А. В. Гура*. Еще о некоторых параллелях к гоголевскому Вию // Н. В. Гоголь и традиционная славянская культура. Двенадцатые Гоголевские чтения: Сб. статей по материалам Междунар. науч. конф., Москва. 30 марта – 1 апреля 2012 г. / Под общ. ред. В. П. Викуловой. Новосибирск, 2012.
- Дукова 2015 — *У. Дукова*. Наименования демонов в болгарском языке. М., 2015.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. У семи томах. Т. 6. Київ, 2012.
- Журавлев 2005 — *А. Ф. Журавлев*. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М., 2005.
- Зализняк 2004 — *А. А. Зализняк*. Древненовгородский диалект. Второе издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
- Илиевъ 1892 — *А. Т. Илиевъ*. Растителното царство въ народната поезия, обичаитъ, обредитъ и повѣрїята на българитъ // Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. VII. София, 1892.
- Ильинский 1933 — *Г. Ильинский*. Юда (Страничка из славянской мифологии) // Сборникъ въ честь на проф. Л. Милетичъ за седемдесетгодишнината отъ рождението му (1863–1933). София, 1933.
- Караѿић 1818 — *Вук Стефановић [Караѿић]*. Српски рјечник исполкован њемачким и латинским рјечма. У Бечу, 1818.

- Каралюнас 1975 — *С. Каралюнас*. К этимологии лит. *jūodas* ‘черный’ // Этимология 1975. М., 1977.
- Керча 2007 — *И. Керча*. Русинско-русский словарь. Ужгород, 2007.
- Крегждис 2011 — *Р. Крегждис*. Этимология рус. диал. *анчутка* // *Acta Baltico-Slavica*, 35. SOW, Warszawa, 2011.
- Кулишић, Петровић, Пантелић 1998 — *Ш. Кулишић, П. Ж. Петровић, Н. Пантелић*. Српски митолошки речник. Београд, 1970. Друго допуњено издање. Београд, 1998.
- Лаучюте 1983 — *Ю. Лаучюте*. Перунь, Велесь и балто-славянская проблематика // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане: Тезисы докладов Второй балто-славянской конференции. Москва, 29 ноября – 2 декабря 1983 г. М., 1983.
- Левкиевская 1999 — *Е. Е. Левкиевская*. Духи атмосферные // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999.
- Лома 2015 — *А. Лома*. Еще раз о призраках: во сне, наяву, в этимологии: серб, болг. *неведа*, серб. *авед*, *ав(и)јест*, *авет*, укр. диал. *явида*, русск. диал. *явидь*, лит. *óvaidas* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М., 2015.
- Мойсей 2008 — *А. Мойсей*. Магія и мантика у народному календарі східнороманського населення Буковини. Чернівці, 2008.
- Напольских 2007 — *В. В. Напольских*. К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке // *Арт*, № 4, 2007.
- Непокупный 1976 — *А. П. Непокупный*. Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.
- Плотникова 2007 — *А. А. Плотникова*. Южнославянская лексика традиционной народной духовной культуры в ареальном аспекте // Южнославянские языки в их истории и современном состоянии. Минск, 2007.
- Раденкович 2004 — *Л. Раденкович*. Названия демонов, ведущие происхождение от детей, умерших до крещения у славян // *Balkanica XXXIV*. Belgrade, 2004.
- РСКНЈ — Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 8. Београд, 1973.
- СБГ — Словник буковинських говірок / Загл. ред. Н. В. Гуйванюк. Чернівці, 2005.
- Скаб, Скаб 2013 — *М. В. Скаб, М. С. Скаб*. Деривационные потенции библейских фразеологизмов в украинском языке // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами. Сб. научных трудов по итогам 3-й Международной научной конференции (Белгород, 19–21 марта 2013 г.). Белгород, 2013.

- Страхов 1983 — *А. Б. Страхов*. К балто-славянским семасиологическим параллелям (названия радуги) // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане: Тезисы докладов Второй балто-славянской конференции. Москва, 29 ноября – 2 декабря 1983 г. М., 1983.
- Толстой 1957 — *И. И. Толстой*. Сербскохорватско-русский словарь М., 1957.
- Толстой 1983 — *Н. И. Толстой*. Три обряда: литовск. *Kalādė*, украинск. *Колодій*, сербск. *Бадњак* // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане: Тезисы докладов Второй балто-славянской конференции. Москва, 29 ноября – 2 декабря 1983 г. М., 1983.
- Толстой 2003 — *Н. И. Толстой*. Архаический ритуал-диалог // Очерки славянского язычества. М., 2003.
- Толстые 1978 — *Н. И. и С. М. Толстые*. Некоторые балтийско-славянские параллели из области архаической духовной культуры // Конференция «Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом». 11–15 декабря 1978 г. Предварительные материалы. М., 1978.
- Топоров 1973 — *В. Н. Топоров*. Из истории балто-славянских языковых связей: *анчўтка* // *Baltistica* IX (1). 1973.
- Топоров 1980 — *В. Н. Топоров*. Прусский язык. Словарь. Т. 3. М., 1980.
- Топоров 1986 — *В. Н. Топоров*. Индоевропейский ритуальный термин *souh₁-etro-* (-*etlo-*, -*edhlo-*) // Балто-славянские исследования 1984 / Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 1986.
- Трубачев 2004 — *О. Н. Трубачев*. Труды по этимологии. Слово. История Культура. Т. 1. М., 2004.
- Усачева 1999 — *В. В. Усачева*. Крапива // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М., 1999.
- Фасмер — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка / Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Т. 4. М., 1987.
- Хобзей 2002 — *Н. Хобзей*. Гуцульська міфологія. Етнолінгвістичний словник. Львів, 2002.
- Шухевич 1901 — *В. Шухевич*. Гуцульщина. Ч. 2. Львів, 1901.
- Шухевич 1904 — *В. Шухевич*. Гуцульщина. Ч. 4. Львів, 1904. Видання друге, репринт: Верховина, 1999.
- Шухевич 1908 — *В. Шухевич*. Гуцульщина. Ч. 5. У Львові, 1908.
- Эккерт 2011 — *Р. Эккерт*. К балто-славянским пересечениям в духовной культуре: обряд волочения колоды; оборотни и похищение невесты; борец с медведем и некоторые другие // Балты и славяне: пересечения духовных культур. Тезисы докладов международной на-

- учной конференции, посвященной академику В. Н. Топорову. Вильнюс, 14–16 сентября 2011 г. Vilnius, 2011.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М. Вып. 1. 1974. Вып. 8. 1981. Вып. 19. 1992.
- Balsys 2015 — *R. Balsys*. Lietuvių ir prūsų pagonybė: aldai, žyniai, stabai. Klaipėda, 2015.
- Dundulienė 1990 — *P. Dundulienė*. Senovės lietuvių mitologija ir religija. Vilnius, 1990.
- Horváthová 1986 — *E. Horváthová*. Rok vo zvykoch nášho ľudu. [Bratislava], 1986.
- Kluge 1967 — *F. Kluge*. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin, 1967.
- Lyberis 2001 — *A. Lyberis*. Lietuvių-rusų kalbų žodynas. Литовско-русский словарь. Vilnius, 2001.
- Matejčík 1975 — *J. Matejčík*. Lexika Novohradu. Vecný slovník. Bratislava, 1975.
- Ondrejka 1969 — *K. Ondrejka*. Rytmickeý pohyb ako zložka zvykoslovia a ľudových slávností // Slovenský národopis. R. 17. № 1, 1969.
- Pełka 1987 — *L. J. Pełka*. Polska demonologia ludowa. Warszawa, 1987.
- Rocchi 1999 — *L. Rocchi*. Hungarian loanwords in the Slovak language. I (A–K). Trieste, 1999.
- Vėlius 1983 — *N. Vėlius*. Senovės baltų pasaulėžiūra. Struktūros bruožai. Vilnius, 1983.

Н. ЛАУРИНКЕНЕ

Образ «повозки / колесницы Солнца» в балтийской мифологии как отголосок индоевропейской духовной культуры

В архаическом мировосприятии балтов небо и его светила, составляющие верхнюю сферу трехчастного мифического мира, представляли собой особую систему образов. Основополагающие компоненты этой системы и обозначающие их лексемы генетически связаны с индоевропейским праязыком и культурой. Небо и небесные светила занимали значимое место в индоевропейской духовной культуре. Кочевые праиндоевропейские племена, не имевшие постоянного пристанища для оседлой жизни, воспринимали небо как неизменную часть покрывающего их Космоса — в отличие от земли, конкретная территория которой едва ли вызывала ассоциации с постоянным локусом существования этих племен. В индоевропейской, в том числе и в древней духовной культуре балтов, небо представлялось как отдельный мир, населенный персонафицированными небесными телами, которые своими действиями имитировали жизнь земных людей, обладая известными этим племенам и значимыми для них атрибутами.

В настоящей статье основное внимание уделяется Солнцу и его связи с колесом, иными словами — образу этого светила, изображаемого в мифологии балтов как антропоморфное существо, которое «ездит» по небесному пространству на «повозке / колеснице / карете» (лит. *saulės ratai / dvirāčiai / karieta*, лтш. *saules rati*). Этот образ раскрывает первобытное восприятие движения Солнца над Землей по небесному своду в светлое время суток. Солнце, в отличие от других небесных тел, было у древних балтов едва ли не самым популярным объектом поклонения. Это отражено в археологических находках, в письменных исторических источниках, а также в литовском и латышском фольклоре. В перечисленных источниках сохранились сведения о своеобразном представлении этого небесного тела. Рассматриваемый в статье образ «колесницы Солнца», т. е. его повозки, некогда существовавший у балтов, дает возможность пополнить не только словарь индоевропейской материальной и духовной культуры, но и восстановить соответствующий фрагмент археоастрономии и этноастрономии.¹

Данные исторических источников о солярных представлениях балтов немногочисленны и достаточно отрывочны. Значительно больше

¹О мифологическом мировосприятии неба и его светил у древних балтов см.: Лауринкене 2019, Laurinkienė 2019.

сведений о мифологическом образе Солнца и его движении по небу в повозке представлено в литовском и латышском фольклоре. Нередко фольклорные образы и даже сюжеты, относящиеся к рассматриваемой тематике, существуют в нескольких или даже во многих вариантах. Именно в фольклорных источниках сохранилась подлинно архаичная мифологическая информация. В данной статье мы в основном будем опираться на литовскую и латышскую устную традицию. Однако надо отделять древние образы от более поздних, а также соответствующим образом «прочитывать», разгадывать их смысл путём сравнения с аналогичными семантическими структурами, представленными в традициях других народов. Разумеется, также следует иметь в виду, что конкретные фольклорные тексты на литовском и латышском языках не могут быть очень архаичными (предполагается, что литовский и латышский языки появились после распада балтийского праязыка в V–VII в. н. э.; см. Mažiulis 1987: 83). Поэтическая основа текста могла сформироваться достаточно давно, но нельзя исключать возможность того, что с течением веков эти тексты могли видоизменяться и трансформироваться. Однако нельзя отрицать и того, что в фольклорных текстах до сих пор сохранились образы, уходящие своими корнями в первобытную древность. Некоторые из таких протообразов могут считаться архетипами, сохранявшимися в коллективном бессознательном до последних столетий. Углубляясь в подобные протообразы, представленные в устном творчестве балтийских народов, мы открываем более глубокий смысл и происхождение сохранившихся в них семантических архаизмов.

Этимология лит. *saulė*, лтш. *saule*, пр. *saule*

Литовское *saulė* ‘Солнце’ индоевропейского происхождения. Представление праиндоевропейцев об этом небесном теле связано с древним мировосприятием наших далеких предков. В балтийских языках рассматриваемый объект представлен лексемой, восходящей к одному и тому же корню: лит. *sáulė*, лтш. *saũle*, прус. *saule*, из индоевр. **sāue-*, **sū-*, **sue-*, **su-* (Fraenkel 1962: 765). В балтийских языках этот корень расширен с помощью суффикса *l-*, а в других индоевропейских языках — с помощью суффиксов *l-*, *n-*, *r-* (Fraenkel 1962: 765). Ср. др.-инд. вед. *sívar-* ‘солнце’, лат. *sōl* ‘солнце’, ст.-слав. *slŭnĭce* ‘солнце’, гот. *sauil* ‘солнце’, др.-в.-нем. *sunna* (нем. *Sonne*) ‘солнце’, др.-англ. *sunne* (англ. *sun*) ‘солнце’ (см. Гамкрелидзе, Иванов 1984: 684). Кроме того, необходимо отметить, что литовская и латышская лексемы, обозначающие Солнце (лит. *saulė*, лтш. *saule*), относятся к женскому роду, и в мифологии и фольклоре оно воспринимается как женщина.

Представления о «колеснице Солнца» в литовском и латышском фольклоре

О древнем происхождении образа *Солнца* свидетельствует не только этимология, но и ареал распространения аналогий мифологического характера, отражающих связанные с ним представления. В первую очередь обращает на себя внимание представление о «повозке Солнца». Этот мотив универсален, он известен не только индоевропейцам и не только на европейском континенте, но и в южной и юго-западной Азии.

Что касается традиции балтов, образ «повозки / колесницы / кареты Солнца», встречается в литовском фольклоре в связи с пастушеством.² Неизвестно, восходит ли к древним временам контекст Солнца, представленный в зафиксированных в XX в. пастушеских песенках, однако, так или иначе, на это стоит обратить внимание. Итак, выгоняя ранним утром скот на пастбище, пастухи обращались к Солнцу:

<i>Kūrinkis, ugnela,</i>	‘Гори, огонек,
<i>Atvažiuoja saulala</i>	Приезжает солнышко
<i>Geležiniaiis ratukais,</i>	На железной повозке,
<i>Pasitepus taukeliukais.</i>	Смазанной жирком’

(д. Имбрадас, Зарасайский уезд, LTR: 898/43);

<i>Atvažiuoja saulala</i>	‘Приезжает солнышко
<i>Variniaiis rateliais,</i>	На медной повозке,
<i>Masinižiniaiis bateliais,</i>	В бронзовых ботиночках,
<i>Ugniniaiis arkliaiis.</i>	На огненных конях’

(Анталепте, Dundulienė 1988: 17–18);

<i>Nuvažiuk, debesėl, dunduliuos,</i>	‘Уезжай, облачко, с глухим грохотом,
<i>Atvažiuok, Saulele, rateliuos.</i>	Приезжай, Солнышко, на повозке.
<i>Kai pamatydavę ateinantį debesį,</i>	Так пели пастухи, когда видели
<i>piemenys dainuodavę.</i>	приближающееся облако’

(Купишкис, Balys IV: 240, No. 130);

<i>Nuvažiuk, debesėli, sunkiuose ratuose,</i>	‘Уезжай, облачко, на тяжелых ко-
<i>Atvažiuok, atvažiuok, Saulele,</i>	лесах,
<i>rateliuose, rateliuose.</i>	Приезжай, приезжай, Солнышко,
	на повозке, на повозке’

(Паневежис, Balys IV: 240, No. 128).

² У носителей праиндоевропейского языка была развита животноводческая культура (Koopers 1929; Gimbutienė 1996: 258, 293; Гамкрелидзе, Иванов 1984: 695). Могут ли быть связаны песенки литовских пастухов с такой глубокой архаикой, остается под вопросом, но такая гипотеза может быть рассмотрена.

Семантическая структура «повозки Солнца» осталась неизменной в сознании множества поколений. Со временем тексты, содержащие этот образ, могли приобрести новые детали, их могли видоизменять, используя как образец для создания новых версий на ту же тему. Однако сам образ «повозки Солнца» по своему происхождению является архаичным.

В литовских пастушеских песенках Солнце нередко упоминается вместе с персонифицированным, как и оно само, облаком, и оба они могут передвигаться на карете (*karieta*) или колеснице (*dvirāčiais*). При этом колесница как транспортное средство на мифологическом небе характерна также и для других разъезжающих по небу мифологических персонажей (напр., для Перкунаса: LTR: 739/19; 763/4; 823/27):

Nuvažiuk, debesėl, su kariet, su kariet, ‘Уезжай, облачко, в карете, в карете,
Atvažiuok, saulytėl, su dvirāčiais, su dvirāčiais! Приезжай, солнышко, на колеснице, на колеснице!’

(Биржайский округ, LTR: 4990/428;
ср. с мотивом солнышка в двуколке в: LTR: 4988/37);

Nuvažiuk, debesėli, su dvirāčiais, su dvirāčiais, ‘Уезжай, облачко, на колеснице,
Atvažiuok, saulutė, su kariet, su kariet! Приезжай, солнышко, в карете, в карете!’

(Пасвалис, LTR: 3266/27;
ср. с другим вариантом, записанном в Папилис, в котором упоминается колесница (*dvirāčiai*) Солнца: Balys IV: 239, No. 126).

Обычно Солнце связано с конями. В загадках оно изображается как шар, который везут сто коней: *Šviesus mažas ritulelis — šimtas arklių nepavež.* — *Saulė* ‘Маленький светлый шарик — сто коней не увезут. — Солнце’ (LTR: 284/337-2). Сходные параметры, связанные с транспортным средством мифологического Солнца, повторяются в латышских песнях: *Iebrauca Saulite / Ābeļu dārzā / Deviņi ratiņi, / Simts kumeliņu.* [...] ‘Приезжает Солнышко / В яблоневоый сад / На девяти колёсах / На сотне коней’ [...] (BDS: 33778-0; см. также Viķe-Freiberga 2016: 244). В других латышских песнях Солнце движется по небу в упряжке желтых (видимо, золотых или огненных) коней:

Saule brauca gar debesi, ‘Солнце едет по небу
Trīs dzeltenī kumeliņi. На трех желтых конях,
Ai, Saulite, mīļa balta, Ай, Солнышко, милое белое,
Dod man vienu kumeliņu Дай мне одного коня,
Man jāiet tautiņās, Мне надо выйти замуж,
Nav dzeltena kumeliņa. У меня нет желтого коня’

(BDS: 33913-0);

*Saule brauca apkārt kalni
Dzelteniem kumeļiem;
Ne tie svīda, ne piekusa,
Ne ceļā dusināja.*

‘Солнце едет вокруг горы
На желтых конях,
Не потеют они, не устают,
По дороге не задыхаются’

(Biezais 1972: 242).

Параллели образа в других культурах

Об архаичности образа едущего по небу Солнца свидетельствуют тексты древнеиндийской «Ригведы», которые датируются II–I тыс. до н. э. Бог Савитар (др.-инд. *Savitár*), персонифицированная сила Солнца, едет на золотой колеснице, в которую запряжены два прекрасных саврасых (рыжих) коня. Он смотрит с высоты на все живые существа и излучает свет, уничтожая все опасности; его путешествия происходят между небом и землей (РВ I: 35, 3–5, 9; см. и РВ II: 38, 1). В другом месте «Ригведы» пара саврасых коней характеризуется как «знаки Солнца» (РВ II: 11, 6). Кроме того, Савитар изображается златоглазым (РВ I: 35, 8), златоруким (РВ I: 35, 9), в золотой одежде (РВ IV: 53, 2). В одном из гимнов бог Солнца Сурья (др.-инд. *Sūryā* может означать и просто ‘солнце’), излучающий свет, своими лучами приводящий в движение весь живой мир, разгоняющий темные силы, отгоняющий болезни и плохие сны, изображается едущим на колеснице, в которую запряжены крылатые кони (РВ X: 37, 3–4) или семь рыжих кобылиц (РВ I: 50, 8). Следовательно, не только сами боги — Савитар, Сурья, воплощающие Солнце, но и их атрибуты — золотая колесница, крылатые или саврасые кони / кобылицы, золотые части их божественных тел, золотые одежды — всё это аллюзия на небесный сияющий и движущийся источник света, возвещающий о приходе дня. Следует подчеркнуть, что, как свидетельствуют характеристики этих солярных божеств и определения их функций в гимнах «Ригведы», их свет, судя по всему, воздействовал на земной мир не только физически, но и иными способами. Вместе с тьмой он побеждал всё то, что в этом пространстве является удушливым, инертным, все деструктивные начала, отравляющие человеческий дух и разрушающие его бытие.

Греческий бог Солнца Гелий (*Ἥλιος*), культ которого восходит еще к доэллинистической эпохе, сохранил типичные черты солярного божества. В Гомеровом гимне к Гелию это существо со светлыми волосами и в блестящих одеждах изображается едущим по небу именно на «златояремной» колеснице, в которую впряжены божественные кони, и ярким светом освещающим людей и бессмертных богов:

[...] *Из-под шлема глядят золотого*

*Страшные очи его. И блестящими сам он лучами
Светится весь. От висков же бессмертной главы ниспадают
Волосы ярко блестящие, лик обрамляя приятный,*

*Складки прекрасных и тонких одежд. Жеребцы же под богом
Там, задержавши коней с колесницею златояремной,
К вечеру с неба на них в Океан опускается Гелий.*

(Гомеровы гимны: XXXI, К Гелию).

Достигнув вершины небесного свода, Гелий вечером опускается в океан. По мнению религиоведа Фаддея (Тадеуша) Зелинского, Гелий — не только источник света в физическом смысле, но и омывающее душу божество: «как его яркие лучи обезвреживают своей палящей силой всякий тлен, так и его дух разгоняет всякую скверну, всякое наваждение ночных страхов. Мы встречаем его приветствием и молитвой при восходе и рассказываем ему привидевшиеся нам тревожные сны, чтобы он очистил от них нашу душу» (Зелинский 1918: 20–21).

По данным сербских песен, южные славяне также представляли, что Солнце (*Сунце*) ездит по небу на телеге, запряженной конями. По вечерам оно опускается в море, а по утрам оттуда поднимается (Кулишић, Петровић, Пантелић 1970: 294).

Следовательно, в обширном ареале проживания балтов, древних индийцев, греков, славян и германцев этиология дневного света, чередующегося с темнотой, объясняется как путешествие Солнца, которое ездит по небу с востока на запад на запряженной конями колеснице или просто в повозке.

Конь — животное, типичное для солярной мифологии. Об этом свидетельствуют многие из упомянутых выше традиций. Необходимо выделить в этом отношении также кельтов. Исследователь кельтской мифологии Миранда Грин отмечает, что коня следует считать солярным животным бронзового века (Green 1997: 202). В этом не сомневается и Мария Гимбутене. Она считает, что среди религиозных символов Европы конь стал господствовать еще с бронзового века. Знак коня встречается в археологических находках бронзового и более поздних веков в южной, центральной и северной Европе (Gimbutienė 1994: 47). Во многих традициях индоевропейского происхождения конь даже обожествляется. Он играет не только роль транспортного средства, но и культовую (напр., РВ IV: 38–40, VII: 44).

Собственно колесо, как свидетельствуют лингвистические данные, является реалией, существовавшей еще у праиндоевропейцев (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 717–738; Казанский 2005). Н. Н. Казанский на основе данных древнеиндийского, исландского, древнеанглийского и славянских языков проанализировал формульное словосочетание «колесо солнца» и его соответствия в названных языках. По его мнению, генезис данного фразеологизма связан с индоевропейским праязыком (Казанский 2005: 148–152). Нет никаких сомнений в том, что племена индоевропейцев использовали транспортное средство, оснащенное колесами. На индоевропейское происхождение образа колеса, колесницы ука-

зывают и лексемы, называющие этот предмет однокоренным словом: др.-инд. *rātha* – ‘колесница’, ‘повозка’, лат. *rota* – ‘колесо’, др.-в.-нем. *rad* – ‘колесо’, лит. *ratas* ‘колесо’, лтш. *rats* ‘колесо’. Само колесо, окружность в мифологии балтов и в традициях многих других народов символизировали и солнце как небесное светило. С солярной символикой связана концентрическая окружность (комбинация внешней и внутренней окружности), а также знак креста в окружности, который частично напоминает колесо. Само Солнце воспринимается человеческим глазом как колесо, катящееся по небесному своду и излучающее свет, словно огненный шар. Колесо, как отмечали исследователи мифологии, является широко распространенным в Европе солярным символом (Green 1997: 202; Kristiansen 2013). Знак свастики, иногда напоминающий движущуюся, динамическую фигуру, нередко обладающую округлой формой, также является архаичным символом Солнца. Он известен во многих традициях, в том числе и у балтов.

В древних культурах колесницы и повозки были известны с незапамятных времен — как в практике повседневной жизни, так и в культовой сфере. В «Ригведе» колесница, в которую впряжены кони, является часто упоминаемой реалией, ею распоряжаются божественные существа: Индра (РВ I: 16, 2), Савитар (РВ I: 35, 3–5), Сурья (РВ X: 37, 3), Ушас (РВ I: 49, 1–2), Ашвины (РВ I: 47, 6). Как утверждали Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, колесница (военное или праздничное транспортное средство) во времена праиндоевропейцев использовалась не только в военной, но и в религиозной сфере, а также играла роль культового атрибута. На ней перевозили изображения богов или замещающие их символы, а в некоторых случаях — умерших или урны с их прахом после кремации, которые следовало доставить на место погребения (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 731; см. и Tacitas 1972: 26–27). Поэтому неудивительно, что в большинстве древних культур Европы и Азии Солнце изображалось едущим на запряженной конями двухколесной колеснице или четырехколесной повозке, использовавшейся, вероятно, в культовых целях. Об этом свидетельствуют как археологические находки, так и устные тексты, в которых были зафиксированы мифологические образы.

«Колесница Солнца» в археологии

При анализе природы образа «колесницы Солнца» исключительно важным является один иконографический факт. Имеется в виду широко известная «колесница Солнца» из Трудхольма. Эта бронзовая скульптура, обнаруженная на одном из датских островов (*Sealand*) в 1902 г., изображает запряженную повозку, в которой лежит солнечный диск. Правая сторона солнечного диска покрыта золотом. Статуэтка хранится в собрании Национального музея Дании, в Копенгагене. Предполагается, что она могла использоваться во время религиозных ритуалов и имити-

ровать движение солнца по небу. Эта уникальная находка дает право рассматривать возраст и происхождение достаточно широко распространенного образа «колесницы Солнца». Если «колесница Солнца» из Труднхольма датируется бронзовым веком (в населенных германцами землях он начался около 1500 г. до н. э.), то, видимо, в ту эпоху подобный образ мог быть известен и в других, родственных германцам традициях (см. De Vries 1956: 97). В бронзовом веке индоевропейцы уже разделились на отдельные языковые группы. Датский археолог Кристиан Кристиансен, исследовавший древние археологические реликты северной Европы (и Европы в целом) и связывавший их с мифологией, утверждает, что в бронзовом веке Солнце являлось основным объектом культа в северной Европе. Об этом свидетельствует множество наскальных рисунков в Скандинавии и сохранившиеся бронзовые изделия с солярными символами (Kristiansen 2013: 83). По мнению исследователя мифологии Рудольфа Зимека, существование у германцев культа Солнца, помимо наскальных рисунков, подтверждается и древнеисландским устным творчеством: в «Старшей Эдде», чьи рукописные сборники песнопений восходят к XIV в., а само произведение отражает германскую мифологию дохристианской эпохи, Солнце по небу везут два небесных коня: «Арвак и Альсвинн [небесные кони — *H.J.*] солнце наверх / усталые тащат» (СЭ, «Речи Гримнира»: 37; Simek 1984: 369). В «Младшей Эдде» также изображено Солнце, которое правит конями, запряженными в повозку. Имена этих коней — Ранний и Проворный (МЭ, «Видение Гюльви»). В связи культа Солнца с упомянутой эпохой в северной Европе не сомневается М. Грин. Она утверждает, что в бронзовом веке культ Солнца доминировал, особенно в Скандинавии (Green 1997: 202). М. Гимбутене также констатирует, что религия и идеология праиндоевропейцев, распространяемые в V–III тыс. до н. э. людьми курганной культуры от Волги и к северу от степей Причерноморья на восток Центральной Европы, были ориентированы на Солнце и другие небесные тела и атмосферные явления (Gimbutienė 1996: 292–293).

Археологические находки в землях, где проживали балты, подтверждаются когда-то актуальным для балтов образом «повозки Солнца». М. Гимбутене относит к периоду бронзового и раннего железного века (он датируется 2000 г. до н. э. – 100 г. н. э.) найденные в низовье Вислы урны из Грабова и Старогарда с вырезанными на них фигурами, которые считаются балтийскими. На урне из Грабова изображается, помимо других предметов, орнаментированный круг. «Щит, видимо, символизировал солнечный диск, потому что он украшен кружками. Поскольку он вырезан возле повозки, можно предположить, что данная мифологическая сцена означала повозку Солнца» (Gimbutienė 1985: 80–81). На рассматриваемом резном изображении на урне солнечный диск расположен на четырехколесном транспортном средстве.

Следовательно, образы Солнца и его повозки или колесницы, засвидетельствованные архаическими данными разного рода у народов Европы и южной Азии, не миновали и древних балтов. При этом отражение идеи дневного светила и его конкретное фигуративное выражение приобрели в традиции балтов своеобразный облик. «Солнце на повозке», оставившее свои следы в археологических находках, обнаруженных на территории распространения балтов, а также в литовском и латышском фольклоре, отражает представления о роли данного светила в суточном цикле. Балты, как и древние индийцы, греки, германцы и славяне, раскрывали свое понимание «поездок» Солнца, его движения по отношению к Земле в течение суточного цикла, и создавали типичные образы этого небесного светила как олицетворенного антропоморфного персонажа.

В литовской и латышской устной традиции Солнце — это существо, которое ездит в повозке (*ratais*), колеснице (*dvirāčiais*) или карете (*karieta*) и правит конями, нередко огненными. Утром оно выезжает на небесные просторы, а вечером заканчивает свою поездку над Землей³. В отличие от некоторых упомянутых в статье традиций, Солнце у литовцев (*saule*) и латышей (*saule*) воспринималось как мифологизированное и даже обожествляемое существо не мужского, а женского рода. Рассмотренное «транспортное средство» Солнца отражает актуальные реалии, некогда существовавшие в определенной эпохе, а частично и культуру того периода.

ЛИТЕРАТУРА

- Гамкрелидзе, Иванов 1984 — Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов. Индо-европейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси, 1984.
- Гомеровы гимны — Гомеровы гимны к Гелию // «Эллинские поэты» / Перевод В. В. Вересаева. Москва, 1963.
- Зелинский 1918 — Ф. Ф. Зелинский. Древнегреческая религия. Петроград, 1918.
- Казанский 2005 — Н. Н. Казанский. К реконструкции индоевропейской формулы «колесо солнца» // Антропология культуры. Вып. 3. Москва, 2005.
- Кулишић, Петровић, Пантелић 1970 — Ш. Кулишић, П. Ж. Петровић, Н. Пантелић. Српски митолошки речник. Београд, 1970.
- Лауринкене 2019 — Н. Лауринкене. Мифологический образ неба в балтийской традиции // Балто-славянские исследования XX. Москва, 2019.
- PВ — Ригведа: Мандалы. I–IV / Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова. Москва, 1989; Ригведа: Мандалы, т. IX–X, / Издание подготовила Т. Я. Елизаренкова, Москва, 1999.

³ Ночная поездка Солнца в мифологии балтов происходила в лодке — после того, как оно опускалось в море. Утром это транспортное средство снова менялось на повозку (BDS: 33811-I; SrDR: 18, No. 31; Laurinkienė 2019: 62–69).

- МЭ — Младшая Эдда — Младшая Эдда / Перевод О. А. Смирницкой, ред. М. И. Стеблин-Каменского. Ленинград, 1970.
- СЭ — Старшая Эдда — Старшая Эдда / Перевод А. И. Корсуна. Москва, 1975.
- BDS — Krišjāņa Barona Dainu skapis: latvju dainas, tautasdziesmas, dziesmas. См. <http://www.dainuskapis.lv>.
- Biezais 1972 — *H. Biezais*. Die himmlische Götterfamilie der alten Letten. Uppsala, 1972.
- Balys IV — *J. Balys*. Raštai. T. IV. Vilnius, 2003.
- Dundulienė 1988 — *P. Dundulienė*. Lietuvių kosmologija. Vilnius, 1988.
- Fraenkel 1962 — *E. Fraenkel*. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Heidelberg, 1962.
- Gimbutienė 1985 — *M. Gimbutienė*. Baltai priešistoriniais laikais: Etnogenezė, materialinė kultūra ir mitologija. Vilnius, 1985.
- Gimbutienė 1994 — *M. Gimbutienė*. Senovinė simbolika lietuvių liaudies mene. Vilnius, 1994.
- Gimbutienė 1996 — *M. Gimbutienė*. Senoji Europa. Vilnius, 1996.
- Green 1997 — *M. Green*. Dictionary of Celtic Myth and Legend. London, 1997.
- Koopers 1929 — *W. Koopers*. Die Religionen der Indogermanen in ihren kulturhistorischen Beziehungen // *Anthropos. International Review of Ethnology and Linguistics*, v. 24, No. 5/6.
- Kristiansen 2013 — *K. Kristiansen*. Religion and society in the Bronze Age // *The Handbook of Religions in Ancient Europe* / eds. L. B. Christensen, O. Hammer and D. A. Warburton. University of Gothenburg, 2013.
- Laurinkienė 2019 — *N. Laurinkienė*. Dangus baltų mitiniame pasaulėvaizdyje. Vilnius, 2019.
- LTR — Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštynas.
- Mažiulis 1987 — *V. Mažiulis*. Baltų prokalbės irimas // Lietuvių etnogenezė. Vilnius, 1987.
- Simek 1984 — *R. Simek*. Lexikon der germanischen Mythologie, Stuttgart, 1984.
- SrDR — *B. Sruoga*. Lietuvių liaudies dainų rinktinė. Kaunas, 1949.
- Tacitas 1972 — *Publijus Kornelijus Tacitas*. Rinktiniai raštai / iš lotynų k. vertė D. Dilytė ir J. Mažiulienė. Vilnius, 1972.
- Vīķe-Freiberga 2016 — *V. Vīķe-Freiberga*. Trejādas saules. Mitoloģiskā Saule. Rīga, 2016.
- De Vries 1956 — *J. de Vries*. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. I. Berlin, 1956.

О. И. ДЗЯРНОВИЧ

Восточная Литва XI–XIII веков: проблема этнокультурных и социокультурных характеристик поселений раннегородского типа

Традиционные представления о ранней истории Литвы в XI–XII вв. достаточно схематичны. В исторической обобщающей и дидактической литературе, например в Беларуси, историческая Литва предстаёт как регион, населённый редким балтоязычным населением и не имеющий в этот период городов, а также специализированной прослойки ремесленников, которая бы обслуживала потребности знати и селилась в поселениях городского типа (Насевич 2008: 64). Жители края не обладали письменной культурой и в целом по уровню своего цивилизационного развития значительно уступали соседним Руси и Польше.

В начале XIII в. можно уже говорить о существовании культурно-политического ядра под условным названием «Литовской земли», которое охватывало территории в первую очередь в верхнем и среднем течении реки Виляя (Нярис), а именно вокруг Вильно, Троков (Тракай), Варены, Лиды, Ошмян, Вилейки, Островца (Насевич 1993: 19–20; Краўцэвіч 1997: 104–105). Именно из этой Литовской земли в первой половине – середине XIII в. исходили импульсы генезиса нового государства, связанные с установлением политического контроля над всем Понеманьем, а далее на всю территорию Центральной и Северной Беларуси. В это же время весь восточнославянский регион Европы переживал глубокий кризис из-за дезинтеграции политико-культурного пространства Руси и из-за начавшейся в 1237 г. монгольской экспансии.

Количество письменных источников о древней Литве весьма незначительно и не позволяет реконструировать её историю XI–XII вв. даже в общих чертах, за исключением нескольких упоминаний походов на *литву* и походов *литвы* на соседей. Для анализа остаются археологические данные, которые подлежат интерпретации.

Крэво (бел. *Kpэ́ва*; лит. *Krė́va, Krėvas*)

Поселение Крево в XII–XIII в. расположено на востоке древней Литвы, входя в состав её исторического ядра. Сегодня это агрогородок (современная официальная белорусская административная номенклатура для бывших местечек) Сморгонского района Гродненской обл. Остаётся дискуссионным принадлежность Крево в той или иной степени к Нальшанам — одной из исторических земель Литвы, находившейся на литовско-белорусско-латвийском пограничье (исходя из современной политико-государственной принадлежности). Но во второй половине XIII в.

Крево без сомнения относилось к Литовской земле. Позднесредневековое местечко Крево более всего известно своим каменным замком, который был одним из первых замков типа «кастель» в Великом княжестве Литовском. Этот замок был построен, скорее всего, в 30-х годах XIV в. на ранее не заселённом месте — археологические исследования показали, что на территории замка нет материалов, которые могут датироваться ранее XIV в. (Краўцэвіч 1991: 105; Дзярновіч 2013: 27–29). Торгово-ремесленное местечко Крево с торговой площадью как элементом более поздней планировки возникло и развивалось в XIV–XVIII вв. уже вокруг замка как сеньориальной резиденции (Дзярновіч 1993: 4–5; Дзярновіч 2013: 28).

Крево было включено в список фундаментов (оснований) первых римско-католических костёлов, которые после Кревской унии 1385 г. были возведены новым королем Польши и верховным князем Литвы в 1387 г. в языческой Литве и балтских анклавах на территории Литовской Руси. Этот факт косвенно свидетельствует о том, что население Крево было балтским (литовским) и языческим. Письменного акта основания костёлов не сохранилось, но эта политическая и религиозная акция была описана польским хронистом XV в. Яном Длугошем (1415–1480) в его «Хронике Польши» («*Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae*»). Длугош отмечал, что король Владислав Ягелло основал семь парафиальных (приходских) костёлов в удобных и необходимых местах — Укмерге (Вилькомире), Майшыгале, Неменчине, Медниках (Мядининкай), Крево, Обольцах и Гайне: *Fundat insuper septem parochiales ecelesias in locis oportunitis et necessariis, videlicet in Volkmaria, Misyoehola, Nyemczani, Myedniki, Crewa, Obolcze et Hayna...* (Dlugossii 1985: 163).

Крево было известно по немецкому описанию маршрутов рыцарей Тевтонского Ордена в ВКЛ («*Die litauischen Wegeberichte*»), составленному с 1384 по 1402 год, в котором упоминается, хотя иногда довольно путано, путь из Гродно в Крево: *Weg von Grodno nach Krewu* (SRP-2 1863: 703–704). Древнейшее Крево было обнаружено в результате археологических исследований в двух километрах от Кревского замка, по Сморгонскому тракту, в границах современного Крево, широко раскинувшегося среди холмов Ошмянской возвышенности. Это Кревское городище, которое на 20 м возвышается над долиной реки Кревлянки (Ил. 1, 2). Недавние археологические раскопки показали, что слой на городище содержит артефакты X–XIII в. и относится к периоду истории Литвы «до Миндовга» (Дзярновіч 2017: 13–14).

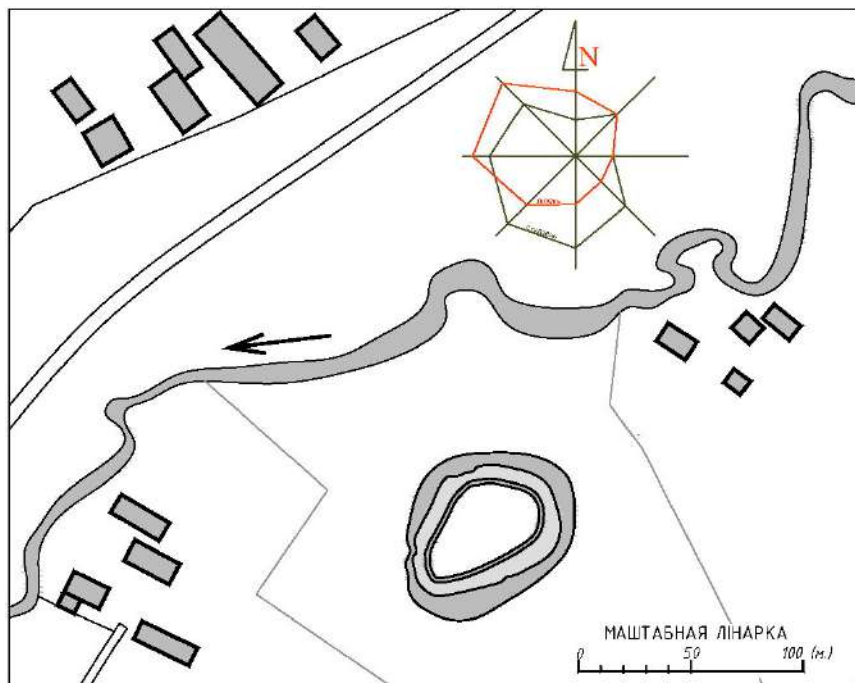
Наиболее ожидаемым было бы обнаружение на Кревском городище находок, которые так или иначе свидетельствовали бы о балтском характере жителей городища. Однако неожиданностью стало то, что выявленные здесь материалы соответствуют материальной культуре городов Древней Руси. Универсальных этнических индикаторов не суще-

Ил. 1. Кревское городище. Вид с южного плато. Фото О.Дзярновича.

ствуется, но, учитывая весь комплекс материальной культуры, можно говорить не только о торговых связях, но и о постоянном присутствии на поселении той или иной этнокультурной группы. По всему набору артефактов — от традиционной керамики с линейно-волнистым орнаментом до значительного количества стеклянных браслетов — можно говорить о наличии восточнославянского (древнерусского) населения на Кревском городище XI–XIII вв.

Но достаточно подробное представление о Крево X–XIII вв. мы можем составить только после исследования всего археологического комплекса, который кроме городища должен включать в себя селище и могильники. Тут есть две проблемы. Во-первых, территория вокруг городища, где было расположено селище, находится в активном хозяйственном аграрном использовании; цельного, не переотложенного или не перемешанного культурного слоя тут не сохранилось. Во-вторых, непосредственно через местечко Крево с осени 1915 г. по начало 1918 г. во время Первой мировой войны проходила линия фронта, были возведены инженерно-оборонительные конструкции, нарушившие культурный слой и изменившие топографию исторического Крево. Поэтому поиск здесь не потревоженных археологических объектов крайне затруднён.

Ил. 2. Ситуационный план Кревского городища. Рис. Андрея Шулаева.

Тем не менее, в окрестностях Крево сохраняются перспективы выявления новых памятников. Как раз в округе Крево, в деревне Стáрые Борúны (бел. *Стары́я Бару́ны* (ННПРБ-Гр: 349–350); лит. *Senieji Barúnai*) был обнаружен грунтовый могильник литовской знати. Часть найденных предметов имеют высокую степень сохранности благодаря тому, что их использовали в обряде кремации (трупосожжения): попав в огонь, железные предметы покрылись окалиной, которая замедляла процесс коррозии металла. Особенности комплекса артефактов — кольчуги, ламинарные (пластинчатые) доспехи, инкрустированные серебром украшения, шпоры и мечи свидетельствуют о том, что данные предметы принадлежали верхней прослойке военной элиты недавно возникшего государства, которое будет известно как Великое княжество Литовское.

Один из топоров инкрустирован серебряной зооморфной фигурой, которую можно интерпретировать как изображение козла (Ил. 3) (Музей БДУ: А17-19-116; Kariauti 2020: 246–247, № III.7), что, в свою очередь, является одним из атрибутов Перкунаса (Иванов, Топоров 1990: 429–430). Владение таким оружием свидетельствует о высоком социальном статусе воина.

Ил. 3. Топор, инкрустированный серебром, с изображением зооморфной фигуры. Вторая половина XIII в. Могильник Старые Боруны. Фото Виктора Толочко. (Музей БДУ: А17-19-116).

Ещё одна характерная особенность погребального обряда, зафиксированная в могильнике Старые Боруны, это «убийство» предметов. Перед совершением обряда кремации личные вещи умершего, особенно оружие, ломали или портили. Как раз такой меч был найден в Старых Борунах (Ил. 4) (Музей БДУ: А17-19-129; Kariauti 2020: 69, № 1.2). Исследователь этого захоронения Е. Власовец датирует начало формирования могильника 1274 или 1277 годами и связывает это событие с походами галицко-волинских князей и монголов на Новогрудок.

Таким образом, кревские находки демонстрируют ситуацию, когда материальная культура городища релевантна материальной культуре древнерусских городов, но комплекс артефактов из погребения в округе Крево свидетельствует об их принадлежности к балтской элите.

Гольшаны (бел. *Гальшаны*; лит. *Aišėnai, Galšiai*)

В Гольшанах, расположенных близко к Крево, находится археологический комплекс — городище и селище, — материальная культура

Ил. 4. «Убитый» (испорченный) меч. Вторая половина XIII в.
Могильник Старые Боруны (Музей БДУ: А17-19-129).

которого соотносится с зафиксированной в Крево и, шире, с культурой городов Древней Руси. Современные Гольшаны входят в состав Ошмянского района Гродненской обл.

Гольшанское мысовое городище расположено на площадке 70×80 м и укреплено валом высотой до 2 м, сохранившимся в северной части (Ил. 5) (Зверуго 1989: 59–60). Фрагменты лепной посуды составляют 8%

Ил. 5. Гольшанское городище со стороны Борунского тракта.
Рисунок Язепа Драздовича, 1929 г. (из архива О. Дзярновича).

керамического материала городища, что позволяет связать жителей первоначального поселения с носителями культур штрихованной керамики и восточно-литовских курганов. Необходимо также учитывать перемещение культурного слоя на склонах городища при строительстве средневекового замка на рубеже X–XI вв. (Кенько 2015: 23) и в XII–XIII вв. (Кенько 2011: 39, 54). Гончарная керамика, найденная на Гольшанском городище, относится к XI–XIII в. Однако восточные балты ещё пользовались в основном лепной керамической посудой, более архаичной с точки зрения технологии изготовления. Лепная керамика на городище позволяет говорить, что древние жители Гольшан были носителями так называемой культуры восточно-литовских курганов, то есть прямыми предшественниками средневековой Литвы, в которую входила территория исторического Виленского края.

Кроме того, недалеко от Гольшанского городища был обнаружен большой курганный могильник, насчитывающий около 100 курганов. Погребальный инвентарь показывает, что в XI–XII вв. язычество преобладало в древних Гольшанах, о чём свидетельствуют многочисленные находки подвесок-оберегов с изображениями животных, например, лошадей. Но на рубеже XI–XII вв. в гольшанских захоронениях появляются предметы христианского культа — нательные крестики (Ил. 6). На

Ил. 6. Крест-энкалпион гольшанского дружинника, 30-е годы XIII в.
Гольшанский могильник (Кенько 2015: 56–57, Рис. 1-1).

данный момент известно 7 могильников в окрестностях Гольшан. Возможно, это не окончательная цифра.

Примечательным явлением стала находка осенью 2019 г. остатков могильника у северных стен кирпичного Гольшанского замка XVII в. Этот могильник имеет два хронологических слоя: нижний — X в., с обрядом кремации, и верхний — XIII–XIV в., с грунтовым труположением (ингумацией). Характерный артефакт из женского захоронения XIII–XIV в. — веночек с бляшками из серебра с позолотой. Подобные находки также были предметом анализа литовских археологов, что дает дополнительные возможности для сравнительного изучения региона.

Что касается собственно городища, то исследования позволяют выделить три этапа функционирования памятника. Городище и селище предположительно возникли и первоначально функционировали в I–V вв. н. э. Этот комплекс был связан с носителями культур штрихованной керамики и восточно-литовских курганов. Второй этап характери-

зуются военными потрясениями конца X – первой половины XI в. и может быть датирован походами киевских князей Владимира Святославича и Ярослава Мудрого на литву и ятвягов. Среди артефактов этого этапа особое место занимают находки дружинного круга, имеющие как северное («скандинавское»), так и южное («хазарско-венгерское») происхождение. В этот период было сожжено Гольшанское городище, о чём свидетельствует мощный слой угля на месте деревянных стен. Но в течение XI–XII вв. Гольшанское городище и селище не только возродились, но и пережили своеобразный расцвет, продолжавшийся до середины XIII в. Этот период характеризуется активным развитием торговли, о чём свидетельствуют находки древнерусских свинцовых печатей, гирь, фрагментов серебряных слитков, фрагментов византийских амфор. Вероятно, как раз в это время на городище был возведен укрепленный замок, который контролировал колонизированную округу.

Исследования данного археологического комплекса позволяют утверждать, что в XI–XIII вв. в Гольшанах проживало смешанное балтославянское население (Кенько 2011: 55). Три группы курганов, расположенные непосредственно возле городища, относятся к X–XII вв. и представляют собой уникальный симбиоз славянских и балтских захоронений (Кенько 2015: 43). Славянский погребальный обряд представлен труположениями на горизонте или в ямах, но в этих же захоронениях присутствует и балтский элемент — каменная кольцевая вымостка или обкладка насыпи камнями. Синхронные балтийские захоронения совершались по обряду кремации на горизонте или в ямах — таким образом хоронили представителей военной элиты. Обе этнические группы по-прежнему сохраняли свои традиции, что проявлялось в различных погребальных обрядах. При этом дружинное сословие было балтским, а население селища — этнически смешанным.

В письменных источниках Гольшаны упоминаются с конца XIII в. Генеалогические легенды XVI в. связывают Гольшаны с происхождением древней литовской династии Китоврасов, свергнутой новой династией Витена и Гедимина. В основе этой легенды лежит предание о Гольше, основавшем замок в Гольшанах. Эта историческая легенда почти без изменений повторяется в различных редакциях белорусско-литовских летописей. Согласно Летописи Красинских (список Летописца великих князей Литовских), *Гольшис, перешед реку Велью, и нашол гору красну межи горами над рекою Вилнею в мили от устья реки Вилни, гдѣ впадываеъ в реку Велью, против Ракоштишок, и вчинил город, и назовеъ именем своим, Гольшанѣ* (ПСРЛ-35: 132). Таким образом, «первые Гальшаны» (поселение с таким названием) возникли на городище Ракоштишки около Вильно.

Но далее произошёл своеобразный «перенос поселения»: *немного бывши там, и ездячи оттолъ в ловы в пуцу за десеть миль от того города своего, и наидеть гору красну и з ровнинами великими облеглую и объфитостями наполненую, и сподобалоя ему там, и он и там ся поселил, и на той горе вчинил над рекою Кораблем, и перенесетя оттуль, и там начнет княжити, и назовется князем Голианским* (ПСРЛ-35: 132). Первым исторически известным представителем рода Гольшанских стал в конце XIV в. Иван Альгимонтович, ближайший соратник Витовта. Не исключено, что князья Гольшанские действительно принадлежали к роду, из которого происходил великий князь Тройден (1270–1282 гг.) и который имел резиденцию в Кернаве.

Кёрнава (Кярнаве; лит. *Kernavė*; ст.-бел. *Кернов*; совр. бел. *Кёрнаў*)

В другой, более северной, чем Крево и Гольшаны, части исторической Литвы находится Кернава (Ширвинтский район Вильнюсского уезда). Этот населённый пункт расположен в 35 км к северо-западу от Вильнюса и известен в источниках как столица князя Тройдена. Кернава была одним из племенных центров Литвы, той её части, которая, согласно белорусско-литовским летописям, называлась Листубанией («Берегом труб»), в сокращённой версии — Литвой: *У prozwał tot Kiernus bereh iazykom swoim wloskim, po latine Litus, hde sia ludy mnozat, a truby, szto na nich ihraiut, tuba, y dal imia tym ludem swoim po latine, zlozywszy bereh s truboiu, Listubania. У prostyi lude ne umeli zwaty po latine y poczali zwaty prosto Litwoiu* (ПСРЛ-32: 129). Легендарными основателями Кернавы, согласно Хронике Быховца, являются сын и внук Палемона Кунас и Кернус, от имени которого происходит название поселения: *... y nazwali toie mestco po Kernuse Kiernowom* (ПСРЛ-32: 129). Это предание середины XVI в. подчеркивает символическое значение Кернавы в истории Восточной Литвы.

Это поселение действительно может претендовать на роль одного из древних центров исторической Литвы. В современной литовской историографии Кернава представлена как первая столица. Политико-историческое значение Кернавы особенно возрастает в современной полемике как антитеза Новогрудку. Проблема столичности применительно к XIII в. имеет несколько составляющих: резиденция Миндовга; место его крещения; место коронации первого короля Литвы, о чём нет достоверных сведений в письменных источниках. Историческая ретроспекция показывает особую роль Новогрудка в эпицентре образования нового государства в районе Понеманья в отношениях и конфликтах с соседями. Уже более поздняя летописная и историографическая традиция Великокняжества Литовского придают Новогрудку легендарный статус первой столицы. В XVI в. Матей Стрыйковский первым назвал Новогру-

док местом коронации короля Миндовга. Позже автор упомянул Кернаву как место коронации, но затем опять вернулся к версии Новоградка.

Независимо от полемики «о столице», можно говорить об очень важной роли Кернавы в начальный период истории Великого княжества — на этапе его становления. Но эта роль стала особенно очевидной в постминдовговский период — Кернава была одним из главных центров князя Тройдена, пришедшего к власти в 1268 или 1269 г. Понимание разницы в хронологии позволяет снять «противоречия» между Новоградком и Кернавой, преодолеть конфликт между двумя версиями ранней истории ВКЛ. Первое упоминание о Кернаве в немецких источниках связано с его осадой в 1279 г. В Ливонской рифмованной хронике Кернава упоминается как «город в земле Тройдена», что создает представление о ней как о столице Литвы (Atskaņu Hronika: 222):

(08346.)	daz her sach man kēren	Было видно, как войско
(08347.)	stoltz zū Kernowen.	Гордо на Кернов двинулось,
(08348.)	daz was leit den Lettowen.	Это была гора литовцев.
(08349.)	dô wart kuniges Thoreiden lant	Была страна короля Тройдена
(08350.)	beroubet vil und verbrant.	Сильно ограблена и сожжена.

О походе магистра Эрнста фон Ратцебурга в 1279 г. также сообщает Герман Вартберг, уточняя дату — перед 5 марта: *Fecit autem magnam expeditionem in terram Letwinorum versus Kernowe* (Vartbergas 2005: 58). После возвращения Кернавы в 1280 г. Тройден смог окончательно установить контроль над Аукштайтией — областью Литвы, граничившей с южными латышскими землями Земгале.

Но что собой представляла Кернава как один из древнейших центров политической власти ранней Литвы? На правом берегу реки Вилия (Нерис) находится несколько крутых холмов (Ил. 7). На некоторых из них располагались компактные поселения с оборонительными системами — в первую очередь с валами, а также рвами. Оборонительную систему Кернавы в XIII–XIV вв. образовывали пять городищ-замков разной величины: Замковая гора, гора Жертвенник (или Святая Гора), гора Лиздейки (или Кривайте), «Трон Миндовга», гора Кернава (расположена отдельно от основной группы замков). Княжеская резиденция локализуется на горе Жертвенник, а торгово-ремесленный посад располагался вокруг городищ; окольный город — на Замковой горе (здесь проживало население, обслуживавшее княжеский двор). Застройка на этих городищах была полностью деревянной. В 1365 г. Кернава была сильно разрушена во время рейда войск Ордена. В 1390 г. жители Кернавы подожгли свой город перед приходом отрядов Тевтонского Ордена во главе с маршалом Энгельгартом Рабе с союзными им тогда войсками Витовта. После этого Кернава как значительный политический центр не

Ил. 7. Кернава. Комплекс городищ. Вид с севера. Фото О. Дзярновича.

возродилась, замки не восстанавливались, но вся материальная культура городищ-замков оказалась законсервированной.

Литовские археологи начиная с 1979 г. проводят систематические исследования Кернавы (Лухтан 1985: 49). Было открыто древнее поселение, которое может характеризоваться как ранний город. Это раннегородское поселение обладало довольно богатой и разнообразной культурой, которая во многих отношениях имеет много общего с культурой городов Древней Руси XIII в. Также приёмы и методы строительства в Кернаве XIII–XIV вв. имеют наиболее близкие аналоги в материалах древнерусских городов того времени (Лухтан, Сазонов 1988: 38).

Помимо следов городской культуры, в древней Кернаве сохранился еще один важный объект, отражающий этноконфессиональную ситуацию в одном из центров древней Литвы: кладбище XIII–XIV вв. Исследование захоронений позволило сделать важное открытие: значительную часть населения Кернавы составляли христиане. Об этом свидетельствует христианский обряд погребения умерших с преимущественно западной ориентацией. Во многих могилах обнаружены нателные крестики и подвески в виде крестиков (Ил. 8) (Atrastojī Kernavē 2017: 134). Эти находки характеризуют материальную культуру одного из важ-

Ил. 8. Кернава. Нательные крестики и подвески в виде крестиков XIII–XIV вв. (Atrastoji Kernavė 2017: 134).

ных центров Литвы в период до её официального крещения по католическому обряду в 1387 г. после Кревской унии.

В 2009 г. рядом с ранее найденным кладбищем был обнаружен еще один погребальный памятник — скопление обгоревших костей, находившихся в старом русле реки, что свидетельствует о захоронении в воде (Vėlius 2005: 7, 31). Хронологически это захоронение синхронно наземному могильнику, керамический материал совпадает, но резко отличаются артефакты, относящиеся к духовной культуре умерших. Поэтому можно предположить, что христиане хоронили умерших на своих традиционных кладбищах, а местные язычники по старинному обычаю сжигали мертвых и захоранивали пепел и останки в русле реки. Таким образом, среди населения столицы Тройдена было много христиан, а материальная культура Кернавы имеет много общего с материальной культурой городских центров Древней Руси XI–XIII в. Могильник с ингумацией содержит весьма богатый инвентарь, что необычно для христианских захоронений (Велюс 2013: 70). Этот факт можно объяснить синтезом культур — местной балтской и мигрантов славян. Кернава расположена к северу от Вильнюса, и присутствие здесь славянских поселенцев или (славянизированных) балтов, в том числе ятвяжских поселенцев (Велюс 2013: 76) может служить иллюстрацией проникновения славян вглубь Литвы. Для XIII в. население Кернавы оценивается как минимум в 3–4 тысячи человек (Лухтан 1988: 69).

Вильно (Вильнюс; лит. *Vilnius*; бел. Вiльня)

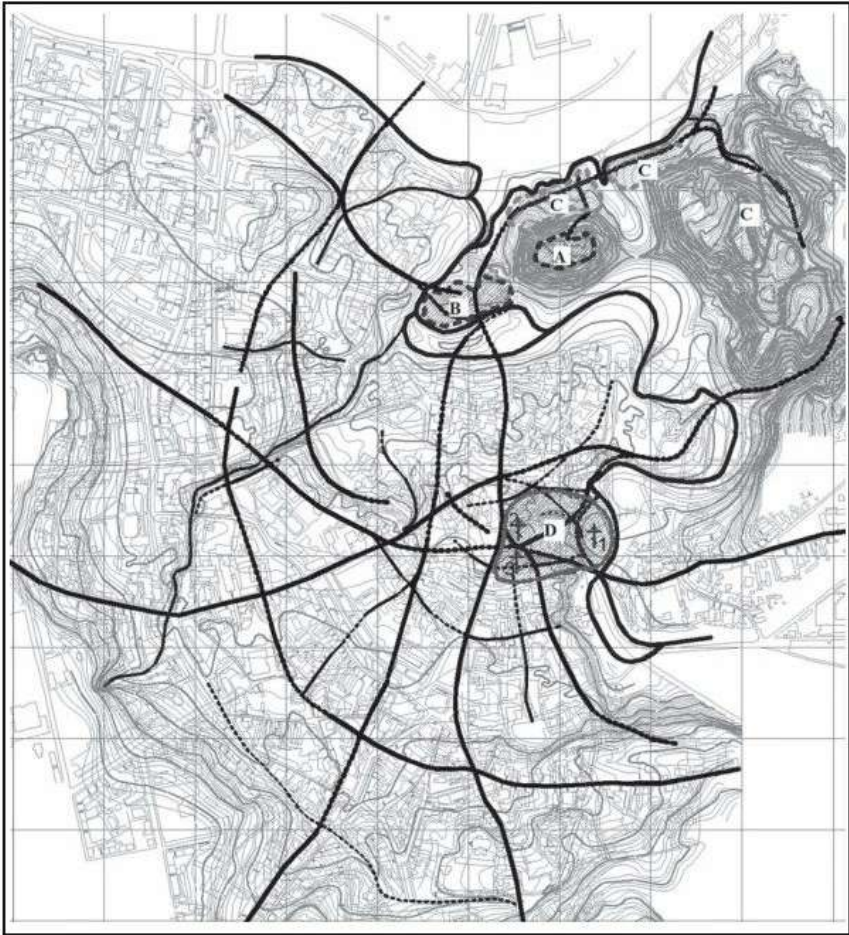
Вильно стало настоящим центром Литовского государства с XIV в., а первое упоминание о нём как о столице датируется 1323 г. и относится ко времени Гедимина. Но уже в XIII в. в Вильно был укрепленный посад, а датирование его возможно благодаря таким археологическим находкам, как шиферные пряслица, стеклянные браслеты и др. Деревянные настилы мостовых указывают на регулярность поселения и являются одной из отличительных особенностей города (Лухтан, Ушинкас 1988:

100–101). На протяжении всего Средневековья и в XVI в. в структуре столицы Великого княжества Литовского существовал отдельный квартал, известный как «Civitas Ruthenica» — «русский город» (Ил. 9). Вероятно, первоначально во второй половине XIII в. славяне селились возле северного подножия Горы Гедимина, но с начала — середины XIV в. славянское («русское») православное население было сосредоточено в собственном квартале, который располагался в восточной части современного Старого города Вильнюса (Jonaitis 2011: 110–112; Jonaitis 2012: 256–257).

Настоящей сенсацией стало открытие во время аварийных археологических раскопок на окраине средневекового «русского города» Вильно христианского православного кладбища второй половины XIII — начала XIV в. Изучена только часть этого археологического памятника, но обнаруженные материалы позволяют еще раз говорить о значительном присутствии христианского славянского (или славянизированного) населения в главной метрополии Литвы в период ещё до Кривейкишкис в Кернаве совершены по обряду ингумации, чаще всего головой на запад. Учитывая, что это признаки христианского погребального обряда, можно сказать, что почти все захоронения в Вильно и Кернаве второй половины XIII — начала XIV в. можно считать восточно-христианскими. В этих захоронениях также встречаются украшения, которые содержатся и в захоронениях язычников, что может свидетельствовать в пользу версии о культурной метисации местного населения — славянизации балтов в контактах со славянским населением. Эти «новые славяне» сохранили некоторые культурные навыки и привязанности своих балтских предков. Православные и язычники были соседями в Вильно в XIII–XIV вв., и могильник по ул. Бокшто в Вильно также отражает процесс перехода от язычества к христианству (Jonaitis 2012: 265).

Среди артефактов в женских захоронениях всегда встречается один вид украшений — головные венчики из тиснёных металлических бляшек (Ил. 10, 11). Эта традиция берет свое начало в Византии, откуда пришла на Русь. На территории Беларуси подобные орнаменты были обнаружены в Новогрудке, а также на некоторых ятвяжских кладбищах, что иллюстрирует путь проникновения венков с бляшками в Вильно, а также в Кернаву (Йонайтис 2015: 314).

Сами захоронения располагались в несколько ярусов, что можно объяснить нехваткой места на кладбище недалеко от быстро разрастающегося города. Кто были эти умершие из Вильно — местные жители или приезжие? Можно предположить, что некоторые из них действительно были мигрантами, но значительное количество были местными жителями, принявшими православие.

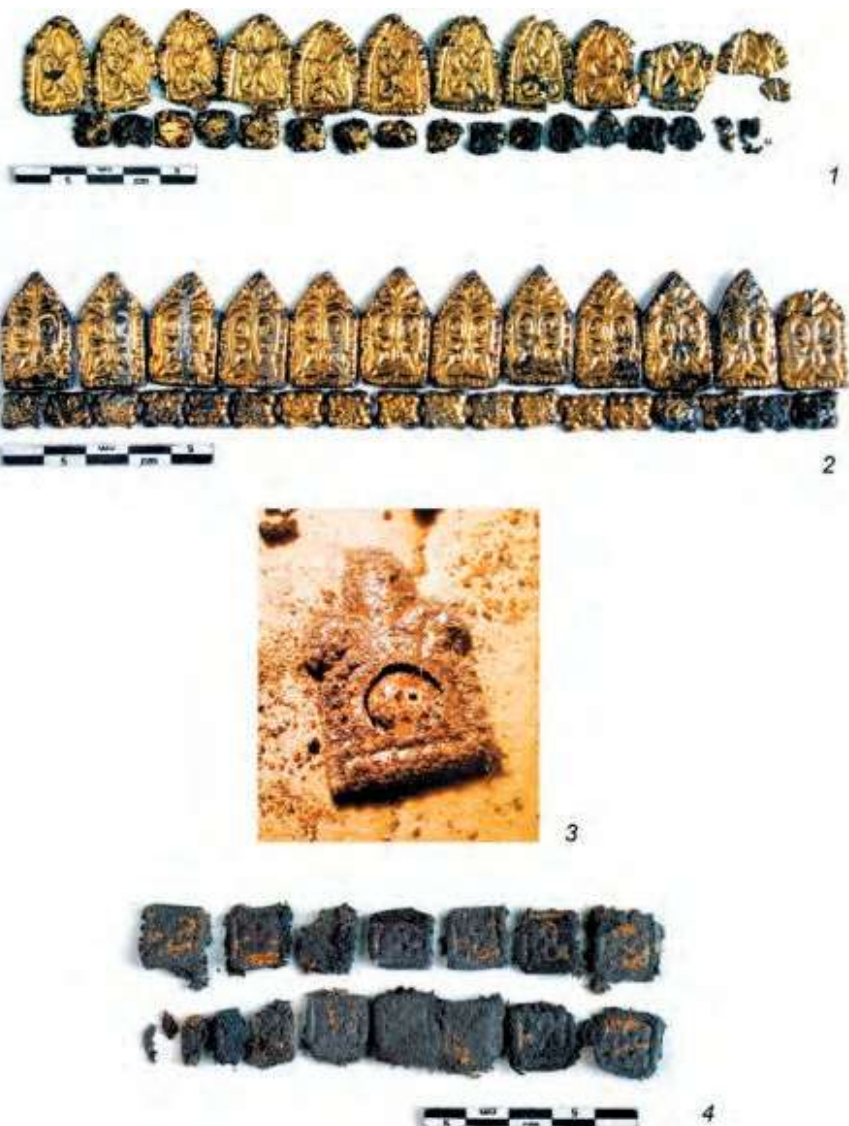

Ил. 9. Вильно в первой половине XIV в. (Jonaitis 2011: 112).

А — ареал католической миссии; В — Верхний замок на Горе Гедимина;
 С — языческие ареалы; D — ареал Civitas Ruthenica;
 1 церковь Пресвятой Богородицы; 2 церковь Святого Николая (Успения);
 3 церковь Параскевы (Пятницкая).

Заключение

Анализ четырёх объектов, четырёх центров древней Литвы, позволяет нам сделать некоторые наблюдения, которые носят общий и систематический характер. Во-первых, древняя Литва предстаёт перед нами не как гомогенный, этнически однородный регион. Среди балтоязычного языческого населения Литвы в XI–XIII вв. зафиксировано значитель-

Ил. 10. Вильно. Бляшки головных венчиков из женских захоронений XIII–XIV вв. По мнению литовских археологов, эти украшения исполнены в древнерусской традиции (Йонайтис 2015, 358).

ное присутствие славянских поселенцев. Это славянское присутствие фиксируется в региональных центрах и во влиянии на торгово-экономическую жизнь и конфессиональную панораму региона.

Ил. 11. Могильник в Кернаве. Женское захоронение с головным венчиком из бляшек. Вторая половина XIII – XIV вв. (Кернавский археологическо-исторический музей). Традиция украшений, привнесенная из Южной Руси через Белорусское Понеманье.

Были ли это славянские переселенцы или славянизированные балты? Наверное, здесь присутствовали и те, и другие. Легендарная история о трех Виленских мучениках при дворе князя Ольгерда показывает, что часть древних литовцев осознанно приняли православие, в то время когда многие из их соотечественников еще оставались язычниками.

Во-вторых, можно утверждать, что древняя Литва («Литва до Миндовга») в XI–XII вв. имела более сложную пространственно-социальную структуру, чем это представлялось ранее. На территории Литвы, по крайней мере, с XII в. стали возникать поселения, которые можно охарактеризовать как поселения раннегородского типа. Эти ранние города помимо экономических и оборонительных имели чётко очерченные административные и сакральные функции. На примере Крево и Кернавы видно оформление региональных центров Литвы, первый из которых уже в XIV в. станет доменом Ольгерда и Ягайло, а второй — в конце XIII – начале XIV вв. — резиденцией князя Тройдена и, возможно, Витена. Гольшаны станут родовым владением князей Гольшанских, а местечко (малый город) раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.), как и Крево, будет развиваться в соответствии с процессами урбанизации. Крево, Кернава и Вильно можно охарактеризовать как сакральные центры балтов. Чтобы нивелировать былое языческое значение Крево, Ягай-

ло в 1387 г., совершая крещение языческой Литвы, основал в Крево костёл — один из первых семи костелов в Великом княжестве Литовском. Кернава оставалась важным религиозным центром язычников до разрушения этого раннего города во время рейда рыцарей Тевтонского ордена в 1390 г. Символическое значение Вильно, вероятно, нашло своё отражение в предании о совершении там похоронного ритуала сожжения литовских князей и знати, о чём свидетельствует легенда о Свинтороге.

Как ранние города эти поселения были центрами торговли и ремёсел. В Крево, Гольшанах и Кернаве, а также в Вильно на торговую и ремесленную деятельность указывают результаты проведенных здесь исследований. И тут имеется важное уточнение — характер материальной культуры во всех четырёх упомянутых центрах древней Литвы, а также обнаруженные христианские кладбища XIII–XIV вв. в Кернаве и Вильно позволяют считать, что торгово-ремесленной деятельностью занимались в основном славянские поселенцы. Они поддерживали торговые отношения с восточнославянскими городами от Полоцка до Киева, а также привнесли новые технологии в керамическое производство (гончарный круг) и металлообработку. Всё же этническое происхождение населения городов ранней Литвы остаётся проблемным вопросом. Наличие элементов смешанного погребального обряда (например, в Гольшанах) говорит в пользу того, что многие из жителей этих центров имели балтских предков и русифицировались после принятия восточного христианства.

Можно говорить о биэтничности древней Литвы, которая имела явную социальную градацию. Славяне занимали нишу торгово-ремесленного населения в ранних литовских городах и обеспечивали торговые связи региональных центров Литвы с цивилизационными центрами Восточной Европы. В Восточной Литве (исторической Виленщине) в XII–XIV вв. могло присутствовать и сельское славянское население. Таким образом создавался тот культурно-экономический контекст, который, в конце концов, стал определяющим для возникновения Великого княжества Литовского.

Литовские правители довольно рано, по крайней мере, с XII в., имели в своих владениях различные этнокультурные сообщества. Первые города Литвы в значительной степени имели славянский («русский») характер. Образно можно сказать, что для Миндовга, когда он подошел к Новогрудку, облик этого города не был совсем «экзотическим» и неожиданным — со славянским населением ему уже приходилось иметь дело в своих владениях. Миндовга мог впечатлить масштаб Новогрудка — этого феномена средневекового Понеманья. Сделанные наблюдения позволяют нам взглянуть на возникновение Великого княжества Литовского под ракурсом экономических интересов литовских элит и сотрудничества различных этнических сообществ. Литва как государст-

во возникло не на разломе культур, а на пространстве культурного и экономического взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

- Велюс 2013 — *Г. Велюс*. Могильник XIII–XIV вв. в Кернаве (Кривейкишкис): этническая принадлежность погребенных // *Археология Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье*. Вильнюс, 2013. Т. 2.
- Дзярновіч 1993 — *А. Дзярновіч, А. Трусаў, І. Чарняўскі* Лёс Крэва. Мінск, 1993.
- Дзярновіч 2013 — *А. І. Дзярновіч*. Заняпад ці трансфармацыя? Эвалюцыя статуса Крэўскага замка ў XIV–XVII ст. (па выніках гістарычна-археалагічных даследаванняў) // *Замкі, палацы і сядзібы ў кантэксце еўрапейскай культуры: Зб. навук. арт. Мінск, 2013*.
- Дзярновіч 2017 — *А. Дзярновіч*. Крэўскі замак і старажытнае Крэва: праблемы датавання і культурныя асаблівасці // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2017. № 1.
- Зверуго 1989 — *Я. Г. Зверуго*. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989.
- Иванов, Топоров 1990 — *В. В. Иванов, В. Н. Топоров*. Перкунас // *Мифологический словарь* / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1990.
- Йонайтис 2015 — *Р. Йонайтис*. Об одном сюжете из истории моды в Литве (по материалам погребений горожанок XIII–XIV вв.) // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Москва; Псков; Санкт-Петербург, 2015. Вып. 30.
- Кенько 2011 — *П. Кенько*. Археологические исследования в Гольшанах в 2007–2009 гг. // *Ашмяншчына: праблемы рэгіянальнай гісторыі Беларусі*. Мінск, 2011.
- Кенько 2015 — *П. Кенько*. Археологические исследования в Гольшанах в 2010–2013 гг. // *Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Ашмяны і Ашянскі рэгіён*. Мінск, 2015.
- Краўцэвіч 1991 — *А. К. Краўцэвіч*. Гарады і замкі Беларускага Панямоння XIV–XVIII стст.: Планіроўка, культурны слой. Мінск, 1991.
- Краўцэвіч 1997 — *А. К. Краўцэвіч*. Стварэнне Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 1997.
- Лухтан 1985 — *А. Лухтан*. Кернаве в свете письменных и археологических источников // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Псков, 1985.
- Лухтан 1988 — *А. Лухтан*. Кярнаве // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Псков, 1988.
- Лухтан, Сазонов 1988 — *А. Лухтан, Ю. В. Сазонов*. Строительство в Кернаве в I и первой половине II тысячелетия н. э. // *Археология и история Пскова и Псковской земли*. 1988. Псков, 1989.

- Лухтан, Ушинскас 1988 — *А. Лухтан, В. Ушинскас*. К проблеме становления Литовской земли в свете археологических данных // Древности Литвы и Белоруссии. Вильнюс, 1988.
- Музей БДУ — Музей Беларускага Дзяржаўнага Універсітэта (Музей Белорусского Государственного Университета). А17.
- Насевіч 1993 — *В. Насевіч*. Пачаткі Вялікага княства Літоўскага: Падзеі і асобы. Мінск, 1993.
- Насевіч 2008 — *В. Насевіч*. Непасрэдныя перадумовы фарміравання Вялікага Княства Літоўскага // Гісторыя Беларусі. У 6 т. / Рэд. Ю. Бохан, Г. Галенчанка. Мінск, 2008. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага.
- ННПРБ-Гр — Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь. Гродзенская вобласць. Нарматыўны даведнік. Мінск, 2004.
- ПСРЛ-32 — Полное собрание русских летописей. Т. 32 : Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца ; Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М., 1975.
- ПСРЛ-35 — Полное собрание русских летописей. Т. 35 : Летописи белорусско-литовские. М., 1980.
- Atrastoji Kernavė 2017 — *Atrastoji Kernavė: Kernavės archeologinės vietovės muziejaus katalogas / Sud. D. Baltramiejūnaitė, J. Poškienė, G. Vėlius, R. Vengalis*. Kernavė, 2017.
- Atskaņu hronika — *Atskaņu hronika = Livländische Reimchronik. V. Bisenieka atdzejojums no vācu valodas, Ē. Mugurēviča priekšvārds, Ē. Mugurēviča un K. Kļaviņa komentāri*. Rīga, 1998.
- Długosii 1985 — *J. Długosii. Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae, liber decimus (1370–1405) / Consilium ed. S. Gawęda et al.; textum recensuit et moderavit Danuta Turkowska; comment. Sbigneus Perzanowski*. Varsaviae, 1985.
- Jonaitis 2011 — *R. Jonaitis*. Orthodox churches in the Civitas Rutenica area of Vilnius: localization problem // *Archaeologia Baltica*. 2011. T. 16.
- Jonaitis 2012 — *R. Jonaitis*. Civitas Rutenica in early Vilnius in the 14th and 15th centuries. The socio-cultural aspect // *Archaeologia Baltica*. 2012. T. 18.
- Kariauti 2020 — *Kariauti pratusi tauta. Lietuvos karinis elitas XIII–XIV a. Katalogai / P. Bugys, S. Venckūnienė, E. Zaveckienė*. Vilnius, 2020.
- SRP-2 1863 — *Scriptores rerum Prussicarum. Die Geschichtsquellen der preußischen Vorzeit bis zum Untergange der Ordensherrschaft / Hrg. T. Hirsch, M. Töppen, E. Strehlke*. Leipzig, 1863. Bd. 2.
- Vartbergas 2005 — *Hermani de Wartberge Chronicon Livoniae = Vartberges Hermaņa Livonijas hronica / Ē. Mugurēviča tulkojums, priekšvārds un komentāri*. Rīga, 2005.
- Vėlius 2005 — *G. Vėlius*. Kernavės miesto bendruomenė XIII–XIV amžiuje. Vilnius, 2005.

IN MEMORIAM

**Тамара Михайловна Судник
(17 января 1939 – 5 марта 2021)**

Мы были вместе или рядом почти 65 лет — с осени 1956 года, когда обе поступили на филологический факультет Московского университета. Тамара Михайловна родилась в Витебске и окончила школу в Минске. Её отец Михаил Романович Судник — известный белорусский языковед и многолетний директор Института белорусского языка Академии наук БССР, мама Янина Александровна Язвинская — преподаватель и знаток белорусского языка и белорусской литературы. В Москве Тамара жила в общежитии — сначала на Стромынке, потом на Ленинских горах и была частью той общей студенческой жизни, которая сложились там и которой мы, москвичи, слегка завидовали. Но со временем разница между приезжими и москвичами стерлась. У нас сложился тесный дружеский круг, который держался, постепенно сужаясь, на протяжении всех этих долгих лет.

В студенческие годы мы вместе с Тamarой посещали семинары и лекции П. С. Кузнецова, С. М. Бонди, В. В. Иванова, А. А. Зализняка и многие другие, ходили на заседания в Институт русского языка и в Институт славяноведения; вместе охотились за билетами в Консерваторию, старались не пропускать концертов Андрея Волконского и камерного оркест-

ра Рудольфа Баршя, проникали на прослушивания Первого конкурса Чайковского, покупали книги и пластинки. И после окончания университета в 1961 году мы вместе пришли в Институт славяноведения (по рекомендации А. А. Зализняка), в новосозданный (в 1960 г.) сектор структурной типологии, которым руководил тогда молодой Владимир Николаевич Топоров. Для нас было предусмотрено два места — одно в аспирантуре, другое — должность старшего научно-технического сотрудника сектора. Поскольку у Тамары не было московской прописки, по тогдашним законам, она могла быть принята только в аспирантуру. Её научным руководителем стал В. Н. Топоров. С самого начала В. Н. решил приобщить нас обеих к балто-славянскому направлению исследований, которое он считал одним из основных в планах сектора и в дальнейшем очень заботился о его развитии. Уже летом следующего 1962 года он отправил нас в Литву для участия в экспедиции литовских диалектологов, которые тогда собирали материалы для атласа литовских диалектов. Мы провели в глухих литовских деревнях порознь целый месяц и по возвращении в Вильнюс пытались говорить по-литовски, что очень забавляло вильнюсских коллег, потому что мы говорили с жемайтским акцентом. Для Тамары Михайловны это было началом её многолетних исследований балто-славянских языковых и культурных связей вообще и особенно диалектных контактов на белорусско-литовском пограничье, которым была посвящена её кандидатская диссертация. Вскоре после нашей поездки В. Н. Топоров сформулировал идею балтийско-славянского языкового союза; в 1964 г. были изданы тезисы «К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза», а в 1967 г. опубликована статья трех авторов (Т. М. Судник, С. М. Толстая, В. Н. Топоров) под тем же названием в журнале «Советское славяноведение».

Одним из главных научных и жизненных дел Тамары Михайловны было создание и редактирование серийного издания «Балто-славянские исследования». Её личная роль в этом огромна. В 1972 г. под редакцией В. Н. Топорова был издан «Балто-славянский сборник», ставший фактическим началом и прообразом всей серии. В предисловии к нему сказано: «Инициатива в составлении этого сборника, труд по сбору материалов и подготовке их к печати принадлежит Л. Г. Невской и Т. М. Судник». Уже следующая книга, изданная в 1974 г., называлась «Балто-славянские исследования» и вышла под редакцией Т. М. Судник. Еще одним сборником, предвосхитившим знаменитую серию, была изданная в 1980 г., тоже под редакцией Т. М. Судник, книга «Балто-славянские этноязыковые контакты».

Ежегодные поездки в Литву на протяжении многих лет сблизили Т. М. с литовскими коллегами-диалектологами; со многими из них её

связывала личная дружба, и это безусловно способствовало формированию международного авторского коллектива балто-славянских изданий. С 1981 г. «Балто-славянские исследования» получают статус регулярной серии. Ответственным редактором становится В. В. Иванов, а ответственным секретарем Т. М. Судник. В феврале 2018 г. Т. М. присутствовала на заседании в Институте славяноведения, посвященном истории сектора структурной типологии, и рассказала о том, как нелегко было добиться в Академии наук решения об издании серии (первоначально речь шла о ежегоднике, но впоследствии обстоятельства вынудили редакцию сделать выпуски неперiodичными). Об истории балто-славистики в Институте славяноведения Тамара Михайловна рассказывает и в приводимом ниже выступлении на открытии Центра балто-славянских исследований в 2009 г. Она оставалась членом редколлегии «Балто-славянских исследований» до последнего выпуска (2019 г.) и участвовала в подготовке и редактировании сборников и после своего ухода из института. Она была редактором высокого класса, образованным, ответственным, вдумчивым и внимательным. В качестве редактора она после ухода из института много лет работала в издательском отделе Троице-Сергиевой Лавры. После смерти своего мужа, писателя Юрия Павловича Казакова, Тамара Михайловна много сил и времени посвятила изданию его книг, организации литературных вечеров его памяти.

Хотя труды Тамары Михайловны в области балто-славистики, многолетние полевые исследования в Литве и Белоруссии, организация конференций и издание сборников были главным делом её научной жизни, она интересовалась и многими другими славистическими темами — неоднократно участвовала в экспедициях в Полесье, занималась фонологической типологией славянских языков, проблемами структурной диалектологии, вопросами структуры текста, традиционной народной культурой, мифологией и фольклором.

Её мысли, наблюдения, статьи и книги останутся с нами. Но как быть с тем, что не отлилось в слова, а переплелось со всей тканью жизни близких ей людей — её светлым и ясным образом, её голосом и интонациями, её неповторимым юмором, её обаянием, её жестами и позами, всей её тонкостью и изяществом. С каждым из своих друзей и близких она была дружна и близка по-особому, для каждого у нее была своя особая нота. Она всё и всех помнила и не отпускала от себя. Многие годы мы были почти неразлучны, но в последнее время перипетии жизни отдалили нас друг от друга. Оставались телефонные разговоры и редкие встречи. Теперь и их не стало. Но навсегда с нами благодарная память о коллеге и человеке необыкновенной душевной щедрости, глубины и благородства.

**Речь Тамары Михайловны Судник
на открытии Центра балто-славянских исследований
в Институте славяноведения РАН 16 июня 2009 года**

Вначале я хочу с благодарностью вспомнить и помянуть тех, кто не дожил до дня открытия балтийского центра, чьими трудами создавалась и сохранялась в институте традиция балто-славистики: Владимира Николаевича Топорова, Владислава Марковича Иллича-Свитыча, Олега Николаевича Трубачева, Никиты Ильича Толстого, Лидии Георгиевны Невской, Евгения Арнольдовича Хелимского, Самуила Борисовича Бернштейна (в его «Сравнительной грамматике» большой раздел был посвящен балто-славистике). Тема моего доклада — история балто-славистики в Институте славяноведения. Начальной датой, по-видимому, является 1958 год, таким образом, история насчитывает уже более полувека. Время моего доклада — 5 минут, и я боюсь либо всё забыть, либо впасть в воспоминания, поэтому я прошу заранее прощения, если что-то будет не так. Год 1958 — это год отсчета, это год IV Международного съезда славистов. На съезде в Москве был прочитан доклад Вячеслава Всеволодовича и Владимира Николаевича «К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков». Мы (я и Светлана Михайловна Толстая), студентки 3 курса тогда, имели счастье быть на этом докладе. Доклад произвел на нас впечатление, может быть, даже не столько своим содержанием, сколько энергичностью и убедительностью. И с этого дня, с этого времени интерес к балто-славянской проблематике стал ведущим в [наших] студенческих занятиях. На съезде была учреждена Комиссия по балто-славянским языковым отношениям. В 1960 году (это тоже воспоминания еще студенческие) состоялось первое координационное совещание «Актуальные проблемы славяноведения». На этом совещании был доклад Владимира Николаевича «К проблеме балто-славянских языковых отношений». В докладе была изложена программа «Целесообразные аспекты балто-славянской проблематики в лингвистическом плане», охватывающая сферы типологического, генетического и пространственного (ареального) исследования. Собственно, этот доклад и стал программой дальнейшей деятельности нашего сектора. Дальше, мне кажется, надо перечислить те работы, которые велись в нашем институте в это время. Я уже упомянула совместную работу Владимира Николаевича Топорова и Олега Николаевича Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья», работы покойного В. М. Иллича-Свитыча, Владимира Антоновича Дыбо по реконструкции балто-славянской акцентной системы. Одним из важных направлений стало ареальное исследование области балто-славянского этноязыкового пограничья. Когда мы со Светланой Михайловной в 1961 го-

ду были приняты в институт, то первое что сделал Владимир Николаевич — отравил нас в экспедицию в Литву. Это время было в истории науки замечательное, это время собирания материала, в это время создавались диалектные атласы, литовские, белорусские, польские. Я помню, как мы вернулись, и Владимир Николаевич ждал нас в секторе в Трубниковском переулке, и когда мы вошли, он запел „*pempelė, pempelė*“¹. Почему-то мне это помнится, потому что это было выражение необыкновенной радости, он жил этой надеждой, что балто-славистика в нашем институте будет существовать и развиваться. Я не знаю, стоит ли перечислять всем известные труды Владимира Николаевича и Вячеслава Всеволодовича. Я просто перейду к каким-то вехам в истории балто-славистики в нашем институте. Были изданы балто-славянские сборники, первый из которых вышел в 1972 году и был посвящен памяти Яна Отрембского и профессора Казлаускаса; «Балто-славянские исследования» 1974 года и «Балто-славянские этноязыковые контакты» 1980 года. Это три сборника, которые предшествовали созданию серии «Балто-славянские исследования». В декабре 1978 года в институте состоялась первая балто-славянская международная конференция, в которой участвовали ученые не только Литвы, Латвии, но и Белоруссии, Украины, Польши, Восточной Германии. Резолюцией этой конференции было ходатайство о создании ежегодного серийного издания, посвященного проблемам балто-славистики. И в 1980 году 14 февраля бюро РИСО (Редакционно-издательского совета Академии) учредило ежегодник «Балто-славянские исследования» как издание, которое было посвящено сравнительно-историческому, ареальному (в плане теории языковых контактов), типологическому и этнокультурному исследованию балтийского и славянского ареалов на языковом материале. Дата рождения нашего ежегодника — 14 февраля, предпразднество Сретения как раз. В 1981 году вышел первый том, а в декабре 1983 года состоялась вторая международная конференция «Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном аспектах». Надо сказать, что как раз в эти годы веянием времени было международное сотрудничество, и у нас был план, если Вы помните, Вячеслав Всеволодович, назывался «Целевой проект 38», по-моему, который обозначал сотрудничество трех институтов: нашего института, ученых Польши и Германии. Планировались совместные работы. Если бы мы выполнили тогда этот план, в 1989 году предполагалось его закончить, но в это время задерживалось издание «Балто-славянских исследований», некоторое время было не до этого. А вообще есть план коллективной монографии, директор Института литовско-

¹ Возможно, имеется в виду „*Pempel, pempel*“ — литовская народная песня (лит. *pempė* ‘чибис’).

го языка говорила о совместных проектах, вот один план готовый у нас уже есть, его можно было бы принять за основу дальнейших [исследований]. Это коллективная монография, которая называется «Общие проблемы балто-славянских этнолингвистических контактов в ареальном и диахроническом аспектах». Сектор структурной типологии, как сторона ответственная за подготовку монографии, предложил проспект: «Индоевропейские основы балто-славянской проблематики» (первая часть), автор — Вячеслав Всеволодович Иванов; «Проблема балто-славянских языковых отношений» — Вячеслав Всеволодович и Владимир Николаевич; «Исследования по балто-славянской топонимике» — Владимир Николаевич Топоров; «Исследования диалектной области современного балтийско-славянского этноязыкового пограничья» — Судник; «Исследования по балто-славянской фольклористике: этнолингвистический аспект» — Лидия Георгиевна Невская; «Балтийская и балто-славянская фонология» — Маргарита Ивановна Лекомцева; «Балто-славянская акцентология» — Владимир Антонович Дыбо и Сергей Львович Николаев. Две другие темы балто-славянского сотрудничества: «Балто-славянская топонимика и ономастика» — за нее отвечала польская сторона, и «Терминология балто-славянского бортничества и пчеловодства» — это Институт языкознания Академии наук Восточной Германии. 18–22 июня 1990 года состоялась конференция «Uralo-Indogermanica: балто-славянские языки и проблемы урало-индоевропейских связей», в которой участвовали ученые из множества стран: Австрии, Венгрии, Германии, Италии, Латвии, Нидерландов, России, США, Финляндии, Чехословакии, Эстонии. Был издан и сборник тезисов, и специальный том «Балто-славянских исследований», посвященный этой конференции. На протяжении этих лет сложился круг авторов, очень тесно между собой связанных, нити научного сотрудничества были протянуты между всеми участниками нашего ежегодника, были совместные экспедиции, конференции и просто встречи. Я помню, что когда было принято решение и стал выходить ежегодник «Балто-славянские исследования», то один из участников этих исследований, покойный Норбертас Велюс сказал, что рад, приветствует создание ежегодника, хорошо будет, если хотя бы десять томов выйдет. Но вот, слава Богу, вышел уже восемнадцатый том. И создание балтийского центра вселяет надежду, что и издание будет продолжаться, и работы по балто-славистике будут продолжаться. Надо сказать, что это традиционная для русской лингвистической науки область знаний — балто-славистика, ведь Владимир Николаевич и Вячеслав Всеволодович — ученики профессора М. Н. Петерсона, который, в свою очередь, был наследником школы Ф. Ф. Фортунатова и его учеников. Так что хочется пожелать балтийскому центру процветания.

Избранная библиография трудов Т. М. Судник

- Палеографический и фонетический анализ Выголексинского сборника XII–XIII // Ученые записки Института славяноведения. Т. 27. М., 1963.
- Опыт построения фонологической типологии близкородственных языков // Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. София, сентябрь 1963. Доклады советской делегации. М., 1963. Соавторы: М. И. Лекомцева, Д. М. Сегал, С. М. Шур.
- Диалектология и структурная типология // Исследования по структурной типологии. М., 1963. Соавтор: С. М. Шур.
- О применении некоторых новых методов в работах по общей и славянской диалектологии // Вопросы языкознания, № 4, 1963. Соавтор: С. М. Шур.
- О фонологических проблемах типологии // Тезисы конференции по структурной лингвистике, посвященной базисным проблемам фонологии. М., 1963. Соавторы: М. И. Лекомцева, Д. М. Сегал, С. М. Шур.
- К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза (БСлЯзС) // Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии. Тезисы докладов. М., 1964. Соавторы: В. Н. Топоров, С. М. Шур.
- Заметки о литовско-белорусском двуязычии (на материале говора Гервят) // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.
- К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза // Советское славяноведение, № 2, 1967. Соавторы: В. Н. Топоров, С. М. Толстая.
- К характеристике фонологических систем литовско-славянского пограничья. Автореферат дисс. <...> кандидата филол. наук. М., 1971.
- Ян Отрембский (некролог) // Советское славяноведение, № 6, 1971.
- Lazūnai. Литовская, белорусская и польская фонологические системы // Балто-славянский сборник. М., 1972.
- Из морфологических наблюдений над говорами литовско-славянского пограничья // Балто-славянские исследования. М., 1974.
- Диалекты литовско-славянского пограничья. М., 1975.
- К статье акад. Ф. Безлая «Немецкое *Himmel(reich)* и слав. *vyrij, *irij» // Советское славяноведение, № 5, 1976.
- К изучению следов древних пруссов на территории Белоруссии // Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. 11–15 декабря 1978 г. Предварительные материалы конференции. М., 1978.
- Еще о растительном коде основного мифа: мак // Balcano-Balto-Slavica. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979. Соавтор: Т. В. Цивьян.

- Материалы к белор. *p'arín*, лит. *p'arkūnas* в связи с архаичными представлениями // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.
- К мифологическому истолкованию нескольких архаичных текстов (славяно-румынская параллель) // *Balcano-Balto-Slavica*. Симпозиум по структуре текста. М., 1979.
- К реконструкции одного мифологического текста в балто-славянской перспективе // Структура текста. М., 1980. Соавтор: Т. В. Цивьян.
- К истории языковой ситуации Пелясы // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980.
- О механизме контактов в зоне белорусско-литовского двуязычия // 4-я конференция балтистов. Тезисы. Рига, 1980. Соавтор: Т. В. Цивьян.
- Мак в растительном коде основного мифа (Balto-Balkanica) // Балто-славянские исследования – 1980. М., 1981. Соавтор: Т. В. Цивьян.
- Лягушка в мифологеме творения мира // Структура текста. Тезисы симпозиума. М., 1981. Соавтор: Т. В. Цивьян.
- О мифологии лягушки (балто-славянские данные) // Балто-славянские исследования – 1981. М., 1982. Соавтор: Т. В. Цивьян.
- Литовско-белорусская параллель в парадигме глагола бытия // Балто-славянские исследования – 1982. М., 1983.
- К типологическому анализу механизма билингвизма // Славянское языкознание. Доклады советской делегации к IX Международного съезда славистов. М., 1983. Соавтор: Т. В. Цивьян.
- Из наблюдений над числительными в говорах литовско-белорусского пограничья // Славянское и балканское языкознание. Выпуск 07. Проблемы языковых контактов. 1983.
- К реконструкции сюжета основного мифа в балто-балканской перспективе (фрагмент «Жена и дети Громовержца») // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. Тезисы докладов Второй балто-славянской конференции. М., 1983. Соавтор: Т. В. Цивьян.
- К описанию структуры белорусского (восточнополесского) заговора // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- О некоторых особенностях выражения посессивности в белорусском // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. Тезисы докладов Второй балто-славянской конференции. М., 1983.
- К исторической антропонимии литовско-славянского пограничья (на материале инвентарей XVIII в.) // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. Тезисы докладов Второй балто-славянской конференции. М., 1983.
- К синонимии «быть» и «жить» в полесских говорах Белоруссии // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983.

- [Рец.] Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny. Wrocław, 1980. Т. 1 // Балто-славянские исследования – 1984. М., 1986. Соавтор: *С. М. Толстая*.
- Замечания к польско-являжскому словарю // Балто-славянские исследования – 1985. М., 1987.
- Международная балто-славянская конференция в Беловеже 13–17 мая 1987 г. // Балто-славянские исследования – 1985. М., 1987.
- К изучению антропонимии литовско-белорусского пограничья // Балто-славянские исследования – 1986. М., 1988.
- Белорусские заговоры, обращенные к воде // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. I. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988.
- Библиографический указатель по общему и славянскому языкознанию. Владимир Николаевич Топоров. Самарканд, 1989. Соавторы: *С. М. Толстая, А. М. Бушуй*.
- Норберт Велюс (некролог) // Балто-славянские исследования – 1988–1996. М., 1997. Соавтор: *Т. В. Цивьян*.
- Адам Евгеньевич Супрун (некролог) // Балто-славянские исследования – 1998–1999. М., 2000.
- [Рец.] Бронислава Кербелите. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этимологических, мифологических сказаний и преданий // Балто-славянские исследования XV. М., 2002. Соавтор: *Т. В. Цивьян*.

С. М. Толстая

**Вильям Ригель Шмальштиг (Уильям Шмолстиг,
William Riegel Schmalstieg)
(3 октября 1929 – 22 января 2021)**

22 января 2021 г. перестало биться сердце Уильяма Ригеля Шмолстига, джентльмена и учёного, одного из самых выдающихся балтистов нашего времени, известного далеко за пределами США. Почётный доктор Вильнюсского университета (1994), иностранный член Академии наук Литвы (2006), долголетний член Комиссии по балто-славянским отношениям Международного комитета славистов, заведующий кафедрой славянских языков Пенсильванского университета (1969–1991), член многочисленных научных ассоциаций, Уильям Р. Шмолстиг за свою плодотворную деятельность в развитии балтийских исследований, прежде всего литуанистики, был отмечен высокими наградами американских и европейских организаций: медалью Пенсильванского университета в области гуманитарных наук (1983), званиями «Друг Литвы» организации «Рыцари Литвы» (1990) и «Почётный выпускник школы им. Джеймса Ллойда Брека» (1990), памятной медалью им. Мартинаса Мажвидаса (1997).

Уильям Р. Шмолстиг родился 3 октября 1929 г. в небольшом городке Сейер, что в штате Пенсильвания. Вместе со своими родителями он исколесил немало городов и весей по всем США. Следуя совету своего отца, священника Епископальной церкви, он посвятил себя изучению русского языка сначала в университете Миннесоты, где он получил степень бакалавра в 1950 г., а позднее в Пенсильванском университете, который по праву считается одной из крупнейших кузниц научных кадров США. В этом университете Шмолстиг получил степень магистра в 1951 г. В самом начале своей учёбы он проявил интерес к литовскому языку, практическое знание которого он позже закрепил и передал в дидактической форме: учебное пособие по изучению этого языка, созданное в соавторстве с Леонардасом Дамбрюнасом и Антанасом Климасом, выдержало с 1966 г. по 1995 г. несколько изданий (Dambriūnas, Klimas, Schmalstieg 1966). В 1952 г. Колумбийский университет стал следующим этапом в образовании Шмолстига. Именно здесь он встретил Эмили Ботдорф, с которой вскоре обвенчался в кафедральном соборе Иоанна Богослова, известном англиканском храме, расположенном в нескольких кварталах от университета.

С детства интересуясь языками, Уильям Р. Шмолстиг получил свою первую работу в языковой школе Национального агентства безопасности, откуда он был призван на действительную службу в звании младшего лейтенанта. После демобилизации он защитил в 1956 г. диссертацию по общему языкознанию в Пенсильванском университете. Большую часть своей научно-педагогической деятельности до выхода на пенсию в 2001 г. Шмолстиг связал с Пенсильванским университетом, где он преподавал курсы по индоевропеистике, славянскому языкознанию, русскому и старославянскому языкам, а также балтийскому языкознанию и литовскому языку. Заслуги Уильяма Р. Шмолстига в самых различных областях языкознания, но прежде всего в литуанистике, были заслуженно оценены его коллегами в сборнике, изданном в его честь в 2004 г. под редакцией Филипа Балди и Пьетро У. Дини (Baldi, Dini 2004).

Круг научных интересов Уильяма Р. Шмолстига был впечатляюще огромен. Свои грамматические теории он строил на прочном сравнительно-историческом фундаменте, о чём свидетельствуют его работы по хеттскому языку в соавторстве (Held, Schmalstieg, Gertz 1988) и индоевропейскому языкознанию (Schmalstieg 1980). В монографии 1995 года, посвященной эргативному происхождению генитива в индоевропейских языках (Schmalstieg 1995a), он подытожил многолетние исследования по этому вопросу как в Европе, так и Северной Америке. Шмолстиг уделял внимание старославянскому языку (Schmalstieg 1976b, 1995b), материал которого он широко использовал в сравнительно-историче-

ских работах, и балтийскому глаголу (Schmalstieg 2000). Монография Шмолстига по историческому синтаксису литовского языка (Schmalstieg 1988), которая во многом предвосхитила тематику трудов Витаутаса Амбразаса о происхождении и развитии целого ряда балтийских конструкций, до сегодняшнего дня является настольной книгой для специалистов в этой области. Шмолстиг одним из первых в США начал систематически заниматься прусским языком, включая вопросы орфографии и фонологии, глагольной морфологии и синтаксиса, публикуя критические обзоры соответствующей литературы, о чём свидетельствует ряд его монографических изданий (Schmalstieg 1965, 1974, 1976a, 2015).

Тесно сотрудничая с многочисленными журналами, в частности по истории балтийских и славянских языков, Уильям Р. Шмолстиг опубликовал десятки, если не сотни статей, посвященных широкому спектру сравнительно-исторических, типологических и диалектологических тем на материале большого числа индоевропейских языков. Составление полной библиографии публикаций покойного ожидает своего автора, который несомненно включит в библиографический перечень данные о переводах Шмолстига, среди которых не утрачивают значения англоязычное издание сравнительной фонологии и морфологии балтийских языков пера Яниса Эндзелинса (Schmalstieg 1971b) и литовско-английский словарь лингвистических терминов (Schmalstieg 1971a).

По размаху тематики и научных интересов Уильяма Р. Шмолстига можно отнести к числу универсальных лингвистов XX века столетия, для которых сравнительно-историческое языкознание и филология в широком понимании этого слова представляли собой нераздельное единство.

Автор этих строк имел счастье встречаться и переписываться с Уильямом Р. Шмолстигом на протяжении четверти столетия. В последний раз мы общались летом 2012 г. в Стейт-Колледже в одном из тихих ресторанчиков недалеко от кампуса Пенсильванского университета — я привёз ему сборник под своей редакцией, в котором была опубликована и его собственная статья. Он был тронут вниманием. За обедом, на котором присутствовала его жена, Билл шутил и с теплом вспоминал своих друзей и студентов. Таким улыбчивым, со смешинкой в глазах, он запомнится многим, кому посчастливилось его лично знать.

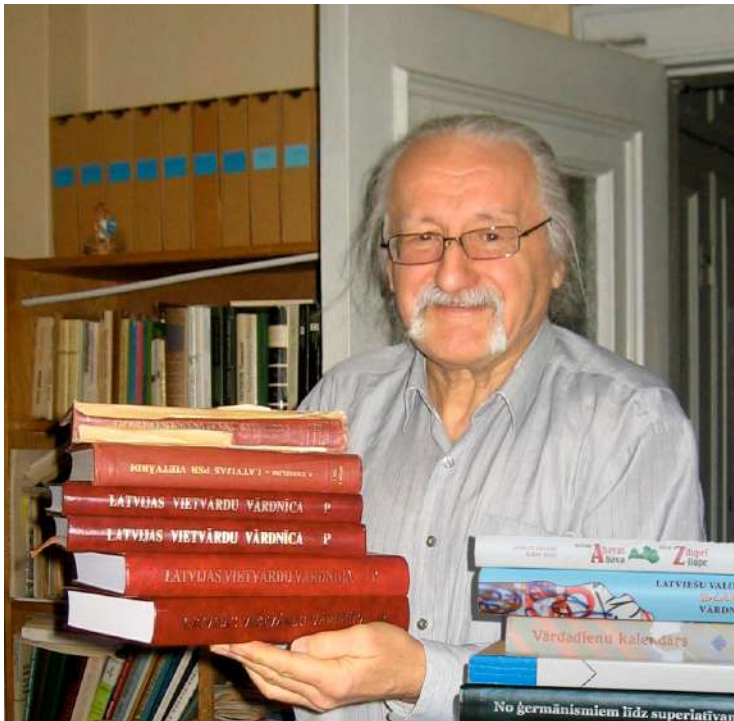
ЛИТЕРАТУРА

Baldi, Dini 2004 — Ph. Baldi, P. U. Dini (eds.). *Studies in Baltic and Indo-European Linguistics: In honor of William R. Schmalstieg*. Amsterdam / Philadelphia (PA), 2004.

- Dambriunas, Klimas, Schmalstieg 1966 — *L. Dambriunas, A. Klimas, W. R. Schmalstieg*. Introduction to Modern Lithuanian. Brooklyn (NY), 1966 (2nd rev. ed. 1972; 3rd ed. 1982; 4th ed. 1990 5th ed. 1993).
- Held, Schmalstieg, Gertz 1988 — *W. H. Held, W. R. Schmalstieg, J. E. Gertz*. Beginning Hittite. Columbus (OH), 1988.
- Schmalstieg 1965 — *W. R. Schmalstieg*. Readings in Old Prussian. University Park, 1965.
- Schmalstieg 1971a — *W. R. Schmalstiegю* Lithuanian-English Glossary of Linguistic Terminology. University Park, 1971.
- Schmalstieg, Jēgers 1971b — *W. R. Schmalstieg, B. Jēgers* (trans.). Jānis Endzelins' Comparative Phonology and Morphology of the Baltic Languages. The Hague, 1971.
- Schmalstieg 1974 — *W. R. Schmalstieg*. An Old Prussian Grammar. The phonology and morphology of the Three Catechisms. University Park, London, 1974.
- Schmalstieg 1976a — *W. R. Schmalstieg*. Studies in Old Prussian. A Critical Review of the Relevant Literature in the Field since 1945. University Park, London, 1976.
- Schmalstieg 1976b — *W. R. Schmalstieg*. An Introduction to Old Church Slavic. Cambridge (MA), 1976.
- Schmalstieg 1980 — *W. R. Schmalstieg*. Indo-European Linguistics: A New Synthesis. University park, 1980.
- Schmalstieg 1988 — *W. R. Schmalstieg*. A Lithuanian Historical Syntax. Columbus (OH). 1988.
- Schmalstieg 1995a — *W. R. Schmalstieg*. A Student Guide to the Genitive of Agent in the Indo-European Languages. Washington (DC), 1995 (Journal of Indo-European Studies. Monograph, 14).
- Schmalstieg 1995b — *W. R. Schmalstieg*. An Introduction to Old Russian. Washington (DC), 1995. (Journal of Indo-European Studies. Monograph, 15).
- Schmalstieg 2000 — *W. R. Schmalstieg*. The Historical Morphology of the Baltic Verb. Washington (DC), 2000. (Journal of Indo-European Studies. Monograph, 37).
- Schmalstieg 2015 — *W. R. Schmalstieg*. Studies in Old Prussian: A Critical Review of the Relevant Literature in the field from 1975 until 2005 / ed. by Pietro U. Dini. Vilnius, 2015.

А. И. Даниленко

Оярс Бушс (Ojārs Bušs)
(28 апреля 1944 – 3 января 2017)

На девятом этаже высотного здания Латвийской академии наук в Риге, где находился¹ Институт латышского языка, были две небольшие комнаты, занимаемые отделом ономастики. Среди невероятного множества книг, размещённых в шкафах, на стеллажах, в стопках на столах и на полу, здесь — как казалось, всегда — работал и, не будет преувеличением сказать, жил замечательный человек, выдающийся латышский лингвист Оярс Бушс. Огонь, который — как опять же казалось — всегда горел в этих окнах, был не только светом настольной лампы за сидевшего допоздна учёного, — это был свет его очага, заботливый и надёжный свет для многих, знавших этого глубоко внимательного и доброго человека, чрезвычайно компетентного и искренне увлечённого труженика науки.

¹ Летом 2020 года Институт переехал в другое здание, но у многих поколений филологов он всё ещё ассоциируется со своими старыми помещениями.

Мы познакомились с Оярсом, когда я приехал учиться в Латвийский университет в 1996 году, и он сразу стал для меня одним из наиболее значимых и авторитетных людей в латышской лингвистике, хотя наши научные интересы пересекались мало. Но это было не важно — важно было ощущение искренней заинтересованности и поддержки со стороны мудрого старшего коллеги. Оярс был очень скромным человеком, может быть, даже робким в общении, и это особенно оттеняло его мягкую и серьёзную заботу о начинающих лингвистах. Для многих, как и для меня, он не был официальным научным руководителем, но всегда был рядом — чуткий собеседник, помогающий взвешенным советом по любому вопросу, моральной поддержкой в минуту растерянности, да и просто одним своим образом:

*Nav jau daudz. Tikai palīdzīgs skatiens.
Bet kritienu apturēja.
Es zinu, ko nozīmē skatiens,
kad tu cīnies ar vēju².*

Это постоянное тихое присутствие Оярса было настолько органичным, что мы с Лидией Лейкумой даже не знали, удивляться ли совпадению, когда в одной из экспедиций к лагальцам Сибири, зайдя зимой в магазин в далёком посёлке Тяжинском Кемеровской области, вдруг увидели в телевизоре... Оярса, рассказывающего о своём словаре жаргона — в российском новостном сюжете, длившемся всего несколько секунд. И таким образом Оярс был с нами и посылал нам добрый знак.

Особые отношения связывали Оярса с Петербургом: в 1967–1972 гг. он учился в Ленинградском государственном университете на отделении финского языка. В конце 1990-х годов, когда балтистика в СПбГУ стала оформляться в самостоятельное научное и учебное направление, поддержку Оярса мы чувствовали постоянно. Делом принципа для него было ежегодное участие в наших конференциях «Балтистика в Петербурге» — с 1998 по 2008 год. Помимо организаторов, лишь Оярс и Ю. В. Откупщиков были участниками всех одиннадцати конференций, каждую из которых мы посвящали отдельному аспекту изучения балтийских языков³. Оярс с азартом принял этот «вызов» — и родился цикл его петербургских докладов, изящно отразивший широчайший кругозор учёного и его пристальное внимание к разнообразным лингвистическим вопросам, которые были показаны нам через призму ономастического материала и лексикографического опыта (ср. такие темы, как фонетические

² 'Не так уж много. Лишь готовый помочь взгляд. / Но падение остановил. / Я знаю, что значит взгляд, / когда ты борешься с ветром' (Zālīte 1988: 65).

³ <http://genling.spbu.ru/baltist/index.htm#conferen>.

особенности гипокористик, синтаксические модели заглавий, маргиналии Христофа Хардера как памятник истории лексики, разграничение понятий заимствования, иноязычной цитаты и смены кода, особенности латышских прозвищ и др.). Позже многие доклады выросли в научные статьи, но в те годы нашей молодой балтистике не менее важна была именно причастность Ояrsa, поддержка наших начинаний, ощущение его любви к нашему городу (выражавшейся даже в таких деталях, как обязательное посещение разных забегаловок, где всё реже можно было найти пирожки образца 1970-х годов). Оярс тепло вспоминал своего научного руководителя — Зинаиду Михайловну Дубровину (1923–2019), заведовавшую кафедрой финно-угроведения с 1957 по 1991 год. Во время одной из конференций он решился после долгих лет ей позвонить, и я мог наблюдать очень сердечный разговор учителя и ученика, а вернее, уже двух добрых, давно не видевшихся коллег (с первых слов перешедших на финский). В своих статьях об истории кафедры финно-угроведения З. М. Дубровина неизменно упоминает талантливого выпускника из Латвии, в 1972 году с отличием защитившего дипломную работу «Параллельные лексические заимствования в финском, эстонском и латышском языках», а в 1980-м, уже в Риге, кандидатскую диссертацию «Недиалектные нелитературные лексические германизмы в современном латышском языке (функциональный аспект)» (Дубровина 2016: 8, 249, 257).

Биография и научное наследие Ояrsa Бушса подробно освещены в некрологах, написанных его близкими коллегами (Л. Балоде, Л. Ваба, Г. Блажене, А. Трумпа, И. Янсоне и др.⁴), его публикации хорошо известны балтистам: к статьям, собранным в нескольких книгах («Personvārdi, vietvārdi un citi vārdi: izpētes pakāpieni» — Bušs 2003; «No ģermānismiem līdz superlatīvam» — Bušs 2008; «Mozaīka: onīmu un apelatīvu cilme, nozīme, lietojums» — Bušs 2019), следует прибавить словари: «Latviešu valodas slenga vārdnīca» (Bušs, Ernstsone 2006), «No Abavas līdz Zilupei» (Balode, Bušs 2015), научно-популярный (точнее: научный и популярный) «Календарь именин» («Vārdadienu kalendārs 2000.–2003.» — Bušs 1999; составитель скромно упомянут лишь в конце предисловия) и с любовью подготовленный лексический минимум латышского языка «1000 vārdu» (Baldunčiks, Bušs 1991), а также 7-й выпуск вопросника по собиранию областных слов, посвящённый заимствованиям из германских языков («7. Arvidvārdu aptauja» — Bušs 1976). Особым делом была работа над словарём топонимов Латвии, продолжившим словарь, на-

⁴ См. раздел «In memoriam» в: Bušs 2019: 513–543, где собраны некрологи, опубликованные в журналах «Acta Linguistica Lithuanica», 76 (2017), «Baltistica», LII₍₁₎ (2017), «Keel ja Kirjandus», 2017 (LX), № 4, «Linguistica Lettica», 25 (2017), «Linguistica Uralica», LIII (2017), № 1, «Onomastica Lettica» 5 (2018) и др.

чатый в своё время Я. Эндзелином: Оярс был ответственным редактором первых четырёх томов (LVV 2003–2013), автором множества статей (в том числе и для пока не опубликованных выпусков). Полная библиография публикаций учёного ещё должна быть составлена.

Характерной чертой научных взглядов Оярса была их самостоятельность. Для него — тонкого филолога — языковой материал был несравненно интереснее и важнее научной школы или традиции. Поэтому именно к Оярсу всегда было полезно обратиться за мнением по поводу какой-нибудь неожиданной мысли или догадки — прежде чем предложить её на всеобщее обсуждение в докладе или публикации, да и в принципе всегда полезно было узнать, что Оярс думает по тому или иному вопросу. В 2010 году в Лиепае вопреки несогласию Оярса я пытался обосновать разницу в употреблении местоимений *kas* и *kurš* (*kas tur gul?* vs. *kurš tur gul?*) противопоставлением по категории личности (Оярс видел в этом проявление категории определённости). В другой раз, редактируя мою статью (Andronovs 2012), Оярс категорически усомнился в сконструированной мною «дебитивно-эвиденциальной» форме *ir jābraucot* (по «пропорции» типа *esot jābrauc : (esot) jābraucot = ir jābrauc : x*). Его комментарий («Tie pēdējie piemēri („ir jābraucot“ u. tml.) manā izjūtā izklausās briesmīgi kropli, nevaru pat saprast, kā tā var pateikt resp. uzrakstīt»⁵ (5.12.2011)) заставил меня «защищаться» подтверждениями (чрезвычайно редкими!) из текстов интернет-форумов. К сожалению, следы большинства подобных бесед хранит теперь лишь электронная почта (например, о дистрибуции латышских форм мужского рода vs. наречий в конструкциях типа *Tas ir saprotams / saprotami* в сопоставлении с литовским и русским).

Оярс всю жизнь не переставал учиться: он был открыт и новым языкам, и новым идеям в области лингвистической теории. Незаконченным осталось наше обсуждение явления широкозначности, за оценкой которого я обратился к Оярсу после оппонирования прекрасной диссертации М. Ю. Евтеевой «Моделирование семантической структуры глаголов широкой семантики с общим значением *делать* в естественном языке» (на материале русского, немецкого и латышского языков) (2014).

Одно из писем Оярса с характерным доброжелательным юмором начал словами: «Tu mani iegremdēji valodnieciskās pārdomās gandrīz uz diennakti.); kad es maizīti pelnīšu, ja cauru dienu par valodniecību domāšu?! :)»⁶ (20.08.2010). Конечно, друзей это не могло сбить с толку: он

⁵ «Эти последние примеры („ir jābraucot“ и т. п.), по моему ощущению, звучат ужасно уродливо, не могу даже понять, как можно так сказать resp. написать».

⁶ «Ты меня погрузил в лингвистические размышления почти на сутки.); когда я на хлеб буду зарабатывать, если целый день о лингвистике буду думать?! :)»

был из тех, кто как раз готов думать о языкознании непрестанно. Как бы то ни было, деньги или карьера никогда не были для него приоритетом. Рекомендую меня к избранию иностранным членом Латвийской академии наук в 2007 году, Оярс сам так и не стал её членом... Тем более знаменательно его признание в поздравлении по случаю рождения моей дочери: «Bērni, protams, piedod dzīvei pilnīgākas harmonijas izjūtu, ko valodniecība viena pati, lai cik izcila zinātne būtu, nespēj»⁷ (17.08.2010). У Оярса трое детей и много внуков — он был богатым человеком. Ещё больше детей осталось у него в науке. И дух Оярса, кажется, всё ещё живёт в старом здании Института, а сам он остаётся светлым образом в памяти друзей и коллег.

* * *

Тексты Оярса всегда нестандартны — и устные, и письменные. В них легко узнаётся характерный стиль столь же неординарного человека. Мне посчастливилось особенно тесно соприкоснуться с ними, когда в 2015 году началась подготовка русского издания сборника «Латвия и латыши»: в качестве пробного испытания я, с согласия Оярса, предложил нашим выпускникам отделения латышского языка перевести две его статьи из четырёхтомника «Латыши и Латвия»: «*Latvija un latvieši: vārdu cilme*» (Latvieši un Latvija 2013: 15–29) и «*Latvieši starp baltu tautām un ciltīm jeb Latviešu valoda pirms latviešu valodas*» (ibid.: 156–176). Так трудами Н. Алпатьевой, Е. Афолина, А. Сапожинской, Д. Филатовой и К. Хранилова возникли черновые варианты переводов, печатаемых теперь — после редакторской доработки А. В. Андропова и Н. В. Супрунчука — в настоящем выпуске «Балто-славянских исследований» (с. 319–335 и 293–318)⁸. К сожалению, обсудить их с Оярсом нам не довелось.

ЛИТЕРАТУРА

- Дубровина 2016 — З. М. Дубровина. Избранные труды. СПб., 2016.
 Латвия и латыши 2019 — Сборник академических статей в 2-х томах «Латвия и латыши». Т. II. Рига, 2019.
 Andronovs 2012 — А. Andronovs. Tradicionāli latviešu gramatikas jautājumi // Valodas prakse: vērojumi un ieteikumi, Nr. 7. Rīga, 2012.

⁷ ‘Дети, конечно, придают жизни ощущение более полной гармонии, чего лингвистика сама по себе, какой бы выдающейся наукой она ни была, сделать не в состоянии’.

⁸ В двухтомном русском издании материал данных статей использован при подготовке совместной работы Оярса Бушса и Илги Янсонс «Взгляд на историю латышского языка (от истоков до XX в.)» (Латвия и латыши 2019: 138–179).

- Baldunčiks, Bušs 1991 — *J. Baldunčiks, O. Bušs*. 1000 vārda : latviešu valodas leksikas minimums ar tulkojumu krievu un angļu valodā. Rīga, 1991.
- Balode, Bušs 2015 — *L. Balode, O. Bušs*. No Abavas līdz Zilupei: Vietvārdu cilmes īsā vārdnīca. Rīga, 2015.
- Bušs 1976 — 7. Apvidvārdu aptauja: Aizguvumi no ģermāņu valodām / sastādījis O. Bušs. Rīga, 1976.
- Bušs 1999 — *O. Bušs*. Vārdadienu kalendārs 2000.–2003. Rīga, 1999.
- Bušs 2003 — *O. Bušs*. Personvārdi, vietvārdi un citi vārdi: izpētes pakāpieni. Rīga, 2003.
- Bušs 2008 — *O. Bušs*. No ģermānismiem līdz superlatīvam. Rīga, 2008.
- Bušs 2019 — *O. Bušs*. Mozaīka: onīmu un apelatīvu cilme, nozīme, lietojums. Darbu izlase. Rīga, 2019.
- Bušs, Ernstsone 2006 — *O. Bušs, V. Ernstsone*. Latviešu valodas slenga vārdnīca. [Rīgā.] 2006.
- Latvieši un Latvija 2013 — Akadēmiskie raksti 4 sējumos „Latvieši un Latvija“. I sēj. „Latvieši“. Rīga, 2013.
- LVV 2003–2013 — Latvijas vietvārdu vārdnīca / sastādījusi: V. Dambe ... [u. c.], iekļaujot arī materiālus no J. Endzelīna manuskripta; atbildīgais redaktors Ojārs Bušs; Latvijas Universitātes Latviešu valodas institūts. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2003–<2013>. Sējumi <1–4>.
- Zālīte 1988 — *M. Zālīte*. Debesis, debesis. Dzejoļi. 1978–1988. Rīgā, 1988.

A. B. Андронов

**«Археология — это книга, которую надо уметь читать»:
К 90-летию со дня рождения Эвалда Мугуревича
(Ēvalds Mugurēvičs, 6 апреля 1931–23 ноября 2018)**

6 апреля 2021 г. исполнилось бы 90 лет крупнейшему современному латвийскому археологу и исследователю истории народов современной Латвии в средневековый период Эвалду Мугуревичу [Ēvalds Mugurēvičs; в России — Эвалд Мугуревич или Эвальд Станиславович Мугуревич]. До своего юбилея он не дожил менее трех лет.

Эвалд Мугуревич родился 6 апреля 1931 г. в Баркавской волости Резекненского уезда — теперь Мадонский край [novads]. Латгале — особый регион Латвии — «край голубых озер», где много веков жили рядом представители разных народов, разных этносов, культур и религий. Предки отца Эвалда Мугуревича — Станислава, сына Людвига [Stāņslavs Ludviga dēls] — очевидно, из поляков, а фамилия матери — Лейман [Leimane] указывает на то, что её далекими предками были землевладельцы — социальная элита донемецкого времени, а после завоевания региона немецкими феодалами несколько веков составлявшие служилое сословие на службе у правителей феодально-духовных государств (Назарова 1990)¹. Но в начале XX в. напоминание о том служилом сословии сохранилось только в фамилиях потомков. Местное сель-

¹ Когда автор этого очерка подарила Э. Мугуревичу свою книгу об истории лейманов в Ливонии, он с удовольствием сказал: «А моя мама тоже Лейман».

ское население Латгале было в основном бедное. Большая часть земель находилась во владении немецких и польских помещиков.

Большой клан Мугуревичей жил в Баркавской волости по крайней мере с середины XIX в. (Ludvigs Mūgurevičs, ģeni). После создания Латвийской Республики в 1918 г. Станислав Мугуревич участвовал в войне за независимость, а в 1925 г. во время земельной реформы в Латвии он как участник войны получил в собственность надел земли около 17 га. (Galīgi piešķirtās zemes 1925). В общем, не так уж много, поэтому сложно сказать, насколько крепким было хозяйство Станислава Мугуревича. Однако известно, что осенью 1939 г. он был одним из тех крестьян, имеющих в хозяйстве жатки, которые помогли сжать зерновые и травы своим более бедным, «безмашинным» соседям (Kaimiņš palīdz kaimiņam 1939).

Вскоре в Латвии установилась советская власть, а в 1941 г. пришли гитлеровцы. Вероятно, в хозяйстве Станислава Мугуревича возникли трудности. В 1942 г. он вынужден был продать лошадь, но новая администрация сочла, что цена при продаже была завышенной, за что продавцу назначили большой штраф в 250 рейхсмарок (Aģi lauksaimniecības 1942).

В начальной школе в Баркаве, куда Эвалд поступил в 1939 г., он учился успешно, много читал, хотя уже тогда мешала сильная близорукость. Поэтому сомнения в том, что он пойдет учиться дальше, не было. Но в 1946 г. погиб отец. Кто в него стрелял, осталось не выяснено. Старший брат учился в техникуме, поэтому Эвалд оказался старшим мужчиной в семье. Продолжение учебы было под вопросом. Осенью вместо школы пришлось заниматься сельскохозяйственными работами. Но мать — глава семьи, за которой было последнее слово, решила, что сын должен учиться дальше. Когда в 1947 г. после окончания техникума домой вернулся брат, Эвалд приступил к учебе (Broka 2021: 10). Среднюю школу в соседнем городке Варякляны он закончил с отличием. О его способностях и уже проявившихся научных интересах свидетельствует то, что он самостоятельно выучил латынь, не входившую в школьную программу (Zemītis, Vilcāne 2018: 176–186). В 1951 г. Эвалд поступил на историко-философский факультет Латвийский университета.

Как и в школе, в университете Мугуревич учился отлично по всем предметам. В 1953 г. в республиканской студенческой газете он назван среди немногочисленных отличников-комсомольцев историко-философского факультета (Fekters 1953: 2). В окончательном выборе специализации он определился летом 1953 г., когда после 2-го курса работал в археологической экспедиции на раскопках Асотского городища — центра округа древних латгалов, который упоминается в документах XIII в. Руководила экспедицией Эльвира Шноре — одна из немногих археологов, получивших образование еще до войны. В следующие три сезона

Эвалд работал в экспедициях под руководством других археологов довоенной школы — Адолфа Стубавса (на городище даугавских ливов Кентескалнс) и Эмилии Бривкалне (на городище земгалов Тервете). Так что начинающий археолог мог одновременно прикоснуться к материальной культуре латгалов, ливов и земгалов и познакомиться с работой археологов научной школы довоенной Латвии.

Археологическая школа Латвии начала складываться только в 1920-х гг., хотя о примерном количестве археологических памятников на территории Прибалтийских губерний было известно уже к концу XIX в. Обследование и составление карты археологических памятников проводили прибалтийско-немецкие, польские, русские ученые — в зависимости от господствующего здесь национального меньшинства. При этом, особенно в прибалтийско-немецкой историографии, преобладало мнение о том, что к началу завоевания региона в конце XII в. крестоносцами местные народы значительно отставали в экономическом и социально-политическом развитии от германцев. Хотя уже в ходе проведенных в 1890–1891 гг. русским археологом Е. Р. Романовым раскопок крупнейшего латгальского могильника около города Люцин (совр. Лудза) были найдены материалы, отражавшие значительное социальное расслоение среди местных жителей (Люцинский могильник 1893).

После возникновения независимой Латвийской Республики изучение древней истории народов, образовавших латышскую нацию, было важно для формирования исторической памяти и самосознания латышей. Для масштабных планов раскопок нужны были кадры. Были приглашены из Западной Европы ученые Макс Эберг, Биргер Нерман, др. Но надо было создавать свою школу, основателем и главой которой стал вернувшийся в 1924 г. в Латвию из СССР Францис Балодис. Он и его ученики исследовали в основном латгальские древности. Кроме латгальских древностей, под руководством Валдемарса Гинтерса начались и исследования земгальских памятников (Saur gadsimtiem 2000). Хотя после установления режима К. Улманиса политизация и идеологизация истории и археологии заметно усилились², раскопки дали разнообразный материал для начала объективного изучения древнейшей истории латышской нации.

Успешные археологические исследования были прерваны в 1940 г. установлением советской власти и включением Латвии в состав СССР,

² К. Улманис хотел на материалах археологических исследований доказать, что у латгалов в конце XII в. было государство того же уровня развития, как ранне-средневековые германские королевства. При этом предлагал Ф. Балодису «найти» при раскопках латгальского городища-замка Ерсика корону упоминаемого в «Ливонской хронике» Генриха правителя Ерсики Висвалдиса (Ковальчук 2020: 202–223).

затем гитлеровской оккупацией. После окончания войны оказалось, что профессиональных археологов в Латвии почти не осталось. Опытные археологи Ф. Балодис, В. Гинтерс и Эдуардс Штурмс уехали на Запад, в 1946 г. Раулс Шноре был арестован и осужден на 10 лет лагерей (Šnorems 2001), в том же году был репрессирован и вернулся в Латвию только в 1956 г. Адолфс Карнупс и в последующие годы заведовал Музеем истории медицины (Kamprans 2004). Уехали или подверглись репрессиями и некоторые из начинающих археологов. Из старых кадров археологов к моменту создания в 1946 г. Академии наук Латвийской ССР, в составе которого был Институт истории Латвии, в республике остались Э. Шноре, Э. Бривкале, работавшая перед войной в экспедициях В. Гинтерса и А. Карнупса, а также А. Стубавс.

Опыт работы в экспедиции в довоенной Латвии получила также Луция Ванкина. Но в первые годы после войны ей как заведующей Археологическим отделом Музея истории приходилось заниматься приведением в порядок археологических коллекций, часть которых была вывезена гитлеровцами при отступлении и возвращена в Ригу в начале 1946 г. (Zemītis 1998: 194–195).

Археологи в Институте истории Латвии работали в секторе Материальной культуры — в группах археологов и охраны памятников. Обследования и раскопки археологических памятников возобновились с 1947 г. силами археологов Института и некоторых музеев республики. Причем в трактовке найденных материалов исследователи должны были придерживаться концепции раннесредневековой истории, изложенной в вышедшем в 1952 г. 1-м томе «Истории Латвийской ССР», согласно которой экономическое, социальное и политическое развитие народов Латвии в IX–XII в. находилось под сильным влиянием соседних более развитых русских земель (История Латвийской ССР 1952: 44–77). Эта концепция была противоположна существовавшему в прибалтийско-немецкой историографии и отчасти разделяемому в довоенной латвийской историографии тезису о том, что развитие населения на территории нынешней Латвии шло в фарватере истории германских народов.

Для реализации программы археологических исследований в Латвии требовались новые кадры. Во 2-й половине 1950-х гг. вместе с Э. Мугуревичем в латвийскую археологию пришли известные в последующем археологи Янис Апалс, Илзе Лозе, Марис Атгазис, Анна Зариня. С 1958 г. в Институте истории Латвии начал работать Янис Граудонис. С того же года сотрудником Музея истории Латвии стал археолог Владиславс Уртанс, проводший 5 лет в ссылке в Сибири, а затем с 1946 г. работавшей в музее в г. Мадона (Gaujēna 2021).

Молодые археологи в раскопках и обработке материала перенимали опыт представителей довоенной школы. Особенно полезной для начинающих специалистов была работа с Э. Шноре — ученицей Фр. Балодиса, участвовавшей кроме того до войны в работе семинара немецкого археолога М. Элрета. Студентам 1950-х гг. она передавала традиции довоенной археологической школы. По словам Э. Мугуревича, «без сомнения можно сказать, что два поколения археологов были её учениками» (Mugurēvičs, Zariņa 1996: 178). В последующие годы он написал несколько статей о своем учителе, приуроченных к юбилейным датам её жизни, подчеркивал вклад её в изучение древней истории Латвии, несмотря на то, что после ареста и заключения её мужа Раулса Шноре она осталась одна с маленьким ребёнком. По его словам, она в своей деятельности «не искала пологих склонов, чтобы добраться до тайн древних поселений, но взбиралась на самые крутые откосы и добивалась больших успехов» (Mugurēvičs 1975: 6; Mugurēvičs 1997: 9–15). Наиболее значимой её работой Мугуревич считал исследование городища Асоте и соседнего с городищем могильника (Mugurēvičs 1997a: 119–122; Шноре 1961). А в 1993 г. он помогал готовить к изданию и стал научным редактором монографии Э. Шноре о курганах раннего железного времени в восточной части Латвии (Šnore 1993).

Закончив с отличием университет, Э. Мугуревич в 1956–1957 гг. работал в Археологическом отделе Музея истории Латвии, под руководством Л. Ванкиной овладевал особенностями музейной работы, а также получил возможность познакомиться с археологическим материалом из довоенных раскопок. А с 1958 г. он начал работать в группе археологов Института истории Латвии, пройдя по служебной лестнице от младшего научного сотрудника до руководителя Отдела археологии и антропологии Института истории Латвийской Академии наук (1971–1995). В год ухода с должности руководителя отдела Э. Мугуревич опубликовал статью с подробным описанием работы археологов Института истории Латвии, начиная с 1946 г. — работы, которая проходила на его глазах и при его активном участии (Mugurēvičs 1995: 48–91).

В первые годы в Институте истории Э. Мугуревич одновременно с обязанностями младшего научного сотрудника работал над кандидатской диссертацией по теме «Торговые пути на территории ливов и латгалов. IX–XIII вв.» [«Tirdzniecību ceļi lībiešu un latgaļu teritorijā. 9.–13. gs.»]. В диссертации он продолжил исследование, начатое еще в университете: тема его дипломной работы называлась «Центры управления латгалов и ливов и идентификация путей в XII–XIII вв.» [XII–XIII gs. latgaļu un lībiešu pārvaldes centru un ceļu identifikācija⁷]. Диссертацию он защитил в 1962 г. Это исследование легло в основу вышедшей в свет в 1965 г.

монографии «Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв.». В ходе работы над этой темой автор изучил огромное количество археологических находок с территории Латвии в сопоставлении с аналогичными вещами по данным археологических и исторических исследований ученых разных стран. На основании такого объемного исследования он проследил направление торговых и культурных связей населения разных районов Латвии, причем у жителей Восточной Латвии преобладали связи в восточном направлении, а в Западной Латвии постоянно усиливались связи с Западной Европой, в первую очередь, со Скандинавией. Иначе говоря, население Латвии, в зависимости от региона, в раннем средневековье испытало влияние не только Древней Руси, как следовало из упомянутой выше концепции, но и соседних народов Европы.

Перечисление же ливских и латгальских областей в «Хронике Ливонии» Генриха первой трети XIII в. почти полностью подтверждается результатами археологическими исследований. В заключении монографии Э. Мугуревич отметил, что данное исследование должно быть продолжено по основным затрагиваемым в книге проблемам истории раннесредневековых жителей Латвии в контексте истории Западной и Восточной Европы (Мугуревич 1965).

О том, что эта монография сохраняет свое научное значение вплоть до настоящего времени, наглядно показывает хотя бы каталог РГБ, свидетельствующий об использовании сведений этой книги в работах и уже известных, и начинающих ученых от Урала до стран Центральной Европы.

Помимо работы в Институте, Эвалд Мугуревич долгие годы руководил археологической практикой студентов-историков Латвийского университета, выбор экспедиций для которой постоянно увеличивался.

Объекты археологических раскопок, а также финансирование экспедиций в конце 1950-х–1970-х гг. в большой мере зависели от масштабныхстроек в Латвии. Так, в 1959–1964 гг. проводились археологические работы в районе затопления Плявиньской ГЭС на Даугаве, а в 1966–1974 гг. — в районе затопления Рижской ГЭС. В ходе этих работ были проведены масштабные раскопки в первом случае — разновременных памятников (городищ и могильников) на северном берегу Даугавы, населенных латгалами, а во втором — укрепленные и неукрепленные поселения и могильники ливов в нижнем течении Даугавы, которые, согласно хронике Генриха, первыми столкнулись с крестоносцами уже в конце XII в.

В те же сезоны Мугуревич руководил обследованием и раскопками памятников ливов на Гауе и куршей в Курземе.

Исследования археологических древностей ливов в 1960-х–1970-х гг. имело особое значение, поскольку их истории (угро-финского наро-

да) в латвийской историографии довоенного времени, в отличие от истории латгалов и других балтов, практически не уделялось внимания.

Во время раскопок в низовьях Даугавы Эвалд Мугуревич был руководителем экспедиции на о. Мартыньсала, а после того, как в 1971 г. он возглавил сектор археологии и этнографии, часто на своем мотоцикле посещал и другие экспедиции, работавшие в зоне затопления Рижской ГЭС — не потому, что не доверял коллегам, но потому, что считал себя ответственным за все работы сектора. Посещал он и в другие экспедиции, когда во 2-й половине 1970-х гг. руководил экспедицией в Сабиле в Курземе.

Результаты раскопок и исследования материалов публиковались Э. Мугуревичем в отчётах о работе экспедиций и многочисленных статьях.

Значимым итогом развития археологических исследований в Латвии было академическое издание «Археология Латвийской ССР» в 1974 г. под редакцией Э. Мугуревича, причем он был и автором ряда разделов, включая разделы о куршах и ливах (с учетом материалов его раскопок) и главы о средневековой археологии (*Latvijas arheoloģija* 1974). Э. Мугуревич стал также соавтором (вместе с Я. Апалсом) главы о позднем железном веке (раннем средневековье) в переизданном с некоторыми дополнениями, изменениями и уточнением хронологии исторических периодов (в соответствии с принятой в Западной Европе) тома по археологии Латвии в 2001 г. (*Latvijas senāka vēsture* 2001: 290–461).

Для изучения раннесредневековой истории Латвии был важен вывод, сделанный Э. Мугуревичем в книге «*Latvijas PSR arheoloģija*», что археологический материал подтверждает предположение о том, что народы Восточной Прибалтики на рубеже XII–XIII в. находились на стадии формирования раннефеодального общества и раннегосударственных образований (Моора, Лиги 1969; *Latvijas arheoloģija* 1974: 274–277).

Итогом же изучения материала, найденного на памятниках в районе Плявиньской ГЭС, стала вышедшая в свет в 1977 г. монография о жизни на территории замковых округов Олинькалнс и Локстене на протяжении длительного исторического периода с III до XV в. (Мугуревичс 1977). В книге представлена история этого района от начала появления здесь поселения до постройки латгальского укрепления (замка) как центра раннефеодального округа, известного в документах периода установления господства крестоносцев в XIII–XIV вв. на Даугаве как Алене, и перенесение центра управления местным населением в построенный после завоевания каменный архиепископский замок на соседнем городище Локстене.

В 2007 г. Эвалд Мугуревич за вклад в изучение истории Саласпилса и окрестностей был избран почетным гражданином г. Саласпилса. А в следующем году увидела свет его монография — итоговое исследование по результатам работ в районе затопления Рижской ГЭС — «Средневековое поселение и замок в Саласпилском округе» (Mugurēvičs 2008). В книге подробно рассказывается об истории изучения замка Мартиньсала, восходящей к прибалтийско-немецкой историографии конца XIX — начала XX в., об истории проведения раскопок в зоне строительства Рижской ГЭС, а также на основе анализа разнообразного материала раскопок раскрываются характерные черты экономических и социальных отношений у ливов в этом важном стратегическом районе как до, так и после крестоносного завоевания. Сведения археологических материалов об обществе здешних ливов в начале XII в. совпадают с сообщениями в хронике Генриха о замках и замковых округах ливов, об их социальной элите, о международной торговле, отношениях с Полоцким княжеством и сопротивлении крестоносцам и — как результат окончательной победы завоевателей — о строительстве каменного замка, существующего в окружении ливского сельского населения.

Археологические работы на других известных по письменным источникам городищах местного населения и сменивших их после завоевания орденских и епископских замках в Курземе (Сабиле, Салдус, Пилтене) и Латгале (Резекне, Дюнабург/Науена) велись под руководством Э. Мугуревича в конце 1970-х–1980-х гг. На наиболее значимом для ранней истории Латвии городище — замке и городе латгалов Ерсике (*Hercike* в хронике и документах), центре латгальского раннефеодального княжества, разрушенном крестоносцами в 1209 г., Э. Мугуревич работал в конце 1980-х – 1990-х гг. вместе с археологом Антонией Вилцане (Mugurēvičs, Vilcāne 2000: 96–105; Vilcāne 2004). В 2003 г. он был почетным гостем в Ерсикской волости на праздновании «800-летия древнего государства» и участником конференции «Ерсика вчера, сегодня, завтра» (Zeile 2003: 26–28).

Обобщение результатов проводимых им раскопок раннесредневековых памятников вместе с материалами, полученными в разное время при раскопках других ученых, стало темой докторской диссертации Э. Мугуревича «Замки и сельские поселения средневековой Ливонии» (Мугуревич 1983). Защита диссертации планировалась в Москве, в Институте археологии АН СССР в 1983 г., но состоялась только в 1984 г. В июне 1983 г. умер первый оппонент — чл.-кор. АН СССР В. Т. Пашуто, а назначенному вместо него оппонентом д.и.н. профессору кафедры Археологии МГУ Д. А. Авдусину потребовалось время для ознакомления с работой. Успех диссертанта на защите был ожидаем. Хотя в ходе обсуж-

дения были зачитаны серьезные возражения от прибалтийских коллег, ответы диссертанта только подтвердили высокое качество исследования.

Привлечение письменных источников к трактовке истории ранне-средневековых памятников Латвии показало необходимость и переиздания самих этих хроник, в которых сообщения о завоевании Ливонии комментировались бы данными, полученными при археологических исследованиях. Поскольку авторы хроник были достаточно предвзяты в изложении событий, то сопоставление их сообщений с теми заключениями, которые были сделаны на изучении археологического материала, давало бы более объективную картину социально-политического развития общества ливов и латгалов в XII–XIII вв. и их контактов с соседними народами и странами.

В 1993 г. вышло издание «Хроники Ливонии» Генриха с переводом оригинального латинского текста на латышский язык (*Indriķa hronika* 1993), в котором Э. Мугуревич был автором вступления и обширных комментариев к тексту, учитывавших данные археологических раскопок, а также выводы исследователей разных стран. Следующим подобным изданием стала так называемая «Старшая рифмованная хроника», написанная на старонемецком языке, в которой история завоевания Восточной Прибалтики доводится до 1270-х гг., включая завоевания не только Ливонии (нынешних Латвии и Эстонии), но и литовских земель (*Atskaņu hronika* 1998). Э. Мугуревич был автором вступительной статьи и соавтором комментариев (вместе с К. Клавинышем). Эти хроники и раньше неоднократно издавались на языке оригинала с переводом на разные языки. В некоторых изданиях были и комментарии к тексту источника. Но ни в одном издании не было столь обстоятельных комментариев с использованием археологического материала, что вместе с рассказами хронистов давало бы столь точного и объемного представления об эпохе крестоносного завоевания Восточной Прибалтики, как в изданиях Э. Мугуревича.

В начале XXI в. Э. Мугуревич издал с переводом на латышский язык и комментариями еще два очень важных для истории Восточной Прибалтики письменных источника XIV в. Первый — «Хроника Ливонии», написанная капелланом магистра Ливонского ордена Германом Вартбергом в XIV в. и рассказывающая о деятельности Ордена в Ливонии, Литве, Восточной Пруссии вплоть до 1378 г. (*Vartberges* 2005). Второй — материалы протокола папского легата Франциска де Молиано в 1312 г., присланного из Рима для расследования преступлений Ливонского ордена по жалобам прелатов Католической церкви. Ответы опрошенных легатом свидетелей отражают ситуацию длительного вооруженного конфликта между двумя основными духовными феодалами,

борющимися за власть в Ливонии (Franciscus 2010). В обоих изданиях Э. Мугуревич был и переводчиком с латыни на латышский язык, и автором вступительных статей и комментариев. «Протоколы Франциска де Молиано» вышли в свет в год кончины супруги Э. Мугуревича; книга посвящена её памяти.

Во всех упомянутых изданиях вступительные статьи и комментарии были написаны по-латышски и предназначены главным образом для учёных и широкой публики в Латвии. Тем не менее они оказались очень важными и при работах историков других стран, изучающих историю крестовых походов в Восточную Прибалтику и на Русь³. В 2005 г. за издание трех хроник Э. Мугуревичу была присуждена научная премия Балтийской ассамблеи.

Уже в 1970-х гг. Эвалд Мугуревич становится ведущим археологом Латвии не только как руководитель сектора, потом Отдела археологии, но и по тому объему работ, которые ему приходилось делать помимо руководства научным подразделением, и по признанию в научном мире. Кроме ежегодного руководства одной или несколькими экспедициями и сопровождающих полевые работы отчетов, обработки материалов, кроме работы над статьями и монографиями, он часто выступал на различных конференциях и конгрессах в СССР, затем в Российской Федерации и в европейских странах (делал доклады на латышском, русском и немецком языках), был редактором или членом редколлегии латвийских научных и научно-популярных серийных и периодических изданий, членом редколлегий литовского и российского ведущих археологических журналов и т. д. В 1977–1989 гг. Мугуревич был председателем секции Охраны археологических памятников Латвийского общества Охраны природы и памятников, в 1989 г. стал иностранным членом научного общества Австрийской АН «*Mediums aevim Quatidianus*» / «Средневековая повседневность», в 1993 г. был избран членом-корреспондентом комиссии по изучению Балтии Геттингенского университета в Германии, а в 1995 г. — представителем от Латвии в Международном комитете исторических наук, в 1995–2002 гг. — членом Латвийского Национального комитета Балтийской ассамблеи по присуждению премий, участвовал в международных научных проектах.

В 1989 г. Эвалда Мугуревича избрали членом-корреспондентом АН Латвийской ССР, а в 1992 г. — действительным членом Академии наук Латвии. В 1991 г. он стал профессором историко-философского факультета Латвийского Университета, в следующем году — членом Думы Института истории Латвии, а в 1993 г. — профессором Института исто-

³ См., например: Матузова, Назарова 2002; 2020. Второе издание книги авторы посвятили памяти В. Т. Пашуто и Э. Мугуревича.

рии Латвии Латвийской академии наук. После ухода с должности руководителя Отдела археологии он до выхода на пенсию работал в Институте истории Латвии как ведущий научный сотрудник, а в 2001 г. стал государственным научным сотрудником на пенсии, продолжая по мере сил активную научную деятельность — читал лекции и выступал с докладами как приглашенный профессор в европейских и американских университетах, участвовал в международных научных советах и международных симпозиумах. В 2002 г. был избран членом-корреспондентом Германского Археологического института. И т. д.⁴.

Большое внимание латвийские археологи уделяли популяризации раскопок среди населения, особенно в проведении самих раскопок. О том, какие памятники раскапывают археологи и что находки сообщают об истории Латвии, археологи рассказывали в статьях, публикуемых в республиканских и районных газетах. Устраивались «дни открытых дверей», когда посетителям — взрослым и детям — прямо на месте раскопок показывали, как выглядит древнее погребение, жилище и т. п., рассказывали и показывали, как работают археологи. Это повышало интерес и уважение граждан к родной истории и формировало уважение к труду археологов.

Э. Мугуревич был автором многих таких статей, старался увлекательнее показать, как в результате раскопок «исчезает покров таинственности» с руин средневекового замка или остатков другого памятника (Mugurēvičs 1976: 4). В одном из интервью он сказал, что «археология — это книга, которую надо уметь читать» (Kāne 1976: 5). Сам он много лет учился этому, учил студентов и просто граждан, приходивших на раскопки.

Работая в Риге и живя в Саласпилсе, Мугуревич поддерживал связи со своей малой родиной — с Баркавой и Вараклянами. В 1978 г. в нескольких номерах местной газеты Мадонского района «Stars» был опубликован его краткий очерк об истории этого региона Латгале от каменного века до конца 1917 г. на основе археологических (раскопки И. Лозе у Лубанского озера) и письменных источников (Mugurēvičs 1978). Уже в начале XXI в. он написал небольшую статью об истории города Варакляны и округа (Mugurēvičs 2002, 2003). В 2002 г. он участвовал во 2-м Международном Латгальском конгрессе.

Весьма неожиданной среди работ Э. Мугуревича по ранней истории Латвии выглядит его монография о судьбе полковника Оскара Калпака [Oskars Kalpaks] — командира Латышского батальона — первого формирования вооруженных сил Латвийской Республики. Интерес к Калпаку у ученого-археолога в немалой степени был связан с тем, что они

⁴ Хронику научной деятельности Э. Мугуревича см.: Ēvalds Mugurēvičs 2006: 9–20.

были земляками, оба родились и выросли в Латгале, в пределах нынешнего Мадонского края. В детстве Эвалд видел памятник, поставленный до войны Калпаку, об этом герое Освободительной войны ему рассказывал отец (Broka 2021: 10). О Калпаке много писали в 1920–1930-х гг., но очень мало — в советское время. Мугуревич много лет собирал материалы о легендарном командире. Первая его публикация о Калпаке появилась еще в годы перестройки в СССР в 1989 г. Показательно, что гонорар за очерк, изданный в трех номерах газеты «Dzimtenes Balss», Мугуревич попросил передать фонду охраны памятников истории и культуры Мадонского района (Mugurēvičs 1989). В очерке, а позже в книге (Mugurēvičs 2005, 2007) автор рассказывает о происхождении Калпака — из семьи бедного крестьянина, большими усилиями ставшего полноправным хозяином, о карьере офицера русской армии, участии в Первой мировой войне и военных наградах, а затем о возвращении на родину и поддержке Временного демократического правительства Латвии во главе формирования национальных вооруженных сил. Наиболее важная часть книги связана с событиями 1918–1919 гг., в которой автор показывает, что политика национализации крестьянских земель, проводимая советским правительством Латвии в начале 1919 г., стала решающей в выборе Калпаком своего места в борьбе за национальное государство, хотя ему не нравился вынужденный союз Временного демократического правительства Латвии с войсками Ландесвера — прибалтийско-немецких помещиков, не желавших потерять господствующее положение в Прибалтике, в столкновении с которыми (случайном или не случайном) он погиб.

Выход в свет книги, совпавший к тому же с открытием в центре Риги памятника Оскару Калпаку, вызвал большой резонанс и в самой Латвии, и в латвийской диаспоре. Знаменательно, что презентации книги и памятника состоялись одновременно в Военном музее. На презентации книги в Военном музее автор подчеркнул, что Калпак был первым командиром первого латвийского вооруженного формирования, но не первым командиром Национальной армии, как обычно его называли, поскольку армии тогда еще не было и в Латвии хозяйничали войска Ландесвера (Kļaviņš 2005). А в развернутой рецензии на книгу историк Р. Трейс назвал книгу «достоверным документом», в котором автор, как и «присуще настоящему археологу, /.../ каждое число и каждый факт проверил по архивным или другим источникам» (Treijs 2005).

За свою огромную научную деятельность и популяризацию археологии и истории Латвии Эвалд Мугуревич был в 2011 г. награжден *Большой медалью* Академии наук Латвии, в 2015 г. — получил *Премия А. Швабе*, которой награждаются историки за труды по истории Лат-

вии. Поскольку исследования Э. Мугуревича в области баллистики имели большое значение не только для латышский, но и для литовской истории, в 2013 г. он получил орден Гедимина (Рыцарский крест) «За заслуги перед Литвой» из рук президента Литвы Д. Грибаускайте.

В 2013 г. по воспоминаниям и дневниковым записям Эвалд Мугуревич опубликовал большую книгу о своей жизни, описывая свой путь от деревенского пастушка до академика, о своих родных, о людях, с которыми он встречался, о том, что происходило в Латвии. События в книге доведены до 2011 г. (Mugurēvičs 2013). Сама по себе эта книга, в которой он подробно описывает порой даже какие-то мелочи окружавшей его жизни и быта, может стать в скором времени источником по истории Латвии XX в.

В начале XXI в. он как-то сказал, что, когда будет больше свободно времени, приведет в порядок огромное количество накопившихся у него в домашнем архиве фотографий. Это надо сделать, чтобы потомки знали, чем он занимался, имели правильное о нем представление. Часть фотолетописи его жизни помещена в книгу. В научном же мире представление о нем будут хранить его монографии и статьи.

Академик Латвийской академии наук Эвалд Мугуревич скончался у себя на родине 23.11.2018 г.

* * *

В Хакасии есть горная вершина, которая носит имя археолога Л. Р. Кызласова. В Латвии в Лудзе около бывших раскопок Люцинского могильника есть улица Романова — в честь археолога Е. Р. Романова. Может быть, имя Эвалда Мугуревича тоже будет сохранено на карте Латвии.

ЛИТЕРАТУРА

- История Латвийской ССР 1952 — История Латвийской ССР Т. 1. С древнейших времен до 1860 г. / Отв. ред. Я. Зутис. Рига, 1952.
- Ковальчук 2020 — С. Н. Ковальчук. Корона короля Ерсики для добровольного друга // Россия и Балтия. В. 9: Источник и миф в истории. М., 2020.
- Люцинский могильник 1893 — Древности Сѣверо-Западнаго края. Т. I. Вып. 2. Люцинскій могильникъ // Матеріалы по исторіи Россіи. Спб., 1893.
- Магузова, Назарова 2002 — В. И. Матузова, Е. Л. Назарова. Крестonosцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. (по латинским, немецким и русским источникам). Тексты, переводы, вступительные статьи, комментарии). М., 2002; второе издание с изменениями и дополнениями: М., 2020.

- Моора, Лиги 1969 — *Х. Моора, Х. Лиги*. Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. Таллинн, 1969.
- Мугуревич 1965 — *Э. С. Мугуревич*. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. [Текст]: Экономические связи с Русью и другими территориями: Пути сообщения. Рига, 1965.
- Мугуревич 1983 — *Э. С. Мугуревич*. Замки и сельские поселения Ливонии (по археологическим материалам и письменным сведениям Латвии конца XII – середины XVI века). Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1983.
- Назарова 1990 — *Е. Л. Назарова*. История лейманов в Ливонии. М., 1990.
- Шноре 1961 — *Э. Д. Шноре*. Асотское городище // Материалы по археологии Латвии. Т. II. / перевод на русский язык Р. П. Шноре, отв. ред. Т. Я. Зейдс. Рига, 1961.
- Arī lauksaimniecības 1942 — Arī lauksaimniecības ražojumu cenas ir noteiktas // Rēzeknes Ziņas. 1942. 16.09. № 71.
- Atskaņu hronika 1998 — Atskaņu hronika = Livländische Reimchronik / V. Bisenieka atdzejojums no vācu valodas, Ē. Mugarēviča priekšvārds, Ē. Mugarēviča un K. Kļaviņa komentāri. Rīga, 1998. [Рецензию на книгу см: Е. Л. Назарова. Livländische Reimchronik. Atskaņu Hronika. (Рифмованная хроника) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999. М., 2001].
- Broka 2021 — *I. Broka*. Akadēmiķis Ēvalds Mugarēvičs (06.04.1931.–23.11.2018.) // Varakļonīts. 2021. gada marts. № 3 (314).
- Caur gadsimtiem 2000 — Caur gadsimtiem. Rakstu krājums veltīts Valdemāram Ģinteram (1899–1979). Rīga, 2000.
- Ēvalds Mugarēvičs 2006 — Ēvalds Mugarēvičs. Biobibliogrāfija. Rīga, 2006.
- Fekters 1953 — *A. Fekters*. Strādāt labāk! // Padomju Students. 1953. 28.02. № 5.
- Franciscus 2010 — *Franciscus de Moliano*. Conscriptio inquisitionis testium 1312 = Franciska no Moliano izmeklēšadenu protokols 1312 gadā. Rīga, 2010.
- Galīgi piešķirtās zemes 1925 — Galīgi piešķirtās zemes // Zemes rīcības Vēstnesis. 1925.29.11. № 173.
- Gaujēna 2021 — *I. Gaujēna*. Arheologam Vladislavam Urtānam — 100: <http://www.madonasmuzejs.lv/lv/arheologam-vladislavam-urt%C4%8Inam-%E2%80%93100> (обращение 25.01.2022).
- Indriķa hronika 1993 — Indriķa hronika = Heinrici chronicon / A. Feldhūna tulkojums, Ē. Mugarēviča priekšvārds, komentāri un kopsavilkums vācu valodā. Rīga, 1993. (второе издание: Rīga, 2001).
- Kaimiņš palīdz kaimiņam 1939 — Kaimiņš palīdz kaimiņam // Daugavas Vēstnesis. 1939.18.10. № 101.
- Kāne 1976 — *K. Kāne*. Grāmata, kas jāprot lasīt // Padomju Venta. 1976. № 92. 12.06.

- Karnupam 2004 — Arheologam un etnogrāfam Ādolfam Karnupam — 100 // Pētījumi zemgaļu senatnē. Latvijas Vēstures muzeja raksti, 2004. Nr. 10.
- Kļaviņš 2005 — *A. Kļaviņš*. Oskara Kalpaka atceres pēcpusdiena Kaŗa mūzejā. Arī grāmata var būt pieminēklis // Brīva Latvija. 2005. № 12.19.03.
- Latvijas arheoloģija 1974 — Latvijas PSR arheoloģija. Rīga, 1974.
- Latvijas senākā vēsture 2001 — Latvijas senākā vēsture: 9.g.t. pr. Kr. — 1200.g. / Atb. red. J. Graudonis. Rīga, 2001. [Развернутую аннотацию на эту книгу см. E. J. Назарова. Latvijas senākā vēsture. 9.g.t.pr.Kr. — 1200 g. Rīga, 2001 // Балто-славянские исследования. XVI. М., 2004]
- Ludvigs Mugurevičs, geni — Ludvigs Mugurevičs: <http://www.geni.com/people/Ludvigs-Mugurevičs/6000000171491014822> (обращение 8.01.2022).
- Mugurēvičs 1975 — *Ē. Mugurēvičs*. Pa visstāvākajām kraujām // Rīgas Balss. 1975. № 11. 14.01.
- Mugurēvičs 1976 — *Ē. Mugurēvičs*. Gaist noslepumainības migla // Padomju Venta. 1976. № 92. 12.06.
- Mugurēvičs 1977 — *Ē. Mugurēvičs*. Olinķana un Lokstenes pilsnovadi: 3–15 gs. Arheoloģiskie pieminēkli. Rīga, 1977.
- Mugurēvičs 1978 — *Ē. Mugurēvičs*. Barkavas senātnē // Stars (Madona). 1978. 14.02. № 20, 16.02. № 21, 18.02. № 22, 21.02. № 23, 25.02. № 25.
- Mugurēvičs 1989 — *Ē. Mugurēvičs*. Leģenda un vēsturiskā istēnība. Pulkveŗa Oskara Kalpaka (1882–1919) dzīves ceļš un cīņu gaitis // Dzimtenes Balss. 1989. № 19. 11.05; № 20. 18.05; № 21. 25.05.
- Mugurēvičs 1995 — *Ē. Mugurēvičs*. Latvijas vēstures institūta arheologu darbs piecdesmit gados // Latvijas Vēstures Institūta Źurnāls. 1995. № 4.
- Mugurēvičs 1997 — *Ē. Mugurēvičs*. Elvīras Šnores dzīves un zinātniskās darbības apraksts // Arheologi Elvīra Šnore (1905–1996) un Rauls Šnore (1901–1962). Biobibliogrāfija. Vēstules. Laikabiedru atmiņas. Rīga, 1997.
- Mugurēvičs 1997a — *Ē. Mugurēvičs*. Elvīra Šnore — Asotes pilskalna pētniece // Arheologi Elvīra Šnore (1905–1996) un Rauls Šnore (1901–1962).
- Mugurēvičs 2002 — *Ē. Mugurēvičs*. Varakļānu vēsture un ģeogrāfija // Varakļāni un varakļānieŗi: kultūrvēsture, atmiņas, apcerējumī. Rēzekne, 2002.
- Mugurēvičs 2003 — *Ē. Mugurēvičs*. Varakļānu vēsture un ģeogrāfija // Varakļāni un varakļānieŗi: kultūrvēsture, atmiņas, apcerējumī. Rēzekne, 2003.
- Mugurēvičs 2005 — *Ē. Mugurēvičs*. Oskars Kalpaks. Pirmā pasaules kara un Latvijas Atbrīvoŗanas cīņu varoņa dzīves un kauju ceļš. Rīga, 2005; 2- e издание: Rīga, 2007.
- Mugurēvičs 2008 — *Ē. Mugurēvičs*. Viduslaiku ciens un pils Salaspils novadā. Rīga, 2008.
- Mugurēvičs 2013 — *Ē. Mugurēvičs*. Mana dzīve — no ganuzēna līdz akadēmiķim: vēsturnieka liecības par savu darbu, laikabiedriem un radiniekiem. Rīga, 2013.

- Mugurēvičs, Vilcāne 2000 — *Ē. Mugurēvičs, A. Vilcāne*. Jersikas arheoloģiskās pētniecības desmitgade // Arheoloģiskie pētījumi Latvijā 1998. un 1999. gadā. Rīga, 2000.
- Mugurēvičs, Zariņa 1996 — *Ē. Mugurēvičs, A. Zariņa*. Elvīra Šnore // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 1996. № 4.
- Šnore 1993 — *E. Šnore*. Agrā dzels laikmeta uzkalniņi Latvijas austrumu daļā. / zin.red. Ē. Mugurēvičs. Rīga, 1993.
- Šnore 2001 — Arheologam un numismātam Raulam Šnore 100 // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 2001. № 1.
- Trejs 2005 — *R. Trejs*. Oskars Kalpaks zinātnieka skatījumā // Latvijas Vēstnesis. 2005. № 62.20. 04.
- Vartberges 2005 — Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae = Vartberges Hermaņa Livonijas hronica. Rīga, 2005.
- Vilcāne 2004 — *A. Vilcāne*. Senā Jersika. Rīga, 2004.
- Zeile 2003 — *P. Zeile*. Jersikas gravitācija un starojums. Latgaļu senvalstij — 800 // Dziesmusvētki: tautas māksla, kultūrvide. 2003. № 10–11, 01.10.
- Zemītis 1998 — *G. Zemītis*. Latviešu arheoloģei Lūcijai Vankinai — 90 // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 1998. № 2.
- Zemītis, Vilcāne 2018 — *G. Zemītis, A. Vilcāne*. Akadēmiķis Ēvalds Mugurēvičs. (06.04.1931.–23.11.2018) // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. 2018.

E. И. Назарова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексей Викторович Андронов

✉: baltistica@gmail.com

кандидат филологических наук, главный библиотекарь
Отдела национальных литератур Российской национальной библиотеки
(Санкт-Петербург)

Петр Михайлович Аркадьев

✉: alpgurev@gmail.com

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института
славяноведения РАН, профессор Института лингвистики РГГУ (Москва)

Сергей Григорьевич Болотов

✉: baltaitis@yandex.ru

научный сотрудник Института мировой культуры
МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Оярс Бушс (Ojārs Bušs)

хабилированный доктор филологии, главный научный сотрудник,
зав. отделом ономастики, зам. директора по научной работе
Института латышского языка Латвийского университета (Рига, Латвия)

Марина Михайловна Валенцова

✉: mvalent@mail.ru

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института славяноведения РАН (Москва)

Андрей Иванович Даниленко (Андрій Іванович Даниленко)

доктор филологических наук,
сотрудник Украинского Научного Института при Гарвардском университете;
полный профессор кафедры современных языков и культур
Университета Пейс (Нью-Йорк, США)

✉: adanylenko@pace.edu

Олег Иванович Дзярнович (Алег Іванавіч Дзярновіч)

кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института истории НАН Белоруссии (Минск)

✉: aleh.dziarnovich@gmail.com

Пьетро Умберто Дини (Pietro Umberto Dini)

✉: pietro.dini@unipi.it

хабилированный доктор филологии,
профессор Пизанского университета (Пиза, Италия)

Анна Владимировна Дыбо

✉: adybo@mail.ru

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, зав. Отделом урало-
алтайских языков Института языкознания РАН; ведущий научный сотрудник
Центра компаративистики Института восточных культур РГГУ (Москва)

Владимир Антонович Дыбо

✉: vdybo@mail.ru

академик РАН, доктор филологических наук,
главный научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Мария Вячеславовна Завьялова

✉: mariazavyalova@gmail.com

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института
славяноведения РАН (Москва)

- Николай Николаевич КАЗАНСКИЙ** : nkazansky@iling.spb.ru
академик РАН, доктор филологических наук, научный руководитель
Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург),
профессор филологического факультета Санкт-Петербургского
университета; главный научный сотрудник РГГУ
- Янина Курсите (Janīna Kursīte)** : kursite@hotmail.com
академик Академии наук Латвии, хабилитированный доктор филологии,
профессор гуманитарного факультета Латвийского университета
(Рига, Латвия)
- Нийоле Лауринкене (Nijolė Laurinkienė)** : nlaurinkiene@yahoo.com
хабилитированный доктор гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник
Института литовской литературы и фольклора (Вильнюс, Литва)
- Евгения Львовна Назарова** : ezis08@gmail.com
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН (Москва)
- Никита Викторович Супрунчук (Мікіта Віктаравіч Супрунчук)**
кандидат филологических наук, : ms@philology.by
доцент Минского государственного лингвистического университета
(Минск, Беларусь)
- Светлана Михайловна Толстая** : smtolstaya@yandex.ru
академик РАН, доктор филологических наук, зав. Отделом этнолингвистики
и фольклора Института славяноведения РАН (Москва)
- Антон Владимирович Циммерлинг** : fagraey64@hotmail.com
доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник
Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина;
ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва)

Научное издание

Балто-славянские исследования

XXI

Сборник научных трудов

Подписано в печать 30.12.2021.

Формат 60×90¹/₁₆.

Гарнитуры:

Times New Roman

© 2020 The Monotype Corporation (Monotype Imaging, Inc.)

(дизайн: Monotype Type Drawing Office — Stanley Morison, Victor Lardent, 1932).

Ізнітса © 2009 ParaType, Inc.

(дизайн: НПО «Полиграфмаш» — Светлана Михайловна Ермолаева, 1988)

Печ. л. 29. Усл. печ. л. 29,13. Уч.-изд. л. 28,4.

Бумага офсетная. Цифровая печать.

Тираж 500 экз.

Заказ № 107.

Отпечатано с электронной версии в типографии

ООО «ПОЛИМЕДИА».

143 001, Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13, оф. 528.

☎: +7-495-159 86 11; ✉: polymedia@list.ru.